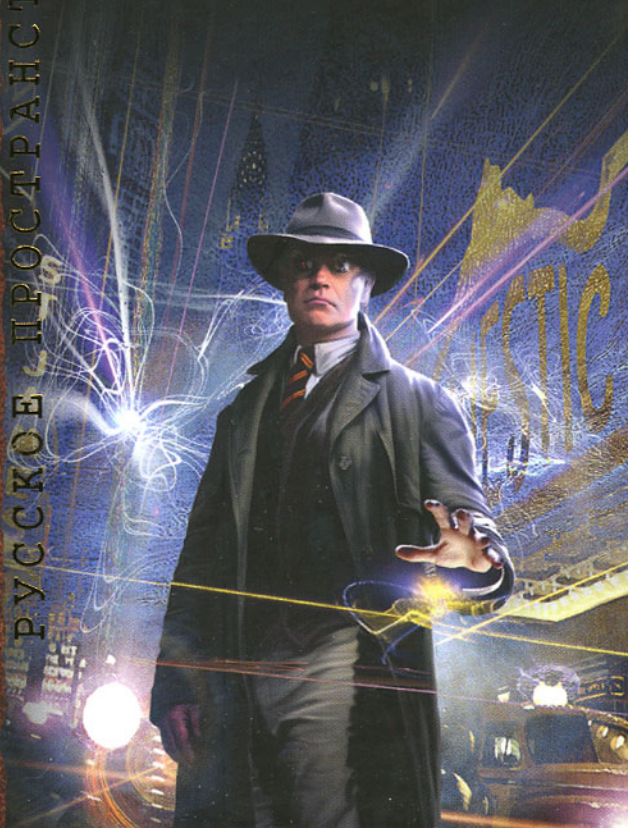
Александр

БЕЛЯЕВ

НЕВИДИМЫЙ СВЕТ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Александр

БЕЛЯЕВ

Александр

БЕЛЯЕВ

ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ

ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА

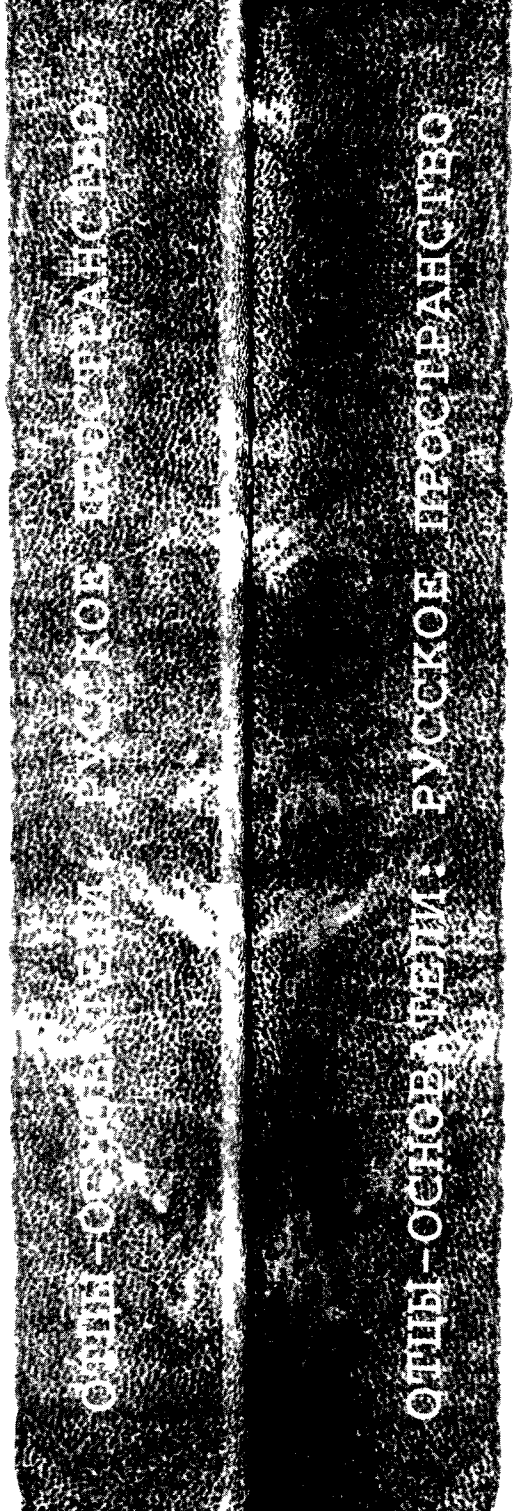
ПРЫЖОК В НИЧТО

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ

АРИЭЛЬ

НЕВИДИМЫЙ СВЕТ

ИЗОБРЕТЕНИЯ ПРОФЕССОРА ВАГНЕРА

Александр

БЕЛЯЕВ

Повести и рассказы

ЭКСМО
Москва
2010

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 44

Составители *Евгений Харитонов* и *Дмитрий Байкалов*

Оформление серии художника *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Анатолия Дубовика*

Данное собрание печатается с одобрения
Светланы Александровны Беляевой

Беляев А. Р.

Б 44 Невидимый свет : фантастические произведения / Александр Беляев. — М. : Эксмо, 2010. — 576 с. — (Отцы-основатели: русское пространство).

ISBN 978-5-699-41035-4

В шестой том полного собрания сочинений Александра Беляева вошли фантастические повести и рассказы разных лет. Более десяти произведений этого тома ни разу не переиздавались с 1920—1930-х годов, и современный читатель прочитает их впервые.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-41035-4

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ

I. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

— Прошу садиться...

Мисс Адамс опустилась в глубокое кожаное кресло. Пока профессор Керн вскрывал и читал письмо, она бегло осмотрела кабинет.

Какая мрачная комната! Но заниматься здесь хорошо: ничто не отвлекает внимания. Лампа с глухим абажуром освещает только письменный стол, заваленный книгами, рукописями, корректурными оттисками. Глаз едва различает солидную мебель черного дуба. Темные обои, темные драпри. В полумраке поблескивает только золото тисненых переплетов в тяжелых шкафах. Старинные стенные часы медлительно и важно режут ленту времени длинным маятником.

Переведя взгляд на Керна, мисс Адамс улыбнулась мысли: кто-то очень удачно подобрал его под стиль кабинета.

Будто вырубленная из черного дуба, его тяжеловесная, суровая солидная фигура казалась частью меблировки. Большие очки в черепаховой оправе напоминали два циферблата часов. Как маятники, двигались его зрачки серо-стального цвета, переходя со стороны на сторону письма. Прямоугольный нос, прямой разрез рта и квадратный, выдающийся вперед подбородок придавали лицу вид стилизованной декоративной маски, вылепленной скульптором-кубистом.

Камин украшать такой маской, а не письменный стол, подумала мисс Адамс.

— Коллега Смит говорил уже о вас. Да, мне нужна помощница. Вы медичка? Отлично. Семь долларов в день. Расчет еженедельный. Работа несложная. Но я ставлю одно непременное условие...

Побарабанив сухими пальцами по столу, профессор Керн задал неожиданный вопрос:

— Вы умеете молчать?.. Все женщины болтливы! Вы женщина — это плохо. Вы красивы — это еще хуже.

— Но какое отношение?..

— Самое близкое! Самое близкое. Красивая женщина — женщина вдвойне. Значит, вдвойне обладает и женскими недостатками. Если их еще нет у вас, может быть муж, друг, жених. И тогда — все тайны к черту!

— Но...

— Никаких «но»! Вы должны быть немы, как рыба. Вы должны молчать обо всем, что услышите здесь. Принимаете это условие?.. Должен предупредить: неисполнение этого условия повлечет за собой крайне неприятные для вас последствия. Крайне неприятные!

Мисс Адамс была смущена и заинтересована.

— Я согласна, если во всем этом нет...

— Преступления, хотите вы сказать? Можете быть совершенно спокойны. И вам не грозит никакая ответственность... Ваши нервы в порядке?

— Я здорова...

Профессор Керн кивнул головой. Его сухой, острый палец впился в кнопку электрического звонка.

Дверь бесшумно открылась.

В полумраке комнаты, как на проявляемой фотографической пластинке, мисс Адамс увидала только белки глаз, затем постепенно проявились блики лоснящегося лица негра. Черные волосы и костюм сливались с темными драпри двери.

— Джон, покажите мисс лабораторию.

Негр кивнул головой, предлагая следовать за собой, и открыл вторую дверь.

Мисс Адамс вошла в совершенно темную комнату.

Щелкнул выключатель, и яркий свет от матовых полушарий на потолке залил комнату. Мисс Адамс невольно прикрыла глаза... После полумрака кабинета белизна стен слепила глаза. Сверкали стекла шкафов с блестящими хирургическими инструментами. Холодным светом горели сталь и алюминий различных аппаратов. Темными, желтыми бликами ложился свет на медных полированных частях. Трубы, колбы, машины. Стекло и металл.

Посреди комнаты стоял большой прозекторский стол. На столе лежал труп человека без головы. Грудная клетка была вскрыта. Рядом со столом стоял стеклянный ящик, и в нем пульсировало человеческое сердце. От сердца шли трубки к баллонам.

Мисс Адамс повернула голову в сторону и вдруг увидела нечто, заставившее ее вздрогнуть, как от электрического удара.

На нее смотрела человеческая голова — одна голова, без туловища.

Она была прикреплена к квадратной стеклянной доске. Доску поддерживали четыре высокие, блестящие, металлические ножки. Из отреза шеи, от аорт, через отверстия в стекле, шли две трубки к баллонам. Третья, более толстая трубка выходила из горла и сообщалась с большим цилиндром. Цилиндр и баллоны были снабжены кранами, манометрами, термометрами и какими-то неизвестными приборами.

Голова внимательно и скорбно смотрела на мисс Адамс, мигая веками. Не могло быть сомнения: голова жила, отделенная от тела, жила самостоятельной и сознательной жизнью.

Несмотря на потрясающее впечатление, мисс Адамс не могла не заметить, что эта голова была удивительно похожа на недавно умершего известного ученого, хирурга, профессора Доуэля, прославившегося своими опытами оживления органов, вырезанных из свежего трупа. Мисс Адамс не раз была на его блестящих публичных лекциях, и ей хорошо запомнился этот высокий лоб, характерный профиль, волнистые, посеребренные сединой русые волосы головы и бороды, голубые глаза... Да, это была голова профессора Доуэля! Только губы и нос его стали тоньше, суше, виски и щеки втянулись, глаза глубже запали в орбиты, и белая кожа приобрела желто-темный оттенок мумий... Но в глазах светилась живая человеческая мысль...

Мисс Адамс почувствовала, как шевелятся у ней корни волос... но она, как зачарованная, не могла оторвать своего взгляда от этих голубых глаз...

Голова беззвучно шевельнула губами...

Это было слишком для нервов мисс Адамс. Она почувствовала, что близка к обмороку. Негр поддержал ее и вывел из лаборатории.

— Это ужасно... это ужасно... — повторяла мисс Адамс, опустившись в кресло.

Профессор Керн молча барабанил пальцами по столу.

— Скажите, неужели эта голова...

— Профессора Доуэля? Да, это его голова. Голова Доуэля, моего умершего уважаемого коллеги, возвращенная мною к жизни. К сожалению, я мог воскресить одну только голову. Не все сразу! Мы, ученые, и так вторгаемся в «незыблемые законы» природы, бросаем вызов самой смерти и отбиваем хлеб у чудотворцев и самого божества. Но не все сразу, говорю я. Бедный Доуэль страдал неизлечимым пока недугом. Умирая, он завещал свое тело для научных опытов, которые мы вели с ним вместе. «Вся моя жизнь была посвящена науке. Пусть же науке послужит и моя смерь. Я предпочитаю, чтобы в моем трупе копался мой друг-ученый, а не могильный червь». Вот какое завещание оставил профессор Доуэль.

И, чтобы перевести разговор на другую тему, профессор Керн спросил:

— Итак, вы принимаете мое предложение? Отлично! Я жду вас завтра к девяти утра. Но помните: молчание, молчание и молчание!..

II. ТАЙНА ЗАПРЕТНОГО КРАНА

Мисс Адамс нелегко давалась жизнь. Ей было семнадцать лет, когда умер ее отец. На плечи мисс Адамс легла забота о больной матери и младшей сестре. Небольших средств, оставшихся после отца, не хватило даже на окончание высшего образования. Приходилось учиться и поддерживать семью. Несколько лет она работала корректором в газете. Получив звание врача, тщетно пыталась она найти место. Были предложения ехать в Южную Америку — в гиблые места, где свирепствовала желтая лихорадка. Мисс Адамс не решалась ехать туда с семьей, не хотелось бросать и семью. Предложение профессора Керна явилось для нее выходом из положения. Несмотря на всю странность работы, она согласилась без колебаний.

Мисс Адамс не знала, что профессор Керн прежде, чем предложить ей место у себя, наводил о ней тщательные справки.

Уже две недели работала она у Керна. Обязанности ее были несложны. Она должна была в продолжение дня следить за аппаратами, поддерживающими жизнь головы. Ночью ее сменял Джон.

Профессор Керн объяснил ей, как нужно обращаться с кранами у баллонов. Указав на большой цилиндр, от которого шла толстая трубка к горлу головы, Керн строжайше запретил ей открывать кран этого цилиндра.

— Довольно повернуть этот кран, как голова будет немедленно убита! Как-нибудь я объясню вам мою систему питания головы и назначение этого цилиндра. Пока вам довольно знать, как обращаться с аппаратами.

С обещанными объяснениями профессор Керн, однако, не спешил.

В одну из ноздрей головы был глубоко вставлен маленький термометр. В определенные часы нужно было вынимать его и записывать температуру. Термометрами же и манометрами были снабжены и баллоны. Нужно было следить за температурой жидкостей и давлением. Но хорошо отрегулированные аппараты не доставляли хлопот, действуя с точностью часового механизма. Наконец, особой чувствительности прибор, приставленный к виску головы, отмечал пульсацию, механически вычерчивая кривую. Нужно было через известные промежутки заменять ленту. Содержимое баллонов пополнялось в отсутствие мисс Адамс — до ее прихода.

Мисс Адамс несколько привыкла к голове и даже сдружилась с нею.

Когда она утром входила в лабораторию, с порозовевшими от ходьбы и свежего воздуха щеками, голова слабо улыбалась ей, и веки головы дрожали в знак приветствия.

Голова не могла говорить. Но между ними скоро установился условный язык — хотя и очень ограниченный в мимической части лексикона. Опускание головою век означало «да». Поднятие их вверх — «нет». Несколько помогали и беззвучно шевелящиеся губы.

При помощи этого мимического языка головы и обычной речи мисс Адамс им удавалось даже вести разговор «по вопросно-ответному методу»: мисс Адамс задавала вопросы, голова сигнализировала «да» или «нет».

— Ну, как вы себя сегодня чувствуете? — спросила мисс Адамс.

Голова улыбнулась и опустила веки — «хорошо, благодарю»...

— Как провели ночь?

Та же мимика.

Мисс Адамс забрасывала голову вопросами и проворно исполняла утренние обязанности. Проверила аппараты, температуру, пульс. Сделала записи в журнале. Затем, с величайшей осторожностью, омыла водой со спиртом лицо головы при помощи мягкой губки, вытерла гигроскопической ватой. Сняла кусочек ваты, повисший на щеке. Промыла глаза, уши, нос и рот. В рот и нос для этого вводились особые трубки. Привела в порядок волосы.

Руки ее проворно и ловко касались головы. На лице головы было довольное выражение.

— Сегодня чудесный день, — оживленно говорила мисс Адамс. — Легкий, морозный воздух. Так и хочется дышать всей грудью. Смотрите, как ярко светит солнце. Совсем по-весеннему!

Углы губ профессора Доуэля печально опустились. Глаза с тоской глянули на окно и остановились на мисс Адамс.

Она покраснела от легкой досады на себя. Она, с инстинктивной чуткостью женщины, избегала говорить обо всем, что было недостижимо для головы и могло лишний раз напомнить об убожестве ее физического существования.

Она испытывала какую-то материнскую жалость к голове, как к беспомощному, обиженному природой ребенку.

— Ну-с, давайте заниматься, — поспешно сказала мисс Адамс, чтобы поправить свою ошибку.

По утрам, до прихода профессора Керна, голова занималась чтением. Мисс Адамс приносила ворох последних медицинских журналов и книг и показывала их голове. Голова просматривала; на нужной статье шевелила бровями. Мисс Адамс клала журнал на пюпитр, и голова погружалась в чтение. Мисс Адамс привыкла, следя за глазами головы, угадывать, какую строчку голова читает, и вовремя переворачивала страницы.

Когда нужно было на полях сделать отметку, голова делала знак, и мисс Адамс проводила пальцем по строчкам, следя за глазами головы, и отмечала карандашом черту на полях.

Для чего голова заставляла делать на полях эти отметки, мисс Адамс не понимала; но при помощи их бедного мимического языка она не надеялась получить разъяснения и потому не спрашивала.

Но однажды, проходя через кабинет профессора Керна в его отсутствие, она увидела на письменном столе журналы со сделанными ею по указанию головы отметками. А на листе бумаги, рукою профессора Керна, несколько таких заметок было переписано. Это заставило ее задуматься.

Вспомнив сейчас об этом, мисс Адамс не удержалась от вопроса:

— Скажите, зачем мы отмечаем некоторые места в научных статьях?

Лицо профессора Доуэля выразило неудовольствие и нетерпение. Голова выразительно посмотрела на мисс Адамс, потом на кран, от которого шла трубка к горлу головы, и два раза подняла брови. Это означало просьбу. Мисс Адамс поняла, что голова хочет, чтобы мисс Адамс открыла этот запретный кран. Уже не в первый раз голова обращалась к ней с такой просьбой. Но мисс Адамс объясняла желание головы по-своему: голова, очевидно, хочет покончить со своим безотрадным существованием. Мисс Адамс не решалась открыть запретный кран. Она боялась ответственности, боялась потерять место.

— Нет, нет, — со страхом ответила мисс Адамс на просьбу головы, — если я открою этот кран, вы умрете! Я не хочу, не могу, не смею убивать вас!

От нетерпения и сознания бессилия по лицу головы прошла судорога. Голова заскрипела зубами.

Три раза голова энергично поднимала вверх веки и глаза...

«Нет, нет, нет... я не умру», — так поняла мисс Адамс. Она колебалась.

Голова стала беззвучно шевелить губами, и мисс Адамс показалось, что эти губы пытаются сказать: «Откройте, откройте, умоляю...»

Любопытство мисс Адамс было возбуждено до крайней степени.

Она почувствовала, что здесь скрывается какая-то тайна... Она и раньше не совсем доверяла словам профессора Керна о смертоносности запретного крана.

Между тем в глазах головы светилась безграничная тоска... Глаза просили, умоляли, требовали... Казалось, вся сила человеческой мысли, все напряжение воли сосредоточились в этом взгляде.

И мисс Адамс решилась.

С сильно бьющимся сердцем, дрожащею рукою она осторожно приоткрыла кран.

Тотчас из горла головы послышалось шипенье. Мисс Адамс услышала слабый, глухой, надтреснутый, как испорченный граммофон, голос головы.

— Бла-го-да-рю... вас!..

Запретный кран пропускал сжатый в цилиндре воздух. Проходя через горло головы, воздух приводил в движение горловые связки, и голова получала возможность говорить. Мышцы горла и связки не могли уже действовать нормально, и потому воздух с шипеньем проходил через горло и тогда, когда голова не говорила. А ослабленные горловые связки придавали голосу этот глухой, дребезжащий тембр.

Лицо головы выражало удовлетворение.

Но в этот момент послышались шаги в кабинете и звук открываемого замка — дверь лаборатории всегда закрывалась ключом со стороны кабинета.

Мисс Адамс едва успела повернуть кран на место. Шипенье в горле головы прекратилось.

Вошел профессор Керн.

III. ГОЛОВА ЗАГОВОРИЛА

С тех пор как мисс Адамс открыла тайну запретного крана, прошло около недели.

За это время между мисс Адамс и головой установились еще более дружеские отношения. В те часы, когда профессор Керн уходил в университет, мисс Адамс открывала кран, направляя в горло головы небольшую струю воздуха, чтобы голова могла говорить внятным шепотом. Тихо говорила и мисс Адамс. Они опасались, чтобы негр не услышал их разговора.

На голову профессора Доуэля их разговоры, видимо, производили благотворное действие. Глаза стали живее, и даже скорбная морщина меж бровей разгладилась.

Голова говорила много и охотно, как бы вознаграждая себя за время вынужденного молчания.

Прошлую ночь мисс Адамс видала во сне голову профессора Доуэля и, проснувшись, подумала: видит ли сны голова профессора Доуэля?

— Сны... — тихо прошипела голова. — Да, я вижу сны.

Лицо головы просветлело от воспоминаний, но тотчас омрачилось. Будто луч осеннего солнца пробрался на мгновенье сквозь серую пелену осенних туч и погас...

— Прошлой ночью я видел во сне моего сына... Как бы я хотел посмотреть на него еще раз!.. Но я не смею подвергать его этому испытанию... Для него я умер...

— Он взрослый?.. Где он находится сейчас?

— Да, он взрослый... он почти одних лет с вами или немного старше. Кончил университет... В настоящее время должен находиться в Англии, у своей тетки по матери... Нет, лучше бы не видеть снов!

Сейчас я веду существование почти бесплотного духа. И какой смешной, нелепой кажется мне мечта об этом бесплотном существовании! Мы — сыны земли, из плоти и крови. И мы можем быть счастливы только с нашей милой землей и на земле. Знаете ли вы, что значит жить без тела, одним сознанием?

Меня не только мучат сны своей обманчивой реальностью. Наяву меня мучат обманы чувств. Как это ни странно, иногда мне кажется, что я чувствую свое тело. Мне вдруг захочется вздохнуть полной грудью, потянуться, расправить широко руки, как это делает засидевшийся человек. А иногда я ощущаю подагрическую боль в левой ноге. Не правда ли, смешно? Хотя, как врачу, это должно быть вам понятно. Боль так реальна, что я невольно опускаю глаза вниз и, конечно, сквозь стекло вижу под собой пустое пространство и каменные плиты пола... По временам мне кажется, что сейчас начнется припадок удушья, тогда я почти доволен своим «посмертным» существованием, избавляющим меня хоть от астмы... Все это — чисто рефлективная деятельность мозговых клеток, связанных когда-то с жизнью тела...

— Все это ужасно!.. — не удержалась мисс Адамс.

— Да, ужасно...

— Странно, при жизни мне казалось, что я жил одной работой мысли. Я, право, как-то не замечал своего тела, весь погруженный в научные занятия. И только потеряв тело, я почувствовал, чего я лишился... Мир ощущений тела! Сколько здесь наслаждения! Теперь, как никогда за всю мою жизнь, я думаю о запахах цветов, душистого сена где-нибудь на опушке леса, о дальних прогулках пешком, о шуме морского прибоя... Утратив тело, я утратил мир — весь необъятный прекрасный мир вещей, которых я не замечал, вещей, которые можно взять, потрогать, и в то же время почувствовать свое тело — себя! О, я бы охотно отдал все это химерическое существование за одну радость почувствовать в своей руке тяжесть простого булыжника! Я завидую грузчику, который изнемогает под тяжестью груза на своей спине... Я только теперь понял, что даже в физической боли есть доля наслаждения. Боль — это крик живого тела!.. Да... от недостатка осязательных ощущений я страдаю больше всего.

В тот вечер, разбираясь в своих впечатлениях, мисс Адамс долго не могла уснуть. А во сне ей опять приснилась голова... печальные глаза профессора Доуэля... Мисс Адамс убегала по каким-то корридорам, голова преследовала ее. Двери задерживали ее бег, открывались с трудом, голова настигала... Вот она уже слышит за собой шипящий свист воздуха...

Мисс Адамс проснулась с сильно бьющимся сердцем...

— Однако нервы мои становятся никуда не годными...

Однажды, просматривая перед сном медицинские журналы, мисс Адамс прочла статью профессора Керна о его новой научной работе. В этой статье ее внимание обратили на себя ссылки Керна на некоторые работы других ученых. Все это были выдержки из научных журналов и книг, которые отмечались мисс Адамс по указанию головы во время их утренних занятий.

На другой день, как только представилась возможность поговорить с головой, мисс Адамс спросила:

— Чем занимается профессор Керн в лаборатории в мое отсутствие?

После некоторого колебания голова ответила:

— Мы с ним продолжаем научные работы.

— Значит, и все эти отметки вы делаете для него? Но вам известно, что вашу работу он опубликовывает от своего имени?

— Я догадывался...

— Но это возмутительно!

— Возможно... Но что же я могу поделать?

— Если не можете вы, то это смогу сделать я! — гневно воскликнула мисс Адамс.

— Тише!.. Напрасно... Было бы смешно в моем положении иметь претензию на авторские права! Деньги? На что они мне? Слава? Что может дать мне слава? И потом... если все это откроется, работа не будет доведена до конца. А в этом я сам заинтересован. Признаться, мне хочется видеть результаты моих трудов.

Мисс Адамс задумалась.

— Да, такой человек, как Керн, способен на все, — тихо проговорила она. — Профессор Керн говорил мне, когда я поступила к нему на службу, что вы умерли от неизлечимой болезни и сами завещали свое тело для научных работ. Это правда?

— Мне трудно говорить об этом... Я могу ошибиться... Это правда, но, может быть... не вся правда. Мы работали с ним вместе над оживлением человеческих органов, взятых из свежего трупа. Керн был мой ассистент. Венцом моих трудов должно было явиться разрешение вопроса об оживлении головы. Мною была закончена вся подготовительная работа. Мы уже оживляли головы животных, но не опубликовали наши успехи, пока нам не удастся продемонстрировать оживленную человеческую голову. Перед этим последним опытом, в успехе которого я не сомневался, я передал Керну рукопись о моей научной работе для подготовки к печати. Одновременно мы работали над другой научной работой, которая также была близка к разрешению. В это время со мной случился один из ужасных припадков астмы — той самой болезни, которую я пытался победить. Между мною и ею шла давняя борьба: кто кого? И я действительно завещал свое тело для анатомических работ — хотя и не ожидал, что именно моя голова будет оживлена. Так вот... во время этого последнего припадка Керн был около меня и оказал мне медицинскую

помощь. Он впрыснул мне морфий. Может быть... доза была слишком велика, а может, и астма сделала свое дело...

— Ну, а потом?..

— Потом я проснулся, как после глубокого сна, вот здесь, на этой стеклянной доске... Тело мое лежало на прозекторском столе, и Керн вскрывал грудную клетку... Вот, видите, в этом стеклянном сосуде бьется мое сердце...

Мисс Адамс с ужасом смотрела на голову.

— И после этого... после этого вы продолжаете с ним работать? Если бы не он, вы победили бы астму и были теперь здоровым человеком... Он вор и убийца, и вы возносите его на вершину славы? Вы работаете на него! Он, как паразит, питается вашей мозговой деятельностью, он сделал из вашей головы какой-то аккумулятор творческой мысли и зарабатывает на этом деньги и славу. А вы?.. Что дает он вам? Какова ваша жизнь?.. Вы лишены всего! Вы — несчастный обрубок, в котором еще живут желания! Весь мир украл у вас Керн! Простите меня, но я не понимаю вас! И неужели вы покорно, безропотно работаете на него?..

Голова улыбнулась печальной улыбкой.

— Бунт головы? Это эффектно! Что же мог я сделать? Ведь я лишен даже последней человеческой возможности: покончить с собой.

— Но вы могли отказаться работать с ним.

— И я отказывался. Если хотите, я прошел через это восстание ангелов. Но мой бунт не был вызван тем, что Керн пользуется моим мыслительным аппаратом. В конце концов, какое значение имеет имя автора? Важно, чтобы идея вошла в мир и сделала свое дело. Я бунтовал только потому, что мне тяжело было привыкнуть к моему новому существованию. Я предпочитал смерть жизни...

Я расскажу вам один случай, произошедший в то время. Как-то я был в лаборатории один. Вдруг в окно влетел большой черный жук с клешнями у головы. Откуда он мог появиться в центре громадного города? Не знаю. Может быть, его завез авто, возвращавшийся из загородной поездки. Жук покружился подо мной и сел на стеклянную доску моего столика, рядом со мной. Я, скосив глаза, следил за этим отвратительным насекомым, не имея возможности сбросить его. Лапки жука скользили по стеклу, и он, шурша, медленно при-

ближался к моей голове. Не знаю, поймете ли вы меня... я чувствовал всегда какую-то необычайную брезгливость, чувство отвращения к таким насекомым. Я никогда не мог заставить себя дотронуться до них пальцем. И вот я был бессилен перед этим ничтожным врагом. А для него моя голова была только удобным местом для взлета. И он продолжал медленно приближаться, шурша ножками по стеклу. После некоторых усилий ему удалось зацепиться за волосы бороды. Он долго барахтался, запутавшись в волосах, но упорно поднимался все выше. Так он прополз по сжатым губам, по левой стороне носа, через прикрытый левый глаз, пока, наконец, добравшись до лба, не упал на стекло, а оттуда на пол.

Пустой случай! Но в том настроении, в котором я находился, он произвел на меня потрясающее впечатление.

И, когда пришел профессор Керн, я категорически отказался продолжать с ним научные работы. Я знал, что для публичной демонстрации он не выставит мою голову. Без пользы же для своих работ он не станет держать у себя голову, которая может явиться уликой против него. И он убьет меня. Таков был мой расчет. Между нами завязалась борьба. Он прибег к довольно жестоким мерам. Прижимая к моим вискам концы электрических проводов, он пускал ток, все усиливая его. Казалось, мой мозг просверливают раскаленным буравом.

Он смотрел на меня, но мои губы шептали:

— Нет!

Тогда он начал пускать в питающие меня баллоны вещества, которые вызывали в моей голове новые мучительные боли.

Я был непоколебим.

Он ушел взбешенный, осыпая меня тысячью проклятий. Я торжествовал победу.

Несколько дней Керн не появлялся в лаборатории, и со дня на день я ожидал избавительницы-смерти.

На четвертый или пятый день он пришел как ни в чем не бывало, весело насвистывая песенку.

Не глядя на меня, он стал продолжать работу. Дня два или три я наблюдал за ним, не принимая в ней участия. Но работа не могла не интересовать меня. И когда он сделал, производя опыты, ряд ошибок, которые могли погубить результаты всех наших усилий, я не утерпел и сделал ему знак.

— Давно бы так! — проговорил он с довольной улыбкой и пустил воздух через мое горло. Я объяснил ему ошибки и с тех пор продолжаю руководить работой... Он перехитрил меня!..

IV. ЖЕРТВА БОЛЬШОГО ГОРОДА

С тех пор как мисс Адамс узнала тайну головы, она возненавидела Керна всеми силами души. И это чувство росло с каждым днем. Она засыпала с этим чувством и просыпалась с ним. Она, в страшных кошмарах, видела его во сне. Она была прямо больна ненавистью. В последнее время, при встречах с Керном, она едва удерживалась, чтобы не бросить ему в лицо:

— Убийца!

Она держалась с ним натянуто и холодно.

Возможно, что это настроение поддерживалось ее все более расшатывающимися нервами. Дни, проведенные ею в обществе оживленной головы трупа, — все, что она узнала здесь, все потрясения не могли пройти бесследно. Не мудрено, что во всем этом она считала виновным Керна.

— Я донесу на него! Я буду кричать о его преступлении! Я не успокоюсь, пока не развенчаю эту краденую славу, не раскрою всех его преступлений! Я себя не пощажу...

— Тише... успокойтесь... Я уже говорил вам, что во мне нет чувства мести. Но если ваше нравственное чувство возмущено и жаждет возмездия, я не буду отговаривать вас... только не спешите... я прошу вас подождать до конца наших опытов... Ведь я нуждаюсь сейчас в Керне, как и он во мне. Он без меня не может окончить труд, но также и я без него. А ведь это все, что мне осталось... Больше мне не создать. Но начатые работы должны быть окончены...

В кабинете послышались шаги.

Мисс Адамс быстро закрыла кран и уселась с книжкой в руке, все еще возбужденная. Голова Доуэля опустила веки, как у человека, погруженного в дремоту.

Вошел профессор Керн.

Он подозрительно посмотрел на мисс Адамс.

— В чем дело? Вы чем-то расстроены? Все в порядке?

— Нет... Ничего... Все в порядке... семейные неприятности...

— Дайте ваш пульс.

Мисс Адамс неохотно протянула руку.

— Бьется учащенно... Нервы пошаливают? Для нервных, пожалуй, это тяжелая работа. Но я вами доволен. Я удваиваю вам вознаграждение.

— Мне не нужно. Благодарю вас.

— «Мне не нужно»! Кому же не нужны деньги? Ведь у вас семья!

Мисс Адамс ничего не ответила.

— Вот что. Надо сделать кое-какие приготовления. Голову профессора Доуэля мы поместим в комнату за лабораторией. Временно, коллега, временно! Вы не спите? — обратился он к голове. — А сюда завтра привезут два свеженьких трупа, и мы приготовим из них пару хороших говорящих голов и продемонстрируем их в научном обществе. Пора обнародовать наше открытие.

И Керн опять с некоторым недоверием посмотрел на мисс Адамс.

Чтобы раньше времени не обнаружить слишком ярко своей неприязни, мисс Адамс заставила себя задать вопрос, первый из пришедших ей в голову:

— Чьи трупы будут привезены?

— Я не знаю, и никто не знает. Потому что сейчас это еще не трупы, а живые и здоровые люди. Здоровее нас с вами. Это я могу сказать с уверенностью. Мне нужны головы абсолютно здоровых людей. Но завтра их ожидает неизбежная смерть. А через час, не позже, после этого они будут здесь — на прозекторском столе. Я уж позаботился об этом.

Мисс Адамс, которая ожидала от профессора Керна всего, посмотрела на него таким недоуменным и испытующим взглядом, что он на мгновение смешался, а потом громко рассмеялся.

— Нет ничего проще! Я заказал пару свеженьких трупов в морге. Дело, видите ли, в том, что город — этот современный Молох — требует ежедневных человеческих жертв. Каждый день, с непреложностью законов природы, в городе гибнут от уличного движения несколько человек — не считая несчастных случаев на заводах, фабриках, постройках. Ну и вот, эти обреченные, жизнерадостные, полные сил и здоровья люди сегодня спокойно уснут, не зная, что их ожидает завтра. Зав-

тра утром они встанут, весело напевая песню, будут одеваться, чтобы идти — как они будут думать — на работу, а на самом деле — навстречу своей неизбежной смерти. В то же время в другом конце города, так же беззаботно напевая, будет одеваться их невольный палач: шофер или вагоновожатый. Потом жертва выйдет из своей квартиры, палач выйдет с противоположного конца города из своего гаража или трамвайного парка. Преодолевая поток уличного движения, они упорно будут приближаться друг к другу — не зная друг друга — до самой роковой точки пересечения путей. Потом, на одно короткое мгновение, кто-то из них зазевается, и — готов! На статистических счетах, отмечающих число жертв уличного движения, прибавится одна косточка. Именно та, которой не хватало для статистика, чтобы оправдать его предвидение.

Тысячи случайностей должны привести их к этой фатальной точке пересечения. И тем не менее все это неуклонно совершится с точностью часового механизма, сдвигающего на одно мгновение в одной точке две часовые стрелки, идущие с различной скоростью.

Никогда еще профессор Керн не был так разговорчив с мисс Адамс. И эта неожиданная щедрость!..

«Он хочет задобрить, купить меня, — подумала мисс Адамс, — он, кажется, подозревает, что я догадываюсь или даже знаю о многом. Но ему не удастся купить меня!»

V. НОВЫЕ ОБИТАТЕЛИ ЛАБОРАТОРИИ

Тот сложный механизм, который называют теорией вероятностей, свел тысячи случайностей в одной точке времени и пространства, и наутро на прозекторском столе лаборатории профессора Керна действительно лежали два свежих трупа.

Две новых головы, предназначенные для публичной демонстрации, не должны были знать о существовании головы профессора Доуэля. И потому она была предусмотрительно перемещена профессором Керном в смежную комнату.

Первый труп принадлежал рабочему лет тридцати, погибшему в потоке уличного движения. Его могучее тело было разрезано пополам. В полуоткрытых остекленевших глазах замер испуг.

Профессор Керн, мисс Адамс и Джон — в белых халатах — работали над трупами.

— Было еще несколько трупов, — говорил профессор Керн. — Один рабочий упал с лесов. Но у него могло быть повреждение мозга от сотрясения. Забраковал я и нескольких самоубийц, отравившихся ядами. Вот этот парень оказался подходящим. Да вот эта еще... ночная красавица. За доброкачественность ее крови не ручаюсь, но другого выбора не было.

Он кивком головы указал на труп женщины с красивым, но увядшим лицом. На лице сохранились еще следы румян и гримировального карандаша. Лицо было спокойно. Только приподнятые брови и полуоткрытый рот выражали какое-то детское удивление.

— Певичка из бара в порту. Была убита наповал шальной пулей во время ссоры пьяных матросов. Прямо в сердце — видите? Нарочно так не попадешь!

Профессор Керн работал быстро и уверенно. Головы были отделены от тела, трупы унесены.

Еще несколько минут — и головы были помещены на высокие столики. В горло, в венозную и артериальную аорты, были введены трубки.

Профессор Керн был в приятно возбужденном состоянии. Приближался момент его торжества. В успехе он не сомневался.

На предстоящую демонстрацию и доклад профессора Керна в научном обществе были приглашены научные светила. Пресса, руководимая умелой рукой, помещала предварительные статьи, в которых восхвалялся научный гений профессора Керна. Журналы помещали его портреты. Выступлению Керна, с его изумительным опытом оживления мертвых человеческих голов, придавали характер национального торжества. Вся честь открытия приписывалась Керну. Только в одном медицинском журнале, вскользь, упоминалось имя покойного профессора Доуэля, «производившего некоторые опыты в этом направлении».

Мисс Адамс жадно читала эти статьи. Они давали ей какое-то острое наслаждение, питая ее ненависть к профессору Керну.

Весело насвистывая, профессор Керн умыл руки, закурил сигару и самодовольно посмотрел на стоящие перед ним головы.

— Хе-хе! На блюдо попала голова не только Иоанна, но и самой Саломеи! Недурная будет встреча! Остается только открыть краны — и... мертвые оживут! А ведь мы не на шутку начинаем конкурировать с господом богом! Ну, что же, мисс? Оживляйте! Откройте все три крана! В этом большом цилиндре содержится сжатый воздух, а не яд, хе-хе...

Для мисс Адамс это давно было не новость. Но она, по бессознательной почти хитрости, не подала виду.

Мисс Адамс стала открыла краны.

Первой стала подавать признаки жизни голова рабочего.

Едва заметно дрогнули веки. Зрачки стали прозрачнее. Почти неуловимо изменился цвет кожи.

— Циркуляция есть. Все идет хорошо...

Вдруг глаза изменили свое направление, повернувшись к свету окна. Медленно возвращалось сознание.

— Живет! — весело крикнул Керн. — Дайте сильнее воздушную струю!

Мисс Адамс открыла кран больше.

Воздух засвистел в горле.

— Что это?.. Где я?.. — были первые, еще невнятные слова головы.

— В больнице, друг мой!

— В боль-ни-це?.. — Голова повела глазами, опустила их вниз и увидала под собой пустое пространство.

— А где же мои ноги? Где мои руки? Где мое тело?..

— Нет его, голубчик! Оно разбито вдребезги. Только одна голова и уцелела, а туловище пришлось отрезать!

— Как это отрезать? Ну, нет, я не согласен! Какая же это операция! Куда я годен такой? Одной головой куска хлеба не заработаешь! Мне руки надо! Без рук, без ног меня никто на работу не возьмет!.. Выйдешь из больницы... тьфу! и выйти-то не на чем! Как же теперь? Жить, кушать надо! Больницы-то ваши знаю я! Подержите маленько, да и выпишете: вылечили! Вот так вылечили! Нет, я не согласен! — твердил он.

Неправильность его произношения, его широкое, загорелое веснушчатое лицо, наивный взгляд голубых глаз — все обличало в нем деревенского жителя, быть может, далекой стра-

ны. Нужда оторвала его от родных полей, город растерзал его молодое здоровое тело...

— Как вас зовут? — спросил профессор Керн.

— Меня-то? Томом звали. Том Беггинс, вот оно как.

— Так вот что, Том... Вы не будете ни в чем нуждаться и не будете страдать ни от голода, ни от холода, ни от жажды. Вас не выкинут на улицу, не беспокойтесь!

— Что ж, задаром кормить будете аль на ярмарках за деньги показывать?

— Показать покажем, только не на ярмарках. Ученым покажем! Ну, а теперь отдохните! — И, посмотрев на голову женщины, Керн сказал: — Что-то Саломея заставляет себя долго ждать!

— А это что ж? Тоже голова без тела? — обратилась голова Тома с вопросом, показывая на голову женщины.

— Как видите! Чтоб вам скучно не было, мы вам позаботились доставить эту мисс в компанию!.. Закройте-ка, мисс Адамс, его воздушный кран, чтоб не мешал пока болтовней!

Керн вынул из ноздри головы женщины термометр.

— Температура выше трупной, но еще низка. Что-то оживление идет медленно...

Время шло. Голова женщины не оживала. Профессор Керн начал волноваться. Он нервно ходил по лаборатории, посматривал на часы, и каждый его шаг по каменному полу звонко отдавался по всей комнате.

Голова Тома с недоумением смотрела на них и беззвучно шевелила губами.

Наконец Керн подошел к голове женщины и внимательно осмотрел стеклянную трубочку, которой оканчивалась каучуковая, введенная в шейную аорту.

— Вот где причина! Трубка входит слишком свободно, и циркуляция идет медленно. Дайте трубку шире!

Керн заменил трубку, и через несколько минут голова ожила.

Голова Уотсон — так звали женщину — реагировала более сильно на свое оживление. Когда она окончательно пришла в себя и заговорила, то стала хрипло кричать, умоляла лучше убить ее, но не оставлять таким уродом.

— Ах, ах, ах... мое тело... мое бедное тело... Что вы сделали со мной? Спасите меня или убейте! Я не хочу жить без тела!..

Дайте мне хоть посмотреть на него!.. Нет, нет, не надо! Оно без головы... какой ужас... какой ужас!..

Когда она немного успокоилась, то сказала:

— Вы говорите, что оживили меня. Я мало образованна, но я знаю, что голова не может жить без тела. Что это: чудо или колдовство?

— Ни то ни другое. Это — достижение науки.

— Если ваша наука способна творить такие чудеса, то она должна уметь делать и другие. Приставьте мне другое тело! Осел Тедди продырявил мое тело пулей... Но ведь немало девушек пускают себе пулю в лоб. Отрежьте их тело и приставьте их тело к моей голове. Только раньше покажите мне. Надо выбрать красивое тело. А так я не могу... Женщина без тела! Это хуже, чем мужчина без головы!

И, обратившись к мисс Адамс, она попросила:

— Будьте добры дать мне зеркало!

Взглянув в зеркало, мисс Уотсон долго и серьезно изучала себя.

— Ужасно!.. Можно вас попросить поправить мне волосы? Я даже не могу сама сделать себе прическу!..

— Ну-с, все благополучно, — сказал профессор Керн, обращаясь к мисс Адамс. — У вас работы прибавилось. Соответственно будет увеличено и ваше вознаграждение. Мне пора.

Керн посмотрел на часы и, подойдя близко к мисс Адамс, шепнул ей:

— В их присутствии, — и он показал глазами на головы, — ни слова о голове профессора Доуэля!

И, звучно отбивая шаги высокими каблуками, он вышел из лаборатории.

А мисс Адамс пошла навестить голову профессора Доуэля.

Глаза Доуэля смотрели на нее грустно. Печальная улыбка шевельнула ус.

— Бедный мой, бедный!.. — прошептала мисс Адамс. — Но вы скоро будете отомщены![1]

[1] На этом месте заканчивается глава V в № 3 за 1925 г., в № 4 текст начинается с главы VII, глава VI, таким образом, отсутствует. — *Прим. редактора текста.*

VI. ТОМ УМИРАЕТ ВО ВТОРОЙ РАЗ

Приближался день демонстрации голов.

Профессор Керн нервничал и все чаще поглядывал недоверчивым, испытующим взглядом на мисс Адамс. Но внешне он был с нею удвоенно любезен.

В ночь накануне торжественного выступления Керна в научном обществе голова Тома неожиданно занемогла.

Утром, когда мисс Адамс пришла сменить негра, голова Тома была уже без сознания.

Профессор Керн бранил Джона за то, что он не разбудил его ночью, как только голове Тома стало плохо.

Керн стал возиться около головы.

— Ах, какой ужас... — шипела голова мисс Уотсон, — он умер!.. Я так боюсь покойников!.. И я тоже боюсь умереть... отчего он умер?..

— Закройте у нее кран с воздушной струей! — сердито приказал Керн.

Мисс Уотсон умолкла на полуслове, но продолжала испуганно и умоляюще смотреть в глаза мисс Адамс, беспомощно шевеля губами.

— Если через двадцать минут я не верну голову к жизни, ее останется только выбросить! — сказал Керн.

Через пятнадцать минут голова подала некоторые признаки жизни. Веки и губы ее дрогнули, но глаза смотрели тупо, бессмысленно. Еще через две минуты голова произнесла несколько бессвязных слов. Керн уже торжествовал победу. Но голова вдруг опять замолкла. Ни один нерв не дрожал на лице.

Керн посмотрел термометр.

— Температура трупа. Кончено!

И забыв о присутствии мисс Уотсон, он со злобой дернул голову за густые волосы, сорвал со столика и бросил в большой металлический таз.

— Вынеси на ледник!.. Надо будет произвести вскрытие и узнать причину.

Негр быстро подхватил таз и вышел.

Голова мисс Уотсон смотрела на него расширенными от ужаса глазами.

Керн зашагал по лаборатории крупными шагами и нервно крутил пальцами сигару, которую забыл зажечь.

Смерть головы Тома наполовину уменьшала эффект демонстрации.

Наконец он обратился к голове мисс Уотсон, которая продолжала следить за ним широко раскрытыми глазами.

— Вот что. Сегодня в восемь вечера вас повезут в многолюдное собрание. Там вам придется говорить. Отвечайте кратко на вопросы, которые вам будут задавать. Не болтайте лишнего. Поняли?

Керн открыл воздушный кран, и мисс Уотсон прошипела:

— Поняла... но я просила бы... позвольте...

Керн вышел, не дослушав ее.

Мисс Уотсон стала готовиться к выезду в свет.

Забыв о смерти головы Тома, она была поглощена заботами о своей внешности. Она измучила мисс Адамс прической и «татуировкой», как мысленно называла Адамс косметическое украшение головы.

Неожиданно голова Уотсон заявила, что она не выйдет «в таком виде», и требовала, чтобы из каркаса ей было сделано туловище и обтянуто модной материей. Понадобилось вмешательство Керна.

— Голов с туловищем, — сказал он ей, — будет полный зал. Вы же, обладая одной головой, будете в этом собрании самой оригинальной женщиной.

Довод показался мисс Уотсон убедительным, и она отказалась от своей затеи.

Волнение Керна все увеличивалось. Предстояла нелегкая задача — доставить голову в зал заседания научного общества. Малейший толчок мог оказаться роковым для жизни головы.

Будь жива голова Тома, шансы на успех удваивались бы.

Был приготовлен специально приспособленный автомобиль. Столик, на котором помещалась голова, со всеми аппаратами был поставлен на особую площадку, снабженную колесами для передвижения по полу и ручками для переноса по лестницам.

Наконец все было готово. В семь часов вечера отправились в путь.

Голова мисс Уотсон, завитая, причесанная, накрашенная и закутанная вуалями, сияла от предстоящего удовольствия выезда в свет.

VII. ИСПОРЧЕННЫЙ ТРИУМФ

Громадный белый зал был залит ярким светом. В партере преобладали седины и блестящие лысины мужей науки, облаченных в черные фраки и сюртуки. Поблескивали стекла тысячи очков. Ложи и амфитеатр предоставлены были избранной публике, имеющей то или иное отношение к ученому миру.

Сдержанный шум наполнял переполненный зал.

Внизу эстрады, за своими столиками, оживленным муравейником хлопотали корреспонденты газет, очиняя карандаши для стенографической записи.

Справа от эстрады был установлен ряд киноаппаратов, чтобы запечатлеть на ленте все моменты интересного выступления Керна и оживленной головы.

На эстраде разместился почетный президиум из наиболее крупных представителей ученого мира. Посреди эстрады возвышалась кафедра. На ней — микрофон для передачи по радиотелефону речей по всему миру. Второй микрофон стоял перед головой мисс Уотсон. Она возвышалась с правой стороны эстрады, вся сияющая от удовольствия. Уроки «татуировки» не пропали даром для мисс Адамс: умело и умеренно наложенный грим придавал голове мисс Уотсон свежий и привлекательный вид, сглаживая тяжелое впечатление, которое должна была производить голова на неподготовленного зрителя. Мисс Адамс и Джон стояли около ее столика.

Ровно в восемь часов на кафедру взошел профессор Керн.

Собрание приветствовало его долго не смолкавшими аплодисментами.

Он был бледнее обычного, но полон достоинства.

Киноаппарат затрещал. Газетный муравейник затих и весь обратился во внимание. Профессор Керн начал речь.

Это была блестящая по выполнению и ловко построенная речь. Керн не забыл упомянуть о «предварительных, но очень ценных работах безвременно скончавшегося профессора Доуэля». Но, воздавая дань работам покойного, он не забывал и

своих «скромных заслуг». Для слушателей не должно было остаться никакого сомнения в том, что вся честь открытия целиком принадлежит ему, профессору Керну.

Его речь несколько раз прерывалась аплодисментами. Сотни биноклей дам были направлены на него. Бинокли мужчин, с не меньшим интересом, были устремлены на голову мисс Уотсон, расточавшую очаровательные улыбки. Она чувствовала себя героиней в этом блестящем собрании и упивалась успехом.

Зато лицо мисс Адамс было зловеще и мертвенно-бледно.

По знаку профессора Керна она открыла воздушный кран, и голова Уотсон имела удовольствие сказать несколько фраз.

— Как вы себя чувствуете? — спросил ее какой-то старичок-ученый.

— О, благодарю вас, прелестно!

Этот ответ вызвал улыбки на лицах собравшихся. Еще несколько наивных ответов развеселило весь зал. Зрелище оказалось интереснее, чем ожидала публика лож и амфитеатра.

Несмотря на то что голос Уотсон был глухой и хриплый, сильно пущенная струя воздуха издавала свист, и звук был почти лишен модуляций, ее выступление произвело необычайное впечатление. Такую бурю аплодисментов не всегда приходилось слышать и мировым артистам.

Простодушная мисс Уотсон, привыкшая к лаврам маленьких кабачков, приняла этот энтузиазм зала на свой счет. Не будучи в состоянии раскланяться — о чем она ужасно сожалела, — она томно опустила веки и осчастливила зал обворожительной улыбкой.

Волнение мисс Адамс все увеличивалось. Ее начала трясти нервная лихорадка, и она крепко сжала зубы, чтобы они не стали отбивать дробь. «Пора!» — несколько раз говорила она себе, но каждый раз не хватало решимости. Обстановка подавляла ее. После каждого пропущенного момента она старалась успокоить себя мыслью, что чем выше будет вознесен профессор Керн, тем ниже будет его падение.

Начались речи.

На кафедру взошел седенький старичок — один из крупнейших американских ученых.

Слабым, надтреснутым голосом он говорил о гениальном открытии профессора Керна, о всемогуществе науки, о победе над смертью, об Америке, рождающей такие умы и дарящей миру величайшие научные достижения...

Когда мисс Адамс меньше всего ожидала, какой-то вихрь долго сдерживаемого гнева и ненависти подхватил и унес ее. Она уже не владела собой.

Она бросилась на кафедру, едва не сбив с ног ошеломленного старичка, почти сбросила его, заняла его место и с смертельно-бледным лицом и лихорадочно горящими глазами фурии, преследующей убийцу, задыхающимся голосом начала свою пламенную, сумбурную речь.

Весь зал всколыхнулся при ее появлении.

В первое мгновение профессор Керн смутился и сделал невольное движение в сторону мисс Адамс, как бы желая удержать ее. Потом он быстро обернулся к Джону и шепнул ему на ухо несколько слов. Джон выскользнул за дверь.

В общем замешательстве никто на это не обратил внимания.

— Не верьте ему! — кричала мисс Адамс, указывая на Керна. — Он вор и убийца! Он украл труды профессора Доуэля! Он убил Доуэля! Он и сейчас работает с ним... Он мучит Доуэля... Он пыткой заставлял Доуэля продолжать научные работы и выдавал их за свои... Мне сам Доуэль говорил, что его отравил Керн...

В публике смятение переходило в панику. Многие повставали со своих мест. Даже некоторые корреспонденты выронили свои карандаши и застыли в ошеломленных позах. Только кинооператор, видавший всякие виды, усиленно крутил ручку аппарата, радуясь этому неожиданному трюку, который обеспечивал ленте успех сенсации.

Профессор Керн вполне овладел собой. Он стоял спокойно, с улыбкой наслаждения.

Дождавшись момента, когда нервная судорога сдавила горло мисс Адамс, он воспользовался наступившей паузой и, обратившись к стоявшим у дверей сторожам аудитории, сказал им спокойно и властно:

— Уведите ее! Неужели вы не видите, что она в припадке безумия?

Сторожа некоторое время стояли неподвижно, быть может будучи слишком взволнованы. Но мисс Адамс облегчила их задачу.

Истерический припадок потряс ее тело, и с безумным смехом она упала около кафедры.

Ее унесли...

Когда волнение несколько улеглось, профессор Керн взошел на кафедру и извинился перед собранием за печальный инцидент.

— Мисс Адамс — девушка нервная и истерическая — не вынесла тех сильных переживаний, которые ей приходилось испытывать, проводя день за днем в обществе головы трупа (подчеркнул Керн) мисс Уотсон, оживленной искусственно мною. Психика мисс Адамс надломилась. Она сошла с ума... Мы, конечно, позаботимся об этой жертве научного долга!..

Будто веяние смерти пронеслось над залом. И тысячи глаз уже с ужасом и жалостью смотрели на голову мисс Уотсон, как на выходца из могилы.

Наскоро прочитали ораторы заготовленные речи, приветственные телеграммы, акты об избрании профессора Керна почетным членом и доктором gonoris causa различных институтов и академий наук — и собрание было закрыто.

Перед самым концом за спиною профессора Керна появился негр и, незаметно кивнув Керну, стал возиться над обратной отправкой головы мисс Уотсон — сразу поблекшей, усталой и испуганной.

Только оставшись один в закрытом автомобиле, профессор Керн дал волю кипевшему в нем гневу.

Он сжимал кулаки, скрипел зубами и так бранился, что шофер несколько раз сдерживал ход автомобиля и спрашивал по слуховой трубке:

— Алло?

VIII. «СУМАСШЕДШАЯ»

Небольшая комната с окном в сад. Белые стены. Белая кровать, застеленная светло-серым одеялом. Белый столик и два таких же белых стула.

Мисс Адамс сидит у окна и рассеянно смотрит в сад. Луч солнца золотит ее русые волосы. Она очень побледнела и похудела.

Из окна видна аллея, по которой гуляют группы больных. Между ними мелькают белые халаты сестер.

— Сумасшедшие!.. — тихо говорит она, глядя на гуляющих больных. — И я сумасшедшая! Какая нелепость!.. И это все, чего я достигла!..

Она сжала свои тонкие руки и хрустнула пальцами.

Вот уже месяц, как стараниями профессора Керна, позаботившегося о «жертве научного долга», она находится в загородной больнице для душевнобольных.

Профессору Керну тем легче было засадить ее в психиатрическую лечебницу, что нервы ее после описанного вечера находились действительно в ужасном состоянии. Она лишилась места, и заботы о семье томили ее. Главное же — она понимала всю безвыходность своего положения. Она была слишком опасна для Керна. И ее пребывание в доме для умалишенных могло продолжаться неопределенно долгое время... Возможно, что и власти не особенно заботились о защите ее интересов. Выступлению Керна придали характер общегосударственного торжества. Им гордилась Америка перед всем миром. И теперь было невыгодно показать миру обратную сторону медали: соперничество, алчность и вероломство в среде тех, кого считают солью науки...

Профессор Керн привел в исполнение свою угрозу о «чрезвычайно тяжелых для нее последствиях» — если она не сохранит тайну. Могло быть и хуже. От Керна она ожидала всего. Он отомстил, а сам остался не отомщенным за голову профессора Доуэля. Мисс Адамс принесла в жертву себя, но ее жертва осталась напрасною. Сознание этого еще больше нарушало ее душевное равновесие.

Она была близка к отчаянью и готова была покончить с собой.

Даже здесь она чувствовала влияние Керна. Другим больным разрешались свидания с друзьями и родными. Ее держали в строжайшей изоляции.

Несмотря на это, ей удалось войти в дружбу с одной сиделкой. И та, под величайшим секретом, приносила ей иногда газеты. В одной из газет она прочла и о себе:

«Мисс Адамс, служившая у профессора Керна, после случившегося с ней припадка безумия во время доклада профессора Керна в научном обществе помещена в психиатрическую

лечебницу. Врачи находят ее положение тяжелым и подающим мало надежд на выздоровление»...

— Вот мой приговор! — прошептала мисс Адамс, роняя газету на колени.

В другом номере газеты ей удалось узнать, что у профессора Керна, тотчас после доклада, был произведен обыск.

«Как и следовало ожидать, — говорилось в заметке, — никакой головы профессора Доуэля обнаружено не было. В свое время было установлено, что смерть его последовала после припадка астмы, которой покойный страдал давно. Таким образом, рассеиваются последние сомнения — если они у кого и были — о виновности профессора Керна. Все это не более как бред больного воображения мисс Адамс».

«Неужели голова погибла?.. Бедный профессор Доуэль!..» — подумала девушка.

Больше мисс Адамс не находила заметок об этом деле. Его заслонили другие сенсации.

По утрам мисс Адамс посещали врачи.

— Ну, как живем? — задавали они неизменный вопрос.

Она ненавидела их: или они все невежды, которые не умеют отличить здорового от больного, или подкуплены Керном.

Она им не отвечала или отвечала с несвойственной ей грубостью.

И они уходили, неодобрительно покачивая головами, быть может искренне убежденные, что имеют дело с душевнобольной...

В комнату постучали.

Мисс Адамс, думая, что это сиделка принесла чай, сказала безучастным голосом, не поворачивая головы от окна:

— Войдите!

Кто-то вошел. И молодой мужской голос прозвучал за ее спиной:

— Могу я видеть мисс Адамс?

Это было так неожиданно, что девушка круто повернулась. Перед ней стоял молодой человек, одетый с изящной простотой. В лице его было что-то знакомое. Но мисс Адамс никак не могла вспомнить, где она могла его видеть.

— Это я...

— Позвольте представиться: Артур Доуэль. Сын профессора Доуэля.

«Так вот откуда это сходство! Те же глаза, тот же открытый лоб и овал лица», — подумала мисс Адамс.

— Как же вы... прошли ко мне? — с изумлением спросила она.

Артур Доуэль улыбнулся.

— Да, это было нелегко! Вас хорошо стерегут. Признаться, мне пришлось употребить маленькую хитрость. И сейчас у меня всего несколько минут. Позвольте приступить прямо к делу.

Я жил в Англии у тетки, когда узнал по газетам о событиях во время доклада профессора Керна и о вашем... благородном выступлении в защиту моего отца. Я не мог оставаться безучастным к этому делу. В нем замешано имя моего... отца...

Он хотел сказать «покойного отца», но удержался.

— ...Судьба его научных трудов и смерти тайна. Притом в этом деле оказались пострадавшей и вы. Я вижу вас в этом заключении. Сейчас не время говорить о моей благодарности за ваш самоотверженный поступок. Я знаю несколько Керна и, признаюсь, считал его способным на все то, о чем вы говорили тогда. Я не поверил вашему безумию. И теперь, видя вас, убеждаюсь, что я был прав. Сумасшедшие так не выглядят. Но мне хочется убедиться от вас самих в верности всего, о чем вы говорили. Все это правда?

— Да, правда!

— Я верю вам!.. Какой бесчестный поступок!.. Еще я хотел бы узнать ваше мнение: сохранил ли Керн голову моего отца? Как жаль, что болезнь задержала меня! Боюсь, что я приехал слишком поздно!

— О судьбе головы профессора Доуэля я, к сожалению, знаю не больше вашего. Могу только сообщить, что голова ему была еще нужна для окончания одной крупной работы.

— Так... Ее надо найти! Но прежде всего нужно освободить вас! Об этом позабочусь я! И помните: я не Доуэль, а Бин — ваш кузен. Вы меня понимаете? Так мы скорей достигнем цели!

В дверь постучались.

— К сожалению, наше свидание окончилось. Но я надеюсь, что мы с вами скоро встретимся в другой обстановке! Всего лучшего!

И он ушел так же неожиданно, как и явился.

Мисс Адамс продолжала стоять, неподвижно устремив глаза на дверь.

Потом она прошептала:

— Неужели освобождение?..

IX. НА СВОБОДЕ

— Уверены ли вы, что автомобиль направился на вас не случайно? — спросил Артур Доуэль мисс Адамс.

— Совершенно уверена, — ответила она. — Я шла по одной из боковых улиц, где уличное движение не велико. Я уже раньше обратила внимание на черный «Форд», который, казалось, медленно следовал за мной. Когда я переходила улицу, шофер вдруг перешел на большую скорость, направляя машину прямо на меня. Я метнулась в сторону. Шофер сделал вираж вслед за мной. Меня спас только экипаж, случайно преградивший путь автомобилю.

— Да... вам нужно быть осторожной! Керн не может быть спокоен, пока вы находитесь на свободе!

Этот разговор происходил в маленькой гостиной мисс Адамс на четвертый день после того, как новоявленному кузену Бину удалось освободить ее из психиатрической лечебницы. Это была нелегкая задача. Администрация лечебницы вначале категорически отказала, ссылаясь на то, что форма заболевания мисс Адамс представляет большую опасность для окружающих и больную нельзя держать вне стен лечебницы.

Но Доуэль-Бин был настойчив. Он брал мисс Адамс под свою ответственность, убеждал, настаивал, наконец, заявил, что он потребует особой экспертизы, в присутствии представителей суда. Дальнейшее упорство могло иметь плохие последствия для лечебницы, и администрация принуждена была уступить.

Дома мисс Адамс встретили, как воскресшую из мертвых.

Старушка-мать мисс Адамс смотрела на Артура восторженно, как на спасителя ее дочери, которую уж не надеялась увидеть.

Артур проводил все время в этой семье, обсуждая планы розыска головы.

На четвертый день радость матери была омрачена упомянутым случаем с автомобилем, который едва не раздавил мисс Адамс.

— Тот же автомобиль еще раз пытался перерезать мне путь на перекрестке, — продолжала мисс Адамс. — Я хорошо заметила шофера.

— Тебе лучше посидеть несколько дней дома! — с тревогой произнесла мать.

— Да, вам надо быть крайне осторожной, — сказал Артур. — Борьба разгорается не на шутку. Возможно, что Керн догадывается о моем приезде. Ваш выход заставил его насторожиться. Надо принимать быстрые и решительные меры. Когда я ехал сюда, я думал проникнуть к Керну под чужим именем, как врач, желающий работать с ним, заслужить его доверие, получить доступ в таинственную лабораторию...

— Но ваше сходство?.. — сказала мисс Адамс.

— Да, сходство... хотя я порядочно изменился с тех пор, как меня видел Керн. Ведь я последние годы пробыл в Англии. Но сейчас этот план не годится уже потому, что требует времени.

Притом Керн сейчас будет подозрителен, как никогда.

— Что, если попробовать действовать через Джона — негра, который служит у Керна? Керн бывал груб с ним, и я не думаю, чтобы Джон был ему слишком предан, — предложила мисс Адамс.

— Прекрасно! Надо попытаться.

И тут же был разработан план действий.

Нашли надежного человека, которому предложили взять на себя эту задачу.

Билль — так звали этого человека — быстро свел знакомство с Джоном в одном из дешевых ресторанов, где Джон имел обыкновение проводить свои свободные часы.

Джон охотно поглощал предлагаемую ему новым приятелем соду с виски, но язык у него не развязывался.

На все наводящие, будто случайно предложенные вопросы Джон или отмалчивался, или уверял, что он ничего не знает.

После двух или трех безуспешно проведенных вечеров Билль принужден был действовать открыто. Он предложил

Джону двести долларов — если только он скажет, жива ли голова профессора Доуэля и где она находится.

Но Джон с невинным видом продолжал уверять, что ему ничего не известно.

Билль удваивал, утраивал вознаграждение, но безуспешно. Наконец, ставка дошла до двух тысяч долларов.

Глаза Джона загорелись жадностью. Минуту он колебался. Но затем заявил с простодушным видом:

— Да если ж бы я знал!..

Видимо, Керн хорошо оплатил молчание Джона, если даже такая сумма для него оказалась несоблазнительной.

Единственным результатом торга явилось убеждение Билля в том, что Джону известна судьба головы, но он по тем или иным причинам остается верен Керну.

Когда Билль сообщил об этом Артуру Доуэлю, Доуэль решил, что дальнейший торг бесполезен.

— Если Джон верен Керну, то Керн уже осведомлен обо всем. Ваше освобождение, мисс Адамс, и попытка подкупить Джона — все это достаточно предупредило Керна о надвигающейся на него опасности. Для Керна продолжать хранить голову моего отца при таких обстоятельствах — как бы она ему ни была нужна — крайняя смелость или безрассудная неосторожность. Если уже не поздно, нам медлить больше нельзя ни одного дня. Остается объявить открытую войну. Я — сын профессора Доуэля и имею все права на то, чтобы потребовать возобновления судебного следствия и производства вторичного обыска. Или моя карта, или карта Керна будет бита. Ваше присутствие, мисс Адамс, при этом обыске я считал бы крайне полезным.

— А вдруг ее убьет этот разбойник! — с испугом произнесла старушка Адамс.

— Я пойду во что бы то ни стало! — решительно заявила мисс Адамс.

— Я надеюсь, что вашей дочери ничего не угрожает. Мы явимся туда с судебным следователем и достаточным количеством полисменов!

В тот же день Артуру удалось уладить дело со следственными властями. Обыск был назначен на другой день, в восемь часов утра — прежде чем профессор Керн уйдет из дому.

X. ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Негр Джон открыл тяжелую дубовую дверь.

— Профессор Керн не принимает.

Вступивший на сцену полисмен заставил Джона пропустить нежданных гостей.

Профессор Керн, увидя мисс Адамс входящей в кабинет, бросил на нее уничтожающий взгляд, но сейчас же принял вид оскорбленного достоинства.

— Прошу вас, — сказал он ледяным тоном, широко открывая двери лаборатории.

Следователь, мисс Адамс, Артур и Керн вошли.

Сердце мисс Адамс сильно забилось, когда она увидала знакомую обстановку, среди которой перенесла столько тягостных впечатлений.

В лаборатории нашли голову мисс Уотсон. Она была еще жива, хотя значительно усохла. Щеки, лишенные румян, были темно-желтого цвета мумии. Увидя мисс Адамс, она улыбнулась и заморгала глазами.

В надежде получить какие-либо сведения мисс Адамс открыла воздушный кран.

Но голова мисс Уотсон ничего не знала о голове Доуэля. Она, по обыкновению, лепетала всякий вздор. Жаловалась на то, что ей обрезали волосы, жаловалась на скуку и на то, что ее больше не вывозят из лаборатории, вспоминала Тома...

— Как вы находите меня? Скажите, меня не портят обрезанные волосы? О, я плакала, когда меня стригли... Мои волосы... ведь это все, что еще оставалось у меня от женщины!..

Вошли в смежную с лабораторией комнату.

Там находились две головы.

Первая — голова мальчика, кудрявого, как рафаэлевский ангелочек. Голубые глаза мальчика с детским любопытством устремились на вошедших.

Вторая голова была пожилого человека со сбритыми волосами и громадным мясистым носом. На глазах этой головы были надеты совершенно черные очки.

— Глаза болят, — пояснил Керн. — Вот и все, что я могу вам предложить, — добавил он с иронической улыбкой.

— Подождите! — воскликнула мисс Адамс. И, подойдя к голове с толстым носом, открыла воздушный кран.

— Кто вы? — спросила мисс Адамс.

Голова шевельнула губами, но голос не звучал. Мисс Адамс пустила сильную струю воздуха.

Тогда послышался свистящий шепот:

— Кто это? Вы, Керн? Откройте же мне уши! Я не слышу вас.

Мисс Адамс заглянула в уши и вытащила оттуда плотные куски ваты.

— Кто вы? — повторила она вопрос.

— Я был профессор Доуэль...

— Но ваше лицо?..

Голова говорила с трудом.

— Лицо?.. Да... меня лишили даже моего лица... Маленькая операция... парафин введен под кожу... Увы... моим остался только мой мозг в этой чужой коробочке... Но и он отказывается служить... Я умираю... Наши опыты... Мои опыты несовершенны. Хотя моя голова прожила больше, чем я рассчитывал теоретически..

— Зачем у вас очки?

— Последнее время коллега не доверяет мне, — и голова попыталась улыбнуться, — он лишает меня возможности слышать и видеть... очки не прозрачные, чтобы я не выдал себя перед нежелательными для него посетителями... но я, кажется, узнаю ваш голос... снимите с меня очки.

Мисс Адамс сняла очки.

И вдруг, увидав Артура, который, пораженный видом головы отца, стоял неподвижно, — голова радостно произнесла:

— Артур!.. Сын мой!..

На мгновение будто жизнь вернулась к голове. Тусклые глаза прояснились.

Артур подошел к голове отца.

— Отец, дорогой мой! Что с тобой сделали?..

— Вот... хорошо... Еще раз мы свиделись с тобой... после моей смерти...

Горловые связки почти не работали, голова Доуэля говорила урывками. В паузах воздух со свистом вылетал из горла.

К голове подошел следователь.

— Профессор Доуэль, можете ли вы сообщить нам об обстоятельствах вашей смерти? Я — следователь...

Голова посмотрела на следователя потухшим взглядом, не понимая. Потом, очевидно, поняла, в чем дело, и, переведя взгляд на мисс Адамс, прошептала:

— Я... ей... говорил... она знает все...

— Конец!.. — сказала мисс Адамс.

Некоторое время все стояли молча, подавленные и взволнованные.

— Ну, что ж, дело ясно! — прервал тягостное молчание следователь. И, обратившись к Керну, произнес повелительным тоном: — Прошу следовать за мной в кабинет. Мне надо снять с вас допрос.

Керн молча повиновался. Они вышли.

Артур тяжело опустился на стул возле головы отца и низко склонил на руки свою голову.

— Бедный, бедный отец...

Потом встал. Молча и крепко пожал руку мисс Адамс.

БЕЛЫЙ ДИКАРЬ

I. ПТИЦА НА ШЛЯПЕ

Странное впечатление производили эти руины времен римского владычества древней Лютецией, затерявшейся среди домов Латинского квартала. Ряды каменных полуразрушенных скамей, на которых когда-то рукоплескали зрители, наслаждаясь кровавыми забавами, черные провалы подземных галерей, где рычали голодные звери перед выходом на арену... А кругом такие обычные, скучные парижские дома, с лесом труб на крышах и сотнями окон, безучастно смотревших на жалкие развалины былого величия...

Путники остановились.

Их было трое: Анатоль, мальчик лет десяти, худенький, черноволосый, с застывшим вопросом в грустных глазах; его дядя Бернард де Труа, «шелковый король», и его жена Клотильда. Только настойчивость Клотильды заставила ее мужа бросить срочные дела и предпринять эту «научную экспедицию» — новый каприз молодой женщины, увлекшейся археологией.

Мадам де Труа, казалось, была очарована зрелищем. Ее тонкие ноздри вздрагивали. Несколько раз нервным движением руки она приводила в порядок непослушную прядь каштановых волос, выбивавшуюся из-под серой шелковой шляпы, украшенной маленькой белой птицей.

— Нужно заставить говорить эти камни! — воскликнула она наконец. — Мы сделали ошибку. Нам надо приехать ночью, когда светит луна. Луна вызовет к жизни тени прошлого, и перед нами развернутся волшебные картины. Мы услышим звуки букцин — римских военных труб. Один их громоподобный рев приводил в бегство врагов... Зазвучат трубы, и в ответ им раздастся рев голодных зверей, почуявших человеческое мясо, и мы увидим, как Цезарь... ах... ой...

Клотильда де Труа отчаянно вскрикнула. Неожиданное событие прервало поэтический полет ее фантазии.

Какой-то человек лет двадцати пяти, высокий, сложенный как Геркулес, с русой бородкой и усами на бронзовом лице, незаметно подкрался к ней и быстрым движением сорвал с ее шляпы белую птицу, разорвал ее на мелкие куски, с недоумением начал перебирать пальцами клочья ваты, которыми была набита птица.

Его глаза.. Несмотря на весь испуг, Клотильда не могла не заметить этих глаз, их необычайной голубизны, яркости. В них горел какой-то странный огонь. Это не был огонь безумия, но вместе с тем в глазах было что-то странное, чего ей никогда не приходилось встречать В них были зоркость зверя и наивность ребенка. Лицо незнакомца можно было бы назвать красивым, если бы не выдающиеся надбровные дуги, глубоко посаженные глаза и широкие ноздри. Он был без шляпы Длинные и густые русые волосы покрывали его голову.

Все оцепенели от этой непонятной выходки незнакомца. Но в следующую же минуту Бернард де Труа бросился к нему, размахивая палкой. Незнакомец, скаля рот в широкой улыбке, открывавшей его прекрасные крепкие зубы, принял это как игру. Он будто дразнил де Труа, подбегая к нему и увертываясь от ударов с ловкостью и природной грацией молодой пантеры.

А с улицы уже бежал какой-то человек, размахивая руками.

— Адам, назад! — кричал он, как будто на собаку.

Русоволосый великан неохотно, но послушно прекратил игру, отойдя в сторону с каким-то приглушенным рычанием. В этот же момент с другого угла подходил полицейский, привлеченный криками.

— Приношу мои извинения! — кричал еще издали человек, отозвавший Адама, размахивая шляпой. — Позвольте уверить вас, что здесь не было злого умысла. Разрешите представиться... Профессор Сорбонны по кафедре археологии и палеонтологии Август Ликорн. А вот это Адам... Я сейчас объясню вам...

Но рассердившийся «шелковый король» ничего не хотел слышать.

— Это безобразие! Оскорблять женщину...

— Но позвольте объяснить...

— Никаких объяснений! — И, протягивая трясущейся от гнева и волнения рукой визитную карточку полицейскому, де Труа сказал: — Вот моя карточка и адрес. Прошу записать этих господ и передать дело в суд. Идем!

Он взял под руку жену, кивнул головой Анатолю, приказывая ему следовать за собой, и быстро зашагал к поджидавшему их черному лакированному автомобилю.

Когда прекрасный лимузин бесшумно тронулся в путь, Анатоль обернулся и с детским любопытством, страхом и восхищением посмотрел на странного человека, сорвавшего птицу со шляпы тети Кло.

II. НЕПРИЯТНЫЙ ВИЗИТ

Профессор Ликорн, свернув с Итальянского бульвара в небольшую улицу Пиллэ-Виль, замедлил шаг. После шума бульвара тишина этой улочки поражала слух. Это была тишина храма, вернее — капища Золотого Тельца. Здесь живут миллионеры. Хмурые многоэтажные дома с решетками на окнах нижнего этажа недружелюбно смотрят на редких прохожих.

— Кажется, здесь... — Профессор Ликорн, волнуясь, нажал кнопку электрического звонка, оправленную в оскал бронзовой львиной головы. Молчаливый швейцар не спеша

открыл дверь, впустил профессора в вестибюль, уставленный растениями, с большим, стоящим у входа медведем и позвонил наверх.

По широкой лестнице, устланной темно-красным ковром, спустился слуга. Ликорн протянул ему визитную карточку.

— Господин де Труа дома? Я хотел бы видеть его по личному делу.

— Господин де Труа принимает по личным делам в четверг и субботу от девяти часов двадцати минут до десяти часов утра. Сегодня вы можете видеть только его секретаря.

В этот момент на лестнице показалась Клотильда де Труа в сером пальто и шелковой шляпе с белой птицей у борта. Ликорн поклонился и отошел в сторону, пропуская ее к выходу.

Клотильда де Труа любезно ответила на поклон. Она узнала Ликорна:

— Профессор Ликорн! Вы к мужу? Его нет. Что привело вас сюда? Не история ли с птицей на моей шляпе? Вы видите, птица опять сидит на своем месте. Значит, все в порядке.

— Я действительно пришел поговорить с господином де Труа по поводу того неприятного происшествия, которое имело место...

— Ну что же, поговорите со мной. Ведь, в конце концов, не муж, а я оказалась в роли «потерпевшей». Значит, вся эта история — мое личное дело. Пойдемте со мной, профессор.

Слуга поспешно подошел к Ликорну и почтительно снял пальто.

Ликорн едва поспевал за Клотильдой, которая быстро поднималась по лестнице.

— Наше знакомство завязалось довольно оригинально, не правда ли? — с той же любезной улыбкой обратилась Клотильда к Ликорну, когда они уселись в гостиной в мягкие кресла.

— Да, — смущенно ответил он, — оригинально, хотя и не совсем приятно и для вас, и для меня. Полиция составила протокол, и дело будет передано в суд.

— Какие глупости. Я скажу мужу, и все будет улажено. И не будем больше говорить о судах, протоколах и полиции. Одни эти слова режут мне слух.

У Ликорна отлегло от сердца.

— Я даже очень довольна, — продолжала Клотильда, — что этот случай доставил мне интересное знакомство. Я читала ваши книги о первобытном человеке, и мне очень нравятся...

Ликорн поклонился. Он никак не ожидал встретить здесь почитательницу своих научных трудов.

— Скажите, профессор, этот молодой человек, поймавший птицу на моей шляпе, не тот ли дикий человек, которого вы нашли в Гималайских горах в вашу последнюю экспедицию? Все газеты писали о нем, и мне страшно хотелось посмотреть на эту знаменитость.

— Да, это он. Дикий человек, или, вернее, белый дикарь, которого я нашел в Гималайских горах, на высоте нескольких тысяч футов.

Клотильда сделала быстрое движение.

— Как это интересно...

— Действительно, этот белый дикарь представляет необычайный научный интерес. Он не просто дикарь. Это случайно сохранившийся экземпляр совершенно исчезнувшей человеческой породы, последний представитель людей, которые жили много десятков тысяч лет тому назад и которые, как я предполагаю, были прародителями европейских народов.

— Вы его назвали Адамом?

— Это имя дано было ему в шутку, а затем закрепилось за ним. Исключительно интересный экземпляр. Но... — профессор Ликорн вздохнул, — если бы вы знали, сколько принес он мне забот и неприятностей! В первое время я, разумеется, не мог выпускать его на свободу. Его приходилось дрессировать, как животное. Но он скучал взаперти. И когда он несколько «цивилизовался», я стал брать его с собой на прогулку. Он привязан ко мне и послушен, как собака.

Когда я в первый раз пошел с ним в Люксембургский сад, он буквально пришел в дикий восторг. И прежде чем я опомнился, он уже взобрался на дерево и закричал от радости так, что гулявшие дети с плачем в ужасе шарахнулись в сторону. Сторож окаменел от такого святотатства. В другой раз Адам бросился в бассейн фонтана Карно — он захотел купаться. На площади Согласия он взобрался на статую коня, собрав вокруг себя толпу зевак...

Клотильда засмеялась. Она слушала его с большим интересом.

— Однажды, когда мы возвращались с Адамом на извозчике, ему надоело ехать слишком медленно. Адам схватил извозчика за шиворот, ссадил с козел, одним прыжком сел верхом на лошадь и помчался во всю прыть.

Клотильда вторично звонко рассмеялась.

— Всего не перескажешь. И на мою голову сыплются протоколы, штрафы, судебные процессы. Улица Шамполлиона, где мы живем с ним, была просто затерроризирована. В первое время администрация Сорбонны выпутывала меня из беды, иногда на помощь приходило и Министерство просвещения. Но в конце концов им надоело это. К счастью, Адам значительно остепенился. Он уже порядочно говорит по-французски. Я уже радовался, что с его дикими выходками покончено, и вот третьего дня этот неприятный случай с вами...

— Не будем говорить об этом случае, дорогой профессор. Расскажите лучше, как вам удалось оторвать от родных гор двуногого звереныша и перевезти в Париж.

— Я готовлю к печати мой путевой дневник. Если вы интересуетесь, я могу дать вам корректурные оттиски.

— Милый профессор, как я вам благодарна! Завтра же пришлите. — Клотильда порывисто встала и пожала обе руки Ликорна.

III. ДНЕВНИК ПРОФЕССОРА ЛИКОРНА

На следующий день горничная подала на подносе утреннюю почту.

— Это дневник! — воскликнула Клотильда. — Мари, сегодня я никого не принимаю.

Когда горничная ушла, Клотильда с нервной торопливостью разорвала большой конверт, уселась в глубокое кресло и начала читать.

«11 июня. Когда я отправился в экспедицию в Гималайские горы, один мой коллега шутливо пожелал мне встретить среди вечных снегов горных вершин «живого однофамильца»[1]. Это пожелание не исполнилось. «Снежное жилище»[2] приняло меня довольно негостеприимно. И вообще путешествие мое в научном отношении шло довольно неудачно.

Я начал свое путешествие с подошвы южного склона, примыкающего к провинции Ассам. Горы внизу, покрытые роскошной тропической растительностью, дают приют тиграм, слонам, обезьянам. Яркая зелень всех оттенков, от светло-желтого до темно-синего, расцвечена еще более яркими красками цветов оперения птиц: попугаев, фазанов, кур самой необычной окраски. Если бы не тучи насекомых и неприятная сырость по ночам и даже днем, поднимающаяся от заболоченной низменности у подошвы гор, это место было бы достойно названия земного рая.

Прекрасен и второй пояс, на высоте 1000 метров, с его знакомой европейскому глазу растительностью — дубами и дикими каштанами.

Выше 2500 метров — уже царство хвойных деревьев, а на высоте 5600 метров начинается в собственном смысле «снежное жилище». Сюда только изредка поднимается медведь или горный козел. Как странно стоять на вершине шести-семи тысяч метров, в ледяном воздухе, от которого захватывает дыхание, и смотреть вниз, на зеленый пояс тропической растительности. Изумительное зрелище.

Но я пришел сюда не ради красот природы. Я искал «своих однофамильцев», следы тех, кто обитал в этом снежном жилище сотни, тысячи, миллионы лет тому назад. Поиски мои, однако, были неудачны. Himalaja ревниво скрывала свои тайны под глыбами льда.

Путешествие здесь сопряжено с необычайными трудностями. Горы изломаны, пересечены ущельями. Ночью нестерпимый холод. Совершенно нет топлива — ни пучка сухой травы, ни кустарника. Снег, и лед, и вечное безмолвие.

---

[1] По-французски Licorne (Ликорн) — единорог, мифическое существо.

[2] По-санскритски Himalaja (откуда и название Гималаи) означает зимнее или снежное жилище.

Проводники роптали, и многие из них покинули меня после того, как один проводник упал в пропасть и разбился. Со мной остались только трое. Рубить с ними лед в поисках останков ископаемых было бы безумием. Оставалось надеяться на помощь природы: иногда при обвале скал или ледяных глыб обнажаются кости первобытных животных. Но судьба не посылала мне такой счастливой случайности. И я уже подумывал о бесславном возвращении.

Но сегодняшнее утро вознаградило меня за все. Представляю, сколько шума наделает моя находка во всем ученом мире.

Вот как это было.

Рано утром бродил я между оледенелыми скалами в одиночестве, с винтовкой за плечами.

Завернув за утес, я увидал нечто заставившее меня вздрогнуть. Мне показалось, что я галлюцинирую. Передо мной шагах в двадцати, у утеса, стоял спиной ко мне двуногий зверь. Иначе я не могу назвать это существо. На его голое бронзовое тело был накинут только плащ из звериной шкуры, сколотой на левом плече. Густые волосы превращали его шевелюру в копну. На руках и под кожей обнаженных плеч и правой лопатки играли мускулы, как огромные шары. Он голыми ногами упирался в лед, как будто это был паркет, а в руках держал глыбу льда. Но эта глыба нисколько не стесняла его движений. Держа на весу эту тяжесть, он всем корпусом подался вперед и высматривал что-то внизу. Наконец, улучив какой-то момент, он с диким рычанием, которое разнеслось по горам, как удар грома, бросил вниз глыбу.

И тотчас в ответ раздалось разъяренное рычание медведя. Двуногий зверь отломил еще большую глыбу и кинул ее вниз, а вслед за тем с таким же рычанием сам бросился вниз.

В несколько скачков я был на его месте.

Передо мной открылась новая картина, будто выхваченная из ледникового периода. Никогда не забыть мне этой картины.

На дне небольшой ледяной лощины лежал окровавленный дикий козел с перебитым позвоночником. Над ним стоял на задних лапах, с окровавленной головой медведь. Он свирепо рычал, подняв вверх передние лапы, и из его пасти лилась на синеватый лед струя крови. А навстречу ему, только

с ледяной глыбой в руках, бесстрашно шел другой зверь — двуногий.

Почему двуногий зверь так спешил? Почему он не добил медведя со своего безопасного утеса? Не умел он справиться с чувством голода при виде лакомого козла или считал медведя нестрашным противником?.. Кто прочтет мысли под этим толстым черепом?

Противники быстро шли навстречу друг другу. Когда расстояние между ними было не более полутора метров, двуногий зверь бросил в медведя свой ледяной снаряд. Удар пришелся в левый глаз. Медведь присел, завыл от боли и стал лапами тереть морду.

Но в этот же момент, увидав сохранившимся глазом, что противник сделал прыжок, медведь, превозмогая боль и прерывисто рыча, опять поднялся во весь свой рост в оборонительной позе. Остановился и двуногий зверь. Несколько минут они стояли неподвижно. Потом двуногий зверь медленно стал заходить со стороны ослепшего глаза медведя. Медведь начал продвигаться в том же направлении, по кругу. Так они прошли два круга, как борцы перед решительной схваткой.

Я ожидал, что они бросятся в объятия друг друга, но вышло иначе.

В начале третьего круга двуногий зверь оказался рядом с лежавшим на льду козлом. С необычайной быстротой он вдруг схватил козла, зажал в крепких зубах козлиное ухо и с ловкостью кошки стал взбираться по ледяным уступам со своей добычей.

Медведь, забыв о тяжких ранах, с удвоенным ревом бросился вслед за врагом, уносящим вкусный завтрак. Но похититель взобрался уже почти на четыре метра, и медведь в бессильной злобе царапал крутой ледяной откос.

Я был восхищен отвагой, ловкостью и находчивостью двуногого зверя — не эти ли качества сделали его царем природы? — и уже подумал о том, как мне избегнуть встречи с великаном. Вдруг крик звериного отчаяния разбудил горное эхо, и я увидел, как двуногий зверь вместе с козлом и обломившейся глыбой летит вниз. С глухим ударом упало тело двуногого зверя, глыба придавила его ногу, и медведь с победным ревом бросился на свою жертву. Двуногий зверь еще не сдавался и,

лежа на спине, старался кулаками отбрасывать лапы медведя с огромными выпущенными когтями.

Но положение его было почти безнадежно. Вот медведь сорвал кожу с кисти правой руки, вот запустил острые когти в левое плечо... и двуногий зверь, только что проявивший чудеса храбрости, кричал от страха и боли, как могут кричать только звери.

В одну минуту я вскинул винтовку, прицепился в голову медведя и, рискуя убить двуногого зверя, спустил курок.

Гулкий выстрел прокатился в горах, эхо повторило его много раз, и сразу наступила тишина. Медведь, убитый наповал, рухнул всем телом на своего врага, покрыв его своей огромной тушей. Жив ли он, мой двуногий зверь?

Не помню, как сбежал я в лощину. Бросился к медведю и, ухватив его за лапы, стал тянуть. Напрасное усилие. Я, парижанин двадцатого века, обладал могущественным оружием, которое поражает насмерть, но слишком слабыми руками, привыкшими иметь дело с книгами, а не с тушами медведей. Мне удалось только освободить голову несчастного. Он был жив и даже не потерял сознания. И он смотрел на меня своими блестящими и голубыми, как небо, глазами.

Мой громоподобный выстрел, сразу уложивший медведя, мой необычайный для двуногого зверя вид — все это должно было сильно поразить его воображение. Но вместе с тем, я не ошибаюсь, он понял главное: что я тоже двуногий зверь, пришедший ему на помощь. И в его взгляде я прочитал что-то похожее на благодарность. Благодарность человека к человеку. Животным также знакомо чувство благодарности. Но в его взоре было нечто большее. Звери так не смотрят. Да, это был человек. Дикий человек, неизвестной, вымершей первобытной белой расы, но человек.

Однако рассуждать было не время. Надо было звать на помощь. И я стал стрелять, пока не расстрелял все свои патроны. Потом начал кричать. Скоро послышались ответные крики. Ко мне спешили мои проводники.

С их помощью мне удалось освободить белого дикаря от туши медведя и глыбы льда. Он не стонал, хотя кровь обильно текла из его ран, сквозь разорванные мышцы была видна плечевая кость, а нога, по-видимому, была переломлена. Я сде-

лал перевязку, а затем мы с величайшей осторожностью понесли к месту стоянки нашу драгоценную ношу.

Едва ли к родному брату я проявил бы столько забот. И понятно почему: ведь это был не просто человек. Это был, быть может, единственный во всем мире экземпляр отдаленных предков человека. Целый ряд неоспоримых признаков говорил за это... Я кричал на проводников, когда они оступались, а сам мысленно уже анатомировал его, взвешивал его мозг, измерял лицевой угол...

Конечно, это не Pitecantropus erectus, остатки костей которого найдены еще тридцать три года тому назад голландским врачом Дюбуа, — питекантропус был ближе к обезьяне, чем к человеку, и вымер уже около миллиона лет тому назад. И это не гейдельбергский человек, живший на заре ледникового периода, — нечто среднее между человеком и обезьяной; наконец, это и не неандертальский человек ледникового периода — тот ниже и приземистее... Скорее всего он — кроманьонец, прародитель или, вернее, случайно сохранившийся потомок этих прародителей народов Западной Европы. Живой кроманьонец. Что скажут мои коллеги? Что скажет весь ученый мир? Это лучше единорога. Я превзошел самого себя.

IV. ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЕВНИКА

13 июня. Мой Адам, как я назвал дикого человека, поправляется быстрее, чем я думал. Два дня после битвы с медведем он пролежал в лихорадке, без памяти, рычал и порывался встать. Нам с большим трудом удавалось удержать его в кровати.

Пользуясь его беспамятством, я, признаюсь, не удержался и произвел кое-какие исследования антропометрического характера. Объем его черепа — 1175 кубических сантиметров (у гориллы — 490, у европейцев — 1400 кубических сантиметров). Интересно, сколько весит его мозг?

Когда его жизнь висела на волоске, у меня, каюсь, мелькнула мысль предоставить его самому себе. И если бы он умер, я мог бы тотчас анатомировать труп. Сколько сложных вопросов разрешило бы вскрытие! Но я удержался — буду откровенен до конца — не по человеколюбию. Я возлагаю надежды на

этого дикого человека. Я увезу его с собой в Париж, научу говорить, приручу, цивилизую, и сколько необычайно интересного он сможет тогда сообщить! Самый интересный вопрос: сохранился ли кто-нибудь еще из его племени или он последний экземпляр доисторических людей?

Он, безусловно, владеет чем-то вроде языка, состоящего, впрочем, всего из нескольких звуков, похожих на междометия.

«Ауа», например, говорит он всякий раз, когда хочет пить. Очень часто он издает какой-то призвук, похожий на «тц-а-а», как будто призывая кого-то. А когда я показал ему вчера шкуру убитого медведя, он сказал: «У-у-у», и лицо его выразило удовольствие.

Я внимательно осмотрел его тело. Необычайно большой объем груди явился, вероятно, результатом жизни на высотах, где очень разрежен воздух. На подошвах кожа его мозолисто-толста. Вот почему он не отмораживает ног.

Щеки и даже лоб его покрыты пушком. По всему же телу, в особенности на ногах и на тыльной стороне рук, растут рыжеватые волосы, длиной миллиметров пять-семь. Конечно, не они только, а толстая закаленная кожа и хорошая клетчатка предохраняют его от холода.

На его плаще я нашел интересную «булавку», сделанную из слоновой кости, украшенную резной птицей, похожей на глухаря. Ему знакомо искусство. И он, очевидно, спускался с гор туда, где водятся слоны.

С того самого момента, как я спас его от смерти, Адам проявляет ко мне собачью привязанность. Когда я перевязывал ему раны, он схватил мою руку и облизал кисть и ладонь в припадке благодарности. Таким образом, я имел удовольствие познакомиться с «первобытным поцелуем».

Сегодня утром Адам встал с кровати и, несмотря на мой запрет, хотя вообще он послушен, вышел из палатки, сорвал повязку и, подставив рану солнцу, пролежал до вечера. Это горное солнце делает чудеса. Опухоль спала. Рана быстро затягивается. Еще несколько дней, и мы отправимся в путь. Пойдет ли он со мной? Оставит ли свои родные горы? Так или иначе, я не расстанусь с ним. Живой или мертвый, он будет в Париже.

27 сентября. Наконец-то я дома, в Париже, в своей маленькой квартире! Как долго я не писал! Адам со мной. Но чего мне это стоило!

Против моего ожидания, он пошел за мной. Адам повиновался, вернее — старался повиноваться каждому моему слову, поскольку сам мог совладать со своей первобытной натурой. Пока мы не спустились вниз, к людям, все было хорошо. Но дальше...

Первой моей заботой было одеть его. Не мог же я привести его в цивилизованное общество голым, только со звериной шкурой на спине. С большим трудом я разыскал белый фланелевый костюм по его росту. Это была просто широкая рубаха и брюки. Рубаху он кое-как надел, но с брюками никак не мог примириться. Они стесняли и смешили его. Он то и дело хлопал себя по ляжкам, фыркал и уморительно выворачивал ноги.

В Калькутте на людной улице он вдруг... снял брюки и бросил их. В Калькутте люди привыкли видеть наготу, и это не произвело слишком большого скандала. Но что, если он проделает такую штуку в Париже?

В первый раз я выбранил его, и как он был жалок в своем сознании вины! Он опять пытался лизать мне руки, хотя я и запрещаю ему это делать.

Когда мы были уже на борту парохода, с ним опять случилась история.

Перед самым отходом заревела сирена. Адам упал на палубу в паническом ужасе, потом вскочил и одним прыжком бросился через борт в море. Пришлось вылавливать его оттуда и заключить в каюту.

Много забот доставил он мне и с кормлением. Не могло быть и речи о том, чтобы отправляться с ним к общему столу. Ему приносили обед в каюту. Но он отказывался: он не мог есть наши блюда. Кончилось тем, что мне пришлось давать ему, как и в горах, сырое мясо и воду. Притом он страдал от жары и поэтому часто выл, чем вызывал нарекания пассажиров. Выходить же с ним на палубу было очень затруднительно. Он всегда собирал вокруг себя толпу зевак. Все это очень стесняло меня.

Трудно и долго описывать все события этого путешествия. Адам все время переходил от страха к удивлению. Поезда, ав-

томобили пугали его. Наша одежда, дома, электрическое освещение поражали буквально до столбняка. Какая-нибудь мелочь, на которую мы не обращаем ни малейшего внимания — вертящаяся световая реклама, звуки духового оркестра или стая галдящих малышей-газетчиков, — настолько поглощала его, что мне нужно было по нескольку раз дергать его за руку, чтобы сдвинуть с места.

Но как бы то ни было, мои мучения кончились. Адам в Париже.

14 декабря. Адам делает успехи. Он уже не лижет мне рук. Привык носить костюм, очень любит яркие галстуки, научился есть наши блюда ножом и вилкой. Знает несколько обиходных французских слов. Но показываться с ним на улице я еще не решаюсь. А нужно было его проветрить. Адам стал скучать — оттого, вероятно, что сидит все время в комнате, хотя и при открытом окне, несмотря на суровую зиму. Ночью, в особенности когда в окно светит луна, он сидит у окна и воет. Я запрещаю ему выть, но он все-таки воет, тихонько, приглушенно, жалобно... Среди ночи этот вой человека очень действует на нервы, но, я вижу, он не в силах не выть.

Чтобы развлечь его, я приношу ему книжки с цветными картинками. К моему удивлению, он очень хорошо понимает их и радуется, как ребенок. Но особенно обрадовал его мой последний подарок: щенок-дворняжка. Адам не расстается с ним ни на минуту, даже спит вместе с Джипси — он произносит «Жипсь», — и собака платит ему ответной любовью, понимает его по одному жесту. Не потому ли, что их психология близка?

26 декабря. Однако Адам еще не совсем «цивилизовался». Сегодня ко мне зашел старый товарищ и дружески хлопнул меня по плечу. Адам, вероятно думая, что меня бьют, с рычанием бросился на гостя, а вслед за ним и Джипси, и мне не без труда удалось успокоить всех троих. Мой старый друг, нервный и раздражительный человек, был очень испуган и рассержен этой выходкой.

— Я бы на твоем месте держал его в клетке, — сказал он, уходя».

* * *

Дальше в дневнике шло описание уже известных Клотильде событий: похождения Адама на улицах Парижа. Но она прочитала все до конца.

— Решено, я должна заняться его воспитанием! — воскликнула она, бросив рукопись на стол, и немедленно послала профессору телеграмму, приглашая Ликорна прийти к ней вместе с Адамом.

V. АДАМ ВЫХОДИТ В СВЕТ

С некоторым волнением подходил профессор Ликорн к знакомому подъезду дома де Труа под руку с Адамом.

Адам с неразлучной собачкой, в черной шляпе и модном пальто выглядел совсем прилично. Ликорн позвонил.

— Смотри же, Адам, будь умницей. Веди себя прилично. Не кричи, не прыгай...

— Да...

Дверь открылась, и они вошли в вестибюль.

Швейцар, узнав Ликорна, почтительно пропустил его. Лакей подбежал снимать пальто.

Вдруг Адам с диким ревом бросился на чучело медведя, стоявшее в углу с распростертыми лапами, сжал медведя за горло и повалился с ним на пол. Джипси залаял. Изумленный лакей выронил пальто на пол и стоял с открытым ртом.

— Адам, назад! — крикнул Ликорн.

Но Адам и сам понял свою ошибку, когда его железные пальцы прорвали шкуру медведя и извлекли оттуда клочья пакли.

— Бедный Адам, ты ошибся. Медведь не настоящий.

— Птица не настоящая, у-у не настоящий... Все не настоящий, — растерянно бормотал Адам, поднимаясь с пола.

— Идем, Адам.

Адам поплелся за своим повелителем, тяжело вздыхая от сознания своей вины.

— Буду... — сокрушенно говорил он.

На языке Адама это означало «не буду». Ликорн невольно улыбнулся.

Слуга привел их в комнату Клотильды де Труа.

Когда Ликорн с Адамом появились в дверях, Клотильда, радушно улыбаясь, пошла им навстречу, протягивая Адаму руку. Но ее рука осталась висеть в воздухе.

Внимание Адама вдруг было привлечено фарфоровым китайским болванчиком с раскосыми глазами, который стоял на мраморном камине и качал головой. Потом он взял в руки безделушку, она хрустнула, и на пол посыпались осколки.

— Адам, садись, — строго сказал профессор, взяв его за плечо и усаживая в кресло. — Сиди. Не двигайся. Видишь, что ты наделал.

— Буду, — плачевно промолвил Адам, с горестью рассматривая осколки на полу.

— Я предупреждаю вас, мадам, — сказал Ликорн, здороваясь наконец с хозяйкой, — что этот визит может доставить вам и мне много неприятностей. Адам еще не настолько воспитан, чтобы бывать в обществе. И я бы предпочел, с вашего разрешения, сейчас же увести Адама.

— Буду, — отозвался Адам, услышав свое имя.

— Пустяки, — ответила Клотильда. — Пожалуйста, не волнуйтесь. Ведь он как ребенок, что же с него спрашивать...

К концу свидания между профессором Ликорном и Клотильдой де Труа состоялось соглашение о том, что Адам поселится отныне в ее особняке и она будет продолжать его «воспитание» под контролем самого профессора.

VI. УНИВЕРСИТЕТ НА ДОМУ

Адам переселился и сразу перевернул вверх дном дом де Труа. Самым несчастным чувствовал себя хозяин дома.

— Можете себе представить, что значит жить в одном доме с тигром, — говорил Бернард де Труа своему компаньону по торговле, — я стараюсь избегать этого дикаря, но, сами посудите, возможно ли избегнуть встреч, живя под одной крышей. Кто знает, что у него на уме? Он может убить, сломать несгораемый шкаф, поджечь дом... Я теперь не обедаю дома, возвращаюсь через боковой ход прямо в кабинет, закрываю дверь на два замка и не сплю всю ночь.

— Но неужели нельзя отделаться от этого жильца?

Де Труа безнадежно махнул рукой:

— Пока у жены не пройдет эта блажь — никак.

Адам по утрам занимался с Клотильдой чтением и письмом, а вечерами поступил на «выучку» к ее брату Пьеру.

Общество молодого веселого офицера ему нравилось больше, чем занятия с Клотильдой. Адам охотно занимался с Пьером и удивлял своего учителя необычайно быстрыми успехами. За какой-нибудь месяц Адам прекрасно выучился езде на велосипеде, управлению автомобилем, гребле, боксу, футболу.

Правда, его бешеная езда на автомобиле кончалась многочисленными штрафами, но для Пьера это не имело значения, пока «в руках сестры», как он говорил, «был ключ от кассы Бернарда де Труа».

В боксе и футболе Адам немало перекалечил людей своими сокрушительными ударами. Футбольный мяч, пущенный его ногой, разил с ног, как бомба. Однако успех его признавали лучшие спортсмены. Он делался знаменитостью на поприще спорта.

На несчастье Адама, Пьер просвещал его не только в области спорта.

Нередко вечерами молодой офицер переодевался в штатское платье, брал с собой Адама и отправлялся куда-нибудь на Монмартр шататься по кабачкам в поисках приключений. Пьер возбуждал ссоры, затем натравлял Адама и наслаждался эффектом «избиения младенцев». Адам, возбужденный вином, разбрасывал наседавших на него кабацких драчунов, как медведь щенят. Хмель сбрасывал с него тонкую лакировку «цивилизации», первобытные инстинкты прорывались наружу, и он становился действительно страшным в эти минуты.

Пьер был отставлен Клотильдой, она стала заниматься с Адамом одна.

— Ну-ну, посмотрим, что сделаете вы вашим «облагораживающим женским влиянием», — говорил с иронией обиженный Пьер.

Однако он скоро должен был признаться, что Адам заметно изменился к лучшему.

Клотильда часто гуляла с Адамом пешком, и дело обходилось без всяких приключений. Адам вел себя хорошо.

Что иногда смущало Клотильду, так это вопросы Адама, совсем простые, но на которые, однако, ей трудно было ответить.

То он спрашивал, считать ли своим «ближним» медведя и не надо ли ему подставлять, если ударит, «другую щеку». То, увидев на улице голодного нищего рядом с разносчиком пирожков, Адам самочинно кормил нищего и заводил споры о «чужом» и «собственном», явно не воспринимая «основ экономики» и настаивая на том, что голодных больше, чем полицейских.

Такие разговоры будили в Клотильде какое-то тревожное чувство. И однажды, видя, что Адам идет, понурив голову, очевидно размышляя над каким-то новым вопросом, Клотильда решила: его надо развлечь. С ним уже можно бесстрашно пойти в театр. Надо будет показать ему какую-нибудь хорошую классическую пьесу.

VII. СПАСЕННАЯ ДЕЗДЕМОНА

Адам сидел с Клотильдой де Труа в ложе первого яруса, недалеко от сцены.

Когда поднялся занавес, Адам тихо вскрикнул от неожиданности:

— Стена ушла...

— Сидите тихо, — наставительно сказала Клотильда, — не шумите.

— Буду, — по своему обыкновению, ответил Адам. Шла трагедия Шекспира «Отелло».

Адам смотрел на зрительный зал, погруженный во мрак, на яркие огни рампы, на верхние ложи.

— Смотрите туда, — указала Клотильда веером на сцену.

Адам посмотрел и «туда», но видно было, что театральное представление не захватывает его внимания. Клотильда переоценила развитие Адама. Стихотворная речь трагедии, с условной расстановкой слов, певучая дикция французской театральной школы затрудняли понимание. Адам воспринимал только внешнюю сторону спектакля: краски и телодвижения...

Несколько оживило его только столкновение отрядов Брабанцио и Отелло во второй сцене. А в третьей сцене первого акта он уже нетерпеливо возился на месте и вздыхал: ему надоело сидеть в театре.

Но вот вышла Дездемона, роль которой играла артистка с мировым именем. Ее обаятельная внешность, ее костюм и, главное, ее волнующий голос произвели чудо: Адам вдруг обратился весь в зрение и слух. Он так и впился глазами в сцену, не сводя с Дездемоны глаз. Когда она ушла, Адам вздохнул и с тревогой спросил Клотильду:

— Куда она ушла? Она еще придет?

Клотильда улыбнулась:

— Придет. Только сидите тихо.

— Как ее зовут?

— Дездемона.

И Адам стал тихо повторять:

— Деждемон... Деждемон... Деждемон...

Спектакль вдруг приобрел необычайный интерес. Адам жил появлением Дездемоны, страдал от нетерпения, когда она уходила со сцены. Он по-прежнему понимал едва ли более одной десятой из того, что говорили на сцене, но каким-то новым для него чутьем он довольно верно оценивал людей в зависимости от их отношения к Дездемоне. Отелло, вплоть до пробуждения в нем ревности, возбуждал симпатии Адама, так же как и Кассио. Родриго не нравился, Яго он возненавидел.

Когда же Отелло в первый раз грубо крикнул на Дездемону: «Прочь с глаз моих!» — Адам глухо заворчал. С этого момента он ненавидел уже и Отелло.

Приближалась трагическая развязка. Дездемона у себя в спальне поет грустную песенку:

> Бедняжка сидела в тени сикоморы, вздыхая.
> О, пойте зеленую иву...

Когда Отелло вошел к Дездемоне, готовый удушить ее, Адам вдруг весь насторожился, как в самые опасные моменты охоты. Его глаза с сухим блеском следили за каждым движением Отелло, мускулы напряглись, голова ушла в плечи. Пальцы впились в бархатную обивку барьера ложи.

Мольбы Дездемоны, гнев Отелло — все это было понятно ему без слов. Наконец в тот момент, когда Отелло стал душить Дездемону, нечеловеческий рев раздался в театре — рев, которого не предвидели ни Шекспир, ни режиссер, ни публика.

Из темной глубины ложи выросла фигура огромного человека. Одним прыжком перелетел он через оркестр на сцену, побежал к актеру, игравшему Отелло, оторвал его от Дездемоны, повалил на пол и стал душить, душить самым настоящим образом.

Из-за кулис на помощь Отелло бросились пожарные, рабочие, актеры. Среди этой свалки Адам не выпускал из виду Дездемоны. Вдруг он заметил, что Дездемона поднялась и уходит.

Адам моментально оставил почти бездыханного Отелло, разбросал насевших на него пожарных, Яго, рабочего и Кассио, побежал за Дездемоной, подхватил ее, как перышко, на руки и тем же путем, через оркестр, возвратился в ложу.

Здесь он усадил Дездемону и стал гладить ее по голове, как ребенка, и ласково, прерывающимся голосом говорил:

— Сиди со мной, Деждемон. Тебя никто не обидит. Сиди, будем смотреть вместе туда, что будет дальше.

И Адам в полной уверенности, что он смотрит продолжение спектакля, следил за поднявшейся на сцене и в зрительном зале суматохой.

Клотильда, бледная, поднялась и в изнеможении вновь опустилась в кресло.

— Адам, — воскликнула она, — отпусти сейчас же Дездемону, и едем домой!

Но Адам посмотрел на нее так, что ей стало жутко.

— Нет, — твердо ответил он. — Нет. Ее убьют. Я никому не отдам ее...

Дездемона трепетала от страха в сильных руках Адама... Клотильда теряла голову. Неужели разразится новый скандал? Но она нашлась и на этот раз.

— Не волнуйтесь, прошу вас, — обратилась она к артистке, говоря так быстро, чтобы Адам не понял, — едем ко мне, а там я сумею вас освободить от неожиданного спасителя. Идем, Адам.

Адам послушно пошел за Клотильдой, неся на руках Дездемону. Они прошли через сцену, в боковой выход, вызвали автомобиль и вскоре были дома.

Адам ни на минуту не расставался со своей ношей. Придя в свою комнату, он бережно опустил Дездемону на пол и сказал:

— Тут никто не тронет. Я буду сторожить.

Выйдя из комнаты, он закрыл дверь и улегся, как собака, на полу, загородив дверь своим телом.

Адам не привык ложиться так поздно. Здоровый сон сразу сковал могучее тело. Когда он уснул, Клотильда, тихо ступая мягкими туфлями, вошла в комнату заключенной через дверь соседней комнаты, вывела артистку, накинула на нее свое манто и шаль и, извинившись перед нею, отправила на автомобиле домой.

VIII. ЛЕОПАРД В ДОМЕ

Еще только светало, когда Адам поднялся со своего твердого ложа и приоткрыл дверь в комнату.

— Деждемон! — тихо окликнул он. Ответа не было.

— Деждемон! — уже с беспокойством повторил Адам и вошел в комнату.

Комната была пуста.

Глухой крик вырвался из груди Адама. Но он еще не верил: быстро обходя все уголки и закоулки комнаты, он искал Дездемону.

Ее не было.

Рев раненого зверя раскатился по всему особняку де Труа. Адам вдруг почувствовал необычайный прилив гнева. Его душил этот гнев, гнев против города, где все ненастоящее. Ненастоящие птицы, ненастоящие звери, ненастоящие слова... И даже сама Дездемона ненастоящая. Она исчезла, оставив лишь легкий аромат духов.

Адам обезумел. Он стал ломать мебель, разбивать вазы — все, что попадало ему под руки. Это несколько успокоило его.

Тогда он вдруг приник к креслу, на котором сидела Дездемона, и стал вдыхать оставленный ею запах духов. От кресла он пошел дальше, по этому следу, широко раскрыв ноздри, ловя знакомый запах.

В доме уже поднялась суматоха. Всюду бегали слуги. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы Адам так же неожиданно не убежал вниз, нюхая воздух и вытянув вперед голову, как собака-ищейка.

Клотильда, заблокировавшаяся в своей комнате, вздохнула с облегчением и начала поспешно одеваться.

Принесли утреннюю почту. Клотильда посмотрела газеты. Многие из них уже откликнулись на событие, происшедшее в театре прошлой ночью.

«Спасенная Дездемона», «Дикарь в Париже», «Опять Адам», «Пора прекратить безобразие» — пестрели названия заметок. Почти в каждой заметке наряду с именем Адама упоминалось и имя Клотильды де Труа.

Вошел Бернард де Труа с той же газетой в руках.

— Вы уже читали? — спросил он Клотильду, увидев лежавшую на полу газету. — Так продолжаться не может. Нельзя жить в одном доме с леопардом.

Клотильда не возражала. Вопрос об обратном переезде Адама к профессору Ликорну был решен, и об этом сообщили профессору.

Между тем Адам, выбежав на улицу, бегал вокруг дома, пытаясь уловить запах Дездемоны. Обращая на себя внимание прохожих, он бежал все дальше в надежде напасть, наконец, на след. Не зная города, каким-то чутьем нашел он театр. Но театр был закрыт. Обежав несколько раз здание, Адам вновь отправился рыскать по улицам...

Только поздно вечером он вернулся в особняк де Труа, усталый, голодный и озлобленный.

С этого дня Адам сделался настоящим несчастьем дома. Почти все ночи он выл, как в первые дни приезда в Париж, несмотря ни на какие увещания Ликорна, а днем он пропадал на улицах в поисках Дездемоны. Он не знал, что напуганная артистка на другой день выехала из Парижа, чтобы случайно не попасться ему на глаза. Когда он возвращался домой, весь дом замирал в ужасе. Обитатели особняка сидели в тревожном ожидании в запертых комнатах и лишь изредка бесшумно, как тени, прокрадывались по коридору.

Адам был раздражителен и никого не хотел видеть. Даже Ликорна он встречал угрюмо и не отвечал на вопросы, чем очень огорчал профессора. Еще так много интересных тайн надо было вырвать у первобытного человека для науки!

Только для двух существ Адам делал некоторое исключение: для своей собаки Джипси и Анатоля.

Что-то вроде улыбки появлялось на похудевшем и побледневшем лице Адама, когда он видел Анатоля. И мальчик ценил эту привязанность. Детским чутьем он понимал трагедию

Адама, оторванного от родных гор и брошенного в кипящий котел большого города.

— Уйдем с тобой, — не раз говорил Адам, — туда, далеко... — И в этом «далеко» было столько глубокой тоски, что Анатоль детской лаской пытался утешить своего большого, сильного и в то же время беспомощного, как ребенок, друга.

«Далеко» — это слово было так же дорого и недоступно Адаму, как и Дездемона. В его душе накипал глухой протест, и этот протест наконец прорвался наружу.

IX. БЕГСТВО

Был званый вечер. Один из тех, которыми славился дом де Труа. Среди приглашенных по строгому выбору были «нужные люди» из министерских и банковских верхов со своими женами. Огромные комнаты утопали в тропической зелени. Живые цветы украшали столы, десятки слуг заканчивали последние приготовления. Все общество в ожидании обеда разместилось в обширном салоне.

Де Труа был доволен. Одна только туча омрачала Бернарду этот блестящий праздник. Адам... Только бы он не вздумал прийти. Но он пришел. Пришел перед самым концертным отделением, мрачный и молчаливый. Ни с кем не поздоровавшись, он уселся в уголке.

Приглашенная знаменитая певица села за рояль: она сама аккомпанировала себе. Случайно или умышленно, но артистка запела песнь Дездемоны:

> Бедняжка сидела в тени сикоморы, вздыхая.
> О, пойте зеленую иву...

Адам окаменел. Он не представлял себе, что песнь Дездемоны могут петь другие так точно, как будто это поет она сама. Потом он вдруг задрожал с головы до ног. Лицо его исказилось судорогой страдания. Он схватил себя за голову, потом вдруг закричал так, что зазвенел хрусталь на люстрах:

— Не надо!.. — и, подбежав к роялю, ударил по крышке, которая с треском и звоном струн разломилась.

Адам со стоном выбежал из салона в коридор. В коридоре, у двери в свою комнату, стоял Анатоль. Адам на лету подхватил мальчика:

— Бежим... в горы... скорей...

У бокового выхода, на улице, стояло несколько автомобилей. Адам выбрал самую сильную машину и, сбросив шофера, уселся на его место, посадив рядом с собой Анатоля и Джипси. Автомобиль сразу рванулся и помчался с бешеной скоростью по улицам Парижа...

X. НЕБО НАД ГОЛОВОЙ

Скандал в доме де Труа был подхвачен и раздут газетами, живущими на сенсациях. Высокие посетители званого ужина де Труа, возмущенные поведением Адама, со своей стороны нажали кнопки, чтобы поднять газетную кампанию против белого дикаря. Адам сделался героем дня.

И, как это часто бывает, под влиянием газетной шумихи общественное мнение, до сих пор снисходительно следившее за чудачествами и выходками Адама, вдруг вооружилось против него. Газеты требовали немедленного ареста Адама и содержания его в строжайшей изоляции.

Адам ничего этого не знал. С бешеной быстротой промчался по улицам Парижа и вздохнул наконец всей грудью, когда перед ним развернулись загородные поля, пересеченные лентой шоссе.

— Где горы? — спросил он Анатоля.

Задремавший Анатоль не мог сразу сообразить, где он и о каких горах спрашивает Адам. Вспомнив о бегстве, мальчик вдруг почувствовал радостное, волнующее и жуткое чувство. Не раз мечтал он о бегстве в далекие страны в поисках приключений. И вот теперь мечта осуществляется.

— Горы, — ответил он Адаму, — есть: Пиренеи, Альпы... Я видел Альпы... Их вершины всегда покрыты снегом...

— Едем к Альпам! — в волнении произнес Адам.

— Но это далеко... И потом... Нас могут задержать в дороге.

— Нет, мы далеко... — беспечно ответил Адам.

— А телефон? Полиция по телефону даст знать во все города, и нас могут задержать.

Адам этого не ожидал. Он знал, как укрываться от опасностей среди диких скал, покрытых снегом и хвойными лесами, но как спастись от телефонов?

Анатоль оказался прав. Уже в Корбеле, куда они въехали на рассвете, их пытались задержать.

Адам развил бешеную скорость и прорвал цепь полицейских, которые принялись стрелять им вслед, метя в шины автомобиля. Одна из них была прострелена.

— Посмотри, видна ли погоня! — крикнул Адам через плечо Анатолю.

— Сейчас нет, отстали...

Адам неожиданно остановил машину, схватил Анатоля одной рукой, вынул из автомобиля, спустил на землю и помчался один по шоссе.

— Адам! Адам!.. — кричал ему вслед брошенный Анатоль, плача от огорчения и неожиданной измены друга.

Адам не повернул руля автомобиля на крутом повороте дороги и вдруг с разгона врезался в реку, поднимая каскады брызг. Джипси завизжала от страха. Брызги, пар и пузыри поднялись над водой. Река спокойно несла свои воды, только кругами расходились волны от того места, где вода бесследно поглотила автомобиль с человеком и собакой.

Анатоль в оцепенении стоял под начавшимся дождем. Но это длилось несколько мгновений, хотя они и показались Анатолю бесконечно долгими. Скоро на поверхности воды показалась мокрая Джипси, фыркая от попавшей в нос воды, а вслед за собакой и Адам. Он вынырнул из воды и в три взмаха могучих рук был у берега. Адам и Джипси одинаково отряхнулись от воды. Адам подбежал к Анатолю, посадив его на шею и не говоря ни слова, побежал к кустам.

— Тихо. Сиди. Пригнись.

Не успел Анатоль прийти в себя, как на шоссе послышались звуки автомобиля. Через несколько минут автомобиль с полицейскими промчался по направлению к Мелэну.

Когда машина скрылась из глаз, Адам начал прыгать.

Анатоль наконец понял военную хитрость своего друга. Дождь смыл следы автомобильных шин, и полицейские не заметили его исчезновения. На этот раз они были спасены.

Пора было подумать о завтраке. Анатолю нестерпимо хотелось есть.

— Сиди, я скоро приду, — сказал Адам и пошел вдоль прибрежных кустарников.

Прошел томительный час, прежде чем Анатоль услышал свист приближавшегося Адама.

Адам нес двух кроликов и, прикрывая полою, куски сухого дерева. Он бросил убитых кроликов, которых стала обнюхивать Джипси, и начал добывать огонь, натирая один кусок дерева другим. В железных руках Адама работа подвигалась быстро. Скоро Анатоль почувствовал запах гари, показался дымок, еще несколько быстрых, сильных ритмических движений — вспыхнуло пламя. Зажаренное на костре кроличье мясо Анатоль ел с аппетитом. Подражая Адаму, он разрывал куски мяса руками.

Дождь перестал. Выглянуло солнце и высушило одежду беглецов. Анатоль, усталый от всех пережитых волнений, сладко уснул. А Адам лежал на земле и не отрываясь смотрел на небо.

Наконец-то небо над головой вместо этих противных мертвых белых потолков, где нет ни птиц, ни солнца, ни звезд, ни свежего дыхания воздуха.

Адам мечтал о скором свидании с горами. Хотя и не родные, но все же горы. И он был счастлив впервые за все время с тех пор, как спустился с гор в долины, где живут в тесноте и суете эти странные люди, которые предпочитают каменные ящики простору земли и неба.

Потянулись счастливые дни вольной, бродячей жизни. Днем беглецы спали в зарослях у реки, ночью продвигались на юго-восток, где, по указанию Анатоля, были горы.

Адам умел спать и в то же время следить за каждым звуком. Когда звук казался ему угрожающим, уши спящего Адама начинали усиленно двигаться, и скоро он просыпался. И им удавалось ускользать от встречи с людьми.

Однако судьба отмерила на долю Адама немного счастливых дней. Путем опроса жителей полиция скоро определила место исчезновения автомобиля. Преследователи все более суживающимся кольцом окружали беглецов.

Одним ранним утром им пришлось спасаться бегством на глазах полиции. Они укрылись в лесу и несколько часов провели на вершине дерева, скрытые густыми ветвями, глядя сверху на своих врагов, шарящих по лесу.

Все труднее было добывать пищу — кур и кроликов, которых Адам ловил около ферм. Главное же, он чувствовал, что им не уйти от цепких лап полиции, и тогда опять неволя... Одна эта мысль приводила его в содрогание...

XI. КОНЕЦ АДАМА

На рассвете серого дня Адам возвращался к Анатолю и Джипси, нагруженный молодым барашком.

Вдруг он насторожился. Его уши пришли в движение. Ему послышался отдаленный тревожный лай Джипси и испуганный крик Анатоля, призывавшего на помощь.

С раздувающимися ноздрями Адам бросился к чаще кустарников, росших недалеко от шоссе, где он оставил Анатоля.

Полицейские несли к автомобилю отбивавшегося и плакавшего Анатоля. Джипси надрывалась от лая.

Бросив барана, Адам в несколько прыжков оказался у автомобиля. Он схватил одного полицейского за шиворот, поднял над головой, сделал круг в воздухе и отбросил далеко в кусты.

Трое дюжих полицейских набросились на Адама. Завязалась борьба. Адам отбросил их от себя. Они хватали его за руки и повисали на них. Один из полицейских с профессиональной ловкостью пытался надеть Адаму наручники, и это ему удалось. Но Адам разорвал кандалы, хотя поранил в кровь руки у кистей, и вслед за тем, озлобленный болью, он набросился на полицейского и вонзил ему в шею свои острые зубы. Второй из нападавших выбыл из строя... Тогда начальник маленького отряда, видя, что без применения оружия Адама не захватить, выстрелил из револьвера. Пуля попала в плечо Адама, на котором медвежьи когти оставили рубцы, и раздробила плечевую кость.

Адам взвыл от боли, но продолжал отбиваться здоровой рукой. Однако сильное кровотечение все больше ослабляло его.

Полицейские опять набросились на него и после нескольких неудачных попыток вновь сковали ему руки. Адам дернул цепь и застонал от боли. Его повалили, крепко связали, бросили в автомобиль, где уже сидел бледный от страха Анатоль, подобрали раненых и быстро двинулись в путь.

Джипси с отрывистым лаем гналась за исчезающим автомобилем...

Адам был помещен в одну из камер, предназначенных для буйных помешанных. Стены комнаты были обиты мягким войлоком, на окнах — решетки. Тяжелая дверь — на железном засове.

Адаму сделали перевязку и оставили одного. Он рычал, бросался к двери, согнул решетку на окне. Он безумствовал целый день, а ночью так выл, что приводил в содрогание даже привыкших ко всему санитаров.

К утру он утих. Но когда ему подали в дверное окошко завтрак, не решаясь еще войти, он только выпил несколько глотков чая, а завтрак выбросил в коридор.

Адам кричал и, как зверь в клетке, ходил, не переставая ни на минуту, тяжело вздыхал и время от времени громко и протяжно кричал, призывая Дездемону, Анатоля, Джипси... Иногда звал и Ликорна.

Он был один, совершенно один в этом тесном ящике, где было так мало воздуха для его легких и куда заглядывало солнце только через толстые прутья решетки, бросая от нее решетчатую тень на белую стену.

На третий день Адам затих. Он перестал ходить. Сел на пол в углу, спиной к свету, положил подбородок на поднятые колени и будто окоченел. Он уже никого не трогал. К нему входили врачи и ученые, но он сидел молча, не отвечая на вопросы и не двигаясь. И по-прежнему ничего не ел, но жадно пил.

Адам начал необычайно быстро худеть. По вечерам его стало лихорадить. Он сидел, стуча зубами, покрытый холодным потом. Скоро его начал мучить кашель, и во время приступов кашля все чаще стала показываться кровь.

Врачи качали головами:

— Скоротечная чахотка... Эти горные жители так трудно приспособляются к воздуху долин...

Однажды вечером после жесточайшего приступа кашля кровь вдруг хлынула из его горла и залила весь пол комнаты. Адам упал на пол. Он умирал...

Когда он пришел в себя после обморока, он тихо и хрипло попросил доктора:

— Туда... — И он указал на дверь.

Доктор понял. Адам хочет на воздух. Быть может, в последний раз взглянуть на небо. Он задыхался. Но разве можно выносить тяжелого легочного больного в сырую осеннюю ночь на воздух, под моросящий дождь!

Доктор отрицательно покачал головой.

Адам посмотрел на него жалобными глазами умирающей собаки.

— Нет, нет. Вам вредно, Адам... — И, обратившись к санитару, доктор отдал приказание: — Подушку с кислородом...

Кислород продлил мучения Адама до утра. Утром, когда бледный луч солнца осветил белую стену, нарисовав на ней тенью решетку окна, что-то вроде улыбки, такой же бледной, как луч, мелькнуло на губах Адама. У него началась агония. Он изредка выкрикивал какие-то непонятные слова... Ни одного французского слова он не произносил.

В десять часов двадцать минут утра Адам умер. А в час дня было получено официальное извещение о том, что Адама необходимо выписать из больницы, так как решено отправить его в Гималаи...

* * *

— Все-таки он хорошо сделал, что поспешил умереть, — не скрывая радости, говорил прозектор, приступая к анатомированию трупа Адама.

Ни один труп не был так тщательно препарирован. Все было измерено, взвешено, тщательно запротоколировано. Вскрытие дало много чрезвычайно интересного. Apendix был очень больших размеров. Muskulus erectus cocigum ясно выделялся, мышцы ушей были очень развиты. Мозг... О мозге Адама профессор Ликорн написал целый том. Скелет Адама был тщательно собран, помещен в стеклянную витрину и поставлен в музее с надписью:

HOMO HIMALAJUS

В первые дни в музее у витрины со скелетом Адама толпилось много народу. Среди посетителей любопытные взоры отметили Клотильду де Труа и знаменитую артистку...

Адам перестал быть опасным для «культурного» общества и стал служить науке...

ИДЕОФОН

I

Судебный следователь Паоло Минетти небрежно бросил пенсне на раскрытое «дело», провел левой ладонью по высокому лбу, орлиному носу, выступавшему из красных, толстых щек, и зажал седеющую бородку.

— Уведите его!..

Три карабинера, с шашками наголо, в черной форме с красными кантами и в треуголках, украшенных перьями, увели арестованного — молодого человека в рабочем костюме, с загорелым лицом, на которое тюрьма уже наложила серовато-тый налет.

Оставшись один, следователь не спеша закурил длинную сигаретку, отпил из стакана ледяную воду с красным вином и устало посмотрел в окно. Оконная решетка четко выделялась на сверкающей поверхности Средиземного моря. Вдали синели пизанские холмы.

Минетти смахнул мух, облюбовавших его влажный лоб, и досадливо крякнул.

Вот уже две недели, как сидит в этой дыре — Вольтерра, вызванный сюда для допроса пяти обвиняемых, помещенных в местной тюрьме, похожей на средневековый замок с камерами-клетками для одиночного заключения.

Минетти, завзятый театрал и страстный любитель музыки, был огорчен до глубины души, когда его вызвали сюда из Ливорно в самый разгар гастролей Миланской оперы.

Но, ознакомившись с делом, он утешился. Дело было интересное и много обещало для его карьеры в случае удачного исхода.

Для него было уже честью, что вести следствие поручили именно ему. Предстоял громкий политический процесс.

При проезде итальянского премьер-министра на автомобиле через Сиену в него был произведен выстрел из толпы, не причинивший вреда. Подоспевшая на место происшествия полиция общественной безопасности арестовала, по подозрению, пятерых человек и овладела вещественным доказательством — револьвером, брошенным на землю. Но кто именно

произвел выстрел, выяснить не удалось. Ни у кого из арестованных оружия найдено не было.

Не удалось установить и принадлежности кого-либо из них к какой-нибудь «преступной политической организации».

Ясно, что при таком положении дела нельзя было предъявить обвинение всем пятерым. Нужно было во что бы то ни стало добыть более веские улики. Но как?.. Личное признание было бы лучше всего. Однако, несмотря на весь свой опыт, на все профессиональные уловки и ухищрения, Минетти не мог добиться признания. Все пятеро арестованных категорически отрицали свое участие в покушении на жизнь премьер-министра и при этом смотрели на следователя такими невинными глазами, что он выходил из себя.

— Или все они продувные бестии и стреляли впятером из одного револьвера, или... или стрелял шестой, черт их всех побери!.. — бормотал Минетти, оставшись один после допроса.

Время шло... Гастролирующая труппа давно уехала из Ливорно, но черт с ней — другая приедет. Четырнадцатый день прошел так же бесплодно, как и тринадцать предыдущих, впрочем, не совсем так. В этот день из Рима был прислан запрос, скоро ли Минетти закончит следствие и передаст дело в Трибунал.

Это уже хуже. Еще один такой запрос, и Минетти могут отозвать, а на его место прислать другого следователя. И тогда — прощай мечты о переводе в Рим или Турин... Хорошо, если еще не переведут куда-нибудь с понижением, в Кальтанизетту или Сассари, где умрешь от скуки...

От одной этой мысли Минетти почувствовал, что у него начинается мигрень.

Надо действовать быстро, решительно.

— О, проклятые мухи!.. — Следователь вынул красный фуляровый платок и накинул его на голову. — Идеофон!.. — проговорил он, улыбнулся какой-то мысли и отрицательно покачал головой.

Наброшенный на голову платок напомнил ему рассказ старого смотрителя тюрьмы о том, что местный кандидат на судебные должности, синьор Беричи, изобрел аппарат, при помощи которого можно «слушать чужие мысли», — идеофон.

На голову надевается металлический колпак, от которого идут проволоки к телефону...

— Чепуха какая-то! — проговорил вслух Минетти. — А впрочем, чем я рискую? Хоть развлекусь немного. Отупел совсем! — И он, вызвав смотрителя тюрьмы, попросил пригласить синьора Беричи с его аппаратом.

II

Синьор Беричи не заставил себя долго ждать. Через полчаса дверь с шумом раскрылась, и в комнату вбежал изобретатель идеофона с саквояжем в руках.

Минетти ожидал увидеть молчаливого, сосредоточенного человека, одного из тех маньяков, которые ломают себе голову над квадратурой круга или изобретают вечный двигатель. Но перед ним вертелся веселый, живой, как обезьяна, черноволосый, курчавый неаполитанец. Уж не ошибка ли это?

Однако гость поспешил рассеять сомнения следователя.

— Очень рад познакомиться... Беричи... тот самый!.. А вот и мое детище.

И, крепко пожав руку следователя, улыбаясь во весь рот, сверкая белыми зубами, ни на минуту не умолкая, Беричи стал вынимать из саквояжа «идеофон».

— Вот металлический колпак... Он надевается на голову человека, чьи мысли вы хотите узнать. Очень полезная штука для судебных следователей и ревнивых мужей. Заявлю патент и положу себе в карман миллион лир!..

При этом Беричи так насмешливо щурил глаза, что невозможно было понять, говорит ли он серьезно или мистифицирует, желая сыграть веселую шутку.

Минетти не успел вставить ни одного слова, а Беричи продолжал трещать, как граммофон, пластинка которого вращается с необычайной быстротой.

— Вам, вероятно, известно, синьор Минетти, что, по последним научным изысканиям, наша нервная система и мозг являются трансформатором электромагнитных волн. Результат работы мозга — наша мысль — излучает особые электроволны. Надо только поймать их и произвести обратную трансформацию электроволн в мысли, в звучащие мысли, если хотите. Металлический колпак — приемник. Вот этот ящичек — усилитель электромагнитных колебаний, производимых мыслью, а вот этот ящичек — обратный трансформатор. Здесь электроволны оформляются в звукомысли. А вот это приемный телефон. Ясно, как молодой месяц, не правда ли?

Минетти неопределенно промычал.

— Разрешите сделать опыт... Я уже распорядился привести сюда одного из пяти арестованных, по имени Селла.

И, не ожидая ответа, Беричи раскрыл дверь и крикнул:

— Введите!

Карабинеры ввели арестованного.

Беричи носился по кабинету, расставляя мебель и прилаживая аппарат.

Минетти с гримасой недоверия следил за всей этой суетой. Он уже раскаивался в своей затее развлечься идеофоном.

— Усаживайтесь на этот стул, — обратился Беричи к арестованному, — мы сейчас наденем вам на голову вот эту красивую шапочку и пустим самый маленький электрический ток.

Арестант вздрогнул. Лицо его побледнело.

— С каких это пор, — ответил он, — в Италии без суда казнят людей электричеством?..

Беричи громко рассмеялся.

— Ничего подобного! — И он надел себе на голову металлический колпак. — Вот смотрите. Эта штука столь же безопасна для жизни, как ваша собственная шевелюра. Это новый аппарат, при помощи которого можно слушать ваши мысли. И если вы невиновны, то должны охотно согласиться на опыт: мы тотчас же убедимся, что ваша совесть чиста, как стерилизованное молоко.

Селла вопросительно посмотрел на следователя.

— Ручаюсь вам, Селла, что ваша жизнь вне опасности, — нетвердо проговорил Минетти. Правду сказать, в эту минуту он сам сомневался в безопасности опыта, но отступать было поздно.

Селла подумал и, махнув рукой, уселся в кресло.

Беричи быстро надел на голову арестанта металлический колпак и что-то повертел в одной из коробочек. Послышалось жужжание индукционной катушки. Легкий ток пополз, как

прикосновение муравьиных ножек, по голове арестанта. Селла вздрогнул и поморщился.

— Ведь не больно? Даже приятно, не правда ли? И предохраняет голову от мух. Вот так. А я усядусь здесь, за вами, буду слушать в телефон и записывать ваши безгрешные мысли. Сидите совершенно спокойно и думайте, о чем хотите.

И изобретатель идеофона уселся в кресло с телефонными наушниками на голове и с карандашом и блокнотом в руках.

III

Наступило жуткое молчание. Тишина нарушалась только жужжанием индукционной катушки. Минетти и карабинеры с тревогой следили за опытом.

Через несколько минут Селла привык к проходившему по голове току и почти уже не ощущал его. Но скоро он начал испытывать нечто более мучительное: боязнь погубить себя неосторожной мыслью. Он изнемогал от внутренней борьбы. Необычайным усилием воли он старался отвлечь свои мысли от опасных воспоминаний. Но непокорная мысль возвращалась к этим запретным местам памяти, как мотылек к пламени свечи, которое рано или поздно обожжет его крылышки...

«Напрасно я согласился, — думал Селла, — как бы меня не поймали на удочку. Ах, черт возьми!.. Ведь если они слышат мои мысли, значит, они уже услышали, что я боюсь попасться на их удочку. Что, если они сочтут это за признание вины?.. Глупости! Какое же тут признание?.. И никакой вины нет. Однако надо думать о чем-нибудь другом... Облака... Вот за окном, в небе, плывут облака... буду думать о них. Облака... облака... Но ведь я могу подумать о том, что я стрелял, просто подумать: «Я стрелял». Ведь это только мысль! Это каждый может подумать. Неужели этими словами я уже обвинил себя?..»

От нервного напряжения, от металлического колпака на голове, горячего от жары, и нудного щекотания электрического тока у Селла кружилась голова и по всему телу выступила испарина. Он не привык управлять своими мыслями, обычно они плыли у него чередой, как цепь облаков. А тут надо было все время следить за собой, думать о том, чтобы не думать о выстреле в Сиене... Это было сверх его сил.

«Чепуха, глупость! Буду считать. Раз, два, три... Премьер-министр ехал в черном автомобиле со своим толстым секретарем... четыре, пять... Переодетые сыщики изображали народ, приветствовавший «любимого» вождя... шесть, семь... опять я думаю об этом! Ну, и что ж из этого?.. Ведь я случайно находился на месте происшествия!.. И потом, это только мысль... Анжелика... — вдруг неожиданно подумал Селла о жене. — Как она волнуется!.. А Микуэль, вероятно, доволен. Он остался мне должен. Вот-вот, буду думать о своем».

Но через несколько минут его мысли вновь витали над роковой площадью в Сиене.

Вдруг Селле показалось, что он изобрел очень остроумный способ борьбы с врагом, подслушивающим его мысли.

«Эй, вы, синьор! Слушайте!.. Я стрелял, я не стрелял. Записывайте, если хотите, но записывайте все! Что, взяли?..»

Селла улыбнулся. Он стал весел.

«Если хотите, синьор, я мысленно спою вам песенку:

Если горе сердце гложет,
Осуши бокал вина!
Старый друг — оно поможет,
Лей полнее, пей до дна!..»

Он мысленно пел, а под словами веселой песни незаметно для него самого, как черная змея среди цветов, проползала опасная мысль...

«Пуля прошла всего на один палец над головой премьера... Она попала в витрину магазина и сделала в стекле круглую дырочку. Ни одной трещины... Премьер откинулся на спинку автомобиля и, побледнев, смотрел на толстого секретаря... Чьи-то руки схватили меня за плечи...»

Селла вдруг похолодел от ужаса, когда заметил эту черную змею запретных воспоминаний. Он хотел усыпить песенкой внимание своего врага, но усыпил свою собственную бдительность. Впервые за всю жизнь он заметил, что в мозгу могут протекать одновременно несколько верениц мыслей. Одни из них, как освещенные солнцем корабли, плывущие по зеркальной поверхности моря, протекают в свете нашего сознания. А другие, подобно глубоководным рыбам,

скользят незаметно в глубине и мраке подсознательной жизни. Вместо одного врага, одной вереницы мыслей их было несколько — тысячи цепочек мыслей, за которыми невозможно уследить... «Что, если все их можно подслушать этим чертовским аппаратом?..»

Селла похолодел. Он скрипнул зубами и не мог сдержать стона. Его нервное напряжение готово было перейти в истерический припадок. Он уже хотел крикнуть: «Довольно! Я виновен!» — чтобы скорее прекратить эту пытку.

И, как только он подумал об этом, жужжание индукционной катушки вдруг прекратилось.

— Ну, что ж, достаточно! — услышал он голос Беричи, сделавшийся вдруг сухим и официальным.

— К сожалению, вы оказались не столь невинным... За это время, как я слушал ваши мысли, вы не раз, не два и не три выдали себя, хоть и пытались отвлечь свои мысли от опасных воспоминании... Извольте же подписать заявление о том, что вы признаете себя виновным в покушении!

Селла, блуждая глазами, сделал подпись трясущейся рукой и, шатаясь, вышел из кабинета.

IV

Минетти бросился к Беричи и обнял его.

— Гениально! Поразительно! Вы оказали мне и правосудию чрезвычайную услугу. Я бесконечно благодарен вам, хотя, конечно, моя благодарность ничтожна по сравнению с тем, что ожидает вас... Признаюсь, я очень сомневался, но теперь...

Беричи не дал ему договорить. К изобретателю «идеофона» вернулась вся его насмешливость и веселость. С ловкостью обезьяны выскользнул он из объятий Минетти и, сощурив хитро левый глаз, спросил:

— А теперь вы верите в мое изобретение?

И опять, не дав договорить следователю, он затараторил:

— И напрасно! Совершенно напрасно! Мой секрет изобретен не мною. Он изобретен давным-давно тем, который первый крикнул: «На злодее шапка горит!» Разве эта пословица, в разных вариантах, не существует у всех народов сотни

лет?.. Так вот, шапку, которая на злодее горит, я, по моде двадцатого века, приукрасил только электрической отделкой!

Минетти был поражен и разочарован.

— Значит, никакого изобретения нет?

— Ну, не совсем так. Нам все же удалось при помощи этого «изобретения» добиться сознания. Но это только игра на психологии! Попробуйте стать в угол с тем, чтобы не думать о леопарде. Вам это не удастся. Ну, а для Селла таким «леопардом» является его преступление. Он не мог не думать о нем. Уверенный же, что все его мысли узнаны, преступник счел себя уличенным, в чем и расписался. Просто?..

V

Несмотря на всю строгость тюремного режима, весть о признании Селла, добытом при помощи какого-то аппарата, скоро стала известна всем заключенным.

И когда в кабинет судебного следователя привели четырех арестованных по делу о покушении на премьер-министра, чтобы объявить им о том, что они свободны, один из них подошел к следователю и твердо сказал:

— Я не принадлежу к тем простачкам, которые сами сознаются, хотя бы их вина и не была еще доказана. Но я не из тех, которые из-за своей шкуры допускают пострадать за себя невинного. Селла совершенно невиновен. Он сознался только потому, что вы заморочили ему голову вашим дурацким аппаратом. Я стрелял в премьера и выстрелю еще раз, если представится случай. И только я один должен нести ответ.

Беричи, который присутствовал при этом, невольно покраснел.

Но Минетти только с добродушной насмешкой посмотрел на него. Да, «изобретение» Беричи не совсем идеально. Шапка оказалась способной гореть на голове не только злодея и чуть было не погубила невинного. Но разве суд может существовать без судебных ошибок?.. Главное было сделано: виновник найден, и Минетти ждало повышение.

А каким путем это было достигнуто — не все ли равно?.. Только бы этот путь привел его в Рим!..

НИ ЖИЗНЬ, НИ СМЕРТЬ

I. МИСТЕР КАРЛСОН ПРЕДЛАГАЕТ СВОЙ ПЛАН

— Что вы на это скажете? — спросил мистер Карлсон, окончив изложение своего проекта.

Крупный углепромышленник Гильберт ничего не ответил. Он находился в самом скверном расположении духа. Перед самым приходом Карлсона главный директор сообщил ему, что дела на угольных шахтах обстоят из рук вон плохо. Экспорт падает. Советская нефть все более вытесняет конкурентов на азиатском и даже на европейском рынках. Банки отказывают в кредите. Правительство находит невозможным дальнейшее субсидирование крупной угольной промышленности. Рабочие волнуются, дерзко предъявляют невыполнимые требования, угрожают затопить шахты. Надо найти какой-то выход.

И в этот самый момент, как будто в насмешку, судьба подсылает какого-то Карлсона с его сумасшедшим проектом.

Гильберт хмурил свои рыжие брови и мял длинными желтоватыми зубами ароматичную сигаретку. На его бритом озабоченном лице застыло выражение скуки. Он молчал.

Но Карлсон не из тех, кого обескураживает молчание. Неопределенной профессии и неизвестного происхождения, маленький, суетливый человечек с ирландским акцентом, коротким носом, черными волосами, стоящими, как у ежа, Карлсон вонзил свои острые глазки в усталые, выцветшие глаза Гильберта и сверлил их своей настойчивой беспокойной мыслью.

— Что вы на это скажете? — повторил он свой вопрос.

— Черт знает что такое, какая-то мороженая человечина, — наконец апатично ответил Гильберт и с брезгливой миной положил сигаретку.

— Позвольте! Позвольте! — вскочил, как на пружине, Карлсон. — Вы, очевидно, недостаточно усвоили себе мою идею?..

— Признаюсь, не имею особого желания и усваивать. Это глупость или безумие.

— Не безумие, не глупость, а величайшее изобретение, которое в умелых руках принесет человеку миллионы! А если вы сомневаетесь, то позвольте вам напомнить историю этого изобретения.

И Карлсон затараторил, как будто он отвечал заученный урок:

— Анабиоз случайно открыт русским ученым Бахметьевым. Изучая температуру насекомых, этот ученый заметил, что при постепенном охлаждении температура тела насекомого падает, затем, достигая температуры минус девять и три десятых градуса Цельсия, сразу поднимается почти до нуля, а затем вновь опускается уже до температуры окружающей среды, примерно на двадцать два градуса ниже нуля. И тогда насекомое впадает в странное состояние — ни сна, ни смерти: все жизненные процессы приостанавливаются, и насекомое может лежать, окоченелое и замороженное, неопределенно долгое время. Но достаточно осторожно и постепенно подогреть насекомое, и оно оживает и продолжает жить как ни в чем не бывало. От насекомых Бахметьев перешел к рыбам. Он замораживал, например, карася, который пролежал в окоченении, или анабиозе, как назвал это состояние Бахметьев, несколько месяцев. Подогретый, он вернулся к жизни и плавал, как всегда.

Смерть ученого прервала эти интересные опыты, и о них скоро забыли. И, как это часто бывает, русские изобретают, а плодами их изобретений пользуются другие.

Вспомните Яблочкова, вспомните изобретателя радиотелеграфа Попова, вспомните, наконец, Циолковского... Так было и на этот раз. Изобретением Бахметьева воспользовался немец Штейнгауз для практических целей: перевозки и хранения живой рыбы. Как вам известно, он нажил миллионы!

Гильберт заинтересовался и слушал Карлсона уже с некоторым вниманием.

— Благодарю вас за лекцию, — сказал он. — Я сам получаю к столу свежую рыбу, пойманную в отдаленных морях. Но, признаться, я не интересовался способом ее замораживания. Тем или другим, не все ли равно? Только бы рыба была абсолютно свежей. И, вы говорите, Штейнгауз заработал на этом деле миллионы?

— Десятки, сотни миллионов! Он теперь один из самых богатых людей Германии!

Гильберт задумался.

— Но ведь это только рыбы, — сказал он после паузы, — а вы предлагаете совершенно невероятную вещь: замораживать людей! Возможно ли это?

— Возможно! Теперь возможно! Бахметьев замораживал животных, подвергающихся зимней спячке, так называемых холоднокровных: сурка, ежа, летучую мышь. Что касается теплокровных животных, то их ему не удавалось подвергать анабиозу. Однако русский же ученый, профессор Вагнер, известный своей победой над сном, изобрел способ изменять состав крови теплокровных животных, приближая их к крови холоднокровных животных. И ему удалось уже благополучно «заморозить» и оживить обезьяну.

— Но не человека?

— Какая разница?

Гильберт недовольно тряхнул головой, а Карлсон улыбнулся.

— Я говорю лишь с точки зрения биологии и физиологии. У обезьян совершенно одинаковый с человеком состав крови. Абсолютно одинаковый. И вот вам необычайные, но вполне осуществимые перспективы: массовое замораживание людей, в данном случае э... э... безработных. Кому не известно, какое критическое положение переживает угольная промышленность, да одна ли угольная? Периодические кризисы и сопровождающая их безработица, к сожалению, постоянное бедствие нашего общественного строя. На этом играют всякие смутьяны вроде коммунистов, предсказывающие гибель капитализма от раздирающих его внутренних противоречий. Пусть они не спешат хоронить капитализм! Капитализм найдет выход, и одним из выходов является предлагаемый мною способ!

Разразится кризис — и мы заморозим безработных и сложим их в особых ледниках. А минует кризис, появится спрос на рабочие руки, мы подогреем их, и пожалуйте в шахту.

Карлсон вдохновился и говорил, как на трибуне.

— Ха-ха-ха! — не удержался Гильберт. — Да вы шутник, мистер?..

— Карлсон. И я говорю совершенно серьезно, — обиделся Карлсон. Гильберта начинал занимать этот человек.

— Да, — продолжая смеяться, сказал углепромышленник, — бывают такие мерзкие времена, когда, кажется, и самого себя охотно заморозил бы до лучших дней! Но сколько будет стоить ваш сумасшедший проект? Надо строить специальные здания, поддерживать в них специальную температуру!

Карлсон поднял палец вверх, потом приставил его к своей колючей шевелюре.

— Здесь все обдумано! Мой план проще! Вам, как владельцу шахт, должно быть известно, что теплота увеличивается приблизительно на один градус с каждыми семьюдесятью футами в глубину Земли. Вам также известно, что в Гренландии, за Полярным кругом, в ледниках Гумбольдта найдены богатейшие залежи великолепнейшего каменного угля. Как только угольный рынок окрепнет, вы сможете начать там разработку. Вы получите ряд шахт различной глубины с различной температурой. И эта температура будет оставаться там неизменною во все времена года. Остается только ввести небольшие поправки, чтобы приспособить шахты для наших целей. Я не буду затруднять вас сейчас изложением подробностей, но могу представить, когда вы прикажете, вполне разработанный технический план и смету.

«Что за курьезный человек», — подумал Гильберт и задал Карлсону вопрос:

— Скажите, пожалуйста, да вы сами-то кто: инженер, ученый, профессор?

— Я прожектер! Ученые и профессора умеют высидеть в своих лабораториях прекрасные яйца, но они не всегда умеют разбить их и приготовить яичницу! Надо уметь из невещественных идей извлекать вещественные фунты стерлингов.

Гильберт улыбнулся и, подумав немного, протянул Карлсону коробку с сигаретами.

«Победа», — ликовал в душе Карлсон, зажигая сигарету электрической зажигалкой, стоящей на столе. Но Гильберт еще не сдавался.

— Допустим, что все это возможно. Однако я предвижу целый ряд препятствий. Первое: получим ли мы разрешение правительства?

— А почему бы правительству и не дать этого разрешения, если мы докажем полную безопасность применения к людям анабиоза? Социальное же значение этой меры наше правительство прекрасно учтет.

— Да, это так, — ответил Гильберт, перебирая в уме членов консервативного правительства, большинство которых имело личные крупные интересы в угольной промышленности.

— Но самый главный вопрос: пойдут ли на это рабочие? Согласятся ли они периодически «замирать» на время безработицы?

— Согласятся! Нужда заставит! — убежденно сказал Карлсон. — Люди с голоду вешаются, топятся, а тут вроде отдыха! Конечно, умело подойти надо. Прежде всего нужно найти смельчаков, которые согласились бы подвергнуть себя анабиозу. Этим первым надо посулить крупные суммы вознаграждения. Когда они «воскреснут», ими надо воспользоваться как рекламой. Затем первое время надо будет обещать денежную поддержку семьям. Но конечно, придется заткнуть глотку и кое-кому из рабочей аристократии, состоящей в лидерах так называемого рабочего движения. А дальше вы увидите, что дальше все пойдет как по маслу. Безработные будут «замораживаться» целыми семьями. И страшное зло — безработица — будет уничтожено. У вас будут развязаны руки. Необычайные перспективы откроются для вас! Миллионы, десятки миллионов потекут в ваши сейфы и несгораемые шкафы! Решайтесь! Скажите «да», и я завтра же представлю вам все сметы, планы и расчеты.

Здравый практический смысл говорил Гильберту, что весь этот фантастический план был чистой авантюрой. Но Гильберт переживал такое финансовое положение, когда человек перед страхом неминуемого краха бросается в самые рискованные предприятия. А Карлсон рисовал такие заманчивые перспективы! Крупный коммерсант и делец стыдился признаться самому себе, что он, как утопающий, готов ухватиться за эту химерическую соломинку «мороженой человечины».

— Ваш проект слишком необычен. Я подумаю и дам вам ответ!..

— Подумайте, подумайте! — охотно согласился Карлсон, поднимаясь с кресла. — Не смею вас задерживать, — и он вышел, довольно улыбаясь. — Клюет! — весело крикнул он, окунаясь в клокочущий котел уличного движения Сити.

II. СТРАННЫЙ КЛИЕНТ

— Карлсон, вы разорили меня! — с кислой миной говорил Гильберт. — Я затратил громадные средства на оборудование подземных телохранилищ. Я бросаю деньги на рекламу и наши объявления. И тем не менее за весь месяц газетной кампании не явилось ни одного лица, желающего подвергнуть себя первому публичному опыту замораживания, несмотря на предлагаемое нами хорошее вознаграждение. Очевидно, жизнь рабочих не так плоха, Карлсон, как кричат об этом социалисты! И в конце концов, если анабиоз такая безопасная штука, почему бы вам, Карлсон, не подвергнуть себя первому опыту?

— Меня?

— Ну да, вас!

— Меня самого? — еще раз спросил Карлсон и взъерошил свои щетинистые волосы. — Я готов! Да, да! Я готов! Но что станет со всем делом? Оно уснет вместе со мной! Нет, усыпляя других, кому-нибудь надо бодрствовать! Я прожектер! Без таких, как я, весь мир погрузился бы в спячку анабиоза!

Их препирательства были прекращены стуком входной двери. В контору вошел необычайно тощий человек с шарфом, намотанным вокруг длинной шеи. При свете сильной лампы большие круглые очки посетителя сверкали, как автомобильные фары. Он откашлялся и протянул номер газеты.

— Я по объявлению. Здравствуйте! Позвольте представиться. Эдуард Лесли, астроном.

Карлсон шаром подкатился к посетителю.

— Очень рады с вами познакомиться! Прошу садиться! Вы желаете подвергнуть себя опыту? Условия наши вам известны? Мы уплатим вам значительную сумму и обеспечим семью пожизненной пенсией в случае... гм... Но конечно, этого случая не произойдет!..

— Не надо! Кхе-кхе... Не надо вознаграждения. Мое имя, кажется, достаточно говорит за то, что я не нуждаюсь в деньгах. — Лесли поморщился. — У меня другое... кхе-кхе, проклятый кашель...

— Из научных целей, так сказать?

— Да, научных, но только не тех, о которых вы, наверное, думаете. Я астроном, как сказал вам. Мною написан большой труд о группе Леонид, которые падали в ноябре из созвездия Льва...

Лесли опять закашлялся, ухватившись рукою за грудь. Откашлявшись, он оживился и вдруг с жаром заговорил:

— Группа эта наблюдалась Гумбольдтом в Южной Америке в тысяча семьсот девяносто девятом году. Он прекрасно описал это чудесное небесное явление. Затем Леониды приближались к Земле в тысяча восемьсот тридцать третьем или тысяча восемьсот шестьдесят шестом году. Их ждали через обычный период времени в тридцать три — тридцать четыре года, в тысяча восемьсот девяносто девятом году. Но тут с ними случилось несчастье... Да-с, несчастье! Они слишком близко подошли к планете Юпитер, притяжение которой отклонило их от обычной орбиты, и теперь они проходят свой путь на расстоянии двух миллионов километров от Земли, так что они почти невидимы для нас...

Лесли сделал паузу, чтобы снова откашляться.

Карлсон, давно уже выражавший нетерпение, постарался воспользоваться этой паузой.

— Позвольте, уважаемый профессор, но какое отношение имеют падающие звезды Леониды, созвездие Льва и сам Юпитер к нашему предприятию?

Лесли дернул длинной шеей и с некоторым раздражением наставительно заметил:

— Имейте терпение дослушать, молодой человек! — И он, демонстративно повернувшись на стуле, обратился к Гильберту: — Я занят сложными вычислениями, о которых не буду говорить подробно. Эти вычисления связаны с судьбою группы Леонид. Точность моих вычислений оспаривает мой почтенный коллега Зауер...

Гильберт переглянулся с Карлсоном. Не с маньяком ли они имеют дело?

Взгляд этот поймал Лесли, и, с раздражением дернув шеей, он окончил речь, направив свои круглые очки в потолок, будто поверяя свои мысли небу:

— Я болен... последняя стадия туберкулеза.

— Но вы не по адресу обратились, уважаемый профессор! — сказал Карлсон.

— По адресу! Извольте-с дослушать. Я болен и скоро умру. А ближайшее появление Леонид в поле нашего зрения можно ожидать только в тысяча девятьсот тридцать третьем году. Я не доживу до этого времени. Между тем я могу доказать свою правоту научному миру только в результате дополнительных наблюдений. И вот я прошу вас подвергнуть меня анабиозу и вернуть к жизни в тысяча девятьсот тридцать третьем году, потом опять погрузить в анабиоз, пробуждая в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году, затем в тысяча девятьсот девяносто восьмом году и, наконец, в две тысячи двадцать первом году. Ясно? — И Лесли уставил свои окуляры на собеседников.

— Совершенно ясно! — ответил Гильберт. — Но, уважаемый профессор, к тому времени ваш ученый противник может умереть и вам некому будет доказывать вашу правоту!

— Мы, астрономы, живем в вечности! — с гордостью ответил Лесли.

— Это все очень занятно, — сказал Карлсон. — Я вижу, что анабиоз — очень хорошая вещь для астрономов. Вы, например, можете попросить разбудить вас, когда погаснет Солнце, чтобы проверить верность ваших вычислений. Но мы — не астрономы — интересуемся более близким будущим. Сейчас нам нужен лишь опыт в доказательство того, что анабиоз совершенно безвреден и безопасен для жизни. Поэтому мы ставим условием, чтобы пребывание в анабиозе не длилось более месяца. Второе условие: процессы погружения в анабиоз и возвращения к жизни должны происходить публично.

— На это я согласен. Но месяц меня совершенно не устраивает! — И огорченный Лесли стал завязывать шарф вокруг своей длинной шеи.

— Позвольте, — остановил его Гильберт. — Мы могли бы сделать так: мы «пробуждаем» вас через месяц, а потом опять погружаем вас в анабиоз на какое угодно вам время!

— Отлично! — воскликнул обрадованный Лесли. — Я готов!

— Вы должны подписать ряд обязательств и заявлений о том, что вы по доброй воле подвергаете себя анабиозу и не имеете никаких претензий к нам в случае неблагоприятного исхода. Это только для формальности, но все же...

— Согласен, согласен на все! Вот вам моя рука! Сообщите, когда я вам буду нужен! — И обрадованный Лесли быстро вышел из конторы...

— Ну что? Клюнуло? — повторил Карлсон свое любимое выражение, когда Лесли ушел, и хлопнул по плечу Гильберта. Гильберт поморщился от этой фамильярности.

— Не совсем то, что нам нужно. Вот если бы пару рабочих, которые раззвонили бы потом в шахтах.

— Будут и рабочие! Терпение, мой молодой друг, как говорит этот астроном!

— Можно войти? — В дверь конторы просунулась лохматая голова.

— Пожалуйста, прошу вас!

В контору вошел молодой человек в желтом клетчатом костюме. Сделав театральный жест широкополой шляпой, незнакомец отрекомендовался:

— Мерэ. Француз. Поэт.

И, не ожидая ответного приветствия, он нараспев начал:

Устал от муки ожиданья,
Устал гоняться за мечтой,
Устал от счастья и страданья,
Устал я быть самим собой.
Уснуть и спать, не пробуждаясь,
Чтоб о самом себе забыть
И, в сон последний погружаясь,
Не знать, не чувствовать, не жить.
Замораживайте! Готов.
Пускай горячею слезою
Мой труп холодный оживит!

Деньги даете сейчас или после пробуждения?

— После!

— Не согласен! Черт его знает, воскресите ли вы меня. Деньги на бочку. Кутну в последний раз, а там делайте, что хотите!

Гильберта заинтересовал этот курьезный лохматый поэт.

— Я могу дать вам авансом пять фунтов стерлингов. Это устроит вас?

У поэта глаза сверкнули голодным блеском. Пять фунтов! Пять хороших английских фунтов! Человеку, который питался сонетами и триолетами!

— Конечно! Продал душу черту и готов кровью подписать договор!

Когда поэт ушел, Карлсон набросился на Гильберта:

— Вы упрекаете меня в том, что я разоряю вас, а сами бросаете деньги на ветер. Зачем вы дали аванс? Не видите, что это за птица? Держу пари на пять фунтов, что он не вернется!

— Принимаю! Посмотрим! Однако сегодня счастливый день! Смотрите, еще кто-то!

В контору входил изящно одетый молодой человек.

— Позвольте представиться: Лесли!

— Еще один Лесли! Неужели все Лесли питают склонность к анабиозу? — воскликнул Карлсон. Лесли улыбнулся.

— Я не ошибся. Значит, дядюшка уже был. Я Артур Лесли. Мои дядя, Эдуард Лесли, профессор астрономии, сообщил мне прискорбную весть о том, что хочет подвергнуть себя опыту анабиоза...

— А я полагал, что вы сами не прочь испытать на себе этот интересный опыт! Подумайте, ведь вы станете одним из самых модных людей в Лондоне! — закидывал удочку Карлсон.

Но на этот раз рыба не клевала.

— Я не нуждаюсь в столь экстравагантных способах популярности, — со скромной гордостью проговорил молодой человек.

— В таком случае вы опасаетесь за дядюшку? Совершенно напрасно! Его жизнь не подвергается ни малейшей опасности!

— Неужели? — с большим интересом осведомился Артур Лесли.

— Можете быть спокойны!

— Никакой опасности! — тихо проговорил Лесли, и Карлсону послышалось, что еще тише Лесли добавил: «Очень жаль». — А нельзя ли отговорить дядю от этого опыта? Ведь он туберкулезный, и при слабости его здоровья едва ли он годен для опыта. Вы рискуете и только можете скомпрометировать ваше дело.

— Мы настолько уверены в успехе, что не видим никакого риска.

— Послушайте! Я заплачу вам. Хорошо заплачу, если вы откажетесь от дядюшки как объекта вашего опыта!

— Мы не идем на подкуп, — вмешался в разговор Гильберт. — Но если вы скажете причину, то, может быть, мы и пойдем вам навстречу.

— Причину? Э-э... она столь щекотливого свойства...

— Мы умеем молчать!

— Как это ни неприятно, но я должен быть откровенным... Видите ли, мой дядюшка богат, страшно богат. А я... его единственный наследник. Дядюшка безнадежно болен. Врачи говорят, что его дни сочтены. Быть может, только несколько месяцев отделяют меня от богатства. Это как нельзя боле́е кстати; я имею невесту. И в этот самый момент ему попадается ваше объявление, и он решается подвергнуть себя анабиозу и уснуть чуть ли не на сто лет, пробуждаясь от времени до времени только для того, чтобы посмотреть на какие-то падающие звезды! Войдите в мое положение. Ведь не может же суд утвердить меня в правах наследства, пока дядюшка будет в анабиозе!

— Конечно, нет!

— Вот видите! Но тогда прощай наследство! Его получат мои прапрапраправнуки!

— Мы можем «заморозить» и вас вместе с вашим дядюшкой. И вы будете лежать мумией до получения наследства.

— Благодарю вас! Этак рискнешь пролежать до скончания мира. Итак, вы отказываетесь иметь дело с дядюшкой?

— Было бы странно с нашей стороны отказываться после того, как мы сами опубликовали объявление о вызове охотника.

— Ваше последнее слово?

— Последнее слово!

— Тем хуже для вас! — И, хлопнув дверью, Артур Лесли вышел.

III. НЕУТЕШНЫЙ ПЛЕМЯННИК

Первый опыт анабиоза человека решено было произвести в самом Лондоне, в специально нанятом помещении, публично. Широкая реклама привлекла в огромный белый зал мно-

гочисленных зрителей. Несмотря на то что зал был переполнен, в нем искусственно поддерживали температуру ниже нуля. Для того чтобы не производить неприятного впечатления на публику, операцию вливания в кровь человека особого состава для придания ей свойства крови холоднокровных животных решили производить в особой комнате, куда могли иметь доступ только родные и друзья лиц, подвергавшихся опыту.

Эдуард Лесли явился по своему обыкновению с астрономической точностью, минута в минуту, ровно в двенадцать часов дня. Карлсон испугался, увидав его, — до того астроном осунулся. Лихорадочный румянец покрывал его щеки. При каждом вдохе кадык судорожно двигался на тонкой шее, а на платке, который профессор подносил ко рту во время приступов кашля, Карлсон заметил капли крови.

«Плохое начало», — думал Карлсон, ведя астронома под руку в отдельную комнату.

Вслед за Эдуардом Лесли шел племянник с лицом убитого горем родственника, провожающего на кладбище любимого дядюшку.

Толпа жадно разглядывала астронома. Щелкали фотографические аппараты репортеров газет.

За Лесли закрылась дверь кабинета. И публика в нетерпеливом ожидании стала осматривать «эшафоты», как назвал кто-то стоявшие высоко посреди зала приспособления для анабиоза.

Эти «эшафоты» напоминали громадные аквариумы с двойными стеклянными стенами. Это были два стеклянных ящика, вложенные один в другой. Меньший по размерам ящик служил для помещения человека, а между стенками обоих ящиков находилось приспособление для понижения температуры.

Один «эшафот» предназначался для Лесли, другой — для Мерэ, который с поэтической неточностью опоздал.

Пока врачи приготовлялись в кабинете к операции и выслушивали у Лесли пульс и сердце, Карлсон несколько раз в нетерпении вбегал в зал справиться, не пришел ли Мерэ.

— Вот видите! — крикнул Карлсон, в третий раз вбегая в кабинет и обращаясь к Гильберту. — Я был прав. Мерэ не явился.

Гильберт пожал плечами.

Но в этот момент дверь кабинета с шумом раскрылась, и на пороге появился поэт. Его лицо и одежда носили явные следы бурно проведенной ночи. Блуждающие глаза, глупая улыбка и нетвердая походка говорили за то, что ночной угар еще далеко не испарился из его головы.

Карлсон с гневом набросился на Мерэ:

— Послушайте, ведь это безобразие! Вы пьяны!

Мерэ ухмыльнулся, покачиваясь во все стороны.

— У нас во Франции, — ответил он, — есть обычай: исполнять последнюю волю обреченного на смерть и угощать его перед казнью блюдами и винами, какие только он пожелает. И многие, идя на смерть, насмерть и напиваются. Меня вы хотите «заморозить». Это ни жизнь, ни смерть. Поэтому я и пил с середины на половину: ни пьян, ни трезв.

Разговор этот был прерван неожиданным криком хирурга:

— Подождите! Дайте свежий раствор! Влейте его в новую стерилизованную кружку!

Карлсон оглянулся. Полураздетый Эдуард Лесли сидел на белом стуле, тяжело дыша впалой грудью. Хирург зажимал пинцетом уже вскрытую вену.

— Вы видите, — нервничал хирург, обращаясь к помогавшей ему сестре милосердия, которая высоко держала стеклянную кружку с химическим раствором, — жидкость помутнела! Дайте другой раствор. Жидкость должна быть абсолютно чиста.

Сестре быстро принесли бутыль с раствором и новую кружку. Вливание было произведено.

— Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, — ответил астроном, — терпимо.

Вслед за Лесли операции вливания подвергся Мерэ.

В легкой одежде, сделанной из материи, свободно пропускающей тепло, их ввели в зал.

Взволнованная толпа притихла. По приставленной лестнице Лесли и Мерэ взошли на «эшафоты» и легли в свои стеклянные гробы. И здесь, уже лежа на белой простыне, Мерэ вдруг продекламировал охрипшим голосом эпитафию Сципиону римского поэта Энния:

Тот погребен здесь, кому
Ни граждане, ни чужеземцы

Были не в силах воздать
Чести, достойной его.

И вслед за этим неожиданно он захрапел усталым сном охмелевшего человека.

Эдуард Лесли лежал как мертвец. Черты лица его заострились. Он часто дышал короткими вздохами.

Хирург, следя за термометром, начал охлаждать воздух между стеклянными стенами.

По мере понижения температуры стал утихать храп Мерэ. Дыхание Лесли было едва заметно. Мерэ раз или два шевельнул рукой и затих. У Лесли глаза оставались полуоткрытыми. Наконец дыхание прекратилось у обоих, а у Лесли глаза затуманились. В этот же момент стеклянные крышки были надвинуты на «гробы». Доступ воздуха был прекращен.

— Двадцать один градус по Цельсию. Анабиоз наступил, — послышался голос хирурга среди полной тишины.

Публика медленно выходила из зала.

Гильберт, Карлсон и хирург прошли в кабинет. Хирург сейчас же засел за какой-то химический анализ. Гильберт хмурился.

— В конце концов, все это производит удручающее впечатление. Я был прав, настаивая на том, чтобы дать публике только зрелище пробуждения. Эти похороны отобьют у всякого охоту подвергать себя анабиозу. Хорошо еще, что этот шалопай Мерэ внес комическую ноту в этот погребальный хор.

— Вы правы и не правы, Гильберт, — ответил Карлсон. — Картина получилась невеселая, это верно. Но толпа должна видеть все от начала до конца, иначе она не поверит! У наших «покойничков» установлено контрольное дежурство. Они открыты для обозрения во всякое время дня и ночи. И если мы проиграли на похоронах, то вдвое выиграем на воскресении. Меня занимает другое: операция вливания довольно неприятна и сложна. Для массового замораживания людей она негодна. Но мне писали, что профессор Вагнер нашел более упрощенный способ нужного изменения крови путем вдыхания особых паров.

— Черт возьми! Я подозревал это! — вдруг воскликнул хирург, поднимая пробирку с какой-то жидкостью.

— В чем дело, доктор?

— А дело в том, что весь наш опыт и сама жизнь профессора Лесли висели на волоске. Как вы помните, при вливании химического раствора я обратил внимание на то, что жидкость стала мутной. Этого не должно было быть ни в коем случае. Я самолично составлял жидкость в условиях абсолютной стерильности. Теперь я хотел установить причины помутнения жидкости.

— И что же вы нашли? — спросил Гильберт.

— Присутствие синильной кислоты.

— Яд!

— Один из самых сильных. Убивает мгновенно, и от него нет спасения.

— Но как он туда попал?

— В этом весь вопрос!

— Это Артур Лесли. Неутешный племянник астронома. Вы помните, Гильберт, его просьбу и потом угрозу? Какой негодяй! А ведь смотрите какое душевное прискорбие разыграл!

— Когда он мог это сделать? Кажется, он не подходил близко к аппаратам...

— Да, — задумчиво проговорил хирург, — возможно, что тут замешаны другие. Быть может, сестра милосердия?..

— Нужно дать знать полиции! Ведь это преступление! — воскликнул возмущенный Гильберт.

— Ни в коем случае! — возразил Карлсон. — Это только повредит нам, особенно среди рабочих, на которых мы в конечном итоге рассчитываем. И в конце концов, что может сделать полиция? Кого мы можем обвинять? Артура Лесли, заинтересованное лицо? Но у нас нет никаких доказательств, что он замешан в преступлении.

— Может быть, вы правы, — задумчиво проговорил Гильберт. — Но, во всяком случае, нам надо быть очень осторожными.

IV. ВОСКРЕШЕНИЕ МЕРТВЫХ

Прошел месяц. Приближался день «воскрешения мертвых». Публика волновалась. Шли споры, удастся ли вернуть к жизни погруженных в анабиоз.

В ночь накануне оживления хирург в присутствии Гильберта и Карлсона осмотрел Лесли и Мерэ. Они лежали, как трупы, холодные, бездыханные.

Хирург постучал своим докторским молоточком по замерзшим губам поэта, и удары четко разнеслись по пустому залу, как будто молоточек ударял по куску дерева. Ресницы покрылись изморозью от вышедшего из тела тепла.

При осмотре тела астронома наметанный глаз хирурга заметил на обнаженной руке небольшой бугорок под кожей. На вершине бугорка виднелось едва заметное пятнышко, как будто от укола, а ниже — замерзшая капля какой-то жидкости.

Хирург неодобрительно покачал головой. Соскоблив ланцетом замерзшую каплю, хирург осторожно отнес этот кусочек льда в кабинет и там подверг его химическому анализу. Карлсон и Гильберт внимательно следили за работой хирурга.

— Ну что?

— То же самое! Опять синильная кислота! Несмотря на все наши предосторожности, Артуру Лесли, по-видимому, удалось каким-то путем впрыснуть под кожу своего обожаемого дядюшки несколько капель смертоносного яда!

Гильберт и Карлсон были удручены.

— Все погибло! — в отчаянии проговорил Гильберт. — Эдуард Лесли не проснется больше. Наше дело безнадежно скомпрометировано.

Карлсон бесновался.

— Под суд его, негодяя! Теперь и я вижу, что этого преступника надо передать в руки правосудия, хотя бы скандал и повредил нам!

Хирург, подперев голову рукою, о чем-то думал.

— Подождите, может быть, еще ничего не потеряно! — наконец заговорил он. — Не забывайте, что яд был впрыснут под кожу совершенно замороженного тела, в котором приостановлены все жизненные процессы. Всасывания не могло быть. При отсутствии кровообращения яд не мог разнестись и по крови. Если ядовитая жидкость была нагрета, то она могла в небольшом количестве проникнуть под кожу, которая под влиянием тепла стала более эластичной. Но дальше жидкость не могла проникнуть. По капле, выступившей в месте укола,

вы можете судить, что преступнику не удалось ввести значительного количества.

— Но ведь и одной капли достаточно, чтобы отравить человека?

— Совершенно верно. Однако эту каплю мы можем преспокойно удалить, вырезав ее с кусочком мяса.

— Неужели вы думаете, что человек может остаться живым после того, как яд находился в его теле, быть может, две-три недели?

— А почему бы и нет? Нужно только вырезать поглубже, чтобы ни одной капли не осталось в теле! Разогревать тело, хотя бы частично, рискованно. Придется произвести оригинальную «холодную» операцию.

И, взяв молоток и инструмент, напоминающий долото, хирург отправился к трупу и стал срубать бугорок, работая, как скульптор над мраморной статуей. Кожа и мышцы мелкими мороженными осколками падали на дно ящика. Скоро в руке образовалось небольшое углубление.

— Ну, кажется, довольно!

Осколки тщательно смели. Углубление смазали йодом, который тотчас замерз.

За окном начиналось уличное движение. У дома стояла уже очередь ожидающих.

Двери открыли, и зал наполнился публикой.

Ровно в двенадцать дня сняли стеклянные крышки ящиков, и хирург начал медленно повышать температуру, глядя на термометр.

— Восемнадцать... десять... пять ниже нуля. Нуль!.. Один... два... пять... выше нуля!.. — Пауза. Иней на ресницах Мерэ стаял и, как слезинки, наполнил углы глаз.

Первый шевельнулся Мерэ. Напряжение в зале достигло высшей степени. И среди наступившей тишины Мерэ вдруг громко чихнул. Это разрядило напряжение толпы, и она загудела, как улей. Мерэ поднялся, уселся в своем стеклянном ящике, зевнул и посмотрел на толпу осоловелыми глазами.

— С добрым утром! — кто-то шутливо приветствовал его из толпы.

— Благодарю вас! Но мне смертельно хочется спать! — И он клюнул головой.

В публике послышался смех.

— За месяц не выспался!

— Да ведь он пьян! — слышались голоса.

— В момент погружения в анабиоз, — громко пояснил хирург, — мистер Мерэ находился в состоянии опьянения. В таком состоянии застиг его анабиоз, прекративший все процессы организма. Теперь, при возвращении к жизни, естественно, Мерэ оказался еще под влиянием хмеля. И так как он, очевидно, не спал в ночь перед анабиозом, то он чувствует потребность сна. Анабиоз не сон, а нечто среднее между сном и жизнью.

— Кровь! Кровь! — послышался чей-то испуганный женский голос. Хирург посмотрел вокруг. Взгляды толпы были устремлены на тело Лесли. На рукаве его халата выступало кровавое пятно.

— Успокойтесь! — воскликнул хирург. — Здесь нет ничего страшного. Во время анабиоза профессору Лесли пришлось сделать небольшую операцию, не имеющую отношения к его замораживанию. Как только кровь отогрелась и возобновилось кровообращение, из раны выступила кровь. Вот и все. Мы сейчас сделаем перевязку. — И, разорвав рукав халата Лесли, хирург быстро забинтовал его руку. Во время перевязки Лесли пришел в себя.

— Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, хорошо. Кажется, мне легче дышать.

Действительно, Лесли дышал ровно, без судорожных движений груди.

— Вы видели, — обратился хирург к толпе, — что опыт анабиоза удался. Теперь подвергшиеся анабиозу будут освидетельствованы врачами-специалистами.

Толпа шумно расходилась, а Мерэ и Лесли прошли в кабинет.

V. ВЫГОДНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

При тщательном медицинском освидетельствовании Эдуарда Лесли выяснились неожиданные последствия анабиоза. Оказалось, что под влиянием низкой температуры все туберкулезные палочки, находящиеся в больных легких Лесли, были убиты и Эдуард Лесли, таким образом, совершенно излечился от туберкулеза.

Правда, еще при опытах Бахметьева такая возможность теоретически предполагалась. Но теперь это был неопровержимый факт, блестяще разрешивший вопрос о борьбе с туберкулезом, этим страшным врагом человечества.

Карлсон не ошибся. Эдуард Лесли и Мерэ стали самыми модными людьми в Лондоне, да и во всем мире. Их интервьюировали, снимали, приглашали для публичных выступлений. Астроном, хотя и чувствовал себя теперь совершенно здоровым, тяготился этим непривычным шумом. Он настоял на том, чтобы его вновь подвергли анабиозу до 1933 года.

— Мне надо консервировать себя для науки, — говорил он.

И его желание было исполнено. Его перевезли в Гренландию. И он первым спустился в глубокие шахты «Консерваториума», как было названо это подземное хранилище для массового замораживания людей.

Зато Мерэ прямо купался в волнах популярности. Он не удовлетворялся публичными выступлениями. Он написал стихотворную поэму «На том берегу Стикса». Он писал о том, как его душа, освободившись от оков окоченевшего тела, понеслась вихрем в голубом эфире Мирового пространства. Она плавала на светящихся кольцах Сатурна. Посещала планеты отдаленных звезд, «где растут лиловые люди-цветы, поющие вечную песнь счастья». Она витала в пространствах четвертого измерения, где предметы измеряются в ширину, длину, глубину.

«На земле нет подходящего выражения», — писал Мерэ и путано объяснял условия существования в мире четвертого измерения, «где нет времени», где нет понятий «вне» и «внутрь», — где все предметы проницают друг друга, не смешивая своих форм. Он писал о необычайных встречах на Млечном Пути, уводящем за пределы известного нам звездного неба.

Его поэма, разумеется, не выдерживала ни малейшей научной критики: в состоянии анабиоза он не мог даже видеть сны своим замороженным мозгом. Но публика, падкая до сенсаций, склонная к мистицизму, увлекалась этими фантастическими картинами. Нашлись любители сильных ощущений, пожелавшие испытать на себе ощущение «полета в беспредельных пространствах», погружаясь в анабиоз. Они, конечно, ничего не чувствовали, как замороженная туша, но, «пробуждаясь», поддерживали ложь Мерэ.

Сверх всякого ожидания анабиоз принес Гильберту громадные барыши. Помимо любителей острых ощущений, к Гильберту стекались со всего света больные туберкулезом. Гренландский «санаторий» работал прекрасно. Больные получали полное излечение. А скоро прибавились еще новые клиенты. Английское правительство признало более «гуманным» и, главное, дешевым подвергать «неисправимых» преступников анабиозу вместо пожизненного заключения и смертной казни.

Наконец, анабиоз был применен для перевозки скота. Вместо невкусного, замороженного обычным способом мяса, получаемого из Австралии, в Англию стали доставлять животных в состоянии анабиоза. Их не надо было кормить в дороге, а по привозе на место их отогревали, оживляли; и англичане получали к столу самое свежее и дешевое мясо.

Карлсон потирал руки. На его долю падала немалая часть огромных доходов, которые приносил анабиоз.

— Ну что? — говорил он самодовольно Гильберту. — Теперь вы понимаете, что значит прожектер? Ваши деньги и мои проекты принесли вам миллионы. Без меня вы давно разорились бы с вашими угольными шахтами!

— Угольные шахты и сейчас дают мне убыток, — отвечал Гильберт. — Сбыта нет, рабочие несговорчивы, правительство отказывает в субсидиях. Да, Карлсон, жизнь — сложная штука! Вы хороший прожектер, но жизнь проводит свои проекты вопреки нашему желанию. Мы предполагали замораживать безработных вместе с их семьями, а вместо этого превратили наши холодильники в санатории и тюрьмы!

— Терпение! Придут и рабочие! Теперь у вас имеются свободные капиталы. Обещайте хорошее содержание семьям рабочих в том случае, если глава их семьи захочет подвергнуть себя анабиозу. Поверьте, они пойдут на эту удочку! А когда они попривыкнут к анабиозу, можно будет сбавить цену. В конце концов они сами будут просить, чтобы их заморозили вместе с семьями, только бы не голодать! Они придут! Нужда загонит! Поверьте мне, они придут!

И они пришли...

VI. ВО ЛЬДАХ ГРЕНЛАНДИИ

Холодный осенний ветер валил с ног. Молодой шахтер-забойщик, работавший в кардиффских шахтах, понурив голову, медленно подходил к небольшому коттеджу, видневшемуся сквозь обнаженные ветви сада.

Бенджэмин Джонсон постоял у двери, глубоко вздохнул, прежде чем открыть ее, и, наконец, несмело вошел в дом.

Его жена, Фредерика Джонсон, мыла у большого камина посуду. Двухлетний сын Самуэль уже спал.

Фредерика вопросительно посмотрела на мужа

Джонсон, не раздеваясь, опустился на стул и тихо проговорил:

— Не достал...

Тарелка выскользнула из рук Фредерики и со звоном упала в лохань. Она со страхом оглянулась на ребенка, но он не проснулся.

— Забастовочный комитет не имеет больше средств... В лавке не отпускают в кредит...

Фредерика перестала мыть посуду, отерла руку о фартук и молча села к столу, глядя в угол, чтобы скрыть от мужа свое волнение.

Джонсон медленно вынул из кармана легкого не по сезону пальто измятый номер газеты и положил на стол перед женой.

— На вот, читай.

И Фредерика, смахивая слезу, которая застилала ей глаза, прочитала крупное объявление:

«Пять фунтов в неделю получают семьи рабочих, согласившихся проспать до весны...» Дальше шло объяснение, что такое анабиоз. Фредерика уже слыхала о нем. Агенты Гильберта уже давно вели пропаганду анабиоза среди рабочих.

— Ты не сделаешь этого! — твердо сказала она — Мы не скоты, чтобы нас замораживали!

— Городские джентльмены не брезгают анабиозом!

— С жиру бесятся твои джентльмены! Они нам не указ!

— Послушай, Фредерика, но ведь, в конце концов, в этом нет ничего ни страшного, ни постыдного. Опасности для меня никакой. Я не штрейкбрехерствую, ничьих интересов не затрагиваю.

— А мои, а твои собственные интересы? Ведь это же почти смерть, хотя и на время! Мы должны бороться за право на жизнь, а не отлеживаться замороженными тушами до тех пор, пока господа хозяева не соблаговолят воскресить нас!

Она разгорячилась и говорила слишком громко.

Маленький Самуэль проснулся, заплакал и стал просить есть. Фредерика взяла его на руки, стала укачивать. Джонсон с тоской смотрел на русую головку сына. Он так побледнел за последнее время! Побледнела и Фредерика...

Ребенок уснул, и Фредерика опустилась у стола, закрыв лицо руками. Она не могла больше сдерживать слез.

Бенджэмин гладил своей грубой рукой ее пушистые волосы, такие же светлые, как у сына, и ласково, как ребенка, уговаривал:

— Ведь я за вас болею душой! Пойми же! Завтра Самуэль будет иметь большие кружки дымящегося молока и белый хлеб, а у тебя на столе будет хороший кусок говядины, картофель, масло, кофе .. Разлучаться трудно, но ведь это только до весны! Зацветут яблони в нашем саду, и я опять буду с вами. Я встречу вас, веселых, здоровых, цветущих, как наши яблони!..

Фредерика еще раз всхлипнула и умолкла.

— Спать пора, Бен...

Больше они ни о чем не говорили.

Но Бенджэмин знал, что она согласна. А на другой день, простившись с женой и ребенком, он уже летел на пассажирском аэроплане в Гренландию.

Серо-зеленая пелена Атлантического океана сменилась полярными картинами севера. Ледяная пустыня с разбросанными по ней кое-где горными вершинами... Временами аэроплан пролетал низко над землей, и тогда видны были хозяева этих пустынных мест — белые медведи. При виде аэроплана они в ужасе поднимались на дыбы, протягивая вверх лапы, как бы прося пощады, потом бросались убегать с неожиданной скоростью.

Джонсон невольно улыбался им, завидовал суровой, но вольной их жизни.

Вдали показались постройки и аэродром.

— Прилетели!

Дальнейшие события шли необычайно быстро.

Джонсона пригласили в контору «Консерваториума», где записали его фамилию, адрес и снабдили номером, который был прикреплен к руке в виде браслета.

Затем он спустился в подземные помещения.

Подземная машина летела вниз с головокружительной быстротой, пересекая ряд горизонтальных шахт. Температура постепенно повышалась. В верхних шахтах она была значительно ниже нуля, тогда как внизу поднималась до десяти градусов.

Машина неожиданно остановилась.

Джонсон вошел в ярко освещенную комнату, посреди которой находилась площадка с четырьмя металлическими канатами, уходящими в широкое отверстие в потолке. На площадке находилась низкая кровать, застланная белой простыней. Джонсона переодели в легкий халат и предложили лечь в кровать. На лицо надели маску, заставляя его дышать какими-то парами.

— Можно? — услышал он голос врача. И в ту же минуту площадка с его кроватью стала подниматься вверх. Скоро он почувствовал все усиливавшийся холод. Наконец холод стал невыносимым. Он пытался крикнуть, сойти с площадки, но все члены его тела как бы окаменели... Сознание его стало мутиться. И вдруг он почувствовал, как приятная теплота разливается по его телу. Но это был обман чувств, который испытывают все замерзающие: в последнем усилии организм поднимает температуру тела перед тем, как отдать все тепло холодному пространству. В это короткое время мысли Джонсона заработали с необычайной быстротой и ясностью. Вернее, это были не мысли, а яркие образы. Он видел свой сад в золотых лучах солнца, яблони, покрытые пушистыми белыми цветами, желтую дорожку, по которой бежит к нему навстречу его маленький Самуэль, а вслед за ним идет улыбающаяся, юная, краснощекая, белокурая Фредерика...

Потом все стало меркнуть, и он окончательно потерял сознание. Через какое-нибудь мгновение оно вернулось к нему, и он открыл глаза. Перед ним, наклонившись, сидел молодой человек.

— Как вы себя чувствуете, Джонсон? — спросил он, улыбаясь.

— Благодарю вас, небольшая слабость в теле, а в общем неплохо, — ответил Джонсон, оглядываясь вокруг. Он лежал в белой, ярко освещенной комнате.

— Подкрепитесь стаканом вина и бульоном, а потом в дорогу!

— Позвольте, доктор, а как же с анабиозом? Он не удался или в шахтах срочно потребовались рабочие?

Молодой человек улыбнулся.

— Я не доктор. Будем знакомы. Моя фамилия Крукс. — И он протянул Джонсону руку. — Анабиоз удался, но мы об этом еще успеем поговорить. Нас ждет аэроплан!

Джонсон, удивляясь, что с анабиозом так скоро покончено, быстро оделся и поднялся с Круксом на поверхность.

«А Фредерика-то проплакала небось всю ночь», — думал он, улыбаясь скорой встрече.

У входа в подземелье стоял большой пассажирский аэроплан. Кругом расстилалась вечная ледяная пустыня. Была ночь.

Северное сияние полосовало небо снопами лучей нежной меняющейся окраски.

Джонсон, уже в теплой шубе, с удовольствием вдыхал чистый морозный воздух.

— Я доставлю вас до дому! — сказал Крукс, помогая Джонсону подняться по лестнице в кабину.

Аэроплан быстро взвился в воздух.

Джонсон увидел ту же пересеченную местность, те же оледенелые кратеры, появляющиеся от времени до времени на пути, как степные курганы, и тех же медведей, которым он так недавно позавидовал. Вот и древние седые волны Атлантического океана. Еще немного времени, и на горизонте в сизом тумане показались берега Англии.

Кардифф... шахты... уютные коттеджи... Вот виднеется и его беленький коттедж, утопающий в густой зелени сада. У Джонсона сильно забилось сердце. Сейчас он увидит Фредерику, возьмет на руки маленького Самуэля и начнет подбрасывать вверх.

«Еще, еще!» — будет лепетать малыш по своему обыкновению.

Аэроплан сделал крутой вираж и спустился на лужайке у домика Джонсона.

VII. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Джонсон в нетерпении вышел из кабины.

Воздух был теплый. Сбросив шубу, Джонсон побежал к домику. Крукс едва поспевал за ним.

Был прекрасный осенний вечер. Заходившее солнце ярко освещало крупные красные яблоки на яблонях сада.

— Однако, — с удивлением произнес Джонсон, — неужели я проспал до осени?

Он подбежал к ограде сада и увидел сына и жену. Маленький Самуэль сидел среди осенних цветов и со смехом бросал яблоки матери. Лицо Фредерики не было видно за ветками яблони.

— Самуэль! Фредерика! — радостно закричал Джонсон и, перепрыгнув через низкую ограду, побежал через клумбы навстречу жене и сыну.

Но малыш, вместо того чтобы броситься навстречу отцу, заплакал, увидя приближавшегося Джонсона, и в испуге бросился к матери.

Джонсон остановился и вдруг увидал свою ошибку: это были не Самуэль и Фредерика, хотя мальчик очень походил на его сына. Молодая мать вышла из-за дерева. Она была одних лет с Фредерикой, такая же светлая и румяная. Но волосы были темнее. Конечно, это не Фредерика! И как только он мог ошибиться! Вероятно, это одна из соседок или подруг Фредерики.

Джонсон медленно подошел и поклонился. Молодая женщина выжидательно смотрела на него.

— Простите, я, кажется, испугал вашего сына, — сказал он, приглядываясь к ребенку и удивляясь сходству с Самуэлем. — Фредерика дома?

— Какая Фредерика? — спросила женщина.

— Фредерика Джонсон, моя жена!

— Не ошиблись ли вы адресом? — ответила женщина. — Здесь нет Фредерики...

— Хорошенькое дело! Чтобы я ошибся в адресе собственного дома!

— Вашего дома?..

— А чьего же? — Джонсона начала раздражать эта бестолковая женщина.

На пороге домика показался молодой человек лет тридцати трех, привлеченный, очевидно, шумом голосов.

— В чем дело, Элен? — спросил он, не сходя со ступеньки крыльца и попыхивая коротенькой трубкой.

— Дело в том, — ответил Джонсон на вопрос, обращенный не к нему, — что за время моего отсутствия здесь, очевидно, произошли какие-то изменения... В моем доме поселились другие...

— В вашем доме? — насмешливо спросил молодой человек, стоявший на крыльце.

— Да, в моем доме! — ответил Джонсон, махнув рукой на свой коттедж.

— С кем же я имею честь говорить? — спросил молодой человек.

— Я Бенджэмин Джонсон!

— Бенджэмин Джонсон? — переспросил молодой человек и расхохотался. Слышишь, Элен? — обратился он к женщине. — Еще один Бенджэмин Джонсон и владелец этого коттеджа!

— Позвольте вас уверить, — вдруг вмешался в разговор подошедший Крукс, — что перед вами действительно Бенджэмин Джонсон. — И он указал на Джонсона рукой.

— Это становится занятно. И свидетеля с собой притащил! Позвольте и вам сказать, что ваша шутка неудачна. Тридцать три года я был Бенджэмин Джонсон, родившийся в этом самом доме и его собственник, а теперь вы хотите меня убедить, что собственник дома, Бенджэмин Джонсон, вот этот молодой человек!

— Я не только хочу, но и надеюсь убедить вас в этом, если вы разрешите зайти в дом и разъяснить вам некоторые обстоятельства, очевидно неизвестные вам.

Крукс говорил так убедительно, что молодой человек, подумав немного, пригласил его и Джонсона в дом.

С волнением вошел Джонсон в свой дом, который оставил так недавно. Он еще надеялся встретить на обычном месте, у камина, Фредерику и сына, играющего у ее ног на полу. Но их там не было...

С жадным любопытством окинул Джонсон комнату, в которой провел столько радостных и горьких минут.

Вся мебель была незнакомой, чуждой ему.

Только над камином висели еще расписные тарелки елизаветинских времен — фамильная драгоценность Джонсонов.

А у камина в глубоком кресле сидел седой, дряхлый старик с завернутыми в плед ногами, несмотря на теплый день. Старик окинул вошедших недружелюбным взглядом.

— Отец, — обратился молодой человек к старику, — вот эти люди утверждают, что один из них Бенджэмин Джонсон и собственник дома. Не желаешь ли заполучить еще одного сынка?

— Бенджэмин Джонсон, — прошамкал старик, разглядывая Крукса, — так звали моего отца... но он давно погиб в Гренландии, в этом проклятом леднике, где морозили людей!..

— Позвольте мне рассказать, как было дело, — ответил Крукс. — Прежде всего, Джонсон не я, а вот он. Я Крукс. Ученый, историк.

И, обращаясь к старику, он начал свой рассказ:

— Вам было, если не ошибаюсь, около двух лет, когда ваш отец, Бенджэмин Джонсон, попался на удочку углепромышленника Гильберта и решил подвергнуть себя «замораживанию», чтобы спасти вас и вашу мать от голодной смерти во время безработицы. Примеру Джонсона скоро последовали и многие другие исстрадавшиеся и отчаявшиеся семейные рабочие. Пустовавший «Консерваториум» на северо-западном берегу Гренландии быстро заполнился телами замороженных рабочих. Но Карлсон и Гильберт ошиблись в своих расчетах.

Замораживание рабочих не разрешило кризиса, который переживал английский капитализм. Даже наоборот: это только обострило разгоревшиеся страсти классовой борьбы. Наиболее стойкие рабочие были возмущены «замороженной человечиной», как называли они применение анабиоза к «консервированию» безработных, и использовали замораживание как агитационное средство. Вспыхнула революция. Отряд вооруженных рабочих, захватив аэропланы, направился в Гренландию с целью оживить своих братьев, спавших мертвым сном, и поставить их в ряды борющихся.

Тогда Карлсон и Гильберт, желая предупредить события, дали по радио приказ своим прислужникам в Гренландии взорвать «Консерваториум», надеясь объяснить это преступление несчастным случаем.

Радиотелеграмма была перехвачена, и Карлсон и Гильберт понесли заслуженное наказание. Однако радиоволны летят быстрее всякого аэроплана. И когда летчики спустились у цели своего полета, они застали только зияющие, дымящиеся пропасти, обломки построек и куски мороженого человеческого мяса. Удалось раскопать несколько нетронутых катастрофой тел, но и эти погибли от слишком быстрого повышения температуры, а может быть, и от удушья. Работы затруднялись тем, что планы подземных телохранилищ исчезли. Оставалось только поставить памятник над этим печальным местом. Прошло семьдесят три года...

Джонсон невольно вскрикнул.

— И вот не так давно, изучая историю нашей революции по архивным материалам, в архиве одного из бывших министерств я нашел заявление Гильберта с просьбой о разрешении ему построить «Консерваториум» для консервирования безработных. Гильберт подробно и красноречиво писал о том, какую пользу можно извлечь из этого средства в «деле изжития периодических кризисов и связанным с ними рабочих волнений». Рукою министра на этом заявлении была наложена резолюция: «Конечно, лучше, если они будут мирно почивать, чем бунтовать разрешить...»

Но самым интересным было то, что к заявлению Гильберта был приложен план шахт. И в этом плане мое внимание привлекла одна шахта, шедшая далеко в сторону от общей сети. Не знаю, какими соображениями руководствовались строители шахт, прокладывая эту галерею. Меня заинтересовало другое: в этой шахте могли остаться тела, не поврежденные катастрофой. Я тотчас сообщил об этом нашему правительству. Была снаряжена специальная экспедиция. Приступили к раскопкам. После нескольких недель неудачных поисков нам удалось открыть вход в эту шахту. Она была почти не тронута, и мы направились в глубь ее.

Жуткое зрелище представилось нашим глазам. Вдоль длинного коридора в стенах были устроены ниши в три ряда, а в них лежали тела. Ближе к входу, очевидно, проник горячий воздух, при взрыве он сразу убил лежавших в анабиозе людей. Ближе к середине шахт температура, видимо, повышалась более медленно, и несколько рабочих ожили, но они, вероятно, погибли от удушья, голода или холода. Их искажен-

ные лица и судорожно сведенные члены говорили о предсмертных страданиях.

Наконец в самой глубине шахты, за крытым поворотом, стояла ровная холодная температура. Здесь мы нашли только три тела, остальные ниши были пустые. Со всеми предосторожностями мы постарались оживить их. И это нам удалось.

Первым из них был известный астроном Эдуард Лесли, гибель которого оплакивал весь ученый мир, вторым — поэт Мерэ и третьим — Бенджэмин Джонсон, только что доставленный мною сюда на аэроплане... Если моих слов недостаточно, в подтверждение их я могу привести неоспоримые доказательства. Я кончил!

Все сидели молча, пораженные рассказом. Наконец Джонсон тяжело вздохнул и сказал:

— Значит, я проспал семьдесят три года? Отчего же вы не сказали мне об этом сразу? — обратился он с упреком к Круксу.

— Дорогой мой, я опасался подвергать вас слишком сильному потрясению после вашего пробуждения.

— Семьдесят три года!.. — в раздумье проговорил Джонсон. — Какой же у нас теперь год?

— Август месяц, тысяча девятьсот девяносто восьмой год.

— Тогда мне было двадцать пять лет, значит, теперь мне девяносто восемь...

— Но биологически вам осталось двадцать пять, — ответил Крукс, — так как все ваши жизненные процессы были приостановлены, пока вы лежали в состоянии анабиоза.

— Но Фредерика, Фредерика!.. — с тоской вскричал Джонсон.

— Увы, ее давно нет! — сказал Крукс.

— Моя мать умерла уже тридцать лет тому назад, — проскрипел старик.

— Вот так штука! — воскликнул молодой человек. И, обращаясь к Джонсону, он сказал: — Выходит, что вы мой дедушка! Вы моложе меня, у вас семидесятипятилетний сын!..

Джонсону показалось, что он бредит. Он провел ладонью по своему лбу.

— Да... сын! Самуэль! Мой маленький Самуэль — вот этот старик! Фредерики нет... Вы — мой внук, — обратился он к своему тезке Бенджэмину, — а та женщина и ребенок?..

— Моя жена и сын...

— Ваш сын... Значит, мой правнук! Он в том же возрасте, в каком я оставил моего маленького Самуэля!

Мысль Джонсона отказывалась воспринимать, что этот дряхлый старик и есть его сын... Старик сын также не мог признать в молодом, цветущем, двадцатипятилетнем юноше своего отца...

И они сидели смущенные, в неловком молчании глядя друг на друга...

VIII. АГАСФЕР

Прошло почти два месяца после того, как Джонсон вернулся к жизни.

В холодный, ветреный сентябрьский день он играл в саду со своим правнуком Георгом.

Игра эта состояла в том, что мальчик усаживался в маленькую летательную машину — авиетку с автоматическим управлением. Джонсон настраивал аппарат управления, пускал мотор, и мальчик, громко крича от восторга, летал вокруг сада на высоте трех метров от земли. После нескольких кругов аппарат плавно опускался на заранее определенное место.

Джонсон долго не мог привыкнуть к этой новой детской забаве, неизвестной в его жизни. Он боялся, что с механизмом может что-либо случиться и ребенок упадет и расшибется. Однако летательный аппарат действовал безукоризненно.

«Посадить ребенка на велосипед тоже казалось нам когда-то опасным», — думал Джонсон, следя за летающим правнуком.

Вдруг резкий порыв ветра отбросил авиетку в сторону. Механическое управление тотчас же восстановило нарушенное равновесие, но ветер отнес аппарат в сторону. Авиетка, изменив направление полета, налетела на яблоню и застряла в ветвях дерева.

Ребенок в испуге закричал. Джонсон, в не меньшем испуге, бросился на помощь правнуку. Он быстро вскарабкался на яблоню и стал снимать маленького Георга.

— А сколько раз я говорил вам, чтобы вы не устраивали ваших полетов в саду! — вдруг услышал Джонсон голос своего

сына Самуэля. Старик стоял на крыльце и в гневе потрясал кулаком.

— Есть, кажется, площадка для полетов — нет, непременно надо в саду! Неслухи! Беда с этими мальчишками! Вот поломаете мне яблони, уж я вас!..

Джонсона возмутил этот стариковский эгоизм. Старик Самуэль очень любил печеные яблоки и больше беспокоился за целость яблонь, чем за жизнь внука.

— Ну ты, не забывайся! — воскликнул Джонсон, обращаясь к старику сыну. — Этот сад был впервые разведен мною, когда еще тебя не было на свете! И покрикивай на кого-нибудь другого. Не забывай, что я твой отец!

— Что ж, что отец? — ворчливо ответил старик. — По милости судьбы, у меня отец оказался мальчишкой! Ты мне почти что во внуки годен! Старших слушаться надо! — наставительно закончил он.

— Родителей слушаться надо! — не унимался Джонсон, спуская правнука на землю. — И кроме того, я и старше тебя. Мне девяносто восемь лет!

Маленький Георг побежал в дом к матери.

Старик постоял еще немного, шевеля губами, потом сердито махнул рукой и тоже ушел.

Джонсон отвез авиетку в большую садовую беседку, заменявшую ангар, и там устало опустился на скамейку среди лопат и граблей.

Он чувствовал себя одиноким.

Со стариком сыном у него совершенно не сложились отношения. Двадцатипятилетний отец и семидесятипятилетний сын — это ни с чем не сообразное соотношение лет положило преграду между ними. Как ни напрягал Джонсон свое воображение, оно отказывалось связать воедино два образа: маленького двухлетнего Самуэля и этого дряхлого старика.

Ближе всех он сошелся с правнуком — Георгом. Юность вечна. Дух нового времени не наложил еще на Георга своего отпечатка. Ребенок в возрасте Георга радуется и солнечному лучу, и ласковой улыбке, и красному яблоку так же, как радовались дети его возраста тысячи лет назад. Притом и лицом он напоминал его сына — Самуэля-ребенка... Мать Георга, Элен, также несколько напоминала Джонсону Фредерику, и он не раз останавливал на ней взгляд тоскующей нежности. Но в

глазах Элен, устремленных на него, он видел только жалость, смешанную с любопытством и страхом, как будто он был выходцем из могилы.

А ее муж, внук Джонсона, носивший его имя, Бенджэмин Джонсон, был далек ему, как и все люди этого нового, чуждого ему поколения.

Джонсон впервые почувствовал власть времени, власть века. Как жителю долин трудно дышать разреженным горным воздухом, так Джонсону, жившему в первую четверть двадцатого века, трудно было приноравливаться к условиям жизни конца этого века.

Внешне все изменилось не так уж сильно, как можно было предполагать.

Правда, Лондон разросся на многие мили в ширину и поднялся вверх тысячами небоскребов.

Воздушные сообщения сделались почти исключительным способом передвижения.

А в городах движущиеся экипажи были заменены подвижными дорогами. В городах стало тише и чище. Перестали дымить трубы фабрик и заводов. Техника создала новые способы добывания энергии.

Но в общественной жизни и в быте произошло много перемен с его времени.

Рабочих не стало на ступенях общественной лестницы, как низшей группы, группы, отличной от выше стоящих и по костюму, и по образованию, и по привычкам.

Машины почти освободили рабочих от наиболее тяжелого и грязного физического труда.

Здоровые, просто, но хорошо одетые, веселые, независимые рабочие были единственным классом, державшим в руках все нити общественной жизни. Все они получали образование. И Джонсон, учившийся на медные деньги почти сто лет тому назад, чувствовал себя неловко в их среде, несмотря на всю их приветливость.

Все свободное время они проводили больше на воздухе, летая на своих легких авиетках, чем на земле. У них были совершенно иные интересы, запросы, развлечения.

Даже их короткий, сжатый язык, со многими новыми словами, выражавшими новые понятия, был во многом непонятен Джонсону.

Они говорили о новых для Джонсона обществах, учреждениях, новых видах имущества и спорта...

На каждом шагу, при каждой фразе он должен был спрашивать:

— А что это такое?

Ему нужно было нагнать то, что протекало без него в продолжение семидесяти трех лет, и он чувствовал, что не в силах сделать это. Трудность заключалась не только в обширности новых знаний, но и в том, что ум его не был так воспитан, чтобы воспринять и усвоить все накопленное человечеством за три четверти века. Он мог быть только сторонним, чуждым наблюдателем и предметом наблюдения для других. Это также стесняло его. Он чувствовал постоянно направленные на него взгляды скрытого любопытства. Он был чем-то вроде ожившей мумии, археологической находкой занятного предмета старины. Между ним и обществом лежала непреодолимая грань времени.

«Агасфер!.. — подумал он, вспомнив легенду, прочитанную им в юности. — Агасфер, вечный странник, наказанный бессмертием, чуждый всему и всем... К счастью, я не наказан бессмертием! Я могу умереть... и хочу умереть! Во всем мире нет человека моего времени, за исключением, может быть, нескольких забытых смертью стариков... Но и они не поймут меня, потому что они все время жили, а в моей жизни провал! Нет никого!..»

Вдруг у него в уме шевельнулась неожиданная мысль:

«А те двое, которые ожили вместе со мной там, в Гренландии?»

Он в волнении поднялся. Его неудержимо потянуло к этим неизвестным людям, которые вдруг стали ему так дороги. Они жили в одно время с Фредерикой и маленьким Самуэлем. Какие-то нити протянуты между ними... Но как найти их? Крукс!.. Он должен знать!

Крукс не оставлял Джонсона, пользуясь им как «живым историческим источником» для своей работы по истории революции.

Джонсон поспешил к Круксу и изложил ему свою просьбу, ожидая ответа с таким волнением, как будто ему предстояло свидание с женой и маленьким сыном.

Крукс что-то соображал.

— Сейчас конец сентября... А ноябрь тысяча девятьсот девяносто восьмого года... Ну да, конечно, Эдуард Лесли должен быть уже в Пулковской обсерватории, сидеть за телескопом в поисках своих исчезающих Леонид. В Пулковской обсерватории лучший рефрактор в мире. Лесли, конечно, там. Там же вы найдете и поэта Мерэ... Он писал мне недавно, что едет к профессору Лесли. — И, улыбнувшись, Крукс добавил: — Очевидно, все вы, «старички», чувствуете тяготение друг к другу.

Джонсон наскоро простился и отправился в путь с первым отлетавшим на Ленинград пассажирским дирижаблем.

Он сам не представлял себе, каково будет предстоящее свидание, но чувствовал, что это все, что еще может интересовать его в жизни.

IX. ПОД ЗВЕЗДНЫМ НЕБОМ

Дрожащей рукой Джонсон открыл двери зала Пулковской обсерватории.

Огромный круглый зал тонул во мраке.

Когда глаза несколько привыкли к темноте, Джонсон увидел стоявший среди зала гигантский телескоп, напоминавший дальнобойную пушку, направившую свое жерло в одно из отверстий в куполе. Труба была укреплена на массивной подставке, вдоль которой шла лестница в пятьдесят ступеней. Лестницы вели и к площадке для наблюдения на высоте трех метров. С этой площадки, сверху, слышался чей-то голос:

— ...Отклонение от формы растянутого эллипса и приближение к форме параболы происходит в зависимости от особенного действия масс отдельных планет, которому кометы и астероиды подвергаются при своем движении по направлению к Солнцу. Наибольшее влияние в этом отношении как раз оказывает Юпитер, сила притяжения которого составляет почти тысячную долю притяжения Солнца...

Когда Джонсон услышал этот голос, четко раздавшийся в пустоте зала, когда он услышал эти непонятные слова, на него напала робость.

Зачем он пришел сюда?

Что скажет профессору Лесли? Разве эти параболы и эл-

липсы не так же непонятны ему, как и новые слова новых людей? Но отступать было поздно, и он кашлянул.

— Кто там?

— Можно видеть профессора Лесли?

Чьи-то шаги быстро простучали по железным ступеням лестницы.

— Я профессор Лесли. Чем могу служить?

— А я Бенджэмин Джонсон, который... который лежал с вами в Гренландии, погруженный в анабиоз. Мне хотелось поговорить с вами...

И Джонсон путано стал объяснять цель своего прихода. Он говорил о своем одиночестве, о своей потерянности в этом новом, непонятном для него мире, даже о том, что он хотел умереть...

Наверно, эти, новые, не поняли бы его. Но профессор Лесли понял тем легче, что многие переживания Джонсона испытал он сам.

— Не печальтесь, Джонсон, не вы один страдаете от этого разрыва времени. Нечто подобное испытал и я, а также и мой друг Мерэ, позвольте его представить вам.

Джонсон пожал руку спустившемуся Мерэ, по старой привычке, давно оставленной «новыми» людьми, которые восстановили красивый и гигиенический обычай древних римлян поднимать в знак приветствия руку.

— Вы тоже из рабочих? — спросил Джонсон Мерэ, хотя тот очень мало походил на рабочего.

— Нет. Я поэт.

— Зачем же вы замораживали себя?

— Из любопытства... А пожалуй, и из нужды...

— И вы пролежали столько же времени, как и я?

— Нет, несколько меньше. Я пролежал сперва всего два месяца, был «воскрешен», а потом опять решил погрузиться в анабиоз. Я хотел... как можно дольше сохранить молодость! — И Мерэ засмеялся.

Несмотря на разницу в развитии и в прежнем положении, этих трех людей сближала общая странная судьба и эпоха, в которую они жили. К удивлению Джонсона, беседа приняла оживленный характер. Каждый многое мог рассказать другим.

— Да, друг мой, — обратился Лесли к Джонсону, — не

один вы испытываете оторванность от этого нового мира. Я сам ошибся во многих расчетах.

Я решил подвергнуть себя анабиозу, чтобы иметь возможность наблюдать небесные явления, которые происходят через несколько десятков лет. Я хотел разрешить труднейшую для того времени научную задачу. И что же? Теперь все эти задачи давно разрешены. Наука сделала колоссальные открытия, раскрыла за это время такие тайны неба, о которых мы не смели и мечтать!

Я отстал... Я бесконечно отстал, — с грустью добавил он после паузы и вздохнул. — Но все же я, мне кажется, счастливее вас! Там, — и он указал на купол, — время исчисляется миллионами лет. Что значат для звезд наши столетия... Вы никогда, Джонсон, не наблюдали звездного неба в телескоп?

— Не до этого было, — махнул рукой Джонсон.

— Посмотрите на нашего вечного спутника Луну! — И Лесли провел Джонсона к телескопу.

Джонсон посмотрел в телескоп и невольно вскрикнул от удивления. Лесли засмеялся и сказал с удовольствием знатока:

— Да, таких инструментов не знало наше время!..

Джонсон видел Луну, как будто она была от него на расстоянии нескольких километров.

Огромные кратеры поднимали свои вершины, черные, зияющие трещины бороздили пустыни.

Яркий до боли свет и глубокие тени придавали картине необычайно рельефный вид. Казалось, можно протянуть руку и взять один из лунных камней.

— Вы видите, Джонсон, Луну такою, какою она была и тысячи лет тому назад. На ней ничего не изменилось... Для вечности семьдесят пять лет — меньше, чем одно мгновение. Будем же жить для вечности, если судьба оторвала нас от настоящего! Будем погружаться в анабиоз, в этот сон без сновидений, чтобы, пробуждаясь раз в столетие, наблюдать, что творится на Земле и на небе.

Через двести-триста лет мы, быть может, будем наблюдать на планетах жизнь животных, растений и людей... Через тысячи лет мы проникнем в тайны самых отдаленных времен. И мы увидим новых людей, менее похожих на теперешних, чем обезьяны на людей...

Быть может, Джонсон, будущие обитатели нашей планеты низведут нас на степень низших существ, будут гнушаться родством с нами и даже отрицать это родство? Пусть так. Мы не обидчивы. Но зато мы будем видеть такие вещи, о которых и не смеют мечтать люди, отживающие положенный им жизнью срок... Разве ради этого не стоит жить, Джонсон?

По нашей просьбе меня и Мерэ снова подвергнут анабиозу. Хотите присоединиться к нам?

— Опять? — с ужасом воскликнул Джонсон. Но после долгого молчания он глухо произнес, опустив голову:

— Все равно...

ОХОТА НА БОЛЬШУЮ МЕДВЕДИЦУ

— Смертельно раненный лев обрушился на меня и издох. Весь облитый его и своей кровью, обессиленный ранами и борьбой, я задыхался под косматым брюхом мертвого зверя. Только утром товарищи нашли меня и еле живого извлекли из-под трупа льва и привели в чувство. Но все же я благодарен ему: если бы он так хорошо не прикрыл меня, я был бы растерзан гиенами, сбежавшимися к полю битвы. Вот почему я и сказал, что мертвый может спасти жизнь живому, — закончил Дик свой рассказ.

— Интересный случай, — сказал Майк, подбрасывая в костер сухие ветви.

— Да, но бывают случаи и получше, — отозвался Ник, и лицо его вынырнуло из мрака, сверкнув стеклами очков. — Если вы еще расположены слушать, я расскажу вам интересный случай охоты на тигра.

— Совершенно не расположены, — процедил сквозь зубы Майк.

Но Ник, вероятно, не расслышал и, придвинувшись ближе к костру, оживленно сказал:

— Ну вот и отлично. Это было не помню уж в котором году: в девятнадцатом...

— Или в двадцать девятом.

— Не мешай, Майк. Не хочешь слушать, можешь ложиться спать. Так вот, это было в девятнадцатом или двадцатом году. Я путешествовал по Африке и решил поохотиться на тигра.

— На тигра, в Африке? — с сомнением спросил Дик.

— Не мешай ему, Дик, — сказал меланхолический Майк, хлопая загоревшимся прутом по костру.

— Да, на тигра, в Африке. Что же тут невероятного?

— Я же тебе говорил, Дик, не мешай ему. Тигр был тоже путешественник. Он пришел из Азии, перепрыгнул через Красное море, чтобы погулять по Африке, и кстати решил познакомиться с Ником.

— Я сидел в лесу, — продолжал Ник. — Была яркая лунная ночь. Небо синее до черноты, и на нем звезды с тарелку. В ночной тиши я услышал осторожные, крадущиеся шаги зверя и сжал крепче мою скорострельную винтовку «фильд № 2», сорокавосьмизарядную — изобретение моего друга Ричарда Фильда. Слыхали о нем? Не может быть! Где же вы были? Ведь изобретение им ружья «фильд № 1» наделало тогда шуму на весь мир. Он, видите ли, задался целью изобрести ружье необычайной силы, которое должно было действовать чуть ли не энергией распада атомов.

Майк слабо простонал.

— Я сам был при его первом опыте с «фильдом № 1». Мы поехали с ним на остров Стэк-Скерри[1] и решили произвести пробу ружья в безлюдной местности, на берегу океана. Фильд поставил цель на высоте груди человека и выстрелил. Я ожидал грома, но услышал только свист. Не успел я сделать нескольких шагов, чтобы посмотреть на мишень, как вдруг Фильд упал с легким стоном, обливаясь кровью. Чья-то пуля пронзила его насквозь. Впереди нас никого не было. Осмотр раны, более широкой на груди, чем в спине, убедил меня окончательно, что преступник стрелял сзади. У Фильда, как у всех выдающихся людей, были завистники и враги.

«Какой мерзавец мог это сделать!» — с негодованием воскликнул я, поднимая моего бедного друга.

[1] Секретарь редакции до сих пор не нашел этого острова ни в одном из атласов. Но из-за этого задерживать номер журнала мы не решаемся.

«Будьте осторожней в выражениях, — ответил Фильд слабым голосом. — Неужели вы не понимаете, что я сам едва не убил себя?»

«Как же это могло быть? Рикошет? Пуля вернулась назад?»

«Наоборот, она летела все вперед, с молниеносной быстротой облетела земной шар и поразила меня сзади...»

Я был так ошеломлен, что, положив на землю раненого Фильда, стал медленно выпрямляться. В этот момент у меня упала шляпа, сбитая чьей-то невидимой рукой. Я поднял ее и увидел, что шляпа прострелена. Пуля совершила еще один полет вокруг земного шара и едва не убила меня.

«Что же теперь будет?» — растерянно спросил я, поспешно усаживаясь на землю.

«Скверно, — ответил Фильд. — Пуля должна поражать все на своем пути и наделает много бед. Я не рассчитал силу моего ружья. Теперь пуля будет носиться вокруг Земли, как маленький спутник, пока сила трения о воздух постепенно не уменьшит ее скорости; тогда она упадет на Землю».

«Но неужели она пробила все, что было на ее пути: деревья, дома, скалы?»

«Очевидно», — ответил Фильд, теряя сознание от потери крови.

Фильд был прав. Пуля действительно наделала много бед. Она пронзила на своем пути тысячи людей, одних убивая насмерть, других калеча. А иных только напугала: разбивала вдребезги чашку в руках какой-нибудь старушки, мирно сидевшей у камина, или пробивала шляпу, как у меня.

В лесах пуля поубивала множество зверей, и ее путь был отмечен трупами, которые лежали, как бусы, продетые невидимой ниткой. Земной шар как бы разделился на две половины невидимой преградой, через которую нельзя было ни пройти, ни проехать.

Пришлось поставить ограду на всем пути полета пули. Для железных и шоссейных дорог провели в месте пересечения их «смертельным кольцом» туннели или построили мосты. Но особенно плохо было на море. Красные оградительные буи указывали запретное место. Океанское пароходное сообщение происходило с пересадкой пассажиров, которые перево-

зились под опасным местом на подводных лодках... Словом, пуля наделала ужасно много хлопот. У ученых пухли головы, инженеры ходили как помешанные, изобретая средство против пули. Чего только они не придумывали! Заграждения из бетона, стальные щиты, а пуля будто и не замечала этих препятствий и не имела намерения замедлить полет. В конце концов ее решили, как говорят врачи, «осумковать»: заключили в металлические трубки всю ее траекторию — весь путь ее полета. Затем кто-то предложил наполнить трубку водой или маслом, чтобы увеличить сопротивление. Налили. Но от трения жидкость превратилась в пар, и трубы лопнули, а пуля — хоть бы что! Из такого уж сплава она была отлита.

— Чем же все это кончилось? — заинтересовался Дик.

— Один только Фильд мог помочь беде, и он помог, как только стал на ноги после ранения. «Клин клином вышибают, — сказал он. — Надо послать встречную пулю».

— Ну?

— Ну и послал. Пуля врезалась в пулю, и пуля прошла сквозь пулю, раздробившись на мельчайшие части. Эти части, летящие в противоположных направлениях, тоже были бы опасны. Но, к счастью, от удара обе пули изменили полет, и осколки унеслись в небесное пространство по направлению к Большой Медведице.

— И ранили ее в лапу? — серьезно спросил Майк. — Но ты, кажется, начал рассказывать об охоте на «африканского» тигра, а кончил охотой на Большую Медведицу. Чем же окончилась твоя охота на тигра?

— Ружье дало осечку, я бросился на тигра и растерзал его в клочья, — сердито ответил Ник.

МЕРТВАЯ ГОЛОВА

1. В ПОГОНЕ ЗА СЛАВОЙ

— Сбор ровно в полдень на этой поляне.

Жозеф Морель кивнул головой двум своим спутникам, поправил за спиной дорожный мешок и, помахивая сачком для ловли насекомых, углубился в чащу.

Это были владения пальм, папоротников и лиан.

Морель беспечно напевал веселую песенку, зорко всматриваясь сквозь стекла очков в зеленоватые сумерки тропического леса. Молодой ученый был в наилучшем настроении. Ему повезло в жизни. Морелю не было еще сорока лет, а он уже имел звание профессора. Его труд о пауках удостоился премии, и вот теперь он получил научную командировку в Бразилию, в малоисследованные верховья реки Амазонки, этого рая для энтомологов.

«Науке известно двести тысяч видов насекомых. Чарлз Риде допускает, что их не менее десяти миллионов. Каждый год описывается не менее шести с половиной тысяч новых видов. Будет недурно, если прибавится в этом году еще шесть тысяч, открытых Жозефом Морелем. Какой великолепный памятник из насекомых воздвигнет себе Морель!» — уносился в честолюбивых мечтах профессор. И мечты его были вполне осуществимы. В этом лесу хватило бы материала не на один «памятник». Пестрые кусочки будущего величия Мореля в виде красивых разноцветных бабочек носились перед ним, как хлопья снега. Надо было только собрать воедино эти сверкающие всеми цветами радуги хлопья — и научное бессмертие Мореля обеспечено. Его зоркий глаз ученого уже заметил несколько необычных форм бабочек, но Морель не спешил. Среди этого неистощимого богатства он мог позволить себе роскошь быть разборчивым. Притом его больше интересовали пауки, а здесь их встречалось мало.

Чем больше углублялся Морель в чащу, тем гуще становились тени, молчаливее лес. Огромные стволы пальм, как колонны, уходили высоко вверх, закрывая свет солнца сплетающимися листьями. К косматым стволам пальм присосались растительные паразиты — орхидеи и бромелии. А внизу молодые пальмы и папоротники разбрасывали свои веерообразные листья, образуя густой подлесок. И от пальмы к пальме, от ствола к стволу протянулись, как змеи, узластые лианы — эти проволочные заграждения тропических лесов. Местами ярко-желтый луч солнца прорезал зеленоватый полумрак леса, и в золоте лучей вспыхивало красное крыло попугая, бриллиантом сверкал пролетевший колибри, пламенем зажигался цветок орхидеи.

— О-а! О-а! Ха-ха-ха! — резко кричал попугай. Ему отвечала большая обезьяна. Вися на хвосте, она ритмически раскачивалась, пытаясь дотянуться рукой до попугая. Но попугай, прикинув расстояние скошенным глазом, сидел неподвижно и продолжал свое ворчливое «о-а», как сосед, который затеял ссору от скуки. Две маленькие обезьянки заметили человека и некоторое время следовали за ним, ловко перебираясь на руках по лианам. Одна обезьяна ухватила за хвост другую. Та завизжала, оскалила зубы, и вот они начали драться, забыв о Мореле.

Лес жил своей жизнью.

Ноги Мореля мягко ступали по устланной мхом и перегнившими листьями земле. Становилось все труднее идти. Влажный, оранжерейный воздух был наполнен ароматами цветов и растений так сильно, что Морель задыхался. Как будто над этим лесом прошел ливень из одуряюще пряных духов. Сачок путался в ветвях. Морель падал, зацепившись за лианы или поваленные стволы, обросшие мхом. Ученый прошел не более трех километров, а уже чувствовал усталость и весь был покрыт испариной. Он решил выйти на открытое место. Осмотревшись, Морель заметил вправо от себя светлое пятно, как будто там занималась заря, и пошел на этот просвет. Скоро он вышел на лесную прогалину, шедшую вдоль высохшего русла одного из бесчисленных мелких притоков Амазонки. В период дождей по этому руслу бушевала настоящая река, увлекавшая в своем стремительном течении бурелом. Но теперь дно было сухо и покрыто острыми болотными травами. Лишь по краям и кое-где по дну были разбросаны перегнившие стволы деревьев, оставшиеся от половодья.

Морель спустился в сухое ложе реки и вдохнул в себя более сухой и разреженный воздух. В ту же минуту его внимание было привлечено огромной бабочкой, имевшей размах крыльев более метра. Морель даже пригнулся, готовый к прыжку. В нем заговорил ученый и страстный охотник на насекомых.

«Совершенно новая разновидность acherontia medor (мертвая голова)», — подумал Морель, следя за полетом бабочки.

Спина бабочки была не бурая с серовато-голубым отблеском, как обычно, а золотистая, с темно-синим рисунком черепа и скрещенных костей. Передние крылья ее были такого

же золотистого цвета, а задние — лазоревые. Морель с огорчением подумал о том, что его сачок слишком мал, чтобы захватить такое большое насекомое. Но выхода не было. Он должен был поймать эту бабочку, хотя бы с риском повредить ей крылья. И Морель прыгнул на бабочку, взмахнув сачком. Потревоженная бабочка издала свистящий звук и полетела вдоль ручья, как бы подзадоривая охотника. Морель, прыгая и падая, побежал за ней. Еще за минуту до этого единственным его желанием было растянуться в траве и отдохнуть. Но теперь он забыл об этом и стал гоняться за бабочкой с таким жаром, как будто ловил собственное бессмертие. А бабочка, медленно махая мягкими крыльями, продолжала манить его за собой, как болотный огонек, ловко увертываясь от сачка в своем зигзагообразном полете. Русло реки извивалось, разветвлялось на несколько русел, делало крутые повороты, что еще больше затрудняло погоню. С Мореля пот лил ручьями, заливая глаза; мешок за спиной и ящик для насекомых болтались на нем, как на взбешенном верблюде, но он ничего не чувствовал и не видел, кроме порхавшего в воздухе «золотого руна». Десятки раз он был близок к победе и уже издавал торжествующий крик, но бабочка была неуловима, как сказочная «синяя птица». Морель давно уже перестал замечать дорогу для обратного пути. Если бы сейчас половина Бразилии провалилась сквозь землю, он не заметил бы, загипнотизированный «мертвой головой».

Крутой поворот русла — и перед Морелем внезапно поднялась целая стена бурелома, преграждавшая ему путь. Бабочка легко вспорхнула и перелетела бурелом. Морель бросился на приступ и тотчас увяз в перегнившей трухе. Тогда он побежал в обход. Но время было упущено. Бабочка порхала вдали и скоро скрылась за кустами парагвайского чая. Еще раз мелькнули золотисто-лазоревые крылья над густо-зелеными листьями молочайника и исчезли...

Морель пробежал несколько десятков метров с упорством отчаяния, но все было напрасно. Бабочки не было. Почти без сил ученый опустился на траву и бросил сачок.

«В конце концов, не одна же такая бабочка существует в этих лесах!» — успокаивал он себя, несколько отдышавшись.

2. ЧЕЛОВЕК И ПАУК

Раскинув широко руки, Морель лежал на спине, давая отдых своему измученному телу. Потом он поднялся и посмотрел на часы. Десять часов сорок пять минут. Пожалуй, он опоздает к завтраку. Морель огляделся, чтобы сообразить, в какую сторону ему идти. Прямо перед ним к высохшему руслу ручья скатывалась застывшим водопадом зеленая масса леса. Позади него почва отлого поднималась. Здесь были владения папоротников. Сочные, огромные, с пышной темно-зеленой листвой, они покрывали здесь склон.

«Какая буйная, пышная растительность! — с невольным восхищением подумал Морель. — Целый лес папоротников! Можно подумать, что я каким-то чудом перелетел в прошлое, за триста миллионов лет, в каменноугольный период...»

Этот уголок леса был молчалив, как миллионы лет назад. Ни зверей, ни птиц... Только насекомые — мириады насекомых, летавших в воздухе, ползавших по листьям деревьев, копошившихся в траве... Пауки! Их было больше всего. Они протягивали огромные полотнища паутины между папоротниками, принизывали воздух тончайшими нитями, кишели среди мха и корней. Казалось, сюда собрались пауки со всего света — от едва заметных микроскопических паучков до огромных волосатых птицеедов. Темно-коричневые, красные, полосатые, черные, серые — всех цветов и окрасок пауки наполняли воздух и землю. Даже в луже, сохранившейся в русле высохшей реки, копошились водяные пауки. От такого необычайного количества «дичи» у Мореля перехватило дыхание. На одном квадратном метре здесь было пауков больше, чем в университетском музее! Морель был поражен. Мысль его работала лихорадочно. Он классифицировал, с жадностью истого ученого намечая жертвы своей любознательности.

Огромный, величиной с кулак, паук, покрытый темно-коричневыми полосами, набежал на Мореля, с недоумением остановился и вдруг принял самую воинственную позу: поднялся на задние ноги, так что стало видно его брюшко, передние ноги приподнял, как боксер, готовый нанести удар, и неожиданно бросился на Мореля. Ученый едва успел отбежать от врага в сторону и оглянулся. Паук не преследовал его, но длинные черные серповидные челюсти насекомого угрожаю-

ще двигались. Морель знал, что укус этих челюстей иногда на много лет оставляет после себя острую боль. И все же ученый не мог отвести глаз от паука, до такой степени интересовало его это страшилище. И они смотрели друг на друга несколько минут — человек и паук, два существа, разделенные полумиллиардом лет происхождения. Морель уже не смотрел на паука как на свою жертву. В эти мгновения их роли поменялись. У него невольно пробуждался страх далеких предков человека перед своим извечным врагом. В душе человека каменного века этот небольшой по размерам враг возбуждал едва ли не больший ужас, чем огромный, как гора, мастодонт. Малый размер паука при его необычайной подвижности делал его особенно опасным. Паука трудно было убить, он подстерегал человека повсюду, нападал внезапно и поражал прежде, чем человек успевал шевельнуть рукой. Впервые за все время своей ученой деятельности Морель посмотрел на паука не как на интересный экземпляр для коллекции, а как на страшного врага. К счастью для Мореля, у паука были дела поважнее. Помахав несколько раз мохнатыми лапами, как бы грозя кулаками, паук неожиданно повернулся и скрылся под папоротником.

Урок был дан. Морель уже с осторожностью ступал по траве, стараясь не задеть кишевших в ней пауков. Завидев черного тарантула, он обошел его сторонкой и сделал огромный прыжок, чтобы перескочить через многоножку...

«У гаучосов есть хорошая баллада, — думал Морель, пробираясь к руслу, — о том, как на город Кордову некогда напала армия чудовищных пауков. Жители вышли за город с ружьями, барабанами и развевающимися знаменами, чтобы отразить нападение, и начали стрелять; но после нескольких залпов люди побросали ружья и обратились в бегство, не будучи в силах сдержать несметные полчища пауков. Я думаю, это вполне возможная история».

Мысли Мореля были неожиданно прерваны. С угрожающим видом прямо на него бежал новый враг — паук необыкновенных размеров, ярко-серого цвета, с черным кольцом посередине туловища.

«Lycosa (ликоза)», — по привычке определил Морель, в то время как ноги его как будто без всякого приказа со стороны двигательных центров перешли сразу в карьер. Ликоза — са-

мый хищный, свирепый и подвижный из всех пауков. Спастись от его преследования бывает нелегко даже на лошади. И не мудрено, что Морель развил такую скорость, какой даже не подозревал в себе. Он не бежал, а летел на крыльях ужаса. Панический страх овладел им. В эти минуты он уже не был ученым, профессором. Он был дикарем каменного века, убегавшим от смертельного врага. Морель делал гигантские прыжки, скакал через поваленные деревья, прорывал густые заросли...

Вот и высохшее русло реки. Здесь бежать стало легче. Но зато и его преследователь катился со скоростью кегельного шара, пущенного под уклон сильной рукой.

Морель задыхался. Ноги его подкашивались. Раз или два он споткнулся и с трудом поднялся на ноги. Паук выиграл несколько метров и уже преследовал Мореля по пятам, по-видимому не чувствуя ни малейшей усталости. Будет ли конец этому бешеному состязанию? Мореля охватывал ужас. Еще несколько шагов — и он упадет от усталости, страшный паук прыгнет на него и начнет кусать поверженного врага твердыми, как железо, черными челюстями... Морель оглянулся и увидел, что паук на бегу делает огромные прыжки, пытаясь вспрыгнуть ему на ногу. Столкновение было неизбежно. Морель повернулся и попытался ударить паука сачком. Сетка сачка еще не прикоснулась к пауку, как он уже вскочил на нее и, как электрическая искра, пробежал по палке. Морель отбросил от себя палку в тот момент, когда косматая нога паука коснулась его руки. Теперь Морель выиграл несколько шагов, но положение его было по-прежнему безнадежным.

Русло сделало крутой поворот, и Морель вдруг увидел ручей в полтора метра шириной. Напрягая последние силы, Морель перепрыгнул через ручей и уже чувствовал себя спасенным. Но, посмотрев на врага, с ужасом увидел, что паук бросился вслед за ним в воду и поплыл. Течение отнесло паука на несколько метров ниже, пока он перебрался на сторону Мореля. Морелю ничего больше не оставалось, как прыгнуть обратно. Это повторялось несколько раз. Морель перепрыгивал через ручей, а паук переплывал, вылезая на берег несколько ниже Мореля.

Такая игра не могла продолжаться долго. Передышки были слишком коротки, чтобы отдохнуть, а Морель находился в

последней степени изнеможения. И он решился на отчаянное средство. Вооружившись палкой, Морель вошел в ручей и стал поджидать врага. Оставалось принять бой и умереть или победить. Другого средства избавиться от паука не было.

В воде паук был менее подвижен и не мог делать прыжков. Когда косматый враг приблизился, Морель начал неистово его бить.

Паук погружался в воду, но тотчас всплывал и пытался уцепиться за палку.

Несколько раз это ему удавалось. Тогда Морель бросал палку, выбегал на берег, брал новую и вновь погружался по пояс в воду. Он изумлялся живучести насекомого. Две передние ноги паука были повреждены, но это, казалось, только увеличило его ярость. Еще одна нога бессильно повисла. Пауку уже трудно было справляться с течением. Его относило все больше. Наконец Морель решился выйти из ручья. Паук вылез вслед за ним и все еще пытался преследовать. Но он ковылял медленно, и Морель наконец отделался от своего преследователя и уже шагом пошел вперед.

— Битва окончилась в пользу человека, — сказал Морель, шатаясь от усталости. — Иначе и не могло быть. Иначе земной шар был бы населен одними пауками!

Несмотря на усталость, Морель прошел еще добрый километр, пока не нашел места, свободного от пауков; тут он свалился на поляне. Откинувшись на спину, он заметил, что солнце уже прошло через зенит.

«Опоздал к завтраку!..» — была его последняя мысль. Морель уснул крепким сном человека, уставшего до полного бесчувствия...

3. СНОВИДЕНИЯ НАЯВУ

«...Солнце — огромный золотой паук, пробегающий по небу, и радуга — паутина его. Я, Морель, первый открыл это!»

«Что за чепуха лезет мне в голову!» — подумал Морель и открыл глаза. Но он, вероятно, еще не совсем проснулся, потому что то, что он увидел, могло быть только сном. Морель как будто опустился на дно океана. Сквозь розоватый туман виднелись смутные очертания зеленых пятен В этом тумане колыхались длинные полосы, подобно змеям необычайной

величины. Темное огромное пятно, как сорвавшаяся с орбиты планета, сновало в этой розовато-зеленой мгле, закрывая собою чуть ли не четверть всего поля зрения. И удивительнее всего было то, что движение этого темного пятна напоминало суетливый бег паука.

Морель несколько минут с полным недоумением наблюдал этот новый загадочный мир.

«Неужели я с ума сошел? Или это бред?» Он закрывал глаза, открывал вновь, но видение не исчезало. Морель потрогал рукою лоб. Он был влажный, горячий, но не слишком. Нет, это не бред. Рука Мореля задела очки, и в тот же момент планетообразный черный шар закатился за горизонт, очистив поле зрения.

«Очки! Секрет открывается просто».

Морель снял очки и посмотрел на стекла. Они были покрыты потом, испарениями и паутиной. По левому стеклу бегал паучок величиною с булавочную головку.

«Так вот она, сорвавшаяся со своей орбиты планета!» — с улыбкой подумал Морель, сбивая пальцем паучка и протирая стекла платком. Он надел очки и осмотрелся вокруг. «Неужели я все еще не проснулся?» Опять сон, но на этот раз сон изумительно прекрасный.

Был вечер. Косые лучи солнца золотили папоротники и пальмы, стоявшие вправо от Мореля. Левая сторона поляны была погружена в синюю тень. Воздух, освещенный солнцем, светился всеми цветами радуги, как калейдоскоп. Как будто радужная паутина «паука-солнца» разорвалась на мелкие части и закружилась вихрями самоцветов. Это был танец бриллиантов и алмазов. Каждый бриллиант был окружен легкой дымкой самых нежных цветов. В беспрерывном движении они прорезывали воздух, изменяя на пути полета окраску, вспыхивая то глубоким зеленым, то ярко-красным, то синим огнем, и как будто оставляли после себя светящийся след — так быстро резали они воздух. Фейерверк, калейдоскоп, северное сияние, радуга — ничто не могло сравниться по красоте с этим волшебным зрелищем пляски жемчужной росы, сверкающих алмазов и летучих огоньков...

Один из этих бриллиантиков опустился на цветок. Туманная оболочка рассеялась. Сложились крылышки, и Морель увидел маленькую невзрачную птичку с единственным ярким

пятном на оперении. Колибри! Но и после того, как тайна раскрылась, Морель еще долго не мог оторвать глаз от воздушного танца пернатых балерин.

Однако проза жизни уже настойчиво стучалась в дверь. Морель почувствовал, что все тело его зудит. Он посмотрел на руки и увидал, что они искусаны москитами, а в кожу впились мелкие красные клещи. Это вернуло Мореля к действительности.

Не только завтрак, но и обед давно был пропущен. Надо было спешить к своим, пока совершенно не стемнело. Морель почувствовал острый приступ голода и вспомнил о вкусных блюдах, которые обещал сегодня изготовить их повар (он же носильщик) негр Джим. Морель поднялся, потянулся и, посмотрев на солнце, пошел вверх по ручью. Он дошел до того места, где сражался со страшным пауком, и нашел брошенный сачок. Подняв его, Морель стал соображать, куда идти. После некоторого размышления он повернул налево и углубился в чащу леса. Здесь было уже почти темно. Только кое-где сумеречный свет проникал сверху, освещая змееобразные лианы. Вдруг словно неведомое существо погасило этот последний слабый свет. Ночь на экваторе наступает внезапно. Мореля окружила густая темнота. Он сделал несколько шагов и упал.

«Придется ночевать в лесу, — подумал он. — И хоть бы кусочек хлеба!..»

Испарения усиливались. Тропическое солнце нагрело за день исполинский котел Амазонки, наполненный душистыми травами, пряно пахнущими смолистыми и эфирными деревьями и болотными цветами, и теперь Морель дышал густым паром этой гигантской парфюмерной фабрики.

Тишина леса нарушалась только разноголосым тончайшим звоном комаров и москитов, которые мириадами кружились над Морелем. Скоро к этим флейтистам присоединились низкие голоса лягушек. Никогда еще Морелю не приходилось слышать такого громогласного концерта. Пение этих болотных певцов не напоминало отрывистого кваканья обычных лягушек. Оно было довольно мелодично и протяжно, как завыванье ветра. В конце концов оно нагоняло тоску.

Когда глаза привыкли к темноте, Морель увидел полосы фосфорического света — это летали светящиеся насекомые.

Москиты, комары и клещи, которыми была усыпана трава, не давали Морелю уснуть.

«Хоть бы скорее рассвет!» — мучительно думал он, ворочаясь во мху и расчесывая руки и шею. Только под утро он заснул тревожным сном.

Его разбудил визг обезьян.

Они сидели в ветвях над самой его головой и пронзительно кричали и визжали. На обезьяньем языке эти звуки, очевидно, обозначали крайнее удивление, потому что на шум сбегались новые стаи обезьян посмотреть на редкое зрелище — очкастую обезьяну, лежащую на земле. Более смелые спустились по лианам и, держась хвостом, размахивали «руками» на расстоянии какого-нибудь метра от головы Мореля с явным намерением познакомиться с ним поближе.

Но Морелю было не до обезьян. Он поднялся, махнул на них сачком и зашагал в глубь леса. Обиженные таким приемом, обезьяны загалдели с новой силой и долго преследовали Мореля.

Морель шатался от голода и усталости, но упорно пробирался сквозь чащу. Наконец он вышел к небольшой речке, струившейся в заболоченных берегах. Несколько огромных лягушек прыгнуло в воду при его приближении.

«Все дороги ведут в Рим, — рассуждал Морель. — Все речки впадают в Амазонку. Если я пойду по этой речке, то выйду на Амазонку немного выше или ниже нашей экспедиционной базы. Это будет дальше, но вернее, чем искать по лесу обратный путь».

И он отправился вниз по реке.

Однако через час пути он с разочарованием увидел, что речка впадает в одно из болот, которыми так изобилует бассейн Амазонки.

— Неужели я заблудился? — прошептал Морель. И эта мысль впервые заставила его подумать обо всей серьезности положения.

Он был один среди девственного леса. На тысячу миль вокруг нет человеческого жилья. Сачок для ловли насекомых был его единственным оружием, а в небольшом мешке и фанерном ящике лежали только его научные принадлежности: увеличительное стекло, шприц, булавки, пинцеты...

«Ithomia Pusio, — по привычке продолжал Морель заниматься определением пролетавших бабочек. — Слава дается нелегко!»

Небольшой ручей, впадавший в болото, пересек Морелю дорогу. На сырой земле были видны отпечатки звериных следов. Здесь же валялись кости тапира, съеденного каким-нибудь крупным хищником, всегда подстерегающим животных в местах водопоя. Это открытие для Мореля было не из приятных. Морель перешел ручей и почувствовал под ногами более сухую и твердую почву. Здесь пальмы чередовались с фикусами и лавровыми деревьями, а еще выше поднимался лес фернамбуков, палисандров и кастанейро.

Морель поднял валявшийся на земле плод кастанейро величиною с детскую голову, разбил его, вынул орехи, заключенные в твердую кожуру, и начал поглощать маслянистые сердцевины.

«Здесь, по крайней мере, не умрешь с голоду, — подумал он. — Подкреплюсь, отдохну и отправлюсь на поиски дороги».

И вдруг неожиданно для самого себя он громко сказал:

— Солнце — огромный золотой паук! — и в тот же момент его охватил приступ сильнейшего озноба. — Лихорадка! Этого еще недоставало! — проворчал Морель, щелкая зубами.

4. «СУМАСШЕДШАЯ» ПУМА

Что было дальше?

Много дней спустя, вспоминая это время, Морель с трудом мог восстановить в памяти последовательность событий.

Солнце — «золотой паук» спустилось по вертикальной паутине с неба и впилось в голову Мореля, охватив ее огненными лапами. Морель закричал от ужаса и бросился бежать. Отовсюду — с листьев пальм, из-под корней деревьев, из цветков орхидей — выбегали огненно-красные пауки, кидались на Мореля и впивались в его истерзанное тело. И тело горело как в огне, разрываемое бесчисленными челюстями огненных пауков. Морель кричал как безумный и бежал, бежал, отрывая от своего тела воображаемых пауков. Потом он упал и провалился в черную бездну...

Когда припадок лихорадки прошел, Морель открыл глаза. Он не мог определить, сколько времени пролежал без сознания. Было утро. В траве и на листьях копошились пауки — серые, рыжие, черные, красные. Но это были обыкновенные пауки. И солнце было только солнце. Оно поднималось над лесом, освещая золотистых ос, пестрые крылья бабочек, яркие наряды попугаев. Мысли Мореля были ясны, но он чувствовал во всем теле такую слабость, что едва мог приподнять голову. Нестерпимая жажда томила его. У края поляны протекал ручей. Но Морель не мог добраться до него. Вид струившейся воды увеличивал его страдания, и Морель испытывал настоящие муки Тантала. А солнце поднималось все выше. Зной становился нестерпимым. Морель обливался потом, еще больше ослаблявшим его.

«Если я сейчас не выпью глотка воды, то погибну», — подумал Морель и сделал попытку подняться. Шатаясь и опираясь на руки, он сел на землю. Потом он опустился на четвереньки и пополз к ручью. Этот путь, в несколько десятков метров, показался ему бесконечно долгим. Но все же он дополз и, лежа на животе, прикоснулся почерневшими губами к воде и начал пить. Казалось, он хотел выпить ручей. Вода освежила его. Отдохнув у ручья, Морель почувствовал себя настолько хорошо, что смог подняться на ноги. Но в тот же момент он едва не свалился снова.

На поляну выбежал огромный зверь с густой короткой желтовато-красной шерстью. На спине шерсть была темнее, на животе — красновато-белая.

«Пума!» — с ужасом подумал Морель, напрягая все усилия, чтобы не упасть и этим не привлечь к себе внимание зверя.

Пума не могла не заметить Мореля, и тем не менее она не обращала на него никакого внимания, как будто желая продлить пытку человека, обреченного на смерть. Эта огромная кошка, достигавшая вместе с хвостом почти двух метров длины, вела себя как домашний котенок: она бесшумно прыгала по поляне, гоняясь за летавшими крупными бабочками. И надо сказать, что она это делала гораздо удачнее Мореля. Несмотря на весь ужас своего положения, Морель невольно залюбовался изящными ловкими прыжками золотистого зверя. Испуганные бабочки поднялись выше, и пума наконец обра-

тила внимание на Мореля. Час его настал. Мягкой волнистой походкой пума приближалась к человеку.

«Только бы не показать, что я боюсь ее!» — подумал Морель и сделал несколько шагов навстречу зверю. Пума махнула хвостом, сделала небольшой прыжок и остановилась перед Морелем. Глаза их встретились. Животное сощурило глаза, подобрав находившиеся под ними белые пятнышки. Оно будто смеялось...

«Да ну же, ешь скорее!» — подумал Морель, не будучи в силах перенести эту пытку. Но пума продолжала свою странную игру. Оно подошла к Морелю вплотную и толкнула его пушистой головой, как бы ласкаясь. Этого мягкого толчка было достаточно, чтобы сбить Мореля с ног. «Конец!» — подумал он.

Но это было только начало. Пума упала на землю рядом с Морелем, перевернулась на спину и начала толкать его в бок головой, как бы приглашая играть. При этом она мурлыкала, как кот.

«Это какая-то сумасшедшая пума! — думал Морель. — Она, вероятно, помешалась от жары, поэтому и делает такие безумные поступки: ласкается, вместо того чтобы сожрать меня».

Морель не был склонен поддерживать игру. Подражая животным, он решил притвориться мертвым. Пуме это не понравилось. Чтобы растормошить свою игрушку, она легла на грудь Мореля, слегка прижав его плечо одной лапой, другую подняла над его лицом и открыла пасть, обнаруживая ряд страшных клыков.

«Вот когда конец!» — подумал Морель. Но и на этот раз он ошибся. Неодобрительно фыркнув, пума вскочила и убежала в заросли кустарников.

Это было невероятно! Морель поднялся без единой царапины. Оправившись от потрясения, он почувствовал сильный приступ голода и отправился на поиски орехов.

Вечером Морель вновь почувствовал приближение приступа малярии. Но прежде чем он потерял сознание, «сумасшедшая» пума еще раз навестила его. Она, как тень, выскользнула из кустарников, уже погруженных в сумрак, подошла к лежавшему Морелю и обнюхала его лицо. Морель не

шевелился. Пума улеглась рядом с ним и широко зевнула, как бы располагаясь на ночлег вместе с ним.

Почти совсем стемнело. Стихли крики обезьян, хлопотливо размещавшихся на ночлег в высоких ветвях, умолкли птичьи голоса. Не слышалось даже лягушачьих заунывных песен. Лес засыпал. Ни звука. Только тонкое жужжанье комаров, не нарушая безмолвия ночи, пронизывало воздух...

«Гаучосы называют пуму другом человека. Они уверяют, что она никогда не нападает на человека и не трогает ни спящего, ни ребенка. Неужели это правда?» — подумал Морель, искоса поглядывая на своего косматого соседа. Пума лежала неподвижно. Только уши зверя едва заметно шевелились, точно он прислушивался к отдаленным звукам. Как ни напрягал Морель слух, он ничего не мог уловить, кроме жужжанья комаров. Лихорадка все сильнее овладевала Морелем. Он старался не дрожать, но от времени до времени его тело судорожно напрягалось, и его подбрасывало вверх, как на пружине. Однако, видимо, не это беспокоило зверя. Пума протянула лапы, выпустила когти и собралась в клубок, словно готовясь к прыжку на невидимого врага. Прошла еще минута напряженного ожидания, и Морель заметил в густых зарослях у ручья две светившиеся зеленоватым огнем точки. Это могли быть только глаза хищного зверя. Мысли Мореля мутились. Бред охватывал его, и ему казалось, что зеленые точки расширяются, на них вырастают мохнатые лапы... Два чудовищных зеленых паука приближаются к нему. Морель застонал и потерял сознание... Среди бредовых кошмаров ему слышались ужасающий рев, крики, стоны, словно тысячи злых духов сорвались с цепи, ревел ураган, завывал ветер, рычали звери, и кто-то хохотал громовыми раскатами. И опять черная бездна тишины. Небытие...

Зарево тропического утра. Солнце еще не видно, но небо уже пылает пурпуром. Морель открывает глаза. Он все еще жив. Кругом буйная жизнь играет всеми цветами, кричит тысячеголосым хором пернатых и насекомых. И опять жажда, нестерпимая жажда...

Морель тащится по земле, как змея с перешибленной спиной, к ручью. Здесь он видит необычайное зрелище. У самой воды лежит распростертый труп огромного ягуара — этого вечного врага пумы. Его красивая золотистая шерсть с черны-

ми продолговатыми пятнами изорвана в клочья. Правое ухо откушено. Один глаз вытек. На шее огромная рана. Земля залита вокруг кровью. Трава вырвана и разбросана, кустарник изломан. Здесь была страшная битва не на жизнь, а на смерть. Морель наклонился над убитым зверем и с жутким любопытством посмотрел в единственный сохранившийся глаз, тусклый, остекленевший. Неужели глаза этого зверя преследовали его по ночам? Морель вспомнил, что несколько раз замечал две фосфорические точки, мелькавшие в кустах. Но он не был охотником и думал, что это ночные светящиеся насекомые, которых так много в тропических лесах. Да, его подстерегал ягуар. И вот он лежит поверженный! Морель оглянулся кругом и увидел, что кровавый след уходит в сторону и пропадает в кустах. Ученый не верил своим глазам. Но все, что он видел, не оставляло сомнения в том, что пума спасла его. Она охраняла его во время болезни и, рискуя сама, храбро бросилась на врага, чтобы спасти жизнь человека.

Это была неразрешимая загадка инстинкта. Невольно Морель почувствовал благодарность и даже нежность к своему спасителю. Но спаслась ли она сама? Бедная необычайная пума! Она уползла в чащу зализывать свои раны и теперь, быть может, издыхает, даже не сознавая своего героизма.

5. ВОЗДУШНОЕ ЖИЛИЩЕ

Мореля охватило желание разыскать раненого зверя и, если можно, помочь ему. Несмотря на слабость, он отправился по следу. Но кровавый след уходил в густую чащу. Морель был еще слишком слаб, чтобы продолжать поиски. Сделав несколько десятков шагов, он упал у зарослей хинного дерева, вдыхая душистый запах розовых и желто-белых цветов. У ног его валялась четырехгранная сломанная ветка.

«А ведь это хина! Почему бы мне не полечить свою лихорадку?» — подумал он и, отодрав зубами кору, начал жевать ее, морщась от горечи. Морель начал лечить лихорадку хинной корой, подобно индейцам, которые издавна пользуются этим народным средством. Приступы лихорадки стали ослабевать, и скоро Морель почувствовал себя здоровым. Но он был еще очень слаб. Ему приходилось питаться только растительной пищей. К орехам он скоро прибавил новое блюдо — муку, которую он добывал из корня кассовы. Из этой муки он умудрялся даже печь лепешки, разжигая огонь увеличительным стеклом. Иногда ему удавалось даже полакомиться печеной рыбой. Он ловил ее на крючок, сделанный из булавки и воткнутый в конец прута. Приманкой служили черви и насекомые.

Морель еще не оставлял мысли найти своих спутников или спуститься по одному из притоков к Амазонке и достигнуть жилых мест. Для этого он хотел использовать дождливое время года: с ноября по март беспрерывные ливни превращают ручьи в широкие реки. О направлении заботиться не нужно. Морель устроит плот, сделает запасы пищи и отправится в путь.

Однако в ожидании этого времени надо было подумать о более оседлом существовании. До сих пор Морель жил, как лесной зверь: день бродил в поисках добычи и засыпал там, где заставала его ночь. Но так продолжаться не могло. Его лицо и руки были совершенно изъедены москитами и комарами. Когда Морель смотрелся в стоячие воды, он не узнавал себя: так опухло его лицо. Клещи заползали под одежду. Вырвать их с головой не удавалось. Если же в теле оставалась голова, на этом месте образовывался нарыв, который причинял Морелю большие страдания, чем живой, сосущий его кровь клещ.

Но это было еще не все. Каждую минуту он рисковал встретиться с лесными хищниками: ягуаром, мексиканской дикой кошкой, красным волком, дикой собакой. Из них ягуар был самым страшным. Один ягуар погиб в борьбе с пумой, но тысячи их еще бродили в лесу. Иногда Морель замечал во тьме зеленые точки и спешил развести костер, добывая огонь кремнем. Но огонь нужно было поддерживать, и Морель не высыпался. В конце концов он решил, что самое безопасное — проводить ночь на ветвях высокого дерева, усаживался среди сучьев и привязывал себя ремнем к стволу. Морель долго не мог привыкнуть к такой «спальне». Когда он засыпал, голова его опускалась, и ему казалось, что он падает с дерева. Морель в ужасе просыпался, инстинктивно хватаясь за ветви. Но со временем он привык к своей воздушной кровати и хорошо высыпался. На высоте москиты и комары меньше бес-

покоили его. Крупные хищники не замечали добычи, укрывшейся в густой зелени дерева.

Постепенно из каких-то глубин его существа поднимались и оживали первобытные инстинкты, утраченные человеком на протяжении тысячелетий культурной жизни. Морель научился крепко спать и в то же время прислушиваться к малейшему шуму. Слух и обоняние его обострились. Только глаза ученого оставались такими же близорукими. Впрочем, в очках он видел неплохо. Эти очки составляли предмет его непрестанных забот. Однажды, когда он спал на земле, положив возле себя очки, какая-то птица, очевидно такая же любительница блестящих вещей, как сорока, подхватила клювом очки и унесла. Взмахи крыльев разбудили Мореля, и он погнался за птицей. К счастью, она уронила очки. С тех пор Морель никогда не снимал очков, даже во время сна.

Была середина сентября, и дожди перепадали уже довольно часто. Они неожиданно налетали, опрокидывая на лес целые водопады, и так же быстро проходили. Ветви деревьев не могли защитить Мореля, и он промокал до костей. И Морель занялся устройством кровли над головой из ветвей и листьев. Это была трудная работа. Несколько раз он едва не срывался с дерева. Вдобавок ему приходилось вести борьбу с обезьянами. Достаточно было Морелю спуститься с дерева за сучьями и хворостом, как целые стаи обезьян собирались на его стройку и пытались «помогать». Может быть, они делали это с самыми лучшими намерениями, но после их набегов Морелю каждый раз приходилось начинать строить заново. Так продолжалось несколько дней, пока Морелю не посчастливилось найти очень прочные и тонкие вьющиеся растения, которыми он туго связал остов крыши. Убедились ли обезьяны, что человек хорошо справляется с работой без их помощи, или им надоела эта новая забава, но скоро они оставили его в покое, и Морель благополучно достроил свое временное жилище. Теперь он был защищен от дождя. Морель втащил к себе на дерево даже некоторые запасы пищи: муки из кассовы, орехов и меда медовых мух — свое новое приобретение. Эти запасы могли пригодиться во время плавания. Вместе с тем они освобождали его от необходимости искать пищу во время дождя.

В его новом жилище было подобие кровати, сделанной на ветвях и устланной мхом и листьями. Теперь он мог с некоторым комфортом растянуться. Когда дождь мешал ему заниматься устройством плота, Морель лежал у себя на дереве и переносился мыслью в Париж. Но это было так далеко и так не похоже на то, что окружало Мореля, что Париж казался ему далеким сном.

В солнечные дни Морель усиленно трудился над устройством плота. Без топора работать было трудно. Морель нашел несколько острых кремней и попытался сделать каменный топор, перейдя, таким образом, к следующей ступени культуры — в каменный век. Зажав кремень в рогатину, Морель привязал его к топорищу тонкими лианами. Но кремень соскочил с топорища при первом же ударе. Тогда Морель решил сделать топор по всем правилам искусства, пробив дыру в кремне ударами другого кремня. Этот египетский труд истомил его. Морель с отчаяньем бросил работу.

«Нет, видно, я не гожусь в робинзоны!»

Однако мысль о топоре не оставляла его. Дерево легче поддается обработке. Надо начинать с топорища. Морель нашел подходящий корявый сук крепкого железного дерева и начал прожигать углями «игольное ушко» — продолговатую дыру. Это была тоже египетская работа, но все же дерево поддавалось обделке легче кремня. Скоро «игольное ушко» было готово. Морель вставил острый плоский камень и закрепил его растительными волокнами, старательно для этого приготовленными. Этот топор скорее напоминал булаву с необычайно большим набалдашником — так много намотал Морель «веревок», но все же это был топор. Он перерубал, вернее, перебивал, ветви в палец толщиной. Он мог служить некоторой защитой. Таким топором можно было даже срубить толстое дерево. Но, занявшись «хронометражем», Морель высчитал, что на каждое дерево потребовалось бы не менее месяца. А ему для плота нужен был по крайней мере десяток деревьев.

Морель приуныл. При такой быстроте работы ему не выбраться ранее чем через год.

Тогда Морель решил использовать для плота бурелом и стволы подходящей длины, валявшиеся в руслах высохших рек. Их приходилось тащить отовсюду, часто издалека. Морель изнемогал от этой непосильной работы. Чтобы найти бревно подходящей длины, ему иногда приходилось уходить на расстояние целого дня пути от своего жилища. В этом лесу,

однообразном, несмотря на все расточительное многообразие древесных пород, очень легко заблудиться. И Морель, уходя на поиски стволов, делал кремневым топором отметки на деревьях.

Наконец материал для плота был собран. Морель торопился. Проливные дожди шли уже каждый день, и высохшие русла речек наполнялись водой. К счастью, вода прибывала не так быстро, как ожидал Морель: высохшая почва впитывала в себя огромное количество влаги, прежде чем насыщалась и пропускала воду дальше.

Морель связал плот, сделал небольшое прикрытие от дождя для себя и запасов пищи, сзади прикрепил руль из шеста с вилкообразным концом, переплетенным растениями, и начал ждать, ежедневно посматривая на уровень воды. Наконец она поднялась до плота, лежавшего на берегу. В этот день дождя не было.

«Сегодняшнюю ночь я еще могу провести на дереве, — подумал Морель. — Но это будет моя последняя ночь. Через несколько дней из древесного жителя я превращусь в человека двадцатого века».

И он забрался на свое дерево.

6. НЕУДАЧНОЕ ОТПЛЫТИЕ

Ночь была тихая, но необычайно душная. Изредка бесшумно вспыхивали молнии далекой грозы. «А дождь все-таки будет. Ни комаров, ни москитов нет — попрятались», — думал Морель, засыпая.

Перед утром страшный удар грома разбудил его. Гроза разразилась внезапно: кругом гремело, словно кто-то открыл двери гигантской кузницы. Лес полыхал голубым мерцающим пламенем. Раскаты, словно канонада пушек, стрелявших у самого уха, слились в невообразимый гул. Зловещий зеленовато-белый свет зажегся в небе. Ветер все усиливался, но дождя еще не было. Внезапно небо опрокинуло на землю целый океан воды. Это был не дождь, даже не ливень. Водная стихия обрушилась сплошною массой.

— Пора! — крикнул Морель, но он не услышал своего голоса. Наскоро собрав свои пожитки, Морель спустился по де-

реву, цепляясь за сучья. Несмотря на то что его защищали навес и густая листва, Морель через минуту был мокр, как рыба в воде. Падавший с неба водопад оглушал его, слепил глаза, давил на череп. Но Морель бежал, не останавливаясь. Вот он у плота. При свете непрекращавшейся молнии Морель увидал, что вода залила половину плота. Морель взбежал на плот и влез в шатер. К его удивлению, здесь было почти сухо. Недаром он потрудился, густо устилая крышу крупными и плотными листьями!

«По крайней мере, я не буду испытывать во время путешествия недостатка в пресной воде», — подумал он, чувствуя нервный подъем духа. Однако эта радость скоро сменилась беспокойством: вскоре он почувствовал, что вода появилась на поверхности плота. Морель приподнялся, но вода скоро достигла щиколоток ног и прибывала беспрерывно. Его плот решительно не всплывал. Быть может, он зацепился за что-нибудь? Должен же подняться хоть один его край! Для рассуждений, однако, не было времени. Вода уже доходила до пояса и угрожала смыть с плота неудачливого путешественника вместе с шатром и пожитками.

Морелю ничего не оставалось, как спастись бегством на берег. Но и это было нелегкой задачей. Вокруг него бушевал поток, унося в своем бешеном стремлении вывороченные с корнями деревья. К счастью, Морель был неплохой пловец. Бросив на произвол судьбы запасы продовольствия, он решил спасать только себя и научные инструменты, помещавшиеся в мешке за спиной. Морель кинулся в поток. Его завертело как щепку и понесло. Не менее получаса ему пришлось бороться с течением, пока наконец на крутом повороте его не прибило к берегу.

Морель вылез, весь покрытый зеленой тиной и тонкими длинными листьями.

«Часы безнадежно испорчены, — подумал он. — Придется жить по солнцу. Но это не беда. Главное, плот. Почему он не поплыл?»

Буря промчалась с такой быстротой, как это бывает только в тропиках. Ветер сдернул сизую завесу с неба, открыв второй, голубой полог. Выглянуло солнце, и лес внезапно ожил. Вылезли обезьяны, отряхнули, как собаки, намокшую шерсть и стали сушиться на солнце, шумно болтая и, вероятно, де-

лясь на своем языке впечатлениями о пронесшейся буре. Деревья расцвели яркими красками перьев попугаев; пчелы и осы спешили пополнить запасы пищи до нового ливня. Лес жил полной жизнью, все живое веселилось, пожирая друг друга...

Один Морель был чужд этому веселью. Понуро возвращался он берегом бушевавшей реки к своему брошенному жилищу.

Вот и место, где он строил плот. Но от него не осталось и следа. Шалаш сорвало, а плот по-прежнему покоился на дне.

— Но в чем же дело, черт возьми? — раздраженно крикнул Морель. Он взял валявшийся на берегу кусок железного дерева, из которого был сделан плот, бросил в воду и тотчас воскликнул: — Есть ли еще на свете такой осел, как я? Обрубок потонул, подобно камню. Железное дерево было слишком тяжело и не могло держаться на воде.

Тяжелый урок! Опустив голову, Морель смотрел на кипевшую реку, в водах которой было погребено столько усилий и труда.

Дожди шли почти беспрерывно. Морель был похож на земноводное животное, так как тело его почти не просыхало. Он жил как бы в водной стихии, только более насыщенной воздухом, чем воды океана. Температура почти не понизилась, но влажность невероятно увеличилась. Едва утихал дождь, как белая пелена тумана застилала все вокруг. Горячий влажный туман до такой степени наполнял легкие, что у Мореля по временам поднимался удушливый кашель. Его организм так напитался влагой, что Морель почти не пил воды. Единственным утешением этого времени года было то, что Морель отдохнул от комаров и москитов. Клещи, смытые с листьев деревьев, также меньше беспокоили его.

Мореля приводила в ужас мысль, что ему придется отложить путешествие на год. И он решил во что бы то ни стало отправиться в путь до окончания периода дождей. Глядя на грязные бурные воды потока, поднявшего со дна тысячи тонн ила, Морель обратил внимание на огромное количество тростников и вырванных с корнем стволов бамбука, плывших по поверхности. Легкие, полые внутри, они как бы самой природой были предназначены для устройства плота. К тому же с

этими стволами легко мог справиться кремневый топор Мореля.

— Вот из чего надо делать плот! — воскликнул Морель.

И он вновь принялся за работу под непрекращавшимся проливным дождем. Работа пошла быстрее, чем он ожидал. Ему не приходилось даже искать и собирать бамбук: каждый день река выбрасывала на берег огромное количество бамбуковых палок. Морелю приходилось только выбирать, связывать и складывать стволы. Через несколько дней плот был готов. Оставалось лишь стащить его в воду. Несмотря на легкость материала, из которого был сделан плот, он представлял значительную тяжесть для одного человека. Берега были размыты, и работать приходилось в непролазной грязи. Морель придумал целую систему рычагов, пользуясь вместо веревок тонкими гибкими стволами ползучих растений. Но сдвинуть плот оказалось труднее, чем построить его. Концы бамбуковых палок то и дело врезывались в грязь и застопоривали движение. Приходилось бросать работу, чтобы поднимать увязший в грязи край плота. Иногда в продолжение целого дня работы Морелю удавалось сдвинуть плот на несколько дюймов. Морель приходил в отчаяние. Наконец сама природа пришла ему на помощь. Напоенная дождями земля уже не вбирала в себя прежнего количества влаги; между тем небесные запасы воды казались неистощимыми.

Уровень воды в реке быстро поднимался. Морель сделал последние приготовления и переселился на плот. В тот же вечер он почувствовал, что плот медленно поворачивается, накренясь набок. Еще один момент — и плот был подхвачен течением и понесся по бурлящей реке. Морель торжествующе крикнул.

Однако радость оказалась преждевременной. Его закрутило в водовороте, как волчок. Огромный конец дерева вынырнул из воды и ударил в плот с такой силой, что тот едва не перевернулся. Морель перебежал на высоко поднявшийся край плота, выровнял его и взялся за шест. Теперь он мог торжествовать. Плот летел стрелой среди мусора, обломков деревьев и вырванных с корнем пальм — туда, к людям, в двадцатый век.

Морель внимательно оглядел воду. Река разлилась на огромное пространство, затопив низменные берега. Целые ро-

щи пальм стояли в воде, задерживая своими стволами кучи хвороста и листьев.

Перед утром Морель заметил, что плот движется медленнее. Когда рассвело, он увидел, что его занесло в одну из обширных речных заводей. Положение Мореля было не из веселых. Рассчитывая на течение, он не догадался сделать весло. Он еще раз выругал себя ослом, однако это не помогало делу.

Морель попробовал отталкиваться шестом. Но как только ему удавалось протолкнуть плот в русло реки, шест переставал достигать дна и плот снова медленно относило в заводь. Морель решил отдаться на волю течения, надеясь, что оно, совершив круг, вынесет его из заводи. Плот медленно поплыл к тинистому берегу и наконец, дрогнув, остановился. Рискуя надорваться, Морель налегал на шест, но от этого плот, погрузившийся нижними палками в тину, еще больше увязал.

Морель бросил шест, упал на плот и уснул, истомленный волнениями прошлого дня и бессонной ночью.

7. «НЕВОСКРЕБ» В ЛЕСУ

Проснулся Морель только вечером. Обдумав свое положение, он решил, что ему ничего не остается, как высадиться на берег, вернее, выйти на сухое место, так как он находился не в русле реки, а на затопленной поляне леса, окруженной со всех сторон деревьями. Ночью он не решился этого сделать, улегся на плоту. Дождь прекратился, и тысячи комаров поднялись над водой. В заболоченной почве что-то чавкало, вздыхало, шевелилось... Из чащи леса доносился странный свист. Временами трещали кусты под чьими-то тяжелыми шагами. Морель яростно отгонял от себя тучи комаров, прислушивался к свисту и не мог уснуть.

Утром он посмотрел на почву, на которую должен был ступить, и содрогнулся от ужаса. Она вся словно дышала. От времени до времени на поверхности появлялась голова ужа или змеи-слепуна. Толстые жабы рылись в иле. Казалось, гады со всего света собрались сюда, чтобы полакомиться в жирном, напоенном водой или червями и личинками насекомых иле. Морель безнадежно посмотрел на плот. Нет, не сдвинуть. Выхода не было, и Морель, забрав мешок с инструментами и

запасом пищи, вошел в грязную воду. Ноги увязли в тине; Морель с трудом вытаскивал их и медленно пробирался к берегу. Наконец он вышел из воды и добрался до полосы грязи. Змеи шипели на него и уползали в сторону. Огромные цветные жабы с угрожающим видом бросались ему вслед. К счастью, жидкая грязь была плохим трамплином для прыжка и они не достигали Мореля.

Морель обошел заводь и пошел вниз по реке. Но чем дальше он шел, тем тинистее становилась почва и течение воды в реке делалось все медленнее. Наконец перед ним открылось огромное пространство, залитое водою.

«Неужели река не впадает в Амазонку?» — с тревогой подумал Морель. Несколько дней употребил он на исследования этого лесного озера с заболоченными берегами, но воде, казалось, не было края. Конечно, этого озера не найти ни на каких картах, так как в сухое время года оно высыхает. К тому же едва ли здесь когда-либо ступала нога географа.

Морель окончательно заблудился. Он целые годы может бродить по этим неисследованным дебрям и не выбраться отсюда. Неужели всю жизнь он принужден будет жить в этом лесу? Правда, этот тропический лес дает неизмеримо богатый материал для научных работ. Но к чему трудиться, если его открытия погибнут вместе с ним? Нет, Морель должен выбраться отсюда! Рано или поздно ему посчастливится напасть на какой-нибудь приток Амазонки. То, что река, по которой он пустился в путь, никуда не впадала, было только несчастливой случайностью. Однако он слишком устал. Ему необходимо переждать дождливый период, с этим надо примириться, — он отдохнет, соберет коллекцию редчайших насекомых и с новыми силами пустится в путь. Но, чтобы лучше отдохнуть, надо устроиться с большими удобствами, чем он это делал до сих пор. У него уже есть опыт. Он не новичок. Прежде всего надо выбрать хорошее место, потом построить настоящее жилище, конечно на деревьях.

И Морель начал бродить по лесу в поисках подходящего участка. В одном месте леса почва поднималась и была более твердой. Скоро под ногами он почувствовал камни. Это уже не было сплошное царство пальм и папоротников. Здесь росли фернамбуковые деревья с двоякоперистыми листьями, мангровые, сандаловые, капайские, каучуковые, кустарники

ипекакуаны. Хина, какао, чай — чего еще больше? Даже табак рос на этой почве.

Морель поднялся еще выше, и перед ним открылась широкая поляна, освещенная солнцем.

«Здесь будет меньше комаров и москитов».

Посредине поляны находилась группа гигантских деревьев бразильского ореха. Их гладкие стволы достигали ста тридцати футов высоты.

«Вот то, что нужно. Под рукой и запасы пищи, и аптека, и даже сигары. На этой высоте я буду себя чувствовать в безопасности от зверей».

Однако на минуту Мореля охватило колебание. Справится ли он с задачей — устроить себе «небоскреб»?

«Времени много», — решил он и с жаром принялся за работу. А работы было немало. Нужно было сделать лестницу, чтобы взбираться на вершину. Нужно было заготовить прочные балки для остова дома и поднять эту тяжесть на огромную высоту. Для этого следовало свить прочные веревки из волокон растений. Кроме того, необходимы были блоки, чтобы облегчить поднятие балок. Нужно было, наконец, позаботиться и об инструментах для работы. Все это было чрезвычайно трудно для одного человека. Но, странное дело, с тех пор как Морель решил надолго обосноваться в лесу, у него как будто прибавилось энергии. Теперь все его мысли были сосредоточены на одном — Париж отодвинулся на задний план.

Так как дожди не прекращались, Морель выстроил временную хижину у подножия своего будущего «небоскреба», как он называл свое жилище. Наибольшее внимание Морель уделил устройству надежной крыши. И это ему удалось. Теперь он мог иметь постоянный огонь, сохраняя в пепле тлеющие угли и раздувая костер ночью, чтобы отгонять диких зверей.

Работа подвигалась медленно. Первой была готова лестница. Но когда Морель попытался поставить ее, он убедился, что не в силах этого сделать. Она была слишком тяжела. Морель часами ломал голову над трудной задачей. Если бы можно было подтянуть ее на блоке веревкой! Но для этого надо было сперва влезть на дерево, чего нельзя было сделать без лестницы, так как ствол был толстый и гладкий. Однако Морель

не падал духом. Он соорудил ряд подпорок, и в конце концов ему удалось водрузить лестницу на место. Дальше пошло легче. Правда, ему пришлось попотеть, втаскивая наверх тяжелые балки, но когда они были уложены на разветвления сучьев, половина дела была сделана. Морель, как птица, вил свое гнездо, принося ветку за веткой. И дом вышел на славу. Морель умудрился сделать две комнаты. Маленькая служила спальней, а большая — кабинетом, лабораторией и музеем. Здесь были сооружены стол, покрытый поверх бамбуковых палок листьями, и полки для коллекций.

Когда все было окончено, Морель подошел к открытому окну и с видом победителя посмотрел на расстилавшийся внизу лес. Морель мог гордиться. Это была победа. Морель больше не был беззащитным существом. Он сожалел, что у него нет фотографического аппарата, чтобы увековечить свое жилище и показать его потом своим ученым товарищам.

Морель вызывал в своем воображении лица друзей и знакомых и с удивлением заметил, что фамилии некоторых из них он не может вспомнить. «Что за странное ослабление памяти? — подумал Морель. — Может быть, это последствие болезни? Так и говорить разучусь...»

Морель решил чаще говорить вслух. Он читал лекции своим воображаемым слушателям, и в дебрях тропического леса слышались мудреные латинские слова, которые, видимо, очень нравились попугаям. Казалось, это отражало его речь в искаженном до неузнаваемости виде.

— Паук мигалес, — говорил Морель.

— А у наес, — вторили попугаи, заливаясь хохотом.

— Кыш вы, горластые! — кричал Морель на своих недисциплинированных слушателей. Но они продолжали усердно повторять его лекцию, пока он не замолкал.

8. ЧЕЛОВЕК БЕЗ ИМЕНИ

Морель усердно упражнялся в произнесении речей. Но постепенно эти занятия становились все реже. Заботы дня и научная работа по собиранию и классификации насекомых отвлекали его. Не замечал он и другого: с каждым днем его лексикон становился все беднее, речь суше, бледнее. Она все

больше была испещрена научными терминами, и его лекции напоминали уже латынь средневекового ученого. Только раз, тщетно стараясь вспомнить забытое слово, он обратил внимание на этот «распад личности» и несколько обеспокоился. «Да, я дичаю», — подумал он, но к этому факту подошел как натуралист.

«Естественный биологический закон, подмеченный еще Дарвином. Сложный организм, попавший в простейшую среду, должен или погибнуть, или «упроститься». То, что в культурном обществе было необходимо и составляло мою силу, теперь в лучшем случае является ненужным балластом, так же как в Париже мне не нужны были собачья острота обоняния и слух пумы. И если во мне пробудились инстинкты, дремавшие в человеке сотни тысяч лет, то, конечно, вернутся и мои «культурные» приобретения, когда я возвращусь в свою среду».

Так успокаивал он себя, и все же где-то в подсознании шевелились тревожные, едва оформившиеся мысли: «Я дичаю, возвращаюсь на низшую ступень биологической лестницы. Если я проживу здесь несколько лет, то превращусь в дикаря».

Морель привык к одиночеству, был всегда углублен в себя, поэтому не очень страдал от отсутствия общества. Ему не приходило в голову приручить собаку или попугая, чтобы иметь общение с живым существом. Его единственным, но зато многочисленным обществом были насекомые и в особенности пауки. Он мог часами неподвижно сидеть, уставившись на какого-нибудь паука, и наблюдать за его работой. По-своему Морель был даже счастлив. Среди пауков, ос, муравьев он чувствовал себя в «своем обществе».

Бразилия в этом отношении была настоящим раем для ученого. Едва ли на всем земном шаре можно найти второе такое место, где волны жизни бушевали бы с такой неистощимой, ничем не сдерживаемой энергией. И Морель погрузился в этот безграничный океан; каждый день приносил ему что-нибудь новое, изумительно интересное. Морель был похож на золотоискателя и целыми днями, забывая о еде, подбирал свои «самородки» или бродил по лесам в поисках новых сокровищ. Морель-ученый спасал Мореля-человека от полного одичания, и все же в Мореле происходил незаметный

для него, но огромный внутренний процесс упрощения психики. В его мозгу оставались нетронутыми только клетки, принимавшие участие в его научной работе. Во всем остальном он действительно дичал. Он был нетребователен, как дикарь, в пище, запустил свою внешность. Его волосы отросли до плеч. Костюм давно висел на нем лохмотьями. Только ногти он остригал маленькими ножницами или чаще откусывал зубами, чтобы они не мешали ему при работе над насекомыми.

Главное изменение его психики заключалось в том, что у него постепенно угасало само чувство общественности. Ему не только не нужно было общество людей, но и научная работа как бы потеряла для него общественную ценность. Она стала самоцелью. Он делал величайшие открытия, которые привели бы в восторг не только натуралистов, но и химиков. Он находил новые красящие вещества, растения, содержащие огромное количество эфирных масел, ароматических смол, или такие, сок которых обладал свойствами каучуковых деревьев. Всего этого имелись здесь колоссальные, неистощимые запасы. Но ему ни разу не пришла мысль об эксплуатации находящихся здесь богатств.

Он только отмечал, регистрировал эти факты как интересные научные открытия. Если бы Морель узнал, что все человечество, до последнего человека, погибло от какой-нибудь катастрофы и на безлюдной Земле остался только он один, — это едва ли потрясло бы его и он продолжал бы заниматься своими научными работами по-прежнему. Даже честолюбие угасло в нем. Он уже не мечтал о славе. Мысль о возвращении к людям все реже посещала его. Только когда вторично наступил период дождей, Мореля охватило смутное беспокойство. Но он объяснил его тем, что дожди мешают ему совершать обычные экскурсии. Тогда он начал усиленно заниматься в своей лаборатории, приводя в порядок коллекции.

Морель почти не замечал течения времени. Часы его давно стали. Календарь, который он вел одно время, вырезывая на палочках зарубки, был заброшен. Он стал отмечать только годы по периодам дождей, но вскоре оставил и это. К чему? Единственным измерителем времени мог служить его музей, который все пополнялся. Но и этот измеритель был неточен. Когда полки, стены и даже пол его рабочего кабинета пере-

полнялись собранными им насекомыми, как поле, покрытое саранчой, Морель начал выбрасывать одинаковые экземпляры, оставляя по одному каждого семейства или подсемейства. Но так как экспонаты все продолжали прибывать, ему пришлось выбрасывать одних насекомых, чтобы положить на их место других, более редких или впервые открытых им. Только феноменальная память Мореля сохранила всю историю его научных исследований. Однако эти драгоценные знания были затеряны вместе с их обладателем в дебрях бразильских лесов.

Морель давно уже не говорил вслух и не читал лекций своим воображаемым слушателям. Незаметно для себя он утрачивал речь и превращался в бессловесное существо.

Однажды целый день его преследовало слово, значение которого он не мог припомнить:

«Морель!.. Что бы это значило? Морель... Морель...»

Его бесило, что он не может припомнить значения слова, которое казалось таким привычным, знакомым. Эти усилия припоминания мешали ему, вносили беспорядок в работу мысли, и он постарался запрятать надоедливое слово в глубокий ящик подсознания. Морель не знал, что в этот день он стал человеком без имени.

9. БЕССЛОВЕСНОЕ СУЩЕСТВО

— Здесь мы не найдем красных ибисов, — сказал Джон своему спутнику. — Ибис любит болота.

Джон был индейцем. Он прекрасно говорил по-английски и по-португальски, сын его учился в университете. Жил он в Рио-де-Жанейро, где имел собственный дом и магазин, обслуживавший главным образом туристов и путешественников, приезжавших в Бразилию из Старого и Нового Света, чтобы поохотиться в лесах или собрать коллекции. Ни одна научная экскурсия или экспедиция не миновала его магазина. Здесь можно было найти ружья, палатки, сетки для москитов, складные кровати, фляжки — словом, все необходимое для путешествия. Главной же приманкой был сам Джон. Никто лучше его не знал малоисследованные области Бразилии. К его советам прислушивались профессора. Одетый по-европейски, сухой, подвижный, он мог сойти за испанца-коммерсанта. В его крови не умерло только одно наследие предков: склонность к приключениям бродячей жизни в лесах. Как дикая перелетная птица в неволе, каждый год он испытывал приступ тоски, желание расправить крылья и лететь... И ежегодно перед наступлением дождей он отправлялся с каким-нибудь путешественником к верховьям родной Амазонки.

На этот раз он оказал эту честь Арману Сабатье, богатому французу из Бордо, натуралисту-любителю и страстному охотнику.

Они поднялись по Амазонке на океанском пароходе до Манауса, пересели на плоскодонный речной пароход, по Риу-Негру поднялись до Сан-Педро, затем пешком отправились на север. Через два дня пути они миновали низменный бассейн реки и взобрались на возвышенность, поросшую густым лесом. По мнению Джона, в этом месте не могло быть красных ибисов.

— Ну что же, — сказал Сабатье, — нет красных, будем охотиться на белых. Здесь чудесно, Джон! Какая растительность... Те...

Собака Сабатье, Диана, сделала стойку.

Арман Сабатье осторожно раздвинул кусты.

У ручья он увидел какое-то странное существо — получеловека-полузверя, сидевшего на земле. Длинные седые волосы дикаря — если только это был человек — ниспадали на плечи. Чрезвычайно худые, но жилистые руки и ноги были голые, а туловище неизвестного покрывали обрывки серой ткани, словно он намотал на себя паутину. Дикарь сидел спиной к Сабатье и, видимо, был погружен в какие-то наблюдения.

Как ни тихо Сабатье раздвинул кусты, дикарь услышал приближение людей. Он повернул голову, из-за его плеча показалась длинная, всклокоченная борода, достигавшая согнутых колен. Старик сделал неожиданный прыжок и бросился в кусты с такой стремительностью, как будто он увидел не людей, а ягуара. Диана взвизгнула и с отчаянным лаем погналась за убегающей «дичью». Сабатье и Джон поспешили за собакой. Без сомнения, она живо догнала бы беглеца, не будь на его стороне значительного преимущества: он, очевидно, прекрасно знал местность и с необычайной ловкостью пробирался сквозь лианы и папоротники, тогда как Диана с разбегу не

раз попадала в петли и узлы лиан и принуждена была останавливаться, чтобы освободиться. Она давно упустила из виду двуногого зверя, но шла по следу, руководствуясь обонянием и инстинктом. Сабатье и Джон следовали за нею, прислушиваясь к ее удалявшемуся лаю. Наконец они нагнали собаку у большого дерева. Подняв морду, Диана яростна лаяла. Джон посмотрел на вершину дерева.

— Вот где он! Сидит в ветвях, видите? — Сабатье не сразу заметил в густых ветвях дерева спрятавшегося старика, который смотрел на них молча и враждебно.

— Слезайте! — крикнул Сабатье по-французски.

— Слезайте, мы не причиним вам вреда! — в свою очередь крикнул Джон по-английски и еще раз по-португальски.

Но старик сидел неподвижно, как будто не слышал или не понимал их.

— Вот дьявол-то! — выбранился Джон. — Он глухой или немой. Что, если я влезу на дерево и сброшу оттуда этого лесовика?

— Нет, лучше подождемте его здесь, — ответил Сабатье. — Когда он убедится, что мы твердо решили познакомиться с ним, то, быть может, и сам спустится к нам.

Охотники расположились у дерева. Джон вынул из походного мешка чайник, консервы и сухари, разложил костер и вскипятил воду. Сабатье, сделав аппетитные бутерброды, высоко поднял руки и показал бутерброды старику, причмокивая губами, как будто приглашал есть кошку или собаку. Дикарь зашевелился. Вид пищи, видимо, возбуждал его аппетит. Приглашение к столу говорило о мирных намерениях неизвестных людей, так неожиданно нарушивших его одиночество. Однако старик еще долго не мог побороть чувства неприязни и недоверия. Он тихо замычал, как немой, и спустился ниже.

— Клюет, — весело сказал Сабатье, раскладывая на траве все содержимое своего мешка с продовольствием. Прошел еще добрый час, пока старик, спускаясь с ветки на ветку, оказался над самой головой охотников. Диана вновь неистово залаяла, но Сабатье заставил ее замолчать, и с недовольным ворчанием она улеглась у его ног.

Старик соскочил на траву, не говоря ни слова, подошел к охотникам, схватил несколько кусков вяленого мяса и стоя

начал с жадностью поглощать мясо, почти не разжевывая и давясь.

— Видно, у него во рту давно не было мяса. Смотрите, как уплетает, — одобрительно сказал Джон, протягивая старику новый кусок.

Насытившись, старик внимательно посмотрел на Сабатье и Джона, как бы изучая их, и кивнул головой. Этот простой жест доказывал, что охотники имеют дело с существом сознательным, хотя и крайне диким. Сабатье, со своей стороны, внимательно изучал внешность старика. Это лицо, безусловно, принадлежало европейцу, хотя тропическое солнце и придало коже темно-бронзовый оттенок. Главное же, старик носит очки. Значит, когда-то он был знаком с цивилизацией. Сквозь стекла очков на Сабатье смотрели странные глаза. В этих выцветших голубых глазах горел огонек дикости или безумия, но вместе с тем взгляд старика отличался сосредоточенностью мысли, которая говорила о сложном интеллекте.

Старик, продолжая разглядывать Сабатье, как будто решал какой-то важный вопрос. Брови его нахмурились, почти прикрыв внимательные, зоркие глаза. Потом он подошел к Сабатье и, тронув его за руку, удалился, как бы приглашая следовать за собой.

Сильно заинтересованные, Сабатье и Джон быстро уложили свои вещи и пошли за стариком.

Они вышли на большую поляну, среди которой поднималась группа деревьев, а на них среди сучьев и зелени виднелось воздушное жилище лесного отшельника.

Старик обернулся, еще раз кивнул головой и начал карабкаться по некоему подобию лестницы.

— Однако для своих лет он недурно лазит! — сказал Джон, удивляясь легкости, с которой старик поднимался вверх.

Старик полез ползком в небольшую дверь.

Когда Сабатье и Джон вошли в его жилище, старик пригласил их в соседнюю комнату, так как спальня, где едва помещалась кровать, была слишком мала для трех посетителей. Сабатье не без опаски ступал по полу, сделанному из бамбуковых палок на высоте сотни футов. Войдя во вторую комнату и оглядевшись, Сабатье и Джон замерли на месте от изумления... На столе аккуратно были разложены инструменты, употребляемые для препарирования насекомых и изготов-

ления коллекций, — ланцеты, пинцеты, крючки, булавки, шприцы.

На полках, потолке и полу были расположены коллекции насекомых, образцы волокон каких-то тканей, краски в деревянных сосудах. Пораженный Сабатье, прикинув в уме, решил, что за такую коллекцию любой университет не пожалел бы сотен тысяч франков. Один угол комнаты был заткан паутиной. Маленькие паучки, как трудолюбивые работники, сновали взад и вперед, натягивая паутину на небольшие деревянные рамы.

Пока гости были заняты осмотром комнаты, старик принялся раскладывать добычу своего трудового дня. Потом он взял со стола птичье перо и обмакнул его в выдолбленный кусок дерева, в котором были налиты чернила, очевидно сделанные из каких-то зерен или стеблей.

Сабатье заинтересовался этими приготовлениями. Старик собирался писать, но на чем? Однако «бумага» лежала тут же на столе — это были высушенные листья дикой кукурузы.

Старик написал несколько слов и протянул лист Сабатье.

Письмо было написано на латинском языке, которого Сабатье не знал.

— Латынь мне не далась, — сказал он, обращаясь к Джону: — Может быть, вы прочтете?

Джон посмотрел на желтый лист с черными иероглифами.

— Если бы здесь было написано даже по-португальски, я не прочел бы этого почерка, — сказал он, кладя лист на стол. Сабатье посмотрел на хозяина и развел руками:

— Не понимаем!

Старик был огорчен. Он попытался издать какие-то звуки, но, кроме мычания, у него ничего не получилось.

— Разумеется, он немой, — сказал Джон.

— Похоже на то, что он разучился говорить, — заметил Сабатье.

— Что же, попробуем обучить его. Интересно, на каком языке он говорил, прежде чем его язык заржавел, — ответил Джон.

И они усиленно начали заниматься «чисткой ржавчины» языка старика. Они по очереди называли по-французски, по-английски и по-португальски различные предметы, показывая на них: стол, рука, голова, нож, дерево.

Старик понял их намерение и, казалось, очень заинтересовался. Английские и португальские слова, видимо, не доходили до сознания старика. Он как будто не слышал их. Но когда Сабатье произносил французское слово, оно, словно искрой, зажигало какую-то клеточку в мозгу старика, пробуждая уснувшую память. У старика на лице появлялось более сознательное выражение, глаза его вспыхивали, он усиленно кивал головой.

Но как только дело доходило до речи, почти страдальческие морщины покрывали его лоб; язык и губы не повиновались, и изо рта исходило лишь нечленораздельное бормотание, весьма похожее на те звуки, которые издавали попугаи, повторявшие его лекции.

— Без сомнения, французский — его родной язык, — сказал Сабатье. — Старикашка — прилежный ученик, из него выйдет толк. Мне кажется, он уже вспомнил все слова, которые я произнес, но не может повторить их, потому что его язык, губы и горло совершенно отвыкли от нужной артикуляции. Попробуем сначала поупражнять их.

И Сабатье начал обучать старика по новому методу. Он заставлял своего ученика отчетливо произносить отдельные гласные: а, о, у, е, и. Это далось легче. Потом перешли к согласным. Джон с трудом удерживался от смеха, наблюдая за гримасами, которые делал старик в попытках произнести какую-нибудь согласную. Он выпячивал губы, вертел языком вбок, вверх и вниз, подражая учителю, свистел, трещал, шипел.

Успех этого метода превзошел ожидания учителя. К концу урока старик довольно отчетливо и вполне удобопонимаемо произнес несколько слов.

— Ему нужно поставить голос, он слишком кричит, — сказал Сабатье. — Но на сегодня довольно. С него пот льет градом от напряжения. К тому же темнеет. Здесь слишком тесно, чтобы разместиться втроем. Мы будем ночевать внизу.

Гости еще не могли свободно изъясняться с хозяином. Пришлось прибегнуть к мимике и жестам, чтобы объяснить, что они не покидают его совсем. Распростившись со стариком, Сабатье и Джон спустились по зыбкой лестнице.

— Ну, что вы скажете? Пошли за ибисами, а попали на дикобраза! Удивительная находка! Без всякого сомнения, ста-

рик — ученый. Но как попал он в этот лес? Хоть бы он скорее научился говорить!

— Вы прекрасный учитель, — заметил Джон, располагаясь на ночлег, — но все же на обучение должны уйти недели.

— Ради этого стоит пожертвовать несколько недель.

Пожелав друг другу спокойной ночи, они положили около себя ружья и улеглись спать.

10. ФЕССОР

Превращение старика в «словесное» существо пошло довольно быстро. В конце недели с ним уже можно было вести довольно продолжительные разговоры, хотя он еще путал слова. Но Сабатье ждало некоторое разочарование. Если старик овладел речью настолько, что его можно было понять, то его память, по выражению Джона, заржавела более основательно, чем язык, и никакие методы тут не помогали. Старик мог рассказать немало интересного о своей жизни в лесу, но все, что относилось к прошлому, он забыл. Он не мог вспомнить даже своего имени.

— Сколько же лет пробыли вы в лесу? — спросил его Сабатье. Старик посмотрел на палочки с зарубками и пожал плечами.

— Не знаю, должно быть, не меньше пятнадцати лет. — Старик наморщил лоб и, силясь припомнить, продолжал: — Примерно в тысяча девятьсот двенадцатом году я отправился в научную экспедицию...

— Значит, вы ничего не знаете о великой европейской войне?

Да, он ничего этого не знал. Он с недоверием слушал рассказы Сабатье и, видимо, не чувствовал к ним большого интереса.

— Да, не менее пятнадцати лет. Я заблудился в лесу, гоняясь за редкостной бабочкой. Совершенно неизвестный вид «мертвой головы».

И ученый подробнейшим образом описал все особенности насекомого.

— За все эти годы мне так и не удалось встретить второго экземпляра, — сказал он с неподдельной печалью.

Для него эта бабочка была важнее, чем все события, потрясавшие мир за последние пятнадцать лет. Он забыл свое имя, но не забыл, какого цвета была переднекрайняя жилка на внешнем крыле бабочки.

— Я долго искал моих спутников, конечно, и они меня. Они, наверно, решили, что я съеден зверями или что меня проглотила змея. Но я уцелел, как видите. Вы — первые люди, каких я вижу.

— От такого страшилища, как он, вероятно, все звери бежали! — сказал по-английски Джон. — Ему надо придать более человеческий вид.

— Вы были женаты? — продолжал расспросы Сабатье.

— Не помню... Кажется, что да, — продолжал Морель после долгой паузы. — Я вспоминаю в своей жизни женщину, которую я любил. Да, женщина... Но я не знаю, была это моя жена или мать. Наука и занятия настолько меня съели...

— Поглотили, — поправил Сабатье.

— Да, проглотили, что я уже не могу припомнить, как жил на свете.

— Но города вы представляете себе?

Старик, неопределенно разведя руками вокруг, кратко ответил:

— Шум.

— Неужто уши ваши помнят дольше, чем глаза? — удивился Джон и, подойдя к старику, спросил: — Не разрешите ли вы мне вас остричь?

— Стричь?

Джон взял прядь его волос и показал пальцами, как стрижет парикмахер.

— Снять ваши волосы, — пояснил и Сабатье по-французски. Старик не отвечал ни «да» ни «нет». Ему было безразлично.

— Молчание — знак согласия. — Джон взял маленькие ножницы с рабочего стола и, усадив старика на самодельную табуретку, принялся стричь бороду и волосы на голове.

Окончив, Джон остался чрезвычайно доволен своей работой, хотя ему пришлось немало потрудиться: густые, свалявшиеся, как войлок, грязные волосы старика было трудно резать маленькими ножницами.

— Отлично. Я пройду в лагерь, возьму запасную палатку и сошью нашему старику костюм. К тому же нам надо как-

нибудь окрестить его. Ведь он человек, ученый, профессор. Кратко это будет «Фессор». Фессор — очень хорошая фамилия.

Когда Сабатье перевел старику предложение Джона, старик охотно согласился:

— Фессор — это хорошо. Я буду Фессор.

С тех пор за ним закрепилось это имя.

Костюм был скоро сшит. Правда, он напоминал погребальный саван, но зато не стеснял Фессора, привыкшего к удобной, легкой звериной шкуре.

— Ну что вы еще хотите с ним сделать? — с улыбкой спросил Сабатье, видя, что Джон критически оглядывает своего помолодевшего клиента.

— Подкормить, — ответил Джон. — Уж больно он худ.

— Вы чем питались? — спросил Сабатье Фессора.

— Зерна, ягоды, птичьи яйца, насекомые, — ответил Фессор.

— Ну разумеется, — сказал Джон, услышав ответ. — Не мудрено, что он тощ, как комар в засуху.

И они начали кормить старика чем могли из своих запасов и тем, что добывали охотой.

Однажды Джон, страстный рыболов, решил наловить Фессору рыбы, оглушая ее.

Он взял бутылку из-под виски, влил в нее четверть углерода, который у него был в запасе, и бросил в воду. Бутылка взорвалась, и от взрыва кругом была оглушена рыба. Все, в том числе и Фессор, начали поспешно вылавливать всплывшую на поверхность рыбу и тщательно промывать ее, чтобы яд не проник внутрь.

— А у меня есть еще более простой способ ловить рыбу, не боясь отравиться ею, — сказал Фессор. — Я знаю паразитическое растение, оно растет вот в той части леса. Этим растением можно опьянить рыбу.

— Значит, вы и рыбой питались? — спросил Сабатье.

— Давно, — ответил Фессор. — Растение — очень высоко, а у меня нет времени лазать по деревьям, если можно питаться ягодами на ходу.

Джон очень заинтересовался этим растением, которое даже ему не было известно, и решил тотчас отправиться за ним.

Фессор указывал им путь. Он шел по лесу, как по музею, где каждый экспонат ему был хорошо известен. От времени до времени он справлялся по каким-то зарубкам, сделанным на деревьях. На вопросительный взгляд Джона он ответил:

— Я исходил лес во все стороны от хижины, и всюду через каждые пятьдесят-шестьдесят метров у меня сделаны на деревьях значки — они показывают путь.

Фессор завел своих спутников в такие дебри, что они с трудом пробирались.

— Вот там, вверху, видите — вьющиеся растения с белыми цветами. Это и есть мои рыболовные принадлежности.

Даже Джон, ловкий как обезьяна, с трудом взобрался на вершину дерева, опутанного лианами.

Он сбросил несколько веток с белыми, одуряюще пахнущими цветами. Слезая вниз, он увидал на мохнатом стволе дерева роскошную белую орхидею и сорвал ее.

— Я не знал, что вы такой любитель цветов! — сказал Сабатье, наблюдая за Джоном. Но Джон вместо ответа отчаянно вскрикнул, кубарем скатился с дерева и, не переставая кричать, запрыгал по траве, хватаясь за лицо и руки.

Сабатье решил, что его укусила змея. Но Фессор бросился на помощь Джону и начал сбрасывать с его рук и лица маленьких белых муравьев. Сабатье последовал за Фессором, и они втроем начали поспешно сметать с Джона муравьев. Несколько этих ядовитых насекомых упало на руку Сабатье, и он понял, почему Джон кричал так неистово. Боль от укусов муравьев была нестерпима, как от укола раскаленной иглой. Когда наконец Джон был освобожден от насекомых, Сабатье подошел к орхидее и увидел, что вся внутренность цветка была сплошь усеяна белыми муравьями.

— Эти злые инсекты (насекомые), — сказал Фессор, — могут съесть живого человека. Однажды они напали на меня. Я спасся, потому что бросился в воду. В воде они еще долго кусали меня, пока их не смыло.

Все тело Джона горело, как будто он принял ванну из красного кайенского перца. Тем не менее он настаивал на продолжении рыбной ловли.

— Мне необходимо искупаться в реке, иначе я сгорю в собственной коже! — уверял бедняга.

Лов вышел удачный. Растение Фессора действовало изумительно. Несмотря на то что вода была проточная, хотя и с медленным течением, наркотический сок растения настолько одурманил рыбу, что вся поверхность реки покрылась ею. Но этого мало — Джону посчастливилось поймать в реке животное из породы аллигаторов, водяную ящерицу, на вид весьма невинную, а в действительности по кровожадности мало чем отличающуюся от каймана.

— Что вы будете делать с этой ящерицей? — спросил Сабатье.

Но Джон только таинственно мигнул.

В этот день обед вышел на славу. Сварили и зажарили рыбу.

На закуску Джон вырезал лучшую часть для еды — хвост чудовища, затем вынул из тела яйца, которыми оно было наполнено. Печеные яйца ящерицы пришлись весьма по вкусу Фессору, он признался, что не знал об этом вкусном блюде. Джон был, видимо, польщен.

В конце обеда вышла маленькая неприятность. Оказалось, в сахарнице почти нет сахара. Фессор тотчас предложил свести гостей к столетнему дереву, где водились медоносные мухи.

— Это недалеко, — сказал он, — и вы увидите, что там легко можно сделать запас сахара. Я изучал жизнь этих мух и знаю, как вынуть мед и не трогать их: задвижку я всегда оставляю сверху дупла, а мед выгребаю из-под мух. Мед этих мух вкуснее, чем пчелиный, а воск — белый-белый. Мухи дольше, чем пчелы, приготовляют воск; по этой причине я всегда возвращаю воск после того, как самодельной центрифугой извлеку из него весь мед.

Через полчаса маленькое общество уже сидело за чаем, наслаждаясь мушиным медом необычайного вкуса и аромата.

11. НЕВЕДОМЫЕ БОГАТСТВА

Обычно Фессор уходил в лес на целые дни, и только вечером все собирались у костра за котелком чая, рассказывая друг другу события дня. За это время Фессор уже вполне овладел речью.

Однако в последние дни с Фессором стало твориться что-то неладное. Он возвращался в самые неопределенные часы, забирался в свою лабораторию и то сидел неподвижно у стола, обхватив руками голову, в глубокой задумчивости, то вдруг срывался с места, что-то возбужденно бормотал и с такой поспешностью спускался с лестницы, что Сабатье каждый раз боялся за него. Старик был крайне рассеян. Он отвечал невпопад на вопросы, иногда даже не слышал их или обрывал разговор на полуслове.

— Совсем помешался старик, — говорил Джон, поглядывая на Фессора.

Фессор действительно был похож на сумасшедшего. Однажды он сидел недалеко от дома, внимательно разглядывая в траве какое-то насекомое. Вдруг Фессор поднялся и побежал с такою быстротой, словно за ним гнался ягуар. Он бегал по поляне как исступленный, крича во весь голос:

— Почему она не хочет брать мою эфиппигеру?

Потом он поймал какое-то насекомое, с такой же поспешностью вернулся на прежнее место и, бросив насекомое, издал торжествующий крик:

— Взяла, каналья!

Сабатье подошел к ученому и осторожно спросил его:

— У вас, господин Фессор, кажется, какие-то неприятности с вашими насекомыми?

— Неприятности? — ответил повеселевший Фессор. — Я чуть с ума не сошел, вот какие неприятности! Но теперь все в порядке. Еще одна сложнейшая загадка природы разрешена!

И, усевшись поудобнее, он с жаром начал объяснять:

— Осы — это ученые убийцы. Своих жертв — жужелиц, эфиппигер и других насекомых — они поражают отравленным кинжалом в нервные центры и этим приводят их в состояние полного паралича. Эти живые трупы оса утаскивает к себе и складывает в кладовой — таким образом, под рукой свежие продукты. Вот эта самая оса, лангедокский сфекс, едва не свела меня с ума! Она поразила свою жертву, эфиппигеру, на моих глазах и, ухватив за усики, не спеша потащила в свою норку. Я незаметно подкрался, ножницами обрезал усики, взял парализованную эфиппигеру и положил на ее место другую, только что пойманную мной. Оса, тащившая свою добычу, почувствовала, когда я перерезал усики, что ноша стала

легче, и оглянулась. Конечно, она очень удивилась, увидев, что на месте парализованной лежит новая, живая эфиппигера. Моя оса не верила своим глазам и, помочив передние лапки во рту, начала ими протирать глазки. Убедившись, что это не обман зрения, оса начала искать первую эфиппигеру, а к моей даже не притронулась, хотя я сам подсовывал ей добычу. Почему она не брала мою эфиппигеру?

— Вам это показалось обидным? — спросил Сабатье.

— Не обидно, а непонятно, черт возьми! — вскричал Фессор. — Это противоречило инстинкту. Я был сам не свой, пока не разгадал загадку, которую мне задала оса.

— И в чем же было дело?

— В том, что я подложил ей самца. Оса же, как теперь я убедился, охотится на самок, потому что в их вздутом брюшке содержится большой запас сочных яичек — лучшее питание для личинок сфекса. Мне нужно было во что бы то ни стало найти эфиппигеру-самку, пока оса не утащила свою добычу. Вот почему я с такой поспешностью бегал по поляне.

Сабатье стало понятно настроение Фессора.

Необъяснимое отступление от инстинкта, этого закона природы, для Фессора было столь же невыносимо, как для астронома непонятные ему возмущения в движении небесных светил. Теперь гармония космоса и души Фессора была восстановлена. Как будто тяжкий груз свалился с плеч. Он стал общительней и даже предложил показать, каким способом он ловит насекомых.

— Я подсекаю стволы одного кустарника, из которого капля за каплей вытекает своего рода клей, который и служит приманкой для различных насекомых. Да вот вы сами увидите.

Фессор «слетал» на свое гнездо и принес оттуда горшочки и палочки, которые раздал Сабатье и Джону.

Фессор научил их, как нужно его клеем смазывать листья, ветви и даже мох, тщательно прикрывая те места, где расставлены ловушки.

Когда перед вечерним чаем они пришли к ловушкам, Сабатье увидел, что они действуют великолепно, — смазанные листья оказались сплошь покрытыми самыми разнообразными насекомыми.

— Это гораздо легче, чем бегать по полянам, как жеребенок. Да мне это уж и трудновато становится.

Фессор нагнулся, вынул из клея какую-то божью коровку и раздавил ее между пальцами. Пальцы его мгновенно окрасились в ярко-синий цвет.

— Эта краска по яркости цвета и прочности превосходит анилиновые краски и обладает одним замечательным свойством... Впрочем, позвольте пока не открывать вам секрета этой краски, — сказал он, о чем-то подумав.

В этот день Фессор был общителен, как никогда. После чая с медом он пригласил гостей к себе на дерево. Пройдя в свою лабораторию, он вынул из небольшого ящика образчики тканей, кусками в двадцать на тридцать сантиметров каждый.

— Эти кусочки материй, — сказал он, — сотканы из волокон растений или животных. Попробуйте. Никакая шерсть не сравнится по легкости, мягкости, прочности и теплоте с этой тканью. Но у меня есть кое-что поинтересней.

И Фессор протянул Сабатье кусок серой ткани. Когда Сабатье положил ткань на руку, он был поражен. Ткань была так легка и тонка, что казалась сотканной из паутины.

— Попробуйте-ка разорвать ее! — улыбаясь, сказал Фессор.

Сабатье сначала осторожно потянул ткань, опасаясь, что она расползется при первом натяжении. Но ткань не разорвалась. Тогда он потянул сильнее, наконец рванул изо всех сил. С таким же успехом он мог попытаться разорвать железный лист. Джон также захотел испытать свою силу, но ткань решительно не поддавалась. И вместе с тем она была легка и воздушна.

— Сам черт не разорвет этой ткани! — сказал Джон, протягивая кусок Фессору.

Глаза и губы Фессора улыбались. В своем длинном балахоне он казался алхимиком, Фаустом двадцатого века. Помахав, как флагом, тканью, Фессор сказал:

— Я удивлю вас еще больше, если скажу, что эта ткань сделана водяным пауком. Из этой ткани водяные пауки строят свои подводные дома. Ткань совершенно водонепроницаема. Если ее пропитать соком одного растения, она станет непроницаема и для воздуха. Недурная была бы оболочка для дирижаблей! А как она держит тепло! Из этой ткани вы можете сделать трико. Вы будете казаться голым и вместе с тем

смело можете отправиться в этом трико на Северный полюс, не рискуя замерзнуть.

А вот эта ткань, — продолжал старик, — продукт особого вида шелковичных червей. И знаете, каким образом я добиваюсь, чтобы эти существа (мои ученики, как я их называю) изо дня в день работали на меня? Я избавляю их от всяких врагов и кормлю той пищей, какая им нужна, как это делают китайцы. Я месяцами, годами изучал нравы и инстинкты этих трудолюбивых насекомых и сделал из них прекрасных работников. Вот посмотрите на этого паука.

Сабатье еще в первый день обратил внимание на маленького паука, который наматывал паутину на деревянную рамку.

— Если бы у меня было больше места, я заказал бы этому ткачу целый костюм, и он бы соткал мне его по мерке без единого шва. Из этой паутины я делал себе рубашки. Ткань мне изготовляли пауки, а нитки — шелковичные черви.

— Но как вы добились этого?

— Наблюдением и терпением... Остальные образчики тканей сделаны из волокон разных растений, и все они очень прочны. Лучшие из этих растений те, волокна которых нужно долго разминать, отчего они делаются мягкими. Затем я их кладу в воду, смешанную с каким-нибудь дубителем, и это их делает еще более нежными. Я нашел также дикую коноплю из того же семейства, что растет в Индии. Ее волокна, погруженные в дубитель, также очень быстро приобретают большую прочность.

У Фессора словно прорвалась плотина молчания. Он готов был говорить целую ночь о новых, совершенно неизвестных цивилизованным людям материалах, об изумительных красках, тканях, чудодейственных соках неведомых растений и о пауках — пауках больше всего. Говоря о них, Фессор превращался в поэта.

Но Сабатье уж не мог слушать. Нельзя было в один вечер усвоить и переварить все то, что Фессор узнал и открыл за пятнадцать лет жизни, каждый час которой был посвящен упорному труду исследователя.

Наконец старик отпустил своих гостей, сказав им на прощание загадочную фразу:

— Сегодня ночью дух леса снизойдет к вам! — И Фессор засмеялся странным, почти безумным смехом.

12. «ДУХ ЛЕСА»

Когда они спустились по лестнице и разложили у подножия дерева походные кровати, Джон долго тер себе лоб и сказал, обращаясь к своему спутнику:

— Знаете что, господин Сабатье, я больше не могу! Если мы пробудем здесь еще неделю, я совершенно обалдею от этого старика!

— Вы не правы, Джон. За этот месяц мы узнали столько интересных вещей, сколько не узнать за годы. Фессор поделился с нами только небольшой частью своего опыта. Но и этого было бы достаточно, чтобы поразить весь ученый и промышленный мир. Знаете ли вы, что за самое незначительное открытие Фессора любой фабрикант не пожалел бы миллиона? Некоторые из его открытий похожи на взрывчатые вещества необычайной силы. Они могут перевернуть вверх дном целые области промышленности и создать совершенно новые. Все это так грандиозно, что я не в силах разобраться в этом необычайном богатстве. Подумать только, что оно оставалось неизвестным миру целых пятнадцать лет!

— И останется неизвестным, — отозвался из темноты Джон.

— Этого не должно быть! — серьезно ответил Сабатье. — Мы попытаемся уговорить Фессора уехать вместе с нами. Мы захватим часть его коллекций и его самого.

— Едва ли он согласится на это, — возразил Джон. — Как бы там ни было, нам пора собираться в дорогу. Скоро начнется период дождей.

Они замолчали, погруженные каждый в свои мысли. Сабатье думал о возможной эксплуатации «клада» Фессора, Джон же — о своем магазине.

— Однако пора зажигать костер и ложиться спать, — сказал Джон.

В этот момент легкий скрип дерева привлек их внимание. Они насторожились, но даже тонкий слух охотников не мог сразу определить, откуда исходит звук. Уловить его направление в самом деле было нелегко. Джон первый догадался поднять голову кверху и вскрикнул от удивления.

Можно было подумать, что во тьме тропической ночи к ним спускается звездный кусочек Млечного Пути.

Джон увидел кучу звезд, которые горели спокойным, мягким фосфорическим светом.

— Что за наваждение! — воскликнул Джон. Конечно, тут не могло быть ничего сверхъестественного. Млечный Путь не мог скрипеть легкими перекладинами лестницы.

Среди тишины ночи послышался короткий смешок Фессора.

— Лесной дух спускается к вам! — сказал Фессор.

Когда он спустился, Сабатье и Джон не могли не вскрикнуть от удивления. Весь балахон Фессора сиял фосфорическими пятнами.

— Недурной маскарадный костюм! — сказал, улыбаясь, Сабатье.

— Вы угадали, это мой маскарадный костюм, — ответил Фе́ссор. — Помните божью коровку, содержащую синюю жидкость? Эта жидкость фосфоресцирует ночью. Я намазал ею костюм и превратился в созвездие, гуляющее по тропическому лесу.

— Но зачем вам этот маскарад? — спросил Сабатье.

— А вот зачем. Каждое светящееся пятно напоминает своей формой тело какого-нибудь фосфоресцирующего ночного насекомого, и насекомые летят на мой костюм. Светящиеся пятнышки покрыты легким слоем клея. И насекомые садятся на эту приманку. Таким образом, гуляя по лесу, я в то же время ловлю насекомых. Как видите, я весьма упростил свою работу.

И, пожелав гостям спокойной ночи, Фессор удалился, словно блуждающий огонек, то появляющийся, то исчезающий среди кустов.

Когда утром Фессор вернулся, он уже не был похож на кусочек звездного неба. Весь его костюм был сплошь покрыт прилипшими за ночь насекомыми.

— Хороший улов! — весело приветствовал он Сабатье.

— Вы прямо ходячая коллекция, господин Фессор! Не хотите ли чаю?

— Сейчас, только освобожусь от насекомых и приведу в порядок костюм, — ответил Фессор, поднимаясь по лестнице.

Когда Фессор вернулся, Сабатье налил ему кружку чаю и сказал:

— Дорогой Фессор, мы хотим похитить вас. Скоро наступит период дождей, и мы отправимся в путь.

— Желаю успеха.

— А вы?

— Мне и здесь хорошо, — решительно ответил Фессор.

— Неужели вы не испытываете никакого желания вернуться к людям? — спросил Сабатье. — Пятнадцать лет — как будто достаточный срок для научной экспедиции. Вы только подумайте, какую сенсацию произведут ваше возвращение и открытия! Ваше имя станет известным во всем мире.

Сабатье пытался играть на струнке тщеславия, но эта струнка уже не вибрировала в душе Фессора.

— Здесь есть кое-что поинтересней газетной шумихи. — И, подумав, Фессор добавил: — Нет, я не могу оставить леса.

— Но что вас удерживает?

— «Мертвая голова» — та самая бабочка необычайного вида, которую я встретил в лесу пятнадцать лет назад. Я думал о ней дни и ночи, искал ее все эти годы, но не мог найти. До тех пор, пока ее не будет у меня, я не уйду из этого леса.

— Но поймите же, — рассердился Сабатье, — вы сами давно превратились в мертвую голову, упрямый вы человек! Ну какая польза от всех ваших открытий, если о них не знает ни один человек на земле? Что толку от всех ваших коллекций и знаний? Не сегодня завтра вас может съесть ягуар, проглотить удав. Наконец, вы умрете естественной смертью и унесете в могилу все сокровища. Вне общества, без людей ваше существование бесцельно, ему грош цена! Наука для науки — это игра в бирюльки, чепуха, бессмыслица! Вы должны подумать о своем долге перед обществом, без которого вы были бы бессловесным животным!

Сабатье говорил долго, и Фессор, видимо, начал склоняться на его доводы. Наконец старый ученый, опустив голову, сказал:

— Хорошо, я поеду с вами. Но только для того, чтобы вернуться сюда во главе хорошо оборудованной экспедиции и закончить свои работы. Мы, конечно, заберем с собою мои коллекции.

— Ну разумеется, — ответил Сабатье, подумав: «Только бы его вытащить отсюда!»

Дожди стали выпадать все чаще, и маленькое общество начало деятельно готовиться к отъезду.

Однажды Сабатье, бродя у берега вздымавшейся реки, обратил внимание на валявшиеся стволы железного дерева. От них исходил крепкий аромат.

— Такому дереву позавидовала бы любая парфюмерная фабрика! — сказал Сабатье. — Что, если из таких деревьев сделать плот?

Фессор покачал головой.

— Это дерево сыграло уже со мной скверную шутку, — ответил он. — Оно не будет держаться на воде. Плот надо делать из легкого бамбука.

Скоро плот был готов. Он отличался довольно большими размерами. Джон устроил на нем поместительную палатку. Когда начались дожди, все трое переселились в палатку, ожидая момента отплытия. Коллекции еще находились в древесной хижине Фессора. Путники выжидали, пока небо прояснится, чтобы перенести огромное количество насекомых, не испортив их дождем. Фессор очень волновался и ежеминутно поглядывал на небо.

— Кажется, проясняется, — сказал он однажды утром. Дождь перестал, проглянуло солнце. Лес начал оживать.

— Да, надо пользоваться случаем, — ответил Сабатье.

Все поспешили к хижине.

Вдруг Фессор громко вскрикнул и побежал как безумный.

— Мои коллекции! Мой дом! — кричал он.

Сабатье и Джон последовали за ним и увидели, что ветхий домик Фессора разрушен бурями и ливнями последних дней. У подножия деревьев лежала груда трухи вперемешку с высохшими насекомыми.

Фессор в отчаянии бросился на останки своего жилища и начал ворошить мусор руками, крича:

— Мои коллекции! Мой труд! Моя жизнь!

Джон пытался оттащить старика, но он, казалось, помешался.

— Оставьте его, пусть он немного успокоится, — сказал Сабатье, взволнованный искренним горем ученого.

Набежала туча, сразу стало темно. Гремел гром, сверкала молния. Ветер трепал верхушки деревьев и свистел в бамбуковой роще. Дождь вновь полил как из ведра. Но Фессор не замечал ничего. В его настроении наступила реакция. Он сидел неподвижно, как маньяк, устремив взгляд на погибшие сокровища.

Сабатье нахмурился и, тронув ученого за плечо, сказал:

— Вот видите, мы вовремя решили увезти вас отсюда. Но не печальтесь. Вы вернетесь сюда, и тогда...

— Да, да! — Фессор пришел наконец в себя. — Надо начинать сначала! Я вернусь!

— С большой экспедицией, оборудованной наилучшим образом. Но нам надо спешить. Идемте скорей, Фессор!

— Да, да, надо спешить... Работы много. Все — сначала. Скорей же! Идем!

Фессор торопил своих спутников. Он спешил к людям, чтобы скорее вернуться в лес. Этот лес поработил его душу, сделался его стихией, его манией.

Они пришли на реку как раз вовремя. Неожиданно прибывшая вода уже поднимала плот.

Фессор ухватил шест и начал отталкиваться.

— Не делайте этого! — прикрикнул на него Джон. — Вы можете загнать острые концы плота в тину. Вода сама поднимет плот. Имейте терпение!

Фессор покорно положил шест и вновь погрузился в мрачное молчание, устремив взор на мутные воды.

Мимо него, как много лет назад, мчались стволы деревьев, трупы животных, пальмы. Но он, казалось, ничего не замечал. Только один раз его глаза загорелись мыслью.

Путешественники увидали зрелище, которое могло привести в себя даже полупомешанного Фессора...

По реке мимо них тихо плыл остров с десятком пальм и папоротников. Огромные орхидеи спускались к самой воде. В ветвях пальм прыгали и беспокойно кричали обезьяны.

— Плавучий остров! Неужели это не мираж? — воскликнул удивленный Сабатье.

— Наводнение смывает целые группы деревьев, — ответил Фессор таким тоном, как будто читал лекцию в университете. — Случается, что такие острова выплывают в море далеко от берега и долго носятся по волнам; сплетенные корнями деревья долго не распадаются. Многие мореплаватели встречали в океане такие плавающие острова. Здесь нет ничего... — он

оборвал на полуслове и ушел в свои мысли, внезапно позабыв об острове.

— Вот бы на таком острове совершить плавание! — сказал Сабатье.

— Индейцы проплывают иногда на этих странствующих островах значительные пространства, — ответил Джон. — Помню, в детстве я сам пускался в такие путешествия.

Плот сильно качнулся, и его понесло течением.

— Наконец-то! — ожил Фессор. — Скорей бы, скорей! Столько работы!.. — И он снова замолчал, низко опустив голову.

Джон посмотрел на Фессора, потом на Сабатье и тихо сказал:

— Пожалуй, нам не следовало брать с собой старика. Смотрите, он совсем спятил.

— Ничего, отойдет. Нельзя же было оставить его в лесу!

— Удивительная история! — сказал французский консул в Рио-де-Жанейро, когда Сабатье окончил свой рассказ. Затем консул открыл шкаф, порылся в старых газетах, аккуратно сложенных в стопки, вынул пожелтевший номер и протянул Сабатье. — Вот посмотрите.

Сабатье раскрыл газету. Она была от 12 сентября 1912 года. На третьей странице была помещена заметка о гибели в лесах Бразилии французского ученого Мореля, написанная одним из его спутников по экспедиции. К статье был приложен портрет человека в очках, с гладко выбритым лицом.

— Да, это он, наш Фессор! — сказал Сабатье. — Время сильно изменило его, но глаза те же.

— Глаза человека не знают старости, — ответил консул. — И вы говорите, что он жив и здоров? Приведите его ко мне. Интересно взглянуть на этого нового Робинзона!

Однако привести Мореля к консулу было не так легко. Когда Сабатье вернулся в номер гостиницы, его встретил Джон, сильно расстроенный.

— Опять ушел! — сказал Джон. — Этот Фессор совсем помешался, должно быть, от городского шума. Он бредит, говорит какие-то непонятные латинские слова. Убежал в городской сад, прыгает по траве и ловит бабочек, а сторожа ловят его. Он собрал вокруг себя целую толпу. Я пытался его увести

и сам едва ушел: сторожа хотели отвести меня в полицию. Они говорят: «Если это ваш помешанный, то вы должны за ним следить и не выпускать его из дома». Нечего сказать, хорошую сделали мы находку! Я говорил вам, что не надо было увозить его из леса.

— На него повлиял слишком резкий переход от одиночества в лесу к жизни большого города. Ему, вероятно, придется полечиться. Но я надеюсь, что постепенно он придет в нормальное состояние, — сказал Сабатье.

За окном послышался шум, и они услышали голос Мореля-Фессора:

— Зачем вы преследуете меня? Что вам от меня нужно? Не мешайте мне, я ищу «мертвую голову»!

СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ!!!

1. БОЛЬНОЕ МЕСТО ЭДУАРДА ГАНЕ

— Вы начинаете стареть, Иоганн, — ворчливо сказал Эдуард Гане, отодвигая кресло.

Лакей с трудом опустился на колени, подавляя вздох, и начал подбирать упавшие с подноса кофейник, серебряный молочник и чашку.

— Зацепился за угол ковра, — смущенно проговорил он, медленно поднимаясь.

Эдуард Гане, выпятив толстую синюю губу, неодобрительно смотрел на пятно от разлитого кофе и с упрямством старика сказал еще раз:

— Вы начинаете стареть, Иоганн! Сегодня утром, одевая меня, вы никак не могли попасть отверстием рукава в мою руку. Вчера вы разлили воду для бритья...

На каменном бритом лице Иоганна промелькнула тень печали. То, что говорил Гане, было правдой: Иоганн начинал стареть и даже дряхлеть. Но это была горькая правда.

Семьдесят шесть лет не шутка, и из них пятьдесят пять было отдано служению Эдуарду Гане, который только на шесть лет был моложе слуги.

Пора на покой. Иоганн имеет кое-какие сбережения. На его век хватит. Но что он будет делать, оставив службу? Его

старое тело, как машина, справляется с привычной работой обслуживания другого человека. На себя же — Иоганн знал это — у него не хватит сил. И он привык, сжился с этим старым брюзгой Эдуардом Гане.

Иоганн поступил к нему еще в Ганновере, откуда они приехали в Новый Свет искать счастья пятьдесят лет назад. Эдуарду Гане повезло. Он нажил большой капитал и десять лет назад после легкого удара продал свои текстильные фабрики, выстроил в окрестностях Филадельфии загородную виллу в стиле немецкого замка и удалился на покой.

Полсотни лет не сделали из Гане американца. Он остался немцем в своих вкусах, привычках, во всем. Дома с Иоганном он говорил только по-немецки.

Настоящее имя Иоганна было Роберт, но Гане признавал для́ слуги только одну «кличку» — Иоганн, и в конце концов старый лакей сам забыл свое первое имя...

Как многие старые холостяки, Эдуард Гане был не чужд странностей. В домашнем быту он не признавал новшеств. В его замке время, казалось, остановилось.

Гане не выносил электрического света, который, по его мнению, портит зрение. Во всех комнатах горели керосиновые лампы, а в кабинете на письменном столе стояли свечи под зеленым абажуром. О радио старый Гане не мог слышать. «Довольно того, что через меня проходят радиоволны, — говорил он. — От них у меня усиливаются подагрические боли. Непременно надо будет сделать на крыше и стенах дома радиоотводы. Я не желаю, чтобы через меня проходили звуки какой-нибудь пошлой шансонетки». Гане не переносил также езды на автомобиле.

В его конюшне стояла пара выездных лошадей, и в редкие посещения города он появлялся в старомодной карете, возбуждая удивление прохожих. Но эти выезды он совершал не более двух раз в год. Зато каждое утро с немецкой пунктуальностью Гане прогуливался по саду, опираясь на руку Иоганна.

И когда они шли так по усыпанной песком дорожке, рука об руку, с черными тростями в руках, незнакомый человек затруднился бы сказать, кто из них хозяин и кто слуга. За долгую совместную жизнь Иоганн как бы сделался двойником Гане, усвоив все его жесты и манеру держаться.

Иоганн казался важнее, так как он был старше и брился, как истый американец, а у Гане были небольшие бачки. И только внимательный взгляд мог по костюму отличить хозяина: у Гане сукно было значительно дороже.

Иоганн очень любил эти прогулки.

Неужели им должен прийти конец? Нет, этого не может быть.

Никто лучше Иоганна не знает привычек Эдуарда Гане, никто не вынесет его старческого брюзжания.

Эта мысль несколько успокоила Иоганна, и он с едва заметной улыбкой на высохших губах, но внешне покорно сказал:

— В таком случае, господин Гане, вам придется поискать мне заместителя... молодой человек, конечно, справится лучше меня...

— Что-о? Молодой человек? Вы решили сегодня извести меня, Иоганн! Принесите мне кофе...

Иоганн бодрящейся походкой вышел, подергивая в коленях ногами. За дверью лицо его утратило каменное выражение. Он улыбнулся во весь рот, обнаружив искусственные зубы безукоризненной белизны. Иоганн попал в самое больное место Эдуарда Гане. Гане не выносил слуг вообще, а молодых в особенности. В своей вилле он держал самое необходимое количество слуг: садовника — он же был кучером — и повара-китайца. Обоим было по пятьдесят лет. Женской прислуги не было. Белье отдавалось в стирку на соседнюю ферму. Оттуда же приходила старая женщина, когда нужно было навести порядок в доме. Повар и садовник жили во флигеле, а Иоганн помещался в небольшой комнате рядом со спальней Гане, готовый во всякое время дня и ночи прийти на зов хозяина.

2. НЕВЕРОЯТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

После утреннего кофе Эудард Гане и Иоганн совершали обычную прогулку по саду.

Опираясь друг на друга, как два старых подгнивших дерева, они медленно шли по дорожке, от времени до времени отдыхая на удобных садовых скамейках.

— Вы предлагаете, Иоганн, нанять нового слугу, молодого. Разве год назад мы не сделали этого опыта? И что же? Я не знал, как отделаться от этого молодого человека. Правда, он не бил посуды и быстро попадал в рукава, одевая меня. Он не зацеплялся за ковры и не портил мне дорогих ковров, как вы, Иоганн...

Иоганн терпеливо ожидал, когда последует «но».

— Он все делал быстро и хорошо. Но ведь это же невозможные люди... современные слуги, молодые! Каждое слово обдумывай, чтобы не обидеть их и не нарваться на грубость. Лишний раз не позови. Ночью... у меня подагра разыгралась, зову его, а его и след простыл. Нет! Гулять отправился! Воскресенье придет — давай ему отпуск... И чем все это кончилось? Нагрубил и ушел. Хорошо еще, что не зарезал, не ограбил... Присядем, Иоганн, у меня что-то нога... К дождю, вероятно...

И, усевшись на скамью, Гане тяжко вздохнул:

— Нет больше хороших слуг, Иоганн. Вымирает эта порода. Хороший слуга должен быть как машина. «Сядь!» Сел. «Встань!» Встал. «Подай!» Подал. И все молча, четко, ловко. И чтобы никаких там «сознаний личности», обид. Мало ли что старый человек сказать может, когда у него и тут ломит, и там болит!.. Нет, Иоганн, это не выход.

— Можно нанять постарше, — самоотверженно давал советы Иоганн, — так, лет пятидесяти, чтобы крепкий был, да только без молодого шала.

— Да где их достать таких? Такими дорожат. Ведь я бы вас не отпустил, Иоганн, когда вам было пятьдесят, если бы кто захотел переманить вас к себе. Так и каждый хозяин. Да и трудно привыкать к новому человеку, а ему — ко мне...

Оба замолчали, подавленные безвыходностью положения.

— Если женщину, постарше?

— Вы решительно хотите доконать меня, Иоганн. Неужели вы не знаете, что каждая женщина, поступая в услужение к старому одинокому богатому человеку, норовит прибрать его к рукам, женить на себе, вогнать в гроб и выйти замуж за молодого! Нет, нет, избави меня бог. Я еще жить хочу. Уж лучше с вами буду век коротать, Иоганн.

На душе Иоганна отлегло. Он не знал, что впереди предстоит новое испытание...

На нижней дорожке послышался скрип песка под чьими-то тяжелыми шагами.

Иоганн и Гане насторожились. Гане не любил посетителей. И надо же было кому-то прийти во время прогулки. Дома можно не принять, а здесь он был беззащитен перед вторжением непрошеного гостя. Гане измерил расстояние до дома. Нет, не успеть дойти... Из-за поворота дорожки уже виднелась чья-то голова в котелке. Еще несколько шагов, и неизвестный предстал перед Гане. Это был плотный солидный человек лет сорока, в безукоризненном костюме, с уверенными, корректными манерами.

— Могу я видеть мистера Эдуарда Гане? — спросил неизвестный, оглядывая сидящих и стараясь угадать, кто из них Гане. Иоганн скромно опустил глаза, хотя, как всегда, он был польщен этим замешательством посетителя.

— Я Эдуард Гане. Что вам угодно? — спросил Гане, не приглашая незнакомца сесть.

Посетитель учтиво приподнял котелок и ответил:

— Джон Мичель, представитель электромеханической компании «Вестингауз». Я осмелился побеспокоить вас, чтобы сделать вам очень интересное предложение...

— Если бы вы даже были представителем самого Форда, я не приму вашего предложения, — ворчливо перебил его Гане. — Вот уже десять лет, как я отстранился от всякой коммерческой деятельности и не желаю...

— Но я совсем не предлагаю вам вступить в дело, — в свою очередь перебил его посетитель. — Мое предложение совершенно иного свойства, и, если вы будете любезны одну минуту выслушать меня...

Эдуард Гане беспомощно посмотрел на кусты роз, перевел взор на цветущие глицинии, окружавшие зеленым каскадом садовую беседку, и, наконец, возвел глаза вверх. Потом покосился на край скамейки и с зловещей любезностью сказал:

— Садитесь. Я вас слушаю.

Незнакомец притронулся к шляпе и с достоинством уселся на скамью. И тут случилось чудо.

Незнакомец заговорил и с первых же слов приковал внимание Гане и Иоганна к тому, о чем он говорил.

— Богатый пожилой воспитанный джентльмен не может обойтись без прислуги. Но как трудно в наш век найти хоро-

шего слугу! Старые преданные слуги под влиянием неумолимого закона природы все больше дряхлеют, — Джон Мичель выразительно посмотрел на Иоганна, — а на смену им нет никого. Молодежь развращена профессиональными союзами, партиями, федерациями. Их требования, их капризы невыносимы. Притом вы никогда не гарантированы, что один из таких молодчиков не перережет вам в одну прекрасную ночь горло и не убежит с вашими драгоценностями. Даже женщины не безопасны, в особенности для старых холостяков. Наймешь какую-нибудь экономку — и не успеешь оглянуться, как окажешься у нее под башмаком.

«Что за чертовщина? — подумал Гане. — То ли он подслушал, то ли это в высшей степени странное совпадение...»

А Мичель продолжал свою загадочную речь:

— Да, о найме новых слуг приходится забыть. Но вместе с тем и без слуг обойтись нельзя. Домашний уют пропадает. Везде пыль, по углам пауки ткут паутину. Но это еще не все. Подумали ли вы, мистер Гане, о том печальном моменте, когда ваш старый слуга — я не ошибаюсь, это он сидит с вами? — когда ваш старый слуга не придет на ваш зов потому, что он не в силах будет от старческой слабости подняться с кровати? И вы останетесь один, беспомощный и жалкий...

Думал ли об этом Гане! Эта мысль преследовала его по ночам, как кошмар. И Гане не один раз вызывал Иоганна ночью лишь для того, чтобы убедиться, что слуга еще может дотащиться до него, и с волнением прислушивался, как Иоганн, кряхтя и сопя, поднимал с кровати свое старое тело...

— Вам некому будет подать таз с водой, принести кофе, — продолжал терзать Гане посетитель. — Вы будете лежать в своей кровати, а пауки — отвратительные мохнатые пауки — будут спускаться вам прямо на голову, и обнаглевшие крысы начнут прыгать по одеялу...

Гане снял шляпу и отер платком лоб: «Это бред какой-то».

— Что же вы хотите? — спросил он с отчаянием и тоской в голосе. — Зачем вы говорите мне все эти ужасы?

Мичель посмотрел на Гане уголком глаз и остался доволен наблюдением. Клюнуло!

Он как будто не расслышал вопроса. Не спеша закурил сигару, окинул рассеянным взглядом сад и сказал:

— Хорошенькая у вас вилла. Уютный уголок. Здесь можно беспечально провести остаток жизни, если только...

— Я просил бы вас держаться ближе к цели вашего визита, — нетерпеливо сказал Гане.

— ...если только иметь хороших, надежных слуг, которые повинуются вашему голосу, немы как рыба и послушны вам, как ваши собственные мысли, — докончил Мичель. И, повернувшись к Гане, он сказал: — Вот за этим самым я и пришел к вам. Я хочу предложить вам таких идеальных слуг.

Разговор неожиданно был прерван появлением собаки — черного пинчера, выбежавшего из дома садовника. Собака быстро подбежала к Гане, но, увидев чужого, заворчала и оскалила зубы.

Мичель опасливо поджал ноги.

— Джипси, на место! — прикрикнул Гане, и собака с ворчанием улеглась под скамейкой. Мичель поморщился.

— С детства не переношу собак, — сказал он. — Однажды от них я очень сильно пострадал. А других у вас нет?

— Только эта. Не беспокойтесь, она не укусит. Так вы говорили, что можете предложить мне идеальных слуг... Но, если не ошибаюсь, вы назвали себя представителем фирмы «Вестингауз». И в то же время вы комиссионер по найму слуг?

— В то же время и от той же фирмы.

— С каких это пор фирма «Вестингауз»...

— С тех самых, как она стала изготовлять слуг, идеальных слуг. «Это какой-то сумасшедший», — подумал Гане, с новой тревогой поглядывая на посетителя.

Мичель заметил тревогу в глазах Гане и с улыбкой ответил:

— Вас это, может быть, поразит, но это так. Фирма «Вестингауз» изготовляет механических слуг. Комбинация телефона с принципами беспроволочного телеграфирования — только и всего. Ваше приказание передается вибрационной волной в девятьсот колебаний в секунду и даже в тысячу четыреста колебаний. Эти колебания воспринимаются особыми вилочками, вилочки переменяют пазы в машинном слуге, и он выполняет приказание. Я не буду утомлять вас техническими описаниями. Важно то, что механические слуги будут выполнять все ваши приказания.

— Что же они... в виде людей? — спросил Гане.

— Есть разные, — ответил Мичель. — Некоторые из этих механических слуг представляют собою просто скрытый аппарат. Довольно вам будет отдать приказ, и такой аппарат зажжет электрические лампочки, пустит в ход электрический веер, осветит комнату прожектором, зажжет сигнальную лампу, приведет в действие электрическую метлу или пылесос. Наконец, откроет вам двери. Довольно вам будет сказать, как в сказке из «Тысячи и одной ночи»: «Сезам, откройся!» — и дверь немедленно откроется, впустит вас и закроется за вами.

— Как в сказке?.. Гм... а вы знаете сами эту сказку? — спросил Гане.

— Признаться откровенно, забыл, — ответил Мичель.

— Если память не изменяет мне, — сказал Гане, — в этой сказке говорится об одном человеке, который, сказав эти слова: «Сезам, откройся!» — вошел в пещеру, полную сокровищ, но, войдя, забыл волшебное слово; каменные стены сомкнулись за ним; он не мог выйти обратно и был застигнут разбойниками...

— Значит, фирма «Вестингауз» усовершенствовала арабские сказки. Если вы забудете волшебное слово, вам довольно будет нажать электрическую кнопку, и дверь откроется. Этого, надеюсь, вы не забудете. Компания берет на себя полную гарантию за исправность своих механических слуг. Мы берем все расходы на себя и не удержим с вас ни одного доллара из задатка, если слуги не удовлетворят вас. Разрешите принять от вас заказ?

— Так сразу я не могу решить. Для меня это слишком необычное предложение.

— Тогда мы сделаем вот как. Надеюсь, вы не откажете мне продемонстрировать вам некоторых из ваших механических слуг. Это вам ничего не будет стоить...

— Я, право, не знаю, что вам сказать...

Мичель, как будто дело было уже решенным, поднялся, откланялся и сказал:

— Завтра утром, с вашего разрешения, я буду у вас. — И он ушел, сопровождаемый лаем собаки, выскочившей из-под скамейки.

3. ИСПЫТАНИЯ ИОГАННА ЕЩЕ НЕ КОНЧИЛИСЬ

В эту ночь Иоганн и его хозяин спали очень плохо. Предложение Мичеля было заманчиво, но Эдуард Гане боялся всяких новшеств. Страшные же картины одиночества пугали его еще больше. И когда он забывался в тревожном сне, ему казалось, что он лежит один, без слуги, пауки спускаются ему на голову, а по одеялу бегают крысы. Иоганна преследовали еще более страшные кошмары: в правый бок дул холодом электрический вентилятор, потом вдруг откуда-то выскакивала огромная механическая метла и выметала его из комнаты... Иоганн убегал от нее, но не мог открыть дверей и с ужасом кричал: «Сезам, откройся!..»

Утром после завтрака пришел Мичель с рабочими, которые принесли ящики с механическими «слугами» и принялись за работу.

— Будьте добры познакомить меня с расположением вашего дома, — сказал Мичель, обращаясь к Гане.

— Из этой гостиной, — объяснял хозяин, — дверь в кабинет, а в левой — две двери: одна — в комнату Иоганна, а другая — в ванную.

— Прекрасно. С этих дверей мы и начнем электромеханизацию вашего дома. К вечеру все будет готово.

В то время как рабочие снимали двери и вделывали в стены механизмы, Мичель объяснял назначение других аппаратов:

— Вот этот ящик на колесиках с круглой щеткой на конце и есть механическая метла. Вы ставите ее вот так, поворачиваете вот этот рычажок, и метла готова для работы. Скажите ей: «Мети!»

— Мети! — визгливо крикнул Гане взволнованным голосом. Но метла не двигалась.

— Ее механизм реагирует на более низкие колебания звука, — объяснял Мичель. — Нельзя ли взять тоном ниже?

— Мети!..

— Еще ниже.

— Мети! — пробасил Гане. И метла пришла в действие. Колесики ящика закрутились вместе со щеткой в виде вала, и механическая метла прошла по большой комнате, как трактор

по полю, осторожно обходя препятствия, дошла до конца стены, сама повернула обратно и пошла по новой полосе...

— Под щеткой находится пылесос. Таким образом, вся пыль собирается внутри ящика и потом выбрасывается, — продолжал объяснять Мичель.

Метла вымела уже половину комнаты, когда произошло маленькое происшествие. В комнату вбежал Джипси и отчаянно залаял на метлу. В тот же момент колесики метлы заработали с необычайной быстротой, и метла, как бы спасаясь от собаки, начала, выписывая восьмерки, метаться по комнате, преследуемая собакой. Иоганн и его хозяин, стоявшие посередине комнаты, от ужаса перед столкновением с взбесившейся метлой сразу помолодели на сорок лет и начали с неожиданной быстротой увертываться от механического врага. Несколько раз метла едва не налетала на них, но они, делая прыжки, достойные Дугласа Фербэнкса, спасались. Однако неожиданным поворотом метла задела Иоганна, он упал на пол, растянувшись во всю длину своего долговязого тела, и метла проехала через него, впрочем, без особых повреждений его фрака, вычистила попутно спину и подняла вверх волосы на затылке. С этой необычайной прической он поднялся с пола и бросился к дивану, где уже стоял его хозяин.

А Мичель, размахивая руками, гонялся следом за собакой и неистово кричал:

— Уберите собаку! Уберите собаку!..

Приключение окончилось так же неожиданно, как и началось. Метла, изменив фигуру восьмерки на круг, промчалась вокруг комнаты и остановилась.

Мичель вытер лоб и сказал, обращаясь к Гане:

— Мне очень неприятно, но здесь во всем виновата собака. Дело в том, что механизм метлы, как я уже сказал, реагирует на звуки. Собачий лай, заставив вилочки вибрировать слишком сильно, вызвал все эти неожиданные явления. Придется удалить собаку. Что же касается метлы, то исправления сейчас же будут сделаны.

Монтер подошел к метле, открыл дверцу ящика, повозился несколько минут, и метла была вновь в полной исправности. Иоганн увел собаку и запер ее в дальней комнате, а успокоившаяся метла благополучно домела комнату.

— Видите, как это удобно, — говорил Мичель. — Ваш верный, старый Иоганн будет управлять механическими слугами и с их помощью еще долго будет служить вам...

Хитрый Мичель считал нужным задобрить Иоганна, основательно опасаясь его влияния на хозяина.

Над кроватью и письменным столом Гане были сделаны электрические вентиляторы, которые начинали работать по одному словесному приказу.

К вечеру все было готово.

Эффект самооткрывающихся дверей так понравился Гане, что заставил его забыть неприятный случай с метлой.

— Присмотритесь к вашим механическим слугам, — сказал на прощание Мичель. — И когда вы привыкнете к ним, я уверен, что они станут для вас совершенно необходимы. Вы будете удивляться, как могли жить без них раньше. Я навещу вас через несколько дней... — И уже у двери он еще раз напомнил о необходимости убрать из дому собаку. — Только в этом случае я могу отвечать за исправность механизмов!

Предубеждение Гане перед новшеством было сломлено неопровержимыми преимуществами новых механических слуг. Когда Мичель и рабочие ушли, Гане занялся испытанием.

— Мети! — приказывал он метле, и метла безукоризненно выполняла свою работу.

— Вентилятор! — говорил он, обращаясь к небольшим пропеллерам, установленным над кроватью. И вентиляторы, для которых был проведен электрический ток из флигеля, начинали с усыпляющим, тихим шумом свою освежительную работу.

Но двери особенно восхищали Гане. До позднего вечера он ходил из комнаты в комнату и, останавливаясь перед закрытыми дверьми, повторял:

— Сезам, откройся!

И двери, послушные его голосу, бесшумно открывались и медленно закрывались за ним.

— А ведь это действительно как в сказке! — говорил восхищенный Гане. — Мичель не обманул. Как вы полагаете, Иоганн?

— Да, это неплохо, господин Гане! — Старый Иоганн говорил искренне. Он уже примирился с вторжением в дом ме-

ханических слуг. Облегчая его работу, они не угрожали ему лишением места. «Приносить кофе и попадать в рукав они все-таки не могут!» — думал Иоганн, обрадованный тем, что механические слуги все же не могут вполне заменить живого человека. Он не знал, что его испытания еще не кончились...

Вечером, улегшись в кровать, Гане заставил вентиляторы освежить его нежной струей воздуха и, засыпая, сказал:

— Теперь, по крайней мере, пауки не угрожают мне...

4. МЕХАНИЧЕСКИЕ СЛУГИ

На третий день, когда Гане только что окончил завтракать, послышался шум автомобиля.

Иоганн выглянул в окно и увидел, что к дому подъезжает на автомобиле Мичель в сопровождении грузовика. На грузовике были уложены длинные ящики, напоминающие гробы. Почему-то эти ящики взволновали Иоганна — быть может, напоминанием о смерти, которое никогда не покидает старого человека.

— Мичель приехал, — доложил Иоганн.

Быстро отдав распоряжение слугам, Мичель вошел в комнату с развязностью друга дома.

— Как поживают наши механические слуги? Вы довольны ими?

— Да, благодарю вас, я вполне доволен ими, — ответил Гане.

— Ну, а я не вполне, — ответил Мичель, весело улыбаясь.

— Не угодно ли чашку кофе, мистер Мичель? Чем же не удовлетворяют вас механические слуги? — спросил Гане.

— А вот чем, мистер Гане. Они имеют слишком ограниченный круг работ. Узкие специалисты, так сказать. Они не могут помочь вам одеться и не подадут вам кофе.

У Иоганна от этих слов что-то екнуло в груди. Неужели Мичель... Иоганн не успел додумать свою мысль, как Мичель подтвердил его опасения.

— Я не хотел пугать вас слишком необычайными новшествами, — продолжал Мичель. — Все эти «Сезамы» и механическая метла — детский лепет по сравнению с последними изобретениями компании «Вестингауз». Я привез вам пару

настоящих механических слуг. Они будут выполнять все ваши приказания, повинуясь вашему слову...

Иоганн крякнул. Руки его задрожали, и поднос выпал из рук.

— Не пугайтесь, Иоганн, — обратился к нему Мичель. — Вы все же будете необходимы. За механическими слугами нужен некоторый уход и присмотр. Вы только повыситесь в чине и будете мажордомом. А слуги станут выполнять за вас всю работу, которая вам не под силу. Не угодно ли взглянуть?

Мичель, Гане и Иоганн вышли из дому. Рабочие уже сняли гробоподобные ящики, положили на землю и вскрывали крышки.

Со смешанным чувством страха и любопытства Гане заглянул в ящики и увидал двух железных истуканов, напоминающих рыцарей, закованных в латы с ног до головы. Сочленения этих истуканов были соединены спиральными пружинами.

Рабочие взяли за затылки эти мумии и подняли их несгибающиеся тела. Мичель подошел к «слугам» и ударил черной тростью по их лицам, издавшим металлический звон. Затем «слуг» поставили у подножья лестницы, ведущей в дом. Мичель подошел к ним и, осмотрев маленькие включатели, находившиеся на затылке «слуг», повернул их.

Произошло чудо.

С глухим щелканьем и треском колени «слуг» изогнулись, и «слуги» начали взбираться по лестнице в дом. Но в этот момент опять откуда-то появился Джипси. С громким лаем, наскакивая и отлетая, он начал хватать одного «слугу» за ногу. И «слуга» вдруг дернул ногой и остановился.

— Уберите собаку! — закричал неистово Мичель.

Садовник схватил лающего Джипси и унес к себе. После этого «слуги» без остановок взошли по лестнице; дойдя до стены вестибюля, они повернулись и вошли в гостиную.

— Стойте! — крикнул Мичель, следовавший за ними. «Слуги» остановились.

— Вперед десять шагов! Поворот направо! Наклонитесь! Возьмите! Назад! Стойте! — командовал Мичель.

«Слуги» выполняли все приказания. Они прошли через комнату, повернули к столику. Нагнулись, осторожными дви-

жениями взяли со столика лежавшие альбомы и принесли их Мичелю.

Гане был поражен. Иоганн потрясен.

— Видите, как это просто. Все, что вы ни прикажете им, они выполнят. Причем довольно лишь раз приказать им исполнить что-либо, например сходить в буфет и принести закуску, как они будут делать это по одному приказу: «Закуску!» или «Кофе!» Иоганну останется только командовать ими да от времени до времени смазывать механизм.

И, обратившись к рабочему, Мичель сказал:

— Дайте масленку. Благодарю вас. Подойдите сюда, Иоганн, и смотрите внимательнее.

Обратившись к «слугам», Мичель приказал:

— Нагнитесь!

«Слуги» нагнулись.

— Видите, Иоганн, маленькую дырочку в темени? Сюда пускайте масло. Механических слуг тоже надо кормить. Берите масленку. Да не бойтесь. Отчего у вас так дрожат руки?

У Иоганна действительно дрожали руки, и он никак не мог попасть в дырочку.

— Ничего, привыкнете, — ободрил его Мичель. И он продолжал демонстрировать механических слуг, заставляя их проделывать всевозможные вещи. Они сняли с Мичеля смокинг и вновь надели его. Все это они выполняли с безукоризненной точностью. — Они не только прекрасные слуги, но и незаменимые сторожа. Разрешите пройти в кабинет. — И, не дожидаясь ответа, Мичель сказал «слугам»: — Идите за мной!

Гане был так поражен, что лишился воли и сам шел следом за Мичелем, как механический слуга. Мичель прошел в кабинет и поставил «слуг» около несгораемого шкафа. Отойдя в сторону, он крикнул:

— Тревога!

В тот же момент «слуги» заработали руками с необычайной быстротой.

— Всякий бандит, который осмелится подойти к шкафу, будет убит и превращен в лепешку этими стальными рычагами! Хорошо? — спросил Мичель, обращаясь к Гане.

— Даже слишком, — ответил побледневший Гане.

— И в то же время они кротки, как голуби. Попробуйте сами приказать им.

— Нет, знаете, мне не надо этих слуг, — вдруг решительно заявил Гане. — Это слишком необычайно. И потом, что, если эти слуги взбесятся, как взбесилась ваша механическая метла? Ведь от них спасения не будет!

— Исключена всякая возможность, — быстро ответил Мичель. — Довольно вам сказать «стоп!», и их механизм парализуется.

За окном послышался шум отъезжавшего грузовика. Гане с беспокойством посмотрел в окно и сказал:

— Позвольте, куда же он уезжает? Я не хочу механических слуг. Пусть рабочие увезут их обратно...

— Простите, но я был так уверен в том, что слуги понравятся вам, что распорядился не ожидать меня. Впрочем, это можно исправить, если не хотите...

И, подойдя к окну, Мичель закричал:

— Эй! Эй, вернитесь!

Но грузовик уже завернул за угол и скрылся.

— Не слышат! Уехали... Ну ничего, я приеду за ними завтра. Хотя надеюсь, вы за день настолько привыкнете к ним, что сами не пожелаете вернуть их. Позвольте попрощаться с вами. Мне нужно еще доставить пару слуг на виллу Мансфельда. И пожалуйста, не беспокойтесь. Все будет прекрасно.

— Но как же так?..

Приветливо кивнув, Мичель выбежал из комнаты.

— До завтра! — крикнул он из автомобиля и уехал. Эдуард Гане и Иоганн остались одни, со страхом поглядывая на металлических истуканов, стоявших у несгораемого шкафа.

— Вот так история! — шепотом сказал Гане, опасаясь, как бы звук его голоса не привел в движение механических слуг. Сделав знак рукой, Гане на цыпочках подошел к закрытой двери и негромко сказал:

— Сезам, откройся!

Дверь отворилась. Гане и Иоганн выскользнули из кабинета в спальню. Дверь закрылась за ними. Оба вздохнули с облегчением.

— Только бы они не вышли оттуда, — опасливо сказал Гане тихим голосом. Он с ужасом вспоминал металлические руки, вращающиеся, как крылья мельницы. — Неприятная история...

— А что, если бы их выгнать оттуда? — предложил Иоганн.

— Но как? — с тоскою спросил Гане.

— Мы вот что сделаем, — сказал, подумав, Иоганн. — Вы, господин Гане, пройдете вверх и запретесь на ключ. В верхних комнатах двери без всяких «Сезамов». Старый ключ будет надежней. А я пройду со двора и крикну этим идолам из окна, чтобы они убирались отсюда к черту.

— Что же, попробуем, — согласился Гане. Он заперся наверху, а Иоганн, выйдя из дому, крикнул через окно:

— Сезам, откройся!

Когда дверь из кабинета в спальню открылась, он крикнул вторично:

— Вперед десять шагов!.. Шагом марш! Уходите отсюда!

Но «слуги» стояли неподвижно.

— Пошли вон! Убирайтесь!

«Слуги» по-прежнему не двигались, стоя у шкафа, как рыцарские доспехи. А двери в это время уже закрылись, и Иоганну пришлось вновь повторять: «Сезам, откройся!» Он изменил тон, кричал на все голоса: то басом, то фистулой — все напрасно. «Слуги» окаменели. Иоганн просил, умолял их, наконец, начал ругаться. Но разве сталь проберешь ругательствами!

В полном отчаянье явился он к Гане:

— Не уходят...

Гане сидел в кресле, опустив голову.

У него было такое чувство, как будто в его дом ворвались разбойники и заперли его в верхней комнате. Но что могло произойти со «слугами»?..

Гане хлопнул себя по лбу.

— Все это очень просто, — сказал он, повеселев. — Мичель, объясняя, сказал в присутствии слуг «стоп!». Это слово парализовало их механизм. Они, кажется, в самом деле вовсе не опасны нам...

Гане осмелился даже спуститься в нижний этаж и пройти в свою спальню. Но вечером, ложась спать, он заставил Иоганна принести из гостиной столы, диван и стулья и забаррикадировать ими дверь из кабинета.

— Так будет спокойнее, — сказал он, укладываясь в кровать. — А вы, Иоганн, на всякий случай останьтесь сегодня со мной. Можете прилечь на этом диване.

Иоганну совсем не улыбалось провести ночь на баррикадах, но он улегся без возражений, по привычке повиноваться...

5. НОЧЬ КОШМАРОВ

Это была самая беспокойная ночь за всю долгую совместную жизнь Иоганна и его хозяина. Старикам не спалось. Им чудились какие-то шорохи в кабинете. В тревожном сне их преследовали кошмары: стальные люди хватали и били их железными руками.

Незадолго перед рассветом Иоганн разбудил задремавшего хозяина:

— Господин Гане... господин Гане!.. В кабинете что-то творится неладное...

Гане проснулся, вскочил с кровати и прислушался. Да, это не обман слуха. Из кабинета действительно доносились заглушенные звуки, тихий треск, удар металлического предмета о ковер и потом шипенье...

— Ожили! — с ужасом прошептал Иоганн. Его челюсти выбивали дробь, а руки тряслись так, что он не мог стянуть с себя одеяла.

Похолодевшие от страха старики сидели несколько минут неподвижно, будучи не в силах сделать ни одного движения.

В кабинете шум усилился. Что-то упало и с грохотом покатилось по полу. Это перешло все границы страха. Гане вдруг подбежал к двери и закричал исступленным голосом:

— Сезам, откройся!!

Но дверь не открывалась.

— Сезам, откройся! — эхом повторил Иоганн. И они пищали, ревели, кричали у двери, стараясь извлечь из своих старых глоток всю гамму звуков человеческого голоса, чтобы пробудить какие-то неповинующиеся вилочки в механизме дверей. Но все было напрасно. Страшная сказка «Тысячи и одной ночи» претворялась в действительность. Им казалось, что двери из кабинета дрожат под напором чьих-то тел. Еще минута, и оттуда вырвутся сорок разбойников и растерзают их старые тела...

Последнее, что слышал Иоганн, это был визгливый лай Джипси, изгнанного на ночь из дому. Потом все замолкло. Иоганн и его хозяин потеряли сознание...

Когда они пришли в себя, уже рассвело. С радостным удивлением они убедились, что живы и невредимы. Дверь в кабинет была закрыта, и баррикада из стульев, столов и дивана не нарушена. Иоганн нажал на дверь в гостиную рукою, и, его удивлению, дверь открылась. Они были свободны. Иоганн разбудил садовника и повара. Но никто из них не решался войти в кабинет.

— Вызовите полицию, — сказал Гане.

Садовник отправился во флигель и по телефону сообщил в ближайший полицейский участок.

Через полчала послышалось трещанье мотоциклетов. На этот раз Гане не возражал против технического прогресса. Неприятный шум мотоциклета показался для него райской музыкой.

Полисмены открыли дверь кабинета. На полу лежали поверженные кем-то металлические «слуги».

Дверцы несгораемого шкафа были открыты.

Все драгоценности исчезли...

Присутствие полиции придало Гане смелости. Он вошел в кабинет и, глядя на лежащих «слуг», сказал прочувствованно, как будто он обращался к трупам:

— Я был не прав по отношению к ним. Я боялся их, а они погибли на посту, охраняя мое имущество от воров, которые, очевидно, проникли через окно...

Но ему недолго пришлось оплакивать «верных слуг». Полицейские довольно бесцеремонно подняли «трупы», осмотрели их, нашли, что от механических слуг остались одни пустые оболочки!

Гане сразу стало все ясно. Мичель сыграл с ним плохую шутку. Под видом механических слуг он поместил в металлические футляры своих сообщников.

Бандиты ночью вышли из металлических футляров, расплавили шкаф, похитили драгоценности и удрали через окно. Вот почему Мичель так опасался собаки...

— Господин Гане, вас хочет видеть агент компании «Вестингауз», — сказал Иоганн, заглядывая в кабинет.

— Что, Мичель? Очень кстати! — И, обращаясь к полисмену, Гане торопливо проговорил: — Арестуйте скорее этого бандита!

Полицейские и Гане вышли в гостиную. Там стоял русоволосый молодой человек с бумагой в руке.

Он с недоумением посмотрел на полицейских и, учтиво поклонившись Гане, сказал:

— Здравствуйте, мистер. Я пришел, чтобы произвести с вами расчет за установку механических слуг...

— К черту механических слуг! — взревел Гане. — Пусть лучше пауки падают на голову и крысы бегают по одеялу! Вы с Мичелем и механическими жуликами обобрали меня! Арестуйте этого человека!

— Я не знаю Мичеля. Это какое-то недоразумение. Ваш управляющий заказал у нас механическую метлу, вентиляторы и «Сезамы». Вы приняли заказ и расписались. Вот счет...

— А это? — продолжал волноваться Гане. — Пожалуйста сюда, молодой бандит!

И, пригласив следовать за собой, Гане провел молодого человека в кабинет и показал на лежавших «слуг».

Агент «Вестингауза» посмотрел, пожал плечами и сказал:

— Наша фирма не вырабатывает таких кукол.

Гане продолжал бесноваться, но тут вмешался полисмен. Он поговорил с молодым человеком, посмотрел на счет, проверил полномочия и сказал, обращаясь к Гане:

— Мне кажется, мистер Гане, что молодой человек не причастен к преступлению. Мы расследуем это дело. Мичель, по-видимому, сделал от вашего имени заказ у «Вестингауза» только на метлу, вентиляторы и «Сезам». Эти же футляры «лакеев» он изготовил сам и в них ввел в ваш дом своих сообщников. Это, конечно, стоило ему денег, но расходы, вероятно, окупились. Сколько у вас было денег в шкафу?

— Всех ценностей на сто тысяч с чем-то долларов...

— Ну вот, видите, хороший куш! По всей вероятности, злоумышленники убежали бы в своих железных оболочках, чтоб еще раз использовать их, если бы что-нибудь не заставило их поторопиться. .

— Собака подняла лай! — вставил слово Иоганн.

— Но «Сезам» тоже участвовал в заговоре, — упорствовал Гане. — Почему все двери перестали открываться в момент грабежа?

— Может быть, вы слишком сильно крикнули от испуга: «Сезам, откройся!» — и тем испортили механизм, — высказал предположение агент. — Наши аппараты рассчитаны на известную силу и высоту тона.

Это объяснение — Гане не мог не сознаться — было похоже на правду.

Он не кричал, а рычал, вопил на непослушные двери.

— Мистер Штольц, — сказал полисмен, обращаясь к молодому человеку, — я не арестую вас, но все же прошу следовать за мной. Мне необходимо выяснить все обстоятельства дела.

Полицейские, забрав металлических слуг как вещественное доказательство, удалились вместе с агентом.

Эдуард Гане остался один со своим слугой.

— Я еще не пил кофе, — сказал устало Гане.

— Сию минуту, сэр, — ответил Иоганн, семеня к буфету. От всех волнений ночи у Иоганна дрожали руки сильнее обычного, и, подавая кофе, он уронил сахарницу.

— Ничего, Иоганн, не расстраивайтесь, это с каждым может случиться, — ласково сказал Гане. И, отпив дымящегося кофе, он задумчиво добавил: — «Сезамы», вентиляторы и механическую метлу мы, пожалуй, можем оставить, Иоганн. Это полезное изобретение. Оно облегчит ваш труд. Эти настоящие вестингаузовские механические слуги имеют, на мой взгляд, лишь один недостаток: они не переносят лая и приказаний в повышенном тоне. Но с этим уж ничего не поделаешь. Такой теперь век...

ДЕРЖИ НА ЗАПАД!

Великий Ум был слишком погружен в занятия, чтобы думать о смерти. Но зато об этой приближающейся смерти думали все окружающие, думала страна, думал весь мир. Смерть Великого Ума была бы для человечества ужасной, быть может, невозвратимой потерей. Великий Ум был гордостью человечества и его великой надеждой. Это был гений, сверхгений, к рождению которого подготовлялось несколько поколений. Сменявшиеся ряды ученых-евгенистов тщательно подбирали наследственные черты, гены, искусственным подбором создавали то, что до сих пор было неожиданным даром природы. Это был первоклассный ум, который когда-либо знала человеческая история. За свою долгую жизнь он подарил человечеству столько полезных открытий и изобретений, сколько не было сделано за несколько веков. Но — увы! — и эта чудесная машина мысли подчинена общему закону изнашивания. И вот теперь, когда Великий Ум был занят своим самым важным изобретением, врачи принесли печальную весть: конец приближается, и едва ли Великий Ум успеет окончить это изобретение, которое откроет новую эру в истории человечества.

Не так давно Великий Ум сказал:

— Человечество жаждет долголетия. Я могу разрешить эту задачу, но раньше надо разрешить другую: обеспечить людей энергией и пищей. Люди размножаются слишком быстро, и если они к этому еще будут жить долго, то они начнут испытывать всевозможные затруднения. Поэтому я сначала обеспечу их: открою способ добывания энергии в неограниченном количестве и способ превращения одного вида материи в другой.

И это должно было исполниться, потому что все, о чем говорил Великий Ум, всегда исполнялось. Но он не думал об одном, что смерть может остановить его работу. Врачи, лечившие и исследовавшие его, не должны были отнимать ни одной минуты его работы. Осторожные, невидимые щупальца радиоволн освидетельствовали его пульс, давление крови, силу радиоволн, излучаемых мозгом, и пришли к печальному выводу: уже никакие лекарства, незаметно даваемые с пищей, не могли ему помочь. Все, что можно было сделать для отсрочки конца, также было уже сделано. Наступали последние, неотвратимые сроки.

Великий Ум сидел в звуконепроницаемой комнате в широком халате, склонившись над большим письменным столом, и думал на валик радиограмма. Радиограмм — это прибор, который записывает мыслеизлучения на стальную проволоку, беспрерывно наматываемую на большую катушку. Так, как паук, в тиши ткет свою паутину мысли Великий Ум.

Потом эту паутину «разматывают»: электроволны, намагничивающие проволоку, превращаются в световолны, световолны отпечатываются на особые пластинки и превращаются в звуковолны и в обычные письмена. Армия ученых изучает эти записи, производит опыты, изготовляет новые аппараты, словом, работает под руководством Великого Ума.

Великий Ум думает больше формулами, математическими знаками. Длинная нить формул и знаков вдруг сменяется образом — яркой картиной того, что должно получиться в мире реальных вещей, когда формулы будут претворены в жизнь. Он думает напряженно, сосредоточенно, и такая тишина в его кабинете! Ни единого звука не долетает сюда из внешнего мира. А в соседней комнате, за четырьмя изоляционными стенами, смятенный шепот врачей. Они еще продолжают консультироваться, хотя все уже ясно для каждого: «близок конец». Вот они выходят в большую комнату, залитую искусственным солнечным светом, где ожидают пятьсот ученых — помощников Великого Ума.

Самый молодой и самый умный врач безнадежно разводит руками и говорит:

— Граждане! Надежды нет. Близок час, когда Великий Ум погаснет. Ему осталось жить не более месяца.

Из среды ученых вышел физик в халате, прожженном кислотами, и сказал:

— Но Великий Ум еще не кончил своей работы. И потому он не может, он не должен умереть! Он создан нами и жил для нас. И умереть он может тогда, когда...

— Когда наступит смерть, — перебил врач.

— Когда окончит свое дело, дело своей жизни! А ваше дело — продлить ему жизнь. Я ближе всех стою к Великому Уму. Я знаю весь ход его мышления, но без него я не могу окончить работу. Я знаю только, что два месяца Великому Уму достаточно, чтобы закончить все. И вы, врачи, обязаны найти средство дать ему эту отсрочку, иначе народ не простит вам...

— Средств нет! — безнадежно проговорил врач.

— Я сказал: вы должны найти их!

— Да, вы должны найти это средство! — послышались голоса ученых-физиков. Они были так возбуждены, что начали наступать на врачей, как будто те были виноваты в приближающейся смерти Великого Ума. Врачи невольно попятились назад. Молодой врач поднял руку и воскликнул:

— Слушайте! Я обещаю вам сделать все возможное. Мы будем думать дни и ночи, думайте и вы. Все ученые будут думать, как продлить жизнь Великого Ума. Может быть... в последнюю минуту средство будет найдено.

Так начался великий консилиум врачей и ученых всего мира. Проходили дни и ночи. Солнце всходило и заходило, а ученые, поддерживая себя искусственными средствами, все думали над тем, как отсрочить смерть Великого Ума, и не находили. А роковой конец все приближался.

В начале четвертого дня физик в прожженном кислотами халате сказал по радио, и его услышал весь мир:

— Я нашел средство, как спасти от смерти Великий Ум!

— Как? Как? Как? Как? Как?.. — закаркали радиоголоса. И когда шум стих, голос физика ответил:

— Надо обратиться к самому Великому Уму. Прервать на время его работы, объяснить положение вещей и просить его подумать. Если никому не удалось найти средство продлить жизнь, то сам он, наверное, найдет.

И вот произошло необычайное: покой Великого Ума или, вернее, напряженное течение его мыслей было нарушено, работа прервана, в его тишайшей комнате зазвучали человеческие шаги, послышалось человеческое дыхание. Великий Ум поднял голову от стола и, глядя на вошедшего физика, спросил одними глазами: что ему надо и зачем он нарушил его работу.

— Простите, — ответил физик, — но время не терпит. Врачи сказали, что вам осталось жить не более пяти дней, а я знаю, что работа ваша требует для окончания по крайней мере еще месяца. Все врачи и все ученые думали над тем, как бы найти средство отсрочить вашу смерть на месяц, но никто не нашел этого средства. Я решил, что только вы один можете найти его. — Физик замолчал. Молчал и Великий Ум. На его лице не отразилось волнения. Оно было только глубоко задумчивым. Потом он начал медленно говорить, как человек, который разучился делать это от долгого молчания.

— Неужели так быстро прошла жизнь?.. — Он еще помолчал немного и продолжал: — Сейчас я вспомнил о всех своих работах и подсчитал время, необходимое на их осуществле-

ние. Да, на это могла уйти вся жизнь. Сто сорок пять лет, ведь такой мой возраст? Это почти норма человеческой жизни. Обычно у нас теперь живут сто пятьдесят, не так ли? Но я жил слишком напряженной жизнью и состарился преждевременно. — Великий Ум улыбнулся. И еще раз подумав, сказал: — Вы правы. Мне необходимо отложить мою работу и подумать над средством продлить мою жизнь. Я должен окончить дело прежде, чем умереть. Дайте мне материалы по медицине, по статистике рождаемости, смертности, заболеваемости, материалы по биологии, физике, химии, танатологии. Если этого будет недостаточно, я скажу, что мне еще прислать.

Физик откланялся и вышел. Скоро к комнате, смежной с кабинетом Великого Ума, подкатили огромные катушки двухметрового диаметра. На этих катушках были намотаны тончайшие проволоки с магнитными радиозаписями. Это были своеобразные «книги», хранившие в самом концентрированном виде, как стенографическая запись, всю мудрость веков. Последние научные данные подавались в виде сжатых конспектов и сразу могли ввести в круг знаний человека, мозг которого был подготовлен для таких восприятий.

Великий Ум надел на голову металлический колпак с шишечкой наверху. В этой шишечке была скважина, сквозь которую проходила тонкая проволока, отведенная от одного из барабанов. Затем эта проволока была выведена в другую комнату, где она наматывалась на другой барабан. Загудел мотор, и тончайшая проволока с необычайной быстротой начала перематываться с одного барабана на другой, проходя сквозь скважину на металлическом колпаке, надетом на голову Великого Ума. Великий Ум воспринимал электроколебания, которые в его мозгу превращались в мысли, и таким образом изучал новые для него области знания. В продолжение часа сменилось несколько катушек с диаметром в два метра. Десятки тысяч километров проволоки проскользнули над головой Великого Ума, а в каждом сантиметре этой проволоки заключалось несколько мыслей. И все эти мысли, текущие с огромной быстротой, усваивались мозгом Великого Ума, и усваивались критически. Великий Ум вбирал в себя знания, как мощная турбина, и перерабатывал их в токи высокого напряжения собственных новых мыслей и знаний. Физики, его помощники, не успевали подкатывать все новые и новые ба-

рабаны. Медицина, медицинская статистика, биология, танатология были поглощены.

— Довольно, — сказал Великий Ум и задумался. В его мозгу происходил процесс величайшего напряжения. Из колоссального количества разносторонних знаний должен был выплавиться какой-то новый сплав, какая-то истина, какое-то великое знание. Все напряженно ожидали. Великий Ум сам себе должен был вынести приговор: смерть или помилование, по крайней мере, отсрочка. И наконец он сказал: — Да, врачи правы! Медицина бессильна продлить мою жизнь!

Услышав эти слова, средние умы были горестно поражены; большие умы ждали продолжения, ибо Великий Ум сказал, что бессильна помочь медицина, но не сказал, что нет больше никакой надежды. И большие умы не ошиблись. Великий Ум продолжал после паузы говорить в микрофон:

— Медицина бессильна. И потому я начал искать спасения в других областях знаний... и нашел!

Все вздохнули с облегчением.

— Врачи! — продолжал Великий Ум, повышая голос, как если бы он говорил в большой аудитории. — Обратили ль вы внимание на такие цифры медицинской статистики: летчики наших восточных воздухоплавательных линий умирают раньше, чем летчики западных линий. Почему это так? Отвечайте!

— Мы не знаем, — отвечал главный врач.

— Быть может, потому, — послышался голос молодого врача, — что у летчиков, которые всегда летят на восток, совершая беспрерывно кругосветное путешествие, левая сторона тела, где находится сердце, все время пребывает в тени и потому недостаточно питается ультрафиолетовыми лучами. Летчики же западной кругосветной линии всегда имеют солнце по левую сторону. Утром оно обогревает их спину, в полдень — левый бок, на закате — голову. И только правый бок находится в тени.

— Это верно только для приполярных линий. На экваторе же разница только в том, что на восточных линиях солнце освещает сначала лицо, потом темя, а потом спину летчика, на западных же — наоборот, — возразил главный врач.

— Вы оба не правы, — ответил Великий Ум. — И вам, как лицам, поставленным охранять народное здоровье, надо было обратить на это внимание давно и не допускать одного чело-

века все время летать вокруг земного шара на восток, а другого на запад. Одного и того же летчика надо было каждый раз посылать с обратным рейсом, иначе говоря, заставлять летать туда и обратно, а не все время в одну сторону. Почему? Очень просто. Время, как все на свете, — понятие относительное. Вам должно быть известно, что человек, двигающийся на запад вместе с солнцем, выигрывает один день в году, тогда как путешественник, идущий на восток, один день проигрывает. Если авиатор во время своей жизни сделает триста шестьдесят пять кругосветных путешествий все время на запад, то он выигрывает в продолжение своей жизни целый год и умирает он на год моложе того, что ему будет значиться по календарному исчислению. И наоборот, человек, совершивший триста шестьдесят пять путешествий на восток, будет на год старше. Вот почему авиаторы нашей восточной линии умирают скорее, чем их товарищи на западной. Теперь вы понимаете, как продлить мою жизнь?

— Держи на запад! Все на запад! — воскликнул физик. — Ура!..

— Да, — ответил Великий Ум. — Детали вы сможете разработать без меня. За пять дней, остающихся до моей смерти, я думаю, вы успеете приготовить все для того, чтобы мне в буквальном смысле слова убежать от смерти. Принимайтесь за дело! Я нашел средство отсрочить смерть.

И Великий Ум опять погрузился в вычисления. Еще далеко не все поняли, в чем заключается спасительное средство, открытое Великим Умом для продолжения жизни, а физик уже работал над осуществлением плана. И он говорил своим молодым помощникам:

— И как это нам самим не пришла в голову такая простая вещь? Мне вспоминается прошедший Новый год, который я встречал на Гринвичской обсерватории. Ровно в двенадцать часов ночи по гринвичскому времени я поздравил с Новым годом по радио моего друга, японского физика. Он, конечно, ответил мне, что я опоздал на несколько часов поздравить его, что у них в Японии Новый год наступил уже десять часов тому назад. Тогда я обратился с тем же поздравлением к моему второму другу, живущему на западном берегу Канады. Мой друг ответил мне в ту же минуту, что я слишком рано поздравляю его с Новым годом, так как у них еще только час дня тридцать

первого декабря старого года. Теперь представьте себе, что я со скоростью радиолуча перелетел бы к своим друзьям. Если бы я полетел в Японию, то ясно, что я потерял бы десять часов жизни в новом году, так как там было бы уже десять часов утра нового года, в то время как из Гринвича я вылетел ровно в полночь. Наоборот, летя на запад и делая остановки у моих многочисленных друзей, я мог бы много раз встречать Новый год вплоть до западного берега. Таким образом, летя на запад, я все время выигрывал бы во времени, а следовательно, и в продолжительности жизни.

Для Великого Ума была приготовлена большая ракета, на которой он должен был лететь на запад до тех пор, пока не окончит своего труда. Инженеры и физики немало поработали в эти дни. Для того чтобы не отнимать ни одной минуты у Великого Ума, он был перенесен на ракету вместе со своим кабинетом, который выдвигался из дома, как ящик стола. В ракете имелось все необходимое для научных занятий. Несколько человек отправлялось вместе с Великим Умом для его обслуживания.

Все совершилось с такой точностью, что Великий Ум даже не почувствовал, как ракета поднялась на воздух и полетела на запад.

— Держи на запад! — крикнул на прощание физик, махая шляпой. — Теперь он окончит свой труд — труд всей его жизни. Управление ракетой находится в надежных руках. Вокруг экватора около сорока тысяч километров. Если лететь со скоростью тысяча шестьсот шестьдесят шесть и шесть десятых километра в час, то есть с той же скоростью, с какой Земля летит в воздушном пространстве, то ракета облетит вокруг Земли в сутки. Солнце будет неизменно, неподвижно стоять над их головой, так как они вылетели ровно в полдень. Иначе говоря, время как бы остановится для них. Они будут переживать один сплошной, непрекращающийся полдень.

— Да ведь это значит бессмертие?! — спросил молодой инженер.

— Вроде того. Стой, Солнце, пока я не окончу работу.

Мир повеселел. Великий Ум даст людям неограниченные запасы силы, энергии и пищи. Потом Великий Ум найдет средство продлить жизнь людей. Впрочем, это средство уже найдено. Найден ключ времени, которое больше не властно

над людьми. Человечество переселится на ракеты, которые будут все время держать курс на запад. И люди будут бессмертны! Однако почему ракета не отвечает на радиозапросы? Или испортилась ее радиостанция?.. Прошло уже несколько часов с тех пор, как Великий Ум оставил Землю и даже пределы земной атмосферы и летел где-то на огромной высоте, а радист на ракете еще бездействовал. Почему? Это начинало беспокоить жителей Земли. Они отправляли на ракету сигнал за сигналом, но ракета продолжала безмолвствовать. При помощи особых аппаратов удалось только установить, что ракета летит со скоростью 1666,6 километра в час.

— Придется послать на разведку другую ракету, — сказал физик. И через час ракета уже была отправлена. Она сообщала о своем полете по радио. Все шло благополучно. Но как только скорость ракеты достигла цифры 1666,6 километра в час, радиосообщения и с этой ракеты прекратились. — Совершенно непонятно! — сказал физик. — Неужели и на этой ракете стряслось что-нибудь?

— Может быть, человек не в состоянии перенести такой скорости? — спросил врач. Физик пожал плечами.

— Да разве люди не переносят все время такой скорости? Ведь это же обычная скорость полета нашей Земли вокруг Солнца!

— Да, но это, так сказать, нормальный полет, а на ракете искусственный, притом в противоположном направлении.

— Это не меняет дела!

На помощь первым двум была послана третья ракета, но и ее постигла та же участь. Она замолчала, как только достигла скорости вращения Земли. На Земле настало уныние. Уже почти никто не сомневался в том, что Великий Ум погиб. Правда, ученые утешали человечество тем, что в их «питомниках» подрастает еще несколько великих умов и что скоро в великих умах вообще не будет надобности, так как один исключительный мозг вполне возможно будет заменить коллективной планомерной работой больших и средних умов. Другие же ученые уверяли, что благодаря успехам евгеники все умы будут одинаково великими. Средние и низшие умы исчезнут, как несовершенные формы вымерших животных. Но эти прекрасные перспективы утешали далеко не всех.

Технический совет, не рискуя больше отправлять новые ракеты, решил задержать полет молчавших ракет с Земли. Для этого вблизи путей пролета были установлены на определенной высоте неподвижные ракеты, снабженные огромными электромагнитами. Эти магниты тормозили полет ракет, когда те пролетали мимо. После двух или трех кругов полет ракет был значительно заторможен, и в тот же момент на ракеты были отправлены радиосигналы, на которые получился ответ: «В чем дело?» Значит, на ракетах были живы. Но почему же никто не отвечал?

— Сейчас к вам прибудет физик!

Физик перебрался в особом костюме со своей ракеты на ракету, в которой находился Великий Ум, и спросил радиста, почему тот не отвечал. Радист очень удивился этому вопросу.

— Да ведь мы только что вылетели! Я не успел положить руку на ключ радиотелеграфа, как вы спросили меня, почему я не отвечаю.

— Вы ошибаетесь, мой друг, — возразил физик. — Вы уже много раз облетели вокруг Земли. Прошло несколько дней.

— Этого не может быть! — убежденно ответил радист. — Вот, смотрите. Я не успел еще выкурить папиросу, которую закурил в момент отлета!

Физик решил, что радист сошел с ума. Однако и пилот, и другие члены экипажа утверждали, что не прошло нескольких минут, как они вылетели. Тогда физик подошел к аппарату, который регистрировал мыслительный процесс Великого Ума, и посмотрел записи. Увы! Запись стояла на том месте, на котором она была, когда ракета покидала Землю. Очевидно, Великий Ум все это время не мыслил, в его работе произошла какая-то непонятная остановка. И только с тех пор, как ракета задержала свой полет, появилась новая запись, служащая продолжением мыслей, начатых на Земле.

Физик потер себе лоб и задумался. Конечно, если спросить Великий Ум, то он сейчас же найдет причину. Но его нельзя беспокоить. Приходится прийти к выводу, что как только скорость ракеты достигла скорости движения Земли, то время на ракете стало. И получилось не удлинение жизни, а как бы ее остановка. В таком состоянии Великий Ум и все обитатели ракеты могли бы просуществовать тысячи лет, не живя и не умирая. Очевидно, они не сознавали, что время для

них стало. Они помнили только предшествующий момент и момент после того, как скорость полета уменьшилась. А время полета со скоростью 1666,6 километра в час выпало из их сознания. Они, вероятно, в это время напоминали персонажи из сказки о «Спящей царевне»: все они находились в оцепенении, сохраняя ту позу, которую приняли перед «предельной» скоростью полета. Это еще хорошо. Значит, время, во всяком случае, не потеряно. Надо пустить ракету с меньшей скоростью, и все будет в порядке.

Физик отдал распоряжение и опустился на Землю. С ним вместе опустились на Землю и две ракеты, посланные на помощь ракете Великого Ума. На этих двух ракетах время также стояло, пока они летели со скоростью Земли.

Физик следил за полетом ракеты Великого Ума. Теперь ракета летела со скоростью восьмисот километров. По мнению физика, этой скорости было достаточно, чтобы удвоить время для всех живущих на ракете.

Однако несчастный случай спутал расчеты. По ошибке радиста, принявшего радиотелеграмму с Земли, пилот вдруг ускорил полет ракеты до невероятной быстроты, во много раз превышающей скорость полета Земли, и в то же время связь с ракетой была прервана. Приходилось опять останавливать ее, чтобы посмотреть, что там произошло. Но скорость полета была так велика, что даже мощные электромагниты не могли сразу уменьшить ее. Прошло немало дней, прежде чем скорость полета уменьшилась. И еще много дней, пока ракета не достигла скорости в шестьсот километров в час. Физик посылал радиозапросы, но ответа не было. Неужели невероятная скорость убила всех и ракета двигается только по инерции? Еще раз физик совершил перелет на ракету Великого Ума. С большим трудом ему удалось войти в ракету. И странное, жуткое зрелище представилось его глазам. Он вошел, прежде всего, в каюту пилота и не нашел его. Вместо пилота на полу лежал посиневший трупик младенца, завернутого в костюм пилота. Несколько таких трупиков было обнаружено в рубке, где помещалась команда.

А там, где находился Великий Ум, на письменном столе лежал младенец, еще живой. Он держал во рту конец резиновой трубки, соединенной с баллоном молока, и сосал. Физик понял, что случилось. Пилот развил такую скорость, что опередил земное время, и все жизненные процессы на ракете пошли в обратном порядке... Все обитатели ракеты стали молодеть, обращаться в детство.

Великий Ум остался Великим Умом. Он, видимо, понял первый, что происходит с ними. Неизвестно, почему он не сигнализировал об опасности. Впрочем, если бы он и сделал это, то помочь все равно нельзя было раньше. Физик сделал все возможное, чтобы задержать полет ракеты. Но прежде чем это случилось, экипаж ракеты превратился в младенцев. Грудные, беспомощные младенцы умерли без пищи. И только Великий Ум, видя, какой оборот принимают дела, постарался насколько возможно продлить свою жизнь. Пока он был еще мальчиком, он успел приготовить все нужное, чтобы хоть на несколько дней обеспечить жизнь грудного младенца, каким он должен был скоро сделаться. Быть может, он еще успел высчитать, за какое время ракета может остановиться и когда придет помощь. И он не ошибся: помощь пришла вовремя.

Великий Ум был жив. Остается только подождать, пока он подрастет и когда он кончит свою работу.

Физик взял проволоку и начал расшифровывать последние записи мысли Великого Ума. Мыслительный процесс шел задом наперед. Великий Ум передумывал все, о чем думал раньше. Но вместе с тем на проволоке имелись как бы вторичные слабые записи. Очевидно, Великий Ум, побеждая самое время, старался думать и о настоящем, постичь свое положение и принять меры к спасению. Это было удивительнее всего!

Физик потер себе лоб и воскликнул:

— Надо захватить этого младенца и скорее на Землю, иначе на этой ракете я сам начну думать наизнанку!

ИНСТИНКТ ПРЕДКОВ

I. СУМАСШЕДШИЙ

Последние посетители давно оставили территорию Московского зоопарка. Ворота закрылись, лучи солнца погасли на куполе соседней церкви, летняя ночь покрыла синим пологом вольеры и дорожки парка, погасила блеск прудов, перекраси-

ла зелень деревьев в черный цвет. И звезды, как глаза любопытных волчат, засверкали на небе — им хотелось узнать, что делается в зоопарке, когда он пустеет от посетителей, назойливо сверлящих тысячами любопытных глаз обитателей сада. И глаза небесных волчат видели более любопытные вещи, чем видят глаза людей. Когда уходят посетители, звери вздыхают свободнее, как актеры, исполнив надоевшую им роль. Театр опустел, зрители разошлись, и можно, наконец, быть собою, помечтать о своем, личном, далеком, невозвратимом. Мрак расширяет тесные пределы тюрьмы, и если прищурить глаза, то можно представить себе, что находишься в беспредельной африканской пустыне, в джунглях Индии, в ледяных просторах Арктики — кому что нравится. Лев выше поднимает свою могучую голову, шевелит ушами, как кошка, почуявшая мышь, расширяет ноздри, втягивая свежий ночной воздух, потрясает гривой и вдруг испускает короткий, отрывистый, глухой звук, похожий на рев крупного, породистого быка. Еще один короткий звук — лев как будто прочищает горло. Потом он наклоняет морду к земле и ревет по-настоящему тем могучим, протяжным ревом, который арабы называют «раад», что значит «гром гремит». От этих звуков дрожит земля и волнами отражает «гремящий гром», который как будто исходит из самых недр земли. На несколько километров вокруг этот «гром» вспугивает зверей — и лев выходит на охоту. Сонная львица просыпается от своей дневной дремоты, зевает, потягивается и легкой походкой приближается к своему царственному пленнику — супругу. Где-то откликнулись шакалы — ведь им остаются крохи от пира властелина пустыни. Белохвостый орлан закричал пронзительно: «ай, ай, ай», как несмазанная трамвайная ось. Скрежещущий звук разорвал воздух и разбудил уток на малом пруду, они испуганно закрякали, скрываясь в осокорях. Скоро весь парк наполнился звуками. Это становилось уже настолько интересным, что из-за камней ограды совиным глазом выглянула луна. И при ее свете туша слонихи Джандау, ночевавшей по случаю теплой погоды на открытом воздухе, казалась вылитой из древней, позеленевшей бронзы, только что откопанной из земли. Слониха вытянула хобот, повертела им из стороны в сторону и недовольно фыркнула. Уши ее беспокойно зашевелились. А бурый медведь, сидевший у воды своего звериного острова

на задних ляжках, зачерпнул воду правой лапой, поднес к морде и вдруг насторожился, не успев обсосать ее. Нет, решительно сегодня, в эту лунную, теплую ночь, в парке творилось что-то необычайное. И чуткое ухо сторожа уловило в оттенках звериных и птичьих криков какие-то тревожные нотки, как будто что-то неведомое и волнующее зверей приносил легкий ветерок, наполненный запахом цветов. Но что? Ни человеческое ухо, ни зрение, ни обоняние не улавливали этого. Быть может, зверей томила лунная ночь?

Сторож медленно шел по дорожке сада мимо здания буфета. Вдруг он остановился и повернул голову. Он услышал фырканье оленя, стук копыт... Огромный марал вырвался из своего загона и, прыгая через клумбы и изгороди, мчался по направлению к большому пруду. А следом за ним, не отставая ни на шаг, бежал какой-то коренастый человек в спортивных трусиках. Олень мчался стрелою по берегу пруда, человек преследовал его, время от времени ударяя кулаком по крупу. Сторож был так удивлен, что несколько минут стоял неподвижно, не сводя глаз с фигур оленя и человека, то приближавшихся к нему, то удалявшихся. Человек, видимо, приходил все в большее возбуждение. Он начал издавать хриплые звуки, еще более пугая оленя, который пробежал уже один круг. Человек опередил оленя и старался преградить ему дорогу. Олень, не уменьшая бега, опустил рога, готовый поднять на них человека. Но человек как будто ждал этого. Он схватил оленя за рога и круто повернул шею. Олень упал со всего разбега и забил ногами. Человек издал торжествующий крик. Между ним и оленем началась борьба. Человек, не выпуская рогов, стягивал оленя к воде. Ноги оленя уже бились в пруду, поднимая сверкавшие при лунном свете брызги. Неизвестно, чем могла окончиться эта необычайная борьба, но сторож уже пришел в себя. Он неистово засвистал и бросился к человеку. Пронзительный свисток разнесся по всему саду, взбудоражил и без того взволнованных зверей и птиц. Кричали обезьяны, испуганно гоготали гуси, выли волки, лаяли лисы, гортанно перекликались попугаи. Со всех концов парка сбегались сторожа. Даже звери на новой территории волновались. Бурый медведь влез, как на вышку, на дерево, ствол которого был обтянут железными листами, ухватился за сук и, раскачиваясь, пытался узнать о причине шума. Его косматые товарищи

поднялись на задние лапы и смотрели на него с интересом, как бы ожидая, что он сообщит им. Но он ничего не видел, хотя и старался придать себе глубокомысленный вид. Зато лебеди на острове большого пруда были счастливее: они видели все. Их длинные шеи от испуга и любопытства вытянулись еще длиннее. И если бы они могли рассказать медведю, он узнал бы, чем окончился весь переполох.

Увлекшийся борьбою человек увидел сторожей, когда они были от него всего в нескольких шагах. Он неохотно оставил свою жертву, быстро поднялся, перепрыгнул с ловкостью горной козы через расставленные руки сторожа и побежал к стене, далеко оставляя за собой погоню. Однако навстречу ему бежали два сторожа с другой стороны. Человек в трусиках не растерялся. Он, по-видимому, обладал в огромной степени тем, что впоследствии научный сотрудник зоопарка назвал «ориентировочным рефлексом». В одну минуту человек учел положение, измерил расстояние между собой, преследователями и стеной, метнулся в сторону, влез на ветлу, уперся голой пяткой в ствол дерева, сильно оттолкнулся и, сделав огромный прыжок, перемахнул на стену. Оттуда он соскользнул на улицу с ловкостью ящерицы. Изумленные сторожа стояли неподвижно добрую минуту и вдруг сразу заговорили.

Их голоса смешались с голосами зверей и птиц встревоженного парка. Неизвестно, каков был приговор зверей. Но люди единогласно решили:

— Это был сумасшедший!

Взмыленный олень, тяжело поводивший боками, стряхивал пену со рта и смотрел на людей своими большими глазами-сливами так, что даже неграмотные могли прочитать этот взгляд: с приговором людей олень был совершенно согласен.

Таково же было мнение и администрации. Да, только сумасшедший мог проделать такую штуку. Но этот «охотник за оленями» — опасный сумасшедший, тем более что он, видимо, человек ловкий, сильный и находчивый.

В парке охрана была усилена. Несколько ночей прошло спокойно. Сторожа и звери начали успокаиваться от вторжения сумасшедшего. Но когда луна была уже на ущербе и напоминала не глаз, а только коготь совы, сумасшедший вновь напомнил о себе и вызвал еще больший переполох.

II. «ПОБЕДИТЕЛЬ ЛЬВОВ»

Остров зверей на новой территории зоопарка был погружен в сон. Отгремел львиный рев, лев поиграл в охоту и растянулся на каменном ложе возле львицы. Мирно спали бурые медведи. Не слышно было и трубных звуков слонихи Джандау. Она лежала на боку и чутко дремала. Только мелкое зверье, ночные хищники, возбужденно сновали в вольерах на старой территории и перекликались разными голосами. Перевалило за полночь. На востоке едва заметно намечался рассвет. Ночь протекала спокойно. Уставший сторож, медленно волоча ноги, подошел к скамье и уселся против львиного сектора острова зверей. У сторожа начали слипаться глаза. Тихо подкрадывалась дремота... Однако слух сторожа продолжал улавливать знакомые звуки. Сторож научился у зверей дремать чутко. Тихое, короткое рычание льва раздалось в тишине ночи. И в этом рычании послышались какие-то беспокойные нотки.

«Быть может, над львами слишком низко пролетела птица», — подумал сторож сквозь сон, но на всякий случай приоткрыл один глаз.

То, что он увидел, показалось ему сном. По бетонному козырьку над площадкой львов осторожно полз человек. Как он забрался туда? Что ему надо?.. Сторож открыл оба глаза и при слабом свете месяца увидел, что на человеке были одни трусики.

«Он! Сумасшедший!» — подумал сторож.

Человек подполз к самому краю козырька и, держась на руках, спустил переднюю часть туловища, внимательно рассматривая львов. Это было так необычно, что сторож замер в молчаливом наблюдении, ожидая, что будет дальше. Крикнуть?.. Но человек так низко висел над площадкой, что неожиданный окрик может испугать его и человек, чего доброго, слетит вниз и будет растерзан львами... А безумный, как будто играя с опасностью, выдвинулся еще дальше. Было совершенно непонятно, как он мог держаться в такой позе. Большая часть тела висела в воздухе, а руки лежали вдоль тела, одними пальцами опираясь на край козырька. Сторожем овладело волнение. Сон прошел. Надо было действовать, но

страх за человека сковал все члены сторожа. И он неподвижно сидел на своей скамье, полуприкрытый ветвями дерева.

Человек начал глухо ворчать, и лев ответил сердитым ответным рычаньем. Все это было так жутко, что нервы сторожа не выдержали. Он неожиданно для себя вдруг поднялся и крикнул:

— Эй ты! Что там делаешь? Слезай оттуда!

Этот неожиданный окрик как будто разбудил сумасшедшего. Случилось то, чего боялся сторож: по всему телу сумасшедшего прошла мелкая дрожь, руки его ослабели, и вдруг его тело, метнувшись в воздухе, полетело вниз. У сторожа перехватило дыхание. Он бросился к каменному барьеру. Тело сумасшедшего сделало в воздухе полукруг, повернулось на ноги, как тело кошки, и сторож увидал человека уже стоящим на ногах посередине площадки. Лев и львица находились у левой стены. Неожиданное падение напугало их. Звери вскочили на ноги и смотрели испуганными глазами на неожиданного нарушителя их покоя. А человек стоял неподвижно. Только голова его была втянута в плечи, как будто он сам готовился к прыжку на льва. Лев тоже пригнул голову, сердито зарычал и начал бить себя хвостом по бедрам. Страх уступал место гневу и кровожадности. За львом стояла львица, присев на ноги, как кошка, готовая к прыжку на мышь. Эта картина навеки запечатлелась в мозгу сторожа. Еще мгновение, и лев бросится на человека... Но лев как будто раздумывал, а человек стоял попрежнему, как окаменелый. Однако каждый мускул и каждый нерв человека был напряжен, а глаза зорко следили за зверем. Лев еще ниже опустил голову, широко открыл пасть, прорычал так громко, что задрожала земля, и несколько раз поднял вертикально свой хвост. Это было высшим проявлением гнева и сигналом к действию. Лев решительным шагом двинулся к человеку. Львица продолжала стоять в той же позе, как бы наблюдая, чем окончится поединок, — готовая в каждую минуту прийти на помощь своему супругу. Лев уже был в двух шагах, а человек все еще стоял неподвижно.

«Конец!» — подумал сторож.

Но в это самое мгновение случилось нечто неожиданное. Все произошло так быстро, что сторож скорее понял умом, чем воспринял глазами, что произошло. Человек в неизмеримо малую долю секунды вдруг выбросил свою правую руку и

нанес кулаком жестокий удар в нос льва. От боли и неожиданности лев как-то крякнул, низко опустил голову к земле и осел всем туловищем. Львица, очевидно, не могла перенести этого оскорбления, нанесенного ее царственному супругу. Ее стальные мышцы распрямились. И вытянутое тело львицы уже неслось по воздуху по направлению к человеку. Но человек замечал все. Прежде чем лапы львицы с выпущенными огромными когтями коснулись его тела, человек сделал огромный прыжок, и львица грохнулась на каменистую почву. В ту же секунду ее тело собралось в клубок, перевернулось на месте и опять вытянулось в гигантском прыжке. Но как будто невидимая сила перебрасывала тело человека. Он прыгал по площадке, как теннисный мяч, все время увертываясь от ужасных когтей. Лев в это время уже оправился от удара и, раскрыв пасть, ринулся к человеку, ноги которого едва прикоснулись к земле. Но этого было для человека достаточно, чтобы сделать новый прыжок. Человек перепрыгнул через тело льва и, наклонившись, проскользнул под летящей над ним львицей. Однако он занял неудобное положение, у самого края водоема, а лев и львица стояли на возвышенном месте справа и слева от него. И, понимая без слов друг друга, звери направились к человеку.

«Конец!» — еще раз подумал сторож.

Но и это был еще не конец. Когда звери были уже возле него, человек неожиданно бросился в воду бассейна, нырнул, выплыл и начал дразнить зверей гримасами и криками. Разозленный лев ревел и царапал когтями камни. Львица горящими глазами смотрела на человека, облизывалась и била себя хвостом по тугим бедрам.

Только теперь, когда человек был в относительной безопасности, сторож пришел в себя и бросился за шестом, чтобы помочь человеку выбраться из воды.

Когда старик вернулся с шестом к львиному острову, картина вновь изменилась. Человека в воде уже не было. Львица стояла у воды, низко склонив голову, и терла морду о плечо. Из носа у нее шла кровь. А лев с остервенением рычал и царапался у входа в свою пещеру, проделанного в стене. Он напоминал собаку, которую мальчик дразнит палкой. Лев бросался к пещере и вдруг отступал с рычаньем. У входа в пещеру сидел человек. Он держал в руке осколок бетонного козырька, отва-

лившийся при его падении, и храбро защищался, нанося льву короткие, меткие удары. Морда льва была окровавлена, но и человеку, видимо, досталось. На его правой руке была содрана кожа.

Сбежавшиеся сторожа горячо обсуждали положение. Скоро к ним присоединились несколько наспех одетых сотрудников и заведующий зоопарком. Человека можно было спасти, открыв внутренний проход пещеры, но надо было предупредить возможность выхода льва вслед за человеком. Решено было спустить сверху деревянный щит, чтобы закрыть вход в пещеру. Эта работа заняла более часа, и когда щит наконец был опущен, утренняя заря уже разгоралась ярким пламенем. Теперь человек был изолирован от льва и сам находился в ловушке. Оставалось только арестовать опасного сумасшедшего. Для этого был вызван целый отряд милиции. Начальник отделения приехал на мотоциклетке. Он распорядился расставить на всякий случай милиционеров вдоль всей стены новой территории зоопарка.

— Выходи! — крикнул милиционер, открывая внутренний проход в пещеру. Сумасшедший не заставил себя ждать. Он вышел и покорно отдался в руки милиционеров. Два дюжих милиционера схватили его за руки и вывели с каменного острова на дорожку сада. Три других милиционера оцепили группу. Сзади стояли сторожа и сотрудники зоопарка.

Все с интересом разглядывали безумца, побывавшего в львином логове и оставшегося живым.

— Как ваша фамилия? — спросил начальник милиции.

Сумасшедший ничего не ответил и, улыбаясь, обвел глазами собравшуюся толпу. Это был еще молодой человек, лет двадцати пяти, коренастого сложения, с бритым, несколько скуластым лицом и тупым носом. Осмотрев толпу как будто небрежным, но на самом деле очень внимательным взором, человек в спортивных трусиках вдруг как-то обвис всем телом, как будто он впал в обморок. Милиционеры, державшие его, невольно ослабили руки. И вдруг сумасшедший сделал неожиданный рывок вниз, а вслед за тем — чудовищный прыжок. Десяток рук протянулись к нему, но его тело, как выпущенная из туго натянутого лука стрела, распласталось в воздухе, пронеслось над толпой, коснулось земли, еще раз подпрыгнуло — и человек уже мчался к забору. Это было так

неожиданно, что толпа не успела прийти в себя, как голое тело уже мелькало вдали. Милиционеры и сторожа бросились вслед и еще раз остановились и ахнули, увидав, как неизвестный сделал второй гигантский прыжок. Он легче тура перескочил, не прикасаясь даже руками, через высокий забор, почти в три человеческих роста. Но там беглеца ждало разочарование. На Садовой-Кудринской улице, куда он прыгнул, стоял мотоцикл с милиционером. Правда, милиционер не успел схватить свалившегося с неба — как ему показалось — человека, но он тотчас пустил мотор и помчался вслед за убегавшим человеком.

Однако это оказалось нелегкой задачей.

Когда милиционер повернул свой мотоцикл на Никитскую, беглец уже приближался к Никитским воротам. Это было невероятно. Милиционер не верил своим глазам. Сумасшедший бежал с такой быстротой, что его ног не было видно, как спиц мотоцикла на полном ходу. Милиционер развил предельную скорость, и все же расстояние между ним и беглецом видимо увеличивалось. И так мог бежать человек, только что перенесший борьбу со львами, борьбу на жизнь и смерть!

Машина все же выносливее человека, даже если он «черт, сорвавшийся с цепи». На улице Герцена милиционер, мчавшийся на мотоцикле, с радостью начал замечать, что расстояние между ним и сумасшедшим уменьшается. Беглец, видимо, начал выдыхаться. На углу Моховой расстояние между беглецом и преследователем сократилось всего до десятка метров. Милиционер уже предвкушал победу машины над этими неукротимыми мышцами. Однако и сумасшедший, очевидно, хорошо знал преимущества машины и вовремя сумел воспользоваться ими. На его счастье, с Моховой вдруг показался крытый автомобиль, ехавший по направлению к Охотному Ряду с большой скоростью. Это, вероятно, какая-нибудь веселая компания «проветривалась» после бессонной ночи. Сумасшедший еще раз удивил милиционера, сделав невозможное даже для трюкового американского киноартиста: собрав остаток своих сил, сумасшедший погнался за бешено мчавшимся автомобилем и, сделав прыжок, оказался наверху автомобиля, стоя на ногах. Так он успел проехать до Охотного Ряда прежде, чем перепугавшиеся пассажиры, услышавшие падение тела, не приказали шоферу затормозить машину. Но

пары минут, проведенных на крыше автомобиля, было достаточно, чтобы беглецу отдохнуть. Когда он заметил, что автомобиль замедляет ход, он ловко соскочил и вновь побежал с такою скоростью, что дворник, вышедший мести улицу, окаменел с метлой в руках, видя «человека без ног», как ветер промчавшегося мимо него.

Милиционер на мотоцикле успел крикнуть шоферу автомобиля о том, что он гонится за опасным сумасшедшим, и просил помочь ему. Шофер пустил машину на полную скорость. Теперь за беглецом гнались мотоцикл и автомобиль. Подъем Театрального проезда была взят беглецом с такою легкостью, как будто он бежал вниз, а не вверх. Человек, автомобиль и мотоцикл промчались мимо Политехнического музея и свернули на Маросейку. У Покровских ворот стоявший на посту милиционер, видя погоню, крикнул человеку:

— Стой, стрелять буду! — Но человек продолжал бежать.

Милиционер, больше для острастки, выстрелил вслед убегавшему. Однако пуля, видимо, задела ногу: беглец споткнулся, несколько уменьшил бег и свернул в Барашевский переулок. На двух крутых поворотах переулка автомобилю и мотоциклу пришлось задержать ход, и беглец успел передохнуть.

У высокого пятиэтажного дома на углу Барашевского и Лялина переулка беглец вдруг остановился и прошмыгнул в подъезд. Следом за ним подъехал автомобиль, а затем появился и мотоцикл милиционера.

След из капель крови вел на пятый этаж. Милиционер, задыхаясь от быстрого подъема, поднялся наверх и начал стучать у двери.

Скоро дверь приоткрылась и оттуда выглянуло заспанное, взлохмаченное, бородатое лицо.

— У вас живет молодой человек, бритый?.. — спросил милиционер.

— Живет. Антипов. Его комната направо. Другого молодого человека нет. Антипов бритый. Да вот его дверь открыта...

Милиционер бросился в открытую дверь и вошел в комнату. Пуста!.. Дверь на балкон раскрыта настежь.

Милиционер вышел на балкон и увидал внизу автомобиль, милиционера, дворника и несколько случайных прохожих. Все они размахивали руками и о чем-то горячо говорили.

— Эй! Что там у вас? — крикнул милиционер с балкона.

— Бежал сумасшедший! — ответил ему дворник. — С балконов...

Но милиционер уже не слушал и бросился вниз по лестнице, прыгая через четыре ступеньки.

Когда он сбежал вниз, все начали наперебой рассказывать ему о взволновавшем их происшествии. Очевидцем был дворник (он же ночной сторож), ему и дано было слово после того, как общий гам утих.

— Я сидел на углу, около кооператива, — говорил дворник, — покуривал, и вдруг вижу: на балкон пятого этажа выскочил человек в одних трусах, спустился вниз и повис на решетке. Покончить с собой, значит, человек хочет! А он — не тут-то было! Раскачался немного, да и прыг на балкон четвертого этажа! Опять повис на руках и опять прыгнул, и так с этажа на этаж, как белка. Я и дым изо рта не успел выпустить, а он уже соскочил с последнего балкона. Эва, какая высота!

Розыску удалось установить, что сумасшедший, оказавшийся служащим почтамта Антиповым, в то утро прибежал на Курский вокзал, вбежал на платформу, сбив с ног билетера, догнал скорый поезд, вспрыгнул на буфер и укатил.

Дальнейшие следы его были потеряны.

III. ЧТО ПРОИЗОШЛО В ДОМЕ ОТДЫХА

Статья «Вечерней Москвы» под интригующим заглавием «Сумасшедший в зоопарке» и подзаголовком «Победитель львов» наделала шуму и сделала Антипова героем дня. Вскоре после появления этой статьи в «Вечерней Москве» появилось письмо в редакцию одного из сослуживцев Антипова, сообщавшего о «сумасшедшем» новые интересные данные.

Текущим летом Антипов находился вместе с автором письма в подмосковном доме отдыха, в бывшем помещичьем имении.

Здоровый, коренастый, но очень неловкий и неуклюжий, Антипов нередко служил мишенью для острот своих товарищей по дому отдыха. Он, видимо, никогда не занимался физкультурой и не любил спорта. Однажды, проходя по доскам,

не огороженным перилами, в купальню, Антипов оступился, упал в воду и начал тонуть, отчаянно призывая на помощь. Его вытащили и прочитали ему соответствующее поучение о пользе спорта вообще и необходимости изучить плавание в частности.

Антипов безнадежно махнул рукой и с тех пор перестал купаться, больше того: он стал бояться воды и всегда обходил пруд, не решаясь приблизиться даже к берегу. Несколько дней спустя после того, как его спасли из воды, и произошел случай, удививший всех. Была теплая, летняя ночь. Полная луна стояла над старым домом. Большинство отдыхающих уже покоилось мирным сном. Только несколько любителей «лунных ванн» сидели на скамье у пруда и мирно беседовали.

— Тю! Смотри... что это? — сказал один из них, показывая рукой на крышу дома. Там виднелась фигура человека.

— Антипов!

Да, это был он. Луна ярко освещала его коренастую, характерную фигуру. Но он делал вещи, не свойственные ему. Антипов смело и быстро продвигался по самому краю крыши, подошел к высокой башне и с обезьяньей ловкостью начал взбираться по отвесной стене, цепляясь кончиками пальцев за неровности и выбоины. Он взобрался на крышу башни, затем полез на высокий шпиц. Крепко сжав шпиц ногами, он протянул руки вверх, к луне, и начал раскачиваться в такой позе. Потом, не придерживаясь руками, соскользнул вниз по шпицу, подбежал к краю крыши и вдруг прыгнул в пруд с пятидесятиметровой высоты.

Свидетели этого необычайного прыжка сидели несколько секунд неподвижно, а придя в себя, бросились спасать самоубийцу. Но его тело не всплывало на поверхность. На месте падения расходились только широкие круги. Несколько человек начали нырять в поисках тела, как вдруг один из свидетелей этого происшествия увидел, что Антипов вынырнул на другом берегу, проплыв под водою не менее трехсот метров. Несколько человек побежали к нему по берегу, но Антипов вновь нырнул и, прежде чем они сделали несколько шагов, уже вынырнул около башни.

Все громко заговорили и, схватив Антипова за руки, вытащили на берег. Антипов смотрел на них широко открытыми, но невидящими глазами и молчал. Потом он вздрогнул, как

будто пришел в себя, и, окидывая всех уже более осмысленным, но удивленным взглядом, спросил:

— Что это? Где я?.. — Испуганно посмотрев на воду, он вдруг побежал в дом и скрылся в своей комнате. Отдыхающие и недоумении посмотрели друг на друга.

— Лунатик! — догадался кто-то.

— Не иначе, — согласились другие.

Отпуск Антипова кончался, и через несколько дней он уехал в Москву. Однако вернулся на службу он не таким, каким был до поездки в дом отдыха. Товарищи стали замечать, что Антипов то впадал в крайнюю рассеянность, то уходил в себя и глубоко сосредоточивался. Кроме того, у него, вероятно, болели уши: они были крепко забиты ватой.

«Ненормальность его уже тогда бросалась в глаза, но никто из товарищей не предполагал, что она примет такие опасные формы» — так заканчивалось письмо в редакцию сослуживца Антипова.

IV. ВОСКРЕСШИЕ ИНСТИНКТЫ

Антипову везло. О нем появилось еще одно письмо в газете — врача дома отдыха Соболева. Письмо это раскрыло наконец тайну «безумия» Антипова.

«Я принужден признаться, — писал Соболев, — что на мне лежит вина за все злоключения т. Антипова. Он, если так можно выразиться, пал жертвой моей научной любознательности. Дело в том, что я давно работаю над вопросами изучения лунатизма. А Антипов был весьма подходящий для моих опытов субъект, так как лунатизм проявлялся у него очень резко. Лунатизм — малоизученная болезнь. По мнению И. И. Мечникова, к каковому мнению и я присоединяюсь, в состоянии лунатизма вскрываются те следы врожденных способностей (инстинктов), которые переданы нам по наследству от дочеловеческой ступени развития и которые сохраняются в скрытом виде в мозгу. Эти дремлющие инстинкты всплывают наружу потому, что работа более поздних по развитию механизмов мозга (деятельность сознания) заторможена и вместо нее мерцает взбудораженная подсознательная деятельность мозга. Проснувшись, лунатик большею частью

совершенно не помнит того, что совершил в состоянии лунатизма.

Таким образом, наш мозг как бы представляет слои геологических «пластов». Древнейшие «пласты» скрыты более новыми «напластованиями», но продолжают существовать.

В лунатизме меня интересовало два вопроса: 1) какое действие оказывает на лунатиков луна и 2) нельзя ли «воскресить» угасшие в современном человеке первобытные инстинкты, проявляемые при лунатизме, и «активизировать» их в бодрственном состояний человека.

Профессор А. Сухов, на основании работ проф. Фаусека, Бехтерева и Лазарева, полагает, что разгадку здесь надо искать в воздействии движения Луны на электрические явления в воздухе. По этому пути я и вел свои опыты. Я предложил т. Антипову подвергнуть его действию различных электрических токов, стараясь таким путем «возбудить» угасшие инстинкты. Я не скрывал от Антипова, что при благоприятном исходе опыта он будет обладать остротой чувств и навыками первобытного человека, и Антипов согласился на опыт. Разумеется, на полную реставрацию этих первобытных инстинктов надеяться нельзя было, так как за сотни тысяч лет произошли большие изменения в организме человека: например, барабанная перепонка современного человека, очевидно, не обладает уже той тонкостью звуковосприятия, тем физиологическим строением, каким обладала она у первобытного человека. Но все же Антипов мог получить невероятно обостренные чувства. Мой опыт удался: Антипов мог слышать, например, тиканье карманных часов, помещенных через комнату, узнавал запахи людей не хуже собак-ищеек и тому подобное. К сожалению, я не мог продолжать своих наблюдений, так как срок отпуска Антипова окончился и он уехал в Москву. Я никак не ожидал, что пробужденные инстинкты заставят Антипова совершать такие безумные поступки, какие имели место в зоопарке. Так или иначе, Антипов не безумец и не сумасшедший. Я готов принять ответственность за последствия совершенного мною опыта, но Антипова эта ответственность не должна коснуться. Полагаю, что огромное значение для науки проделанного мною опыта явится смягчающим обстоятельством при суждении о моих действиях. Врач Соболев».

V. ТОЛСТОВКА ИЛИ ЗВЕРИНАЯ ШКУРА?

В то время как газеты, ученый мир и рядовые граждане волновались и спорили, обсуждая опыт доктора Соболева, Антипов бродил по лесам в окрестностях Москвы, прячась от людей. Он вел первобытный образ жизни, подстерегал и ловил руками птиц и рыб, спал на дереве. Однако, на его несчастье, он уже не был первобытным человеком и толстовку от Москвошвея охотно предпочел бы звериной шкуре. Он был вполне современный человек, но с изощренными, как у первобытного человека, чувствами и инстинктами. Ему хотелось в кино, он тосковал, вспоминая своих товарищей. Притом и физически он не был закален, как первобытный человек. Он умел теперь лучше управлять своим телом, но все же его мускулы были не так развиты, как у первобытного человека. Вот почему он начал уставать во время погони. Он насиловал свое гело, свои мышцы. Нет, он не был первобытным человеком. С отвращением ел он сырую дичь, мечтая о моссельпромовской столовке. А ночами он дрожал от холода. Тоска одолевала его, когда, сидя на суку и слушая уже по-осеннему завывавший ветер, он думал о манящих огнях города, уличном движении и теплой комнате на пятом этаже своего дома.

И Антипов не выдержал.

Однажды ночью он отравился в путь. Руководствуясь инстинктом, он, как почтовый голубь, направлялся по прямой линии к дому отдыха. Утром он постучал в комнату врача.

Соболев очень удивился и обрадовался этому неожиданному появлению.

— Я не могу так, — без предисловия начал Антипов, обращаясь к умывавшемуся врачу. — Я теперь ни дикарь, ни совслужащий. На войне или в экспедиции мои новые свойства, может быть, и были бы полезны, но в городе с ними беда. Уличный шум прямо оглушал меня — я теперь понимаю, почему дикари, услыхав в первый раз ружейные выстрелы, падают на землю. Это не от страха, а потому, что их уши слышат, может быть, в сто раз сильнее, чем наши. Я шатался, когда по Покровке с треском, шумом и звоном шел трамвай. На службе я с ума сходил от трескотни пишущих машинок и арифмометров. А придешь домой — все слышно, что говорят и внизу, и с боков. Я весь дом слышал! Это прямо сводило меня с ума.

Я живу на пятом, а в первом этаже под полом мышь скребет, и я слышу. Муха по стене ползет, и это слышу. Выйдешь вечером или ночью на двор и слышишь, как ревут звери в зоопарке, на другом конце Москвы. Этот звериный рев манил меня. И страшно, а тянет... Мне казалось, что, только убив зверей, я смогу спокойно спать и не слышать их рева. Этот рев всю ночь преследовал меня! И запахи. Я узнал запахи всех знакомых. Едешь на трамвае, потянешь носом: Петров ехал, на бульваре Григорьевым пахнет, там Булкина прошла... голова все время этим занята... Вот только плавать, пожалуй, я не отказался бы так, как теперь умею. Это пригодится. Не ровен час, упадешь в воду. Да и на спортивных состязаниях хорошо бы победить, чтобы товарищи не смеялись. А уши и нос уж пусть будут как у всех. Не по городу такие уши...

* * *

Необычайная история Антипова приходит к концу. Доктор Соболев удовлетворил просьбу Антипова и вернул ему нормальные чувства, оставив только способность необычайно и ловко плавать. Антипов решил воспользоваться этой способностью и выступил на водных соревнованиях. Он плыл, как дельфин, далеко оставив позади себя своих соперников. Но недалеко от финиша он вдруг ощутил необычайную слабость и начал тонуть. Его извлекли из воды. Врач, присутствовавший на состязаниях, нашел у него растяжение мышц и сухожилий.

— Придется вам расстаться с вашими «лунатическими» дарами и заняться нормальной тренировкой, — сказал врач. — Этот путь более медленный, но верный!

МЕРТВАЯ ЗОНА

— Я предпочел бы слушать вой шакалов и гиен, чем это душураздирающее пение, — сказал Ден Хэрвуд и плюнул в сторону, откуда доносились звуки.

— В этом пении есть своя красота, — ответил Доменико Маручелли, маленький итальянец, шагавший рядом с длинным Деном. Они шли вдоль компаунда Вессельской алмазной копи.

Компаунд — любопытная особенность южноафриканских алмазных копей, расположенных вокруг города Кимберлея. Компаунд — это загон, созданный компанией для рабочих-туземцев. Представьте себе огромную площадь, огороженную очень высокой стеной из проволочной сетки. В этом загоне под открытым небом выстроены дома для рабочих, там же находится больница и даже школа. Съестные припасы отпускаются из находящихся в этом же загоне складов компании. Подземный ход ведет от компаунда прямо в копи. Все входы строго охраняются, и никто не может ни войти, ни выйти из компаунда. В этом загоне помещается более двух с половиной тысяч туземцев, представителей самых различных племен ближних и дальних местностей Африки. Компаунд — нечто вроде «этнопарка». Но «экспонаты» этого необычайного парка добровольно пришли в свою клетку, чтобы заработать деньги на покупку коровы и жены. А так как жена стоит две коровы, то в общем нужно заработать на три коровы.

В этот вечер разноголосый гам покрывался звуками заунывной хоровой песни. Единоплеменники оплакивали своего погибшего собрата. Произошел обвал в шахтах — довольно обычное явление.

Музыкальный Маручелли, сам завзятый певец, находил в погребальном пении туземцев своеобразную красоту.

Проволочная сетка компаунда окончилась. Маручелли и Хэрвуд шли по серой известняковой почве — это была «лава» грязевых вулканов. Налево виднелись развороченные пласты земли, кучи желтой и голубой глины, над которыми работали солнце, дождь и ветер, дробильни и мельницы, машины для просеивания и промывания. А направо тянулась гладкая поверхность, поросшая сухими травами и колючим кустарником. Солнце заходило. Разноголосый гомон компаунда затихал вдали. Только все еще слышалось похоронное пение.

— Этого никто не будет оплакивать! — подумал Ден, поглядывая на своего маленького спутника. — И зачем только такие на свет родятся?..

Когда замолкли последние звуки «песни мертвых», Доменико Маручелли запел сам, сначала тихо, а потом все громче, свою любимую песенку:

Я пел, когда на свет родился,
Я песни пел, когда женился.
Бывали дни — я голодал,
Но песни громко распевал.
Я пел на суше и на море,
Я пел от радости и с горя,
Я сидя, стоя, лежа пел.

Года прошли, я поседел,
Но я пою не умолкая.
Не замолчу и умирая.
Когда ж умру, то песнь мою
Еще я громче запою!

Еще я громче запою-ю! — закончил Маручелли высокой нотой и, обратившись к Хэрвуду, спросил: — Фонарь не забыл?

— Ты уж второй раз спрашиваешь об этом, — грубо ответил Хэрвуд. — Я ничего не забываю!

Солнце зашло. Сгущались сумерки. Ночь обещала быть очень темной и довольно холодной. Уже сейчас чувствовалось, как холодеют щеки и руки. Почва медленно поднималась на северо-восток.

Скоро стало совсем темно.

— Может быть, ты зажжешь фонарик? — спросил Доменико.

— Дойдем и так. Я и с закрытыми глазами дорогу найду.

Путники некоторое время шли молча. Доменико никак не удавалось завязать разговора со своим молчаливым спутником. И итальянец вновь запел свою песню:

Я пел, когда на свет родился...

— Довольно тебе выть! — прикрикнул на него Хэрвуд.

— Мы ушли далеко, нас никто не услышит.

— У компании длинные уши и длинные руки! — ответил Ден.

Итальянец замолчал. Но, пройдя несколько шагов, потихоньку запел вновь:

Когда ж умру, то песнь мою еще я громче запою!..

— Стой! — крикнул Хэрвуд. Он вышел вперед, засветил электрический фонарь и, как бы освещая местность, поднес фонарь к глазам итальянца. Доменико сощурился, а Ден погасил фонарь.

— Так, — сказал Ден. — Все в порядке. Иди, иди! — И он пропустил Доменико вперед.

— Но я ничего не вижу!

— И не надо. Дорога гладкая, как стол.

Никакой дороги не было. Ослепленный светом итальянец шел впереди, закрыв глаза.

Года прошли, я поседел.
Но я пою не умолкая.
Не замолчу и умирая... А-а-а!..

Душераздирающий крик разорвал тишину ночи. Мгновение молчания — и, наконец, где-то глубоко внизу глухой стук упавшего тела.

— Замолчал небось? — тихо сказал Ден и, повернувшись вправо, зажег фонарь. Пройдя несколько шагов, Ден оказался у края отвесной скалы. Он прошел вдоль края пропасти, дошел до отлогого спуска и начал осторожно, но быстро спускаться вниз, освещая путь фонарем. Пропасть была очень глубокая, и Дену пришлось довольно долго спускаться. Наконец он достиг глубины ущелья и скоро нашел труп Маручелли, совершенно изуродованный. От головы Доменико ничего не осталось. Но Ден и не интересовался головой. Он повернул труп навзничь и начал обыскивать.

За пазухой он нашел мешочек, привязанный к шее. Так как головы не было, то Дену не оставалось никакого труда снять с мертвеца мешочек.

— Я не ошибся... Все в порядке. Мешочек при нем! — Ден положил холщовый мешочек в свой карман, посмотрел еще несколько секунд на труп, как бы соображая, что с ним делать, и, махнув рукой, отошел. — Моя совесть чиста, я не пролил человеческой крови, — сказал Ден. — Бедный Маручелли оступился и сам упал в пропасть. — И Дену вспомнилась песенка итальянца:

Когда ж умру, то песнь мою
Еще я громче запою.

Молчишь небось? — с улыбкой спросил Ден черноту ночи. Но ночь молчала. Она видала на своем вековечном веку столько подобных драм человеческой алчности, что они должны были бы казаться ей естественным поведением человека. И в самом деле, это было самое шаблонное преступление. Дальнейшая

судьба таких преступлений отличается друг от друга только тем, был ли преступник наказан или нет. И о преступлении Дена не стоило бы и рассказывать, если бы последующие события, происшедшие с ним, не представляли некоторого любопытного отступления от шаблона. Но для того, чтобы читателю было понятно дальнейшее, надо вернуться несколько назад.

* * *

Доменико Маручелли, Ден Хэрвуд и Ари Вервэр были радистами, но различной квалификации. Ари Вервэр, местный уроженец, происходивший от первых поселенцев-голландцев, был радиоинженером. Он заведывал мощной радиостанцией в Капштадте — в городе, основанном его предками-голландцами в 1652 году. Родиотехником Ден Хэрвуд служил на той же станции, а Доменико Маручелли был приглашен в качестве чернорабочего и носильщика маленькой экспедиции, организованной Вервэром.

Дело в том, что в районе Кимберлея была так называемая мертвая зона, но с очень своеобразными особенностями. Радиоволны благополучно проходили пространство от Капштадта до Кимберлея, а потом вдруг как будто проваливались сквозь землю. На протяжении нескольких миль к северу радиопередача совершенно не была слышна, а дальше — в Фрибурге и Мокопоне — слышимость была нормальная. Самое же непонятное было то, что в мертвой зоне временами радиопередачу можно было принимать и слышимость была отличная. Бывало и так, что радиопередача как будто на полуслове обрывалась. Несколько секунд длилось молчание, а потом слышалось продолжение, хотя на передающей радиостанции никаких перерывов в передаче не было.

Ари Вервэр решил выяснить все эти особенности мертвой зоны и отправился изучать ее на месте со своим помощником Хэрвудом и носильщиком Маручелли. У Вервэра была небольшая переносная передающая станция, у Хэрвуда и Маручелли — приемные. Работа заключалась в том, что Вервэр в точно установленное время начинал передачу, а Хэрвуд — в другом месте прием, причем он вел записи слышимости. Так как Вервэр довольно часто перемещался со своею передающей радиостанцией, то Доменико Маручелли приходилось больше бывать с Вервэром.

Все шло хорошо. Вервэр сделал много интересных наблюдений, и в его голове уже носились смелые гипотезы о причинах «шалостей эфира». Работа близилась к концу, когда «черт попутал» помощников Вервэра.

Маленькой экспедиции приходилось бродить в самом центре алмазного района, то среди кипящих жизнью копей, то среди заброшенных угрюмых гигантских «кротовых нор» — старых копей, то, наконец, по пыльной, серой, нетронутой целине. Вервэр и Хэрвуд были старожилы, а для итальянца все здесь было ново. Он с интересом приглядывался к заброшенным копям, изучая места, где хранились миллионы лет драгоценные алмазы, ожидая счастливчика, который извлечет их из мрака на поверхность земли.

Под небольшим покровом известняка лежал слой мягкой желтой глины, под желтой глиной виднелся пласт более твердой голубой глины. Вот в этих пластах желтой и голубой глины и находят алмазы. Обычно голубая и желтая глины заключены в более твердую породу — базальт, черную глину, кварц. В этих породах находят круглые куски глины, а в них, как орех в скорлупе, лежат в середине алмазы различной величины.

Вот если бы найти один только алмаз величиною с грецкий орех, думал Маручелли. Богатство лежит здесь, под ногами, а он, Маручелли, как вьючное животное, принужден таскать багаж... Для этого есть туземцы! Было бы глупо не попытать счастья! И Маручелли начал копаться в старых копях, отдавая этому все свободное от работы время. И ему неожиданно повезло.

Он не без труда раздробил кусок голубой глины величиною с кулак и нашел в этой скорлупе «орешек», правда, не грецкий, но все же хороший орешек. Маручелли показал свой алмаз Хэрвуду, который оценил его в двести долларов по местным ценам. В Европе же можно продать в пять раз дороже, а отшлифованный — и в десять раз.

Маручелли был счастлив. Двести долларов за несколько часов работы! А в Европе — тысяча, если же отшлифовать, то две тысячи долларов! А Вервэр платит всего тринадцать долларов в неделю.

Маручелли готов был немедленно бросить службу и заняться поисками алмазов. Однако, посоветовавшись с Хэрвудом, Доменико отказался от этой мысли. Все земли вокруг принадлежали компании, зорко следившей за тем, чтобы никакой частный старатель не появлялся в ее владениях. Многочисленные сторожа с собаками охраняли эти владения, и нарушители карались очень строго. Только благодаря участию в научной экспедиции Маручелли смог бродить в этой запретной зоне. И ему ничего больше не оставалось, как продолжать работать у Вервэра, а поискам алмазов отдавать свободное время.

Удача Маручелли сильно повлияла на воображение Хэрвуда. Если какой-то несчастный итальянишка смог найти хороший алмаз, то почему бы ему, Дену Хэрвуду из Дублина, не найти алмаз вдвое больше? И однажды вечером, еще не окончив вечерний радиоприем и наскоро записав в журнале: «сегодня ни черта не слышно», Ден Хэрвуд отправился на поиски алмазов.

Мертвая зона начала вести себя так, что все великолепные гипотезы Вервэра лопнули, как мыльные пузыри. Если бы он знал, что проделывал Хэрвуд! Для контроля Ден обязан был записывать все, что слышал. Но так как он каждый день предпочитал уходить все ранее, то уже в пять часов вечера он записывал в свой журнал: «7 час. 15 мин. Абсолютно ничего не слышно. Ни звука». И отправлялся на свой промысел. Но ему не везло.

«Может быть, у итальянца нюх лучше», — подумал Хэрвуд и решил идти вместе с Маручелли. Доменико, веселый и общительный, очень обрадовался компаньону.

— Я покажу тебе замечательное местечко, — сказал Маручелли. А когда они пришли на место и спустились в заброшенный старый рудник, Доменико предложил: — Хочешь работать наполовину? Вдвоем работать легче, а что найдем, пополам.

«Как бы не так, — подумал Хэрвуд. — Зачем я буду делиться?» — И ответил:

— Нет, уж лучше каждый сам за себя. Меньше споров будет!

— Как хочешь, — ответил покладистый итальянец и начал копаться в пластах глины.

Нет, этому черту решительно везло! Не прошло и часа, как он уже катал на своей грязной ладони синий комок величиною с грецкий орех.

— Ого, кажется, я сегодня нашел, что искал! — весело крикнул Доменико. — Смотри, Ден!

Хэрвуд взял с ладони Доменико зеленое ядрышко и начал оттирать глину. Алмаз! Чудесный алмаз, которому цены нет! На такой алмаз можно прожить всю жизнь богачом. И эта драгоценность достанется Маручелли, даже на половину Ден не имеет права... Раскаяние, зависть и жадность душили Дена. Зачем он не согласился работать на половинных началах?

— Да, недурная штучка, — небрежно сказал он, бросая алмаз на запачканную глиной ладонь Маручелли.

— Сколько дадут? — спросил Доменико.

— Трудно судить, — уклонился от ответа Хэрвуд. «Сто, может быть, двести тысяч долларов, — подумал он про себя. — Везет же этому итальянцу!»

Маручелли действительно везло.

Найти алмаз на старых, заброшенных копях, где все перерыто и пересеяно, — большая удача. Найти такой крупный бриллиант — исключительное счастье.

Хэрвуд готов был убить Маручелли на месте, но он вдолбил себе в голову, что сам найдет алмаз не хуже, чем у Маручелли. И теперь Хэрвуд с чисто англосаксонским упрямством принялся рыть глину.

А Доменико Маручелли, бросив короткую лопатку, которую можно было прятать в широкие шаровары, уселся на бугре и запел свою песенку:

Я пел, когда на свет родился,
Я песни пел, когда женился...

— Кричи, кричи, пока сторож не придет и не заберет тебя вместе с алмазом! — ворчливо сказал Хэрвуд.

— И то правда. Я иду в лагерь. Идешь?

— Я еще не вырыл своего алмаза, — ответил Хэрвуд.

Хэрвуду так и не удалось найти алмаза. Доменико Маручелли проявил удивительный характер и не ходил больше в копи искать алмазы.

— С меня довольно, — говорил он. — Подожду немного, получу деньги за работу от мистера Вервэра — и домой. —

И Маручелли начал мечтать о том, что он будет делать, когда станет богатым. За пазухой Маручелли лежали «в сложенном виде» и дом, и усадьба, и коровы, и ослы, и почет односельчан. Все это заключалось в алмазе. Доменико был весел и пел, пел не переставая. Он действительно «сидя, стоя, лежа пел».

А Ден угрюмо молчал. Он как-то весь почернел и осунулся. Он не мог решить: что ему сделать с итальянцем? Предать, донести компании? Дену выдадут за донос каких-нибудь десять процентов, как выдают туземцам за найденный алмаз «для поощрения честности», выгодной компании. Десять процентов. Это составило бы немаленькую сумму. Но кто будет оценивать алмаз? Оценщик компании? И, конечно, оценит безбожно мало. Для оценщика честность не добродетель, а порок, потому что она невыгодна компании. Что же делать? Ясно что. И в тот самый вечер, когда в компаунде туземцы пели душераздирающую песнь мертвецов, Хэрвуд предложил Маручелли пойти с ним на новое местечко, попытать счастье в последний раз.

— Ты счастливый, и твое присутствие принесет мне удачу, — сказал он. Маручелли пошел и больше не вернулся, а алмазы, большой и малый, перешли с разбитой груди итальянца на крепкую грудь Дена Хэрвуда. — Все в порядке!

Хэрвуд вернулся в лагерь под утро и крепко уснул. На другой день он проснулся свежим и бодрым. Нащупав мешочек на груди, Ден улыбнулся и даже что-то запел себе под нос.

Теперь у него на груди были тоже «в сложенном виде» пульмановские спальные вагоны, роскошные каюты океанских пароходов, номера первоклассных отелей, игорные дома, автомобили... О, Ден сумеет извлечь из алмаза более шикарные вещи, чем корову и дом.

Ден счастлив. Хэрвуд был добр. Он потешит сегодня Вервэра и аккуратно будет слушать радиопередачу во все установленные часы. В восемь, двенадцать, четыре, восемь. И Ден аккуратно принимал утром, и в полдень, и в четыре часа и записывал в своей книжке слова, цифры, фразы, передаваемые Вервэром.

Мертвая зона была в разговорчивом настроении. Еще один восьмичасовой прием, и Ден свободен. Можно будет помечтать на досуге. В последний раз он примет радиопередачу, а завтра... завтра он будет уже далеко отсюда!

В семь пятьдесят пять вечера Ден уже сидел за приемным аппаратом с наушниками на голове, разложив перед собой книгу и вооружившись карандашом.

Ровно в восемь часов вечера зазвучал голос Вервэра:

— Алло! Алло! Говорит Кимберлей. Раз, два, три, четыре, пять...

Радиопередача шла, как всегда. Вервэр называл цифры, имена собственные, иногда говорил целые фразы. Ден записывал и на полях делал отметки о слышимости.

Но вдруг карандаш заплясал в пальцах Дена и покатился на стол, со стола на пол. Рука Дена судорожно сжалась. Ден откинулся назад, как будто сильнейший припадок удушья внезапно охватил его. Лицо его выражало ужас. Как будто в телефоне он услышал что-то необычайно страшное. А между тем ничего страшного не было. Колебания телефонной мембраны превращались в звуки, звуки — в веселую песенку:

Я пел, когда на свет родился,
Я песни пел, когда женился.
Бывали дни, я голодал,
Но песни громко распевал...

Не могло быть никакого сомнения: это пел Доменико Маручелли свою любимую песенку. Ден, точно громом пораженный, прослушал ее до конца.

Когда ж умру, то песнь мою
Еще я громче запою!

Закончил Маручелли, как всегда, высокой нотой.

Радиопередача неожиданно прекратилась. Ден несколько секунд сидел неподвижно, с широко открытыми глазами, потом вдруг сорвал с головы наушники, бросил их в угол, поднялся из-за стола и начал в волнении ходить по комнате.

Доменико Маручелли жив и невредим! Он находится в Кимберлее, у Вервэра. Значит, он не падал со скалы и не разбивался!.. Но разве Хэрвуд не видал собственными глазами и не ощупывал собственными руками труп Маручелли? Наконец, разве на шее Дена не висит мешочек с алмазами итальянца? Правда, труп Доменико был без головы. Допустим, что это был труп не Доменико, а кого-то другого, погибшего на этом месте. Но алмазы! Такого двойного совпадения быть не

могло. Маручелли разбился, это факт. И тем не менее он поет как ни в чем не бывало.

Ден остановился и потер себе ладонью лоб.

— Галлюцинация... Я слишком много думал об этом проклятом итальянце. А его песня прожужжала мне уши... Надо пойти в Кимберлей и там выяснить все... А вдруг... вдруг я там встречусь с живым Маручелли? Нет, это не годится... До трупа Маручелли ближе, чем до Кимберлея...

Взяв электрический фонарик, Ден вышел из дому и быстро зашагал по тому пути, по которому он шел с обреченным на смерть Маручелли. Со стороны компаунда неслись веселые песни...

Как ни спешил Хэрвуд, на место он пришел уже затемно и ему пришлось зажечь фонарь, чтобы разыскать труп итальянца.

На старом месте трупа не было. Ден почувствовал, как у него шевелятся корни волос. Неужели труп «ожил» и сбежал? Этого не может быть... Ден продолжал поиски и наконец нашел жалкие остатки трупа, обглоданного какими-то ночными хищниками. Ими же труп, очевидно, был перетащен в другое место. Ден посмотрел на то немногое, что осталось от итальянца. Теперь уже решительно нельзя было узнать, кому принадлежит труп. Ден начал осматривать выше лежащие скалы, освещая их своим фонарем, и наконец нашел в узкой расщелине голову Маручелли. Если бы Ден нашел алмаз величиной с эту голову, то он, наверно, обрадовался бы не больше. Хэрвуд долго осматривал мертвую голову.

— Будем рассуждать логично, — громко говорил он, опасаясь за свой разум. — Маручелли мертв. Я только что убедился в этом еще раз. Маручелли поет по радио. Двух Маручелли быть не может. Следовательно... я с ума сошел. Мне почудился голос Маручелли... Просто нервы развинтились. Завтра, наверно, никакого пения Маручелли я не услышу.

Ден вернулся к себе и лег спать. Но он почти не спал до утра. Необъяснимая загадка мучила его. Он не мог уехать, не разрешив ее.

Утром с волнением уселся он за радиоприем. Но все было как обычно. Вервэр считал, отчетливо произносил имена, говорил фразы. Пения не было.

Что-то будет вечером? — с волнением думал Ден. И его волнения были не напрасны. Как и вчера, радиопередача закончилась пением. Маручелли пел свою песенку: «Я пел, когда на свет родился».

Ден готов был завыть, как зверь. Эта песня мертвеца сводила его с ума.

— Надо пойти в Кимберлей и выяснить все, — в десятый раз говорил он, но не шел, боясь встретить там живого Маручелли.

Пение Маручелли в несколько дней сделало из Дена действительно ненормального человека. Он начал заговариваться. Глаза его ввалились и лихорадочно блестели, волосы растрепаны, костюм в беспорядке.

На пятый день Хэрвуд явился к начальнику полиции и сказал ему:

— Мистер! Я не верю ни в черта, ни в бога, ни в бессмертную душу.

— Я полагаю, мистер, что это должно больше интересовать местного священника, чем меня, — ответил начальник полиции.

— Алло, слушайте, слушайте! — продолжал Хэрвуд. — Я не верю. Но он верил.

— Кто он?

— Итальянец, которого я убил.

Начальник полиции насторожился.

— Не совсем убил, но все же виновен в его смерти. Видите ли, я не верю во всю эту чертовщину, а он верил. Он говорил мне, что если труп человека остается непогребенным, то душа мертвеца ходит по свету и пугает добрых людей. Так вот, Маручелли верил этой чепухе, и потому он поет после смерти и своим пением довел меня до сумасшествия. Он еще при жизни пел:

Когда умру, то песнь мою
Еще я громче запою.

Но я не понимал, что это угроза... А он действительно поет. Вы знали Маручелли? Слыхали его пение?

Начальник полиции кивнул головой. Он уже терял интерес к показаниям Хэрвуда, считая его невменяемым.

— Что же вы хотите? — спросил начальник Дена.

— Я загубил человека и должен понести наказание. А Маручелли надо похоронить, и пусть поп отпоет на его могиле панихиду. Маручелли верил во всю эту чепуху, и тогда он перестанет мучить меня своим пением.

По отрывочным разговорам начальник полиции наконец восстановил всю картину преступления. По-видимому, Ден Хэрвуд в самом деле убил итальянца и после этого сошел с ума.

— Когда же вы слышите пение Маручелли?

— В радиоприемник. Можете послушать сами.

Но начальник полиции сначала захотел освидетельствовать место преступления. Слова Хэрвуда подтвердились. Обглоданный скелет и сохранившаяся голова Маручелли с проломленным теменем были найдены.

— Ну, теперь послушаем пение мертвеца, — с иронией сказал начальник полиции.

Но ирония его сменилась величайшим изумлением, когда он действительно услышал по радио пение Маручелли. Эта песенка была знакома всем.

— Действительно... занятно, — сказал начальник полиции.

— Едем ко мне! — предложил он, быстро поднимаясь от радиоприемника и снимая наушники.

В автомобиле начальника Хэрвуд приехал в полицию. Начальник кивнул полисмену, и тот занял место у двери.

— Садитесь! Я сейчас поговорю с Вервэром по телефону.

Начальник начал говорить, а Ден стоял и с величайшим напряжением слушал реплики начальника, желая понять по ним смысл разговора.

И вдруг начальник громко и раскатисто расхохотался. Этот смех почему-то очень не понравился Дену.

Начальник положил трубку телефона и, повернувшись к Дену, сказал:

— Так вот что говорит мистер Вервэр!..

Ден впился в начальника глазами, а начальник сделал паузу и начал закуривать сигару.

— Он... пх... пх... говорит... пх... что... я не знаю, верно ли передам его слова. Вервэр хотел по возможности уточнить проверку слышимости. Он говорил, что сила и четкость слышимости может зависеть не только от технических качеств передачи и приема и прочих внешних условий, но и от диктора или певца. Сегодня человек, выступающий перед микрофоном, находится в повышенно жизнерадостном настроении. Голос его ясен и звучен. А завтра ему может нездоровиться. Голос станет тусклым, слабым. Словом, так сказать, объект передачи — звук — не представляет величины постоянной. Поэтому для более точного определения качества слышимости...

Ден не выдержал. Он рванулся к начальнику и сказал:

— Скажите же вы мне, наконец: существует Маручелли или нет и кто поет у Вервэра? Мне совершенно не интересно знать, каким путем Вервэр хочет улучшить учет качества радиопередач...

— Наоборот, это должно очень интересовать вас, так как в этом и заключается весь секрет... Так вот, чтобы исходный пункт радиопередач — звуки, передаваемые в микрофон, сделать величиной постоянною, Вервэр решил все передачи зафиксировать на граммофонных пластинках. И он уже давно передает только при помощи граммофона. Таким-то образом была напета граммофонная пластинка живым Маручелли. Для Вервэра это было тем удобнее, что Маручелли иногда отлучался, пластинка же всегда оставалась у Вервэра. Теперь все понятно?

Ден посмотрел на окно за спиной начальника, на полисмена, стоявшего у двери, и ответил с раздумьем:

— Нет, далеко не все понятно. Я не могу понять: зачем родятся на свет такие ослы, как я?

В ТРУБЕ

— Пять часов. Пора кончать! Ты слышишь, Давыдов?

— Сейчас. Что? Что ты сказал? Иди, Коля, иди домой. Я немного задержусь. Да нам и не по пути... — Давыдов вновь склонился над своей моделью.

Николай Семенов, хитро улыбаясь, уселся возле своего токарного станка.

— А ты чего не идешь? — спросил Давыдов.

— Я тоже решил задержаться и окончить работу.

Давыдов нахмурился, но ничего не ответил. Они как будто хотели пересидеть друг друга.

Евгений Давыдов и Николай Семенов были студенты-практиканты, работавшие в аэродинамической лаборатории. Между ними шло жестокое соревнование. Каждый из них старался превзойти другого. Со всем пылом юности они старались разрешить задачу, над которой ломали себе головы и седовласые ученые: найти такую форму тела, которая давала бы наименьшее сопротивление воздуху. Иначе говоря, они хотели разрешить задачу о «наилучшем обтекании тела воздухом» Перед этой сложнейшей задачей была бессильна даже «королева наук» — высшая математика, и на помощь теории приходила практика, опыт. Целый корпус лаборатории был отведен для этих опытов, которые производились в огромной аэродинамической трубе. Здесь помещались кубы, шары, пирамиды, цилиндры и другие бесконечно разнообразные искривленные тела, которым даже трудно подыскать название. Труба имела широкое входное отверстие, затем несколько суживалась, но опять постепенно расширялась по направлению к выходному отверстию. Там находился огромный вентилятор, закрывавший во время работы почти все отверстие и приводимый в движение мотором. Диаметр трубы равнялся шести метрам в самой узкой части, а длина была равна семидесяти пяти метрам. Внутренняя поверхность трубы была гладко отшлифована, как ствол ружья.

Модели крыльев, пропеллеров и других аэропланных частей подвешивались на особых весах посередине трубы. Мастерская, где работали Давыдов и Семенов, была рядом с корпусом трубы. Там мотор уже не гудел.

Рабочие, техники и инженеры разошлись. В мастерской оставались только Семенов и Давыдов.

— Ты здесь ночевать собираешься? — спросил Семенов.

— Да! — ответил Давыдов. — А ты, наверно, хочешь пересидеть меня, чтобы раньше меня закончить свою модель!

— Она уже готова! — торжественно ответил Семенов. — А ты свою «акулу» окончил?

— Не совсем, — ответил Давыдов.

Не один Семенов посмеивался над его «акулой». История ее такова. Давыдов жадно читал, искал, присматривался ко

всему, что касалось скорости передвижения живых и мертвых тел. Где-то он прочитал о том, что акула одна из самых быстроходных рыб и что эта быстроходность объясняется не только устройством ее тела, но и тем, что на этом хорошо обтекаемом теле находятся особые бугорки. Казалось бы, эти бугорки должны задерживать движение акулы, но на самом деле они усиливают его. Они так устроены, что вода, обтекая их, как бы дает обратный толчок и подталкивает тело акулы вперед. Таким образом, часть энергии, затраченная на преодоление водяной среды, как бы возвращается назад. Это сильно заинтересовало Давыдова, и он решил сделать модель акулы и испытать ее в аэродинамической трубе. Если опыт будет удачным, то форму акульего тела можно будет применить к корпусам быстроходных аэропланов, дирижаблей и в особенности подводных лодок.

Семеновская модель аэропланного корпуса была проще. Она напоминала яйцо, только заостренное и удлиненное с конца, — наиболее хорошо обтекаемая форма. Семенов не старался открыть «сверхскоростные формы», а удовлетворялся внесением только некоторых улучшений в уже достигнутое.

— Ну, я ухожу, — заявил Семенов. — Только имей в виду, что тебя отсюда выбросит сторож!

Давыдов недовольно крякнул, бросил работу и сказал:

— От тебя не отвяжешься! Идем, что ли! — И они вместе вышли из мастерской.

— Ты не домой? — удивился Семенов, видя, что Давыдов направляется через улицу.

— Нет, мне надо зайти... к одному приятелю! — Давыдов быстро зашагал и скрылся за углом. Там он замедлил шаги.

Улица, еще улица, мост, бульвар, переулок, тупик...

Куда это он зашел?.. Давыдов повернул и так же медленно пошел обратно. Было только семь часов вечера. Он посидел на бульваре, подождал, когда стемнеет, и направился к аэродинамической лаборатории. Она состояла из нескольких корпусов, обнесенных стеною. Около запертых ворот в будке жил сторож, но Давыдов не обратился к нему. Давыдов придумал штуку позанятней. Днем, во время работы, он оставил в мастерской одно окно открытым. Теперь он перелезет через ка-

менную невысокую стену со стороны пустыря, проберется через окно в мастерскую — оттуда дверь в корпус с трубой не запирается. Он вытащит свою готовую модель акулы и испробует ее в трубе. Если все удастся и акула не обманет его надежд, завтра он преподнесет Семенову сюрприз.

Давыдову пришлось повозиться, пока он влез на стену, а перепрыгнув, он ушиб ногу. Но это пустяки. Он влез через окно в пустую мастерскую, поднял на плечи свою двухметровую модель, перенес в соседний корпус и не без труда повесил акулу на весы мордой к выходу. Оставалось пустить вентилятор, который может создавать бешеную скорость воздушного потока в трубе — до четырехсот пятидесяти метров в секунду. Но Давыдову не нужна такая скорость. Он возьмет среднюю рабочую скорость в тридцать-сорок метров. Это тоже хорошенький ураган! В нескольких местах по бокам акулы Давыдов укрепил маленькие флюгера, чтобы видеть, как направляются воздушные течения.

— Так, все готово! — Давыдов пустил мотор, вентилятор с шумом завертелся. Давыдов не боялся, что его услышат, — корпус имел толстые стены, и снаружи не было слышно ни единого звука. Ему никто не помешает!

Давыдов подошел к входному отверстию трубы и смотрел сбоку на флюгера. Близко было опасно подходить, так как воздушная тяга была очень сильна. Если опустить специальную решетку, то можно подойти вплотную, но тогда не будет так хорошо видно. Понемногу Давыдов подвигался вперед и вбок, вступая все больше в струю воздуха. Так видней! Еще один осторожный шаг... Давыдов переступил на правую ногу, которую ушиб при скачке со стены, и оступился. Но он упал не на землю. Воздух толкнул его тело вперед, и Давыдов упал в гладкое жерло трубы. Занятное приключение! Он приподнялся, чтобы встать, но от этого движения сопротивление увеличилось. Воздух повалил его на гладкую поверхность трубы и протащил метра два. Теперь он находился недалеко от возвышения — в том месте, где труба суживалась.

— Что за черт! — выругался Давыдов. Воздух с ужасным свистом и воем пролетал над его головой и ерошил его густые волосы. Давыдов стоял на четвереньках, уже не решаясь подняться.

— Надо будет осторожно дать задний ход, — говорил он вслух, чтобы подбодрить себя. Он немного волновался, но не видел ничего опасного в этом приключении. Завтра он сам будет смеяться, рассказывая Семенову. Воздушная струя не очень сильна, а он — парень дюжий. Вот сейчас он попробует!.. Давыдов приподнял одну руку и одну ногу. И в то же мгновение его тело скользнуло вперед. Давыдов пригнулся еще ниже. Теперь он почти лежал, и воздух не так сильно нажимал на его тело. Но не может же он лежать так до утра! И Давыдов попытался отползти назад, упираясь одними ладонями. Но ладони скользили по гладкой поверхности. Давыдов плюнул на одну ладонь, и в то же мгновение его тело подвинулось еще на один метр. Теперь он находился на бугре, за которым труба постепенно расширялась. Здесь ветер особенно неистовствовал. Давыдов не мог приподнять головы. Ему казалось, что он попал в ураган. Тело его медленно сползало вниз... И когда оно окончательно переползло через возвышение, Давыдов впервые осознал весь ужас своего положения. Он не может, не в силах вернуться назад!.. Он медленно, но неуклонно подвигается вперед, а там, в конце трубы, сливаясь в блестящий круг, стремительно вращаются огромные лопасти вентилятора...

Когда его голова коснется вентилятора, она будет срезана начисто!..

У Давыдова вдруг стало горько во рту. Дыхание захватило, а ветер, дувший поверх спины, показался ему ледяным. И уже не только ветер, но и ужас поднял волосы на голове Давыдова... Что делать?.. Задом ему не вылезти из трубы. Попробовать повернуться? Но для этого надо будет поставить свое тело на некоторое время поперек трубы. Это намного увеличит сопротивление... Мотор стучит, ветер свищет, вентилятор гудит... или это в ушах гудит?.. Нет, это ветер несется... что за кошмар? Неужели ему придется здесь погибнуть? Проклятая акула!

Нет, нет! Он будет бороться, бороться до последнего мгновения!

Ведь это же нелепость! Погибнуть так глупо... А быть может, все это сон? Кошмар? Быть может, он давным-давно спит на своей кровати и все это видит во сне? Если бы так!

Еще несколько метров вперед...

...Попробую повернуться... Вот так! Эту руку сюда, поворот... О-о-о-о!..

Тело Давыдова сразу уносится ветром на десяток метров... Он вытягивается, опускает голову вниз. Если бы можно, он нырнул бы, чтобы укрыться от этого ровного вихря! Проклятый вихрь! Ему нет никакого дела до того, что он губит человека, быть может, ветер даже радуется. Впрочем, ему все равно. Ему приказано. Он — только раб...

Надо как можно крепче присосаться ладонями к поверхности трубы...

Вот так... может быть, губами?

И Давыдов присасывается ртом. Но и это не помогает. Он чувствует, как ползет под ним пол, — это его тело двигается навстречу гибели... Сначала вентилятор размозжит его голову, как спелый арбуз, потом шею, грудь, и так все тело пройдет через вентилятор, как сквозь мясорубку.

Как это случилось? Как я попал?.. Не все ли равно!

Теперь конец... Половина трубы пройдена. В конце трубы ветер должен быть немного меньше, так как там труба расширяется... А что, если сразу подняться и побежать назад?.. Перехитрить ветер?.. Это было бы безумием. А вдруг? Почему не попробовать этого безумия?

Давыдов приподнимается, но ветер валит его, причем он больно ударяется лицом о трубу, и тело его быстро скользит вперед. Страшный вентилятор приблизился еще на несколько метров. Нечеловеческими усилиями Давыдову удается задержаться.

Он не хочет умирать! Он еще так молод. Он почти совсем не жил. За что такая несправедливость?..

— Помогите! Помо-оги-ите-е-е!.. — кричит Давыдов. Нет, никто не спасет его! Если бы сторож услышал шум мотора, то давно пришел бы посмотреть, почему мотор работает в неурочное время. Стены толсты. Ему ничто не помешает умереть. Как горят ладони! Он натер их до крови. И колени болят. Но что же делать? Это становится невыносимо! Или не бороться больше? Ускорить неизбежный конец? Подняться и бежать не назад, а вперед, навстречу смерти!.. Эти мысли сами приходят в голову, но это чужие мысли.

Давыдов еще крепче «присасывается» к железному полу

трубы. Живой человек борется с бездушными силами. Кто победит? Кто победит?

Две трети трубы пройдены. Остается одна треть. Здесь ветер как будто чуть-чуть тише, но Давыдов не может ни на минуту отпустить ладони. Они единственный его тормоз. Быть может, здесь удастся перевернуться?.. Что, если бы перекувыркнуться? Окажешься лежащим на спине, а потом перевернуться на живот и ползти назад... Страшно!.. Но тогда, может быть, удастся вылезть из трубы?.. Раз, два, три...

Давыдов не сразу понял, что с ним случилось. Он перевернулся несколько раз в воздухе, упал, потом скользнул вперед, инстинктивно уперся ладонями в пол, остановился, открыл глаза и... что это?.. Мерцающий подвижной круг вентилятора находится совсем возле него!.. В одну секунду Давыдова пронесло метров двадцать пять... Смерть заглянула Давыдову в глаза. Он весь похолодел... На теле выступил холодный пот... Ему осталось жить всего несколько минут... Давыдов дышал тяжело и прерывисто, как будто не хватало воздуха, хотя воздуха было более чем достаточно. Он опустил голову и закрыл глаза... Он не хотел смотреть на вентилятор. От мелькания сверкающих лопастей у него кружилась голова. Он боялся, что потеряет сознание. Впрочем, может быть, это и лучше? Умереть не замечая...

Давыдов не знал, сколько прошло времени. Отрывочные мысли носились в его голове. Как странно! Труба. Ветер в трубе. Вентилятор. Мотор. В этом нет ничего страшного. Все это так привычно и обыденно.

Но вот в трубу попадает живой человек, и все изменяется: и труба, и ветер, и вентилятор, и мотор становятся смертельными врагами. Все грозит смертью... Акула — прекрасная идея... Акула провисит всю ночь. Завтра в лабораторию придут люди — первым Семенов, и они найдут акулу, рассекающую ветер своим идеально обтекаемым телом, а за вентилятором — куски костей и мяса... Впрочем, быть может, вентилятор остановится?.. Застрянут кости... Едва ли! Лопасти его крепки... Как-то попали в вентилятор сорвавшиеся части шасси, и их сломало, как соломинки. А все-таки?.. Если повернуться ногами, то, может быть, ноги, кости ног заставят вентилятор остановиться? Лучше остаться без ног, чем без головы.

«Это даже смешно! Как долго я жив».

Давыдов чуть-чуть приоткрывает глаза и немного приподнимает голову. Он все еще лежит у самого вентилятора. Да, здесь воздушное течение слабее. Оно растекается по всей окружности...

Ладони не держат... Кажется, тело опять начинает медленно двигаться. Сантиметр за сантиметром... Вот, вот, вот!..

— А-а-а-а-а!.. — кричит Давыдов и теряет сознание...

Так наступает смерть.

Но не всегда потеря сознания оканчивается смертью. Давыдов открыл глаза и с удивлением смотрел на акулу, висящую над ним.

— Пришел в себя? — спрашивает Семенов. Но откуда он взялся? И почему Давыдов жив? Ведь он попал под вентилятор. Давыдов ясно помнит, как его ударила по голове лопасть вентилятора, а потом наступила тишина — тишина смерти.

— Почему?.. — только мог спросить Давыдов.

— Да, вот именно — почему? — отозвался Семенов. — Выпороть тебя надо!

Давыдов удивился. Он еще лежал в трубе, но ближе к входному отверстию, и тут же стоял Семенов, наклонившись над Давыдовым так спокойно, как будто был у своего станка. И его не сносило ветром — и ветер, и труба, и вентилятор — все было обычное, не страшное, не смертельное. Почему?.. Мотор не работает, ветер не свистит, вентилятор не жужжит. Но это тишина не смерти, а жизни.

— Как ты попал сюда? — спросил Давыдов, приходя в себя.

— Очевидно, так же, как и ты. Ты хотел ночью испытать свою модель тайком от меня, а я хотел свою — тайно от тебя. Я вошел тем же путем, что и ты, услышал шум мотора и догадался, что ты опередил меня. Но я долго не мог найти тебя.

— Я кричал... Быть может, раньше?

— Ну да, и я искал, пока не догадался заглянуть в трубу. Я тотчас остановил мотор... А по голове тебя все-таки маленько задело. Ничего, до свадьбы заживет! Пожалуй, ты теперь возненавидишь свою акулу?

— Напротив, акула... великолепна, а я — тело, очень плохо обтекаемое. Будь у меня тело акулы, я легко выбрался бы из трубы.

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ РАКОМ?

(Биологический рассказ-фантазия)

Если вы думаете, что раком быть легко, то глубоко ошибаетесь. Мне пришлось превратиться в рака не более как на час, и этот час оставил самые тягостные воспоминания. Только, пожалуйста, не спрашивайте, как это могло произойти, иначе поставите меня в очень затруднительное положение.

Я сидел под корнями старой ветлы на чистом донном песке небольшой речонки и поджидал добычу. Я был голоден, ужасно голоден. В это утро я позавтракал только одной улиткой. Голод — пренеприятное чувство. Мимо меня проплыла большая водяная крыса. Лучшего обеда нельзя было себе и представить. Довольно зацепить крысу клешней и держать ее под водой, пока она не подохнет без воздуха, и потом можно есть до отвала. Но я пропустил крысу, потому что был очень слаб. Я не справился бы с ней. И потом, у меня болела голова. Отчаянные головные боли мучили меня невыносимо. У вас бывают мигрени? Вы представляете себе эту ужасную нудную боль? Так вот, именно так болела моя голова, и не только голова: грудь сдавливало так, что я еле дышал, хвост, казалось, попал в тиски, клешни и ноги нестерпимо ныли. Я был самым несчастным существом в мире.

Боль все усиливалась, и скоро у меня даже аппетит пропал. Необычайное беспокойство овладело мною. Я сделался нервным, раздражительным. Очевидно, я заболел какой-то тяжелой болезнью. Я забрался в свою нору, под корни ветлы. Здесь было прохладнее, но боль не утихала. Я слышал, как к берегу реки, звеня колокольчиками, подошли коровы. Они громко мычали и мутили воду ногами. Я ненавижу этих гигантских тварей, которые невыносимо шумят и распугивают насекомых и лягушек. Но на этот раз я ненавидел их так, как никогда. Безумно хотелось тишины. Болели глаза, болели уши, не было кусочка в моем теле, который не болел бы и не ныл.

А тут еще разразилась гроза. Она всегда действует на нервы. Право, я готов был с ума сойти. Я залез в нору еще глубже и неожиданно столкнулся там с довольно большим раком, ко-

торый жил недалеко от меня. Я не стал выгонять его: я был слишком слаб.

С моим соседом тоже творилось что-то неладное. Он ерзал по песку, поворачивался из стороны в сторону, поднимал клешни, тер их одна о другую, постукивал, хлопал по песку, даже становился на голову. Бедняга, наверно, сошел с ума. Наконец он положил левую клешню на песок и, прижав правой, начал ее сильно дергать. И вдруг я увидал, что из левой клешни вылезла, как из перчатки, нежная «телесная» клешня, лишенная панцирной оболочки. Тогда я понял его болезнь, понял и свою. Мы линяли. Вы знаете. Но одно дело знать, а другое — испытать на себе.

Представьте себе, что какой-нибудь сумасшедший средневековый рыцарь заковал в железные латы своего новорожденного младенца, чтобы младенец от рождения имел вид рыцаря. Тело младенца растет, а железные латы остаются все теми же. Как должно страдать это тело!.. Нечто подобное испытывал и я, и больше всего доставалось голове. Когда я был человеком, мне приходилось читать в одном кошмарном рассказе, как некий скульптор, делая форму с головы живого человека, облил эту голову не гипсом, а особым составом, который, высыхая, превращается в вещество крепче гранита. Несчастный задохся в непроницаемой каменной оболочке. Так и я на дне реки был похож на этого несчастного.

Скоро боль сделалась настолько невыносимой, что и я, впав в бешенство, начал проделывать все те безумства, которые проделывал на моих глазах сосед. Я кувыркался, валялся, переворачивался с боку на бок, становился на голову, раскачивался, бился головой о корни и камни, бил клешнями, как будто отчаянно аплодируя, вертелся, егозил. Я спасал свою жизнь. Мое нежное тело было заковано в жесткий панцирь, и он душил меня. Я чувствовал, что если мне не удастся освободиться от этой тюрьмы, то она удушит меня. Я ползал по своей норе, как бы желая уйти от самого себя, силы постепенно оставляли меня. На несколько секунд я погружался в тяжелое забытье, как лихорадящие больные. Потом острая боль во всем теле приводила в себя и опять начиналась «борьба с самим собой». Кто придумал эти ужасные пытки?.. Концы моих ног как будто были зажаты в тиски. И кто-то безумно жестокий медленно, минута за минутой, все крепче сжимал эти тис-

ки... О, если бы раки могли кричать!.. Они кричали бы душераздирающим криком. Но я не мог кричать. Я должен был молча переносить эти страдания...

В те мгновения, когда сама боль словно отдыхала и набиралась сил, я смотрел, что делается с моим соседом. Он уже освободил и вторую клешню. Панцирь на головогруди у него стоял коробом. Я позавидовал ему, но в ту же минуту с ужасом заметил, что в отчаянных усилиях освободиться поскорее рак оторвал одну из своих десяти ног. Положим, у него оставалось еще девять, а оторванная нога должна была отрасти, но все-таки это было страшно, потому что рак без одной ноги уже не может так бороться за свое существование, как совершенно здоровый рак. А ведь у нас были свои враги.

Клешни горели как в огне и болели, а я все колотил их одна о другую, как извозчик, хлопающий на морозе рукавицами, чтобы согреться. Когда же будет этому конец?..

Я упер голову в песок, стал на клешни, поднял хвост вверх и с силой махнул им. В тот же момент я почувствовал, что у меня лопнула кожа, соединяющая панцирь головогруди с хвостом. О, какое блаженство! Под панцирь проникла прохладная вода и освежила намученное, истерзанное тело, правда, на очень небольшом пространстве. Я сделал еще одно усилие — панцирь приподнялся на спине, но зато в самом узком месте головы почувствовалась еще более нестерпимая боль. Я готов был лечь навзничь, чтобы прижать отставший панцирь обратно к спине, но в то же мгновение застыл от новой острой боли. Мои глаза! Они отдирались от тела вместе с отставшим панцирем. Я ничего не видел. Глаза горели, точно их прожгли каленым железом. Назад уже не было выхода, спасение только в том, чтобы окончательно освободиться от панциря.

Наконец мне удалось освободить глаза и сяжки. Еще несколько «нерачьих» (не могу же я сказать «нечеловеческих»!) усилий, и я сбросил панцирь, вытянул ноги из узких оболочек. Свобода! Свобода!..

Несколько мгновений лежал неподвижно. Боли сразу утихли. Я испытывал чувство блаженства, холодная вода непривычно щекотала мое голенькое тело. Я вновь видел. Видел панцирь, лежащий рядом со мной. Как странно было его ви-

деть! Как будто рядом со мной лежал мой труп. Ведь он как две капли воды похож на меня!

Как тихо! Или я оглох? Прислушиваюсь, но ни единого звука не доносится до меня, как будто все звуки умерли... В самом деле, что со мной? Неужели оглох? Новое странное ощущение овладевает мною. Я как будто утратил чувство равновесия. Не могу понять: лежу ли я на боку или на спине. Попробовал перевернуться, прилег на бок, ощутил на нежной кожице прикосновение песка, но чувство равновесия ничем не проявляло себя. Что делать?.. И вот тут-то мне на помощь пришел инстинкт.

Я ничего не знал о том, как устроено ухо рака. Я не знал, что внутри этого уха есть особые волоски, соединенные с нервами, что эти волоски разной толщины — резонируют на звуки разной высоты; не знал я и того, что эти «струны» в ушах рака действуют только в том случае, если волоски натягиваются посторонним предметом — песчинкой, маленьким камешком. Я не знал всего этого, но инстинктивно начал набирать своими нежными клешнями песок и засовывать себе в уши — маленькие дырочки у основания коротких усиков.

Таким образом мне удалось починить свой орган слуха. Как только песчинки были засунуты в уши, я начал слышать. Хотите знать, как я слышал? Ну, конечно, не так хорошо, как слышит человек. Заткните ваши уши пальцами, и вы услышите шум и гул. Поднимайте пальцы вверх и вниз, не вынимая из ушей. Высота гула изменится. Конечно, это не совсем так, как слышит рак, но иначе я не могу объяснить вам этого.

Итак, я начал слышать, а вместе с тем восстановилось и чувство равновесия: когда я находился в вертикальном положении, камешек в ухе висел ровно, если же мое тело наклонялось, камешек нажимал на один из волосков в боковых стенках слухового мешочка, и таким образом я чувствовал крен в ту или иную сторону.

Итак, теперь я вновь видел, слышал и управлял своими движениями. Обоняния я не терял. Но каким беспомощным существом я был в то время! Песок казался мне чрезвычайно жестким, ходить по нему «босиком» было очень больно. Тело было совершенно беззащитно, мучил холод, а мягкими клешнями я не мог поймать хорошую добычу. Да, пожалуй, твердую пищу я и не переварил бы. Ведь я сбросил не только панцирь. Я переменил все сяжки, сдал в архив старые глаза, жабры, зубы, даже пищеварительный канал! Это было похоже на омоложение, но я предпочел бы не омолаживаться до степени новорожденного младенца. Я был беззащитен.

«Вот что ожидает меня!» — с ужасом подумал я, глядя на своего соседа. Увы, ему не повезло. Старый рак — свой же брат! — еще не сбросивший панциря, схватил несчастного моего соседа и раздирал клешнями его нежное тело. А тот ничего не мог поделать. Он не мог даже убежать...

Теперь все: и водяные крысы, и рыбы, и лягушки, и даже сами раки — могут безнаказанно полакомиться мною...

Что делать? Куда бежать?.. С новым чувством я посмотрел на свой покинутый панцирь. Он так хорошо защищал меня!..

Я уполз в нору, как можно дальше, забился под корчагу в такое место, где меня никто не мог видеть, и сидел, питаясь очень скудно, сидел в ожидании того времени, когда на моем теле появится новый панцирь...

Если ко всему этому прибавить, что рак в первый год от рождения линяет по шесть-восемь раз, во второй год — шесть раз и только с шестого года начинает линять по одному разу в год, то есть только по одному разу в год испытывает все эти муки, о которых я дал вам лишь слабое представление, то скажите сами, легко ли быть раком?

ОТВОРОТНОЕ СРЕДСТВО

— Что ты сегодня такая задумчивая, Катюша?

— Так...

— Это ж не ответ!

Помолчали.

Катя Опочкина и Алеша Кучин — вузовцы, товарищи, друзья неразлучные. Оба молодые, румяные, голубоглазые, — как брат с сестрой. Только у Катюши глаза посиней.

В воздухе пахнет молодыми клейкими листочками тополя. Весна!

Катя опускает голову, внимательно смотрит на тротуар и говорит как бы невзначай:

— Мама меня хочет выдать замуж...

— Что?.. вы?.. за?... — Алеша останавливается как вкопанный. От удивления у него даже рот раскрылся. Несколько мгновений он стоит в окаменении, потом нагоняет Катюшу, которая прошла вперед, и разражается целым водопадом негодующего красноречия. Он говорит о предрассудках, о насилиях над личностью старого, отжившего мира, о новом быте, о правах женщины, о ее раскрепощении, об обязанностях комсомолки... И, странное дело, эти слова, которые Катюша слышала так много раз на собраниях, лекциях, дискуссиях, теперь ей кажутся какими-то новыми, волнующими, живыми... Она с удовольствием слушает Алешу, изредка поглядывая на него.

— И неужели же ты, — заканчивает патетически Алеша, — подчинишься этому насилию?

Лицо Катюши еще грустное, а губы уже улыбаются.

— Нет, Алеша, я не подчинюсь. Но придется выдержать большую борьбу, быть может, поссориться с матерью, это так неприятно. Мне тяжело огорчать ее. Она ошибается, но ведь она это делает из любви ко мне...

— Эгоизм это, а не любовь! — говорит Алеша, несколько успокоившись. — А кто он, нареченный, которого прочат тебе в мужья?

— Николай Семенович Глухарев.

— Мясник? Частник? — опять кричит Алеша с возмущением. Но в этом возмущении уже как будто меньше личной заинтересованности: ведь Катюша не выйдет замуж за мясника. — Я не ожидал этого от Марьи Григорьевны. Толстомордый дядя, не меньше сорока лет!.. И чем же он привлек так твою мамашу?

— Она очень беспокоится за мое будущее. Она говорит, что молодые люди теперь все испорченные, легкомысленные. Сегодня женится, завтра бросит, и буду я несчастная. «А за Николаем Семеновичем ты будешь как за каменной стеной. Такой не изменит, не бросит. И домик есть, торговлишка есть. Голодать не будешь... Дай мне умереть спокойно», — говорит мама.

— Мещанское болото... буржуазное окружение... — бурчал Алеша.

— Я не выйду замуж за Глухарева, но мне и маму огорчать не хочется. Я не знаю, что мне делать... Если бы можно было так, чтобы это дело с Глухаревым само как-нибудь расстроилось...

— Убить этого гада — вот и расстроится! Но только это не годится. Лучше вот что. Бросай ты свою мамашу и переезжай ко мне. Поплачет твоя Марья Григорьевна и помирится.

Катюша отрицательно покачала головой.

— Это убьет ее. Лучше бы как-нибудь иначе.

— Но как же иначе? Застращать, что ли, Глухарева? Тоже не годится. Да он, может быть, и не из трусливого десятка. Черт, вот теорема! Но ведь пойми же ты, что другого выхода нет: или ты должна выйти замуж за этого мясника, или же выйти из родительского повиновения, хотя бы это и расстроило твою уважаемую мамашу.

— Лучше бы как-нибудь иначе! — упрямо твердила Катюша.

Они шли молча до самого Каменного моста, каждый погруженный в свои думы. И вдруг среди моста Алеша схватил Катю за руку и крикнул:

— Стоп! Придумал! — Они пошли замедленным шагом. — Собственно говоря, — продолжал Алеша, — я еще ничего не придумал, но я вспомнил о человеке, который может придумать, что нам, то есть тебе, делать, чтобы и замуж не выходить за мясника, и мамашу не рассердить. Иван Иваныч! Иван Иваныч Отрогов! Помнишь? Знаешь? У меня встречала! Последнего курса. Медик. Рефлексолог. Пойдем к нему и потребуем, чтобы он приложил свою науку к практике жизни. Для построения нового быта, так сказать. Он придумает! Он — голова. Я думаю, он сейчас будет дома. Он недалеко, в Лефортове живет. Идем, что ли?

— Мама к обеду ждет...

— Скажи, что общее собрание было... У меня трамвайные билеты есть. Айда?

В Лефортове еще больше пахло весной. Этот запах вливал энергию в Алешу.

— Тащись, что ли?! Устала? — поощрял он свою спутницу. — Вот и пришли!

Алеша остановился как вкопанный.

Иван Иванович Строгов, лохматый молодой человек с небольшой, недавно отпущенной бородкой, встретил их у примуса, который никак не хотел разгораться.

— Здравствуйте, садитесь!

— Мы к тебе по делу, Иван Иваныч, — сказал Кучин, не садясь. — Видишь ли, какая теорема. — И он рассказал о том затруднительном положении, в котором находится Катя. — Тут, понимаешь, твоя голова нужна, плюс электрификация, — наука то есть, понимаешь? — закончил Леша.

Примус разгорелся. Иван Иваныч сел на табуретку лицом к гостям и, не глядя на них, начал пощипывать свою бородку — он никак не мог привыкнуть к ней. Алеша и Катя сидели молча, как на приеме у доктора, который окончил осмотр и сейчас должен назначить лекарство. Молчание длилось довольно долго. Отрогов думал, изредка улыбаясь какой-то своей мысли. Улыбка эта все шире раздвигала его губы, и наконец он засмеялся вслух.

— Так, говоришь, наука должна служить практическим интересам трудящихся? — спросил он Алешу.

— Это ты всегда говорил, а вот теперь я пришел, чтобы ты слова применил на практике.

— Ну да, ну да, вот именно! Это я и хочу сделать. — Он подошел к шкафику у стены и вынул оттуда небольшую банку. Затем, обернувшись, он посмотрел на Катюшу и сказал: — Я дам вам, товарищ Катя, отворотного порошку!

— Как?.. — спросила Катюша, широко открывая глаза.

— Не понимаете? Разве от своей мамаши не слыхали о таких порошках? Есть приворотные средства, — если человек не любит, а вы хотите, чтобы он полюбил вас. А есть средства отворотные, чтобы, так сказать, от ворот поворот сделать. Вместо симпатии ненависть к человеку возбудить. Всякая уважающая себя знахарка и колдунья имеет в своей лаборатории те же средства. Ведь вам надо, чтобы гражданин Глухарев не показывался больше в вашем доме, не так ли? Вот я и даю вам отворотное средство.

Катюша в недоумении посмотрела на Алешу, но у того глаза были еще круглее и больше от удивления. Зато глаза Строгова искрились от подавляемого смеха. Алеша обиделся.

— Товарищ Отрогов, — сказал он. — Мы пришли к тебе по-товарищески за помощью и советом, а ты что? Насмешки

делаешь? Как тебя понять? Что мы не по адресу обратились? Что нам надо было к ворожее идти, на бобах гадать, а не беспокоить ученых людей? Мог бы это просто сказать, без порошков!

— Да нет же, я совершенно серьезно говорю, — настаивал Отрогов.

— Что серьезно? Где серьезно? Колдовство серьезно? Довольно глупо для научного работника! Отворотные порошки — не наука, а предрассудок и жульничество!

— Не кипятись и выслушай меня. Мой отворотный порошок — самая настоящая наука. Вы сначала попробуйте, а потом говорите. — Отрогов открыл баночку, посмотрел и с огорчением покачал головой. — К сожалению, у меня осталось очень мало. На донышке. Но, может быть, хватит. А если не хватит, скажите мне, я достану еще. Я сейчас высыплю вам в бумажечку, товарищ Катя!

Катюша побледнела.

— Может быть, это... отрава? — спросила она дрогнувшим голосом.

Иван Иваныч посмотрел на нее строго и укоризненно.

— За кого вы меня принимаете? Хотите — я возьму сейчас отсюда порошку и приму на ваших глазах...

— Не надо, я верю вам! — остановила его рукой Катя. Ей уже стало жалко тратить порошок. — И что же я должна делать с ним? Подсыпать в стакан Глухареву?

Отрогов подумал и потом спросил:

— А с кем он больше бывает: с вами или с вашей матушкой?

— Конечно, с мамой, — ответила Катюша. — Я всегда стараюсь уйти, когда он приходит. А мама с ним почти каждый вечер чай пьет и беседует.

— Так. Чай вы разливаете, когда все вместе бываете? Отлично! Так вот что вам надо делать. Перед тем как разливать чай, возьмите маленькую щепотку этого порошка в левую руку. Это вы можете сделать в своей комнате. И держите незаметно, вот так. А когда будете наливать чай матушке, бросьте в ее чашку щепотку. — Катя опять побледнела. — Уверяю вас, что ничего вредного в этом порошке нет. Не стану же я делать преступление, да еще при свидетелях. Ведь Алеша меня со свету сживет, если я вашей мамаше хоть малейший вред при-

чиню, ведь так? — Алеша покраснел и что-то пробормотал. — Ну, вот. Слушайте дальше. Так вы, Катя, поступайте каждый раз, когда будет приходить Глухарев. Хорошо, если вы не будете пропускать вечерних чаепитий несколько дней подряд. Уж вы потерпите! Зато потом сразу от тяжести освободитесь. Должен вас предупредить, что, после того как ваша мать попьет чая с этим порошком, она, наверно, будет жаловаться на легкую тошноту. Но так надо. Ничего опасного в этой тошноте нет. А порошок чудодейственный. Не одним же колдунам чудеса делать! Наука тоже умеет это. Приходите через неделю и скажите, как идут дела.

— Но как же все-таки отворотит Глухарева этот порошок? — спросил заинтересовавшийся Алеша.

— А вот узнаете как! — ответил загадочно Отрогов. — А когда с Глухаревым будет покончено, тогда меня приглашайте свидетелем в ЗАГС.

Такая догадливость, пожалуй, была и излишня. На этот раз покраснели оба: Катя и Алеша. Катя зажала в руке отворотный порошок, поблагодарила Строгова и выбежала на улицу. Следом за ней вышел и Кучин.

— Ну, что? Я говорил! А? Вот голова-то! Дюжине знахарок нос утрет, если только этот отворотный порошок поможет.

— Я тоже думаю об этом. Если поможет. И если... не наделает какого вреда...

Мать поворчала за то, что Катюша опоздала к обеду, выбранила заседания «и всякие там клубы», но, в общем, все обошлось благополучно. А когда Катюша сказала, что сегодня вечером она никуда не пойдет, то Марья Григорьевна совсем повеселела.

— И лучше! Посидим, чайку попьем. Николай Семенович обещал прийти на часок... Вот человек! Не то что нынешние! — Марья Григорьевна не упускала случая похвалить Глухарева.

Скоро пришел и он. У Катюши сердце упало, когда Марья Григорьевна сказала свою обычную фразу:

— Чайку, что ли, попить!

Чайник давно уже кипел на кухне. Катя быстро накрыла на стол новую скатерть и поставила чашки. Николаю Семеновичу всегда ставилась огромная чашка покойного Опочкина, с надписью: «Пей другую». Эта надпись неизменно служила поводом для острот Глухарева и завязывала несложную нить разговора.

Перед тем как разлить чай по чашкам, Катюша вышла в маленькую каморку, где она спала и занималась, и, быстро развернув порошок, взяла щепотку.

Как она волновалась, всыпая порошок в чашку своей матери! Ее руки дрожали так, что это заметил Глухарев. Но он понял ее волнение в самом благоприятном для себя смысле и потому стал еще разговорчивее. Он, как граммофон с единственной пластинкой, повторялся изо дня в день. Говорил о том, что дом у него — полная чаша, «конечно, по теперешнему масштабу, советская, так сказать». При этом он и мать Катюши неизменно смеялись. Что не хватает ему только хозяюшки, и он многозначительно поглядывал в сторону Катюши.

В этот вечер было как всегда. Только когда разговор коснулся «советской чаши», Глухарев рассмеялся громче обыкновенного, а у Марьи Григорьевны смех вышел какой-то кислый. Катюша внимательно наблюдала за ее лицом. У Марьи Григорьевны расширялись ноздри, она шлепала дряблыми губами и от времени до времени как-то вытягивалась.

После упоминания Глухарева о том, что ему нужна хозяюшка, установленный обычай требовал, чтобы Марья Григорьевна начала говорить о современной молодежи, о том, что девушки теперь бегут от хозяйства, а молодые люди все как саврасы без узды. Этот монолог у нее выходил всегда очень гладко, вызывая сочувственные покачивания головы гостя. Но сегодня у Марьи Григорьевны не ладилось. Она все шевелила губами, лицо ее имело такое выражение, как будто вместо вина она хлебнула уксуса. Но Глухарев не замечал этого. Он был заинтересован все увеличивающейся нервностью и волнением Катюши.

«Пронял-таки ее сердечко! — думал он. — Весна-то что значит».

Он засиделся несколько позже обычного. А когда ушел, Марья Григорьевна вздохнула с облегчением и сказала:

— Наконец-то! Меня что-то тошнит, я уж не могла дождаться, когда он уйдет...

На другой день повторилась та же история. А на четвертый день во время обеда Марья Григорьевна говорила своей дочери:

— И что это такое значит? Как Николай Семенович приходит, так меня тошнит! Тошнит и тошнит. Я уже думала, не от чая ли? — Катюша едва заметно вздрогнула. Ложка стукнула о ее зубы. — Так нет! Утром пью чай одна, и ничего. А как вечером с Николаем Семеновичем — тошнит. Тебя от чая не тошнит?

— Нет, — ответила Катя сдавленным голосом.

— И Глухарева, видно, не тошнит. Если бы тошнило, не пил бы вторую «Пей другую». Нет, это не от чая. Прямо как от Николая Семеновича! Посмотрю на него, и тошнит... И отчего бы, понять не могу? Такой приятный человек, а тошнит!..

Прошло еще два дня. Катюша перед разливкой чая вынула в своей комнаты бумажку с порошком, но порошка осталось так мало, что она не могла набрать даже одной маленькой щепотки...

В этот вечер Марья Григорьевна пила чай без порошка. И Катя с тревогой смотрела на ее лицо. Неужели ее мать не будет теперь тошнить от вида Николая Семеновича? Порошки действовали хорошо, — Марья Григорьевна все чаще жаловалась дочери, что от Николая Семеновича ее тошнит. И вот теперь отворотные порошки кончились и, быть может, Глухарев опять сделается самым приятным человеком для матери...

— Да-с, — говорил Глухарев, отхлебывая из большой чашки, — дом мой тоже вот как эта чаша. Полная чаша, только, конечно, в современном масштабе. Теперь таких чашек не делают. Чая не хватит. Советская чаша! Ха-ха!

Но Марья Григорьевна, хотя она пила чай без отворотного порошка, вдруг скривила лицо и зашлепала губами, точно на них остался вкус касторки. И речь ее о современной молодежи была совсем смята. Катюша не верила своим глазам. Это было похоже на волшебство. «Наука также умеет делать чудеса», — вспомнились ей слова Строгова. Неужели произошло это чудо науки? Порошка уже нет, а отворотное настроение у матери осталось. Конечно, у матери тошнота! Вот как искажается ее лицо. И она почти с ненавистью смотрит на Глухарева.

Она откидывается на спинку и стонет. Глухарев сочувственно спрашивает, что с ней.

— Что-то болит... тошнит меня!.. Простите... — И она, поднявшись, быстро уходит из комнаты. Глухарев смущен, как актер, неожиданно покинутый среди акта заболевшей партнершей. Надо говорить какие-то новые слова, какую-то «отсебятину», — как говорят на сцене, но слова не идут на ум. И, не допив чашки, он поднимается.

— Вашей матушке надо отдохнуть, — не буду ее беспокоить, — говорит он и, наскоро попрощавшись, уходит.

Когда дверь закрылась за ним, в комнату вошла Марья Григорьевна.

— Ушел-таки? — спросила она, и на ее морщинистом лице грозно сдвинулись брови. — Уморил! Прямо уморил, и что за тошнотворный человек — так с души и воротит. Тошно! Смертушка! Не человек, а касторка. Даже на губах от него вкус касторки чувствую.

На другой день, в девять часов вечера, когда послышался звонок, Марья Григорьевна вдруг вскрикнула:

— Это он! Он всегда в это время приходит. Ой, тошнит! Уже тошнит! Не открывай ему, Катюша! Пусть звонит. Тошни-ит, смертушка! Нет, открой и скажи — что больная, принять, мол, не могу. И вообще принимать его не надо. А то уморит, непременно уморит!..

Катюша торжествовала. Глаза ее светились скрытым смехом, когда она, приоткрыв дверь на цепочке, сказала Глухареву:

— Мамаша больна и видеть вас не могут... потому что от вас тошнит ее! — и захлопнула дверь.

— Катюша, Катюш! Ты так и сказала, что от него тошнит меня? Ах ты... ну, да ладно. Так оно, пожалуй, и лучше! Как будто отходит тошнота... — Марья Григорьевна вздохнула. — Вот только придется другого мясника подыскать. Не могу ходить больше в мясную Николая Семеновича — тошнить будет меня. Да и спрашивать начнет... Фух! Совсем не тошнит!

Катюша на следующий день после лекции сделала подробный доклад Алеше: отворотный порошок помог. Мама в полном здоровье, а Глухарева больше не пускает на порог.

— Ну-у! — удивился и обрадовался Алеша. — Ай да Ван Ваныч! Он просил нас зайти к нему через неделю. Идем?

Кстати, надо узнать, что это за чертовщина такая — отворотный порошок, в самом деле!

Строгов выслушал Катю с видимым удовольствием.

— Ну, вот, — сказал он, обращаясь к Алеше, — наука и пришла на помощь практическим интересам?

— Но в чем дело? — спросил Алеша.

— Дело очень простое. Ты знаешь, что я изучаю рефлексологию, — слыхал, что это за зверь? — Алеша утвердительно кивнул головой. — Об условных рефлексах тоже слыхал? Если вы, Катя, не слыхали, я вам объясню примером.

Я показываю собаке кусок мяса. Собака голодна. При виде мяса у нее начинает выделяться слюна. Так. В этот же самый момент я свищу в свисток. Вид мяса и ощущение свиста связываются у собаки как бы в один узел. И чем чаще проделывать такую вещь — показывать собаке мясо и в то же время свистать, тем крепче будет этот узел. Через несколько дней я уже не показываю собаке мяса, а только свищу. Но так как свист сопровождал много раз зрительное представление мяса, то один этот свист уже вызывает у собаки слюнотечение. Вот это и есть то, что называют условным рефлексом, то есть искусственно привитым рефлексом. Мяса уже нет, а у собаки слюнки текут от свиста. Если бы собаку каждый раз били, когда свистели, то свист вызывал бы у собаки страх, и она убегала бы от свиста. Таким образом можно привить те или иные рефлексы не только животному, но и человеку.

Вы уж простите, Катюша, но я решил проделать опыт над вашей матушкой. Для меня это был только научный опыт. Я решил так: если подсыпать ей в чай тошнотворного порошку в то время, когда она будет встречаться с Глухаревым, то через несколько дней у нее должен появиться стойкий условный рефлекс: тошнота, чувство тошноты у нее тесно свяжется с видом Глухарева. Сначала эта тошнота вызывалась искусственно. Но когда условный рефлекс закрепился, у Марьи Григорьевны начала появляться тошнота при одном виде Глухарева уже без тошнотворного порошка.

— Так же, как слюна у собак... при свисте, но без куска мяса? — спросил Алеша.

— Совершенно так же, не нужно пичкать вашу матушку тошнотворными порошками. Один вид Глухарева вполне заменяет их!

СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ

1. ПОД СТАРОЙ ЛИПОЙ

— Нет, трудно в наше время быть «собственным корреспондентом». Я, как говорится, выбит из седла и не знаю, о чем теперь писать. Вы помните мой рождественский фельетон? Я сделал любопытный подсчет, сколько десятков миллионов бутылок вина и шампанского выпили берлинцы за праздники и сколько сотен миллионов килограммов съели свинины и гусей. Немцам это показалось обидно. «А, он хочет доказать, что нам совсем не плохо живется и что, следовательно, мы можем гораздо аккуратнее платить поенные долги?» Дело дошло до дипломатических осложнений. Мне пришлось объясняться и извиняться.

— На таких фельетонах журналисты делают имя, — сказал Лайль, отпивая кофе.

— Разные бывают имена, — ответил Марамбалль. — Меня едва не отозвала редакция обратно в Париж. И я теперь решительно в затруднении. Нельзя же все время писать о новых постановках и выставках картин!

Приятели замолчали, занявшись завтраком. Каждое утро они встречались здесь, в Тиргартене, занимали столик под старой тенистой липой, пили кофе и делились новостями. Марамбалль — собственный корреспондент газеты «Тан» — двадцатипятилетний молодой человек с черными усами и живыми, веселыми глазами, очень подвижный, беспечный и жизнерадостный, и Лайль — корреспондент лондонской газеты «Дейли Телеграф», замкнутый, сухой, бритый, с неразлучной трубкой в зубах. Несмотря на разность в характерах, они были большими друзьями. Даже профессиональное соперничество не портило этой дружбы. Лайль допил кофе, выпустил клуб дыма и сказал:

— Ну что же, облюбуйте какой-нибудь берлинский Чарнинг-Кросси напишите теперь о бедноте.

— Благодарю вас. Меня, чего доброго, заподозрят в большевизме, и редакция уж наверное отзовет меня после такого фельетона.

— Все зависит от того, как вы построите фельетон.

— Ах, надоело мне это!.. Вы слыхали новую негритянскую певицу мисс Глоу? Она выступает в цирке Буша. Уж действительно Глоу. От ее пения несет зноем африканской пустыни. Тралялялля! Изумительно! Непременно пойдите. И зачем только столь очаровательный голос она держит в черном теле! Эй, эфемерида, пожалуйте сюда!

Молодой грек, в белом костюме и соломенной шляпе, с черными, грустными, маслянистыми, большими глазами и орлиным носом, подошел к столику, раскланялся, церемонно подняв шляпу, и присел на край стула.

— Жарко, — сказал Метакса — так звали грека, — обтирая влажный лоб шелковым платком.

— Как называется газета, в которой вы работаете? — спросил Марамбалль, подмигивая Лайлю.

— «Имера».

— Химера?

— «Имера», что значит «день». Хорошая газета, афинская, шестьдесят тысяч тираж.

— Ого! И вы посылаете туда эфемериды? Вот мы тут спорили с Лайлем, — и Марамбалль опять подмигнул Лайлю, — каково первоначальное значение слова «комедия»?

— «Космос» значит «разгул», — серьезно отвечал Метакса, — «оди» — «песнь». «Комодоя» — веселое пение в честь Вакха-Дионисия. Так произошло слово «комедия». — И, окинув журналистов ласковым взглядом, Метакса спросил: — Вы не знаете последней новости? Говорят, вчера подписано тайное соглашение между Германией и Советской Россией. О! Делиани! — Наскоро простившись, Метакса нагнал своего соотечественника, шедшего по дорожке с большой корзиной, наполненной шелковыми тканями.

— Из него никогда не выйдет хорошего журналиста, — сказал Марамбалль, глядя вслед удалявшемуся греку.

— Почему вы так думаете? — процедил сквозь зубы, не выпуская трубки, Лайль.

— Разве настоящий журналист станет говорить о такой крупной новости, как подписание тайного соглашения между державами, если уж ему удалось кое-что пронюхать первым? Да и журналист ли он?

— Метакса приехал в Берлин учиться, а для того, чтобы

иметь материальные средства, он корреспондирует какую-то греческую газету. — И, посопев угасавшей трубкой, Лайль продолжал: — Но вы ошибаетесь, считая его глупым. Он умнее, чем кажется, и хитрее нас двоих, вместе взятых. Если он разбалтывает, как вы полагаете, о дипломатической тайне, то у него, очевидно, своя цель.

Марамбалль задумался. Если бы ему первому удалось добыть сведения о тайном соглашении! Это сразу выдвинуло бы Марамбалля. До сих пор ему приходилось играть вторые роли: «аккредитованным» представителем и корреспондентом газеты «Тан» был некто Эрмет, старый журналист и политический деятель. Он писал корреспонденции по наиболее важным политическим вопросам; на долю же Марамбалля оставались мелочи: театр, искусство, спорт, судебные процессы. Но Марамбалль был честолюбив; притом он любил широко пожить. Не мудрено, что он спал и видел во сне сенсации первостепенной важности, которые он, Марамбалль, сообщает изумленному миру. Фраза, мельком брошенная Метаксой о тайном соглашении, взволновала его. Это было в его духе. Если бы удалось вырвать эту тайну из недр министерства! Впервые за все время его дружбы с Лайлем Марамбалль посмотрел на своего товарища с опасением и тревогой.

«Только бы ему не пришла в голову мысль добывать эту чертову грамоту!»

Лайль поймал взгляд Марамбалля и, улыбаясь углами глаз, спросил:

— Что, задел вас Метакса за живое?

— Глупости, — равнодушно ответил Марамбалль. Он был смущен и зол на Лайля за то, что тот отгадал его мысль. Марамбалль повернулся на стуле, рассеянно посмотрел вдоль аллеи и вдруг весь встрепенулся. Широкая улыбка открыла его прекрасные белые зубы.

Мимо их столика шла девушка в легком сером костюме, с открытой головой, остриженной «мальчиком».

— Здравствуйте, господин Марамбалль, — приветливо ответила она на поклон. — Отец сегодня уезжает на заседание к министру. — И, весело улыбнувшись, она удалилась, помахивая стеком.

Лайль, едва заметно улыбаясь, наблюдал за взглядом Марамбалля, следившим за удалявшейся девушкой. И Марамбалль был вознагражден: она еще раз обернулась и кивнула ему головой.

— Какая вольность для немки, не правда ли? — сказал сияющий Марамбалль, поворачивая лицо к Лайлю. — Дочь первого секретаря министра иностранных дел Рупрехта Леера.

— Ого!

— Тип новой немецкой женщины послевоенной формации. Костюм, прическа, манеры, вы видели? Чемпион плавания, лаун-тенниса, поло. Тело Валькирии и голос Лорелеи! Прекрасно поет. Имеет один только физический недостаток: тяжелую поступь. Вы заметили? Берлинка, ничего не поделаешь! Если бы сто первых красавиц Берлина прошли по этой дорожке церемониальным маршем, их ноги подняли бы не меньше шума, чем рота солдат.

— С этим недостатком можно помириться, если через сердце фрейлейн Леер лежит путь к тайнам кабинета ее отца, — глубокомысленно сказал Лайль.

«И зачем только такие догадливые люди бывают на свете!» — с досадой подумал Марамбалль.

— Для француза женщина всегда самоцель, — напыщенно ответил он. — Нас сблизила общая любовь...

Лайль выпустил густой клуб из заново набитой трубки.

— Любовь к спорту и пению. Представьте, она обожает Равеля, Метнера, Стравинского и... французские шансонетки. И я обильно снабжаю ее этим легкомысленным жанром. — Посмотрев на часы, Марамбалль сказал: — Однако мне пора. Музы призывают меня. Иду писать очередной фельетон.

— Так не забудьте же посетить цирк Буша! Глоу! Огонь, жар, пламя, зной и кожа, блестящая, как ботинки, только что вычищенные компатриотом Метаксы.

2. ДВОЙНИК МАРАМБАЛЛЯ

Марамбалль писал так же легко и непринужденно, как и жил: не углубляясь и не задумываясь о том, что выйдет. Иногда он удивлял редактора и самого себя блестящим фельето-

ном, иногда попадал впросак, как это было с его злополучным фельетоном о выпитых морях вина и горах съеденной берлинцами свинины. В работе для него было трудным только одно: сесть за стол. Вся его слишком живая, экспансивная натура протестовала, и ему было так же трудно засадить себя за стол, как ввести в оглобли необъезженную лошадь.

В этот день с ним было как всегда. Усилием воли он заставлял себя подойти к столу, но тотчас увертывался, проходил мимо, подходил к окну и, напевая веселую шансонетку, барабанил пальцами по стеклу. Потом он открывал окно: душно. Потом закрывал его: мешает уличный шум. И при этом курил одну папиросу за другой.

Измерив комнату бесчисленное количество раз вдоль и поперек, он, наконец, перехитрил свою норовистую натуру: сделал посреди комнаты резкий поворот, подбежал к столу с видом человека, бросающегося в омут, и уселся в кресло, преисполненный решимостью.

Марамбалль взял в рот новую папироску и зажег спичку. Но тут случилось нечто, заставившее его забыть о фельетоне и повергшее его сначала в недоумение, а потом и в ужас.

Спичка зажглась с треском, как ей полагается, но Марамбалль не увидел огня, хотя слух не мог обмануть его, что спичка зажглась. Раздумывая над этим непонятным явлением, он продолжал держать спичку меж пальцев и вдруг вскрикнул от ожога. Марамбалль бросил спичку, отдернув руку. Теперь он тер рукой обожженный палец и в то же время продолжал видеть свою протянутую над столом руку со спичкой. Марамбалль в ужасе откинулся на спинку кресла и наблюдал эту «третью руку», в то время как его дрожащие руки покоились уже на коленях. Он сидел так неподвижно минут пять, пока новое явление не поразило его: он увидел, как вспыхнула, наконец, спичка в призрачной руке, как догорела и как отдернулась рука после ожога пальцев. Словом, он увидел то, что должен был видеть, когда зажег спичку, но видел это с опозданием в пять минут. Марамбалль протянул руку и зажег лампу на письменном столе. Выключатель щелкнул, но огня не было, не видел Марамбалль и своей протянутой к лампе руки. Он почувствовал, как зашевелились волосы на его голове.

«Неужели я сошел с ума и так неожиданно?» — холодея подумал он. Быстро поднявшись с кресла, Марамбалль заша-

гал по комнате. Только теперь он обратил внимание на то, что из окна падал странный оранжевый свет. Марамбалль подошел к окну и взглянул на небо. Всего несколько минут тому назад он видел это летнее, голубое, безоблачное небо. Теперь от ласкающей глаза голубизны не осталось следа. Небо было страшного, оранжевого цвета. Улица погрузилась в сероватый полумрак, как это бывает во время неполного солнечного затмения. Листва деревьев почернела, а белизна домов покрылась густым синеватым оттенком, и дома показались Марамбаллю страшными, как лицо трупа. Марамбалль вернулся от окна и остолбенел от удивления, смешанного с ужасом.

Он увидел себя сидящим за столом. Двойник протянул руку к лампе и зажег ее. Вспыхнул синеватый свет под черным абажуром — хотя абажур был из зеленого стекла. Потом призрак Марамбалля поднялся из-за стола и бесшумно зашагал по комнате, повторяя все движения Марамбалля номер первый, произведенные им за несколько минут до этого. Марамбалль-первый в ужасе всматривался в зеленоватое, растерянное лицо Марамбалля-второго и инстинктивно прыгнул в сторону, когда Марамбалль-второй, шагая по комнате, направился прямо на него.

«Галлюцинация!.. Увы, я сошел с ума. Но неужели сумасшедшие сознают свое безумие и мыслят так ясно, как я?» — думал Марамбалль, следя за своим двойником, который в это время остановился в задумчивости посреди комнаты. Поразительно! Этот призрак выглядит так реально. И если бы не зеленовато-синеватый оттенок его лица, призрак ничем не отличался бы от живого человека.

«Не заговорить ли мне с ним?» — подумал Марамбалль. Но это было бы уже полным безумием. Марамбалль решился на иное. Он стремительно двинулся вперед, на своего двойника, и... прошел его насквозь. Теперь уже сомнения не было: Марамбалль галлюцинирует. Молодой человек постарался овладеть собой. Острота ужаса прошла, на смену явилось любопытство. Марамбалль обошел вокруг своего двойника и вдруг всунул свою голову внутрь оболочки призрака. Там было совершенно темно.

«Если бы я не сошел уже с ума, от всего этого можно еще раз помешаться», — подумал Марамбалль, вынырнув из тьмы призрака в багровый полумрак комнаты.

Из коридора раздался отчаянный крик хозяйки гостиницы, фрау Нейкирх, сорокалетней вдовы. Она кричала так, будто ее резали. Марамбалль, забыв о своей горестной судьбе, выбежал в коридор, сделал несколько шагов и ударился в невидимую мягкую преграду. Он протянул руки. Кто-то невидимый схватил его за плечи, и голос фрау Нейкирх простонал у самого его уха:

— О-оо! — В то же время он почувствовал, как грузное тело фрау Нейкирх упало на него. Марамбалль ощупью подхватил невидимую, но весьма ощутительную вдову за талию и, задыхаясь под непомерной тяжестью, потащил потерявшую сознание Нейкирх в свой номер. Он усадил ее на стул, но стула не оказалось там, где он его видел, и тело Нейкирх мягко шлепнулось на пол. Несчастная вдова, по-видимому, даже не заметила этого и не издала ни звука. Марамбалль ощупью нашел кресло, разыскал на полу тело Нейкирх и, наконец, усадил невидимую гостью в невидимое кресло. Потом он подбежал к столу и налил в стакан воды из графина. Несмотря на всю необычность положения, Марамбалль отметил, что вещи, которые не были сдвинуты с места, были хорошо видны и оказывались непризрачными. Но довольно было стакан поставить на новое место, как он исчезал из поля зрения, глаз же продолжал видеть его там, где он стоял несколько минут тому назад.

«Во всяком случае, в моем безумии, как у Гамлета, есть какая-то система», — подумал Марамбалль уже не без юмора, стараясь найти стаканом рот бесчувственной вдовы. К Марамбаллю уже возвращалась его обычная жизнерадостность.

Пролив полстакана воды на невидимые рыжие завитушки волос и на широкую грудь Нейкирх, Марамбалль наконец бесцеремонно провел по лицу хозяйки ладонью, нащупал ее рот и влил ей воду. Столь энергичное наружное и внутреннее лечение оказало свое действие. Нейкирх икнула — это было первым проявлением жизни, и, продолжая икать, видимо, приходила в себя. И вдруг она опять истерически закричала:

— А-а-а! Вот, вот!.. Меня несут! меня несут!.. О-о-о!..

Марамбалль оглянулся и увидал, что из двери Марамбалль-второй тащит в номер Нейкирх-вторую. Ее посиневшее лицо было откинуто назад, рыжие волосы, завитые у висков,

растрепались и были уже не рыжими, а синими, толстые ноги беспомощно волоклись по ковру, а Марамбалль-второй тянул ее грузное тело, как муравей, взваливший на себя непосильную ношу.

«Как ему, должно быть, тяжело, бедняге!» — посочувствовал Марамбалль-первый Марамбаллю-второму.

Но Марамбалль уже не удивлялся. Он умел делать выводы и применяться к обстоятельствам. Главное же — он убедился, что не с ним одним приключилось такое несчастье: фрау Нейкирх проявляла то же безумие, что и он, но еще в более резкой форме. Судя же по необычайному шуму, который доносился из коридора и с улицы, помешательство должно быть всеобщим. Как будто весь мир сразу превратился в сумасшедший дом. Отовсюду слышались крики, стоны и даже смех, не оставлявший никакого сомнения в том, что он исходил от безумного. От времени до времени с улицы, через открытое окно, слышался какой-то треск и новые взрывы криков и стонов. Марамбалль мельком заглянул в окно и увидел страшные картины: лежавшие на боку трамваи, обломки перевернутых автомобилей, темную кровь, разлитую по асфальту, и груды тел — мертвых и изувеченных; причем Марамбалль отметил, что крики слышатся не только в местах этих катастроф, но и там, где глаз ничего не видел.

«Еще не проявилось», — подумал Марамбалль.

А фрау Нейкирх продолжала кричать и всхлипывать.

«Нет, это не безумие, — подумал Марамбалль, — скорее какая-то необычайная катастрофа, если только все, вместе взятое, не кошмар, не безумный бред моего расстроенного воображения».

— Боже мой, боже мой! — причитала фрау Нейкирх. — Что со мною? Что это делается?..

— Успокойтесь, фрау, — пытался ее утешить Марамбалль. — Поверьте, что это пройдет. Не могут же все люди сразу сойти с ума. Это не безумие, а просто так... чертовщина какая-то. Мы просто начали видеть не то, что есть, а то, что было пять-десять минут тому назад... Да, да, вот именно! — обрадовался Марамбалль, когда ему удалось свести все явления к одной причине. — Может быть, какой-нибудь новый газ появился в воздухе и изменил свойства нашего глаза, —

пытался Марамбалль уяснить себе и Нейкирх необычайность происшедшей перемены.

— Нет, нет, — упорно говорила Нейкирх, — это конец... Конец света... Это светопреставление!.. Да, да. Какой ужас!.. Какой ужас!.. Я вышла из своей комнаты и вдруг увидала себя идущей по коридору в мою комнату. Я думала, что мое сердце лопнет от страха. Это к смерти! В нашем роду все видят своего двойника перед смертью...

— Но ведь вы видели и моего двойника. Да вот, посмотрите, сейчас вы видите, как я поливаю вам на голову воду и ищу ваш рот. А между тем вот пощупайте мои руки, в них нет стакана воды.

— Значит, и вы умрете. Все умрут... Это светопреставление. Я не могу жить в этом мире, среди призраков, видеть своего двойника, всюду следующего за мною. — И вдова Нейкирх разразилась истерическим смехом.

Марамбалль безнадежно махнул рукой.

— Вы слышите эти крики? — сказал он. — Там гибнут люди, и там моя помощь нужнее. Возьмите себя в руки.

— Нет, нет, не уходите! — вскрикнула Нейкирх, хватая воздух там, где она видала Марамбалля, ставящего на столик стакан воды.

3. В МИРЕ ПРИЗРАКОВ

Прислушиваясь к шумному дыханию фрау Нейкирх, Марамбалль обошел то место, где она должна быть по его расчетам, снял с вешалки шляпу и, осторожно пробравшись вдоль стены по коридору, вышел на улицу и немедленно был сбит с ног каким-то невидимым существом.

— Однако можно быть повежливее, — сказал он призраку, поднимаясь с тротуара.

— Вежливость — призрак в этом мире призраков, — услышал Марамбалль чей-то голос и вслед за тем истерический смех.

— Иду! Иду! Иду! — предупреждал чей-то голос.

И Марамбалль посторонился.

«Публика быстро начинает приспособляться», — подумал он и пошел по тротуару, громко стуча подошвами и беспрерывно повторяя, как гудок автомобиля:

— Иду, иду, иду!..

Отовсюду слышались эти предупредительные голоса, и улица гудела встревоженным шмелиным роем.

Несмотря на эти предупредительные голоса, прохожие то и дело наскакивали друг на друга.

Мимо Марамбалля без единого звука промчался переполненный публикой трамвай. Марамбалль уже знал, что это — «призрак» трамвая, прошедшего несколько минут тому назад.

Вслед за этим он услышал рев рожка и предупредительные крики:

— Осторожнее! Едет карета «Скорой помощи»!

Судя по звукам, она двигалась очень медленно. Марамбалль не слышал грохота невидимых трамваев, — очевидно, всякое движение было прекращено вскоре после наступления «светопреставления». Но оно наступило так внезапно, что не обошлось без катастроф.

Марамбалль видел столкнувшиеся трамвай и автобус. Трамвай сошел с рельс и наехал на фонарный столб, а автобус лежал на боку. Марамбалль осторожно пересек улицу и подошел к месту катастрофы, чтобы помочь раненым; однако это оказалось очень трудным делом. Несколько раненых, к которым он участливо наклонялся, оказались пустым местом: раненые уже отползли в сторону. Марамбаллю пришлось рассчитывать не на зрение, а на слух и осязание. По стонам он разыскал несколько раненых и принес их к карете «Скорой помощи». Она, вероятно, стояла здесь уже несколько минут и была не призрачной.

Марамбалль чувствовал на своих руках теплую кровь, но не видел ни себя, ни раненых. Он мог только любоваться своим призраком, пробирающимся еще через улицу к месту катастрофы.

Какой-то мужчина стонал на его руках.

«Несчастный, — подумал Марамбалль, — как-то ему будут делать операцию, если необходима немедленная помощь? Он может изойти кровью, прежде чем «проявится» на операционном столе».

Это слово «проявляться», заимствованное у фотографов, очень нравилось Марамбаллю, так как оно точно передавало

явление: все предметы делались видимыми только через несколько минут, как изображение на проявляемой фотографической пластинке.

Марамбалль почувствовал, что проголодался. Он жил на Доротеенштрассе, в нескольких минутах ходьбы от Тиргартена. Но на этот раз ему пришлось идти довольно долго, пробираясь ощупью. Он извинялся, задевая плечом призраки, и наталкивался на невидимых живых людей.

«Однако который теперь может быть час?» — подумал Марамбалль, глядя на потускневшее солнце на багровом небе, склонявшееся к западу. По привычке он вынул часы и посмотрел на циферблат.

«Фу, черт возьми, никак не привыкнешь к этому сумасшествию!» — бранился он, глядя в пустоту. Он оглянулся и увидел большие часы на углу улицы. Стрелки стояли на пяти. Он сделал всего несколько шагов вперед, вновь взглянул на часы и удивленно остановился. Минутная стрелка указывала уже пять минут шестого. Еще несколько шагов вперед — и часы показывали десять минут шестого, как будто время начало бежать с неимоверной быстротой. Марамбалль был так заинтересован этим странным поведением часов, что решил проверить их, отойдя назад. И что же? Время тоже как будто пошло назад. Пять минут шестого. Ровно пять. Марамбалль отошел на метр и увидел, что часы показывают уже без пяти минут пять.

Марамбалль свистнул.

«Ловко! Прогуливаясь взад и вперед, я могу по своему желанию распоряжаться временем: посетить прошлое, заглянуть в будущее и вернуться в настоящее. Но почему же я не видал своих карманных часов? Не потому ли, что в кармане темно?» Марамбалль еще раз вынул свои часы и поднес их очень близко к глазам. Всего через две-три секунды он увидел циферблат и стрелки, которые показывали двадцать минут шестого. Он подошел к большим уличным часам и посмотрел на них. Они показывали четверть шестого.

Пользуясь тем, что его никто не видит, Марамбалль влез по столбу к самому циферблату и мог убедиться, что теперь и эти уличные часы показывали двадцать минут шестого.

— Теперь мне многое становится ясным, — сказал Марам-

балль, предпочитая говорить вслух с самим собой вместо того, чтобы кричать все время «иду, иду». — Мои глаза видят то, что было примерно пять минут тому назад на расстоянии метра, десять минут назад — на расстоянии двух метров и так далее. Это слишком сложно, чтобы быть безумием.

Очевидно, что-то неладное произошло в самой природе.

Когда Марамбалль добрался наконец до ресторана, его ждало разочарование. Ресторан был закрыт. Марамбалль был постоянным посетителем, и ему удалось выпросить у хозяина только черствый вчерашний пирожок.

— Однако если так пойдет дальше, мы подохнем с голоду, — сказал Марамбалль, доедая пирожок.

— Последние времена, — вздохнул хозяин. — Это светопреставление.

«И он о том же», — подумал Марамбалль, вспомнив вдову Нейкирх, затем он спросил:

— Господин Лайль был у вас сегодня к обеду?

— Как всегда. Но он чувствует себя очень плохо. Его сильно помяли в автобусе. Он выглядит совсем больным.

— Но ведь вы не могли его видеть, — насторожился Марамбалль.

— Ну, разумеется, я видел его после того, как он ушел. Кто бы мог подумать, господин Марамбалль, что мы доживем...

Но Марамбалль уже не слушал его. Все в порядке. Хозяин ресторана видит так же, как и он, как и все.

— Сколько стоит пирожок?

Марамбаллю пришлось бы ожидать не менее пяти минут, чтобы увидеть безнадежный жест хозяина. Но интонация голоса и без этих внешних проявлений ясно свидетельствовала об угнетенном состоянии владельца ресторана в Тиргартене, а слова говорили еще яснее.

— Какие тут счеты, господин Марамбалль! — сказал он уныло. — С собой в могилу не возьмешь ни пирожков, ни платы за них. Кушайте на здоровье. Простите, что не могу ничем угостить вас больше. Я даже себе не сумел изготовить обеда: половина жаркого оказалась сырою, а половина сгорела. — И он еще раз безнадежно крякнул.

— Телефон действует? Мне нужно переговорить с Лайлем.

— Ничего не действует. Все разваливается. Лакеи перепились, винный погреб опустошен. Все идет прахом. И я... я, кажется, сам напьюсь, если только эти подлецы оставили мне хоть каплю вина...

4. ЗАГАДКА СВЕТА

Марамбалль возвращался к себе на Доротеенштрассе. Он уже больше не сомневался в том, что здоров. «Болен не я, а весь мир», — думал он и не мог решить, лучше это или хуже. Молодой человек радовался за себя, вернув уверенность в здравости своего рассудка. Но все же положение катастрофическое. «Нет, уж лучше бы я сошел с ума. Меня врачи, наверно, вылечили бы, а удастся ли им вылечить весь мир, заболевший каким-то странным недугом, — это большой вопрос».

Вернувшись к себе в номер, Марамбалль быстро включил комнатный громкоговоритель радиоприемника, в надежде, что, по крайней мере, по радио он что-нибудь узнает о причинах необычайной катастрофы, разразившейся над миром. И он не ошибся.

Говорила станция Кенигсвустергаузена.

«...Только высочайшее самообладание и дисциплина могут спасти город от паники, которая грозит самыми гибельными последствиями. Граждане должны строжайше придерживаться новых правил уличного движения, памятуя, что несоблюдение их грозит смертельной опасностью. Город объявлен на осадном положении. Все попытки нарушения уличного спокойствия будут караться беспощадно на месте преступления».

«Хотел бы я посмотреть, как они будут ловить «преступников», — подумал Марамбалль.

«...О причинах, вызвавших катастрофу мирового масштаба, виднейшие ученые Берлина сообщают следующее. Ими установлено, что скорость света замедлилась. Вместо трехсот тысяч километров в секунду свет начал двигаться со скоростью всего шесть минут пятьдесят восемь секунд-метр. Как известно, мы видим окружающие предметы потому, что они отражают естественный, солнечный, или искусственный свет. Эти отражения проходят теперь примерно семь минут каждый метр расстояния. Следует упомянуть, что ученые-физики и астрономы уже давно установили, что скорость света непосто-

янна. Она уменьшается почти на четыре километра в год. Однако при сохранении этой плавности скорость света могла уменьшиться до нуля только через семьдесят пять тысяч лет. Это слишком отдаленное будущее не могло, конечно, вселять тревогу. Уменьшение на четыре километра в год практически было неощутимо и могло влиять только на астрономические подсчеты, там, где дело шло об измерении огромных пространств «астрономических лет». Поэтому ученые и не считали нужным предавать свои наблюдения об уменьшающейся скорости света широкой гласности.

Что касается причин внезапного замедления света, то ученым не удалось еще найти удовлетворительного объяснения. По мнению одних, наблюдавшееся в прошлые годы уменьшение скорости света только кажущееся: не скорость света уменьшилась, а увеличилась единица измерения времени — секунда — благодаря замедлению суточного вращения Земли. Однако против этой гипотезы и раньше делались возражения: замедления во вращении Земли наблюдаются периодически, то есть Земля то замедляет, то ускоряет до обычного свое суточное вращательное движение вокруг оси, тогда как скорость света уменьшалась равномерно. То же, что мы видим теперь, окончательно опровергает эту гипотезу: если бы уменьшение света было кажущимся и зависело от замедления Земли, то это означало бы такое замедление, которое сказалось бы и на увеличении силы тяжести (от уменьшения центробежной силы), чего, однако, мы не наблюдали.

Остается предположить, что Солнце в своем движении вступило вместе со всей Солнечной системой планет в такие области мирового пространства, где скорость света более замедленная. Это может происходить или от свойств мирового эфира, или же от иной кривизны пространства — вообще говоря, от неоднородности и непостоянства межзвездных глубин.

Наконец следует упомянуть, что изменение цветов произошло потому, что благодаря замедлению света весь спектр как бы передвинулся справа налево: голубой превратился в темно-оранжевый, зеленый в почти черный, и так далее. Появились и новые цвета, ультрафиолетовые и лежащие правее их. Но невооруженным глазом они воспринимаются как темные или вовсе не воспринимаются.

Наука бессильна изменить явление такого космического порядка, как замедление света. Но приспособиться к новым условиям жизни мы все же можем. К счастью для нас, столь резкое уменьшение скорости света не проявляет тенденции к еще большему уменьшению. Скорость света пока является величиной постоянной. Нам ничего больше не остается, как приспособиться к новым условиям существования и надеяться, что это явление преходящего характера».

Кто-то постучал в дверь.

— Войдите!

Скрипнула «закрытая» дверь, и в комнату вошло тяжелое дыхание тучной фрау Нейкирх.

— Добрый вечер, господин Марамбалль, — послышался ее голос, такой печальный, как будто она только что похоронила своего мужа.

— Добрый вечер, фрау Нейкирх. Ну, вот видите, все великолепно. Сейчас передавали по радио, что, в общем, ничего страшного нет. Маленькая заминка со светом. Солнце заехало в кривизну, и луч света не может протолкаться через эфир. Садитесь, фрау, только не мимо кресла. Вот, кажется, оно.

— Благодарю вас. Я тоже слушала радио, но ничего не поняла, а вы объяснили все так просто. Но все-таки в этом мире много непонятного... Я хотела спросить у вас, господин Марамбалль. Вот, например, газ. Я вскипятила воду и закрыла кран газовой горелки. Но газ продолжает гореть, хотя и не шипит. Скажите, пожалуйста, будет отмечать это счетчик? Ведь я же не виновата, что газ продолжает гореть, хотя этот кран закрыт.

5. ДЕЛО № 174

Прошло несколько дней, и жизнь понемногу начала входить в новую колею. Фрау Нейкирх примирилась со своим двойником; повара в ресторанах как-то умудрялись «на слух, вкус и нюх» готовить кушанья и обслуживать посетителей; возобновилось и уличное движение, хотя оно происходило с чрезвычайной медлительностью; в том же замедленном темпе заработали почта, телеграф и телефон.

Марамбалль и Лайль сидели на своем обычном месте за завтраком под густой липой, в Тиргартене.

— А все-таки надо отдать справедливость немцам: их удивительная организованность сказалась в дни катастрофы с особой наглядностью. Берлин — первый город во всем мире восстановил нормальную жизнь, — говорил Марамбалль, обращаясь к образу Лайля, каким тот был пять минут назад. Впрочем, большой разницы между действительным и призрачным Лайлем не было, так как Лайль отличался неподвижностью, в противоположность Марамбаллю, между жестами и словами которого не было никакой связи. Марамбалль-первый заразительно смеялся, в то время как Марамбалль-второй сосредоточенно поглощал завтрак или закуривал папиросу.

— Интересно все-таки знать, — чем все это кончится?

— Надо жить, чем бы ни кончилось, — ответил Лайль. — Перед наступлением тысячного года люди ожидали конца мира, и многие богачи завещали свое имущество церкви. Но конец мира не наступил. Пришлось судебным порядком требовать возвращения своего имущества. Говорят, в Италии одно такое судебное дело не окончено до сих пор.

— Да, и у нас во Франции был подобный случай, если память не изменяет мне, в 1499 году. На этот год великий астролог Стефлер предсказал повторение Всемирного потопа, и тулузский президент Ориаль предусмотрительно выстроил себе Ноев ковчег. Однако не только потопа, но и наводнения не произошло. К сожалению, — грустно сказал Марамбалль, хотя его призрак беззвучно смеялся, откинув голову назад, — у нас действительно произошло в некотором роде светопреставление.

— Человек умный все должен обращать себе на пользу, — вдруг услышали они чей-то голос.

— Эй, кто нас подслушивает? Однако теперь надо быть осторожным!

Невидимый посетитель ответил:

— Что же мне, гудеть, как автомобиль, при своем приближении? Не моя вина, что вы не видите меня.

— А, эфемерида! Здравствуйте. Садитесь на этот стул; он не сдвигался с места более десяти минут.

Метакса, однако, осторожно ощупал стул, прежде чем сесть. Эта осторожность входила в привычку.

— Жарко, — сказал Метакса.

— Удивительно, что вы из Греции, а постоянно жалуетесь на жару, — отозвался Марамбалль.

— В Греции — там еще жарче. — И, помолчав, Метакса продолжал: — Дело номер сто семьдесят четыре находится у первого секретаря министра, Леера.

— Что это за дело? — спросил Марамбалль.

— О тайном соглашении между Германией и Россией, — ответил Метакса.

Марамбалль ощутил на своем лице клуб дыма из трубки Лайля.

— И что же дальше? — спросил Марамбалль.

— Ничего. Я только сообщил вам новость. Думал, может быть, будет интересно. И еще есть новость. Лейтенант барон фон Блиттерсдорф сделал предложение фрейлейн Вильгельмине Леер.

— Но ведь ее нет в городе! Откуда вы все это знаете? — горячо воскликнул Марамбалль. Эта новость поразила его; он густо покраснел и был очень рад, что Лайль и Метакса не видят его лица. Но, вспомнив о том, что они все же увидят его, Марамбалль постарался придать своему лицу равнодушный вид.

— И люди будут жениться и выходить замуж даже в день светопреставления, — процедил Лайль. — Вас это огорчает, Марамбалль?

— Нисколько, — поспешно ответил он. — Я не собирался жениться на фрейлейн Вильгельмине. Да, признаться, не очень и верю этой новости. Вильгельмина... фрейлейн Леер сообщила мне сегодня по телефону, что в момент катастрофы она была за городом и до сих пор не могла вернуться, так как всякое движение было прекращено. Она приедет только сегодня в шесть часов вечера. Когда же Блиттерсдорф мог сделать предложение? Во всяком случае, она сказала бы мне об этом.

— Блиттерсдорф сделал официальное предложение ее отцу, Рупрехту Лееру.

— Ну и пусть Блиттерсдорф женится на Рупрехте Леере, — со смехом отвечал Марамбалль, в душе очень озабоченный решительными действиями соперника.

Лейтенант Блиттерсдорф был давнишним претендентом на руку Вильгельмины, хотя больше пользовался успехом у ее отца, чем у нее.

Сама Вильгельмина не отказывала лейтенанту решительно, она отвечала на его предложение, что не думает о замужестве.

Марамбалль не лгал, уверяя, что он не собирается жениться на Вильгельмине, хотя она и нравилась ему; его планы не заходили так далеко. Получив возможность бывать в доме у Леeров и пользуясь ее дружеским расположением, Марамбаллю удавалось узнать раньше других корреспондентов кое-какие дипломатические новости. Правда, ничего крупного, сенсационного он получить не мог: дверь в деловой кабинет Рупрехта Леера была довольно плотно закрыта для него. Но все же это была приятная и полезная дружба. И вот теперь этой дружбе может наступить конец. Ревнивый и грубоватый лейтенант барон Блиттерсдорф, воспитанный в военной обстановке империи, конечно, не потерпит Марамбалля в качестве друга дома. Притом Вильгельмина, если выйдет замуж, переедет к мужу и этим самым наполовину потеряет ценность для Марамбалля.

«Черт возьми, надо на что-нибудь решиться крупное, — думал Марамбалль. — Да, Метакса явно наталкивает меня. Дело номер 174!.. Правда, мир сейчас занят иным. Но что, если, «светопреставление» кончится так же неожиданно, как оно началось? А лучшего времени не выбрать; надо воспользоваться случаем и раздобыть такой сенсационный документ. И тогда пусть Вильгельмина выходит замуж за своего барона, если это ей нравится...»

— Все эти соглашения потеряли теперь всякий смысл и ценность, — небрежно сказал Марамбалль. Вынув карманные часы, он поднес циферблат к глазам, подождал, пока он появится, и поднялся. — Мне пора. Сколько с меня следует? — обратился он к лакею, принесшему кофе Метаксе. Лакей подсчитал.

— Четыре марки. И еще одна марка за пирожок, который вы съели в тот день, когда ресторан был закрыт. Хозяин просил вам напомнить об этом должке...

Марамбалль вынул бумажник, посчитал деньги, «проявляя» их у глаз, и всунул в руку лакея.

— Получайте. Очевидно, ваш хозяин раздумал умирать.

И, распрощавшись, Марамбалль ушел, потрескивая автоматической трещоткой, которая издавала негромкое, но характерное щелканье при каждом его шаге. Прохожие, которые еще не успели обзавестись этой новинкой, предупреждали о себе однообразным «иду, иду».

На всех перекрестках громкоговорители напоминали о правилах уличного движения.

Толпа на тротуарах двигалась не спеша, в строгом порядке, придерживаясь правой стороны. Полицейские на перекрестках от времени до времени трубили в рожок, приостанавливая движение трамваев и экипажей, чтобы дать возможность пешеходам перейти на другую сторону улицы.

Автомобили и трамваи двигались также очень медленно, беспрерывно подавая сигналы звонками и гудками. Чтобы не мешать друг другу, все эти звуки были приглушены. На улице стало гораздо тише, чем раньше. У всех жителей города быстро обострялся слух.

Уже никто не обманывался видом бесшумного призрачного трамвая, стоящего на остановке: все знали, что этот видимый трамвай давно прошел. Но, когда слышался шум подходящего невидимого трамвая, пассажиры шли на звук звонка, на ощупь находили входную площадку и, соблюдая строжайшую очередь, входили в трамвай. К счастью, столбы, указывающие места остановки, дома, как все неподвижные предметы, были хорошо видимы, хотя они и являлись «устаревшим» отображением вещей.

6. ИГРА В ЖМУРКИ

Несмотря на осадное положение и все принятые меры, в городе все же были случаи ограблений. И поэтому во всех домах были приняты меры предосторожности, чтобы вместе с жильцами в дом не проникали воры, пользуясь своею временной невидимостью.

Когда Марамбалль позвонил у дома Леера, швейцар осторожно приоткрыл дверь, держа ее на цепочке, и впустил Марамбалля, только узнав его по голосу. Марамбалль едва протиснулся в приоткрытую дверь, причем почувствовал, как

швейцар легонько провел рукой по его спине, чтобы убедиться, что за Марамбаллем никого нет, и тотчас закрыл дверь.

— Фрейлейн Вильгельмина приехала? — спросил он, раздеваясь.

— Только что, — отвечал швейцар.

Марамбалль поднялся по лестнице, устланной черным ковром — до светопреставления он был красным, — вошел в большую гостиную и огляделся.

Вильгельмина, в дорожном костюме, с небольшим чемоданом в руке, стояла у раскрытой двери в кабинет Леера и говорила с отцом. Вернее, бесшумно шевелила губами. Потом отец так же беззвучно что-то сказал ей, потрепал по щеке и ушел к себе, закрыв дверь кабинета. Вильгельмина быстро прошла в свою комнату, в правую дверь.

Марамбалль находился в затруднении. Он знал, что видел минувшие события. Но вернулась ли уже в гостиную Вильгельмина?

Его вывел из затруднения голос Вильгельмины, раздавшийся из столовой. Она запела, потом, очевидно услышав шум приближающихся шагов, прекратила пение и спросила:

— Кто здесь?

— Здравствуйте, фрейлейн, — сказал Марамбалль, осторожно пробираясь в столовую. — С приездом!

— А, это вы, Марамбалль, здравствуйте! — Девушка пошла навстречу гостю.

— Не правда ли, интересно? Весь мир играет в прятки. Ну где же вы?

И, смеясь, она вертелась около него, как будто не могла найти. А Марамбалль беспомощно разводил руками, хватая воздух.

— Через пять минут, когда вы проявитесь, я буду смеяться, наблюдая ваш глупый вид, — продолжала она забавляться. — Ну, вот моя рука, держите, — наконец смилостивилась она.

Молодые люди уселись у стола.

— Как давно мы не виделись! — сказал Марамбалль. — Это было еще в старом мире, когда люди видели настоящее, а не прошлое. Как провели вы время у фрейлейн Алисы?

— Великолепно, — отвечала девушка. — Сначала мы все очень испугались. А потом нашли, что это даже интересно.

Но, Марамбалль, это начинает мне надоедать. Прощай лаун-теннис! Мы больше не можем играть в эту чудесную игру!..

— Есть «игры» поважнее, — сказал Марамбалль. — На многих фабриках и заводах прекратилось производство. Если это продлится, мы переживем ужасные времена.

— Придумают что-нибудь, — беспечно ответила Вильгельмина. — Научатся работать «вслепую». Ведь работают же слепцы. И вообще не портите мне настроения. Представьте, у подруги мы играли в пушболл. Это было что-то невероятно комическое!

— Да, люди приспособляются ко всему, это правда. Сегодня впервые открываются даже театры. В опере идет «Фауст».

— Воображаю, что это будет. У нас абонемент. Заезжайте за мной, и отправимся вместе в нашу ложу.

— А я хотел предложить вам место в партере, это ближе к сцене, — если только вы снизойдете до партера.

— Снизойду, — ответила Вильгельмина. — Идем в партер. Но как же музыканты будут читать ноты?

— Артисты и оркестр будут исполнять на память. Каждый из них отлично знает свою партию. Зрелищное восприятие, конечно, не будет совпадать со слуховым. Но с этим надо примириться.

— А что же будет с нашей музыкой и пением, Марамбалль?

— Мы будем разбирать ноты, как близорукие, и учить на память.

— Вы принесли новые романсы?

— Принес, — ответил Марамбалль, наблюдая за тем, как «призрак» Вильгельмины вошел в столовую, переодетый в розовое кимоно. Только теперь Марамбалль узнал, как одета сидящая с ним Вильгельмнна.

— Дайте же мне, — протянула девушка руку.

— Извольте, — ответил Марамбалль, незаметно выходя в гостиную.

— Но где же вы?

— Вот здесь, неужели вы не видите меня? — смеялся Марамбалль, повторяя ее игру в прятки. Надо сказать, что эта игра очень понравилась ему. Марамбалль начал бегать по гостиной, а Вильгельмина преследовала его. Марамбалль увлекался

все больше. И вдруг, когда посреди комнаты она поймала его, Марамбалль обхватил девушку и крепко поцеловал.

Вильгельмина вырвалась из его объятий.

— Сумасшедший!

В тот же момент они услышали знакомые, прихрамывающие шаги лейтенанта Блиттерсдорфа. На войне он был ранен в ногу и с тех пор прихрамывал.

От веселости Марамбалля и Вильгельмины не осталось и следа. Лейтенант явился, как статуя командора, и молодые люди стояли смущенные, подобно дон Жуану и донне Анне. Правда, командор еще ничего не мог видеть. Он мог только слышать подозрительный шум. Но протекут минуты — и вся картина «проявится»... Одно спасение — увести лейтенанта из этой комнаты, пока прошлое не станет видимым «настоящим».

Вильгельмина, так же как и Марамбалль, уже хорошо знала, что чем ближе предмет, тем скорее он проявляется.

Она храбро бросилась навстречу приближающимся шагам, взяла лейтенанта за руку и попыталась обвести его вокруг комнаты, к двери в кабинет отца.

— Это вы, господин лейтенант, как кстати! — защебетала она, дружески толкая лейтенанта. — Папа будет очень рад видеть вас; идемте к нему...

— Я, кажется, помешал, — хмуро отозвался лейтенант. — Здравствуйте, фрейлейн Вильгельмина, — и он остановился, чтобы поцеловать ей руку. Девушка ускорила эту церемонию и вновь повлекла за собой лейтенанта к спасительной двери. — Почему вы ведете меня, э-э, таким кружным путем? — спросил лейтенант, опять останавливаясь.

— Я только что приехала и разбросала на полу свои чемоданы, мы можем упасть. Да ну же, какой вы неповоротливый! — тормошила она его.

— Но, может быть, ваш отец занят?..

— Да нет же, идемте.

Вот и спасительная дверь... Вильгельмина быстро постучалась, открыла дверь, не ожидая ответа отца, почти втолкнула в кабинет лейтенанта и, бросив несколько фраз, ушла «прибрать чемоданы», плотно закрыв за собой дверь.

— Где вы? — шепотом спросила она, войдя в гостиную.

— Здесь, — так же тихо ответил провинившийся дон Жуан.

— Уходите скорей... противный!

Но Марамбалль не торопился. Его обуяло непреодолимое желание увидеть самому всю сцену игры в жмурки, а она уже начала проявляться: Марамбалль-первый то приближался, то удалялся. И когда он подходил ближе, то события шли ускоренным темпом, как будто кто-то быстрее пускал кинематографическую ленту. Когда он отступал назад, движения играющих в прятки замедлялись. Наконец, отступая с быстротою, превышающей скорость света, он видел события в обратном порядке. Вильгельмина сама была увлечена этой «фильмой». Опомнившись, она тихо спросила:

— Вы еще здесь?

— Здесь, — со сладким вздохом отвечал Марамбалль.

— Да уходите же, безумный человек!

— Сейчас, только досмотрю самое интересное.

Марамбалль, подвигаясь взад и вперед, нашел момент поцелуя и начал медленно — со скоростью света — отступать к двери. И призрачная пара как будто застыла в поцелуе.

— Изумительно! — сказал он у двери. — А в оперу мы все-таки поедем!

Марамбалль услышал, как Вильгельмина в нетерпении топнула ногой.

— Иду, иду! — И Марамбалль вышел, прикрыв дверь.

На лестнице навстречу ему поднималась тень грозного командора — лейтенанта Блиттерсдорфа. Его рыжие распушенные усы были подняты вверх, как у Вильгельма Второго.

— Фу, проклятое привидение! — выбранился Марамбалль. И он демонстративно прошел сквозь призрак лейтенанта, двинув плечом воображаемого соперника.

Когда Марамбалль ушел, новое беспокойство овладело Вильгельминой. Она знала, сколько опасных неожиданностей таит в себе новый порядок вещей. Вильгельмина тихо подошла к закрытой двери в кабинет отца и тронула ее рукой. Опасение Вильгельмины оправдалось: закрытая дверь была на самом деле открыта. Это, очевидно, проделка лейтенанта. Он мог открыть ее после того, как Вильгельмина вышла. Теперь весь вопрос был в том, дошло ли отражение сцены игры в жмурки до лейтенанта, сидящего в кабинете отца...

Вильгельмина зашла сбоку и прикрыла дверь. Подойдя через несколько минут вновь к двери в кабинет, она опять нашла ее открытою. Стать у двери и загородить своим телом видение? Но она не могла «загородить» того отражения, которое уже было впереди нее. В отчаянии девушка ушла в свою комнату и заперлась.

Вильгельмина волновалась не напрасно.

Лейтенант, заподозрив неладное, принял свои меры. Поздоровавшись с Леером, он поставил кресло против двери и открыл ее. Скоро начала проявляться вся сцена игры в жмурки. Тогда лейтенант заговорил с отцом Вильгельмины о Марамбалле.

— Я, конечно, далек от мысли давать вам советы, господин Леер, — сказал он, — но мне кажется, что посещения вашего дома иностранным корреспондентом, притом французом, не совсем удобная вещь при вашем официальном положении. Притом отношения Марамбалля к фрейлейн Вильгельмине могут вызвать превратные толкования и повредить репутации вашей дочери...

— Мне самому не нравятся эти визиты. Но что же я могу поделать? Шальная девчонка... Будь бы жива ее мать, — со вздохом сказал Леер, — все было бы иначе. Я не сомневаюсь, что их отношения носят вполне невинный характер. Спорт, музыка...

— Вполне невинный? — Лейтенант тяжело задышал. — А вот не угодно ли взглянуть в гостиную!

Леер поднялся из-за письменного стола, подошел к двери и воскликнул от изумления.

Они увидели финал игры в прятки. Среди гостиной беззвучная тень Марамбалля целовала призрак Вильгельмины. От ревнивого взора лейтенанта не ускользнуло, что Вильгельмина не очень быстро оторвалась от губ молодого человека и в ее негодовании не было искренности.

Кровь медленно залила все лицо лейтенанта.

— Я... убью его! — тихо, но решительно сказал лейтенант. — Вызову на дуэль и убью.

Леер вернулся к столу и, ошеломленный виденным, тяжело опустился в кресло.

— Да, это ужасно... Она обманула мое доверие... Но как же вы будете «драться» с ним на дуэли?

— В открытую или «вслепую» — все равно. На пистолетах. До решительного результата.

— А если он откажется от дуэли?

— Я убью его. Теперь это можно сделать проще, чем раньше.

Разговор не вязался. Лейтенант скоро откланялся и направился к двери.

Вильгельмина слышала, как он шел, и подумала:

«Он не простился со мною! Сердится! Конечно, он видел все. Но видел ли отец?»

В ту же минуту послышался голос отца:

— Вильгельмина, иди сюда!

Между отцом и дочерью произошел длинный и чрезвычайно неприятный разговор.

7. ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Не без волнения вечером подъезжал Марамбалль к дому Вильгельмины. Удалось ли ей скрыть «следы преступления»?

Он позвонил и спросил швейцара, дома ли фрейлейн Вильгельмина.

— Уехали! Не принимают! — сердито ответил швейцар и тотчас же захлопнул дверь. Марамбалль протяжно свистнул.

— Дело дрянь! «Уехали и не принимают». Это похоже на отказ от дома...

Он все же надеялся встретить Вильгельмину в опере и поехал туда.

Осторожно пробравшись во второй ряд, Марамбалль уселся в кресло и начал осматривать ложи. Но ложа Лееров была пуста. «Может быть, она еще не проявилась?» — не терял Марамбалль надежды, думая о Вильгельмине.

Сосед слева задел его плечом и пробормотал извинение.

— Пожалуйста, не извиняйтесь. Мы все слепые, а слепому трудно не задеть другого, — с французской болтливостью ответил Марамбалль. И в ту же минуту он услышал, как кто-то шепчет ему на ухо:

— Простите! Я хотел только убедиться, вы ли это. Сегодня господин первый секретарь Леер уезжает к министру ровно в

десять. А дело номер сто семьдесят четыре будет лежать у него на столе.

— Метакса! Вы как сюда попали?

— Так же, как и вы, — отвечал грек.

В этом действительно не было ничего необычайного: места корреспондентов находились в одном ряду. Метакса, очевидно, только принял меры к тому, чтобы оказаться по соседству с Марамбаллем.

— Послушайте, — сказал Марамбалль, — что вы, наконец, гипнотизируете меня все время делом номер сто семьдесят четыре? Что вам от меня нужно?

— Тс!.. — И, наклонившись к самому уху Марамбалля, Метакса сказал: — Вы же сами знаете, что на этом деле можете заработать. У меня есть свои люди в доме Леера, и я знаю все, что там делается. Но мне труднее обделать это дело, чем вам. Вы свой человек в доме.

Под плавные, торжественные звуки увертюры Метакса продолжал развивать свой план.

— Я сообщил вам об этом деле, я направил вас, и вы заработаете тысячи. Ну, а мне за это дадите только одну тысчонку марок...

Мысль Марамбалля заработала. Метакса прав. На этом деле можно заработать. Да, не вовремя Вильгельмина затеяла игру в жмурки!.. Если бы не этот роковой поцелуй!.. Положение очень осложнилось. Нужно ли давать этому греку за комиссию? Марамбалль постарается добыть секретное дело, но делиться с Метаксой он не намерен.

— Во-первых, вы напрасно стараетесь, господин Метакса, — зашептал Марамбалль в ухо соседа. — Все, что делается в доме Леверов, я знаю не хуже вас. И о деле номер сто семьдесят четыре я узнал гораздо раньше, чем эту «новость» сообщили вы мне. А во-вторых, я больше не собираюсь бывать в доме Леверов.

— Лейтенант не пускает? — язвительно спросил грек, поняв, что Марамбалль увиливает от дележа.

— Это касается только меня, — сухо ответил Марамбалль.

«Какая некультурность!» — возмущался он бестактным вопросом грека, искренне забывая о том, что сам ведет нечистую игру.

Увертюра окончилась. Со сцены уже слышался голос Фауста, а занавес казался еще закрытым. И только когда Мефистофель на зов Фауста отозвался: «И я здесь!» — для первых рядов спектакль начался. Между пением, игрой артистов и оркестром не было никакой связи. Задние ряды увидели открытие занавеса только к антракту первого акта. «А последнее действие галерка будет досматривать, как немую сцену, после окончания оперы... Пропала опера!»

В середине второго акта Марамбалль осторожно вышел и направился к выходу. Оглядываясь назад, он видел как бы повторение действия в обратном порядке. Но это уже не интересовало его.

Он вернулся к себе и позвонил по телефону к Вильгельмине.

Она оказалась дома, но разговор с нею не доставил ему особого удовольствия.

— Отец и лейтенант видели все, — говорила она. — Мне пришлось выдержать очень неприятную сцену с отцом. И было бы лучше, господин Марамбалль, — ее голос дрогнул, — если бы вы не показывались в наш дом по крайней мере некоторое время, пока все не уляжется.

Она не имела решимости отказать ему сразу.

Марамбалль был в полном душевном смятении, выслушав из ее уст этот приговор.

Отказ в такой момент, когда ему, как никогда раньше, нужно было быть в доме Леверов! Завтра будет уже поздно. Дело номер 174 будет погребено в стальном сейфе, или же оно достанется в руки какого-нибудь Метаксы. Медлить нельзя. Душу Марамбалля одновременно обуревали и другие чувства. Поцелуй острой отравой проник в его сердце, а в голосе Вильгельмины, говорившей по телефону, ему чудилась печаль. Быть может, она любит его? В эту минуту ему казалось, что и он так же безумно любит ее. И, с неожиданной для самого себя страстью, он начал умолять ее принять его в последний раз, «чтобы проститься навеки».

В спортсменском сердце Вильгельмины, вероятно, были оборваны еще не все струны сентиментализма. Искренний тон Марамбалля, видимо, тронул ее. Она колебалась, а он, вздыхая и охая в телефонную трубку, поддавал жару.

— Только взглянуть... В последний раз!

— Но отец приказал швейцару не принимать вас, — в отчаянье призналась она.

— О, это ничего не значит! — оживился Марамбалль. — Я пройду со стороны сада, вы откроете мне дверь...

— Но в саду сторожа; вы знаете — теперь везде усиленная охрана.

— Сторожам, наверно, не отдан приказ не пускать меня; наконец, я сумею пробраться мимо них... Только взглянуть!..

— Ну, хорошо. Но приходите скорее, пока отец не вернулся.

Марамбалль бросил трубку и завертелся по комнате, ища разбросанные шляпу и перчатки.

«Бог всесильный, бог любви! Ты услышь мою мольбу!..» — пропел Марамбалль и бросился по коридору, едва не сбив с ног фрау Нейкирх.

Марамбалль благополучно проскользнул мимо сторожей и незаметно вошел в дом. Он пробрался в гостиную и остановился, едва слышно кашлянув.

— Я здесь, — тихо ответила Вильгельмина, — у рояля.

Марамбалль сделал несколько шагов и вновь остановился в нерешительности. Он так спешил, что не обдумал плана действий. Изобразить ли ему безутешного влюбленного, или же, пользуясь случаем, пробраться в кабинет, похитить дело и бежать. Женщина или деньги? Несколько секунд он переживал сильнейшую борьбу. Но в конце концов он решил, что Вильгельмина все равно потеряна для него и потому надо покончить с делом номер 174.

Но, даже решившись на это, он все же не мог поступить слишком вероломно по отношению к Вильгельмине. Да это было бы и неосторожно.

«Обидеть женщину не только некрасиво, но и опасно. Женщины умеют мстить». И Марамбалль выбрал средний путь. Он метнулся в кабинет, нагнулся над освещенным столом, нашел дело номер 174, сунул его под жилет и выбежал в гостиную. Все это заняло не больше полминуты.

— Да где же вы? — спросил он несколько громче.

— Здесь, — тихо отвечала Вильгельмина.

— А мне почудилось, что вы говорите из кабинета, и я прошел туда. Вы не можете себе представить, как я сожалею о

том, что случилось!.. Нет, не так. Я в восторге от того, что случилось, но сожалею о том, что наша шалость обнаружена... Я... — Он хотел сказать «я люблю вас», но, почувствовав, что папка с делом готова выскользнуть из-под жилета, положил руку несколько ниже сердца и, прижимая жилет, продолжал: — Я всегда буду помнить о вас... — «А вдруг она скажет, что любит меня? — в ужасе подумал Марамбалль. — Нет, сейчас не время распускаться». И, найдя ее руку, Марамбалль почтительно поцеловал кончики холодных пальцев. — Прощайте, Вильгельмина!

Девушка сделала движение и вздохнула. Быть может, она была недовольна его слишком примерным поведением и почтительностью?.. Опасаясь проявления ее нежных чувств, которые могли задержать его и сыграть роковую роль, Марамбалль тяжело вздохнул, отошел от Вильгельмины и, прошептав еще раз: «Прощайте!» — побежал к двери.

Он ликовал. Наконец-то на его груди покоилась сенсация, которая поразит мир и даст ему возможность широко пожить! Его карьера ловкого журналиста будет обеспечена.

8. ПОГОНЯ

Марамбалль так размечтался, что забыл о всякой осторожности и, пробегая садовую дорожку, с разбега налетел на кого-то. Он упал на землю вместе с неизвестным человеком.

— Стой! Кто это? — послышался голос сторожа.

Марамбалль, прижимая левой рукой драгоценную папку, попытался подняться, закрывая правой рукой свое лицо: он не забывал о проявлении. К счастью для него, в саду было темно. Сторож ухватил Марамбалля за ногу и звал на помощь. Марамбаллю удалось ударом другой ноги сбить руку, державшую его за ногу. Он поднялся и побежал.

Поднялась суматоха. Слышались тревожные свистки, крики, отовсюду бежали люди. Марамбалль бросился к воротам сада, сбил с ног еще одного сторожа и выбежал на улицу, продолжая прикрывать свободной рукой лицо. Через несколько минут его фигура проявится, и преследователи побегут за призраком. Теперь они могли гнаться только вслепую, за топотом убегающих ног. Марамбаллю надо было «замести

следы», пробежав какое-нибудь темное пространство. Он решил направиться в близлежащий Тиргартен. Выбежав на тротуар, Марамбалль врезался в уличную толпу, двигавшуюся ему навстречу, и, вопреки всем правилам уличного движения, помчался вперед, сбивая прохожих. Он нагнул голову и, как разрушительный таран, пробивался сквозь толпу, оставляя позади себя крики, стоны, вопли и проклятия. Упавшие люди служили ему заграждением, задерживающим его преследователей. Это облегчало положение Марамбалля, но, с другой стороны, ему невыгодно было оставлять за собой такой «шумовой хвост», который давал преследователям легкую ориентировку.

В полумраке сада в это время проявилось очертание его фигуры, и подоспевшие полицейские бросились по горячим следам, преследуя призрак бегущего человека. Они не могли определить во время преследования, имеют ли дело еще с призраком или уже с живым человеком, и потому все время принуждены были схватывать воображаемого преступника, но их руки разрезали пустое пространство. Несколько раз, впрочем, им удалось кого-то поймать. Часть преследователей останавливалась с задержанными призраками в ожидании их проявления; но полицейских ждало разочарование· первым из задержанных проявился глубокий старик, вторым — пастор Только двоих молодых людей отвели в участок для обыска и выяснения личности. Все это очень затрудняло погоню, но она не прекращалась.

Скоро Марамбалль услышал характерный звук сирены. Это был уже всем известный сигнал полиции, преследующей преступника. По звуку сирены уличное движение на тротуарах приостанавливалось. Прохожие прижимались к стенам домов, чтобы освободить путь для быстро следующего отряда полиции.

Марамбалль пересек улицу, добежал по свободному от толпы тротуару до угла и свернул. Здесь уличное движение еще не прекращалось. У самого тротуара один за другим двигались автомобили. Марамбалль, прислушиваясь к их движению, выбрал ближайший, вспрыгнул на подножку автомобиля и ввалился в кузов. В автомобиле послышались испуганные женские голоса.

— Тысячу извинений, — сказал Марамбалль, убедившись, что голоса не принадлежат знакомым. — Я едва не попал под ваш автомобиль и принужден был вскочить в него.

Такие случаи действительно бывали, и в автомобиле, услышав любезный, извиняющийся голос Марамбалля, успокоились.

Когда автомобиль поравнялся с Тиргартеном, Марамбалль бесшумно спрыгнул и побежал по траве, минуя освещенные дорожки, в полумрак деревьев. Он делал петли, как заяц, и одно освещенное место пробежал даже задом наперед, чтобы сбить своих преследователей.

Голоса погони отставали, но Марамбалль продолжал кружить по парку. Он пробежал всю левую сторону Тиргартена до Зоологического сада. В совершенно темном уголке он неожиданно налетел на мирно сидящую парочку. Марамбалль подошел сзади к сидящему молодому человеку и, прежде чем тот успел что-либо сообразить, снял с его головы шляпу-котелок и надел ему свою клетчатую кепку, — его кепка проявилась и уже должна быть известна преследователям.

Затем он исчез в густых тенях деревьев, пролез под пустующим ресторанным киоском, вышел из сада и кружным путем отправился на противоположную сторону Берлина — в Трептовер-парк.

Побродив по темным уголкам этого парка, он наконец решил, что окончательно замел следы. Но все же, из осторожности, он не решился вернуться домой с драгоценной папкой Если только кому-нибудь из преследователей удалось узнать его, полиция, наверно, нагрянет с обыском. Куда спрятать на время дело номер 174? Лайль! Лучшего не придумать. Лайлю на лето предоставил свою комнату его знакомый, служащий в английском посольстве. Правда, здание посольства находилось в конце Унтер ден Линден, рядом с Тиргартеном, совсем недалеко от места преступления Марамбалля. Но зато экстерриториальность посольства была лучшей охраной от вторжения полиции. Согласится ли, однако, Лайль взять на хранение такой документ? Можно обойтись и без его согласия! И, когда Марамбалль подъезжал к зданию посольства, у него уже был готовый план.

9. ПОЗДНИЙ ВИЗИТ

Марамбалля знали в посольстве, — он не раз бывал у Лайля; и ему без особого труда удалось проникнуть на «английскую территорию».

Лайль был дома.

Марамбалль приготовился к быстрым действиям. Перед тем как позвонить, он вынул папку и заложил руку с нею за спину. Как только Лайль открыл дверь, Марамбалль, повернувшись, направился к кровати, отвернул матрац и сунул туда свое сокровище. Все это было сделано с таким расчетом, чтобы Лайль не заметил подкинутого дела, когда сцена появления Марамбалля проявится. «Под матрацем папка может пролежать благополучно несколько дней. А когда все уляжется, я таким же манером извлеку ее оттуда», — думал Марамбалль.

Засунув папку, он уселся на край кровати.

— Уф, ужасно устал! — сказал Марамбалль, прислоняясь к спинке кровати.

— Да вы куда уселись? — услышал он голос Лайля. — На кровать? Садитесь вот сюда, на кресло.

— Благодарю вас, дайте отдышаться. Я предпочитаю садиться на кровать. Эти кресла теперь предательская штука. Никогда не знаешь, стоят они на месте или нет. Я уже не раз падал, садясь в воображаемое кресло. А кровать всегда стоит на одном месте. Кровать надежная штука, — любовно похлопал Марамбалль по тому месту, где лежала заветная папка.

Где-то на башенных часах пробило полночь.

Лайль выжидательно молчал.

Надо было придумать повод неожиданного визита.

— Я так взволнован, что не мог сидеть дома, — сказал Марамбалль, — и пришел к вам поделиться своими опасениями. Сейчас я был в астрономическом обществе. Один астроном делал доклад. Он предсказывает, что скорость света замедлится еще больше. Свет будет проходить один метр в двенадцать часов три секунды! Представляете себе, что это будет? Всю ночь по улицам и в учреждениях будут бесшумно толкаться дневные тени, а днем Берлин будет казаться пустыней... Электричество надо будет зажигать рано утром, чтобы оно горело вечером, а гасить днем. Представьте, что будет делаться в

Рейхстаге по ночам! Освещенный зал, и призраки политических деятелей, вершащих судьбы миллионов... Нам, корреспондентам, днем придется слушать, а ночами снимать эти призраки. Или, скажем, банк. Как вы получите деньги, если кассир увидит вас и ваши документы только через несколько часов? И как убедиться, что вы получили действительно деньги, а не старые номера «Берлинер Тагеблатт»? А промышленность? Она приостановится совершенно. Мы как бы ослепнем. Весь мир ослепнет. Это будет катастрофа, гибель, конец, смерть...

Марамбалль так увлекся, что сам себя напугал этими страшными картинами. Но, повернувшись на кровати, он вспомнил о драгоценной папке и, чтобы еще больше отвлечь внимание Лайля от настоящего, патетически закончил:

— Как ничтожны кажутся при свете — вернее говоря, при умирающем свете, — все «великие» дела, хитроумные дипломатические соглашения и тайные договоры! Прах! Тлен.

Лайль, как истый англичанин, выслушал спокойно, не прерывая своего гостя. Только клубы дыма неразлучной трубки как будто стали гуще.

— Какой астроном говорил это? — спросил Лайль.

— Да этот, как его, вот на языке так и вертится. Не то Шварцброт, не то Буттерброт, — никак не запомню эти немецкие фамилии.

— Странно, — процедил Лайль.

— Об этом скрывают, чтобы не волновать публику.

— Странно; я тоже был на заседании астрономического общества, — продолжал Лайль.

«Носит этого долговязого англичанина, куда не надо!» — с досадой подумал Марамбалль.

— И все ученые единогласно утверждали, что, по их наблюдениям, скорость света за истекшие сутки возросла еще на четыре секунды-метр.

— Вот и поймите этих ученых! — широко развел руками Марамбалль. Он старался казаться равнодушным, но в душе эта новость, которой он еще не знал, чрезвычайно обрадовала его. «Тленная папка», на которой он сидел, увеличивала свою ценность с каждой секундой ускорения света и возвращения к нормальной жизни.

Опасаясь дальнейших вопросов Лайля о заседании астрономического общества, Марамбалль поспешил переменить тему:

— Вы меня утешили. А то, представьте, сижу в опере. Валентин поет «Бог всесильный, бог любви», а на сцене в это время Мефистофель занимается еще омоложением Фауста. Однако мне пора.

Поправив незаметно матрац, Марамбалль распрощался и ушел, нимало не заботясь о том, что он подвергает друга серьезной опасности, скрывая в его комнате украденный документ.

10. ПРОПАВШИЕ ДОКУМЕНТЫ

Вильгельмина слыхала шум в саду, возникший после ухода Марамбалля, но она поняла это по-своему. Марамбалль, очевидно, не захотел назвать себя, чтобы не скомпрометировать ее еще раз своим тайным визитом.

«Да, он благороден, — думала девушка, покачиваясь на качалке. — И как удивительно он был сдержан со мною!.. Неужели он любит меня?..»

В душе Вильгельмины, чемпиона различных видов спорта, девушки с коротко остриженными волосами и юбкой, едва прикрывавшей колени, — начали просыпаться чувства, уснувшие, казалось, навеки, ее сентиментальных бабушек и прабабушек, носивших парики и кринолины.

Тайное свидание... Несчастный любовник... Суровый отец... Соперник... Все элементы романа!

«Отец, конечно, не согласился бы на наш брак. Ну что же, тем лучше. Я бежала бы с Луи, как моя прабабушка Каролина бежала с прадедушкой... Ницца, Сорренто, Алжир...»

Мечты девушки были прерваны топотом четырех ног. Она почти с неприязнью встретила это вторжение двадцатого века в ее фантастический мир минувшей романтики — в особенности когда узнала характерное прихрамывание лейтенанта.

Вильгельмина знала, что на нее опять будет сделано «нападение». После рокового поцелуя отец долго и скучно проповедовал ей о морали, о правилах хорошего тона, о своем служебном положении, о ее обязанностях к нему, о ее легкомыслии и в заключение заявил, что он успокоится только тогда, когда она выйдет, наконец, замуж за лейтенанта.

«Лучшего мужа не найти. Он еще не стар, на отличном счету у начальства, имеет прекрасные связи, личный друг кронпринца... — Отец понизил голос, хотя они были одни в кабинете, и продолжал: — Республика не долговечна. Немецкий народ на стороне монархии. Германия должна стать вновь империей. Это неизбежно. И ты должна понимать, какие перспективы откроются тогда перед бароном Блиттерсдорфом!.. Ты должна быть благодарна, что он не отказался от своего предложения после всего, что произошло. Но он настаивал на том, чтобы бракосочетание было совершено возможно скорее, и я вполне понимаю его».

Тогда Вильгельмина ничего не ответила и молча ушла в свою комнату: она была слишком горда, чтобы оправдываться и принять «великодушие» лейтенанта.

А отец еще долго убеждал ее «призрак», прежде чем убедился, что его дочери давно нет в кабинете.

И вот теперь они идут, идут за ответом... Шаги поднялись по лестнице. Слышались уже голоса отца и лейтенанта. Вильгельмина хотела убежать в свою комнату, но, вспомнив, что это бегство будет обнаружено, осталась сидеть.

— Вы это или ваш призрак, фрейлейн Вильгельмина? — услышала она голос вошедшего в гостиную лейтенанта.

— Призрак, — ответила она. — Призрак прабабушки Каролины. Разве вы не видите буклей и кринолина?

Вильгельмина, как все женщины ее круга, отлично умела скрыть свои чувства под маской внешней непринужденности: уменье лгать считалось высшим проявлением воспитанности в том мире, в котором она жила.

Лейтенант, напрягая свой тяжеловесный ум, старался быть остроумным. Они начали весело болтать, в то время как отец Вильгельмины прошел в свой кабинет.

— Вильгельмина, ты не трогала бумаг на моем столе? — вдруг послышался тревожный голос Леера.

— Нет, я не входила в кабинет, — ответила она.

— Странно, — ворчал Леер, хлопая ладонями по сукну стола. Потом он вышел из кабинета и дрожащим голосом сказал: — У меня со стола пропали папки с документами... Очень важные, секретные документы...

— Ты просто не можешь найти их, — ответила Вильгельмина спокойно, хотя в ее душе шевельнулось какое-то смутное, еще не оформившееся, но неприятное ощущение. — Пойдем поможем ему искать, — сказала она. Все трое принялись шарить, но на столе папок не было. — Может быть, ты спрятал дела в шкаф? — спросила Вильгельмина.

— Да нет же, — раздраженно ответил ее отец. — Бумаги лежали вот здесь, с краю, в желтых папках. У нас в доме никого не было посторонних?

У Вильгельмины перехватило дыхание. «Марамбалль! Неужели?.. Он заходил в кабинет, ушел так поспешно, бежал от стражи... Это мог сделать только он...»

Никогда еще Марамбалль не был так близок к катастрофе, как в этот момент. Назови Вильгельмина его имя — и все выгодное предприятие с делом номер 174 рухнуло бы, а он оказался бы в тюрьме. Но, на его счастье, в душе Вильгельмины еще не замолкли голоса ее романтических бабушек, и она ответила «нет», прежде чем осознала все вероломство «несчастного любовника». Сказанное слово связало ее. Но не успела она вымолвить «нет», как в ее душе поднялась целая буря негодования. Марамбалль обманул ее, как провинциальную дурочку! Разыгрывая несчастного любовника, он использовал ее доверие для самых низменных целей... И она вновь начала колебаться, не выдать ли Марамбалля.

А Леер уже звонил, созывая слуг. Он узнал о преследовании неизвестного в саду, который мог, очевидно, проникнуть в дом только через дверь сада. Но кто открыл ему? Это осталось невыясненным. Звонил телефон, суетились слуги. Из полицейского управления сообщили, что преступнику удалось скрыться. Вильгельмина не знала, радоваться ей этому или печалиться. Она была так зла на Марамбалля, что была бы рада, если бы его поймали. Но, с другой стороны, это открыло бы ее невольное соучастие. Конечно, никто не заподозрил бы ее в сознательной помощи преступнику. Но какой позор, какой стыд быть так обманутой!

Волнение Вильгельмины дошло до крайнего предела. Оскорбленная женская гордость бушевала в ней, ежеминутно готовая прорваться наружу. И, когда отец сказал трагическим голосом: «Неужели в моем доме есть предатели?» — она не выдержала:

— Отец, мне нужно поговорить с тобой.

Но в этот самый момент в комнату вошел новый свидетель — повар, который пожелал сообщить важные показания.

— Говорите, — нетерпеливо сказал Леер.

— К нам в кухню, — начал повар свое повествование, — нередко заходил какой-то грек, торгующий шелковыми материями. Он продавал их очень дешево. Моя жена, и судомойка, и жена швейцара очень охотно покупали шелковые ткани. Этот грек заходил и сегодня вечером. Когда он поставил на пол свою корзину и разложил ткани, женщины начали выбирать шелка. Это продолжалось несколько минут. Вдруг электричество погасло. Это случалось не раз в последнее время, и потому мы не обратили особого внимания. Жена швейцара только посмеялась, что свет погас так не вовремя... Я попробовал повернуть выключатель, и через несколько минут свет загорелся вновь; грека на кухне уже не было, а корзина с шелками и сейчас стоит. Мы думали, что грек вышел во двор и вернется, но он так и не вернулся.

— Почему же вы не сказали мне обо всем этом раньше?

— Мы только сейчас узнали о пропаже бумаг, ваше превосходительство. А о греке мы не беспокоились: грек не подарит корзину шелка.

— Вы можете идти, Карл. — И, когда повар ушел, Леер сказал: — Да, это очень возможно. Из кухни ход ведет в столовую, а из столовой — в кабинет. Преступник мог незаметно погасить электричество в кухне, пробраться сюда, похитить документы и уйти незамеченным. У преступника было совершенно достаточно времени. Но что же тогда значит шум в саду? Кто был там?

— Тот же преступник-грек, — высказал предположение лейтенант. — Он мог попытаться пройти через сад и выйти на Будапештерштрассе, но, очевидно, наскочил на сторожа, который и поднял тревогу.

— А может быть, это был один из сообщников, — сказал Леер. — Я попрошу вас, господин лейтенант, съездить к начальнику полиции и передать ему мою просьбу мобилизовать для поисков преступника все свободные силы. Дело большой государственной важности.

Барон по-военному щелкнул каблуками и, наскоро про-

стившись, ушел. Когда его ковыляющие шаги замолкли, Леер устало уселся в кресло.

— Ты мне хотела что-то сказать, Вильгельмина?

— Да... — Она хотела признаться в том, что в доме был Марамбалль. Но рассказ повара поколебал ее уверенность в том, что Марамбалль похитил документ. И она не призналась отцу о тайном визите Марамбалля. Быть может, еще немного времени спустя она и вообще ничего значительного не сказала бы. Но буря негодования еще не улеглась в ее душе. Оскорбленная гордость требовала мести. — Отец, я согласна принять предложение господина лейтенанта.

С романтическим духом прабабушки Каролины было покончено.

11. ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Марамбалль провел тревожную ночь. Раздумывая над событиями минувшего дня, он пришел к выводу, что опасность еще не миновала для него. Правда, ему удалось замести следы. Но не все прошло так гладко, как ему хотелось бы. Его бегство должно было взбудоражить весь дом. Исчезновение дела, вероятно, уже обнаружено, и для Вильгельмины станет ясною цель его «последнего свидания». И тогда... тогда она, конечно, выдаст его. Марамбалль с минуты на минуту ожидал вторжения полиции. Хорошо еще, что ему удалось припрятать похищенные документы в надежном месте. Марамбалль не раздевался в эту ночь. Он тихо ходил по комнате, прислушиваясь к звукам в коридоре. Он обдумывал план бегства. Одно окно его комнаты выходило на улицу, другое — в небольшой сад. Это последнее окно он и избрал как путь отступления.

Марамбалль открыл окно в сад. Ночь была душная. На темно-лиловом небе светила оранжевая луна, как китайский фонарь, привешенный над сизым трехэтажным домом. От времени до времени слышался гром. Приближалась гроза. Обострившийся слух Марамбалля уловил какие-то шорохи в саду под окном.

«Неужели это засада?» — с тревогой подумал он.

Страшный удар грома вдруг потряс весь дом, хотя на небе не было видно ни одного облачка, и в ту же минуту послышался шум дождя. Странно было слышать этот шум, не

видя ни дождя, ни тучи над головой. Шумел ветер, а деревья в саду, казалось, стояли недвижимыми: ни один лист не колыхался.

Когда раздался удар грома и зашумел дождь, в кустах под окном послышался шорох и как будто заглушенные голоса.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. И в наступившей тишине Марамбалль отчетливо услышал чьи-то приближающиеся по коридору осторожные шаги. Шаги остановились у его двери. Кто-то тихо постучал.

У Марамбалля перехватило дыхание.

«Полиция!»

Для Марамбалля выхода не было. Под окном была засада, в коридоре — отряд полиции; он не сомневался в этом. Но в саду он имел больше шансов избежать врагов, чем в узком коридоре.

Марамбалль быстро выпрыгнул из окна и упал на чьи-то широкие плечи. В то же время он услышал женский крик и узнал голос почтенной вдовы Нейкирх.

— Что это? Кто это? Что с вами? — послышался второй, мужской голос, принадлежавший, без сомнения, тромбонисту, который занимал соседний с Марамбаллем номер. Тромбонист и Нейкирх, очевидно, вышли в сад подышать вечерней прохладой.

Марамбалль соскользнул с могучих плеч Нейкирх и, гонимый ужасом, побежал в Тиргартен.

Здесь царила бесшумная буря. Ветра не было, но деревья гнулись, как будто под напором страшного урагана; листья трепетали, и с них стекали ручьи; желтые молнии бороздили тучи. Дождь лил как из ведра, но это был призрачный дождь — на Марамбалля не падало ни капли.

Ночная свежесть освежила Марамбалля и привела в порядок его мысли. В саду перед его окном, во всяком случае, не было засады. Но кто же стучался в его дверь?

Всю ночь Марамбалль бродил по аллеям парка и только на заре решил вернуться домой.

— Вы уходили? — спросил удивленный швейцар, открывая ему дверь.

— Да, — ответил Марамбалль. — Ко мне никто не приходил?

— Ночью приходил какой-то человек. Я не пускал его, но он ответил, что пришел по очень срочному и важному делу и что вы сами ждете его.

— Вы не заметили его внешности после проявления?

— Шляпа была надвинута на его глаза, воротник приподнят. У него как будто была черная борода, а говорил он с иностранным акцентом.

«Кто бы это мог быть?» — думал Марамбалль, осторожно пробираясь по коридору. Ночные страхи прошли, но все же он еще не успокоился окончательно.

— Доброе утро, фрау Нейкирх, — приветствовал Марамбалль шумное дыхание хозяйки.

— Доброе утро, — сердито ответила она, хлопнув дверью. Марамбалль осторожно вошел в свою комнату. Там никого не было.

12. «ЗВУКОВАЯ ДРАМА»

В Рейхстаге только что окончилось заседание, на котором обсуждались положение промышленности и мероприятия правительства. Целый ряд министров выступил с докладами. По их сообщениям, в фабрично-заводской промышленности положение было не так уж плохо, как можно было ожидать. Успешно шла реконструкция машин, применительно к «слепому» методу работ. Широко использован был хронометраж; установлены были «нормы времени» для тех или иных процессов, введены часы с колокольчиками, отбивающими не только минуты, но даже, в некоторых случаях, четверть минуты.

Разумеется, это официальное благополучие не совпадало с действительным положением вещей, которое было далеко не блестящим; но катастрофическим его действительно нельзя было назвать.

Сверх ожидания, наиболее угрожающим оказалось положение сельского хозяйства. Даже выступавший министр не мог не высказать самых серьезных опасений. Длительность инсоляций не уменьшилась, — докладывал министр, — хотя восход и заход солнца и не соответствуют теперь действительному положению солнца: мы видим взошедшее солнце лишь после того, как его лучи проявятся — как теперь говорят, — то есть дойдут до поверхности земли и нашего зрения. Но это компенсируется тем, что солнце продолжает светить еще некоторое время после его фактического захода. Наше несчастье, однако, в том, что благодаря замедлению в прохождении света в единицу времени на поверхность земли падает меньшее количество света. Он сделался как бы разреженным. Благодаря замедлению света мы могли наблюдать, что некоторые цвета как бы исчезли, другие изменились; наконец, появились новые цвета или их сочетания. Это также не могло не оказать действия на произрастание зерновых хлебов и технических растений. Некоторые из них, например лен, под влиянием, очевидно, ультрафиолетовых лучей начали расти необыкновенно быстро и высоко, не успевая, однако, окрепнуть, — как анемичные, слабосильные дети. Вообще же созревание злаков чрезвычайно замедлилось. Однако для паники не должно быть места. Мы выйдем из затруднения. Наши химики и ученые-агрономы усиленно работают над изысканием средств к скорейшему созреванию растений. Отепление корней, электрификация почвы, новые химические удобрения идут на помощь земле. И за урожай следующего года мы можем быть почти спокойны. Весь вопрос в том, удастся ли нам спасти хлеба, стоящие на корню, — спасти урожай текущего года. Будем надеяться, что удастся. Эту надежду мы возлагаем не только на нашу науку. Обнадеживающее и радостное сообщение я приберег к концу. Наблюдения над светом, произведенные сегодняшним утром, показали, что скорость света возросла еще на четыре секунды.

На скамьях правых депутатов раздались аплодисменты.

— Выразить министру благодарность за прибавку четырех секунд, — послышался чей-то иронический голос слева.

— Теперь обедать, — толкнул Марамбалль Лайля.

И они отправились в Тиргартен в сопровождении Метаксы, который заявил, что имеет сообщить им важную новость.

— У вас всегда новости, — смеясь сказал Марамбалль.

Когда корреспонденты подошли к своему обычному месту под старой, ветвистой липой и рассаживались у круглого мраморного столика, из-за угла киоска послышались чьи-то шаги, и вдруг Марамбалль услышал голос лейтенанта.

— Господин Марамбалль! Вы нанесли оскорбление извест-

ному лицу, честь которого я считаю своим долгом защищать. Угодно вам будет дать мне удовлетворение?

— Дуэль? В двадцатом веке? Какой анахронизм! — несколько принужденно расхохотался Марамбалль. — Я никому не наносил оскорбления и не могу признать вашего права на защиту «угнетенных».

— Так я заставлю вас признать это право и принять мой вызов!

За этим последовала звуковая драма.

Кто-то кого-то ударил. Послышалось падение тела и неистовый вопль. Новые удары, новое падение, чье-то глухое ворчанье.

— Хорошо же! — послышался угрожающий голос лейтенанта, и затем он удалился.

Публика, сидящая за соседними столиками, и случайные прохожие с нетерпением ожидали начала «сеанса». И когда место побоища начало проявляться, отовсюду раздался дружный смех.

Все увидели, как Марамбалль, разговаривавший с лейтенантом, неожиданно отступил в сторону и тяжелые удары посыпались на Метаксу: Метакса, открыв рот, из которого несколько минут тому назад раздавались вопли, с насмерть перепуганным лицом упал на землю. Вслед за этим Лайль, не выпуская трубки изо рта, наклонил голову, прислушиваясь, очевидно, к дыханию нападавшего, и вдруг, по всем правилам бокса, отпустил в челюсть лейтенанта короткий, но тяжелый удар, сбивший лейтенанта с ног. Если бы Лайль даже видел лейтенанта в момент удара, он не сумел бы сделать лучшего выпада.

Марамбалль был поражен. Он никак не ожидал от «ледяного» Лайля такой быстроты действия.

— Но вы-то почему вмешались в драку? — спросил Марамбалль Лайля.

— Я тоже защищал угнетенного, — ответил он, пуская клубы дыма. — Теперь, если этот господин захочет драться, ему придется иметь дело с троими: с вами, Марамбалль, потому, что он на вас за что-то сердит, с Метаксой — потому, что он побил его, и со мной — потому, что я побил его. И я не откажусь помериться с ним силами! Но я не признаю другого оружия, кроме кулаков.

Удивительно! Бокс так оживил Лайля, что он сделался даже разговорчивым.

— Но кто этот налетевший на нас петух? — спросил Лайль.

— Я знаю! — отозвался всеведущий Метакса. Но Марамбалль остановил его:

— Тсс!.. Не надо раздувать этой истории. Полицейский может подойти незаметно. Вы что-то хотели рассказать нам, господин Метакса?

— Да, но, пожалуй, вы правы. Мы поговорим с вами в другом месте. Скандал может привлечь любопытных, желающих узнать причину ссоры, а то, что я хочу сообщить вам, не нуждается в посторонних свидетелях.

И, поговорив о судьбе урожая, собеседники разошлись.

В тот же день вечером Марамбалль сидел у себя в номере за письменным столом и писал «вслепую» крупными буквами очередную корреспонденцию, когда вдруг услышал знакомую ковыляющую походку лейтенанта, шедшего по коридору. Лейтенант, видимо, старался не обнаружить своего прихрамывания и шел медленно, но чуткое ухо Марамбалля уловило припадающий шаг одной ноги. Марамбалль сразу понял положение. Ревнивый соперник пришел свести с ним счеты! Встретить врага лицом к лицу? Но лейтенант был сильнее его и мог иметь при себе оружие. Бежать? Окно было закрыто, а лейтенант уже подходил к двери, которая была не заперта.

Марамбалль вдруг соскользнул с кресла и скрылся под письменным столом. В то же время дверь открылась без предупреждения, вошел лейтенант и осмотрел комнату. Он увидел Марамбалля, сидящего за письменным столом и углубленного в работу. Но был ли это настоящий Марамбалль или призрак? Лейтенант строил свой расчет на внезапности нападения. Он вынул револьвер и два раза выстрелил, целясь в голову Марамбалля. Марамбалль, видимый лейтенанту, не шевельнулся и продолжал писать. Это было в порядке вещей. Лейтенант теперь не столько смотрел, сколько слушал, чтобы угадать по звукам, какие последствия произвели его выстрелы. И он был вполне удовлетворен: у стола послышался ко-

роткий стон и слабый шум, который мог быть произведен только падающим телом Марамбалля.

Дело сделано. Лейтенант спокойно вышел из коридора и благополучно выбрался на улицу.

Шум револьверных выстрелов привлек внимание соседей. В номер постучалась фрау Нейкирх.

— Что у вас здесь случилось, господин Марамбалль?

Если бы не похищенное дело, Марамбалль охотно пригласил бы свидетелей и попросил бы их остаться до проявления сцены покушения на его жизнь. Но теперь Марамбалль счел более безопасным не поднимать шума и не привлекать к себе общественного внимания. Решающим, однако, было даже не это, а боязнь показаться перед свидетелями смешным трусом, прячущимся под стол. Когда Марамбалль представил себе картину проявления этого позорного отступления, то твердо решил скрыть истинный смысл происшествия.

— Ничего особенного, фрау Нейкирх, не случилось, — ответил он. — Ко мне заходил приятель, я показывал ему свой револьвер и, разряжая, нечаянно сделал два выстрела.

— Теперь надо быть очень осторожным с подобными вещами, — наставительно сказала фрау Нейкирх. — И я очень просила бы вас не делать этого больше в моем доме.

— О, не беспокойтесь, фрау Нейкирх, это были последние патроны.

13. ЧЕРНАЯ ПОЛУМАСКА

Несмотря на светопреставление, свадьбу барона Блиттерсдорфа и Вильгельмины Леер отпраздновали очень торжественно.

Но это торжество было испорчено странным и крайне неприятным для жениха происшествием.

Молодые вернулись домой из-под венца, и к ним начали подходить с поздравлениями, и вдруг все услышали, как невеста вскрикнула и в толпе гостей произошло замешательство.

Когда этот момент проявился, присутствовавшие были изумлены неслыханной наглостью: какой-то молодой человек в черной полумаске подошел к невесте и, довольно бесцеремонно обняв ее, крепко поцеловал в губы. Потом он разыскал

руку жениха и вложил в нее какой-то пакет. Сделав широкий жест, неизвестный удалился.

Жених, увидя вместе со всеми эту сцену, был так взбешен, что забыл обо всем на свете и бросился на призрака, сбив с ног стоявшего на этом месте старичка-советника. Проявилась и эта картина, заставившая многих гостей невольно улыбнуться, несмотря на всю их выдержанность. Все делали вид, что они ничего не видели; гостей попросили за стол, и торжество пошло своим чередом. Слышались поздравления, но они звучали как насмешка; пили тосты, принужденно смеялись вслух и искренне — в салфетку. Лейтенант, не забывая о проявлении, вынужденно улыбался и старался казаться непринужденным, но не мог согнать со своего лба тяжелых морщин, а углы его рта судорожно подергивались.

— Не правда ли, он похож на покойника, присутствующего на своих похоронах? — шептали злые языки, указывая на растерянное, но широко улыбающееся лицо лейтенанта.

Всех интересовал пакет, полученный женихом от неизвестного, и больше всех — самого лейтенанта. Его нетерпение было так велико, что по окончании обеда он прошел в зимний сад и, разорвав пакет, вынул содержимое, посмотрел, поднеся к самым глазам, и вдруг быстро спрятал.

— Что содержится в пакете, который вы получили от неизвестного? — услышал лейтенант голос Леера. Лейтенант вздрогнул от неожиданности.

— В пакете? Ничего. Пустяки. Шалость, — ответил он умышленно громко, чтобы его слышали. — Представьте, это была шутка моего брата. Не совсем удачная шутка, надо сознаться, но он всегда отличался легкомыслием и эксцентричностью.

— Ваш брат? Я ничего не слышал о том, что у вас есть брат, — удивленно сказал Леер. — И почему же ваш брат не снял маски и не остался?..

Леер почувствовал, как лейтенант пожал ему руку. Леер понял этот жест и замолчал.

— Мой брат путешествовал в Африке и только что вернулся. Завтра он, вероятно, сделает нам визит...

Легенда о брате распространилась между гостями, но ей плохо верили.

14. КОНЕЦ «СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЯ»

Марамбалль проснулся, открыл глаза и невольно прищурился от непривычного яркого света. Повернув голову к окну, Марамбалль увидел между двумя высокими домами полосу голубого неба.

Он быстро вскочил с кровати и замахал руками. Марамбалль видел руки в момент их движения! Схватив кресло, он поставил его на середину комнаты. И он видел его там, куда перенес. В мире больше не было двойников и призраков! Световые отображения вещей слились с самими вещами. Сомнения не могло быть: свет приобрел свою обычную скорость. Может быть, она была еще несколько и меньше трехсот тысяч километров в секунду, но это могло интересовать только астрономов. Для практической жизни, в пределах земных явлений, разница в каких-нибудь четыре километра, даже в несколько десятков километров была совершенно неощутима.

Марамбалля охватила безумная радость, как будто он вернулся из мрачной страны теней на родную землю — в сияющий мир реальных вещей, голубого неба, зеленых деревьев.

Он весело запел, закружился по комнате. И эту радостную песнь возвращения к жизни подхватили жильцы его дома, уличные прохожие, весь город, весь мир. Отовсюду слышались возбужденные, веселые голоса. Как будто мир проснулся после долгой и тяжкой болезни, сопровождаемой бредовыми кошмарами, и вдруг почувствовал себя здоровым и бодрым. Люди пели, смеялись, поздравляли друг друга. Шоферы и вагоновожатые, не ожидая официального разрешения, пускали машины и трамваи на полный ход. Ревели сирены, трещали звонки, разноголосый шум и гам до краев наполнил город, который забурлил, как закипевший котел.

— Великолепно! Изумительно! Прелестно! — кричал Марамбалль, не опасаясь, что его сочтут безумным. Он без всякой осторожности уселся в кресло и постучал по ручке кулаком. — Это вещь, а не призрак! Царство призраков окончилось!

Да, царство призраков окончилось, и в ту же минуту произошла переоценка всех ценностей. Хитроумные политические комбинации и международные соглашения — явные и тайные — вновь приобрели ценность, смысл и интерес.

Марамбалль тотчас вспомнил о деле номер 174, которое еще покоилось под матрацем Лайля.

«Теперь папку будет, пожалуй, труднее извлечь незаметно, — подумал Марамбалль. — Но как-нибудь я все же раздобуду ее. Однако надо торопиться. Теперь папка может быть легко обнаружена. Довольно будет Лайлю или служанке случайно отвернуть угол матраца, как они тотчас увидят папку».

Марамбалль быстро оделся и пошел к Лайлю.

Англичанин встретил его с обычным спокойствием. Даже конец «светопреставления» не оживил его. Он, как всегда, сосредоточенно сосал свою трубку, внимательно разглядывая гостя сквозь клубы дыма. Марамбаллю показалось, что на этот раз Лайль только несколько больше прищуривал свои бесцветные глаза — как будто он чуть-чуть насмешливо улыбался одними глазами.

Эта едва уловимая улыбка несколько обеспокоила Марамбалля, но Лайль заговорил, и Марамбалль, слушая его слова, успокоился и начал улыбаться сам.

— Вы слышали, конечно, историю, которая произошла на свадьбе барона Блиттерсдорфа и Вильгельмины Леер?

«Так вот что вызвало тень улыбки на этом каменном лице», — подумал Марамбалль и простодушно ответил:

— Нет, не слышал.

Лайль посмотрел на него недоверчиво, но подробно рассказал о неизвестном в полумаске, поцеловавшем Вильгельмину.

— Таким образом, ваш соперник кем-то отомщен, — закончил Лайль рассказ. — Признайтесь, этот инкогнито в полумаске были вы?

Марамбалль сделал удивленное лицо, не выдержал и беззаботно рассмеялся.

— От вас ничего не скроешь!

— И лейтенант, конечно, знает, что это были вы?

— Разумеется.

— Но ведь он теперь убьет вас. После такой шутки вам небезопасно оставаться в Берлине.

— Нет, он не убьет меня. Он принужден будет проглотить это оскорбление, — ответил Марамбалль.

— Лейтенант как будто не принадлежит к людям, которые способны молча перенести такое оскорбление.

— Он и не перенес. Вы знаете, что лейтенант двумя выстрелами в голову уложил меня наповал. Но, к его несчастью, он убил только Марамбалля-второго — мой призрак. В этом он мог вполне убедиться, видя, как сладко поцеловал живой Марамбалль-первый его молодую жену.

— Лейтенант узнал вас под полумаской?

— Вероятно. Кроме того, он получил от меня «визитную карточку» — мое свадебное поздравление.

— А! Это тот таинственный пакет, который всех так заинтересовал? Что он содержит в себе? Говорят, лейтенант отказался сообщить об этом даже Вильгельмине и ее отцу.

Марамбалль многозначительно шевельнул бровями, поднялся и зашагал по комнате, незаметно приближаясь к кровати.

— Я вам все объясню. Лейтенант вошел в комнату так неожиданно, что действительно мог уложить меня на месте. Но все же я услышал и узнал его шаги и успел отбежать в сторону. Пули пролетели так близко от моего лица, что я почувствовал удар воздуха. Чтобы ввести лейтенанта в заблуждение, я застонал. — Марамбалль счел лишним сообщать Лайлю маленькую подробность этого происшествия о том, как он нырнул под стол. — Так вот. Сделав свое злое дело, лейтенант поспешил уйти. А я, успокоив соседей, приготовил свой фотографический аппарат, который, по обыкновению, у меня всегда заряжен, и начал ждать проявления. Таким образом, я заснял всю последовательность событий: себя, сидящего за столом, и лейтенанта, стреляющего в пустое кресло. Вы понимаете, что когда проявился «призрак» лейтенанта, то меня уже не было на кресле, хотя лейтенант в момент выстрела и видел мое отражение. Эти последовательные снимки являются бесспорным доказательством преступления лейтенанта — покушения на убийство. Если оно не окончилось настоящим убийством, то только благодаря «фокусу» светопреставления, давшему мне возможность избегнуть опасности в последний момент. Для большей убедительности я сложил два негатива: один с изображением меня, сидящего на кресле, и другой — с изображением лейтенанта, стреляющего в меня. Так как обстановка комнаты была неизменна, то получилась полная картина покушения на убийство.

Марамбалль уселся на краю кровати, опустил руки и, раскачиваясь, незаметно запустил пальцы под матрац.

— И эту фотографию вы поднесли лейтенанту?

— Целых три снимка: меня, его и один снимок «синтетический». Теперь вам должно быть все понятно. Лейтенант предупрежден, что в моих руках есть документ, который может изобличить его в каждую минуту, если только он начнет преследовать меня. Идти из-под венца в тюрьму не очень-то приятно.

— Лейтенант имеет слишком большие связи. Он может потушить дело.

— Едва ли. Ведь фотографии я могу опубликовать в иностранной прессе. Такой скандал, если он даже не дойдет до судебного процесса, повредит лейтенанту весьма ощутительно. Этого мало. Копии фотографий я могу передать также Вильгельмине. Она узнает, что ее муж преступник. Помимо того, что это испортит их отношения, Вильгельмина всегда сможет пустить в ход это орудие против мужа, и он окажется в руках своей жены.

Марамбалль все глубже запускал пальцы под матрац, но, к его ужасу, не нащупывал папки. Лайль сидел вполоборота к нему и дымил.

— И в ваших руках? Чего доброго, вы сделаетесь другом дома, — иронически сказал Лайль.

— Это... будет видно... — несколько растерянно сказал Марамбалль.

Папка исчезла... Но Марамбалль еще не терял надежды, что она случайно сдвинута, и продолжал ерзать по кровати.

— Но отчего же вы сразу не предъявите в суд ваши изобличающие фотографии?

— На это у меня есть свои соображения.

Лайль вдруг круто повернулся к Марамбаллю и, глядя прямо ему в глаза, сказал:

— Не ищите, там нет папки.

Марамбаллю показалось, будто скорость света вдруг уменьшилась до нуля. В глазах его потемнело.

— Как?.. пап?.. какой папки?.. — пролепетал он, заикаясь.

— Ну, разумеется, той самой, которую вы положили мне под матрац.

— Я не клал никакой папки!

— Тем лучше, — спокойно ответил Лайль. — Значит, папка сама пожаловала ко мне, и я могу распоряжаться ею.

— Послушайте, Лайль, — взмолился Марамбалль, — мой друг, верните мне папку! Я с опасностью для жизни похитил ее из дома Леера.

— Послушайте, Марамбалль, — ответил Лайль, — вы мой друг, и вы поступили так вероломно, подкинув мне краденый документ...

— Но мне ничего больше не оставалось делать... за мной гнались, я не был уверен, что мне удалось замести следы... Ваша квартира... экстерриториальность.

— Вы могли скомпрометировать не только меня, но и все английское посольство. Почему вы не воспользовались экстерриториальностью вашего посольства, которое находится рядом? Никаких оправданий! Уж если дело номер сто семьдесят шесть попало ко мне, я не выпущу его из рук.

— Дело номер сто семьдесят шесть? — переспросил Марамбалль. — Простите, вы ошибаетесь! Дело номер сто семьдесят четыре.

— Никакого дела номер сто семьдесят четыре у меня нет, — ответил Лайль.

— Вы лжете!

— Что-о? — Лайль сжал сухой жилистый кулак, покрытый с тыльной стороны веснушками. — Я лгу? Если вы не возьмете обратно своих слов, то сейчас же перелетите с территории английского посольства на территорию французского, — угрожающе сказал он. Их дружба не выдержала серьезного испытания. Марамбалля так взбесило поведение «друга», что он готов был помериться с ним силами: раздвинув локти, он тоже сжал кулаки, готовясь отразить удар.

Но в это время неожиданно заговорил рупор радиоприемника, и первые же слова, которые раздались в комнате, заставили друзей-врагов остановиться и прислушаться.

— Алло! Алло! Всем, всем, всем! Слушайте! Слушайте! «Светопреставление» окончилось, но оно может повториться!

«Этого еще недоставало!» — подумал Марамбалль и, опустившись в кресло, начал слушать.

— Чтобы понять, какие причины вызвали замедление света, необходимо прежде всего выяснить сущность света.

Марамбалль совсем не был расположен слушать научные лекции, в особенности в решительный момент борьбы за обладание делом номер 174. Но... «светопреставление» может повториться! А если оно повторится, все дела потеряют смысл. Во всяком случае, интересно знать, каковы шансы на повторное «светопреставление»... И он покорился необходимости выслушать скучные сообщения, под которыми, однако, скрывались самые жизненные интересы. Лайль молча стоял, прислонясь к столу, и тоже слушал.

— В настоящее время, — говорил радиорупор, — существует две теории света: атомная и волновая. Атомная теория утверждает, что всякий источник света представляет собою нечто вроде батареи, обстреливающей окружающие тела ураганным огнем, причем снаряды посылаются равномерно по всем направлениям и летят прямолинейно. Скорость их полета обычно постоянна и равняется в пустоте тремстам тысячам километров в секунду. *В случае же прохождения света в другой среде — воздух, стекло — скорость света хотя и очень велика, но несколько иная.*

При попадании в какую-нибудь материальную мишень световые атомы не разрываются, как артиллерийские снаряды, но или застревают в этой мишени (поглощение света), или отскакивают от нее рикошетом (отражение света), или же, наконец, проходят внутрь и распространяются далее, но уже в несколько отличном от первоначального направлении (преломление света). Так, в общем, смотрел на природу света Ньютон. Взгляды эти господствовали в течение века, но были вытеснены волновой теорией, о которой скажем ниже, и вновь возродились в так называемой квантовой теории света (от латинского «квантум» — «количество, порция»).

По квантовой теории, «атомы света» являются материальными частицами и отличаются от обыкновенной материи только тем, что не имеют той прочности, «вечности», которой обладают все материальные атомы. Атомы света «рождаются» за счет переизбытка энергии того атома, который их выбрасывает, «живут», то есть существуют, во время своего полета от выбросившего их атома до другого и, наконец, «умирают», то есть исчезают, превращаясь в энергию последнего.

Теперь посмотрим, от каких причин могло произойти уменьшение скорости света, исходя из атомной теории света.

Допустим, что между солнцем и землей в мировом пространстве появилась какая-то преграда, в виде ли газа или какого-нибудь иного неизвестного нам состояния сильно разреженного материального вещества. Если бы это вещество поглощало атомы света, то наша земля погрузилась бы в темноту. Равным образом свет не дошел бы до нашей земли, если бы он оказался отраженным этой преградой на пути. Наконец, при преломлении света лучи света могли бы изменить направление, но не скорость. Остается одна гипотеза, на которую мы указали: замедление света при прохождении через неведомую нам преграду. Что это за преграда, остается невыясненным. Быть может, это особого рода туманность. И если эта туманность напоминает по своей форме те, которые мы наблюдаем в телескоп, то весьма вероятно, что и эта неизвестная туманность имеет вид спирали. А в таком случае наша земля в своем движении вместе со всей Солнечной системой может пересечь еще не один «завиток» этой туманности, и тогда эффект замедления света может произойти вновь.

Поэтому правительство настоятельно рекомендует иметь наготове звуковые сигнализационные аппараты и прочие приспособления, созданные во время «светопреставления», для регулирования уличного движения и трудовых процессов.

Так обстоит дело, если мы будем исходить из атомной или квантовой теории света.

Что касается волновой теории, то световые колебания представляются ею как силовые, то есть как быстрые периодические изменения в каждой точке пространства электрических и магнитных сил, исходящих из источника света. По волновой теории, волны видимого света ничем не отличаются от всем известных радиоволн. Скорость радиоволн равна скорости света. Замедления в скорости радиоволн мы как будто практически не наблюдали. Однако нам приходилось наблюдать одно весьма странное и непонятное явление. Как известно, радиоволна обегает вокруг всего земного шара в очень короткий промежуток времени ($^1/_7$ доля секунды) и вновь попадает в место отправления, как «эхо». Таким образом, вы можете многократно принять волну, посланную вами вокруг земного шара. Но отмечены случаи, когда радиоволна, отправленная станцией, куда-то «пропадала» и не возвращалась целые минуты — десять, двенадцать минут! Где блуждала она?

Очевидно, где-нибудь в мировых пространствах, пока не вернулась, быть может, отраженная каким-нибудь небесным телом. Что изменило ее направление, мы не знаем. Но мы знаем, что радиоволна пришла с опозданием в двенадцать минут, хотя скорость ее «полета», вероятно, была не меньше обычной. Если же свет является по своей природе такой же электромагнитной волной, то не произошло ли с ним такого же явления, как и с блуждающей радиоволной?

Как бы то ни было, но причины, вызвавшие замедление света, могут повториться. И поэтому еще раз: осторожность, осторожность и выдержка.

Радиопередача прекратилась. Марамбалль посмотрел на Лайля.

Лайль молчал.

— Зачем им это понадобилось? — сказал Марамбалль. — В конце концов, ничего определенного. Одни гипотезы. Мы и без них знали, что то, что произошло раз, может произойти и другой раз. Теперь не время читать лекции! Но мы не кончили с вами разговора, Лайль. Это проклятое радио...

— Я думаю, конец разговора будет не в вашу пользу, Марамбалль, — сказал Лайль, опять сжимая кулак. Марамбалль напыжился, как петух, готовый к бою.

Но в этот момент кто-то постучал в дверь. Лайль двинулся к двери, как будто не замечая Марамбалля, стоявшего на пути, и Марамбалль должен был свернуть в сторону.

* * *

В комнату вошел Метакса. Все лицо его улыбалось, белые зубы сверкали, маслянистые глаза лоснились как никогда.

— Здравствуйте! Вас двое? Это хорошо! Я был у вас, Марамбалль, ночью был — такое дело. Швейцар сказал — вы дома, но я не достучался и ушел. Крепко спите. Честный человек всегда крепко спит.

«Так вот кто был у меня ночью, как это я не догадался, — подумал Марамбалль. — Но у Метаксы нет бороды. Или он был загримирован?»

— Дело есть, большое дело! — продолжал Метакса.

— А какой номер вашего дела? — шутливо спросил Лайль. Он уже был спокоен, как всегда.

— Хо-хо, вы угадали. Дело номер сто семьдесят четыре.

— Что-о? Не может быть. Дело номер сто семьдесят четыре у меня, то есть у Лайля.

— Не может быть, дело номер сто семьдесят четыре у меня, — ответил Метакса.

— О тайном соглашении между Германией и Советской Россией?

— О соглашении между этими странами, — ответил Метакса.

— Но ведь это дело я собственными руками взял со стола Леера, — не удержался Марамбалль.

— Значит, вы впопыхах взяли «призрак» этого дела. Вернее, вы взяли какое-то другое дело, которое лежало под папкой-номер сто семьдесят четыре, а эту папку я взял за две-три минуты до вас. Уходя, я даже слышал, как вы вошли в кабинет, и догадался, что это вы. Вы сами наказали себя. Я предлагал вам сделку — помните, в театре? Вы отказались, пожалели тысячи марок; тогда я решил действовать сам.

— Надеюсь, теперь вы извинитесь передо мною? — спросил Лайль.

— Да, простите! Но кто бы мог думать? Какой я был осел! Мне нужно было поднести папку к самым глазам... Но где она, покажите мне ее?

Метакса улыбнулся грустной улыбкой глаз и хитрой — румяных губ.

— Пять тысяч марок! «Имера» — очень хорошая газета, но она не заплатит мне и шестисот. А мне надо жить и закончить образование.

— Пять тысяч! — возмутился Марамбалль. — Но это грабеж! Это нечестно, Метакса, вы выкрали у меня дело из-под рук.

Метакса улыбался все так же грустно и хитро.

— Это очень дешево. За дело номер сто семьдесят четыре можно получить двадцать, тридцать, сорок тысяч.

— Две, ну, три тысячи марок я могу вам дать, Метакса. А если вы не согласитесь, то я... я донесу на вас!

— Ну и что же? — невозмутимо ответил Метакса. — Вы — на меня, я — на вас; оба отсидим в тюрьме, и вы не получите даже за донос.

— Я даю пять тысяч марок, — небрежно процедил Лайль сквозь клубы дыма.

— Нет, нет, — завопил Марамбалль, — я первый покупатель! Вы, Лайль, ничего не сделали для этого дела, а я ставил на него очень многое. Я даю пять тысяч, где дело? — поспешно обратился он к Метаксе.

— Десять тысяч марок, — так же спокойно продолжал Лайль.

— Стойте, подождите; ведь это же бессовестно!

Лайль нахмурился.

— То есть бессмысленно, хотел я сказать. Зачем мы будем набивать цену? Не надо больше! Пусть он подавится, я дам ему десять тысяч, но не будем устраивать аукциона. — Марамбалль вдруг схватил Лайля за плечи и, чуть не плача, заговорил: — Ведь вы же — мой друг. Ну, умоляю вас! Давайте мы порешим так. Пусть у вас останется дело, которое раздобыл я. Я ничего не возьму с вас за него, а вы уступите мне дело номер сто семьдесят четыре. Согласны?

— Йес, — коротко ответил Лайль, высвобождаясь от объятий француза.

Марамбалль вздохнул и вынул чековую книжку и «вечное» перо.

Он испытывал такое чувство, как будто должен был засесть за самый трудный фельетон. Он вздыхал, вертелся на стуле, наконец поднялся и зашагал по комнате.

Метакса терпеливо ожидал, как паук, наблюдая за жертвой, которая уже попалась в паутину, но еще мотался на стуле, наконец, поднялся и зашагал по комнате.

— Скажите, Лайль, — спросил он, — вы ознакомились с делом номер сто семьдесят шесть?

— Да. В нем есть кое-что пикантное. Оно вскрывает — мягко выражаясь — влияние одного концерна на правительство при издании закона о пошлинах на иностранные товары. Но, конечно, десять тысяч марок на этом деле не заработаешь, — скромно ответил Лайль.

Марамбалль шумно вздохнул.

— Десять тысяч марок! Это почти весь мой аккредитив. Может быть, вы уступите хоть несколько тысяч?

Метакса многозначительно посмотрел на Лайля.

— Ну, пусть будет по-вашему, кровопивец!

И с таким видом, как будто он подписывал собственный смертный приговор, Марамбалль заполнил чек, оторвал его и, подавая Метаксе, сказал:

— С рук на руки.

Метакса не спеша расстегнул пиджак, белый жилет и рубашку и извлек из-под рубашки папку, на которой крупным шрифтом было напечатано: «Дело № 174».

Документы перешли из рук в руки. Метакса, сладко улыбнувшись своими черными, как маслины, глазами, ушел.

Но, прежде чем Марамбалль успел раскрыть заветную папку, Метакса неожиданно вернулся. Он приоткрыл дверь и, заглядывая в комнату одним глазом, похожим на маслину, сладко пропел:

— Господин Марамбалль, вы хотите вернуть свои десять тысяч марок?

— Ну, разумеется! В чем дело, Метакса?

— Дайте мне еще две тысячи, и через полчаса у вас будут назад ваши десять. Ну, через час, не больше.

Марамбалль недоверчиво посмотрел на Метаксу.

— Обманете!

— Господин Лайль будет свидетелем. Хорошее дело, верное дело! Вы ему дайте две тысячи марок. Когда получите назад десять, он мне отдаст. Идет?

— Хорошо! Что я должен делать?

— Написать еще чек на две тысячи.

Марамбалль подумал, вздохнул и, как зарвавшийся игрок, решил идти «ва-банк». Он написал чек на две тысячи и передал его Лайлю, который спокойно положил чек в карман.

— Теперь что я должен делать?

— Идти, бежать, ехать, лететь домой и взять с собою негативы, где снят барон, который стрелял в вас!

— Ну и дальше что?

— Барон Блиттерсдорф купит у вас эти негативы. Вы идите за негативами, а я — за бароном. Хорошо? — И, не ожидая ответа, Метакса закончил: — Очень хорошо!

Марамбалль нашел, что сделка действительно подходящая. У него есть в запасе несколько снимков, с которых он может сделать новый негатив, если понадобится, а негатив почему бы не продать за хорошую сумму?

— Хорошо! Я согласен. Отправляйтесь за бароном, а я иду

за негативами. — Марамбалль засунул дело № 174 под жилет и отправился к себе. Лайль согласился на то, чтобы встреча произошла у него — «на нейтральной почве».

Таксомотор быстро доставил Марамбалля туда и обратно. Когда Марамбалль вернулся, Метаксы и барона еще не было. Однако скоро явились и они. Барон был в штатском и держался так, как будто он явился во вражеский лагерь подписывать мирный договор.

— Надеюсь, вы уведомлены о причине моего визита, — сказал он, чинно раскланиваясь и не протягивая руки.

— Да, да, — быстро ответил Марамбалль.

— Господин Метакса говорил мне, что вы, барон, интересуетесь фотографией и скупаете негативы. У меня есть три очень интересных негатива.

— Цена?

— Двадцать тысяч марок.

Блиттерсдорф с недоумением посмотрел на Метаксу. Тот изобразил на своем лице еще большее недоумение и посмотрел на Марамбалля.

— Этой суммы я не могу дать вам.

— Пятнадцать — крайняя цена!

— Десять!

— Пятнадцать!

— До свидания!

— Четырнадцать! Тринадцать! Двенадцать!! Больше не могу уступить. Это очень дешево!

Барон вернулся от двери.

— Двенадцать тысяч я, пожалуй, дам, но с одним непременным условием... Вы могли сделать копии с этих фотографий...

Марамбалль взмахнул руками, чтобы показать, что он и не думал делать этого. Папка, которую он продолжал держать под жилетом, начала выскальзывать от этого резкого движения. Марамбалль подхватил ее, но — увы! — барон уже успел заметить мелькнувший на момент номер 174.

«Интересное открытие!» — подумал барон, но не подал вида.

— Итак, вот мое непременное условие, — сказал барон, — вы не должны в дальнейшем шантажировать меня и не пустите больше в оборот ваши гнусные снимки.

— На них изображены вы, господин барон!

— На них изображены вы, господин Марамбалль! И если вы не выполните обещания, то...

— То?

— То я убью вас. Второй раз я не промахнусь. «Светопреставление» окончилось.

— Хорошо! Я принимаю ваши условия, — ответил Марамбалль. — Я даю торжественное обещание никогда не опубликовывать снимков. Но со своей стороны требую от вас обязательства не предпринимать против меня никаких агрессивных сделок.

Барон улыбнулся.

— Хорошо! Согласен.

* * *

Еще одна сделка состоялась. Марамбалль вручил барону негативы, а барон Марамбаллю — двенадцать тысяч марок. Барон положил негативы в карман, сделал очень короткий общий поклон и вышел из комнаты. Прежде чем он дошел до двери, Метакса уже получил от Лайля свои две тысячи и выскользнул из комнаты вслед за бароном с быстротою ящерицы.

Наконец-то Марамбалль мог насладиться чтением дела номер 174! Ему так не терпелось, что он решил тут же заняться этим.

Марамбалль, задыхаясь, подсел к столу и начал просматривать дело, которое ему стоило стольких волнений и денег.

Лайль спокойно курил трубку, сидя на подоконнике окна.

Окончив просмотр дела, Марамбалль вдруг беспомощно обвис всем телом, как будто из него вынули все кости.

— *Интересное дело? — спросил Лайль.*

— Торговое соглашение. Все это текстуально и официально было опубликовано и напечатано в газетах. И ни слова больше! Никакого тайного соглашения между Германией и Советской Россией... — ответил Марамбалль коснеющим языком.

Лайль почти беззвучно усмехнулся. Но слух Марамбалля еще не утратил остроты, приобретенной им в дни «светопре-

ставления». Эта усмешка явилась искрой, взорвавшей пороховой погреб.

Марамбалль точно обезумел. Лицо его исказилось, он закричал так, как будто сам сидел на взорвавшемся пороховом погребе.

— О, мошенники! Подлецы! Обманщики! Вы обманули меня, продажные души! Вы спровоцировали меня на кражу. Вы с Метаксой составляли бандитскую шайку. Вы сами заключили «тайное соглашение держав — Англия и Греция против Франции». Вы, Лайль, набивали цену умышленно. Вы ограбили меня... Вы... вы...

Больше Марамбалль не произнес ни слова. Его крик мог привлечь внимание соседей, и Лайль принял меры: он быстро подошел к беснующемуся Марамбаллю и, сжав его челюсти, как железными тисками, своими сухими, жилистыми, веснушчатыми руками, почти ласково сказал:

— Я же предупреждал вас, Марамбалль, что Метакса хитрее нас двоих, вместе взятых. Не волнуйся, прекрасная Франция. Жизнь — игра и борьба. Сегодня тебе не повезло. Но завтра ты можешь заключить такое же блестящее тайное соглашение с Италией или Бразилией против Англии и отыграться. — И уже строго Лайль закончил: — Пожалуйста, не кричите так громко, господин Марамбалль, о наших маленьких разногласиях. Не забывайте, что мы в Германии.

Марамбалль вздохнул, засунул папку под жилет, хотя она больше и не нужна была ему, и, не простившись с Лайлем, вышел из комнаты. Он отправился к себе.

В зеркальном платяном шкафу, в задней стенке, Марамбалль приделал вторую доску. Между доской и стенкой он хранил документы, которые не должны были попадаться на глаза немецкой полиции. Марамбалль запер дверь на ключ, вынул вторую доску, извлек из своего потайного хранилища снимки с негативов, которые только что продал лейтенанту, и прошептал:

— Вы еще услышите обо мне, господин барон! — Снимки были в сохранности. Но что делать с делом номер 174? Такую улику было опасно держать в комнате, хотя бы и в потайном шкафу. Марамбалль решил сжечь папку.

Но, прежде чем он успел выполнить свое намерение, в дверь постучались. Марамбалль все эти дни жил в напряженном ожидании и потому принял все меры, чтобы не быть застигнутым врасплох. Он сделал в двери едва заметную скважину, через которую и мог видеть, кто пришел к нему.

К своему ужасу, Марамбалль увидал отряд полиции. Сомнения не было. Барон заметил под его жилетом выскользнувшую папку и поспешил сообщить полиции, чтобы она арестовала Марамбалля с поличным... «О проклятый барон!» — выбранился Марамбалль шепотом.

Однако что же делать? Сжечь папку он не успеет. А в дверь настойчиво стучали, и чей-то грубый голос кричал:

— Откройте, господин Марамбалль, иначе мы выломаем дверь! Ведь мы же видели, что вы вошли в свою комнату!

«Однако как быстро работает берлинская полиция! — удивился Марамбалль. — Вероятно, барон сообщил по телефону, и полицейские тотчас же последовали за мною...»

Дверь уже трещала... Еще несколько мгновений — и она сломалась под натиском дюжих тел. Полицейские ворвались в комнату. Она была пуста.

Пока полицейские оглядывались, неожиданно заговорил рупор радиоприемника глухим, «картонным» загробным голосом. И этот загробный голос говорил об очень страшных вещах:

«Алло! Алло! Новая катастрофа! Земля вошла в полосу туманности, состоящей из отравленных газов! Спасайтесь в газоубежище! Десяти минут достаточно, чтобы газ отравил человека...»

Эта весть ошеломила полицейских. Позабыв о цели своего прихода, они бросились в коридор и побежали к ближайшему подземному газоубежищу, сбивая с ног и давя удивленных прохожих.

А Марамбалль вышел из-за шкафа и вдруг начал трубить победный марш в рупор радиоприемника.

— Хорошую штуку я сыграл с ними! — весело сказал он. — Теперь их не вытащишь из газоубежища. А мне нужно не больше получаса, чтобы добраться до вокзала. Виза на выезд в кармане, деньги есть. — И Марамбалль вдруг засмеялся еще громче. — Представляю, какую гримасу сделает Метакса, когда придет в банк получать по чеку и узнает, что на моем текущем счету лежит всего несколько сотен марок.

НЕТЛЕННЫЙ МИР

Началось с простокваши. Даже не с простокваши, а с молока, которое почему-то не захотело скиснуть.

Павел Иванович Симов, учитель школы при совхозе «Заря», пригласил своего приятеля, молодого рабочего совхоза Зиновия Лукьянова, которого он называл «Зиночкой», прийти в воскресенье на обед.

— Простокваша будет! — (Зиночка был большой любитель простокваши.)

Однако полакомиться простоквашей не удалось: молоко не скисло. Жена Симова, Ольга Семеновна, была смущена, выслушивая упрек мужа.

— Ну как же это ты так? — говорил Симов. — Наверно, не поставила вовремя?

— Со вчерашнего дня стоит, — оправдывалась Ольга Семеновна. — Лето, время жаркое. Обыкновенно если с утра поставлю, так к обеду уже скиснет, а тут как нарочно...

— Может быть, ты кусок сахару туда бросила, в молоко? Если сахар бросить, то молоко не скисает, — пояснил Симов, обращаясь к Зиновию. — Делать нечего, давай молоко выпьем, которое скиснуть не захотело. — И уже сделав несколько глотков, Симов сказал, покачав головой: — Действительно странно. Стоит чуть не сутки — и совершенно свежее, сладкое, будто сейчас из-под коровы.

— Говорят, молоко в грозу быстро скисает, — промолвил Зиновий, поддерживая разговор. Завязалась беседа. Озабоченная Ольга Семеновна ушла в кухню. Через некоторое время она явилась возбужденная.

— Ну вот, ты меня обвинял, — сказала она мужу. — Я была у Марии, они тоже всегда простоквашу делают, и Мария Ивановна сказала, что и у нее молоко не скисло, и у Аннушки тоже.

— Форменная молочная забастовка, — смеясь, сказал Симов.

В это время мимо веранды, где они сидели, прошел сыровар Гриневич.

— Адольфу Ивановичу почтение! — крикнул Симов. — Слыхали новость — молоко не киснет? Как у вас с сыром?

— Ничего не выходит! — ответил сыровар на ходу. — Наверно, наши коровы какой-нибудь травы поели, которая изменила состав молока. — И он ушел походкой занятого человека.

— В самом деле, удивительно, — задумчиво промолвил Симов. — Зиночка, а ты не поможешь ли мне закопать тушу моего павшего мерина? — И, закашлявшись (Симов был туберкулезный), он продолжал: — Кожу я вчера снял, а туша валяется второй день. Наверно, сейчас к ней подойти нельзя — вонь такая. Как бы не оштрафовали меня.

Зиночка охотно согласился. Он сегодня был свободен. Захватив лопаты, друзья отправились в путь.

Труп лошади лежал в канаве, у опушки леса. Красная ободранная туша виднелась издали. Рой мух кружился над ней. Симов уже заранее морщил нос, однако он ошибся. От туши не несло ни малейшим запахом гниения. Друзья подошли ближе, посмотрели, понюхали. Туша не имела никаких следов разложения.

— Не гниет ваш конь, — сказал Зиночка.

— Да, странно, — отозвался Симов. — Ну, что же, тем лучше. А закопать все-таки надо.

И они принялись за работу.

На обратном пути они опять встретились с сыроваром и узнали от него новости: не только молоко, но и пиво, и вино отказывались скисать. На уксусном заводе приостановилась работа: из пивного уксусного затора не получалась уксусная кислота.

— Сейчас наши химики работают, делают анализы, хотят понять, в чем дело, но пока не понимают.

— И мясо не гниет, — поделился Симов своими впечатлениями.

— Да, и мясо не гниет, — ответил сыровар. — Многие уже обратили на это внимание. До свидания. Спешу в сыроварню.

— Павел Иванович, — обратился Зиночка к учителю, — вы все знаете, что же это такое значит? Отчего все это может произойти?

— Друг мой, я далеко не все знаю. Ты слыхал, даже химики еще ничего не понимают. Надо подумать.

И, когда они расстались, Симов начал «придумывать», но ничего не придумал. Вечером отправился в клуб узнать новости. А новостей было немало. Симов едва пробрался сквозь толпу, наполнявшую комнату, к самой трубе громкоговорителя и замер. Низкий голос картонного тембра «чревовещал» об изумительных вещах, которые произошли во всем мире. Симов узнал, что не только молоко, во и все продукты, которые могли скисать, не скисали (вино, пиво, тесто с дрожжами). Но что особенно было удивительно: мясо всюду перестало гнить.

— В чем же дело? — не удержался Симов и громко спросил черный рупор: — Воздух, что ли, изменился?..

А рупор продолжал мучить Симова неразгаданными загадками:

«При мочке льна, конопли и других прядильных растений из клеточной ткани уже не выделяются тонкие лубяные волокна...»

— Ну и что же? — спросил кто-то. На него зашикали. Рупор продолжал:

«Из Бомбея сообщают, что вспыхнувшая там эпидемия чумы неожиданно оборвалась...»

«В Софии, в Болгарии, так же неожиданно прекратилась эпидемия брюшного тифа, а в Англии — гриппа. Туберкулезные всего мира идут гигантскими шагами к полному выздоровлению...»

— Так вот почему мне стало легче. Я знаю, в чем дело! — закричал вдруг Симов, стараясь перекричать рупор. — Мир избавился от бактерий.

Да, это было так. И следом за Симовым рупор сказал то же самое.

Для всех знакомых с работой бактерий это было ясно с первого же момента.

Если молоко не киснет, мясо не гниет, уксусный затор не превращается в уксус, то ясно, что прекратилась деятельность бактерий, производивших всю эту работу. Прекращение эпидемий и быстрое выздоровление заразных больных объяснялось тою же причиною. Бактериологические исследования вполне подтвердили это предположение. Ученые-бактериологи с разных концов мира сообщали друг другу и газетам одну и ту же весть: все бактерии исчезли.

Мир избавился от невидимых существ, наполнявших собою воздух, землю и воду.

Первым чувством, когда об этом узнал Симов, была радость, безмерная радость больного, почти обреченного человека, который вдруг исцелился! И, не слушая дальше, о чем говорил громкоговоритель, Симов вышел из клуба.

«Так вот отчего мне так легко дышится со вчерашнего дня и я почти не кашляю», — думал он.

— А, Зиночка! Иди сюда! — крикнул Симов, увидав Лукьянова, который спешил в клуб. — Новости! Отличные новости. И знаешь, я таки сам отгадал, отчего все это произошло. Честное слово, сам, прежде, чем сказал рупор. Понимаешь ли, Зиночка, — и как это мне раньше в голову не пришло? — на свете перемерли все бактерии. Все до единой отправились к чертовой прабабушке.

— А отчего они перемерли? — спросил Зиновий.

— Да не все ли равно отчего? Главное то, что нет больше чумы, холеры, тифа, туберкулеза, испанки и прочей дряни. Ты понимаешь, Зиночка, я теперь совершенно здоровый, абсолютно здоровый человек. В моем теле нет ни одной туберкулезной палочки. Нет больше заразных болезней, нет больше чумы и сибирской язвы! Нет болезней, нет и гниения. Это значит, Зиночка, что мы сможем пересылать рыбу из Каспия в Москву, из Архангельска в Калугу в обыкновенных товарных вагонах и она не будет портиться.

— И трупы людей не будут портиться? — спросил Зиновий.

— Ну, конечно.

— Куда же они денутся?

— Куда? Закопаем, — ответил Симов.

— И простокваши никогда есть больше не будем? — со вздохом спросил Зиновий.

— Экая беда! — ответил Симов. — Без простокваши и без сыру жить можно. Проживем и без уксусу, а что вино да пиво не будет скисать, так это даже лучше. Зато здоровье! Долголетие! Нет больше страха заразиться. Можно есть немытые фрукты, не боясь схватить дизентерию. Больше того, когда мы умрем, наши тела не будут тлеть. Не одним же телам фараонов после смерти переживать века! Да что там фараоны, сухие мумии, почерневшие куклы! После смерти мы будем лежать бесконечно долгое время свежими, как сорванное яблоко. Мир стал нетленным! Да здравствует жизнь без бактерий!..

Если для Симова было безразлично, почему вдруг перемерли все бактерии, то это не было безразлично ученым, и они усиленно работали над разрешением задачи. Было высказано много гипотез. Наиболее правдоподобной считалась следующая. Так как бактерии уничтожены решительно во всем мире — в воздухе, в воде, на земле и в недрах земли, — приходится прийти к выводу, что их погубила какая-то вредоносная сила, наполнившая мгновенно и одновременно всю толщу земного шара с его воздушной оболочкой; но какая это могла быть сила? Допустим, что земля прошла через небесные пространства, наполненные каким-нибудь особым, неведомым нам газом, который явился убийственным только для бактерий. Такой газ, однако, едва ли мог проникнуть в глубины почвы и воды. Исследования же показали, что анаэробные бактерии были убиты и в местах, недоступных воздуху. Поэтому приходится допустить, что причиною уничтожения бактерий были не химические воздействия, а физические. Быть может, до Земли достигли с отдаленнейших глубин мирового пространства какие-нибудь ультракороткие лучи, вроде лучей Милликена, которые и поразили насмерть все бактерии. Правда, ни один точный инструмент не мог уловить этих лучей, но это не могло служить доказательством того, что лучей нет. Ведь и космические лучи Милликена не были известны человечеству до самого последнего времени.

Так бактерии погибли, сожженные неведомыми ультракороткими лучами, совершенно безвредными не только для высших животных и человека, но и для мельчайших насекомых. Только микроскопические существа, населявшие нашу планету, пали жертвой этих лучей.

Дальнейшие изыскания ученых продолжались, а жизнь шла своим новым, «нетленным» путем, и с каждым годом изменялось лицо Земли. Симов, совершенно оправившийся от своей болезни, и Зиновий осенью ходили на охоту и, бродя по окрестностям, могли наблюдать эти изменения. Опавшие листья устилали землю толстым ковром. Они больше не гнили, так же как ветки и сломанные бурями сучья. Лесная почва засорялась древесными отбросами, которые затрудняли доступ

к корням воздуха и влаги и мешали обсеменению. Травы желтели, сохли, но не гнили. Сквозь прозрачную осеннюю воду рек и прудов видно было дно и на дне прекрасный разноцветный, нетленный, толстый ковер опавших листьев, а на этом ковре целое кладбище: мертвые рыбы и лягушки. Правда, часть мертвецов тут же пожиралась живыми, но немало трупов оставалось нетронутыми. Всюду по полям и лесам валялись дохлые вороны, трупы кошек, собак. Не было больше могильщиков-бактерий, которые быстро превращали трупы в простейшие химические элементы.

Кладбища в больших городах не могли уже принимать новые трупы на место истлевших в могилах. Все трупы были нетленны. Спешно строились крематории, но их работа требовала топлива, а его приходилось экономить. Потребности в топливе, как и в пище, увеличивались необычайно быстро: с тех пор как исчезли заразные болезни, прирост населения увеличивался неудержимо. Источники же питания, наоборот, быстро иссякали. В почву больше не поступали продукты гниения — аммиак и азот. Без этого удобрения почва с каждым годом истощалась, урожаи падали. Старые леса гибли, заваленные буреломом, новые не подрастали, так как тот же бурелом препятствовал обсеменению и росту. Ученые выбивались из сил, работая над тем, чтобы изобрести поскорее средства, которые могли бы хоть в небольшой степени заменить работу бактерий, но похвалиться удачами нельзя было. То, что бактерии делали быстро и незаметно, приходилось достигать дорогою ценою и слишком медленно. Увы, мир потерял не только вредоносных бактерий, уничтожения которых никто не оплакивал, но и полезных незаменимых работников — армию невидимых тружеников, которые день и ночь беспрерывно перерабатывали бесполезные мертвые ткани в полезные химические вещества, возвращали жизни то, что брала смерть.

Будущее человечества и всего живого на Земле представлялось в самых мрачных красках.

Круговорот веществ был нарушен. То, что умирало, становилось нетленным и этим самым связывало навсегда вещества, необходимые для постройки новых живых клеток. Смерть как бы безвозвратно уносила часть жизни, и эта жизнь

лежала мертвой, связанной навеки, как связаны химические соединения в камнях. Сырой материал для живой протоплазмы — аммиак и азот — больше не получался из белковых соединений трупов.

Правда, в новом порядке вещей были и некоторые выгоды: мясо больше не портилось. Симов и Лукьянов осенью настреляли горы уток, и они пролежали весь год на солнцепеке и не испортились. Но эти небольшие выгоды не искупались большими потерями. Через несколько лет уже нельзя было пройти по лесу — горы листьев, веток и сучьев поднимались почти до вершины. Леса глохли, деревья засыхали. Почва истощалась и почти не давала урожаев. Искусственного удобрения не хватало. Люди уже голодали, а впереди была голодная смерть. Не было больше заразных болезней, но появились новые, неведомые ранее болезни. Люди, даже питавшиеся относительно хорошо, как-то чахли, теряли силы, истощались. Врачи полагали, что это зависело от того, что в организме людей, в их желудке и кишках, не было больше бактерий, которые выполняли очень важную и полезную роль. Организму чего-то не хватало. Пища в желудке не переваривалась так, как надо, не претерпевала тех изменений, которые делали ее особенно полезной для организма. Симов вновь почувствовал себя больным, хворала и его жена. Даже Зиночка и тот жаловался на недомогание.

— Павел Иванович, — говорил он, — плохо без простокваши!

— Да, друг мой, — отвечал Симов. — Я маленько того, ошибся, недоучел.

— Какое уж тут маленько, — ворчала жена Симова. — Скоро все ноги протянем.

Пруды и реки все больше мелели. Рыбам и лягушкам тоже чего-то не хватало, они вымирали. Часто можно было видеть на поверхности пруда десятки и сотни мертвых рыб. Они всплывали и потом опускались, устилая дно слой за слоем. Люди пробовали есть этих рыб. На вид они были совершенно свежими, но так как рыбы погибали от какой-то болезни, то здоровой эту пищу нельзя было назвать. В ней чего-то не хватало, она не поддерживала сил. И на мертвых рыб больше не обращали внимания.

Странный вид представляли высохшие пруды. Они были полны доверху листьями, мертвыми рыбами и лягушками, как будто их кто-то собрал и бросил в яму. Птицы растаскивали эти трупы, устилая, в свою очередь, своими трупами берега рек и прудов.

— Пройдет еще несколько лет — и вся земля покроется трупами, — сказал Симов, — кроме тех, которых сжигают, но это капля в море.

— А что ученые говорят, Павел Иванович, чем это кончится?

— Ученые не знают, отчего перемерли бактерии. А уж воскресить их тем более не могут. Плохо!

И вот, когда люди дошли почти до полного отчаяния, неведомо откуда была получена радиотелеграмма:

«Слушайте! Говорит Тридон. Сумасшедший, так называли вы меня. Знайте же, все микробы убил я. Я решил сделать мир нетленным. Пусть умрет все живое — так я решил. Но я уже передумал. Я изобрел аппарат, излучающий электроволны самой короткой длины. Эти волны убивают бактерии. Волны излучены мною в пространство, и они наполнили собою весь мир. Настоящие, живые бактерии имеются только у меня. Я могу продать их вам по сходной цене.

У меня есть рассадник бактерий, — сообщал далее Тридон. — Я сохранил их от смерти в особых сосудах, не пропускающих колебаний электроволн. Из этих сосудов я и могу выпустить бактерии на волю, если торг состоится. А торг должен состояться, иначе все люди погибнут без бактерий. Я решил вернуть миру бактерии не из жалости. Для моих опытов мне понадобилось золото. Груды золота. И я решил продать бактерии. Но вы не пытайтесь обмануть меня, иначе вы погибнете. Ответ пришлите на радиоволне длиною в два сантиметра, не позже суток. Тридон».

Такова была телеграмма, взволновавшая весь мир.

Тридон однажды, с десяток лет тому назад, уже заставил волноваться человечество. Талантливый, даже гениальный французский ученый, бактериолог, заболел психическим расстройством. Он вообразил, что миру угрожает опасность скорого перенаселения, и решил «облагодетельствовать» человечество, уменьшив население земного шара страшной эпидемией, которую он пытался вызвать при помощи особой бактерии, выращенной им в лаборатории. Тридона вовремя посадили в сумасшедший дом, но ему удалось бежать. «Сумасшедший еще напомнит о себе», оставил он записку. И вот теперь Тридон напоминал о себе.

Совещания правительств были непродолжительны. Вопрос сводился только к проверке того, не мистификация ли эта телеграмма. Но Тридон предвидел эти сомнения и в следующей телеграмме сообщил:

«Мой представитель в Берлине рассеял в воздухе уксусную бактерию. Весь остаток сегодняшнего дня, до двенадцати часов ночи, уксусная бактерия будет производить свое специфическое действие. В двенадцать ночи я излучу электроколебания, которые убьют уксусную бактерию, выпущенную на волю. Проверьте. Тридон».

Тридон оказался прав. Бактериологи Берлина обнаружили живые уксусные бактерии в вине, пиве и других жидкостях. Уксусный затор довольно быстро превращался в уксус. Но все эти процессы приостановились ровно в двенадцать часов ночи. Неуловимые электроколебания убили уксусные бактерии, которые уже успели распространиться с удивительной быстротой в продолжение нескольких часов. Сомневаться не приходилось: Тридон владеет бактериями и может вернуть их миру, если только государства согласятся на его условия. Тайное совещание постановило: требование Тридона удовлетворить, в место, которое он укажет, доставить требуемую сумму золотом, а затем, когда бактерии наполнят мир, начать поиски Тридона, чтобы арестовать его и обезвредить, так как от этого сумасшедшего всего можно ожидать.

Когда Тридон получил ответ на свое предложение, он телеграфировал:

«Я мог бы немедленно вернуть миру бактерии, но это было бы опасно: на поверхности земного шара и в водоемах набралось слишком большое количество материала для гниения. Люди задохнутся в зловониях, если не позаботятся об уборке продуктов гниения, по крайней мере, вблизи человеческого жилья. Тридон».

Убрать быстро все эти миллионы тонн мяса и древесины

было невозможно. Люди ограничивались тем, что отвозили падаль дальше от жилья, а из мест, где падали было слишком много, уходили с семьями и скарбом в другие места. Часть трупов сжигали или закапывали.

И вот настал день, когда Тридон телеграфировал:

«Сегодня выпускаю бактерии на волю. Но предупреждаю, я выпущу их всех: вредных и полезных — работников и убийц. Боритесь с ними сами, если можете. Тридон».

Никакие просьбы не выпускать бактерий, возбуждающих болезни, не помогли. Тридон выпустил их всех.

Бактерии распространились по земной поверхности, в воздухе и воде с необычайной быстротой. Все трупы как бы ожили. Начался великий процесс разложения «связанных» белковых соединений на аммиак и азот.

Для людей это были радостные и вместе с тем тяжкие дни. Нетленный мир превращался в тленный. Круговорот веществ начался вновь. Неутомимые работники-бактерии принялись за свою обычную работу. Смерть несла за собою расцвет жизни. Но пока нелегко было на земле. Волна эпидемий прокатилась по всему земному шару. В тропических странах задыхались от зловоний и недостатка кислорода целые племена туземцев, не поверивших в скорое наступление гниения трупов и не пожелавших оставить свои насиженные места. Но и в городах было нелегко. Люди ходили в противогазовых масках. Многие переселились на высокие горы. Иные спасались в газоубежищах.

Наконец пожар гниения начал угасать. Воздух очищался с каждым днем.

Прошло еще несколько недель, и на месте гор падали лежали уже горы, правда, значительно меньших размеров, великолепного азотистого удобрения.

Это удобрение развозилось по полям. Наступили годы небывалых урожаев. На перегное выросли новые густые леса и высокие сочные травы.

Животные и люди пополнели и окрепли. Эпидемии быстро пошли на убыль.

Хорошо упитанный Симов уже не кашлял. Болезнь не возвращалась к нему. Встретив своего приятеля Лукьянова, Симов сказал:

— Приходи, Зиночка, ко мне завтра к обеду, будем простоквашу есть. Молочнокислые бактерии потрудились на славу и приготовили отличную простоквашу.

ВЦБИД

Инженер и изобретатель Джемс Лэйт завтракал у большого открытого окна. В саду китаец-садовник поливал из шланга лимонные, апельсинные деревья и кусты роз. Несмотря на ранний час, было уже жарко. Вошел загорелый мальчик в коротенькой курточке с блестящими маленькими пуговками, поклонился, подал на подносе письма и газеты, сказал:

— Утренняя почта, сэр! — и вышел, тихо ступая.

Лэйт быстро перебрал письма, отбросил их в сторону и, прихлебывая кофе из маленькой чашечки, принялся за чтение местной газеты, Он скользил глазами по заглавиям, как бы ища чего-то, и наконец остановился на одной статье и начал внимательно читать ее.

«МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Нам вновь приходится отмечать, — писала газета, — странное явление. В то время как вся Калифорния, и в частности долина Помоны, изнемогают от засухи и зноя, в то время, когда все колодцы высохли до дна, а барометры стоят на великой суше, в северо-восточном углу долины ежевечерне проходят небольшие дожди, охватывающие очень небольшую площадь. Такая регулярность дождей вообще не свойственна месту и времени года (август). И уже совершенно необъяснима она, если принять во внимание, что дождь идет каждый вечер в определенный час, между одиннадцатью и двенадцатью часами вечера, и только в одном уголке долины. Мы обращались за объяснением в местную метеорологическую станцию, но, к сожалению, заведующий не мог дать нам никакого удовлетворительного объяснения. Однако наша газета не теряет надежды открыть причину этого непонятного явления и удовлетворить вполне законное любопытство наших читателей».

Прочитав эту заметку, Лэйт улыбнулся, потом, быстро допив кофе, направился к письменному столу, вырезал ее и положил в папку, где уже лежало несколько подобных заметок и сообщений. За окном прогудел автомобиль. Пора на завод. Лэйт положил в карман белого пиджака письма, предполагая прочесть их в дороге, и вышел из дома.

Весь день, как всегда, прошел в хлопотах.

Лэйт служил инженером на цементном заводе. Нужно было побывать там, поговорить с помощниками, зайти в контору подписать деловые письма, отдать распоряжения, поговорить с владельцем завода. И Лэйт говорил, писал, приказывал, ходил, ездил, курил, пожимал руку.

Но часто во время делового разговора на его типично американском лице, с прямым носом, энергично сложенными губами и несколько выдающимся подбородком, появлялась та же улыбка, что и во время утреннего чтения газеты.

Лэйт улыбался тайной и приятной мысли: вот все смотрят на него, Лэйта, говорят с ним о цементе, о машинах, рационализации и думают, что он только инженер, служащий цементного завода. И никто не знает, кроме Босса, чем занимается Лэйт вечерами. Никто не знает, что Лэйт не только служащий, но и изобретатель. И что скоро он удивит мир своим необычайно важным изобретением. И, продолжая везти, как лошадь, привычную поклажу деловых хлопот, Лэйт с нетерпением ожидал того часа, когда он вернется к себе домой и вместе с запыленным заводской пылью белым костюмом снимет с себя звание служащего и наденет скромный серый рабочий наряд изобретателя.

День, как и вчера, как и третьего дня, был душный, жаркий, томительный. Казалось, что само солнце изнемогало от жары и застыло в пути, не будучи в силах опуститься за горизонт. И все же и этот тропически жаркий и полярно длинный день окончился. Лэйт бросился в автомобиль и теперь мог улыбаться до самого дома, не боясь оскорбить никого. Довольно! Нет больше служащего. Стоп!

Через десять минут Лэйт вышел из дома в простом сером костюме и вывел из гаража маленький двухместный «Форд», «дорожную вошь», как полупрезрительно-полунасмешливо называют в Америке эту машину. Шоколадного

цвета дог Босс прыгнул в кузов, Лэйт сел у руля и без шофера двинулся в путь.

Он ехал по благоухающим лимонным и апельсинным плантациям Помонской долины, по полям, мимо огородов и виноградников, оставил в стороне свой завод и выехал на дорогу, которая вела к заброшенным нефтяным промыслам. Здесь было тихо и пустынно, как на старом кладбище. Жадные машины, как спруты, высосали всю нефть до последней капли и бросили мертвое тело промыслов. Медленно разрушались вышки. Дороги и тропинки зарастали сорной травой.

Солнце зашло, от далеких гор потянуло холодком. Но все же воздух был еще жарок. На бледном вечернем небе хилым светом светил молодой месяц и недалеко от него сверкала звезда. Лэйт, уменьшив ход машины, доехал до конца промыслов и остановился у нефтяной вышки.

Стоп! Босс выскочил из машины и начал бегать вокруг вышки, потом, потянув ноздрями воздух, заворчал.

— Молчи, Босс, тут никого нет! — сказал Лэйт и поднялся в сбитое из тонких досок небольшое машинное отделение, стоявшее на изоляторах. Скоро оттуда раздалось мерное гудение мотора. На вертикальном стержне, изолированном от крыши, виднелся электрод, имевший форму правильного двенадцатигранника с остриями на конце. Каждая грань представляла собой правильный пятиугольник.

Скоро Лэйт вышел из машинного отделения и, закурив сигару, стал поглядывать на безоблачное небо. Ветер перестал тянуть с далеких гор. Воздух был совершенно недвижим. Дым сигары поднимался вверх, как в комнате. Лэйт выпустил дымовое колечко, и оно полетело вверх, медленно расширяясь. И в то же время, подобно этому дымовому кольцу, появилось слабое туманное кольцо в небе над нефтяной вышкой. Кольцо это все больше и больше уплотнялось и стало похоже на облако, но только облако необычайной формы: круглое и с дырой посередине, похожее на бублик или круглый пряник. Босс вновь залаял. Сегодня что-то беспокоило собаку. Может быть, она почуяла какого-нибудь мелкого зверька?..

А облако все уплотнялось, расширялось, темнело. Вот оно покрыло собою звезду. Вот закрыло край месяца. И вдруг из облака начал падать дождь — сначала редкий, капля за каплей, а потом все более частый. Иссохшая земля жадно впиты-

вала в себя каждую каплю. Лэйт улыбался все шире и, наконец, рассмеялся смехом человека, довольного собой. И вдруг ему показалось, что какое-то странное эхо повторило его смех. В ту же минуту Босс неистово залаял и бросился к соседней вышке.

— Уберите собаку! — послышался испуганный мужской голос, и, когда Лэйт позвал к себе хорошо выдрессированного дога и уложил его у своих ног, из-за соседней вышки вышел молодой человек в клетчатом костюме, кепи, с футляром от фотографического аппарата, перекинутым через плечо на ремешке. Вспышкой магния он вызвал у Босса новый приступ лая и отрекомендовался корреспондентом газеты.

— А вот мы и выследили вас, мистер Лэйт! — сказал он, смеясь и в то же время опасливо поглядывая на собаку.

— Вы могли бы это сделать гораздо раньше. Вы заставили себя ждать, мистер корреспондент, — ответил Лэйт. — Мои опыты вполне успешно закончены две недели тому назад. Завтра можете сообщить сенсационное известие о том, что проблема искусственного дождевания разрешена. Больше мы не зависим от капризов неба. Мы теперь будем повелевать тучами. Но вы промокнете в своем легком костюме. Я могу прекратить дождь.

— О, нет, зачем же! А впрочем, пожалуйста. Интересно посмотреть, как слушается вас небо.

Лэйт остановил мотор. Через несколько минут дождь перестал, бубликообразное облачко начало бледнеть и наконец совсем растаяло.

— Изумительно! — воскликнул корреспондент. — Вы, мистер Лэйт, перевернете все климаты, измените лицо Земли. Вы... вы... У меня не хватает слов. Одним словом, фельетоны в тысячи слов обеспечены! Позвольте узнать подробности. Впрочем, нет, начнем с вас лично. Вашей биографии...

Застрочил карандаш, испещряя страницы блокнота иероглифами стенографической записи. Лэйт делался знаменитым.

ТЕПЛАЯ КОМПАНИЯ

Наутро у Лэйта было много хлопот. Корреспонденты. Откуда их столько набралось? Слуга Джим не спал из-за них всю ночь. Подобно неприятельским войскам, они осадили дом со

стороны сада, ожидая выхода Лэйта. Их молниеносные орудия — фотозеркалки и «лейки» — были направлены на выходную дверь. И Лэйту вновь пришлось говорить о себе и о своем изобретении. Да, он считает это величайшим изобретением, которое облагодетельствует человечество. Владеть и управлять климатом — это значит владеть и управлять производительными силами земли. Не только Калифорния страдает от засухи. В Штатах, в Южной Америке есть немало засушливых районов и пустынь, которые можно будет превратить в цветущие сады и тучные нивы. Наши земледельцы забудут о том, что значит слово «недород», «неурожай».

— И очень плохо, если забудут. Своевременный неурожай — прекрасная вещь.

Лэйт прервал свою речь и посмотрел на человека, который сказал странные слова. Корреспонденты также повернули головы.

Полный, солидный, без блокнота и фотоаппарата, этот сторонник своевременных неурожаев мало походил на газетных корреспондентов. Он сидел, сложив красные пухлые руки на округлом животе и сонно опустив веки. Быть может, он сболтнул глупую фразу со сна? На всякий случай один корреспондент направил на него объектив аппарата и щелкнул. Остальные фотографы тотчас последовали примеру первого. На всякий случай. А незнакомец, не обращая на них ни малейшего внимания, казалось, погрузился в сон. Он сидел неподвижно, не проронив ни слова до тех пор, пока интервью не окончилось и шумная ватага корреспондентов не вышла из сада. Тогда человек с красными руками ожил, поднял свои тяжелые веки и сказал:

— Мистер Лэйт, я не отказываюсь от своих слов. Неурожай иногда приходит очень кстати.

— Я не понимаю, что вы хотите этим сказать, — ответил Лэйт. — Мне кажется, что неурожай всегда несчастье и бедствие.

— Смотря для кого, — усмехнувшись, возразил незнакомец. — Моя фамилия Гайдн. Это между прочим. К музыке никакого отношения не имею. Так вот в чем дело. Вы забыли о хлебных ценах, мистер Лэйт. Если хлеба родится слишком много, цены на него падают, и многие хлебные торговцы даже разоряются.

— Спекулянты?

— Коммерсанты, я предпочитаю это слово. Иногда только неурожай спасает целую страну от экономического кризиса. И если бы в моих руках оказалось средство управлять погодой, я по желанию мог бы создавать то урожай, то неурожай. В нужную минуту, если не подоспеет засуха, я мог бы сгноить хлеб на полях при помощи дождей. И таким образом я управлял бы хлебными ценами. Это было бы великолепно. Вы заинтересовали меня вашим изобретением. Я покупаю его у вас. Я оптовик-хлеботорговец, как вы, вероятно, уже догадались. Сколько вы хотите за ваше изобретение? Для начала, если вы не называете своей цены, я могу предложить вам двадцать тысяч долларов.

— Двадцать тысяч и один! — крикнул, как на аукционе, высоким фальцетом рыжий человечек с баками, в клетчатом костюме, незаметно подошедший по садовой дорожке.

— Тридцать тысяч, — бросил Гайдн, не поворачивая головы.

— Тридцать тысяч и один, — отозвался рыжий.

— Сто.

— Сто и один!

Гайдн повернул голову вполоборота и спросил:

— Может быть, мы войдем в компанию? У вас есть план, мистер...

— Ньютон. Такова моя фамилия. К астрономии никакого отношения не имею. План? Разумеется, есть план. Использовать изобретение мистера Лэйта вместо душа, а также для поливки роз моей почтенной тещи. Ха-ха! Как бы не так. Вы хотите знать мой план? Извольте. Я имею контору по продаже земельных участков. Так вот. Я скуплю все засушливые районы и пустыни и при помощи искусственного орошения превращу их в культурные земли. Пустыни скуплю за гроши, а орошенные земли продам за тысячи! А когда у меня их купят, я прекращу дождевание. Стоп! Хотите урожая? Платите мне за дождь или переплачивайте на устройстве колодцев, если только вам удастся найти воду в пустыне. И они будут мне платить дождевую подать. Это даст мне хорошенькую ренту.

Гайдн посопел носом, подумал и сказал:

— Недурно придумано. Пожалуй, мы сойдемся с вами.

— Возможно, что вы, мистеры, и сойдетесь друг с другом, но только не со мной, — вмешался Лэйт, о котором два спекулянта, казалось, и забыли. И теперь Гайдн несколько удивленно поднял на Лэйта глаза.

— Вас не удовлетворяет сумма в сто тысяч долларов? — спросил он.

— Меня совершенно не удовлетворяют те цели, для которых вы хотите использовать мое изобретение, — ответил Лэйт. — Я создавал мой аппарат не для того, чтобы наживались спекулянты за счет голодающих бедняков.

— Но ведь всякое изобретение, как и всякое предприятие, преследует только одну цель: личное обогащение! — с убеждением сказал Гайдн.

Ньютон кивком головы выразил свое полное согласие с этим мнением.

— Простите, но я вообще не собираюсь продавать свое изобретение, — сухо ответил Лэйт, не желая вступать с посетителями в пререкания. Отвесив поклон, он направился к ступеням веранды, желая этим показать, что разговор окончен.

— Двести тысяч! — крикнул вдогонку Гайдн.

— Пятьсот! Миллион! — взвизгнул Ньютон своим тонким фальцетом.

Лэйт скрылся за дверью. Гайдн и Ньютон, раздосадованные неудачей, направились к выходу, обсуждая нелепое, по их мнению, поведение Лэйта.

— Да он блажной! — крикнул, не стесняясь, Гайдн.

— У этих изобретателей всегда каких-то винтиков в голове не хватает, — согласился Ньютон.

Лэйт был возмущен и огорчен. Он ходил по своему кабинету и шептал:

— Возмутительно! Возмутительно!..

О том ли он мечтал в тихие теплые летние ночи на заброшенной нефтяной вышке, делая опыты искусственного дождевания? Он думал, что за искусственный дождь фермеры будут благословлять и прославлять его, как «кудесника» Бэрбанка. Лэйт имел право на звание благодетеля человечества. Он думал, что его изобретение увеличит благосостояние людей, накормит голодных... Но вот являются эти спекулянты и заявляют, что его изобретение нужно им только для того, чтобы

уничтожать хлеб на корню и эксплуатировать несчастных фермеров.

— Нет, никогда! — проговорил Лэйт. — Уж лучше я разрушу всю машину собственными руками, разорву и сожгу все чертежи, чем допущу...

— Разрешите представиться, Фарсон. Представитель компании по устройству колодцев с электронасосами — Фарсон, Дойс и Ко...

Перед Лэйтом стоял новый посетитель — бритый корректный старичок с густыми седыми волосами, в сером костюме, с серой фетровой шляпой в руках.

— В деловых отношениях, — сказал он, ласково улыбаясь и показывая прекрасные фарфоровые зубы, — я привык идти прямым путем. Говорят, прямота и честность — лучшая политика. Я, то есть мы: Фарсон, Дойс и компания, читали в газетах о вашем изумительном изобретении. Оно прекрасно, великолепно, но, увы, не для всех. Оно угрожает нам, нашим интересам. В настоящее время дела нашей компании идут великолепно. Без наших колодцев, вы знаете, в этой засушливой стране не было бы ни земледелия, ни огородничества, ни садоводства, ни лимонных и апельсинных плантаций. Мы, можно сказать, оживляем страну.

Мы — благодетели края. Но что будет, если вы пустите в ход свое искусственное дождевание? Увы, увы! Вы составите нам конкуренцию. Никто больше не станет применять наших, правду сказать, недешево стоящих колодцев. Вы убьете нас, раздавите, сотрете в порошок. Ваш дождь губителен, смертоносен для нас. Кому нужны будут наши колодцы, если с неба будет падать настоящий дождь, несущий не только влагу, но и удобрение[1]. Мы обречены. — И Фарсон даже приложил шелковый платочек к глазам, как бы вытирая слезы огорчения. — Но мы жить хотим, молодой человек! — прервал он меланхолическую паузу и улыбнулся, снова сверкнув фарфоровыми зубами. — Да, мы жить хотим, и потому я пришел к вам. Вы хорошо придумали и за эту выдумку должны иметь

[1] В среднем с дождем на гектар выпадает от 3,5 до 6,0 кг аммиака и нитратов при нормальном количестве осадков 500 мм в год.

свою награду. Мы вознаградим вас. Продайте нам ваше изобретение, чтобы мы могли эксплуатировать его.

— Я не собираюсь продавать его для эксплуатации.

— В таком случае продайте нам патент только для того, чтобы никто другой не использовал ваше изобретение. А мы можем дать вам подписку, обязательство, все, что хотите, в том, что мы не применим на практике вашего изобретения. Мы просто похороним его по первому разряду, вот и все, чтобы оно не мешало нам и не угрожало нашим колодцам и нашему предприятию.

«Ступайте вон!» — хотелось крикнуть Лэйту на ласкового старичка, но он сдержался и сказал:

— Я подумаю. Я сообщу вам ответ через день-другой. — И он начал вежливо, но энергично выпроваживать старичка.

Проклятие! У Лэйта не было выхода. Этот мир был так устроен, что, даже уничтожая свое ценное изобретение, Лэйт оказывал услугу алчным коммерсантам, которые готовы были сами заплатить за это уничтожение!

Лэйт в волнении остановился у окна. Вот еще новые гости идут по дорожке сада и поднимаются на веранду. Бронзовые, загорелые лица, мешковатые костюмы. У одного широкополая шляпа, хлыст в руке и ботфорты. Фермеры? Плантаторы? Входят. Рекомендуются. Говорят быстро, перебивая друг друга, так что трудно разобрать, кто из них говорит, кто молчит.

— Фэнг. Джемс, — тараторит говорящая двойня. — А старая крыса Фарсон уже был? Надеемся, вы не продали этому пауку ваше изобретение? Фарсон, Дойс и компания! Спруты, которые высасывают при помощи своих электронасосов все соки из нас — бедных фермеров и плантаторов. Этот маленький добренький Фарсон, этот милый старичок — человек, не знающий жалости к своим должникам. Продайте лучше ваше изобретение нашей компании лимонных плантаций. Наше дело чистое. В июле-августе нашим лимонам очень нужны дожди, а их нет и нет. Колодцы пересохли. Даже фарсоновские насосы ничего не могут извлечь из колодцев, кроме грязи. И лимоны не имеют ни настоящей сочности, ни величины. Нам нужен ваш дождь, и мы купим его, если только он окажется достаточно мокрым и достаточно послушным. Мы хотим видеть ваш аппарат в действии.

«Это, по крайней мере, настоящие покупатели, — подумал Лэйт. — Они используют мой аппарат по прямому назначению».

И он решил продать им аппарат для искусственного дождевания. Условились о времени и месте производства публичного опыта. По просьбе Фэнга и Джемса аппарат был перевезен на лимонную плантацию и поставлен на временной деревянной башенке. Все расходы по перевозке и установке Лэйт принял на себя, так как он не сомневался в том, что аппарат покажет себя с лучшей стороны. И все же Лэйт волновался вновь перед опытами.

РАЗВЕНЧАННЫЙ ГЕРОЙ

Проснулся он очень рано, еще до восхода солнца, и когда пришел на место производства опыта к небольшому холму, стоявшему посреди лимонной рощи, то был очень удивлен, увидев, что там уже собралось много народу. Вездесущие корреспонденты, окрестные фермеры, плантаторы с женами и детьми, местные власти, зеваки, приехавшие из соседнего городка, покрывали собою склоны холма. Дорога на большом расстоянии была заполнена прибывающими автомобилями. В первых рядах Лэйт увидел Гайдна, Ньютона, Фарсона, Дойса, Фэнга, Джемса — всех претендентов на его изобретение. Резко выделялась черная фигура местного патера, прибывшего с тайной надеждой увидеть посрамление человеческой гордыни. Повелевать дождем! Разве это не посягательство на божьи права? Но надежда на посрамление не оправдалась. Лэйт уверенной рукой привел в действие мотор, и скоро над изумленными зрителями появилось облачко и пошел дождь. Чудо совершилось. Человек победил небо.

— Ура-а-а-а! — прокатился по толпе восторженный крик. Многие подняли вверх руки, хватали капли дождя и растирали меж пальцев, как бы желая убедиться, настоящий ли дождь. Обмана не было. Дождь, самый настоящий, смачивал платья, лицо и руки. Плотные листья лимонных деревьев и желтые плоды заблестели свежим лаком, жадно впитывая в себя влагу. Не чудесно ли? Дождь шел только над лимонной плантацией, орошая площадь примерно в квадратный километр, тогда как кругом было безоблачное небо и палящее солнце иссушало окрестности. Там деревья и злаки склоняли истомленные зноем листья и стебли.

— Стоп! — крикнул Фэнг.

— Довольно, — отозвался с другой стороны круга Джемс.

Лэйт остановил мотор. Туча начала бледнеть и таять. Дождь прекратился. Скоро над собравшимися людьми засияло солнце.

— Браво! — загремели голоса и аплодисменты.

— Бис! Бис! Бис!

— Вам придется повторить, — сказал Фэнг, подходя к Лэйту и пожимая ему руку у локтя. — Молодец, Лэйт! Молодец, изобретатель! А ну-ка, еще один дождик! Не истощились ли небесные запасы?

Сияющий Лэйт вновь пустил мотор, и вновь образовалась туча, похожая на бублик, и пошел дождь. Но тут случилось непредвиденное обстоятельство, давшее некоторое удовлетворение патеру. Откуда-то вдруг подул ветерок. Круглая туча растянулась в эллипс и медленно двинулась, продолжая сеять дождь.

Скоро она перешла границу лимонной плантации и пролилась ливнем над созревающим пшеничным полем. Это вызвало настоящий переполох среди фермеров.

— Стойте! Перестаньте! — кричали они, исступленно поднимая руки. Перестаньте! Нам не нужно дождя! Вы погубите наш урожай! Прекратите дождь — или вы ответите за убытки.

Лэйт остановил мотор. Настроение толпы резко изменилось уже не в пользу Лэйта.

— Это что же такое? Из-за фэнговских лимонов мы должны погубить свои поля? Подмачивать пшеницу? Они хотят сделать кислым наш виноград? Долой искусственный дождь! Долой Лэйта и Фэнга!.. Платите убытки!..

И та самая толпа, которая всего несколько минут тому назад готова была носить Лэйта на руках, как триумфатора, теперь угрожающе потрясала в его сторону кулаками. Полиции с трудом удалось восстановить порядок. Толпа хотела разрушить аппарат искусственного дождевания. Агенты Фарсона и Дойса поработали вовсю, чтобы вооружить толпу против Лэйта и его изобретения.

Когда возбужденная толпа наконец разошлась, Фэнг обратился к Лэйту с такой речью:

— Ваше изобретение прекрасно, и мы не отказываемся и сейчас купить его. Вы победили стихию дождя, она повинуется вам. Но, к сожалению, вы еще не победили стихию ветра. И в результате может получаться то, что получилось сегодня: ваш дождь будет портить урожаи соседних виноградников, полей и огородов. Кто же будет плати им за убытки? Если вы возьмете эту ответственность на себя, то мы не прочь купить ваш дождь.

— Я не могу взять на себя такой ответственности, — сказал Лэйт и отдал распоряжение перевезти на место аппарат. А сам уселся в свой маленький автомобиль и, ни с кем не простившись, уехал к себе.

И там, в своем рабочем кабинете, он отдался отчаянью.

Как будто какой-то рок преследовал его изобретение! Вопреки всем ожиданиям, выходило так, что оно приносило больше вреда, чем пользы. Сколько надежд разбито, сколько потрачено понапрасну волнений, бессонных ночей, денег, времени! Но теперь довольно! Лэйт покончит навсегда с изобретательством и займется своей прозаической работой, службой на цементном заводе. Пусть тучи свободно бродят по небу и дождят, когда им заблагорассудится: пусть от засухи гибнут сады и плантации; пусть наживаются спекулянты и проходимцы всех сортов, как наживались они до сих пор на неурожаях и народных бедствиях, Лэйта это не касается. А машину для искусственного дождевания он разобьет на части и постарается забыть о ней как можно скорее. Он никогда не наденет больше серого костюма изобретателя! Вошел мальчик в курточке с блестящими пуговками.

— Почта, сэр.

Да, Лэйт сейчас же отправится на заброшенные нефтяные промыслы и взорвет динамитом свой аппарат.

— Скажи, чтобы подали серый авто.

— Слушаю, сэр.

Мальчик вышел, а Лэйт начал механически перебирать корреспонденцию, думая о том, как он уничтожит сейчас своими руками любимое детище. Как много писем! За последние дни корреспонденция возросла чрезвычайно. Сотни людей запрашивали Лэйта о его изобретении, не удовлетворяясь

заметками в газетах и журналах. Одно письмо невольно привлекло внимание Лэйта незнакомой маркой, изображавшей чей-то портрет, и непривычным форматом конверта. Где он видел такой портрет? Ах да, Ленин. Письмо из далекой, неведомой, большевистской России, о которой газеты рассказывают столько ужасов. Кто и о чем может писать ему из этой страны, где он никого не знает? Лэйт заинтересовался, разорвал конверт и начал читать. Ему писал какой-то русский инженер-электрик Ножин, заинтересовавшийся его изобретением.

«Наша страна, — писал Ножин, — страна планового хозяйства. У нас имеется более трех миллионов квадратных километров засушливых земель с плодородной почвой, но в настоящее время бесплодных вследствие недостатка влаги. На десятках и сотнях тысяч гектаров можно было бы применить вашу систему искусственного дождевания для разведения специальных культур».

Письмо было довольно длинное. Но и тех строк, которые прочитал Лэйт, было достаточно для того, чтобы заставить его оживиться. Ему вдруг стало многое понятно в его американских неудачах. И как-то сразу далекая страна большевиков предстала перед ним в совершенно новом свете. Он вдруг понял все преимущество советского планового хозяйства. Ну да, только там его изобретение может найти полное применение, только там оно способно принести максимальную пользу. Ножин спрашивает, не согласится ли Лэйт приехать в СССР и установить несколько пробных аппаратов для искусственного дождевания. Разумеется, Хорошо, что еще не разрушен его аппарат. И теперь он уж, конечно, не разрушит его.

— Автомобиль подан, — доложил слуга.

— Поставь его на место в гараж. Я не еду! — ответил Лэйт и уселся писать ответ Ножину. В комнату постучались, и, не ожидая ответа, кто-то вошел. Лэйт с неудовольствием обернулся и увидел на пороге рыжего Ньютона.

— Простите, я помешал вам? — спросил спекулянт земельными участками. — Только на два слова!

Лэйт поднялся, медленно подошел к Ньютону, повернул его лицом к двери и повелительно сказал:

— Ступайте вон!

Чайхана стояла под большим, чистым, тенистым деревом, в том месте, где арык разделялся на два рукава. Здесь была вода и, значит, жизнь. В почти черной тени дерева отдыхали верблюды, кони и ишаки. Загорелые люди в пестрых халатах мирно беседовали, держа в руках большие чашки — пиалы. Часть гостей расположилась под навесом, другие сидели в чайхане на полу. Этот покой полуденного отдыха был нарушен самым неожиданным образом. Где-то вдали послышался рев, от которого верблюды беспокойно замахали длинными шеями, а кони и ишаки, подняв уши, в испуге присели на задние ноги. Рев страшного животного повторился совсем близко, послышалось гуденье, шипенье, и к чайхане подкатила шайтан-арба, невиданная в этих местах. Это был огромный автомобиль, на трех осях которого виднелись двенадцать колес на широчайших шинах. Автомобиль доверху был наполнен странными машинами и чемоданами, среди которых виднелись головы людей. Автомобиль остановился у открытой веранды. Хозяин чайханы выбежал и, отвешивая низкие поклоны, подошел к странной и страшной машине. Только бы она не заревела вновь! Неприятно показать свою трусость. Из автомобиля вышли высокий Лэйт, весь «кожаный» шофер, механик, проводник Ибрагим и маленький, прихрамывающий и косой человечек-слуга Джим. Казалось бы странным, что такого уродца взяли в путешествие. Но когда он начал раскладывать на веранде вещи, снятые с автомобиля, и с большой ловкостью приготовлять ранний обед, всем посетителям чайханы стало ясно, что этот обиженный природой человек справляется со своими обязанностями ничуть не хуже других, здоровых.

Когда путники пообедали и напились чаю, хозяин чайханы подошел к ним с вежливым поклоном и, обратившись к высокому Лэйту, которого, очевидно, считал начальником экспедиции, спросил, куда они направляются и не может ли он быть им полезным. Ибрагим перевел вопросы хозяина на русский язык, а Ножин — с русского на английский, и затем сам ответил хозяину: они идут туда, на юго-восток, в пустыню. Хозяин, а вслед за ним и все его гости, услышав такой ответ, выразили изумление, смешанное с испугом. Идти туда, в эту страну смерти, где нет ни одного живого существа, где

только ветер играет на просторе с зыбучими песками! Туда, откуда никто не возвращался! Хозяин начал отговаривать путников от их безумного предприятия, но они только улыбались и стояли на своем. Они поедут в пустыню на своей большой двенадцатиколесной арбе. И, даже не ожидая, когда спадет зной, они собрались в путь. Косой и кривоногий Джим собрал пожитки, уложил в машину, все сели и тронулись в путь. Оставшиеся в чайхане провожали их такими взглядами, какими провожают обреченных на смерть.

— Люди всегда стараются избежать смерти, а эти люди ищут свою смерть, — высказал хозяин общее мнение, когда автомобиль, переваливаясь на волнах песка, исчез вдали.

А путники смело подвигались вперед. Правду сказать, это было нелегкое путешествие. Зной томил немилосердно. На подъемах, когда колеса машины буксовали, все, кроме шофера, выскакивали из машины и толкали ее плечом. Карты обманывали. Колодцы и оазисы нередко находились далеко от того места, которое отмечалось картой. Однако Лэйт и Ножин стойко переносили все тяготы путешествия.

К концу этого дня подъехали к самой границе мертвой пустыни и решили заночевать, чтобы двинуться в путь с рассветом. Ибрагим нарубил сучьев саксаула — корявого кустарника, растущего в пустыне, и разложил костер. Все улеглись, но не спали. Джим, помогая Ибрагиму поддерживать пламя костра, о чем-то беседовал с ним, прибегая к мимике. Ножин наблюдал за этим странным разговором. Джим как будто в чем-то убеждал Ибрагима и, по-видимому, убедил. Ибрагим кивнул головой, и они замолчали. Через некоторое время Ибрагим подошел к Ножину.

— Товарищ, я взялся провести вас через эту пустыню. Но я боюсь идти туда, потому что эта пустыня проклята Аллахом, и кто пойдет туда, тот не вернется обратно.

— Откуда ты знаешь, что она проклята и за что проклял ее Аллах? — спросил Ножин, скрывая улыбку.

— Нам говорил мулла, а он мудрый, — ответил Ибрагим. — Эта пустыня, — продолжал он, — была некогда садом. Прекрасным садом, где текли реки, журчали ручьи, росли душистые, сочные плоды, а травы были в рост человека. Но люди забыли Аллаха, перестали молиться и посещать мечеть, и

Аллах наказал людей. Он сказал: «Вот я отниму воду от этого сада, и он превратится в пустыню». И стало так. И высохли широкие реки, высохли ручьи и колодцы, исчезли арыки, и сад превратился в пустыню, и люди и животные бежали, кто не умер от засухи и голода, в другие места, туда, где есть вода, где жизнь. И теперь никто не смеет безнаказанно переступить границу этой пустыни. Вернись назад, товарищ.

— Ты веришь сказкам, Ибрагим? — с упреком спросил Ножин.

— Это не сказки, — убежденно ответил проводник.

Тогда Ножин решил воздействовать на другие чувства Ибрагима.

— Ты, значит, боишься, Ибрагим. Ты трус!

Ибрагим сверкнул глазами.

— Я никогда не был трусом!

— В таком случае ты пойдешь с нами.

— Пусть будет так. Я пойду. Я иду на верную смерть, и вы тоже. Я предупредил. Пусть будет так. Наши кости выбелит солнце.

Ибрагим отошел. Между ним и Джимом начался вновь странный разговор.

Скоро путники, истомленные дневными трудами и зноем, уснули, но в полночь были разбужены чьими-то стонами. Ножин и Лэйт проснулись. Стонал Джим. Он совсем занемог. Жаловался на боль в животе, на то, что у него ломит руки и ноги, он заявил, что не может двинуться в путь. Он предпочитает вернуться назад и отлежаться в чайхане — дойти туда у него хватит сил.

— Делать нечего, придется отвезти его, — сказал Лэйт.

На этом порешили и вновь улеглись спать.

А когда проснулись с первыми лучами солнца, то не нашли Джима.

— Он не хотел связывать нас, не хотел, чтобы тратили время отвозить его в чайхану, и он отправился один. Это, конечно, благородно, но рискованно с его стороны. Что же, поедем без него!

Громоздкая машина двинулась в путь. Когда в полдень остановились среди зыбучих песков, чтобы отдохнуть, шофер обнаружил, что один бензиновый запасной бак пустой, другой тоже. Оставался только еще один, неполный бак.

Между тем все эти баки были полны. Шофер и механик стали осматривать баки, нет ли течи, и нашли небольшое отверстие, которое могло быть сделано только каким-нибудь острым орудием вроде шила. Это открытие чрезвычайно взволновало всех. Кто мог произвести порчу баков? Только Джим!.. В поспешном бегстве он даже не захватил своего небольшого чемодана. Лэйт раскрыл чемодан, чтобы посмотреть, что там находится. И нашел больше, чем ожидал: шило, небольшой молоток и обрывки писем. На одном клочке бумаги стояла подпись: «Гайдн».

— Теперь для меня все ясно, — сказал Лэйт. — Джим был подкуплен Гайдном. И, может быть, не одним Гайдном. Американские хлебные оптовики, упустив случай купить мое изобретение, поняли, какую оплошность они сделали. Благодаря искусственному дождеванию советский хлеб может убить американских экспортеров, и они принимают все меры к тому, чтобы затруднить признание и применение моего изобретения в СССР. Однако об этом мы еще успеем поговорить. Теперь надо выходить из положения. У нас так мало бензина, что только-только хватит на обратный путь. Вернуться ли нам или же потратить этот бензин для мотора нашей станции искусственного дождевания? Но нам надо еще продвинуться в глубь пустыни, чтобы выполнить опыт при самых неблагоприятных условиях, как я сам это предложил вашему Колхозцентру и Наркомзему. Здесь, в пустыне, диэлектрический слой воздуха наиболее толст и сух. И если нам удастся пробить слой этого диэлектрика здесь и вызвать дождь, то уж не останется никаких сомнений, что в других местах осуществить искусственное дождевание будет совершенно легко.

— Мы едем дальше, произведем опыт и сообщим по радио о том, чтобы нам доставили сюда на аэроплане бензин для возвращения! — ответил Ножин.

Это было рискованное предприятие, но они ставили на карту все.

Опять двинулись в путь, но через два часа принуждены были остановиться. Началась песчаная буря. К машине подошли, точно призраки, верблюды заблудившегося каравана и в изнеможении упали. Буря прошла скорее, чем можно было ожидать, но люди и животные изнемогали от жажды. До бли-

жайшего колодца было несколько часов пути. Положение казалось почти безнадежным. И вот тут Лэйт и Ножин решили, что пора действовать. Они соорудили небольшую башенку, установили аппарат и объявили людям, которые покорно ожидали смерти, лежа возле изнемогавших верблюдов, что сейчас вызовут дождь. Ибрагим покачал недоверчиво головой:

— Здесь никогда не бывает дождя. Аллах запечатал все источники воды на земле и на небе.

— А вот мы заставим Аллаха отпечатать эти источники, — отвечал Ножин.

Мотор заработал. Никогда еще Лэйт не волновался так, как в этот раз. Башня была невысокая, диэлектрический слой должен быть очень толст, сухость воздуха громадна, мотор небольшой мощности. Действительно, более неблагоприятных условий для опыта трудно было придумать. Сейчас решалась окончательно судьба этого ценного изобретения. Все с нетерпением смотрели на небо, хотя Ибрагим и его соотечественники и не верили в чудо. Прошло десять-пятнадцать минут, а небо казалось таким же безоблачным, как всегда. Лэйт начал не на шутку волноваться.

Наконец вверху над ними появилось очень слабое, тонкое туманное кольцо, через которое было видно небо. Но это было начало. Лэйт и Ножин оживились и набрались терпения. Туманное пятно уплотнялось, росло, густело, темнело и наконец превратилось в настоящее облако, совершенно круглое. Мусульмане с суеверным ужасом смотрели то на это облако, то на людей, которые могут совершать такие чудеса, то на их удивительную машину.

И вот случилось чудо. Пошел дождь. Капли дождя ловили руками, пересохшими губами, люди плакали от радости, не веря глазам своим, набирали воду куда только можно, пили и поили верблюдов.

Это была победа, бесспорная и совершенная. Ибрагим подошел к Ножину и крикнул:

— Теперь я знаю! Нет Аллаха! Есть машина и человеческая голова.

А шофер от радости начал гудеть в рожок с такой силой, что верблюды шарахнулись в сторону.

— Ну вот видишь, Ибрагим, мы и сняли с этой пустыни проклятие Аллаха. И скоро мы превратим эту проклятую пустыню в зеленый сад.

А через несколько минут радисты Союза принимали радиотелеграмму: «Опыт удался блестяще. Мокнем под дождем. Высылайте аэро немедленно с запасами горючего».

Через несколько недель неутомимые путешественники уже устанавливали башню искусственного дождевания в колхозе на Нижней Волге, и самый настоящий дождь, но искусственно вызванный, через несколько часов поливал удивленные головы колхозников.

ГДЕ ДЕЛАЮТ ПОГОДУ

Таксомотор подкатил к большому новому четырехэтажному зданию на Девичьем поле в Москве и остановился у подъезда с широкими ступенями. Человек с портфелем, бритый, в дорожном кепи и пальто из непромокаемой материи, прежде чем выйти из автомобиля, с любопытством осмотрел здание. Оно было довольно длинное, с огромными, во всю стену, окнами. На крыше здания помещалась высокая антенна, а от боковых стен в разные стороны протянулась густая сеть телефонных и телеграфных проводов. Входная дверь помещалась в небольшой нише. С правой стороны двери помещался большой барометр, с левой — термометр, на высоте второго этажа — часы, а над самой дверью скромная, но внушительная вывеска черного толстого блестящего стекла, на котором четко выделялись пять золотых букв:

ВЦБИД

Шофер нетерпеливо обернулся. Человек с портфелем спросил на ломаном русском языке: «Сколько?» — расплатился, вышел из автомобиля и поднялся по ступеням.

— Можно мне видеть инженера Лэйта? — спросил он швейцара.

— Третий этаж, правый коридор, комната номер семьдесят восемь, — быстро ответил швейцар, провожая посетителя к кабине лифта.

Через минуту человек с портфелем входил в комнату номер семьдесят восемь. Это был довольно просторный, светлый кабинет с большим столом, на котором виднелись разложенные карты СССР и чертежи. Лэйт поднялся из-за стола и спросил по-английски:

— С кем имею честь говорить?

— Смит. Вы не узнали меня? Помните нефтяную вышку в Помонской долине? Помните, я первый выследил вас за опытами искусственного дождевания?

Да, Лэйт вспомнил этого юркого корреспондента, который так разозлил Босса.

— Вот где пришлось нам встретиться вторично, — продолжал корреспондент как будто с некоторым упреком в голосе по адресу Лэйта.

— Кто же в этом виноват? — ответил Лэйт. — Вы хотите осмотреть Вецебид?

— О да. Но прежде всего прошу расшифровать мне эти странные звуки: Вецебид.

— Это очень просто, — ответил Лэйт и сказал по-русски: — Всесоюзное центральное бюро искусственного дождевания, — переведя затем эти слова на английский язык. — Да, признаюсь, ваш брат корреспондент отнимает у меня немало времени. Ну что ж, идем, — покорно закончил он.

И они отправились осматривать ВЦБИД.

Лэйт и Смит спустились вниз и вошли в большой зал.

— Это приемная радиостанция, — пояснял Лэйт. — Машинное отделение находится внизу, сюда же передаются телеграммы и телефонограммы, которые записываются автоматически вот этими аппаратами сразу в нескольких экземплярах. Работающие здесь люди рассылают эти телеграммы пневматической почтой по отделам: Центральному метеорологическому бюро, в контроль, в отдел исполнения, в статистический, экономический и прочее. — Лэйт подошел к одному столу, взял небольшой листок и прочитал: — «1936.6 — 1,20.18 — 0,30». Это значит, что район, обслуживаемый станцией искусственного дождевания, номер 1936, если не ошибаюсь, она находится около Кругловска, просит дождя на завтра в шесть часов утра в продолжение часа двадцати минут и в шесть часов вечера — на полчаса.

— Простите, а где этот Кругловск?

— Это новый город в хлопковом районе Узбекистана, названный именем товарища Круглова. Искусственное дождевание создало много городов там, где раньше была только одна пустыня. Кстати, если вы увидите мистера Гайдна, то передайте ему от меня, что на том самом месте, где нас предал Косой Джим, надеюсь, хорошо известный мистеру Гайдну, — красуется прекрасный город, утопающий в садах. А вот еще одна телеграмма. Она довольно необычайна: «7 — 5С». Вы знаете, что это значит? Это значит, что седьмая станция просит произвести дождь непрерывно в продолжение пяти суток.

— Но этак вы зальете все поля! — удивился Смит.

— Похоже, что так, — рассмеялся Лэйт. — Дело идет, видно, о том, что мелководье не позволяет сплавить лес по реке. И вот нас просят поднять уровень рек хорошим ливнем в продолжение нескольких суток. А вот еще, смотрите. Новое дело. «А. 499. Т». Если это расшифровать, то получится: «Аэродром номер 499. Туман». Туман, очевидно, мешает посадке аэропланов и дирижаблей. Требуется разогнать туман.

— Вы, значит, занимаетесь не только дождеванием, но и рассеиванием туч и туманов?

— Ну да. Я полагал, что вам известно об этом. Ведь мы свои аппараты для рассеивания тумана употребляем и на море, чтобы предупредить столкновение кораблей. Поднимемся теперь этажом выше, я покажу вам тот центр, где у нас делается погода.

Смит вошел следом за Лэйтом в очень большой зал через боковую дверь. Налево от него были окна во всю стену, а направо — стена, на которой находилась карта СССР в два десятка квадратных метров величиною, нарисованная, по-видимому, на матовом стекле. Смит с любопытством начал рассматривать эту карту. Она была в красках, и Смит сам скоро догадался, что они означали разного рода растительность, злаки, плантации и пр.

— Вот белые хлопковые поля, вот желтоватая рожь, пшеница, вот тучные травы для скота, мериносовых овец.

— Но почему некоторые места на карте, отмеченные номерами, изменяют цвет, то белея, то вдруг синея, и, наконец, вновь возвращаются к первоначальному цвету? — спросил Смит.

— Номера и небольшие точки около них — это все станции искусственного дождевания.

— Так много? — изумился Смит, глядя на карту, всю испещренную точками с номерами.

— Более трех тысяч, — ответил Лэйт. — На карте белеют те пункты, которые просят дождя. Когда аппарат приведен в действие, то пункт на карте синеет, это значит: там дождь идет. А когда дождь оканчивается, все приходит в норму. Вот тот человек, который в настоящее время делает дождь. Познакомьтесь! Инженер и мой друг Ножин, которому я так многим обязан.

Ножин был занят, он только кивнул головой и улыбнулся. Он сидел перед небольшой картой СССР, расположенной на несколько наклонной по направлению к нему доске. На этой карте на месте точек имелись кнопки. Внизу карты перед Ножиным шла беспрерывная лента, на которой, в строго хронологическом порядке поступления, шли номера-заказы. Ножин смотрел заказ, перекручивал кнопку «на срок дождевания», как объяснил Лэйт, и нажимал ее. И где-то за тысячи и, может быть, даже десятки тысяч километров начинал идти дождь.

— Скоро мы это упростим. Включение станций в дождевание будет производиться механически.

— Но почему не пускать станции в действие на месте?

— Потому, — ответил Лэйт, — что в таком случае могла бы получиться метеорологическая анархия. Здесь не Американские Штаты, где вся земля поделена на пестрые клочки и где каждый собственник думает только о себе. Климат должен быть регулирован в общесоюзном масштабе. За этим следят наши метеорологические станции.

— Наши?! — удивился Смит и иронически заметил: — Я вижу, вы очень осоветизировались, мистер.

— А разве того, что вы видите, недостаточно для советизации? — спросил Лэйт, и вдруг вся горечь старой обиды поднялась в нем. — Что дала мне моя родина, кроме огорчения? Что могло там дать мне изобретение, кроме вреда! А здесь — смотрите. Вы видите эти огромные пространства на восток от Каспийского моря?

Вы привыкли видеть их на карте однообразными желтыми пустынями, а теперь смотрите, сколько здесь появилось жи-

вотворящих точек и сколько поэтому выросло новых агроиндустриальных городов! Но этого мало. Смотрите, и на севере, в Сибири, площадь бесплодной тундры и тайги отодвинулась к Полярному морю. Почему? Потому, что мы смягчили сухой континентальный климат Сибири и Средней Азии, мы сделали его более влажным, полуморским, приближающимся к климату Украины. Этим самым мы изменили внешний вид земли, изменили растительность, расширили пределы культурного земледелия Мы являемся до некоторой степени диктаторами климата, и если бы захотели, то могли бы, например, всю Индию залить ливнями и изменить климат всего земного шара. Мы производим теперь столько хлеба, что можем накормить им весь мир. Идемте дальше. То, что входит в наше сознание через глаза, действует сильнее, чем то, что идет в мозг через уши. Я покажу комнату контроля.

Лэйт ввел Смита в темную комнату, усадил на кресло, сам подошел к стене, закрытой шторой, повозился, пошуршал чем-то, и вдруг Смит увидел, что штора открылась и появился экран, а на нем виднелось синее небо и поля еще зеленой пшеницы. Посередине поля стояла башня для искусственного дождевания. И Смит мог любоваться, как над нею образовалось облако и пошел дождь. Штора закрылась, открылась вновь, и Смит увидал рисовые поля, обильно поливаемые ливнем. Еще раз темнота, и перед ним река в лесу. Бушующий ливень поднял уровень реки, и по ней идут плоты.

— А за неделю перед этим по этой реке могла перейти курица, — пояснил Лэйт.

И вот еще один поворот волшебной рукоятки Смит ничего не видит, кроме тумана. Но туман вдруг начинает расходиться. Вот видны ангары. Вот причальная башня дирижабля.

С неба вдруг спускаются стальные птицы, а вдали виднеется подлетающая длинная сигара дирижабля. Аппарат разогнал туман, и воздушные корабли уверенно спускаются на землю. Смит поражен. Даже восхищен. Но профессиональная выдержка и национальная гордость не позволяют ему высказать волнующие его чувства.

— Да, — говорит он, поднимаясь, — вы добились больших успехов, мистер. И можно только пожалеть, что все, что я вижу, происходит не в Америке.

— Что ж, дело поправимо, — ответил Лэйт. — Вводите у себя плановое хозяйство, уничтожьте частную собственность на землю, тогда и вы сможете применить мое изобретение на благо всем. Так и передайте это моим почтенным согражданам: Гайднам, Фарсонам, Ньютонам, Дойсам и прочей компании.

ЗЕЛЕНАЯ СИМФОНИЯ

Предисловие редакции

«Перспективные очерки» А. Ром «Зеленая симфония» не являются фантастикой в обычном смысле этого слова. Большинство наших читателей, вероятно, уже знают о Зеленом городе по газетным статьям. Акционерное общество с капиталом в несколько десятков миллионов рублей начало уже работы первой очереди. К работам привлечены преимущественно молодые советские архитекторы, творчество которых наиболее созвучно нашей эпохе и не связано традициями со старым, буржуазным архитектурным искусством. По материалам этих архитекторов, пояснительным запискам к проекту Зеленого города тт. Гинзбурга, Ладовского, Мельникова, Фридмана и других и был составлен очерк А. Ром. Разумеется, и этот очерк — только «примерная прикидка». Зеленый город, в окончательном своем оформлении, возможно, будет иметь несколько иной вид, особенно в деталях. Но основы, принципы уже твердо намечены, и в этом смысле очерк едва ли во многом погрешит против «действительности завтрашнего дня».

Очерк первый

ГОРОД ВОШЕЛ В КОМНАТУ

— Жена, оставь кухню. Пусть примус мирно спит. Мы сегодня едем за город. С ребятами, конечно.

Жена рада и не рада. Она любит природу, но... плохая прогулка с тремя малыми детьми! Вижу: взяла наш «экскурсионный» фибровый чемодан. Будет набивать его до отказа бу-

тербродами, бутылкой с водой, бутылочкой с молоком для Ванюшки...

Жена у меня провинциалка. Впрочем, я тоже провинциал, но она — больше. Я в Москве уже полгода, а жена лишь недавно приехала из рязанской глуши. Я хочу поразить ее, и для этого у меня припасен хороший сюрприз.

— Оставь чемоданчик. Не бери завтрак. Мы едем в город. Там все будет.

— Мне послышалось, ты сказал — мы едем за город?

— Да, я сказал так. Мы едем за город, но в город. Мы едем слушать зеленую симфонию. Мы едем в Зеленый город.

— Почему зеленый? — спрашивает Аня. — Там все зеленое? И дома и люди?

— Да, там все зеленое. И дома и люди. Там зеленая жизнь. Там даже шум зеленый. «Идет-гудет Зеленый шум, Зеленый шум — весенний шум». Мы можем ехать туда и по железной дороге, в электрическом поезде, и в автобусе, и на автомобиле, а скоро полетим на аэроплане. На чем вы хотите ехать?

И дети ответили хором:

— На автомобиле!

Решено и подписано. Мы поедем по автостраде. Не подумайте, что «страда» происходит от слова «страдать». «Страда» — значит дорога. Автострада — дорога, специально сделанная для автомобилей. На таких дорогах авто страдают меньше всего. Да вот вы сами увидите!

Одеваемся, выходим. Я, жена, Аня, Маня, Ваня (на руках жены). Обычная картина. Дети «дергают», жена злится. И до автостанции тоже все обычное, надоевшее. Давка. Переполненные трамваи. Несмотря на открытые окна, особый специфический запах трамваев — запах человеческих испарений.

Но вот и автомобильная станция. Из гаража выезжает новенький дежурный автомобиль. Перед нами широченная, уходящая вдаль, как атласная лента, гудронированная гладкая дорога — автострада. Она разделена белыми полосами на несколько продольных рядов. Усаживаемся. Я заказываю шоферу наибольшую скорость.

Машина дрогнула, рванулась вперед. И тут началась сказка, увлекательная сказка, в которой нет ни доли вымысла.

Ветер в лицо. Каждый молниеносный поворот автомобильных колес уносит нас все дальше от душной, тесной, хао-

тической, нелепо построенной Москвы с ее архитектурным дворянско-купеческо-советским столпотворением. Дальше от кухонь, постирушек, соседских сплетен, шипящих примусов, детского плача, чада, от всего нудного, скучного, серого наследия вчерашнего дня. Мы едем в «завтра»!

Ветер в лицо. Машина мчит так плавно, быстро, стремительно, что кажется — мы летим над землею. Вот виднеется Ярославское шоссе. По нему теперь идут только грузы. Рядом — специальная дорожка для мотоциклетов. Дальше — для велосипедистов. «Сколько их, куда их гонит!..» Своею сумасшедшей скоростью мы заставляем велосипедистов как бы отлетать назад. Вдоль автострады мелькают дачные домики, отгороженные друг от друга, похожие на курятники. Мимо людских курятников! Вперед!

Ветер в лицо. Густая аллея отделяет автостраду от «старой» Северной железной дороги с ее дымными паровозами и новой — электрической. Вагоны мелькают взад и вперед почти беспрерывно. Ветер в лицо. Свежий, бодрящий, радостный. Я оглядываюсь назад. Ни малейшей пыли. Как прекрасно это ощущение полета! Так вот что значит настоящая езда на автомобиле! А мы-то, несчастные, принимали за нее московскую таксомоторную и автобусную тряску!

Аня внимательно смотрит по сторонам. Маня жмурится на ярком солнце. У жены такое выражение, словно она кружится на карусели: радостно и жутко. А Ванюшка задремал. Он может не смотреть. Ведь он самый маленький, значит — самый «завтрашний», самый будущий человек будущего. Когда он вырастет, эта быстрая езда, свежий, бодрящий воздух и просторы полей станут его бытом, повседневным явлением его повседневной жизни.

Аллеи по сторонам все гуще. А вот и целые рощи обступили дорогу. Неожиданно мы влетаем на большую площадь парка и видим перед собою оригинальное здание автостанции. Приехали! Так скоро! Немного жалко расставаться с нашей машиной...

Входим в помещение станции. Полукруглый зал с окнами во всю стену. Они открыты. Здесь пахнет не станцией, а лесом. Прямо перед окнами — деревья. И поэтому в зале на всем зеленоватый оттенок. В самом деле — здесь, в Зеленом городе, все зелено — и стены, и мебель, и люди!

Зеленый юноша подходит ко мне и говорит:

— Вы можете принять душ, освежиться с дороги, если хотите, — и указывает на дверь в стене.

Я благодарю, но отказываюсь: это можно сделать потом. Ехать было не жарко и не пыльно.

Проходим в столовую. Жена заказывает завтрак для детей. Фибровый чемодан может мирно покоиться в нашей московской квартире: столовая обеспечена всем необходимым.

Мы проходим мимо читального зала. Сквозь открытое окно видны лаун-теннисные и волейбольные площадки. Молодежь, только что приехавшая из города, уже увлекается игрой. Но мы с большим «багажом» и потому, не задерживаясь на автостанции, идем к жилым ячейкам.

Автостанцию с жилыми строениями соединяет пешеходная дорожка под навесом, на случай дождя. По сторонам — кусты сирени, клумбы, изумрудные лужайки и манящие вдаль извивающиеся дорожки. Я заметил: здесь почти нет прямых линий. Это очень приятно для глаза, утомленного прямолинейностью городских улиц и домов. Кустарники и целые лесные массивы «окультивированы». Только здесь я впервые оценил прекрасное искусство разбивки парков, эту своеобразную отрасль архитектуры и скульптуры, работающей над пластичным растительным материалом. Вот зеленые каскады низвергаются на луг. Вот мы вошли в зеленый тоннель. Стены и свод туннеля раздвигаются, и мы выходим в широкий амфитеатр. А вот купы кустарников и деревьев образовали скалистый остров среди ярко-красного моря пылающих маков. Жена и дети не перестают восхищаться. Даже «человек будущего» — Ванюшка — очарован и тянет ручонку к красным цветам.

Мы подходим к жилым ячейкам. Странный вид представляют они. Какие-то свайные постройки, бесконечно тянущийся вдоль дорожных магистралей второй этаж на столбах. А вместо первого — сквозной проход, который может быть превращен в веранду. Вместе с тем это крытое пространство является как бы улицей под навесом, укрывающим путника от снега и дождя.

Мы проходим под этой своеобразной свайной постройкой на другую сторону. Я бросаю взгляд на уходящий вдаль «дом-

ленту». То, что я вижу, нельзя назвать улицей: свайные постройки не вытянуты скучной прямой линией. Они следуют за всеми изгибами пути и подчиняются всем капризам топографии. Встречая холм, лента взбегает по нему уступами, наталкиваясь на небольшое озеро, огибает его, а попадая в лесную чащу, разрывается отдельными звеньями.

Дорожкой под навесом мы направляемся в ясли.

Небольшая группа малышей копается голышом, в небольших передничках, как маленькие дикари, в грудах чистого, сухого желтого речного песка. Воспитательница в белом халате радушно встречает нашего Ванюшку и как-то сразу располагает его к себе. Мальчик охотно сползает с рук матери на песок. Воспитательница быстро снимает с него костюмчик, раздевает и повязывает маленьким передничком. Через минуту Ванюшка становится уже заправским туземцем. Вооружившись деревянными чашечками, он зарывается в песок. Аня и Маня не прочь присоединиться к играющим, но для больших девочек найдется кое-что позанятнее этой кучи песку.

Жена улыбается и с несколько смущенной улыбкой отходит.

С Аней и Маней вышло проще. Детский сад такое занятное местечко, что я и сам не прочь посидеть там подольше среди детворы. Вот где жизнь бьет ключом! И чего только тут нет к услугам детишек! Качели, карусели, прыгалки, живые ослики, запряженные в экипаж, настоящая маленькая железная дорога, мячи, гамаки, летающие модели аэропланов, беседки, маленькие домики с такой же маленькой мебелью, огороды, курятники, птичьи дворы, кролики, зверюшки... Группы играющих детей, веселый детский смех, хоровые песни, солнце, цветы, зелень, простор.

— Я думаю, дети здесь не соскучатся! — сказала жена. И улыбка у нее была уже другая. Не смущенная и не растерянная.

— Идем, я покажу тебе твою комнату, — говорю я ей.

Это тоже странно и ново. У нее будет совершенно отдельная комната, с отдельным входом. Но наши комнаты смежные, мы можем открыть двери и сделать из двух одну большую общую комнату.

Входим под свайную постройку, поднимаемся по лестнице, проходим коридором. Небольшая комната. Мы видим — письменный стол, два стула, складная кровать, шкап в стене. Ничего лишнего. Над столом, на длинной дуге, колпак электрической лампы, похожий на склоненный цветок подснежника. На столе — пишущая машина.

— Зачем? — спрашивает жена.

— Если ты захочешь написать письмо, — отвечаю я. — Ведь здесь мы учимся новому быту, а в новом быту мы все будем писать на пишущих машинках. Это гораздо скорее и удобнее.

Наружные стены комнаты превращены в сплошные окна — от пола до потолка. Потоки света. А если открыть окна, то получается идеальное сквозное проветривание. Строго говоря, окна не открываются — они складываются гармоникой, и... комната перестает быть комнатой — превращается в крытую площадку, как бы растворяется в природе. Я подошел к окнам и свернул их. И вот Зеленый город вошел в комнату, а комната стала частью Зеленого города. Перед нами ничем не заслоненные лесные массивы. Чистый смолистый воздух наполняет комнату, солнце затопляет ее своими лучами.

— Как хорошо! — говорит жена. — Настоящее лесное гнездо. Здесь чувствуешь себя как на ветке! — Но тут же одна мысль заставила ее насторожиться. Она подошла к стене и спросила: — А соседи не будут мешать?

— Не беспокойся. Во-первых, стены здесь звуконепроницаемы. При постройке на это было обращено особое внимание. Во-вторых, жители Зеленого города — временные и постоянные — уже научились уважать покой друг друга. А в-третьих, соседи у тебя не опасные: с этой стороны помещаюсь я, а там — Варя.

Для жены это было приятной неожиданностью. Варя — ее подруга, с которой она вместе росла.

Мы сговорились, как будем проводить время. До обеда — «развод». Жена будет с Варей, я хочу немного позаниматься, а потом отправлюсь бродить. Обедаем вместе. После обеда идем гулять с детьми в зоопарк.

Я прошел в свою комнату, открыл окна, полил цветы в ящиках перед окнами — я уже второй раз был в Зеленом горо-

де и чувствовал себя старожилом, — затем принял душ и уселся за небольшой письменный стол. Мне хотелось немного поработать, а голова нигде не работает так хорошо, как в деревенской тиши. Я говорю «в тиши» — и это правда. Зеленый город может одновременно вместить в себе до ста тысяч человек — и все же здесь очень тихо. Это совсем не значит, что в Зеленом городе надо говорить шепотом, что здесь нельзя повеселиться, громко поговорить, посмеяться, даже попеть. Все это можно, но не везде.

Я сижу над английской книгой, перевожу.

Глава окончена. Одиннадцать утра. Как хорошо! Еще много часов пребывания в Зеленом городе. Захлопываю книгу и отправляюсь бродить куда глаза глядят... а вернее — куда заведут меня дорожки. Дорожки Зеленого города всегда являются для меня непреодолимым магнитом. Они манят, обещают, зовут. Что дальше? Что ждет меня вот за этим поворотом? И дорожка не обманывает. Поворот всегда открывает что-нибудь неожиданное, интересное.

Дом. Странный дом, длинный, в один этаж, построенный спиралью. Он свернулся, как улитка, и будто заснул, пригретый солнышком.

Дикий овраг, темная зелень, и на ней — неожиданно яркие пятна красной гвоздики. Эти контрасты нетронутого, девственного леса и парковой культуры особенно поражают и восхищают.

А дорожка вьется все дальше и дальше. Вот она скользит по краю обрыва, поднимается на бугор, ведет по легкому, изящному мостику через речку и вонзается в сосновый бор. Здесь темно и тихо. На такой лесной дорожке, кажется, можно встретить медведя. Но вместо косматого отшельника вы неожиданно видите большое стеклянное здание несколько необычной формы — три этажа идут несколько вкось, наслаиваясь друг на друга... Опять лес — и снова поляна, и снова дом невиданной архитектуры. Длинный, он как будто сломан землетрясением на три равных части. Средняя часть стоит прямо, а боковые наклонно к концам.

Странный дом, а на доме еще более странная надпись:

СОННАЯ СОНАТА

Это — «фабрика сна». Здесь изготовляют крепкий, здоровый человеческий сон и починяют испорченный. Рационализируют процессы, занимающие треть человеческой жизни. Я осматривал эту фабрику сна в первый свой приезд. В каждом этаже огромная зала, вмещающая несколько сот кроватей. Залы имеют удлиненную форму. Для спален, пожалуй, слишком много света. На обоих концах спальни часть стены и потолка сделаны в виде раковины, как в концертных залах.

— Скажите, в этой общей спальне соседи не будут мешать спать? — спросил я служащего.

— Разумеется, они мешали бы, если бы нами не были приняты специальные меры. Ходьба к своему месту, разговоры, храпенье, бормотанье во сне — все эти неорганизованные шумы являются отрицательной стороной общественной спальни. Но неорганизованные шумы мы нейтрализуем организованными — и в этом-то и состоит главная особенность нашей фабрики сна. Обратите внимание на раковины в стенах. Они являются усовершенствованными резонаторами для передачи звуков нашей Сонной Сонаты. Мы передаем по радио имитацию различных шумов природы, благотворно влияющих на нервы и вызывающих сон. Вот, например, шум дождя и завывание ветра.

Служащий повернул выключатель. Я услышал, как по крыше барабанит дождь и шумит ветер в вершинах деревьев. Иллюзия была полная.

— У нас много пациентов, которые уверяют, что нигде и никогда они не спят так крепко и сладко, как здесь под усыпляющие шумы Сонной Сонаты. Мы варьируем их, эти шумы. Мы даем и вой степного ветра, и морской прибой, и однообразную песенку сверчка под завывание зимней бури, и журчанье ручья. Иногда мы сопровождаем шумы доносящимися словно издалека звуками однообразной и строго ритмичной мелодии. У нас есть аппараты, измеряющие качество и глубину сна. Мы делаем опыты и постепенно улучшаем наши методы. Для лиц, страдающих упорной бессонницей, мы применяем особые средства. Есть комнаты со сгущенной или разреженной атмосферой, с варьирующим барометрическим давлением, соответствующим особенностям конституции больного. Есть кровати с так называемым термическим

маятником. Вдоль всего тела раскачивается маятник с прибором, дающим тепло. Этот равномерный тепловой массаж производит изумительное действие. Люди, давно потерявшие сон, засыпают быстро, крепко и просыпаются освеженными. Переутомление быстро проходит, нервы успокаиваются, нормальный сон восстанавливается. Да, у нас здесь новая наука — сомнология — наука о сне. Сном мы лечим, сном восстанавливаем работоспособность истощенных, переутомленных, перенесших болезни. Восстанавливать силы — ведь это одна из основных задач Зеленого города.

Фабрика сна остается позади. Дорожка поворачивает вправо, спускается вниз, к тихому пруду. Песок. Несколько белых зданий с огромными верандами. На верандах лежат и сидят на удобных плетеных креслах и койках молчаливые, неподвижные люди, многие с полузакрытыми глазами. Там, в Сонной Сонате, лечат глубоким сном, здесь — покоем и тишиной. И покой переутомленных бережно охраняется.

Дорожка вывела меня на широкую дорогу, по которой сновали автомобили местного сообщения. После тишины Сонной Сонаты и уголка переутомленных мне захотелось шума, оживления. Я дошел до ближайшей автомобильной станции и попросил отвезти себя в юго-западную часть территории Зеленого города.

И вот я сразу перенесся в иной мир, где «и солнце ярче, и весна милей».

Это мир юности, мир здоровых людей, кровь которых горячо и быстро переливается, мышцы просят движения, грудь — глубоких вздохов. Сколько шума, движения, веселья! С увлечением бегают по полю футболисты, выше леса подбрасывая мяч, дальше площадки лаун-тенниса, баскетбола, а там, на поляне, ожила во всей своей динамичности русская лапта. Дальше, на большом поле, белеют палатки. Молодежь марширует в военном строю. Военные игры увлекают, на окнах, пригорках, буграх развертывается сражение. Синие штурмуют окопы красных. Слышатся даже выстрелы. Мелькают белые косынки сестер, санитары проносят носилки. Неужели ребята так увлеклись, что изувечили друг друга? Я спешу туда, на место сражения. Напрасная тревога. Все это нарочно. Ран нет.

За лагерями, на большой, открытой солнечным лучам поляне виднеются трапеции, лестницы, канаты, заборы, кобылы, висячие кольца, канавы, наполненные водой... Здесь тренируются физкультурники: стреляют из лука, мечут копья, диски, бросают бумеранги, прыгают через канавы, перелетают с длинными шестами в руках через высоко протянутую бечеву, лазят по лестницам, проделывают замысловатые упражнения на трапециях... Признаюсь, для меня нет лучшего зрелища, как наблюдать в движении юные, стройные, ловкие, сильные тела. Инструкторы и врачи зорко следят за физкультурниками. Проверяют работу сердца, пробуют пульс, останавливают слишком ретивых новичков... А вот на зеленой лужайке десяток физкультурников исполняют какой-то невиданный танец диких: прыгают чуть не на высоту человеческого роста. И мне кажется, что это переполняющая молодые тела жизненная сила подкидывает их вверх.

Ближе к лесу, в тени деревьев расположились походные кухни, в палатках — закусочные. Физкультурникам нет времени ходить в общую столовую. Они наскоро закусывают здесь же, на лугу, и снова принимаются за тренировку. Но час обеда и отдыха соблюдается строго.

Сквозь стволы деревьев виднеется блестящая поверхность реки. Там блаженствуют физкультурники-водники. Среди них имеются настоящие водяные жители, которые готовы весь день мокнуть в воде. Сколько здесь лодок самых разнообразных форм, водяных велосипедов, лыж, огромных резиновых мячей! Сколько шума, смеха, веселой суматохи! Здесь можно смеяться вовсю, петь, кричать, не нарушая покоя переутомленных.

Зеленый город умеет не только отдыхать и спать, слушая Сонные Сонаты, но и веселиться — молодо и задорно!..

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОПРАВКА

Незаметно я опять углубился в чащу леса — и снова дорожка повела меня в неведомую даль. Какая глушь! И только небольшая аккуратная дорожка нарушает очарование. Кажется, будто находишься далеко от Москвы, в дремучем северном лесу.

Обрыв. Внизу журчит ручей. На обрыве — удобная скамья со спинкой. Я усаживаюсь и отдаюсь тишине. Лучи солнца проникают сквозь ветви и ложатся золотыми пятнами на зелень травы. «Да, здесь все зелено, и люди зеленые», — думал я, глядя на зеленые отсветы на своих руках. Зеленый город! Зеленая тишина вливается в меня необычайным спокойствием. Нервы отдыхают. Трамвайные звонки, давка, суета, пыль — где-то там, далеко, далеко от меня. Об этом не хочется и думать. Я чувствую, что каждая минута пребывания в Зеленом городе наполняет меня новыми силами. Хорошо! Однообразно журчит ручей. Это тоже «Сонная Соната». Сколько контрастов, сколько различных освежающих впечатлений, какое богатство выбора!..

Я отдохнул. Иду дальше. Опять поляна, на ней огромная башня с винтовой лестницей вокруг железной мачты. Поднимаюсь по железным ступеням. Выше, выше. Вот я поравнялся с вершинами деревьев. Еще выше. Какой зеленый простор!..

...И царь
Мог с вышины с весельем озирать
И дол, покрытый белыми шатрами,
И море, где бежали корабли...

Эти строки продекламировал стоящий рядом со мной на площадке башни человек средних лет в серой рубашке без шляпы, бритый, с портфелем в руке. Он посмотрел на меня мельком и продолжал, как бы рассуждая сам с собою:

— И вот теперь не царь, а московский рабочий может взойти на этот «холм» и любоваться окрестностями. Море зелени, лодка на реке, белые шатры, крыши домов, дорожки парков, железнодорожные пути — все как на ладони. Жаль, не очень высока башня. Ее надо бы сделать этак с Эйфелеву, тогда мы увидели бы как на плане весь Зеленый город. Я часто смотрю отсюда. Любуюсь и не могу налюбоваться. Конечно, будущее не за зелеными городами. Зеленый город — это лишь социалистическая поправка к хаотически построенным, нелепым городам, оставшимся нам в наследие от старого режима. Но какая прекрасная поправка! С такой поправкой можно и не разрушать старые промышленные городские центры, как этого хотят некоторые слишком ретивые товарищи. Зеленый

город — особенный. Зеленый город — это город рабочий. Заметьте, не рабочий город, а город рабочий. Он не похож на курортные города, которые живут привозом. Зеленый город сам себя обслуживает. Он выстроен из собственного леса. У него свое обширное лесное хозяйство, своя индустрия. Свои лесопилки, фибролитовые заводы, сборочные, свой мебельный завод. Зеленый город сам себя выстроил и сам меблировал свои здания. Он сам и кормит себя. У него свои колхозы, огороды, ягодно-фруктовые сады, молочные фермы, маслобойни, сыроварни, птицеводные фермы.

На территории Зеленого города было несколько деревень. Мы организовали их в колхозы. Крестьяне переселились в наши дома и перешли на обобществленный быт. Теперь вы их не узнаете. Так на практике произошло слияние города и деревни.

Пищевой комбинат Зеленого города состоит из хлебозавода, кондитерского производства, хранилища муки, холодильника, завода по обработке мяса, дичи и рыбы, колбасного и консервного производства. У нас огромное складское хозяйство, фабрики-кухни, прачечные, починочные мастерские. Зеленый город — это высоко дифференцированный организм. Я живу здесь с самого основания города и скажу, что я сделался настоящим энтузиастом.

Смотрите, — продолжал энтузиаст, показывая рукою вниз. — Вон там, в парке, находится выставка образцов различного вида предметов потребления с указанием цен. Каждый житель Зеленого города может выбрать, что ему надо, и заказать по телефону. Там зоопарк, там ботанический сад, образцовое садоводство. Если бы вы поднялись на аэроплане, как это делал я, то вы увидели бы весь Зеленый город как на большой карте. Шутка сказать, он занимает около ста пятидесяти квадратных километров, или пятнадцать тысяч гектаров, и из них одиннадцать тысяч пятьсот гектаров занимает лес! Вся эта площадь в виде огромного круга разбита на «функциональные» группы: центрального управления, культурно-просветительную группу, физкультурную, жилищную, лечебно-профилактическую, детскую, кооперативно-строительную. Каждый район отделен зеленой стеной от другого, так что каждая группа не мешает другой выполнять свое произ-

водство. В одном конце Зеленого города — тишина первобытного леса, в другом — неумолкающий смех и песни. Вы найдете здесь, в зависимости от настроения и состояния здоровья, все, что вам надо: театры, кино, концертные залы, лекционные помещения, стадионы, площадки, велодромы, дома отдыха, здравницы, врачебно-трудовые колонии, санатории специального назначения, грязелечебницы.

Зеленый город не только восстанавливает силы, укрепляет нервы, здоровье, но он и учит — учит новому, обобществленному быту.

Зеленый город... — Энтузиаст посмотрел на часы и вдруг, не говоря больше ни слова, скатился с винтовой лестницы с необычайной быстротой, как шарик по лотку.

Я тоже посмотрел на часы. Пора было идти обедать.

Столовые расположены по районам, так чтобы они обслуживали население ближайших к ним жилых ячеек. От ячейки до столовой самое большое расстояние не превышает десяти минут ходьбы. Каждая столовая рассчитана на сто человек одновременно обедающих.

Когда я впервые побывал в Зеленом городе, то, признаюсь, с некоторым опасением подходил к столовой. Но мои опасения скоро рассеялись. Я вошел в очень поместительный зал с большими, широко открытыми окнами, сквозь которые обильно вливался лесной воздух. Перед окнами много цветов. Цветы и на столиках. Грузовики-термосы привозят готовую пищу, при столовой имеется только небольшая кухня, где блюда подогреваются перед подачей на стол. Штат, обслуживающий столовую, вполне достаточен для того, чтобы каждый мог пообедать, не мешая другим и не ожидая.

В столовой меня окликнула жена. Она уже сидела у окна с Варей. Жена была очень оживлена. Она рассказывала мне о том, как провела день.

— Ты знаешь, Варя будет служить здесь, в сельскохозяйственной школе. Мы осматривали с ней эту школу. Очень интересно. Здесь имеется несколько школ с производственным уклоном. Как это? Нет, говори ты, Варя, ты лучше скажешь.

— Зеленый город сам создает кадры необходимых для него работников, — начала Варя. — В местных колхозах имеют-

ся сельскохозяйственные школы, при заводах, изготовляющих части для зданий и мебель, свои школы, существуют школы со строительным уклоном, животноводческим, дорожным, лесным. Учатся в этих школах дети рабочих и служащих Зеленого города. Но мы расширяем наши школы и общежития. И тогда часть детишек-москвичей в состоянии будет жить и учиться в Зеленом городе.

Жена посмотрела на меня вопросительно. И мне кажется, я понял ее немой вопрос. Он был обращен, пожалуй, не столько ко мне, сколько к ней самой. Она спрашивала: «А что, если бы отдать старших девочек в школу Зеленого города? Они жили бы в прекрасных здоровых условиях, в лесу, и учились бы в самой практической, самой трудовой школе. И учились бы не только полезным знаниям, но и новому быту, новой коллективной жизни».

Вопрос погас в глазах жены. Я знаю: жена еще «не созрела» для таких решений. Но какое-то зернышко уже запало в ее сознание, некая истина уже открылась ей. И я уверен: зернышко будет расти и даст плоды. Удивительно! Какая сила воздействия непосредственного впечатления! Энтузиаст был прав: Зеленый город не только здравница, но и школа нового быта.

За нашими спинами никто не стоял в очереди, и мы могли не спеша пообедать, поговорить за столом. Да, правду сказать, и не хотелось спешить. Ведь наше однодневное пребывание в Зеленом городе дошло до зенита. Дальше начинался скат... к старому быту.

Прежде всего мы начали обрастать детьми. После обеда зашли в ясли. Ванюшка пребывал там в полном здравии и не очень-то охотно оторвался от игры со своими сверстниками. Я взял его на руки и обещал показать слона. А у дочерей, когда мы зашли за ними в детский сад, произошла целая драма. Они уже успели крепко подружиться с несколькими девочками, и разлука с ними не обошлась без слез. Аня и Маня успокоились лишь после того, как уговорились встретиться с подругами в следующий приезд, через пять дней. Воспитательница детского сада, посмотрев на Ванюшку, сказала:

— Зачем вы носите его на руках? И ребенку жарко, и вам утомительно. Возьмите в складе детскую коляску. С вокзала пришлете обратно.

Это был приятный сюрприз. Я усадил Ванюшку в хорошую коляску, очень легкую на ходу, и мы отправились в дальнейшее путешествие.

Зоологический парк расположен в юго-западной части Зеленого города, по реке Серебрянке и занимает большую площадь в девятьсот пятьдесят гектаров.

Легкая проволочная изгородь, почти незаметная для глаз, отделяла территорию парка. Чем дальше подвигались мы вперед по дорожкам сада, тем больше я удивлялся разнице между этим и московским зоопарком. Там, в Москве, зверям так же тесно, как и людям в их квартирах. Я говорю не только о клетках, но и о всей территории. Не знаю, сколько квадратных метров территории приходится в московском зоопарке на каждого четвероногого, но уверен, что это «голодная» норма. Здесь поражает простор. Идешь и видишь поляны, леса, пригорки, овраги, пруды. По лужайкам, пощипывая траву, мирно бродят олени, серны, косули. В кустах резвятся лисы, молодые волчата. Медвежонок купается в пруду, стоя по грудь в воде. Другой медвежонок, побольше, начал толкать его лапами, желая повалить навзничь. Поднялась веселая возня. И тут же на берегу — ребятишки-«юннаты». Ни клеток, ни вольер, ни павильонов. Все звери на свободе. Лишь несколько старых недоместицированных[1] зверей находятся на островах.

Звери держат себя совершенно иначе, чем звери московского зоопарка. Здесь они почти не чувствуют неволи, здесь они дома — и только здесь можно наблюдать их настоящую жизнь, не изуродованную неволей. И если среди них есть хоть один зверь, переведенный сюда из московского зоопарка, то он, наверно, чувствует себя так же хорошо, как москвич, попавший из душной, тесной Москвы в Зеленый город.

Но, признаюсь, в этом зоопарке меня поразили не столько звери, сколько люди — посетители. Руководителям парка пришлось, вероятно, положить немало труда, чтобы «донестицировать» посетителей, сделать их культурнее, воспитать их. Известно, как держат себя многие посетители московских и других зоопарков. Суют в клетку зажженную папироску,

[1] Неодомашенных.

бросают в раскрытую пасть просящего медведя всякую дрянь, дразнят обезьян и бросают им пустые бумажки из-под конфет. Даже женщины норовят ударить беззащитного зверя кончиком зонта. Здесь этого совершенно нет. А если и случается как исключение, то такому ослушнику не поздоровится. За порядками следят главным образом подростки-юннаты — юные натуралисты, настоящие друзья зверей. Волки и лисы бегают за ними как собаки, шакалы и гиены лижут руки. Юннаты задают тон, и посетители, подражая им, стараются держать себя со зверями так же вежливо, как вежливо держат себя звери с людьми.

Мне говорили, что в этом зоопарке ведутся большие научные работы по изучению психологии животных. Но и случайный посетитель не может не видеть огромных достижений в области доместикации и дрессировки. Зеленый город учит, воздействует на посетителя каждым своим уголком.

ГОРОД ПОБЕДИТЕЛЯ

Карл Фит открыл глаза и улыбнулся. Уже несколько дней он просыпался с улыбкой на губах — быть может, потому, что засыпал с мыслью о том, как хороша и интересна жизнь. И как вчера, как третьего дня, он внимательно посмотрел вокруг себя. Он закинул голову назад и увидел балконную дверь, через стекла которой в комнату вливались косые лучи утреннего солнца; скользнул взглядом по небольшому письменному столу из белого дуба и удобному рабочему креслу; повернул голову, осмотрел платяной шкаф в стене, как бы желая удостовериться, все ли на месте, и закончил осмотр умывальником около двери. Все на месте. Все так, как вчера, в этой маленькой, чистенькой, беленькой комнатке. А картины на стенах и букет на столе? Нет, и они на месте: два прекрасных этюда масляными красками — эпизоды героической борьбы пролетариата за власть. Большие круглые часы, висевшие над дверью, смотрели своим циферблатом, и стрелки вытянулись почти вертикально. Было без одной минуты шесть. В это время всегда просыпался Фит. Вот стрелки вытянулись впрямую совершенно, и тотчас послышался мягкий, но довольно сильный баритон, который неведомо откуда проговорил:

— Шесть часов, пора вставать!

Баритон этот принадлежал Фиту. Вчера он отдал такой приказ, ложась спать, механическому слуге — валику граммофона, соединенному особым аппаратом с часами. Но Фит давал ежедневно такой приказ самому себе больше для забавы. Его не нужно было будить — просыпался он всегда аккуратно в одно и то же время.

— Благодарю вас, — ответил Фит, улыбаясь часам, и быстро поднялся с кровати. Он быстро сложил кровать и вдвинул ее в стену, натянул на ноги туфли и вышел в коридор. Изо всех дверей выходили люди в таких же халатах, мужчины и женщины, и шли: мужчины вправо, женщины влево.

— Гут морген! — окликали Фита веселые молодые голоса.

— Добрый утро! — отвечал он по-русски и махал рукой.

Фит открыл дверь в стене длинного коридора, и до его ушей донесся разноголосый шум: ливень, веселые голоса, фырканье, хлопанье руками по голому телу, всплески воды. Все эти звуки сливались в своеобразную «водяную» симфонию. Да, в этом огромном зале было настоящее царство воды. Свет, проникавший через стеклянный потолок, освещал бассейн, в котором плавали молодые люди, со смехом перегоняя друг друга. Направо и налево расположились кабинеты душей, а в стене против входной двери виднелось множество дверей, которые вели в отдельные ванные комнаты. Фит обходил бассейн, пробираясь к своей ванной.

— Кто это? — спросил молодой человек в бассейне, показывая глазами на Фита.

— Немец, экскурсант, — ответил плывший рядом.

Фит вошел в ванную комнату, быстро разделся и опустился в уже готовую ванну. Выйдя из ванны и насухо растерев тело мохнатым полотенцем, он прошел в соседний зал.

Если первый зал был царством воды, то здесь было царство воздуха и гимнастических машин. Молодые люди в трусах занимались «утренней зарядкой», усиленно тренируясь. Пожилые не отставали. Фит присоединился к ним и начал старательно проделывать различные телодвижения: выбрасывать руки вверх, вниз, в стороны, приседал, поднимался... Фит страдал. Все это выходило у него не так четко, как у остальных, видимо хорошо тренированных людей.

— Ничего, привыкнете, — говорили ему соседи.

Немец виновато улыбался, упрямо приседал и стрелял руками в стороны. «Привыкнете!» Немного обидно. Давно ли немцы были во всем учителями русских?..

Четверть седьмого. Довольно! Фит идет в ванную, надевает утренний халат и возвращается в свою комнатку. Совсем маленькая! И она показалась бы еще меньше, если бы не знать кое-чего, — как она устроена и каковы порядки в этом чудесном доме-коммуне. Нужна ли большая комната, если отличная вентиляция доставляет чистый воздух с избытком и если комната ни на что больше не нужна, как только для того, чтобы поспать в полной тишине да — если придет желание — остаться часок-другой наедине. Фит не привык тратить время на уединение. Он горел желанием осмотреть как можно больше и как можно скорее. Да, он не много тратил времени на пребывание в этой комнате — и все же она чрезвычайно нравилась ему. Внешний облик комнаты, вся ее простота и даже малый размер настраивали на особый лад. Лишенная на первый взгляд многих необходимых вещей, она говорила о том, что человек должен быть прежде всего свободен от плена этих самых вещей, от власти громоздкой мебели, ненужных безделушек, пыльных штор. В самом деле, разве не приятно сознавать, что, куда бы ты ни захотел ехать, везде ты найдешь вот такую простую комнату для сна и отдыха, где нет ничего лишнего и есть все необходимое. В комнату приятно было войти и не жалко ее оставить. Она воспитывала сознание того, что человек не «комнатный жилец», а жилец и хозяин всего этого огромного, кипящего жизнью дома.

— Хорошо! — сказал Фит, переодеваясь. Через несколько минут он уже был готов к выходу — на нем был простой, удобный, изящный костюм, облегающий талию, но свободный в груди и плечах.

* * *

Половина седьмого. Фит выходит из комнаты, не запирая ее — здесь кражи неизвестны, — и, пройдя коридором, входит в столовую.

Во всю длину большого светлого зала в несколько рядов тянутся широкие столы. Посредине столов во всю их длину возвышаются ящички со множеством окошечек. Рядом с окошечками — кнопки номерами и меню. Против каждого назва-

ния — кофе, чай, молоко — цифра. Во всем зале ни одного человека прислуги. На «ящиках» — букеты живых цветов. Фит усаживается за стол против «окошечка», читает меню и нажимает кнопки под номерами 3 и 12. Через минуту откуда-то снизу поднимаются и становятся в окошечке длинного ящика стакан кофе со сливками и ломти белого хлеба, намазанные сливочным маслом и сверху вареньем.

Фит берет с подноса еду и с аппетитом завтракает. Затем он ставит тарелку и пустой стакан на поднос в окошечке, нажимает кнопку — и поднос проваливается.

Без десяти семь. Пожалуй, можно еще побриться и почистить ботинки. Это рядом со столовой. Удивительная бреющая машинка кончает свое дело в одну минуту. В то же самое время-механический чистильщик натирает ботинки Фита до зеркального блеска. По ассоциации Фит вспоминает об одной оплошности, им допущенной: он забыл привести в порядок, с помощью механического слуги, свою комнату. Забыл же потому, что даже привычный к чистоте немецкий глаз не смог заметить в комнате ни малейших следов пыли или грязи. Но пыль и грязь могут появиться, если за комнатой не следить каждый день! Наблюдение за чистотой входит в обязанность всех проживающих в доме-коммуне. Каждый отвечает за чистоту своей комнаты. Скорее исправить оплошность! Фит спешит к себе, в комнату 1235. Он хотел 1234-ю, тогда было бы еще удобнее запомнить.

Это очень просто! Механическая щетка выметает и натирает пол, пылесос пожирает пыль. Сначала приводится в порядок половина комнаты у двери, потом письменный стол легко откатывается, кресло ставится на стол и убирается вторая половина комнаты — у балконной двери, заменяющей одновременно окно. Пыль по особым мусоропроводным трубам поступает вниз. Пол сверкает. Комната блестит! Но надо еще протереть окна. Опять механические щетки другого устройства. Готово. Все механизмы складываются и прячутся в нижний ящик удобного стенного шкафа.

Кто-то стучит в дверь.

— Войдите! — Дверь открывается. У порога стоят хорошенькая беловолосая девочка и черномазый мальчик. В руках у девочки — букет, у мальчика — корзина с цветами.

— Доброе утро, дорогой товарищ Фит! — говорит девочка на хорошем немецком языке. — Я принесла вам свежих цветов.

— Доброе утро! — приветствует Фита и малыш с корзиной цветов.

Фит здоровается с детьми, благодарит за цветы. Девочка быстро меняет букет цветов на столе. В вазе красуются теперь чайные розы. Отжившие свой век гвоздики бросаются в мусорную трубу. Труба эта уносит вместе с водой все отбросы дома далеко за город, где они перерабатываются.

Фит еще хочет поговорить с детьми, порасспросить их о том о сем, но дети спешат. Ведь они приняли шефство над цветами дома и строго относятся к своим обязанностям, а дел у шефов в это летнее утро еще очень много. Дети приветливо кланяются Фиту и торопятся дальше. Фит долго улыбается им вслед, потом смотрит на циферблат над дверью. Семь часов двенадцать минут. Фит открывает дверь и выходит на балкон. Массивные перила утопают в цветах. Вьющиеся растения закрывают балкон с боков. Фит смотрит вниз, с высоты третьего этажа.

Отсюда, с высоты, город поражал не грандиозностью, а своеобразием: он меньше всего походил на город, хотя население его приближалось к шестидесяти тысячам.

Море зелени расстилалось внизу — бесконечные парки и сады. Они затопляли весь город, как вешние воды, и среди этого зеленого моря поднимались, подобно скалистым островам, красивые дома, не выше четырех этажей, окрашенные в светлые тона, хорошо гармонировавшие с зеленым фоном парков и садов. Только далеко направо дома стояли гуще — там была площадь Революции, где помещались правительственные учреждения. А налево блестела излучина реки, покрытая уже в этот ранний час гребными лодками и парусными яхтами: «выходники» спешили использовать день отдыха на вольном воздухе.

Откуда-то донесся звук колес, мягко катящихся по рельсам, и через зеленое море проследовал на высоте вершин деревьев воздушный электрический поезд — «Рапид-транзит», который вез на завод рабочих. Такие поезда шли с пятиминутными перерывами в продолжение получаса, увозя на работу

треть взрослого населения города. Количество и состав поездов были рассчитаны так, чтобы каждый рабочий мог усесться в свой поезд на свое место, без давки и очередей. В этом городе ни одна минута не терялась напрасно. Через пять часов «Рапид» вернет рабочих и заберет новую смену. Завод работает в три смены по пяти часов — от семи утра до десяти ночи. Фит непременно побывает на заводе и посмотрит, как организована работа.

Фит возвращается в комнату, подходит к письменному столу и вынимает из ящика пишущую машинку. Такие машинки имеются в каждом столе каждой жилой комнаты этого дома. Через минуту Фит пишет на бесшумно работающей машинке.

«Дорогой Фриц!

Ты просил написать о моих впечатлениях. Это нелегко сделать. Особенность социалистического города, в котором я живу, заключается в том, что он поражает не американскими масштабами, а своей внутренней целесообразностью. Этот город я назвал бы фабрикой для переделки людей. Такие фабрики нам в Германии еще только предстоит строить. Начиная от архитектуры зданий и кончая укладом жизни, все устроено так, что ты незаметно для самого себя становишься совершенно иным человеком. Начать хотя бы с этой маленькой спартанской комнаты, в которой я нахожусь. Ты сам знаешь, что наши рабочие — и в особенности наши жены — еще не успели отрешиться от буржуазного «уюта». И я уверен, что ты — и тем более твоя милая Марта — пришли бы в ужас от этой комнаты. Она показалась бы Вам слишком бедной, слишком уж простой. Ни ковра, ни занавесок, ни полочек. Но... надо пожить день, чтобы понять всю целесообразность этой простоты и ненужность загромождения комнат всем тем хламом — вазочками, занавесочками, полочками, статуэточками, которые делают так называемый «уют» наших немецких квартир.

Представь в моей комнате — единственный стул! Разве это не ужас? Я не могу даже принять гостя! Но достаточно выйти в коридор и пройти несколько шагов, и ты уже в гостиной — с коврами, мягкой удобной кожаной мебелью, цветами на столе, прекрасными картинами на стенах, ты встречаешься с кем тебе хочется, выбираешь место и ведешь с приятелями дружескую беседу. Кресла, столики и диваны расставлены так, что группы беседующих не мешают друг другу. Я, например, облюбовал уголок у окна, где стоят пара кресел, окруженных огромными цветущими олеандрами. Ты находишься как будто в саду. В открытое окно льется чистый воздух, насыщенный озоном. Никто тебе не мешает, и ты никому не мешаешь, и в этом чудесном уголке я провел не один вечер, беседуя с моими новыми друзьями. Я узнал от них много интересного, что трудно узнать и подметить иностранному туристу, притом слабо владеющему русским языком.

Но прости мне. Перегруженный новыми впечатлениями, я отвлекаюсь в сторону и пишу бессистемно. Попробую вогнать себя в рамки, придерживаясь хотя бы хронологического порядка.

Из Москвы я вылетел на аэроплане, летел на юго-восток, с жадным любопытством глядя вниз, на просторы нового мира, который не знает рабства и подневольного труда. Если бы не развернутая карта передо мною, где отмечался маршрут полета, я бы мог подумать, что лечу не над страной мирного труда, а над полем сражения. По широким полям двигались «танки», гуськом и развернутым строем, в одиночку и целыми стадами. Они то собирались в группки, то, как будто резвясь, убегали друг от друга.

Ну, а если бы на моем месте сидел наш далекий предок или даже дикарь, никогда не видавший современных машин, он, конечно, подумал бы, что залетел в неведомый мир, где живут странные чудовища, которые пасутся на полях и пожирают высокие травы с необычайной быстротой. Ты, конечно, уже догадался, что я говорю о тракторах, о тракторных колоннах, которые, подобно трудолюбивым неустанным животным, хлопотливо снуют взад и вперед, делая легко и скоро то, на что требовалось прежде неимоверное количество человеческого труда.

Кстати, могу сообщить тебе любопытную мелочь. Местные врачи уверяли меня, что тракторы и автомобили оказались врагами целого ряда болезней, которые резко пошли на убыль после того, как страна была тракторизована и насыще-

на автомобилями. Трактор и автомобиль почти совершенно уничтожили брюшной тиф, дизентерию и другие заразные болезни. «Каким образом?» — спросишь ты. Очень просто. Распространителями этих болезней являлись мухи, а мухи размножаются, кладя яички преимущественно в конский навоз. Коней же теперь заменили автомобили и тракторы. И мухи почти вывелись.

Здесь я слыхал такую сказочку. Ласточка жалуется воробью, что теперь негде даже присесть — телеграф, мол, беспроволочный. А воробей отвечает: «...и нечем пообедать: все автомобили да тракторы, ни одной лошади!» К этому можно прибавить и жалобу мухи на то, что теперь негде класть яйца для размножения.

Но, прости, я опять отвлекся.

Итак — аэроплан, безграничные степи, поля и на них стада милых, трудолюбивых, покорных машин — тракторов. По всему этому необъятному пространству разбросаны промышленные и сельскохозяйственные города, впрочем, мало чем отличающиеся друг от друга. Старые города с их неправильными путаными улицами, с церквами, с пестротой деревянных и каменных построек встречаются редко... Уже здесь, на высоте, сидя в большом пассажирском аэроплане и глядя вниз с высоты птичьего полета, ты видишь и чувствуешь, что находишься в стране планового ведения хозяйства. Сельскохозяйственные города расположены более или менее равномерно, промышленные — в местах нахождения сырья. А деревень — старых российских деревень — совсем нет. Слова «мужик», «крестьянин» исчезли из живого языка. Они стали таким же историческим воспоминанием, как «помещик» и «дворянин». В этой стране есть только трудящиеся, только рабочие сельскохозяйственного или промышленного труда. Кстати, ты не увидишь здесь разницы между инженером и рабочим. Все они живут в одинаковых условиях.

Но я опять увлекся. Уж очень много ассоциаций цепляется за каждую мысль.

Мы летели днем и ночью. Ночью — по радиомаякам. Ночных маяков в миллионы свечей теперь уже не делают, радио успешно заменяет световые сигналы. Только на больших аэродромах все залито светом, когда подлетаешь к ним ночью.

В Шахтерске мы снизились, и я пересел в поезд, который шел в Южхим. Эти названия тебе мало что говорят. Новые города — дети пятилетки — в значительной мере изменили карту СССР. И советским школьникам приходится запоминать гораздо большее количество городов, чем детям старого режима. С каждым годом количество городов все прибавляется. Если бы здесь географию учили так, как учат в Европе, — советским школьникам пришлось бы туго. Но они усваивают это очень быстро благодаря совершенно новым методам школьного обучения, в котором «книга жизни» имеет первостепенное значение. Но о школе я еще напишу тебе.

Итак, я пересел в вагон и покатил. Тракторы, похожие с высоты на танки, и комбайны, напоминавшие гигантских насекомых с длинными ножками и усиками, подобно муравьям возились вблизи железнодорожного полотна. И как-то совершенно незаметно мы вкатили прямо в большой вокзал-гостиницу. Поезд остановился в туннеле. Я вышел из вагона, меня встретил очень молодой человек, почти мальчик, и, любезно коснувшись своей шляпы, сказал:

— Здравствуйте, товарищ Фит! Комиссия по приему иностранных туристов поручила мне встретить вас.

Я не удивился тому, что он узнал меня, ему были известны номер вагона и места: притом перед отъездом в СССР я послал в Интурист свою фотографическую карточку. Эта карточка была размножена, и копии по радио передавались в каждое новое место вместе с телеграммой о моем приезде. Пожалуй, тебя будет шокировать такой способ уведомления — но ведь не об одних же преступниках, в самом деле, заботиться, пересылая по радио их изображения, почему бы этот способ не применять для удобства всех граждан? И он, этот способ, оказывается действительно удобным.

— Меня зовут Ник (сокращенно от Николай), — продолжал юноша на немецком языке. Многие юноши здесь прекрасно владеют иностранными языками. — Будьте добры следовать за мной, я проведу вас в номер вашей гостиницы.

Прямо против вагона виднелась широкая дверь, куда и направился мой чичероне. Лифт поднял нас на третий этаж, несколько шагов по коридору — и мы вошли в чистенький небольшой номер.

— В этой гостинице для приезжающих все номера одина-

ковые, — пояснил Ник и начал знакомить меня с оборудованием номера. — В письменном столе — пишущая машинка. Поднимается вот так. Умывальник. Шкафчик — рядом с умывальником, в стене. Вы нажимаете вот этот шарик, дверца открывается. Здесь вы найдете... да вот, смотрите! — Ник открыл шкафчик, и я нашел там белоснежное полотенце, небольшой кусок мыла, пасту для зубов, новую зубную щетку, одеколон, гребни, головные щетки — все для туалета. — Телефон, — пояснял далее Ник. — Радиотелефон. Книжка телефонных абонентов. Справочное бюро. Бюро поручений и заказов. Авто. По этому номеру вам ответят на любой ваш вопрос. Если вы хотите проехать в соседние города, не берите с собой ничего лишнего, вернее, ничего не берите. В поездах есть буфеты. В каждой гостинице вы можете получить макинтош, чемодан, фотографический аппарат, бинокль — вообще все, что вам захочется иметь в данное время. Зачем, к примеру, таскать с собою фотоаппарат, если вы можете его взять напрокат, сделать снимки, отдать проявить или использовать лабораторию дома-коммуны для того, чтобы проявить самому. Меня вы можете вызвать по телефону 5-89-67. Вызов делается автоматически. А вот это... — Ник открыл дверцу шкафа в стене, — световые рекламы. Здесь, поворачивая рычажок, вы можете узнать, что сегодня происходит интересного в городе, куда пойти. Вот полюбопытствуйте! — Ник нажал рычажок. В полусвете шкафа вспыхнул светящийся экран, движущиеся строчки запылали огнями. — Наркомздрав очень ограничил применение реклам, особенно светящихся, — продолжал Ник. — Эти рекламы — одна из причин нервозности людей больших европейских городов. В наших городах реклама не лезет назойливо вам в глаза, не терзает ваши уши, не кричит красками, звуками, светом, пестротой, яркостью, неожиданными вспышками. В Европе, и в особенности в Америке, вы знаете, от рекламы нет спасения. Она всюду преследует вас: вверху, внизу, с боков, спереди, сзади. Реклама на тротуарах, на стенах, на облаках, на небоскребах, на крышах, на скалах, на окнах, на страницах газет, на вещах... Помимо того, что это действует на нервы, реклама безобразит, опошляет все, к чему она прикасается. Поэтому наши отделы благоустройства горсоветов также против кричащей ненужной рекламы, как и здравотдел. У нас реклама и даже объявления спрятаны, но их легко найти, когда понадобится узнать о спектакле или заседании. Так и у вас в номере — реклама здесь спрятана, посажена под замок, она не может беспокоить вас. Но когда вам понадобятся сведения, вы откроете шкап и нажмете одну из этих кнопок с надписями под ними: «Заседания», «Музеи», «Театры», «Кино», «Лекции»...

Я выразил желание посмотреть, что делается сегодня. Реклама тотчас ввела меня в интересы сегодняшнего дня Южхима. Я поразился разнообразию и обилию общественной и культурной жизни.

Вот немногое из того, что я запомнил:

В Большом зале Дворца культуры, вмещающем двадцать тысяч человек, был доклад приехавшего из центра члена правительства. В целом ряде профсоюзных клубов назначались доклады и диспуты, главным образом по вопросам организации производства и общеполитическим. На заводах и фабриках должны были состояться большие производственные совещания. В Большом оперном театре шла новая опера «Победитель» с участием артистов Государственной академической рабочей оперы. В зале Консерватории — концерт электрофониста Гардина, который должен был исполнить на новом инструменте оркестровую симфонию молодого талантливого композитора Дулина, рабочего химического завода. Во второй студии — концерт хорового кружка химиков. В драматическом театре — новая комедия «Моторист». В театре молодежи — историческая пьеса «Марик», из жизни детей рабочих до революции; в детском театре «Мимус» — пьеса, исполняемая дрессированными животными. В аудитории Художественного музея — доклад об античной культуре в сопровождении кино, которое показывает произведения искусства и памятники старины в красках (картины) и в трехмерном стереоскопическом виде (скульптуры). Лектор — профессор Гулинов... В клубе инженеров — лекция «О передаче энергии на расстоянии» и «Об уничтожении фабричных труб». Там же — «О лучах Сонора»...

Нет, всего не пересмотришь! Я обратился к Нику и сказал, что во всем этом можно потеряться. Как выбрать из массы хотя бы театральных развлечений то, что наиболее соответствует моим вкусам?

— Очень просто, — ответил Ник. — Вы интересуетесь оперой «Победитель». Сейчас как раз вы можете узнать ее содержание, главные мотивы, увидеть действующих лиц, декорации, если хотите, прослушаете все либретто. — Ник повозился у кнопок, и невидимый рупор зазвучал. Человеческий голос рассказывал об опере. Прозвучало несколько мелодий, часть увертюры. В то же время на экране, в уменьшенном виде, показалась сцена, двигающиеся артисты.

— Но ведь тогда и в оперу ходить не надо! — воскликнул я.

— Если вам нездоровится, вы можете, разумеется, и дома прослушать оперу и посмотреть ее. Но все же в театре интереснее! — ответил Ник. — Таким образом вы сможете получать сведения о всех зрелищах, о всех лекциях, докладах. Вы по телефону можете заказать себе место. Если вы ничего не имеете против, я проведу вас осмотреть город, — предложил Ник.

Я охотно согласился.

— Посоветуйте, — обратился я к Нику в вестибюле гостиницы, — к кому мне обратиться, чтобы прописаться?

С самого приезда я почти не видел слуг. В буржуазных гостиницах это — бич приезжающих, это мародеры, которые, пользуясь установленным обычаем, обирают вас, вытягивают из вас деньги низкими поклонами, ненужной услужливостью, хамским подобострастием... или же казнят холуйским презрением, если вы мало даете им «на чай».

Здесь этого нет и следа. Здесь те же рабочие, служащие, как и везде. Они не смотрят на вас, как на барана, которого надо остричь, и не отпускают вам любезностей или холодного ледяного высокомерия, в зависимости от состояния вашего костюма и ваших финансов. Они не прощупывают вас, стараясь угадать, сколько можно выкачать из вас денег. Нет, они встречаются и разговаривают с вами, как товарищ с товарищем.

Со всем этим я ознакомился, прожив в гостинице около недели.

Ник успокоил меня: он уже сообщил о моем приезде, и никаких других прописок не требуется. «Что же касается слуг, то им совсем не нужно мозолить вам глаза. Если вам что-нибудь нужно, вы можете вызвать их, а за чистотой они следят, когда вас нет в номере: приберут, выметут, почистят».

Вышли мы из гостиницы уже не в сторону железнодорожного туннеля, прорезающего все здание насквозь, а по другую сторону. Прямо перед нами открывалась широкая площадка, окруженная парком. Посредине, на изящных бетонных столбах, высился навес, под которым расположились автомобили. Рядом со стоянкой автомобилей находился большой, в два квадратных метра, план города, нарисованный на матовом стекле. Все улицы и общественные здания были переименованы в особом списке, и против каждого названия виднелась кнопка. Если мне необходимо было ехать, например, на «Площадь Революции», то я нажимал кнопку против этого названия, и на плане от вокзала, где я нахожусь, протягивалась светящаяся стрела, ясно указывая, по какому направлению я должен был идти или ехать.

— Если хотите, можно взять велосипед, — сказал мне Ник, — и доехать до центра. Впрочем, это не так далеко. Можно нанять такси или сесть в автобус. Смотрите, на плане указан номер автобуса.

— Благодарю вас, утро прекрасное, и я предпочитаю пройтись пешком, — ответил я. Ник охотно вызвался сопровождать меня.

Мы прошли мимо стоянки такси и углубились в парк.

Мне хотелось бы передать тебе мое первое впечатление от города возможно полнее. В нем было какое-то своеобразие, которого сразу я не мог понять. Помнится, нечто подобное я испытал, когда с рабочей экскурсией прибыл в Венецию. Венеция — особый город.

Поезд с обычным грохотом и шумом вкатывается в крытый вокзал. Ты выходишь прямо к каналу — и тебя охватывает необычайная для города тишина. Ведь во всей Венеции нет ни одного автомобиля и ни одной лошади, если не считать тех, что стоят на соборе Святого Марка, но ведь они бронзовые! И когда ты ходишь по узким венецианским уличкам и по площади Марка, тебя преследует странное чувство — будто это не город, а... дом без крыши. Нечто подобное я испытал, когда вышел из гостиницы и отправился бродить по городу Южхиму. Здесь все было иначе, не так, как в наших шумных, бестолковых, сумасшедших городах Запада и Америки. Иные здесь были и люди. Ни вялости, ни медлительности! Все, кого

я встречал, были бодры, жизнерадостны и подвижны, но без лишней суетливости и нервозности, характеризующих жителей большого капиталистического города, вечно спешащих, волнующихся, наступающих друг другу на ноги.

Парки и улицы Южхима показались мне, пожалуй, даже слишком малолюдными для города, вмещающего шестьдесят тысяч человек. «Почему бы это?» — подумал я и сам себе тотчас ответил: «Ведь это город рабочих, а рабочие сейчас находятся на работе». Это объяснение было правильное, но не совсем точное, как впоследствии я убедился. Помимо того, что пятая часть всех рабочих были «выходными», рабочие работали в три смены, и фактически, значит, на заводе было не более трети. Относительное же малолюдство объяснялось многими причинами. В Южхиме отсутствовало деление города на скучные неблагоустроенные окраины и нарядный центр, стягивающий к своим витринам и огням кино почти все население. «Дезурбанизация» здесь проявилась не только в том, что люди отказались от постройки нездоровых гигантских городов-спрутов с многомиллионным населением, но и в том, что в пределах самого города децентрализованы все общественные места, кроме, конечно, городских советских учреждений общегородского значения (горсовет со всеми его отделами помещается на площади Революции). Театры, кино, музеи, клубы, библиотеки и прочие культурные учреждения равномерно раскинуты по всему городу, и кино окраины ничем не отличается от кино в центре города.

Гуляющие также разбросаны по всему городу равномерно, ведь весь город — сплошной парк; часть же населения выбралась за город на лодках, пешком и в автомобилях. Кроме того, в Южхиме нет самого подвижного и суетливого уличного прохожего, — покупателя и в особенности покупательниц. Не скажу, что их совсем нет. Но сбросьте со счета только домашних хозяек и модниц, отсутствующих здесь и наводняющих наши магазины, и вы увидите, насколько станет тише! Чувствую, что ты мало представляешь то, о чем я пишу. Нужны новые слова или же долгие описания. Вот, например, я сказал «уличное движение», ты, конечно, представляешь тротуары, довольно узкие, возле серых громад зданий. И на этих тротуарах сплошная движущаяся масса людей, плотная, как косяк

идущей сельди. А посредине улицы «ледоход» автомобилей. Но это далеко от того, что я вижу. Здесь нет даже «улицы» в обычном, привычном нам смысле этого слова. Здесь нет сплошной стены прижатых друг к другу вплотную домов. Ты даже не всегда видишь дома. Ты идешь по прекрасному парку. Над вершинами деревьев в часы начала и окончания работ на заводах почти бесшумно проносятся поезда подвесной железной дороги. Ты идешь по красивой извилистой дорожке в тени каштанов, лип, вязов, дубов, грабов, кленов. На каждом шагу — скамьи с удобными спинками, клумбы с цветами.

Цветы, цветы! За эти цветы твоя Марта должна простить многое, что ей не понравилось бы в этом оригинальном городе. Но я уверен, что, если бы Марта пожила здесь хоть месяц, она не захотела бы вернуться к своим жалким цветочным горшкам на балкончике. Кажется, нигде так не любят цветы, как здесь. И главными цветоводами-садовниками являются дети. Они ходят от клумбы к клумбе и наводят порядок. Но странное дело: гуляющих детей в парках мало, а нянек с младенцами на руках и вовсе нет. По паркам бродят только взрослые и лишь изредка выпорхнет и исчезнет стайка ребят или пройдет мать с детьми.

При первом моем ознакомлении с социалистическим городом это отсутствие ребят я отнес на счет недостатков. Плохо, когда ребята шумят, мешают и надоедают старшим, но скучно и без ребят... Впоследствии я убедился, что ребята занимают в жизни города гораздо большее место, чем я предполагал, и что они принимают в жизни города живейшее участие почти во всех областях жизни и особенно в деле поддержания благоустройства. Очевидно, просто был такой час, когда дети были в школе или за городом.

Рядом с дорожкой для пешеходов вытянулась в струнку велосипедная дорожка. Непрерывно слышится легкое шипение шин — это мчатся спортсмены и спортсменки, весело перекликаясь. За велосипедной дорожкой — опять участок парка, а дальше — автобусная, хорошо асфальтированная дорога. Трамваев здесь нет, они давно заменены автобусами. За дорогой еще одна парковая прослойка, за ней стена дома, но ты можешь и не увидеть ее, так как дома здесь разбросаны на значительном расстоянии друг от друга. Они стоят как замки, окруженные парками.

В парках там и сям виднеются красивые киоски — книжные, закусочные, кондитерские, с минеральными водами, фруктами. Но, Фриц, мужайся, мой друг, я сражу тебя ужаснейшим известием: не только в городе, но и во всем городе нет ни одного табачного киоска, ни одного табачного магазина, ни одной сигары, папиросы, трубки! Не правда ли, «это ужасно»?!

— Не хотите ли пройти вот сюда, направо, — предложил Ник.

Мы повернули в тенистую каштановую аллею. Она вывела нас на довольно широкую круглую площадку с фонтаном посередине. Площадку окружали мастерски сделанные статуи вождей мирового пролетариата и несколько групп. В реалистичных и одновременно простых и понятных символах они изображали основные этапы борьбы пролетариата и построения социализма. Об этой площадке скульптуры можно было бы написать целую книгу... да она, кажется, и написана. Я был удивлен и восхищен.

— Кто творец этих великолепных статуй? — спросил я своего проводника.

— Рабочие наших заводов, — отвечал он просто, — среди них есть много отличных музыкантов, скульпторов, живописцев, поэтов.

— Но ведь тут нужна школа, а школа требует времени, упорного труда для преодоления техники.

— Ну, и что же? — спросил Ник. И он пояснил, что все это результат разумного использования досуга, которого у социалистического рабочего больше, чем у рабочего буржуазных стран.

— Ведь мы работаем всего несколько часов, а предполагаем работать даже меньше. При правильной организации труда, производства и распределения, какие существуют у нас, этого вполне достаточно, чтобы обеспечить нас всем необходимым, но не думайте, что мы используем свой досуг только для забавы и отдыха. Если бы это было так, мы пошли бы не вперед, а назад и социализм создал бы только застой тупого довольства. Нет, наш досуг наполнен очень «энергическим» содержанием. Как старый рачительный хозяин-собственник не переставал заботиться о своем клочке земли, о своем маленьком хозяйстве, так и мы, не считаясь со временем, заботимся о нашем социалистическом хозяйстве. Мы не перестаем заботиться и о тех, которые еще стонут под игом капитала. На все это уходит немало времени, пожалуй, не меньше двух третей свободного времени. Затем физкультура, потом занятия любимыми искусствами и, наконец, развлечения.

Кстати, известно ли вам, что у нас уже создан новый наркомат — культуры и быта, который занимается вопросами наиболее разумного использования рабочего досуга и организации нового быта? Благодаря разумному использованию досуга у нас почти каждый рабочий имеет несколько специальностей. Одни ушли в науку, другие — в искусство. У нас есть кочегары-химики и водопроводчики-журналисты, токаря-астрономы, фрезеровщики-скульпторы. Одно другому нисколько не мешает. Исключительным дарованиям — музыкантам, поэтам, писателям — предоставлено право заниматься исключительно искусством. Но даже самые даровитые из них периодически возвращаются на фабрику: смена труда, по их словам, не только не отражается неблагоприятно на творчестве, но даже стимулирует его.

Тут я выразил сомнение:

— Я могу понять, что, скажем, котельщик может быть астрономом, даже живописцем. Но может ли кочегар выхолить нежные гибкие пальцы, нужные для скрипичного виртуоза? Может ли забойщик-шахтер быть пианистом?

— Ну, значит, они будут не музыкальными виртуозами, а астрономами, — улыбаясь, ответил Ник. — Однако с каждым годом машина все более облегчает тяжкий физический труд и таким образом предохраняет человеческий организм от излишнего огрубления. Я уже не говорю о том, что целый ряд производств требует тонких, чувствительных как у пианиста пальцев — например, производство точных инструментов, карманных часов, вольфрамовых нитей для электрических лампочек. Конечно, есть трудности, которые мы не можем еще преодолеть. Ведь вы видите перед собой не пресловутый «рай на земле», а только совершенствующееся человеческое общество. Факты, однако, налицо: простые рабочие создали вот эти статуи, рабочие играют в наших театрах, поют в опере, пишут картины, изготовляют в свободное время ручным спо-

собом изящные вещицы для украшения наших жилищ и общественных зданий. От гармошки, от «баяна» рабочий поднялся до сложного электрического симфонического рояля с тремя клавиатурами, педалями и массой регистров, и он владеет этим инструментом не хуже, чем своим станком... Ну, а теперь покажу вам центр нашего города.

— Все ж таки у вас есть центр?

— Да, но он имеет совсем иное значение, чем в старых городах. Там жили аристократы, здесь у нас помещаются... Впрочем, вы сам сейчас увидите!

Но прежде, чем мы дошли до площади Революции, мне пришлось еще раз остановиться. Мы подошли к стене зеленеющих кустарников, которые прорезала узкая асфальтированная дорожка. Сделав несколько шагов, я вскрикнул от восторга: перед нами был настоящий карликовый японский садик. Собственно говоря, это был овраг, но что сделала культура с этим оврагом! По склонам его струились и весело прыгали маленькие водопады, по дну протекал чистый ручей, впадая в водоем с фонтаном посредине и красными рыбками в воде: через ручей там и сям были переброшены легкие изящные мостики. Беседки, обвитые плющом, манили в густую тень, среди зелени и цветов виднелись небольшие статуи детей, лебедей, животных. У второго водоема, в самом углу, стояла прекрасная скульптурная группа — маленький ребенок, пухлый как амур, привел на водопой пару львят, которые наклонились на водопой, как пьющие кошки. И цветы, цветы! Каскады цветов!..

— Я помню еще то время, — сказал Ник, — когда на этом месте был заброшенный дикий овраг, где росла крапива да репейник. И вот, что мы сделали. Это была затея ребят.

Мы медленно перешли «овраг», поднялись на другую сторону и сразу попали на широкие площадки, залитые солнцем. Здесь был теннис, футбол, пушбол, баскетбол, волейбол и еще много других, неизвестных мне, видов спорта. Все площадки были полны играющими — женщинами, мужчинами, молодыми и старыми.

— Здесь никогда не бывает пусто, — сказал мне Ник.

Я не мог не остановиться. Уж очень любопытны здесь были виды спорта. По словам Ника, некоторые из них были по-

заимствованы у малых народностей, населяющих СССР. Вот, например, сооружение, которое я сравнил бы с огромным барабаном в три метра в диаметре и метр высотою. На этом барабане стоит молодая девушка в спортивном костюме и подпрыгивает. Барабан пружинит, вероятно, на нем натянута кожа или толстая резина, и девушка взлетает все выше и выше. Окружающие поощряют ее возгласами одобрения. Игра состоит в том, чтобы, подпрыгнув, опуститься на ноги и не упасть, вновь подпрыгнуть и вновь опуститься. Поразительно! Эта девушка кажется невесомой. Она подпрыгивает все выше и выше — на метр, два, три, четыре, пять, шесть! — и ловко становится на ноги для нового прыжка. Но вот прыжки становятся все ниже и ниже, и девушка сходит с барабана под аплодисменты. Вслед за нею на барабан влезает мужчина средних лет и под одобрительно-насмешливые возгласы начинает подпрыгивать. Второй прыжок, третий прыжок, — и он летит вверх ногами, падает на спину и начинает взлетать кверху, то боком, то головой в самом беспомощном положении. Смех и крики, неудачник сползает с барабана, безнадежно махнув рукой.

А дальше перелетают — вернее, перепрыгивают — через площадь люди с привязанными небольшими воздушными шарами, которые уравновешивают вес их тела. Человек «ничего не весит» и при малейшем прыжке отделяется от земли. Помнится, такой спорт был изобретен в Америке. Но какая ловкость и точность у этих летучих людей! А вот нечто совершенно невиданное. У спортсменов на подошвах прикреплены, вероятно, пружины, потому что эти спортсмены прыгают так, как впору прыгать только блохе. Этот спорт требует большой ловкости и грозит большим риском, чем прыжки на барабане. Но прыгуны, очевидно, хорошо тренированы и ловко перепрыгивают через киоски и даже через небольшие деревья.

Но, увы, мне опять приходится сдерживать себя, иначе я никогда не окончу внешнее описание города. Пришлось оторваться от интересного зрелища и следовать дальше. Снова тенистая аллея, и вот мы мимо двух белых зданий выходим на большую площадь.

Что вам сказать о ней? Сравнить ли ее с огромным кратером вулкана или же с римским амфитеатром? Глядя на эту

площадь, я еще раз убедился, какое огромное преимущество заключается в том, чтобы строить город не десятками и сотнями лет, а строить сразу, по определенному плану. Только при таком условии можно было сразу сделать эту оригинальнейшую в мире площадь. Она имеет совершенно круглую форму. Со всех сторон ее окружают здания, которые построены так, что уступами спускаются к площади этаж за этажом. На каждом уступе имеются возвышающиеся друг над другом ряды скамей. На самой площади, взбегая до высоты первого этажа, расположен настоящий амфитеатр, составляющий единое целое с амфитеатром, расположившимся по уступам-этажам окружающих домов. Благодаря такому устройству получается один грандиозный амфитеатр, который может вместить почти все население города. Это настоящая греческая «агора» (площадь), на которой происходили собрания. Любопытно отметить, что, несмотря на огромный размер площади, она может покрываться особыми тентами во время дождя или сильного зноя.

Посредине площади находится высокая трибуна, снабженная мегафонами, которые делают возможным слышать речь оратора одинаково отчетливо во всех уголках грандиозного амфитеатра. В домах, которые расположены вокруг площади, помещаются правительственные учреждения. Это, так сказать, муниципальный центр. В северном углу площади возвышается грандиозная фигура Ленина с поднятой рукой. Представляю, какое величественное зрелище производит эта площадь, когда она полна народа, и в особенности вечером, когда от края до края ее пронизывают огни прожекторов! Ник говорит, что в праздники ее иллюминируют и тогда получается еще более красивое и торжественное зрелище. Здесь собираются граждане в самые торжественные и важные минуты общественной жизни.

В тот момент, когда я посетил площадь, она была почти безлюдна, если не считать нескольких молодых планеристов, которые с увлечением запускали модели планеров с многочисленных верхних площадок.

— Воздушный спорт, — сказал Ник, — пользуется у нас совершенно исключительным успехом. Попробуйте выйти за город и посмотреть, что там делается. Наши планеристы дос-

тигли в этом спорте большого совершенства, они держатся на безмоторных аппаратах целый день. Кроме того, сконструированы очень любопытные безмоторные воздушные яхты, воздушные парусники, которые при помощи плоскостей и крыльев совершают, пользуясь лишь силой ветра, довольно значительные путешествия. Впрочем, это далось не сразу. Несколько наших воздушных спортсменов на таких воздушных яхтах, не позаботившись набрать достаточную высоту, по милости переставшего дуть ветра сели среди нив, порядочно измяв пшеницу, и у нас происходили по этому поводу даже «дипломатические осложнения» с соседним сельскохозяйственным городом. Пришлось вознаградить их за убытки, а опытные полеты перенести в строго определенные места.

— Ну, теперь куда вы поведете меня? — спросил я, налюбовавшись площадью Революции.

— Недалеко отсюда находится музей ручного труда. Хотите, осмотрим его, — предложил Ник.

Музей ручного труда! Что бы это могло быть? Вероятно, что-нибудь историческое. Признаться, я не очень люблю такие музеи. Но здесь, в этом городе, все было особенное, и потому я не протестовал. Наверное, и в области изучения истории будет что-нибудь оригинальное.

Мы направились в музей ручного труда.

Догадайся, куда я попал? На выставку чудеснейших, изящнейших произведений искусства! Впрочем, не только искусства. Отчасти это напоминает огромный универсальный магазин со множеством отделений. Картины, скульптуры, рамы, книги в изумительно красивых переплетах, вазы, статуи, резная мебель, шляпы, перчатки, обувь, ткани. Ткани особенно заинтересовали меня прекрасной ручной выделкой и художественной раскраской. Все это — произведение ручного труда, артистов своего дела, «любителей». Сколько здесь тонкого вкуса, сколько любовного терпения! Вот на что расходуют здесь остаток досуга. Почти каждый член коммуны занимается на досуге каким-нибудь ремеслом, прикладным или чистым искусством. Для этого в доме-коммуне устроены различные мастерские, лаборатории, студии, ателье. Это поистине свободный, творческий, не подневольный труд. Один делает изящные переплеты, другой — рамки, третий или третья за-

нимается художественными вышивками или ручным ткачеством, четвертый пишет картины, и притом совсем не по-дилетантски — сочно, уверенно.

Почти все эти предметы имеют практическую ценность и вместе с тем являются подлинными произведениями искусства. Их делают потому, что процесс творчества доставляет удовольствие. Их делают так, как птица поет свои песни. Потом эти прекрасные изделия их авторы дарят близким, друзьям или же выставляют в музей ручного труда. Каждый желающий может приобрести себе несколько таких вещей. Коммуна строго наблюдает за тем, чтобы жилые комнаты не превращались в склад мебели и не напоминали лавку антиквара. Ничего лишнего, ничего ненужного! Но коммуна не воспрещает иметь у себя в комнате несколько хороших вещей, которые украшали бы комнату: несколько картин на стене, статуэтку на письменный стол, вазу для цветов. Члены коммуны нередко меняют эти произведения искусства, а очень понравившиеся — перевозят с собой, меняя комнату или город.

В музее ручного труда было довольно много посетителей. Женщины тянулись больше к тканям, шляпам, костюмам — пережиток старой психологии! Впрочем, должен уравновесить это впечатление указанием на то, что немалое количество женщин толпилось и возле таких отделов, как переплетный, рамочный и даже оптических и физических приборов. Не удивляйтесь: здесь есть отличные шлифовальщики линз фотографических, астрономических и микроскопических. Ведь шлифовка — не столько техника, сколько искусство.

В музее ручного труда мы пробыли довольно долго, и мне захотелось завтракать. Нет ничего проще: буфет был тут же, к вашим услугам. Вы можете выбрать сами любое кушанье, не только холодную закуску, но и жаркое, шипящее на электрической плите.

— А все-таки вы можете устать. Не взять ли нам велосипед?

— Да, пожалуй, это не лишнее! — Ник отправился в депо проката и получил оттуда пару велосипедов.

— Давайте сделаем общий обзор города, — предложил он. — На велосипеде это отнимет немного времени.

Я согласился, и, оседлав наших стальных коней, мы тронулись в путь. По пути я обратил внимание, что дома в большинстве построены по типу «блочных». Главный большой дом соединен теплым коридором с домом поменьше, а в стороне стоит одноэтажный дом со множеством стеклянных веранд. Ник пояснил мне, что главный дом-коммуна соединен коридором с яслями, где находятся дети. Через коридор родители могут ходить на свидание с детьми... Я чувствую, что подхожу к вопросам, которые вызовут горячее возражение твоей Марты, но мы еще поговорим об этом! Сейчас я пишу только о первых впечатлениях. Итак, в одном доме живут взрослые, в другом помещаются ясли, а в третьем, стоящем особняком, находится детский сад. Дети! Им отводится здесь столько внимания, сколько не уделяется нигде и никогда. Яслями и детским садом не ограничиваются детские учреждения. Мы проехали мимо настоящего детского городка. Я только мельком мог взглянуть на него. Я видел большое двухэтажное здание с огромными окнами, окрашенное в нежный кремовый цвет, хорошо оттенявший окружающую зелень. Я видел веселых детишек, наполнявших своими голосами цветники, огороды, сады, площадки для игр. Я видел надворные постройки, назначение которых объяснил мне Ник.

— Это большое здание — школа. Школьники здесь не только учатся, но и живут в этом здании. А надворные постройки — это опытные хлевы, свинарники, помещения для кроликов, для домашней птицы. Ведь наши школьники прежде всего практики!

Я решил во что бы то ни стало посетить школу — эту фабрику, на которой вырабатывают новых социалистических людей. Но решив сначала осмотреть город «в целом», я принужден был поехать дальше.

— Таких школ у нас несколько. Они равномерно разбросаны по всей территории города. Вот там, видите в саду два белых приземистых здания? Это изолятор для подозрительных по заболеванию детей. Рядом — больница.

Миновав густой парк с двумя большими прудами, мы выехали на берег реки. Солнечный свет после полутени парка ослепил меня, и когда я открыл глаза, то увидел широкую реку, пестревшую лодками всех размеров и типов. Здесь были и

длинные узкие — на десяток гребцов, и маленькие — на одного человека, с перекидным двухлопастным веслом, и моторные, и парусные, и двойные пироги, и водяные лыжи, и водяные велосипеды, плотики, плавающие шары, вертящиеся круги... Все это двигалось, весело перекликалось, брызгало водой... Здесь было изобилие воздуха, солнца и воды. Здесь было весело и шумно. Полуголые люди гребли вперегонки, выбрасывались из лодок в воду, ныряли, гоняли по воде большой резиновый шар, состязались в быстроте плавания. А ниже — на песчаном пляже загорали на солнце... Из этого города не нужно выезжать на дачу: это настоящий «дачный город», город-курорт! Нет больше отрыва городского жителя от природы, от солнца, от свежего воздуха. Сделавшись хозяином жизни, рабочий СССР прежде всего позаботился о том, чтобы уничтожить капиталистические города — эти гнезда болезней и заразы, истощения и вырождения.

И не знаю, угадал ли Ник мою мысль или это была случайность, но он сказал раздумчиво:

— Здесь люди набираются здоровья и сил. И все же болезни не побеждены до конца. Но они будут побеждены! Непобежденной останется лишь смерть. Но она необходима в круговороте жизни. Наша медицина перестроилась, перенеся центр тяжести на профилактику. Лучше и экономичнее предупреждать болезни, чем лечить их, — вот наш лозунг. У нас происходит еженедельный обязательный осмотр всего населения. И осмотр не поверхностный. Кроме того, гигиенические знания и даже серьезные медицинские познания стали достоянием если не всех, то многих. Диспансеры имеются при каждом доме-коммуне. Амбулатории на каждой улице, а больницы... Посмотрим на них!

Мы опять уселись на велосипеды и помчались по дорожке, которая заворачивала влево. Это была граница города, за нашей дорожкой имелась еще аллея для пешеходов, а дальше, уходя к горизонту, зеленели поля, на которых колыхались волны спеющей пшеницы в рост человека.

Пожалуй, окраины этого города были изумительнее всего. Я вспомнил зловонные, грязные, душные, тесные окраины наших городов с ветхими лачугами и разваливающимися домами, где ютилась рабочая беднота. Что может быть печальнее окраины большого промышленного капиталистического города! И какой контраст с центром, где живут хозяева. А вот здесь на окраине социалистического города я вижу те же парки, ту же зелень, те же фонари, расставленные на одинаковом расстоянии, не реже, чем в центре. Те же дома, разбросанные в зелени садов и парков.

Мы объехали почти половину окружности города, когда увидали несколько белых зданий, стоявших немного в стороне и отделенных от города большим парком. С трех сторон этих белых двухэтажных зданий также были парки, а одна сторона, с открытыми верандами на юг, выходила на площадь, засаженную низким английским садом, чтобы дать возможно больший доступ солнечным лучам.

— Больницы! — сказал Ник, нажимая на педали.

Некоторое время мы ехали хорошо шоссированной дорогой по полю среди колосьев. Впереди зеленым островом высился массив плотно скученных пирамидальных тополей. Между ними виднелось красивое белое здание.

«Остров смерти», — почему-то мелькнуло в голове воспоминание о картине Беклина. Я не ошибся.

— Крематорий, — сказал Ник.

Я хотел было предаться грустным размышлениям о бренности всего земного (увы! немецкая чувствительность еще живет во мне), но Ник не дал мне сделать это. Ник еще юноша, но этот юноша очень много подмечает для своих лет. Что это: результат коммунистического воспитания, жизни коллективом? Право, он представляет для меня загадку.

Итак, Ник посмотрел на меня, усмехнулся и весело воскликнул:

— Я совсем не хочу, чтобы вы закончили осмотр города этим местом, где отработавшаяся человеческая машина возвращает материал, взятый у природы взаймы. Поедем к истокам жизни, туда, где круговорот веществ начинается сначала!

— Куда это? — спросил я, не совсем поняв.

— Ну, в родильный дом, конечно! Я покажу вам маленьких, красненьких, только что рожденных коммунаров. Вы увидите их через стеклянную стену, отделяющую новорожденных от посетителей. Вы увидите «Остров жизни» и пере-

станете думать об «Острове смерти». Живой должен думать только о живом, в особенности если жизнь так прекрасна и интересна!

И мы повернули свои велосипеды и покатили в противоположный конец города. Туда, где рождается жизнь...

Друг мой, я написал тебе целое послание, но не исчерпал и сотой доли того, что увидел и узнал всего за несколько часов пребывания в социалистическом городе. В следующий раз я напишу тебе о том, как я перебрался из гостиницы в дом-коммуну, чтобы узнать возможно полнее, как живут новые люди нового мира. Я расскажу, что видел и узнал там нового.

До свидания. Привет твоей милой Марте.

Фит».

ЗАОЧНЫЙ ИНЖЕНЕР

Сбежала одна река в Казахстане. Надо вам сказать, что эти азиатские реки шалые. Прямо, можно сказать, сумасшедшие. Где вчера была мель, сегодня на том месте омут. Текла река вправо, глядишь — повернула влево. В один день метров двадцать берега отгрызет вместе с кишлаками. Шалит, одним словом. Есть и такие реки: невесть откуда начинается и невесть где пропадает. Не то высыхает, не то в песок зарывается, от солнца прячется — и течет себе под песком, никому не ведомая. А люди по пескам ходят и умирают от жажды. За этими реками никакие карты не угонятся. На карте — одно, а на деле совсем другое. Хоть каждый день карту перечерчивай.

Бывают и совсем курьезные истории. Течет себе река, орошает край, поит людей, да животных, да травы степные, а потом вдруг как с цепи сорвется: в сторону ее кинуло. Прорыла река новое русло и с другой рекой соединилась, а та в озеро впадает. Так и пропала река. Сбежала. И край гибнет от безводья. Вот такую сбежавшую реку нам надо было ловить — вернуть ее в старое русло. Интересная это штука, но только сейчас разговор будет не про сбежавшую реку. О том, как мы ее ловили, я как-нибудь в другой раз расскажу.

А начал я про реку потому, что свела она меня со старым знакомым Мишкой Синицыным. Надо вам сказать, что Синицын был изобретатель. Но человек неустойчивый. Метало

его из стороны в сторону, как среднеазиатскую реку. Кончил семилетку в Москве, поступил на трикотажную фабрику подносчиком шерсти. Потом попал во Всесоюзный электротехнический институт и что-то такое там изобрел. Упростил прикрепление неоновых ламп к цоколю, так, кажется. Потом метнуло его на глиссеры. Получил я от него письмо из Нижнего — участвовал в глиссерном пробеге. Уверял, что и в глиссер какое-то усовершенствование внес. А потом и совсем я его на время потерял. И вот привелось встретиться в Казахстане, недалеко от Балхаша, на медных рудниках Коунрада. Надо сказать, что недалеко от Коунрада и случилось это происшествие с рекой. А воды этой реки как раз рудник снабжали. До Балхаша дальше. На верблюдах воды не навозишься. Ехала нас целая компания реку ловить — все молодые гидротехники, и я в том числе. Подъезжаем на автомобилях к Коунраду вечером. За нами солнце садится. Перед нами уже рудник виднеется. И видим, на пригорке что-то светит ослепительно, как маяк. Что бы это могло быть? Начали гадать. Один говорит: аэромаяк. Но зачем ему светить, когда еще солнце не зашло? Да при солнце свет маяка и не будет такой яркий. Другой говорит: это солнце от чего-то отражается. Словно от зеркала. Может быть, солнечную станцию установили? Их несколько в Казахстане и Туркмении строилось. Может быть, и так.

Подъезжаем ближе, видим, что «зеркало» имеет форму ромба. На блестящем фоне какая-то черная точка. Словно движется. «Солнечное пятно!» — шутит кто-то из нашей компании. «Мираж в пустыне!» — подхватывает другой. Истинно, мираж в пустыне!

— Да это человек на крыше лазит! — сказал мой сосед Трофимов. — А крыша-то горит, как купол Исаакия на заходе солнца.

— О, смотрите. Полетел! Упал! С крыши упал...

И в самом деле, «солнечное пятно» соскользнуло вниз и грохнулось на землю. А дом-то двухэтажный. Внизу люди зашевелились, шум, смех, голоса, крики слышатся. Подъезжаем мы.

— Что у вас тут случилось? — спрашиваю. — Давно ли золотые крыши на домах делать начали?

— Заочный инженер с крыши упал!

— Крыша-то не золотая, а медная! — слышу в ответ.

Какой еще такой заочный инженер? Смотрю на человека, который сидит на земле и колено трет. Возле него ведерко и кисть валяются. Молодой человек, курносый такой. Морщится и улыбается. Да это Мишка!

— Мишка! — кричу. — Эй, Синицын! Здравствуй!

А он отвечает:

— Надо бы мне привязаться веревкой. Здравствуй, Коля!

Поднялся, поздоровался. Обернулся к молодым товарищам, что стояли возле него, и говорит:

— Ну, ребята, на сегодня представление окончено. Надо гостя встречать.

И опять ко мне:

— Идем, Коля. У меня остановишься.

Прихрамывая, он побрел вперед, а я со своим чемоданчиком за ним. Жил он в том же доме «с золотой крышей», только вход был с другой стороны.

Вошли мы в его небольшую комнату. Вся она была завалена всякой всячиной: на столах мотки проволоки, арматура электропроводки, тисочки, отвертки, ключи, молотки — инструмент разный. Посуда химическая, бумаги с чертежами, на стене — полки с книгами. Сразу видно, что изобретатель. Над маленьким письменным столом — радиорупор. На столе — общая тетрадь и карандаш. Пока мы помылись и Мишка зажег примус, чтобы чаем с дороги меня угостить, уже солнце зашло. Стемнело. Из-под стола появилась лампа без абажура.

— Вот, полюбуйся, — сказал Мишка, зажигая лампу. — Приходится керосиновым освещением пользоваться. Это позор в наш век электрификации!

— Разве при руднике нет электростанции?

— Собираются строить, — ответил Мишка, — да нелегкое это дело. Откуда здесь взять энергии? Местного топлива нет, а реки? Была поблизости одна, да и та сбежала. А если бы и не сбежала, толку от нее мало. Какой уклон падения воды в ней, знаешь?

— Одна десятитысячная, — ответил я.

— Ну вот видишь. На километр десять сантиметров. Гидростанции не построишь. Ставить же электростанцию на угле — больно дорого энергия обойдется. Попробуй доставлять сюда. Разве что нефть найдут.

— Где тут нефть? — с сомнением сказал я.

— Ну, не скажи. У пустыни, брат ты мой, еще немало загадок, разгадать которые на наш век хватит. Вот недавно мне приходилось слышать. Отправили скотоводы караван в Хиву по большой караванной дороге Ашхабад—Хива. По этой дороге сотни лет двигались караваны. Каждый кусочек изучен. А уж колодцы — и говорить нечего. Ведь здесь за каплей воды десятки километров не крюк. А вот нашли же заброшенный и полузанесенный песком колодец в зарослях кустарника. Начали рыть — вода черная. Все халаты в темных масляных брызгах. Не нефть ли? Зажгли пук сухой травы, бросили в колодец — как ухнет. Едва песком забросали. Нефть! Почему колодец? Почему нефть? Просочилась, быть может. Мюррек Телькиев — брат председателя аулсовета — сам в караване был, «огненный колодец» видел и может путь к нему показать. Мало ли таких находок и поблизости оказаться может? Но только время-то не ждет...

— Подождите, детки, дайте только срок. Будет вам и кукла, будет и свисток, — продекламировал Мишка, подкачивая примус. — Вот хотя бы и примус взять. Опять дичь. Первобытный, можно сказать, инструмент. Шумит, гудит и воздух портит. То ли дело электрочайник... Ты говоришь, солнечные установки. Читал я, что за границей придумали совершенно новый принцип. Представь себе у подножия горы нечто вроде большого парника. Солнце нагревает в парнике воздух. А из парника на гору проложена труба. Горячий воздух идет вверх, где холоднее. Поставь вверху турбину, которая вращалась бы от этой струи горячего воздуха. Вот тебе и готовая солнечно-ветроэлектроустановка. Для такой штуки я знаю подходящее местечко: северные и северо-западные границы Голодной степи. Ведь степь эта плоскогорье. С севера оно скатывается шестидесятиметровой, багровой от выхода гранитных пород стеной. Вот где устроить этакую машину. Я уже был там, насмотрел местечко и думаю заняться этим делом, как только покончу тут со своей медной крышей.

— Что это за крыша?

Мишка потер ушибленное колено.

— Здорово расшибся, — сказал он, — только виду не подавал. Опухло. Надо будет компресс сделать. А ты чай пей. Я еще успею.

И, занявшись своей ногой, он продолжал:

— У меня тоже, если хочешь, солнечная установка. Только иного рода. Непосредственное превращение солнечной энергии в электрическую. Фотоэлемент. Слыхал?

— Собственное изобретение? — спросил я.

Мишка пожал плечами и скромно ответил:

— Идея не моя. Слыхал я по радио речь товарища Иоффе. Академика. О новом плане электрификации. Шестьдесят миллионов киловатт. Это не жук комара поймал! Чтобы такую силищу собрать, надо отовсюду, где только можно, энергию черпать. Говорил он и о фотоэлементах. И еще говорил о том, что молодежь, комсомольцы в первую очередь, должна поднажать, чтобы такую задачу выполнить. Вот я и решил: чем я не молодежь? Чем не комсомолец? Почему не взяться за это дело не откладывая? Фото так фото. Элемент так элемент. Начал с литературой знакомиться, опыты делать. Ты знаешь, ведь я сам маленько изобретатель.

— Как же, знаю. Прости, Мишка, а почему тебя, когда ты упал, назвали заочным инженером?

— Так, шутят. В анкете я как-то написал, что имею высшее самообразование. Меня на смех подняли. Я говорю, что тут ничего смешного нет, что и самому можно высшие науки преодолеть и технику изучить. Я, мол, по радио целый курс электрофизики прослушал. Заочное обучение. Ну, кто-то и пустил: «Заочный инженер!» Только это они так смеются, без жала. Ребята любят меня и сами мне помогали. Ты только послушай, что тут с медной крышей было.

Занимался я, значит, опытами над фотоэлементами... Да ты, может быть, не знаешь, что такое фотоэлементы? Видишь ли, электропроводность некоторых металлов в соединении с другими химическими веществами повышается от действия света. Возьми железный лист и покрой его селеном. Вынеси его на солнечный свет — вот тебе и готовый элемент. Появится ток. Ученые давно это знали, только ток получался очень слабенький — в какие-нибудь тысячные доли процента от энергии солнца, света. Ну, а теперь это дело быстро в гору пошло. И уж теперь фотоэлементы маленькие моторы вращают. Думал я устроить такой элемент. Только с селеном дело плохо. Добывается он в небольшом количестве на Гавайских, Ли-

парских островах. Туда не поскачешь. Не советские они еще пока что. После я уж узнал, что селен можно добыть из осадка в свинцовых камерах при получении серной кислоты. Но по радио об этом мне вовремя не сказали. И остановился я на другом — на медном фотоэлементе. Лист должен быть из меди и покрыт окисью меди. Это все под рукой.

— И какая сила такого элемента?

— Подожди, будет речь и об этом. Начал я делать небольшие фотоэлементы. Долго ничего у меня не выходило. Но, как говорится, терпение и труд все перетрут. Несколько ребят моей затеей заинтересовались. Приходили ко мне, вместе работали. И что же ты думаешь? В конце концов загорелась от моего элемента маленькая лампочка карманного фонаря. Ты себе и представить не можешь, какая у нас радость была. Словно мы первые электрическое освещение выдумали. Жгли эту лампочку, пока не перегорела. А другой не было. И достать скоро нельзя. Так. Ну, все-таки дело сделано. На мази, можно сказать.

Иду я к нашему директору завода — только что приехал, человек новый — и говорю ему: «Товарищ директор, желаю я электрифицировать наш новый дом. Провести электрическое освещение». Смотрю, у директора брови на лоб полезли. Хотел скрыть улыбку, не удалось: усов нет, бритый. Делать нечего, улыбнулся во все лицо и говорит:

«Очень хорошо, товарищ Синицын. Но только мне кажется, что для электрического освещения нужен электрический ток. Нужна электростанция».

«Мне это хорошо известно, товарищ директор. Станция будет, и ток будет. Я сам устрою все это». Вижу, директор на меня и совсем как на сумасшедшего смотрит.

«Как же это вы устроите?» — спрашивает.

«Фотоэлемент, товарищ директор. Крыша у нас вместо электростанции будет».

«Фотоэлеме-э-энт! — протянул директор и смотрит на меня уже только как на полусумасшедшего. — Какую же мощность будет развивать ваш фотоэлемент?»

А у меня готовый расчет. Говорю, как по книжке читаю:

«На один квадратный метр падает киловатт фотоэнергии. Мой фотоэлемент может использовать только один про-

цент фотоэнергии. Это немного, но вполне для нас достаточно. Один киловатт мы, значит, будем иметь со ста квадратных метров. Это площадь нашей крыши. А один киловатт энергии может дать свет для двух тысяч свечей. Для освещения комнаты в двадцать квадратных метров достаточно одной лампочки в сто свечей. Для пяти комнат — пятьсот свечей. А мы имеем две тысячи. На двадцать комнат. По тысяче свечей на этаж. Весь двухэтажный дом будет освещен».

Задумался директор. Не знает, какой теперь ярлычок приклеить ко мне. Опять брови вверх вскинул и говорит:

«Ну, что ж, дело хорошее. Освещайте!»

«Товарищ директор. Вы знаете, что для фотоэлемента материал нужен. Медь. Окись меди. Вот я и пришел просить вас, не разрешите ли вы мне отпустить меди для изготовления медных листов на покрытие ими крыши. Затем только я вас и побеспокоил».

«Ах, вот оно что? — Директор побарабанил пальцами по столу. — Товарищ Синицын. Мы должны поощрять рабочее изобретательство...»

«Да ведь это не мое изобретение, тут дело ясное», — перебиваю я его, видя, куда он клонит.

«Ну, не изобретательство, так овладение техникой. Мы должны всемерно поощрять. И я не имел бы ничего против того, чтобы отпустить на ваши опыты медь, если бы вопрос шел ну... о каком-нибудь килограмме. Но делать медные крыши, когда у нас два процента недовыполнения плана, когда каждый грамм меди на счету, когда в ней так нуждаются наши фабрики и заводы...» — и пошел, и пошел. А резолюция, само собой: «отказать». «Я и сам, — говорит, — человек подотчетный. Что обо мне подумают?..»

Пробовал я с ним спорить, вижу — ни к чему. Уперся человек, боится.

«Теперь, — говорит, — обезличка уничтожена. Персональная ответственность на мне. Я один отвечаю. Не могу. Рад бы, да не могу!..»

Вышел я от директора, а у крыльца меня уже товарищи дожидаются.

«Ну что?..»

Махнул рукой: «Отказ!»

«Как так отказ? На такое-то дело!..»

Крик, шум. Среди моих товарищей несколько туркменов, узбеков было. Горячие ребята. Хотели прямо к директору всей компанией валить.

«Мы лучше к предзавкома пойдем, к товарищу Окизову, свой парень, с ним скорее сговоримся!» — предложил кто-то.

«И к предзавкому пойдем, и к секретарю ячейки. Всех на ноги поднимем, а от своего не отступимся».

Пошли к Окизову. Тот в фотоэлементах ничего не понимает, но выслушал нас внимательно. И не улыбается, хотя и есть куда улыбку прятать: усы густые, только бороду бреет. «Кроса», как говорят туркмены, — «лысая борода», безбородый.

«Что-то мудреное затеяли вы, товарищи, — говорит, — выйдет ли толк?»

«Выйдет! Выйдет! — кричим. — Мы уже делали. У нас уже маленькая лампочка горела».

«А вы не зажжете ее передо мною?» — спрашивает.

«Зажгли бы, да перегорела».

«А отчего перегорела? Может быть, и все лампочки перегорать будут?»

Объяснили ему. Крутит головой.

«Если бы я сам видал».

«Да пойми же, лампочки другой нет!»

«А вы достаньте, выпишите. Своими глазами увижу — помогу вашему делу».

Опять двадцать пять! Хорошо еще, если в Ашхабаде или Ташкенте достанешь. А если из Москвы выписывать, когда-то получишь? Не терпелось нам. А делать нечего. Разослали письма знакомым, заказ в Москву. И ждать-то нам долго пришлось бы, если бы не случай.

Приехала изыскательская партия Геолкома. Я познакомился с одним ленинградцем и в свой выходной день отправился с ним в пески. Заночевали в палатке. А он, приятель-то мой новый, скорпионов, тарантулов боится. Ворчит, ворочается на кошме, да вдруг как крикнет. Укусил его кто-то. Вскочил, пошарил в темноте, и вдруг, вижу, свет вспыхнул. Фонарик карманный! Я набросился на фонарик, как басмач на овец, бедняга и фонарь выронил, больше скорпиона

меня испугался. Я ему кое-как объяснил, успокоил его. Прошу лампочку подарить или продать — ни за какие деньги! Боится впотьмах со скорпионами остаться. «Последняя лампочка!» — говорит. Ну что ты поделаешь? Не удушить же человека из-за лампочки, не украсть ее. Начал я его и так и сяк уламывать. И чем же убедил в конце концов? Тем, что свет зажигать еще опасней, что на свет вся пустынная нечисть еще больше лезет. На опыте, на факте ему доказал: зажгли фонарик, и действительно поползли, закишели, забегали — все к свету. Подарил-таки!

Уж не помню, успел ли я ему и спасибо сказать. Прямо так ночью и помчался обратно в Коунрад, ребят своих разбудил, а те к Окизову. Его с кровати подняли. И ничего я с ними не мог поделать.

«Ребята, — говорю, — да ведь ни к чему ночью-то! Для моего фотоэлемента свет нужен, элемент-то еще не заряжен».

Окизов сердит на то, что его среди ночи разбудили. Услышал он мой разговор с ребятами, да и говорит мне:

«Так, значит, сейчас ты не можешь лампочку зажечь? Надо солнца ждать? А на что мне твоя лампочка при солнце, когда и так светло? Плохое твое изобретение, заочный инженер! Не дам меди!» И снова на кровать завалился.

Ну уж тут и я из себя вышел. Трясу его за плечи: «Подожди, Окизов, засыпать! Дай хоть объясню тебе!»

А он то ли взаправду, то ли нарочно — захрапел на всю комнату, и ничего с ним не поделаешь.

Утром я его встречаю и говорю:

«Выспался, Окизов?»

«Выспался».

«И сил сном набрался?»

«И сил набрался».

«Так пойми же ты, что и мой фотоэлемент вот так же действует. Только он днем, при солнце, сил набирается, а ночью работает. Солнце мои лампочки днем силой заряжать будет, а ночью они гореть будут».

Ну как ему иначе объяснишь? Главное понял, однако.

Среди моих товарищей — молодых туркмен — уже многие электротехнику знали и физику, а этому не пришлось еще в советской школе учиться. Ну да ничего, думаю, мы его тоже скоро подкуем насчет электрификации.

Зарядил я в тот день светом свои фотоэлементы, а вечером Окизов хлопал в ладоши от удовольствия, глядя на маленькую горящую лампочку, и, несмотря на то что уже поздновато было, сам побежал к директору. А мы остались дожидаться.

Вернулся Окизов совсем в другом настроении. Видно было, что директор хорошим ушатом воды его окатил.

«А ты меня не обманул, заочный инженер?» — спрашивает Окизов.

«Как это обманул? В чем?»

«А в том, что, может быть, ты этот самый... элементик от карманного фонаря где-нибудь спрятал, от него и ток брал. Такие случаи, говорят, были. Какой-то изобретатель уверял, что из земли тоже можно электричество добывать. И добывал, а потом оказалось, что у него в земле элементы закопаны были».

Вот оно что! Не утерпел я. «Ребята, — говорю, — директор нас в обмане подозревает! Айда к нему!»

«Бас!» — кричит один туркмен-комсомолец. «Бас» значит «дави». От этого слова и «басмачи» называются. Ну, и надавили мы на директора. Заставили его пойти с нами и самому посмотреть.

Он все внимательно осмотрел, видит — никакой фальши нет.

Сел у меня за стол, вот тут, где ты сейчас сидишь — в этой комнате все и происходило, — закурил папироску и говорит:

«Вы меня простите, товарищи, давайте поговорим мирно. Каждый себя бережет. Не подумайте; что я какой-нибудь вредитель и против вашей затеи. Затея хорошая. Отличная затея. Если удастся, большое дело сделаете. Но станьте вы на мое место. А если не удастся? Как вы думаете, погладят меня по головке за медь-то? Да и не в одной меди дело. Ведь вам нужны будут тонкие медные листы. У нас их не сделать. Надо на заводе заказывать. Как оформить такой заказ? На чьи средства?»

«Вы нам только медь отпустите, а уж мы все остальное устроим!» — отвечаю я.

«А с медью так дело обстоит. Сам я, на свой страх, не дам, и не просите. Но давайте попытаемся получить разрешение

треста. Я со своей стороны обещаю поддержать ваше ходатайство и подтвердить, что в лабораторных условиях вы добились успеха, хотя... гм... конечно, многое, что удавалось в лаборатории, не вытанцовывалось на практике... Но об этом мы сейчас говорить не будем. Так по рукам?»

Молчим мы все.

«Ведь вы, товарищ Окизов, на себя личную ответственность не возьмете?»

Вижу: и Окизов жмется. Ему это простительно. Откуда ему знать, что из нашей затеи получится?

«Так на этом и покончим, — говорит директор. — Завтра мы пишем в трест!»

Ушел он, ушел Окизов, а мы сидим кто на столе, кто на табуретке, а кто и прямо на полу, на корточках. Время за полночь, а никому в голову сон не идет. Думаем: как быть? И вот один говорит:

«Директор не против нас. Директор не хочет быть только против себя. Он боится отпустить медь потому, что меди не хватит для фабрик и заводов. А мы еще, наш рудник, не выполнили промфинплана. Задолжали стране. Что надо сделать, чтобы директор дал медь? Мы пойдем завтра к нему и скажем: мы все записываемся в ударники. Мы обязуемся ликвидировать прорыв. Мы перевыполним план. А медь, которая нам нужна для крыши, мы будем добывать в сверхурочное время, бесплатно. Если из нашего фотоэлемента ничего не получится, мы возвращаем руднику всю медь».

И как это нам раньше в голову не пришло!

Наутро мы изложили наш план директору. Расцвел человек. Еще бы! Теперь не он нам, а мы ему этакий подарок преподнесли.

Промфинплан мы перевыполнили. Медь получили. Остальное все устроилось. И, как видишь, дом уже покрыт медными листами. Сегодня я начал окрашивать их окисью меди. Через несколько дней надеюсь окончить.

На другой день мне пришлось уехать на работу — ловить реку.

Случилось так, что на обратном пути мне не удалось заехать к Синицыну, хотя наши автомобили проезжали поздно вечером совсем недалеко от медного рудника. Окна стоявшего на пригорке двухэтажного дома были ярко освещены электричеством. Заочный инженер и его товарищи добились своей цели. Солнце Туркестана начало светить не только днем, но и ночью.

ШТОРМ

— Поздравляю!

— От души поздравляю! Тебе повезло, Левка. Со школьной скамьи и, можно сказать, прямо в капитаны воздушного корабля.

— Ну, корабль-то мой на привязи! — со смехом ответил Леопольд Миллер.

— Ему вдвойне повезло. Слушайте! Не перебивайте! — старался перекричать всех черноволосый живой Дунский. — Во-первых, этакое назначение...

— По заслугам, брат!..

— Подожди, не перебивай, Завачкин! Во-первых, этакое назначение, а во-вторых, этакая помощница. Ты будешь идиот, Левка, если не предложишь Зое руку и сердце. И я бы на твоем месте никогда не спускался на землю. Вы будете небожителями. Вы сможете пользоваться безоблачным счастьем — ведь твой «Кондор» парит выше облаков. А ты, Зойка, ты станешь родоначальницей нового человечества, рожденного на небе!

— Захватите с собой только хорошую няньку, чтоб ваш будущий воздушный младенец не упал с высоты тысячи километров!

— Да будет вам! — смеялась Зоя, встряхивая русоволосой стриженой головой. — Я не собираюсь замуж, и Левка мне совсем не нравится.

— Ну, это положим!

— Любовь и запах мускуса нельзя скрыть, как говорит восточная пословица!

— Летите на аэроплане? — спросил Орлов.

— Нет, едем на электричке, — ответил Миллер.

— Такая отсталость! Воздушному человеку не пристало ползать по земле.

— Рожденный летать ползать не умеет, или как там...

— Мне по пути надо захватить кое-какой материал.

— Смотри, чтобы тебя румыны не подстрелили. На самой почти границе висеть в воздухе будешь!

Миллер поднялся.

— Ну, ребята, мне пора. Спасибо за пожелания и горячие проводы. Перед дорогой надо уложиться, написать кое-какие письма. Зоя, ты прямо на вокзал?

— Мне недолго собраться, — ответила девушка.

— Эх, Зойка, осиротеем мы без тебя!

— Приезжайте в гости.

— Приедем! Спасибо! Прощайте! Счастливого пути!

— Прощайте! Прощайте!

Скромная пирушка окончилась. Миллер вернулся к себе в маленькую комнатку на пятом этаже.

— Вам письмо, Леопольд Иванович! — сказала пожилая женщина, соседка Миллера по квартире.

Письмо было от матери.

«Дорогой Лева! — писала Эльвира Карловна крупным, размашистым почерком. — Не знаю, что мне больше, радоваться или горевать. Я рада твоему окончанию института и назначению. Ты — инженер. Выбился на дорогу. Но разве нет хороших мест на земле? Почему тебе предложили такую службу? У тебя может закружиться голова, и ты упадешь с твоей воздушной мельницы. Я предпочитала бы, чтобы ты был, как твой отец, простым монтером, но земным, а не воздушным инженером. Это опасно. И я не пойму, зачем это нужно. Растолкуй ты мне, пожалуйста, глупой старухе, почему нельзя было установить твою машину на земле? Ветер везде дует. Ты пишешь о Зое. Она хорошая девушка. А уж девушке-то совсем не пристало на воздушных змейках жить. И она туда же! Женился бы на ней и жил на земле, как все люди. А то внук родится, и не поглядишь на него. Не лезть же мне, старухе, под облака!»

«И она о том же! — улыбаясь, подумал Миллер. — О детях, рожденных в небе...»

«И еще одно беспокоит меня, — продолжала писать мать. — У нас говорят о войне. А если будет война да прилетят румынские или польские аэропланы? А тебе на твоем привязанном воздушном змее и деваться некуда. Будут в твой шар стрелять, как в висящую бутылку в тире. И тебе некуда деваться. На земле все-таки безопасней и во время войны»...

Левка откинулся на спинку стула, подумал и написал матери:

«Mutti! Ты спрашиваешь меня, почему людям понадобилось устраивать свои машины «на небе». Постараюсь объяснить так, чтобы тебе было понятно.

Ты помнишь, мы с тобой читали роман Уэллса «Когда спящий пробуждается»? Этот самый Уэллс в первые годы нашей революции был в России, вернувшись к себе в Англию, написал книгу «Россия во мгле». В книге этой Уэллс удивлялся «кремлевским мечтателям» — как это они затевают электрифицировать страну равнинную, с медленным течением рек. Где они возьмут энергию? Фантасту, мечтателю, провидцу будущего — Уэллсу — не пришла в голову мысль, что для добывания электричества может быть использована не только энергия воды, но и ветра. Эта недогадливость тем более странна, что сам Уэллс в романе, который мы читали с тобой, описывает ветросиловые турбины, снабжающие энергией Лондон. Но ведь ветер может дать энергию для электрификации не только одного города, а и целого земного шара. Уэллс, вероятно, полагал, что нам не удастся «взять и ветер в большевистский оборот». Но Уэллс ошибся в этом, как и во многом другом.

Энергия ветра необъятна. По самым приблизительным подсчетам, энергия, которую могло бы получить человечество от ветра в течение года, превосходит все мировые запасы. По одной только европейской части Союза можно было бы в год получить энергию, равную двум миллиардам ста пятидесяти миллионам тонн угля. Тебе эта цифра станет понятнее, если я укажу, что за первую пятилетку вся наша добыча топлива в переводе на уголь составила всего сто сорок миллионов тонн.

Нам нужно огромное количество энергии — не менее шестидесяти миллионов киловатт. Мы пускаем и отчасти уже пустили главнейшие наши водные источники энергии: Днепр, Ангару, Енисей, Волгу... Один Енисей дает нам восемь

миллионов киловатт. Но энергия рек все же имеет предел. И вот на помощь рекам должен прийти ветер.

Вся беда, однако, в том, что ветер — самая капризная, самая непостоянная стихия. Это ненадежный источник энергии. Ветер то дует, то перестает дуть. А нет ветра — стоят и электростанции. Ты скажешь: значит, Уэллс был прав. Нет, он оказался плохим пророком и угадчиком. Мы посрамили и ветер, и Уэллса.

Дело в том, что ветер капризничает только над самой поверхностью земли. На высоте же примерно пятисот метров дует постоянный, никогда не утихающий ветер. Воздушная Ниагара. Неисчерпаемый источник энергии. Если даже ветер утихает на высоте пятисот метров, он дует несколько выше. И чем выше, тем сильнее, тем постояннее. Значит, весь вопро́с только в том, как использовать эти высокие воздушные реки. «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Надо, значит, поднимать на высоту ветросиловые установки. Эта мысль была впервые высказана и технически разработана инженером Кажинским.

Представь себе воздушный змей, который запущен под облака. Но змей гигантских размеров. На змее имеется нечто вроде ветряной мельницы, только вместо крыльев вращается этакий цилиндр — вингротор (винг по-английски — крыло, ротор — вращающаяся часть механизма). Чтобы вся машина была легче и поднималась на воздух, пустоты в огромных крыльях и других частях сооружения наполнены водородом. Кроме того, и сам ветер поддерживает аппарат. Вся же ветросиловая высотная электрическая установка прикреплена к земле стальной проволокой. По этой проволоке идет на землю от станции и ток. А ток получается оттого, что вращающиеся от ветра крылья приводят в действие мотор, который также находится на змее. Понятно? Вот на такой высотной станции я и буду работать.

Так мы завоевали ветер. Отныне он подчинен нам, на нас работает, послушный нашей воле. Теперь мы имеем неограниченный запас энергии.

Эта победа над ветром, конечно, не могла не напугать наших врагов. Почти каждый месяц поднимается в воздух новая высотная ветросиловая установка. «С неба» льются на землю миллионы киловатт энергии. Мы становимся слишком сильны. И в страхе перед нашим растущим могуществом враги, быть может, и попытаются напасть на нас. Ну, что же? Мы победим их ветром! На нас будут работать бури.

А за меня ты не беспокойся. Если прилетят вражеские аэропланы, воздушный змей всегда можно спустить на землю, смотав проволоку так же, как мальчики сматывают нитку змеек. Небольшие станции парят в облаках без людей. В случае аварии, для смазки частей, регулировки мотора, пополнения запасов газа и прочего их спускают на землю. Но часто спускать на землю такую мощную установку, как «Кондор», невыгодно. Это ведет к потере энергии. Вот почему мы будем постоянно жить с Зоей на нашей «воздушной даче». Зоя уже на последнем курсе и едет со мною как стажерка. Она — молодец. «Воздушный монтер». Головокружением не страдает. Храбрая девушка. Не волнуйся и не беспокойся, дорогая! Мать должна быть мужественна. (Недаром созвучны Mutter — мать и Mut — мужество.) Я буду писать тебе каждую неделю. Привет отцу. Как его ревматизм?

Твой Лева.

P. S. Мои все товарищи по институту завидуют мне. Из окончивших в этом году только я один получил такое «высокое» и ответственное назначение. Я внес кое-какие усовершенствования в конструкцию хвоста «воздушного змея» (наша машина имеет и хвост). Изобретение было признано важным, оно-то и помогло мне получить «капитанский пост», как говорят мои товарищи. «Кондор» будет обслуживать электроэнергией огромный колхоз (большинство тракторов и автомобилей работает теперь на электрических аккумуляторах), лесопилку, целлюлозный завод и прочее. Работа интересная. Целую. Зоя шлет привет. Л.».

Электропоезд быстро мчал Миллера и Зою Тверьянову на юг. В пути были только две остановки.

«За агульным сталом курыць забороняецца», — прочла Зоя в буфете одной станции. — Белоруссия!

«За загальным столом просят не палити». — Над ними было уже небо Украины.

Еще несколько часов езды, и они на месте. Пирамидальные тополя, ночью похожие на кипарисы, устремляли свои

острые вершины к звездному небу. Теплый, ласкающий ветер приносил «украинские» запахи трав и полей.

На высоком холме виднелось бесформенное сооружение. Это спал на земле последнюю ночь их «Кондор». Из соседнего сарая сквозь раскрытую дверь падал свет на поляну, выхватывая из мрака два грузовика. Слышались голоса, удары молота. Шли последние приготовления. Весть о приезде инженера быстро распространилась по мастерским и баракам. Отовсюду шли рабочие, колхозники.

— Ты бы отдохнула с дороги, Зоя, — предложил Миллер.

— Высплюсь на облаках, — улыбаясь, ответила девушка.

Вспыхнул свет временной электростанции. Яркий дуговой фонарь осветил «Кондор». Он стоял на причальном помосте. Центром всего сооружения была огромная «катушка» — вингротор — скрепляющая, как ось, весь аппарат. На концах оси были укреплены огромные плоскости в виде полулунок. Они должны давать боковую устойчивость «змею». Под катушкой помещалась палуба и на ней небольшая каюта с двумя комнатами — будущее жилище Миллера и Зои. Позади «Кондора» через всю поляну почти на километр протянулся огромный хвост. На некотором расстоянии от причальной площадки стоял ворот с намотанным тонким тросом. Рядом виднелось здание небольшого газового завода, который вырабатывал водород для наполнения внутренних полостей «Кондора».

Миллер ринулся в работу, словно в бой. Его молодая энергия передавалась всем. Людской муравейник зашевелился.

Зоя не заметила, как подкралось утро. Погасли фонари. Розовый луч солнца осветил рога боковых плоскостей.

— Лезем, Зоя! — крикнул Миллер.

Он уже был у причальных мостков и быстро карабкался по отвесной лестнице. Зоя последовала за ним, легко и уверенно взбираясь все выше. Недаром она была премированной физкультурницей.

Через две минуты они были на палубе.

— Ветер в три балла. Слышишь, как шумят верхушки деревьев? — сказал Миллер. Он уверенно повернул рычаг. Лопасти ротора завертелись. — Три балла — вполне достаточный

ветер, чтобы помочь нам взлететь. Помнишь «эффект Магнуса», Зоя?

Миллер скрылся позади каюты и сказал оттуда:

— Поверни выключатель возле двери каюты.

Зоя повернула. Послышался шум мотора. В каюте зажглась электрическая лампочка.

— Вот видишь, наша электростанция и заработала. Лет десяток назад не обошлось бы без торжества. Теперь торжествовать по такому случаю показалось бы так же странно, как по поводу проводки домашнего электрического звонка. Вниз я еще не даю тока. Тебе придется присматривать за мотором. Он установлен в закрытом помещении позади каюты.

Миллер подошел к краю палубы и, нагнувшись над железной оградой, крикнул, как настоящий капитан:

— Отдавайте концы!

Ворот завертелся, разматывая проволоку, «Кондор» начал подниматься вверх. Первые лучи восходящего солнца осветили лицо Зои, а внизу лежали еще ночные тени. Миллер посмотрел на Зою и ласково улыбнулся:

— Летим, Зойка! Не боишься?

— Не боюсь, Левка!

Могла ли она признаться, что ей было немножко жутко?

«Кондор» медленно поднимался. Ветер крепчал. Ротор вращался все сильнее. Миллер заботливо посмотрел на Зою.

— Напрасно ты не взяла своего чемодана. Надела бы свитер. Вверху будет совсем свежо. Не забывай, что мы будем жить на высоте, где «климат» горных вершин. Но это наш пробный полет. Спустимся и захватим все необходимое.

— Мне не холодно! — ответила Зоя.

Она смотрела вниз. Горизонт расширялся и как будто поднимался. С каждой минутой открывались все новые дали: синеющий лес, ослепительно-красная излучина реки, далекие фабричные трубы... На полях, словно жуки, копошатся тракторы. «Кондор» будет питать их электричеством!

Мотор вдруг начал давать перебои.

— Посмотри, Зоя, что с динамо! — сказал Левка.

Зоя отрегулировала мотор, и, когда вернулась, «Кондор» стоял уже неподвижно на большой высоте. Позади него протянулся, постепенно опускаясь, длинный хвост, колышущийся от ветра.

* * *

— Неисчерпаема энергия воздушного океана. Пройдет еще немного лет, и тысячи, десятки тысяч вот таких «Кондоров» начнут гордо реять над нашей страной. Ветер, превращенный в электроток, будет вращать наши машины, давать свет и тепло. Мы электрифицируем нашу жизнь, наш быт до мельчайших подробностей. Ветер возьмет на себя самые тяжелые работы. Человеческий труд облегчится. Люди будут иметь гораздо больше свободного времени, чтобы отдавать его науке, искусствам. Жизнь станет прекрасной.

— Да, Левка, жизнь станет прекрасна, — отозвалась Зоя.

И вдруг, сделав испуганные глаза, Зоя воскликнула:

— Левка! А как же мы будем обедать? Чем мы будем питаться?

— Нектаром и амброзией, как и следует небожителям, или же манной небесной. Ты проголодалась, Зоя?

— Признаться, да. Мне хочется есть. Ведь мы обедали еще за агульным или загальным столом!

— Потерпи немного. Мы скоро спустимся. А когда мы взлетим надолго, то будем спускать вниз проволоку и поднимать все, что нам необходимо. Здесь есть электрическая плита, и мы сможем подогревать кушанья, варить кофе. Время от времени нам придется спускаться, чтобы запастись газом. Как ни плотны оболочки «крыльев», все же диффузия существует. Думаю, что утечка газа будет небольшая, и нам едва ли придется спускаться чаще чем раз в месяц, если только ты не соскучишься по земле.

— Нам некогда будет скучать, Левка!

— Но у нас достаточно будет и свободного времени. Мы запасемся книгами. На «Кондоре» имеются прекрасная радиостанция и телевизор. Ты сможешь видеть даже кинокартины.

— А по ночам мы будем заниматься астрономией. Не правда ли, отсюда чудесно наблюдать светила?

На воздушном океане
Без руля и без ветрил
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил, —

вновь продекламировал Левка.

— А если в нашем воздушном океане произойдет буря, что мы будем делать, Левка?

— Нас притянут к земле и закрепят «Кондор» на якорях. На случай же катастрофы, например обрыва троса, у нас имеются парашюты.

Миллер показал Зое привязанные к перилам сложенные парашюты и объяснил, как обращаться с ними.

— Прихватываешь себя у груди вот этим ремнем и — господи благослови — бросаешься вниз. Летишь и считаешь до десяти — запомни это, — и только когда просчитаешь до десяти, дернешь вот за эту веревку, и парашют раскроется.

Зоя невольно вздрогнула и сказала, понизив голос:

— Ты знаешь, я очень храбрая, Левка. Но я, кажется, никогда не решилась бы броситься вниз на парашюте. Что бы ни случилось...

— Ну, не будем говорить о таких вещах. Надеюсь, тебе не придется совершить такое сальто-мортале.

— Алло! — заговорил радиорупор. — Как дела?

— Все в порядке! — ответил Левка по радиотелефону. — Сейчас дам ток на землю. Есть? Отлично! Можете начинать спуск!

«Кондор» вздрогнул и стал медленно снижаться. Внизу люди наматывали на ворот тонкий трос.

— Надо будет механизировать работу этого ворота, — сказал Левка. — Итак, завтра мы начинаем жизнь на нашей небесной даче. Завтра мы дадим ток колхозным тракторам, заводам, военным автомобилям, дадим свет в дома и тепло в электрические печи. Довольно ветру лодырничать! Отныне бездельников не будут уже называть ветрениками. Ветер будет таскать, возить, косить, варить электрощи в колхозной электрофабрике-кухне и даже баюкать детей в колхозных яслях. Но сегодня мы поедим с тобой еще не электрифицированный украинский борщ!

* * *

На другой день произошло водворение Зои Тверьяновой и Миллера «на небеса». Весь аппарат был хорошо сконструирован, и, в сущности говоря, на «Кондоре» можно было иметь одного монтера. На малых ветросиловых установках обходились и совсем без людей. Но «Кондор» был слишком мощной

ветросиловой электростанцией, чтобы его выводить из строя без крайней нужды. На всякий случай на земле был устроен очень простой аккумулятор: на вершине холма было выкопано целое озерцо. Электричество поднимало воду речки, протекавшей у подножия холма, вода наполняла озеро. Когда «Кондор» почему-либо бездействовал, вода из этого резервуара пускалась вниз по трубе и приводила в движение турбину. Таким образом, все сооружение являлось как бы комбинированной ветро-гидро-электроустановкой.

Сам Миллер неотлучно находился на «Кондоре» главным образом потому, что здесь он продолжал свою научную и изобретательскую работу. «Кондор» был его лабораторией: Левка изучал силу ветра на различной высоте, проверял работу роторов, испытывал на ветру модели, вел дневники. Дело было новое. Миллер изыскивал всякие усовершенствования, изобретал автоматические регуляторы, отметчики. Зоя деятельно помогала ему.

Они запаслись всем необходимым: теплой одеждой, книгами. Пища и питье каждый день подавались им «на лифте». Миллер придумал и «спешную почту» — небольшой привязной баллон, который быстро поднимался к «Кондору».

Это была необычная жизнь в воздухе на высоте пятисот, тысячи и выше метров. Иногда «Кондор» поднимался над облаками. Волнующееся облачное море клубилось под ногами отшельников. Несколько раз под ними разражалась гроза. Страшные удары потрясали небесные просторы. Облака играли многократным эхом. Синие молнии сердито ломались в клубящихся тучах. Внизу были хаос, гром и буря. А над «Кондором» простиралось безоблачное голубое небо и ярко светило солнце.

Иногда вечернее облачко, подрумяненное солнцем, проплывало вблизи «Кондора». Зоя протягивала к нему руку и говорила:

— Иди к нам, небесный гость!

И, словно повинуясь этому зову, облако окутывало «Кондора» сырым туманом, оставлявшим капли на волосах и шерстяном свитере Зои.

— Не все поэтическое издали приятно вблизи! — смеясь, говорил Левка.

Воздух был прохладен, а солнце жгло. Щека, обращенная к солнцу, горела, а другая — в тени — мерзла. Миллер и Зойка сильно загорели.

— Вот где принимать солнечные ванны. Лучше, чем на пляже! — говорила Зоя.

— Да, и я уверен, что со временем большие высотные установки будут использованы как горные санатории! — отвечал Левка.

Вечерами молодые люди сидели на палубе и любовались звездами. Внизу, на земле, как звезды, горели в домах огни электрических ламп, и Зое иногда казалось, что она находится в межпланетном пространстве: звезды и сверху и снизу окружали ее. Мелочи жизни оставались там, внизу, на земле. Здесь невольно приходили в голову мысли о далеких мирах, о жителях иных планет, о величии Вселенной...

Спокойному созерцанию мешал только ветер. Если он ослабевал, то Левка тотчас отдавал приказ на землю поднять «Кондор» выше. И ветер вновь свистел в ушах, роторы быстро вращались, ток стекал по проволоке на землю, растекался по фабрикам, заводам, домам, живительной силой вливался в тракторы, машины, вертел, двигал, светил, грел, стирал белье, варил электрокашу...

Ведя воображаемые беседы с марсианами, Зоя иногда забывала о земле. Но земля сама напомнила о себе.

* * *

Пришла осень, непогожая, дождливая. Уже на высоте двухсот метров скорость ветра доходила до восьми-девяти метров в секунду. Внизу, на земле, гнулись тополя, роняя последние листья. Зоя ежилась, смотрела на быстро мчавшиеся облака и думала о зиме.

— Левка! Что мы будем делать, когда придут зимние вьюги?

— «Когда наступят зимни холода»? То же, что и теперь. Оденемся потеплее, только и всего.

— А если «Кондор» засыплет снегом?

— Не засыплет. Ротор прикрывает сверху. Сам он вращается, на него не осядет снег. Ну, а если немного и наметет на палубу, очистим. Надо будет только скорее сделать аппарат,

который автоматически регулировал бы высоту полета в зависимости от силы ветра. Тогда нам не придется так часто выходить на стужу, чтобы посмотреть показания анемометра.

В этот вечер они рано забрались в каюту. Здесь было светло, тепло, уютно. Зоя читала, Левка обрабатывал записи автоматических аппаратов, чертил графики. За стеной мерно ворчал мотор. «Кондор» дрожал легкой дрожью, но к ней воздушные жители привыкли, как железнодорожники к тряске вагона.

— Алло! Алло! Алло! — неожиданно раздался тревожный голос. — Говорит земля. Миллер, вы принимаете?

— Кирсанов? Я вас слушаю!

— Внимательно слушайте! — продолжал голос. И черный диск рупора начал сообщать черные вести: — Из главного штаба получена радиотелеграмма. Румыния и Польша без объявления войны начали военные действия. Эскадрилья вражеских аэропланов перелетела границу. Аэропланы снабжены режущими приспособлениями для проволоки, к которой привязаны высотные ветросиловые установки. «Литке» и «Звезда» подрезаны и разбиты. Установите наблюдение. Если увидите врага, немедленно давайте сигналы, чтобы спустить «Кондор» на землю. Для его защиты к нам прибудет батарея зенитных орудий.

С немым ужасом, как загипнотизированная, смотрела Зоя на блестящий кружок в центре черного диска. Был взволнован и Левка.

— Переходим на военное положение, Зойка? — сказал он с нервной веселостью.

— Одевайся теплее. Нам придется стоять на вахте всю ночь.

Надевая кожаные шлем и пальто на меху, он продолжал:

— А пулемет, пожалуй, теперь и пригодился бы нам. Признаться, я сам отказался от него: лишняя тяжесть. Ну, да спуститься на землю и взять на борт пулемет недолго. Идем! Постой! Надо переключить громкоговоритель на палубу. Так. Идем!

Ветер ударил в лицо. Тяжи свистели и дрожали. Весь «Кондор» словно напружился. Внезапно с двух сторон палубы ночную тьму прорезали яркие снопы света. Это Миллер зажег прожекторы.

С полевыми биноклями в руках Левка и Зоя стояли по обеим сторонам палубы. Облака быстро неслись по небу, клубились, сталкивались, громоздились. Рука Зои немела от тяжелого бинокля и холодного ветра.

От времени до времени Зоя бросала взгляд на анемометр.

«Тринадцать метров в секунду... четырнадцать... пятнадцать... Шесть баллов! Неужели в такой ветер вражеские аэропланы решатся лететь? Ах, хоть бы разразился шторм!.. Барометр падает...»

Иногда среди клубящихся туч Зое мерещилась блестящая звездочка. Уж не вражеский ли это аэроплан, освещенный прожектором «Кондора»?.. Но звездочка исчезала и не появлялась. Обман утомленного зрения!.. «Семнадцать метров... восемнадцать...»

— Алло! Алло! — заглушая свист ветра, закричал громкоговоритель, прикрепленный к наружной стене каюты. — Алло! Наши военные автомобили прибыли на станцию для зарядки аккумуляторов. Давайте всю мощность «Кондора»!

«Девятнадцать... двадцать метров в секунду. Восемь баллов! Это уже шторм!» — подумала Зоя с облегчением. Чем крепче ветер, тем меньше вероятия на вражеский налет. Воздушный шторм защитит их от шторма военной непогоды. А «Кондор»? «Кондор» выдержит. Он привык встречать грудью своих роторов натиск ветра. И Зоя почти с нежностью посмотрела на цилиндр вингротора. Он шумел и гудел, как Ниагара. «Кондор» уже не дрожал, а трясся, словно в сильнейшем пароксизме лихорадки. Звенели и свистели тяжи. Хвост стоял горизонтально, вытянутый ветром в струну. Ветер распахивал полы кожаного пальто Зои, леденил ноги. От света прожектора болели глаза. Кружилась голова. Тяжелый бинокль оттягивал вниз руку.

«Двадцать три... двадцать шесть... двадцать восемь... если так пойдет дальше...»

Внезапно Зоя почувствовала толчок, и «Кондор» начал снижаться. Неужели порвался трос? Ведь все дело в тросе! Зоя напрасно любовалась «Кондором». Порвется тоненькая привязь, и вся эта махина станет беззащитной игрушкой ветра. «Кондор» сорвется и полетит кувырком, «гуляя», как детский оборвавшийся змей... Жизнь Зои висела если не на волоске, то на тонкой проволоке...

«Кондор» снижается равномерно. Это, вероятно, Левка ищет полосу, где ветер тише...

— Алло! Алло! — вновь заревел громкоговоритель. — Получен приказ: «Кондор» должен держаться на высоте до последней возможности, пока все аккумуляторы не будут заряжены. Давайте сигнал о спуске только в двух случаях: если увидите вражеский аэроплан или же если сила ветра будет явно угрожать срыву «Кондора».

«Кондор» несколько опустился, но внизу ветер на этот раз был еще сильнее. Тогда Миллер решил подняться в верхние слои. Начались поиски «тихой воздушной гавани». «Кондор» то поднимался выше облаков, и над Зоей тогда светили безучастные звезды, то погружался в хаос клубящихся туч. В лучах прожектора они казались остервенелыми чудовищами, набрасывающимися на «Кондор». Несмотря на длинный хвост и боковые плоскости, «Кондор» начало бросать из стороны в сторону. Зоя положила бинокль в футляр и крепко схватилась за прут железной ограды. Он дрожал, как и все на «Кондоре», и был холоден как лед.

«Тридцать... тридцать два... тридцать три... тридцать четыре метра в секунду. Десять... одиннадцать баллов! Сильный шторм, переходящий в ураган... Жизнь на стальном волоске... Жизнь...»

— Зоя... Зойка!

Тверьянова повернула голову, словно пробуждаясь от забытья. Крепко держась за перила, перед ней стоял Левка. Лицо его побледнело. Губы нервно подергивались. Он попытался улыбнуться, но улыбка не удалась. Наклонившись к Зоиному уху, он закричал:

— Как чувствуешь себя, Зоя?

— Отлично! — ответила она.

Левка помолчал, словно колеблясь принять какое-то решение. Затем закричал вновь:

— «Кондор» не выдержит такого шторма. Трос лопнет. Натяжение слишком велико. Нельзя погубить «Кондор». Надо спускаться. Я отдам приказ.

— А аккумуляторы военных автомобилей?.. — спросила Зоя.

Губы Левки опять дрогнули.

— Если «Кондор» сорвется, всех аккумуляторов все равно не зарядить! — прокричал он в ответ.

Зоя пытливо заглянула ему в глаза. Она хотела прочитать его мысли. И чутьем отгадала их.

«Ты боишься не за «Кондор», — подумала она и прокричала:

— Попробуй подняться еще раз до самого «потолка» — на всю длину троса!

Левка пожал плечами.

— Поднимались. Везде одно и то же. Шторм...

— Но ветер может измениться. Прошу тебя!..

Левка неопределенно пожал плечами и отошел. Вот он что-то крикнул в трубку телефона...

«Кондор» начал подниматься. Над головой Зои снова показались звезды. Там где-то был Марс со своими загадочными марсианами. Но в эту минуту она не думала о них.

«Так... молодец... Чем выше от земли, тем лучше...» Зоя, не выпуская перил, добралась до парашюта, сбросила меховые перчатки, с трудом обвязала себя выше груди широким ремнем, отвязала парашют, сжала конец веревки, которая раскрывает парашют, и, зажмурив глаза, бросилась в клокочущий под нею океан облаков.

«Раз... два... три... четыре...»

Левка увидал, как темный предмет метнулся вниз и скрылся в облаках. Острая боль пронзила сердце. Он бросился к Зое. Ее не было на палубе. Не хватало и одного парашюта. Левка понял все: она «развязала ему руки».

Шатаясь, Миллер подошел к радиотелефону. Он хотел отдать приказ о том, чтобы «Кондор» немедленно спустили вниз.

Шторм валил его с ног. О, этот шторм! Он отнял у него самое дорогое. Разве можно рассчитывать на благополучный спуск при таком ветре? Зоя, конечно, погибла. Теперь все кончено...

И Миллер ограничился только тем, что крикнул в радиотелефонную трубку:

— Тверьянова бросилась на парашюте. Пошлите людей на розыски!

Зою Тверьянову нашли за двадцать километров на верши-

не дерева. Перелом ноги, ссадины по всему телу. Но она была жива. Исключительная удача для такого безумного прыжка.

Первыми ее словами, когда она пришла в себя, были:

— Все ли аккумуляторы заряжены?..

НА ВОЗДУШНЫХ СТОЛБАХ

Мы летели довольно низко над пересеченной местностью, и прекрасный пассажирский аэроплан порядочно покачивало. Мой сосед, журналист из Вены, Эрвин Лик, крепко «пришитый» к креслу широким ремнем, морщился, разглаживая географическую карту, которая ежеминутно сползала с его колен.

— Новый Мерв. Новый Мерв... Но где же он находится? — спрашивал меня Лик, внимательно разглядывая карту.

Я бросил взгляд на эту карту и рассмеялся. Она имела довольно крупный масштаб, но была издана в 1913 г.

— Вы не найдете его на этой карте. Вот прилетим, увидите! — ответил я.

Лик вздохнул, с безнадежным видом сложил карту и сказал:

— Трудно знать географию СССР. Это совершенно новая страна. Новые названия, новые города, новые каналы, новые пути сообщения, все новое. Вы не пощадили даже рек и морей и перелицевали их на свой вкус. Кроме шуток, иностранцу теперь у вас легче заблудиться, чем в Африке.

— Мы только выполнили обещание «построить новый мир», — ответил я.

— О да-да! «Мы новый мир построим», как у вас поется, — отозвался он и отвернулся к окну.

Под нами проплывали бесконечные поля, перерезанные дорогами, новые «сельские города» совхозов, гнезда заводов, и фабрик, окруженные домами-коммунами и парками. Лик внимательно смотрел. Я наблюдал за выражением его лица. Он, видимо, был поражен, но, как истый журналист, старался не показать вида.

Однако его профессиональной сдержанности не хватило до конца пути.

На границе пустыни Кара-Кум Лик опять раскрыл карту, ткнул пальцем в большую плешину из серых точек, обозначавшую мертвый уголок земли, и воскликнул:

— Здесь пустыня, а здесь что? — И он кивнул в сторону окна, сквозь которое были видны уходящие до самого горизонта хлопковые поля, орошенные сложной системой каналов. Там, где каналов не было, виднелись вышки искусственного дождевания. Над некоторыми из них сгущались тучи, готовые пролиться «по заказу» дождем. На земле не было больше пустыни. Лик бросил карту на пол.

— Этой карте место в музее! — проворчал он не то сердито, не то восторженно.

Но пустыня, превращенная в цветущие плантации, была не последним сюрпризом «нового мира».

Лик долго молча смотрел в окно, потом, не поворачиваясь ко мне, как бы рассуждая сам с собой, продолжал:

— Я видел Кара-Кумы давно, до войны. Печальное зрелище. Серые, желтые, красные песчаные барханы, кое-где тощие кустарники, никому не нужные, забытые богом и людьми...

— ...из которых мы теперь добываем прекрасный каучук! — вставил я.

— ...Кустарники, как будто окоченевшие от сухости и зноя. Синее раскаленное небо над головой. И один только сухой, мертвенный звук песка, пересыпаемого ветром с места на место. Бесплодная работа стихий. Ни зверя, ни птицы. Только кое-где белеют верблюжьи кости — месть пустыни живому, вторгнувшемуся в смертельные пределы песчаного безмолвия... Одни скорпионы, сухие, как песок, да ядовитые пауки жили здесь, угрожая ядом, жгучим, как палящие лучи солнца... Казалось, это начало конца мира. Думалось: насекомые — древнейшие обитатели земли — останутся и последними ее жителями, когда весь земной шар превратится в такую же мертвую песчаную пустыню... Подумать только, одна лишь пустыня между Каспийским морем и Аму-Дарьей занимала пространство в четыреста пятьдесят тысяч квадратных километров!.. Какие страшные места омертвения на коже земли!.. И вот теперь... — он не договорил и тряхнул головою.

Я не мешал моему спутнику предаваться размышлениям, пока новое зрелище не привлекло его внимания.

Среди темно-зеленой площади, засеянной хлопком, показались большие белые круги, своего рода оазисы, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга в шахматном порядке. Между этими островками летало множество аэропланов, освещенных заходящими лучами солнца. Это было изумительно красивое зрелище. Аэропланы поднимались с белых кругов, летали по косой или прямой линии, от круга к кругу, снижались.

Залюбовавшись крылатой стаей, мы не заметили, как наш аэроплан начал снижаться. Под нами, как будто летя навстречу, виднелся большой, хорошо оборудованный аэродром.

— Неужели прилетели? — спросил Лик. — Но ведь вы говорили, что аэродром должен находиться у самого Нового Мерва, а между тем я не вижу признака города.

— И не увидите! — шутливо ответил я.

Перед нами лежала большая асфальтированная площадь, над которой местами возвышались невысокие трубы и дискообразные блестящие поверхности на металлических стержнях.

— Новая фабрика? Завод? Солнечная станция? — спрашивал Лик в недоумении. — Город должен находиться тут поблизости, но где же он? Провалился сквозь землю?..

Когда один из автомобилей повез нас по асфальтовой площади, Лик обратил внимание на люки, огороженные перилами. В эти люки спускались люди и поднимались оттуда на поверхность.

— Неужели я случайно отгадал и город действительно находится под землей? — спросил Лик. От его манеры ничему не удивляться не осталось и следа.

Я дал адрес секретаря хлопкового совхоза, товарища Муссе, к которому у меня было поручение из Москвы. Шофер остановился у одного из люков со спускающейся лестницей под землю. Я предложил Лику остановиться вместе со мною у Муссе.

Мы сошли с автомобиля и, захватив свой легкий багаж, зашагали по ступенькам, освещенным солнечным светом, отраженным от зеркал.

— Так вот для чего нужны блестящие диски! — сказал Лик.

Я сошел со своим спутником вниз до площадки, от которой расходились коридоры, и спросил проходящего человека, где живет Муссе.

— Третий этаж, сто семнадцать, — ответил он на ходу.

— Здесь этажи считают сверху вниз, — объяснил я Лику.

И мы спустились двумя этажами ниже. У дверей с прибитым вверху номером 117 я постучал.

Хозяин оказался дома, но он был болен. Загорелый, худощавый, мускулистый, с черными усами и небольшой бородой, он ходил по комнате в бухарском халате и поеживался. Его знобило. Нас он встретил очень радушно.

— Здравствуйте, товарищ Фомин! Я уже был извещен о вашем приезде радиограммой. Очень рад вас видеть. Как долетели? Хорошо? А вы поглядеть на пустыню приехали? — обратился он к Лику. — Все покажу, дайте срок. Малярия проклятая крутит!

— Здесь заразились? — спросил Лик.

Муссе даже обиделся.

— Здесь так же невозможно заразиться малярией, как на Северном полюсе. Здесь мы давно покончили с анофелесом[1]. В командировке заразился. Летал в еще дикие, неосвоенные места разбивать новые поля для хлопка.

Лик посмотрел на свет, льющийся через большое окно вверху, на потолке. Муссе поймал этот взгляд.

— Вас удивляет наше подземное жилище? А между тем надо удивляться, как людям не пришла в голову такая простая мысль. В строительстве, особенно жилищном, необходимо применяться к местным условиям. Подземные жилища очень удобны и для юга, и для Крайнего Севера. Раньше здесь строились дома такие же, как в Москве, как в Европе: каменные ящики, открытые со всех сторон жгучим лучам солнца. А это нельзя. Это нехорошо. Такие дома накалялись, как жаровня, и в них было почти невозможно от жары и духоты днем работать. Работа страдала. Темпы страдали. Люди страдали. А в земле прохладнее и температура ровнее. Вентиляция идеальная. Свет проникает через рефлекторы. Есть и электрическое освещение с лампами, пропускающими ультрафиолето-

[1] Анофелес — комар, разносящий малярию.

вые лучи. Это прекрасное здоровое жилище. В верхних этажах — канцелярии. Работать хорошо, не жарко.

— А скажите, почему у вас такое огромное количество аэродромов и когда вы успели настроить столько самолетов? — спросил Лик.

— Это не самолеты, то есть самолеты, но без моторов. Планеры, если хотите.

— У вас так развит планеризм?

— Не планеризм, а безмоторное летание. Мы на наших планерах перевозим и почту, и пассажиров, и даже грузы. Самый дешевый способ сообщения. — И, кутаясь в полы халата, Муссе продолжал: — Вы знаете, какие успехи сделал планеризм за последнее время? И он обязан этими успехами изучению воздушных течений. Когда-то планер слетал свободным спуском с какого-либо холма, и этим дело ограничивалось. Планерист держался в воздухе несколько минут, в редких случаях, при подходящем ветре полчаса-час. Во время этих полетов наши планеристы начали изучать восходящие струи воздуха. Оказалось, что их существует немало. Ветер, встречая холм, поднимается вверх. Это раз. Затем грозовая туча несет под собою как бы клубок холодного воздуха. Этот «клубок» поднимает вверх встречный теплый воздух, который таким образом перепрыгивает через грозовую тучу. Вот вам два. Кучевые облака имеют под собою также восходящие потоки воздуха. Наконец, открытые места, окруженные растительностью, нагреваются больше и как бы испускают вверх воздушные столбы. Это давно было замечено и летчиками аэропланов: над лесом всегда воздух падает вниз, получается то, что называется воздушной ямой, столь опасной для летчиков, если они не набрали достаточной высоты, а на открытых местах воздух идет вверх, образуя воздушный бугор. Все это и создает «неровности» воздушного пути, вызывающие у пассажиров приступы морской болезни.

— Это мне хорошо известно, — кивнул Лик головой.

— Ну, вот, остальное понятно. Наблюдательные люди давно обратили внимание на парящий полет орлов. Распластавшись в воздухе, не двигая крыльями, они могут парить часами, выглядывая добычу. Что их держит? Восходящие токи воздуха. Этот опыт оставалось применить к планерам.

— Значит, ваши круглые площадки, которые мы видели...

— Это основания «воздушных столбов», восходящих течений, которые поднимают вверх наши планеры. Аппарат запускается с одной площадки, набирает высоту и летит планирующим спуском до следующего «воздушного столба», который вновь поднимает его, и так далее. Шахматный порядок воздушных столбов дает возможность избрать любое направление. Все это очень просто.

— И тем не менее даже у нас за границей до сих пор не существует постоянного безмоторного воздушного сообщения!

— Даже у вас за границей, — несколько обидчиво повторил Муссе. — В том-то и дело, что ваша заграница никогда не в силах будет создать такое сообщение, по крайней мере, пока там существует частная собственность. Земля там разбита на мелкие участки, да и тесно у вас. Этот простой, но целесообразный способ передвижения по воздуху мог быть создан только у нас в СССР с его обобществленной землей и плановым хозяйством. Многое недоступно для капиталистической заграницы... Сегодня мне нездоровится, а завтра я все покажу вам.

Муссе, сославшись на нездоровье, скоро ушел в спальню, предоставив Лику на досуге размышлять обо всех выгодах безмоторно-планового хозяйства вообще и безмоторного летания в частности.

На другой день Муссе разбудил меня на заре. Он сообщил, что ночью получил радио: его срочно вызывают в самый южный уголок совхоза, у афганской границы. Так как дело, по которому его вызывали, интересовало и меня, я решил лететь вместе с Муссе.

— А с Ликом как быть? — спросил я его.

— Мой помощник все покажет ему, — ответил Муссе и охнул. Я посмотрел на Муссе. Он выглядел совсем скверно, и я предложил отложить полет. — Нельзя. Дело неотложное. Вы умеете управлять планерами и аэропланами?

Со стыдом я должен был признаться, что не умею.

— Скверно... А я едва ли справлюсь сегодня с этим делом... На ногах еле стою. Придется взять с собою Мемета Мухаматжи. А не хотелось бы... — И, помолчав, Муссе добавил: — Не нравится мне этот Мемет. Что делать, на границе поневоле становишься подозрительным. За нами следят сот-

ни враждебных глаз. Не столько афганских, сколько английских. Боятся англичане за свою Индию... Ну, ничего, — заключил Муссе, как бы успокаивая самого себя. — Вы будете со мною. Мухаматжи, я так предполагаю, афганец, хотя и выдает себя за уроженца здешних мест. Он служит у нас в совхозе. Сегодня у него выходной день, он не откажется. Мы будем в четыре глаза наблюдать за ним. А заменить некем — все на работе...

— Может быть, все-таки отложить полет?

— Невозможно. Без меня там вся работа станет.

Муссе позвонил по телефону и вызвал Мемета.

Быть может, оттого что я был уже предубежден против этого человека, но Мемет мне не понравился. У него были беспокойные, ищущие и шмыгающие глаза и лукавая, слишком любезная улыбка. Он был суетлив и часто оглядывался назад, словно удостоверяясь, что за ним никто не наблюдает. По всему видно, что неглуп, а еще больше хитер. Предложение Муссе заметно обрадовало его, хотя он и поспешил сдержать свою радость.

— С удовольствием, дорогой товарищ, — сказал он певучим голосом. — С большим моим удовольствием. Мне только надо устроить мои... домашние дела, если позволите. Это займет не более часа. Через час я буду на площадке для взлета. — И, отвесив поклон, он вышел.

Муссе сообщил по телефону своему помощнику, чтобы тот взял под свое покровительство Лика.

Ровно через час мы с Муссе были на взлетной площадке. Мемет запоздал. Зато неожиданно явился Лик. Муссе совсем расхворался, но крепился. Он пояснил Лику, как запускают планеры.

— У нас это теперь механизировано. Вот смотрите, сейчас полетит один планер. Они у нас почти все бипланы с довольно большой грузоподъемностью. Видите скат, выходящий на площадку? Отсюда и запускают.

Пока Муссе говорил, из ангара вывели большой планер и подвезли к площадке. Сверху спускался тонкий трос, к которому и прикрепили планер. На площадке один рабочий повернул рычаг, и планер был легко втащен наверх. Трос отцепили, вращающаяся круглая площадка повернула планер головной частью к скату. Все это заняло не больше минуты. Два

летчика уселись в кабину планера. Тот же рабочий, который втащил планер, прикрепил его хвост к тросу, на этот раз резиновому. Два других резиновых троса, расходящиеся в стороны, были прицеплены к носовой части аппарата. Затем по сигналу задний резиновый трос был отцеплен, а передние рванули планер вперед и механически отцепились. Планер вылетел, словно камень из пращи. Летчик сделал вираж, и планер, поднимаемый теплым восходящим воздушным течением, начал спиральными кругами забирать высоту. Поднявшись метров на пятьсот, летчик опять повернул руль, и на этот раз планер направился по прямой линии к следующему воздушному столбу, медленно снижаясь.

— Полетели! — сказал Муссе.

Белый автомобиль подкатил к площадке, и из него вышел Мемет, несколько взволнованный, но, как всегда, любезно улыбающийся.

— Простите, что немного задержался, — сказал он. — Надо было устроить кое-какие домашние дела.

Мы уселись в планер, попрощались с Ликом и вкатились на верхнюю площадку. Бедный Муссе едва держался на ногах, он почти упал в кресло для пассажиров и закрыл глаза. Мемет уселся у руля. Нас рвануло. Муссе качнулся головой вперед, я ухватился за ручки кресла. Мы полетели. Лик махал шляпой.

— До завтра! — крикнул я ему.

Мемет, видимо, был неплохим пилотом. Он ловко управлял, и мы поднимались вверх с гораздо большей быстротой, чем предыдущий планер. Мемет взял направление на юго-восток.

Я испытывал новое и очень приятное ощущение. Здесь не было бича пассажирских аэропланов — ужасающего грохота моторов. Тишина стояла такая, как будто мы летели на аэростате, молчаливо несущемся по воле ветра. Кабина была открытая. Планер обладал значительно меньшей скоростью, чем аэропланы, и поэтому встречный ветер не очень беспокоил меня. Верхние крылья защищали от знойных лучей. Приятное путешествие. Здесь можно было даже курить, не боясь взрыва, а сгореть планер не мог: он был весь металлический. Можно было разговаривать, хотя шепотом. Благодаря ровному рельефу местности на нашем пути не было ни воздушных ям, ни «бугров». Мы летели плавно, незаметно снижаясь.

— Вот настоящее путешествие для успокоения нервов, — сказал я, обращаясь к Муссе. Он открыл глаза, воспаленные и мутные, что-то промычал в ответ и еще ниже склонил голову.

«Однако с ним совсем скверно», — подумал я. Мемет пел однообразную коротенькую восточную песню. Грустный мотив он умудрялся петь как-то по-веселому. Видимо, он был в отличном настроении.

Внизу, насколько хватал глаз, расстилались бесконечные хлопковые поля — темно-зеленый ковер с узором дорог блестящих арыков и белых кругов. Там и сям, как ласточки, реяли планеры. На воздушных столбах они встречались, пролетая друг над другом, и летчики обменивались приветствиями — совсем как рыбаки на море. Снижаясь перед воздушным столбом, мы слышали крики и песни работавших на полях людей.

Постепенно рельеф местности изменился. Появились небольшие холмы. Сплошные хлопковые поля начали перемежаться с тучными лугами, на которых паслись стада тонкорунных овец. С высоты они казались белоснежным прибоем, медленно катящимся по зеленой глади океана.

На безоблачном небе появились кучевые облака, тянувшие на юг. Я заметил, что Мемет часто поглядывает на облака, не прекращая петь свою грустно-веселую песенку. Группа довольно густых облаков привлекала его особенное внимание. И вдруг, вместо того чтобы направить планер к воздушному столбу, Мемет свернул с прямой линии, и мы полетели к кучевому облаку, медленно несущемуся впереди нас. Что бы могло это значить? Беспокоиться, впрочем, пока было не о чем. Мемет — надежный пилот и хорошо знает дорогу. Быть может, мы приближались к цели нашего путешествия, и нам надо было свернуть в сторону. Я посмотрел вопросительно на Муссе. Он спал или лежал в забытьи. Между тем наш планер уже догнал медленно летевшую группу кучевых облаков и теперь летел под ними. Я заметил, что планер начинает постепенно забирать высоту. Мы летели «на хвосте тучи». Мне вспомнились объяснения Муссе: планеристы научились использовать восходящие токи воздуха под кучевыми облаками. Но в этой местности облака вообще редкость, и на них нельзя рассчитывать как на надежный «способ передвижения». Что же заставило Мемета воспользоваться неожиданными услугами облаков?.. В недоумении я посмотрел вниз и удивился еще больше. Хлопковые поля и пастбища кончились. Мы летели над бесплодной пустыней. Нигде не видно было ни «подъемных» кругов, ни аэродромов, ни даже жилья... А планер продолжал идти вслед за облаками, прямо на восток.

И вдруг одна мысль заставила меня вздрогнуть. Мы находились недалеко от афганской границы. Что, если подозрения Муссе оправдаются? Быть может, Мемет — английский шпион и теперь решил, воспользовавшись случаем, перелететь границу и снизиться на территории Афганистана... Я решил разбудить Муссе, он и сам вдруг начал проявлять признаки беспокойства. Быть может, у этого человека, привыкшего к полетам, уже развился инстинкт пространства, как у почтовых голубей, и он заметил изменение курса... Муссе открыл глаза, силясь выйти из оцепенения.

— Что это?.. Где мы? — тихо спросил он.

— Не знаю, летим на юг. Хлопковые поля кончились. Внизу пустыня, — отвечал я тихо и, еще больше понизив голос, продолжал: — Мне кажется, происходит что-то неладное, Муссе. Мы летим на буксире облаков...

Страшным усилием воли Муссе заставил себя разорвать цепкие путы болезненного, полубредового состояния. Он посмотрел на меня почти совершенно сознательно, с трудом приподнялся и заглянул вниз.

— Предатель... — прошептал он. — Мемет хочет улизнуть за границу, пользуясь подходящим случаем... — Муссе опустил голову, но я видел, это не от слабости: он размышлял. Потом так же тихо, наклонив голову к моему уху, он прошептал: — Надо во что бы то ни стало помешать этому. Ах, если бы вы умели управлять планером... я бы пустил пулю в затылок этому злодею, мы снизились бы, и все было бы кончено. Но, к сожалению, я не в силах двинуть рукой, а вы, пожалуй, снизите так, что все будет кончено не только для него, но и для нас... Впрочем, лучше это, чем допустить перелет границы... Там его могут ждать сообщники, а у Мемета могут быть документы...

Мы опять помолчали. Муссе с тоскою посмотрел на тучу. Она немного поредела, но продолжала нестись к афганской границе.

— Вывезет ведь, пожалуй... — шептал Муссе.

А Мемет продолжал тянуть свою песенку, и в его пении слышались торжествующие нотки. Надо было что-нибудь предпринимать.

— Куда мы летим, товарищ Мухаматжи? — спросил я его невинным тоном любознательного туриста.

— Как видите, на юг, — ответил он непринужденно. — Пользуясь редким случаем изучить воздушные течения вблизи облаков, мы немного уклонились от нашего пути.

— А как мы вернемся назад? Будем ждать попутного облака?

Он сделал вид, что не расслышал моего вопроса, и вновь запел громче прежнего.

— Мемет! — сказал Муссе слабым, но повелительным голосом. — Я приказываю тебе немедленно повернуть руль на север и снижаться.

— Ну, один раз можно и не послушаться твоих приказаний, — ответил Мухаматжи.

Наклонившись к моему уху, Муссе прошептал:

— Вот уже виднеется афганская граница. Надо действовать решительно, если бы даже нам пришлось погибнуть.

Я кивнул головой, поднялся, схватил Мемета за плечи и рванул назад. Планер покачнулся, но продолжал лететь — он был хорошо сконструирован. Мемет упал, поднялся, повернулся ко мне лицом. Его любезная улыбка исчезла бесследно. Глаза горели жгучею ненавистью. Он попытался схватить меня за горло, а я тщетно старался извлечь из кармана револьвер. Между нами завязалась борьба не на жизнь, а на смерть. Планер покачивался, но продолжал идти к границе. Неожиданно в руке Мемета я увидел нож. Мемет взмахнул рукой, намереваясь ударить меня в грудь, но я отвел его руку, и удар пришелся по правому плечу. Он всадил нож по рукоятку и тотчас вынул, чтобы нанести новый удар и дать выход крови, — он знал, что при потере крови я скорее обессилею. Кровь хлынула из раны и залила мне весь костюм. Рука повисла бессильно. Я упал на колени и чувствовал, что голова моя кружится, а надо мной уже был занесен нож для нового, решительного удара. В одно короткое мгновение я понял, что это конец. Раздался выстрел Муссе. Пуля пробила Мемету шею. Он зашипел, как полураздавленная змея, и грохнулся рядом со мной. Его злость была так велика, что, и раненный,

он не оставлял борьбы. Он силился поднять руку и полоснуть меня ножом, но был слишком слаб, и нож только скользил по моему костюму. Мемет хрипел, плевал кровью и судорожно ворочался. Потом он как будто затих. На планер слетела зловещая тишина.

Планер, никем не управляемый, продолжал лететь, унося к неведомой цели странный экипаж — одного беспомощного больного и двух окровавленных людей. Я зажал рукою рану, Мемет последовал моему примеру. Его рана была опасней моей, но он был на редкость сильный человек и притом, видимо, привыкший к кровавым переделкам.

Несколько минут мы летели молча. Потом Мемет с трудом приподнялся и заглянул вниз. Он усмехнулся и с торжествующим злорадством сказал:

— А все-таки это облако скоро будет афганским.

Я понял его: вместе с облаком и мы окажемся на афганской территории. Я тоже заглянул вниз и потом на облако, ничего не отвечая Мемету. Да, граница была недалеко. Я видал наших пограничников, но они ничем не могли помочь нам... А по ту сторону границы гарцевал небольшой конный отряд афганцев.

— Попробуйте... повернуть руль... я скажу, как это делать... — услышал я слабый голос Муссе.

Я начал приподниматься, но Мемет предупредил мое движение и навалился на меня всем телом. На это у него хватило сил. Я был бессилен двинуться. Положение наше казалось безвыходным. Но человек никогда не теряет надежды. Лежа под Меметом, я видел роковые кучевые облака. Они как будто начали редеть.

— Они изменили направление и летят на юго-восток, — услышал я голос Муссе.

Теперь все зависело от облака: куда оно поведет нас. Слова Муссе заставили Мемета переменить позу. Он немного освободил мое полупридушенное тело и посмотрел вниз и на небо, приподнявшись над краем загородки. Положение дел ему, видимо, не нравилось. Он со злостью плюнул вниз сгустком крови.

— Теперь мы идем вдоль самой границы, но по нашей территории, — продолжал информировать меня Муссе.

Я мог смотреть только на облако. Нет, глаза не обманывали меня. Оно становилось все реже, воздушней, таяло на моих глазах.

— Мы уже не идем на буксире облака! — воскликнул Муссе. — Оно рассеялось. Мы планируем.

Услышав это, афганец вдруг рванулся всем телом к рулю. Но я понял его намерение и здоровой рукой уцепился за него. Однако он был все еще сильнее меня. Ему удалось повернуть руль, и планер круто повернул на юг. В это время я услышал второй выстрел. На темени Мемета образовалась круглая дыра, из который тотчас хлынула кровь. Муссе прикончил его. Но положение наше было все еще рискованным. До границы оставалась какая-нибудь сотня метров, а мы были на значительной высоте. Планируя, мы могли перелететь границу.

— Фомин, соберите все силы и поверните руль в обратную сторону! — прокричал Муссе.

Он даже приподнялся, но тотчас упал и, кажется, потерял сознание. Я выполнил приказание, как смог. Но для меня это напряжение было не по силам. Я тоже потерял на мгновение сознание и очнулся только от сильного толчка. Не знаю, как мы спланировали, но когда я открыл глаза, передо мною было лицо нашего пограничника.

«Спасены», — подумал я и опять впал в обморочное состояние.

Наконец я окончательно пришел в себя. Оказалось, что мы упали у самой границы. Наш отряд был меньше афганского, и афганцы делали отчаянную попытку уложить всех нас на месте, но атака была отбита. Я даже не слыхал выстрелов. Когда я пришел в себя, афганский отряд уже скрывался вдали. Я лежал на траве, перевязанный и обмытый. Рядом со мной лежал Муссе.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал он. — У Мемета на груди нашли кожаный мешочек, в котором находились документы о количестве наших пограничных войск и кое-что о наших совхозах. Эти документы, конечно, предназначались для англичан, так как были написаны на английском языке... Они боятся за свою Индию, — добавил Муссе, помолчав. — Ведь только небольшая кишка афганской территории отделяет наш Союз от Индии. Поэтому-то англичане и проявляют такой повышенный интерес к нашей афганской

границе. Но на этот раз они остались с носом... Скоро за нами приедет автомобиль. И знаете, Фомин, эта встряска пошла мне на пользу. Лихорадка оставила меня, я только чувствую некоторую слабость. Я уже хочу встать. А ваше самочувствие?

Я посмотрел на труп Мемета и ответил:

— Отлично. Но я не хотел бы больше летать на хвосте тучи. Это очень капризный вожак.

ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ

КОЛЬКИНЫ ЗАТЕИ

Николай Иванович Самохин и Семен Лучкин были большими друзьями. Дружба их началась еще с тех пор, когда они вместе играли в бабки на пыльной деревенской улице и называли друг друга Колька и Семка. Жили они в деревне Буйково, расположенной на высоком берегу небольшой реки. По ту сторону реки лежали заливные луга.

Колька Самохин, его мать Дарья и дедушка Яков ютились в старенькой избушке, стоявшей на отлете, рядом с серым ветряком, старым, как дед Яков — хозяин этой мельницы. Ветряк стоял на небольшом бугре, открытом всем ветрам, — «против лиха на бугорке», как говорили крестьяне.

Семка был сирота. Его приютила после смерти матери одна сердобольная женщина, а когда умерла и она, мир решил: быть Семке подпаском. И ему пришлось оставить бабки, чтобы взяться за длинный пастушеский кнут — пугу — и берестяную трубу.

Колька не забывал своего товарища и часто приходил к нему на выгон, чтобы пощелкать пугой и потрубить в трубу до боли в животе. Как водится между друзьями, Колька и Семка «задавались» друг перед другом. Семка с необычайной ловкостью сбивал концом своей пуги головки цветов — краски, как он говорил, — и выводил на трубе такие коленца, что Колька скисал от зависти. Но зато Колька в другом превосходил своего друга — он умел мастерить презабавные игрушки: устраивал на речке маленькие водяные мельницы, вырезал из толстой сосновой коры красивые темно-красные лодочки, а змеи он умел делать лучше всех в деревне, самых различных форм:

ящичком, треугольником, ястребом, с трещотками, с свистульками и даже с фонарем. Когда же Колька поступил в школу и набрался там всякой премудрости, то Семка принужден был признать превосходство своего друга. Ведь, кроме лугов да коров, молодой подпасок ничего не видел. Пугой да трубой надолго не удивишь. Дружба Кольки и Семки подвергалась большому испытанию. К счастью, Колька не был гордецом и не очень кичился своими знаниями. А так как Семка сам не оспаривал этого превосходства, то Колька с прежним удовольствием ходил к нему и удивлял все новыми затеями или рассказами о том, что он узнавал в школе.

Однажды Колька принес Семке маленькую модель ветряной мельницы, точь-в-точь ветряк дедушки Якова.

— Это модель, — серьезно сказал Колька, особенно подчеркивая новое слово — модель.

— А я думал, это ветряк, — простодушно промолвил Семка.

Колька сдержанно усмехнулся — он щадил своего друга — и стал серьезно объяснять, что такое модель.

— Одно плохо, — продолжал Колька, — мамка здорово бранится. Говорит, что глупостями занимаюсь — игрушки делаю. А какая это игрушка, когда это модель? И меня сам учитель Иван Петрович похвалил. Смотри, как крылья вертятся! А от крыльев — вал и жернова, все как следует! Дедушка Яков тоже похвалил. Говорил, теперь я и большую мельницу сделаю. И сделаю, дай срок! Наша-то совсем разваливается. Заплатана вся, как портки дедушки Якова!

И друзья изо всех сил дули на крылья мельницы.

А через несколько дней Колька явился с новой затеей. Он принес змейку, к которой была прикреплена вертушка в виде мельничных крыльев. Семка внимательно осмотрел затейливую змейку и одобрил. Мальчики решили тотчас запустить ее, но оказалось, что это не так просто.

Был погожий безветренный осенний день. Длинные паутины медленно неслись по воздуху. Несколько раз ребята пытались запустить воздушный змей, но он не поднимался. Семка держал хвост, а Колька бегал с суровой ниткой в руках. Змей немного поднимался, но, как только Колька останавливался, начинал «кулять» и медленно опускался на землю.

— Пусти-ка ты меня, я буду бегать! — сказал Семка. — Ты там засиделся в школе, и твои ноги не швыдко бегают. А я, брат ты мой, целый день за коровами по полю сигаю. У меня ноги быстрые!

Колька согласился, и, к радости друзей, воздушный змей плавно поднялся вверх. Семка бежал со скоростью собаки Жучки, с веселым лаем бежавшей рядом с ним.

— Опускай нитку! — кричал запыхавшийся Семка, догоняя своего друга.

— Опускаю! — ответил Семка, быстро разматывая нитку. Змей поднимался все выше и выше, уменьшаясь в размерах. Семка остановился. Нитка была натянута, как струна. Колька подбежал к Семке.

— А вертушка крутится? — спросил он.

— Крутится! — ответил Семка, глядя на змея своими зоркими глазами. — Здорово! А только знаешь, Колька, с трещоткой лучше, антиреснее! Если выше запустить, то и совсем не видно будет твоей вертушки. Ни к чему она! А трещотка слышна, как ни запусти!

Колька промолчал. Он взял нитку из рук Семки и начал отпускать, пока не размотал все «веретено». Потом он привязал нитку к суку сломанной елки и уселся на траву. Семка опустился рядом с ним.

Друзья сидели молча, задрав головы кверху. Было совершенно тихо. Даже паутина начала опускаться на землю. Ни один листок не колыхался.

— Потеха! — задумчиво сказал Колька.

— Какая? — спросил Семка.

— На земле тихо, никакого ветра, а змей стоит высоко, и нитка глянь как натянута. Как струна!

— Отчего это? — спросил Семка.

— Оттого, — ответил Колька, — что там, значит, наверху, где змей, сильный ветер, а тут нет.

— Так разве бывает? — спросил Семка. — Отчего это?

— Не знаю, — откровенно ответил Колька. — Надо будет спросить у учителя.

Некоторое время друзья помолчали. Потом Колька заговорил с неожиданной горячностью:

— Ты только подумай, Семка, что получается! У дедушки Якова мельница стоит как мертвая, а моя вертушка вертится.

Вот бы сделать большую мельницу на большой змейке, тогда хоть круглый год муку мели! Если там в такую тишь ветер, значит, он там никогда не утихает.

— Ска-ажешь тоже! — протянул Семка и насмешливо фыркнул носом. Как ни уважал он своего ученого друга, но мысль о том, чтобы устроить ветряную мельницу на воздушном змее, показалась Семке смешной и невозможной.

Колька обиделся.

— Ты чего фыркаешь? — спросил он. — Если можно сделать маленькую змейку, то почему же нельзя сделать большую? Ты не знаешь, а я в книжке читал, что есть такие змеи, которые человека поднимают.

— Ну как же ты будешь туда мешки хлеба на помол таскать, по лестнице, что ли?

— Можно... — запнулся Колька, — можно сверху веревку спустить и на веревке поднимать.

— А если нитка оборвется и ты полетишь с твоей мельницей и со всеми кулями муки, что тогда?

— Нитка! Большой змей не на нитке надо запускать, а на толстой веревке. И змей будет большой-пребольшой, с овин. Конечно, я не все еще обдумал. Эта мысль только сейчас пришла мне в голову. Но я придумаю. Это можно! И подумай, как хорошо будет. Дедушка Яков постоянно жалуется, что ветра нет. И как нарочно, говорит, как только хлеб для помола привезут, так и пропадет ветер, словно его чертова бабушка проглотила. А тут вверху, шалишь, — всегда ветер будет!

— А двоим человекам можно будет подняться? — спросил Семка. Его недоверие уже было сломлено.

— Очень просто, — ответил Колька. — Только змей надо немного побольше сделать да веревку потолще.

— А ты меня возьмешь полетать по поднебесью? — заискивающе спросил Семка.

— Конечно, возьму! — ответил Колька.

И друзья уже начали мечтать о том, как они будут воздушными мельниками, как оттуда будут смотреть на деревню, ловить прямо руками птиц и встречные облака.

Но их мечты были прерваны хриплым голосом проснувшегося пастуха, старика Андрона, который кричал во всю глотку:

— Семка-а! Куда ты пропал, че-орт? Коровы в овсы залезли!

Семка сразу слетел со своих заоблачных высот и, сопровождаемый лающей Жучкой, бросился загонять коров. А Колька смотал нитки и со змеем в руках отправился домой.

На другой день Колька явился к Семке без змея, опечаленный.

— Ну и попало же мне вчера от мамки! За вихры оттаскала. Зачем, говорит, без спросу нитки взял? Змей в печке сожгла и модель ветряка хотела сжечь. Хорошо, что я успел спрятать. В школу отнес...

ВОЗДУШНАЯ МЕЛЬНИЦА

С тех пор прошло десять лет. Деревня Буйково вошла в колхоз «Новый путь». Дедушка Яков умер, мать Кольки еще жива. На месте старого ветряка высится красивая железная ажурная башенка ветросилового двигателя ЦАГИ с тремя длинными, узкими крыльями — лопастями. Семка стал Семеном Лучкиным, трактористом колхоза, а Колька в Москве учился на инженера и, говорит, даже за границей побывал. Теперь он уж не Колька, а Николай Иванович Самохин, красный инженер. И вот после долгой разлуки они встретились опять.

Николай Самохин приехал летом и остановился в новой избе своей матери. Она сильно постарела, но еще работала. Сильно обрадовался и взволновался Семен Лучкин, получив от Самохина коротенькую записку с просьбой прийти.

Как-то они встретятся?

А встретились хорошо, просто, по-приятельски. Хоть Самохин и очень изменился и одет был хорошо, по-городскому, но не гордился, не «задавался» и после первых же приветствий сразу приступил к делу.

— Садись, Семен, мне много о чем надо тебе рассказать. Помнишь, как мы мечтали о воздушной мельнице? Я, брат, и сейчас не забыл, как ты насмешливо и недоверчиво фыркнул. Ну да ладно уж, не оправдывайся! Так вот, друг мой, воздушная мельница — больше не мечта. Я выстроил эту мельницу. Она уже идет сюда в разобранном виде. Мы соберем ее и за-

пустим под облака. Я возьму тебя с собой туда, вверх, — я помню свое обещание. Правда, мой воздушный змей маленько непохож на того, который моя мать сожгла в печке. Вот смотри сюда, на этот чертеж.

Самохин показал рукой на стол. Лучкин увидал на большом листе рисунок, изображавший нечто вроде гигантской катушки с разрезами вдоль цилиндра и хвостом, напоминающим несколько хвост воздушного змея. Эта катушка парила где-то под облаками, привязанная тонкой проволокой к трактору, который шел по земле.

— Понимаешь? — объяснял Самохин. — Этот разрезанный по оси цилиндр вращается силою ветра. На змее имеется генератор. Электрический ток, получаемый от вращения цилиндра, идет по проволоке в механизм трактора, который и движется при помощи этой электрической энергии. Трактор таким образом возит за собой свою электрическую станцию! Но мой воздушный змей может давать энергию не только для электрического трактора. Я выстроил огромную высотную электростанцию, которая может давать ток достаточный, чтобы обслужить все нужды колхоза: и осветить электрическим светом, и пустить в ход мельницу, и работать на механических маслобойках, шерстобитнях и пр. Ты подумай, что получается! Воздушная река дает нам безграничное количество электричества. Твой трактор больше не будет пожирать драгоценное жидкое топливо. Мы переведем его на электрическую тягу. Мы все здесь электрифицируем. Мы всю страну покроем высотными ветросиловыми установками. Ведь ветер за год может дать энергии в три тысячи раз больше, чем ископаемое топливо, и в шесть раз превосходит все учтенные энергетические ресурсы.

— А если ветер не захочет дуть? — спросил Семен.

— В том-то и дело, что он не может не дуть. Он должен дуть! Уже на высоте пятисот метров ветер дует, не утихая ни на минуту, со скоростью не менее десяти метров в секунду. Ветряк ЦАГИ не в пример лучше старого ветряка дедушки Якова. Но и этот ветряк часто стоит без ветра. В этом главный недостаток всех «земных» ветряков, в особенности в таких местах, как наши, где ветер дует уж не так часто, не то что в степных областях.

— Но как же ты запустишь свою катушку?

— Она полая внутри и наполнена водородом, как воздушные шары. Каркас сделан из бамбука и обтянут воздухонепроницаемой материей, и катушка моя сама поднимется вверх, как воздушный шар. Когда же она начнет вращаться, то получится еще добавочная тяга вверх от так называемого эффекта Магнуса, сущность которого я как-нибудь объясню тебе. При этих условиях достаточно стальной струны миллиметрового сечения, чтобы удерживать всю эту махину.

Друзья долго беседовали, вспоминая прошлое и мечтая о будущем.

Для Лучкина начались интересные дни. К счастью для него, в полевых работах был перерыв, уборка хлеба еще не началась, и Семен проводил в избушке Дарьи по несколько часов в день; помогая своему ученому другу.

А работы было немало. За хатой матери Николай Самохин выстроил большой сарай, в котором он предполагал собрать свой «змей». Каждый день на грузовиках и телегах привозили со станции части высотной ветросиловой установки. Самохин дни и ночи проводил в сарае, освещаемом электрическими лампочками. Несколько рабочих, приехавших из города, помогали ему. Лучкин тоже не отставал. Скоро в огромном сарае наметились контуры бамбукового каркаса. Еще через несколько дней каркас был обтянут воздухонепроницаемой материей. На особой площадке, соединенной с цилиндром, установили динамо-машину, прикрытую кабинкой. Рядом помещались две каюты для механиков.

— А ведь такая штука, наверно, больших денег стоит? — говорил Семен, с удивлением разглядывая невиданный воздушный змей. — Где ты достал денег?

— Колхозцентр отпустил, — ответил Лучкин.

— Ну, надуешь ты этот барабан газом, — не унимался Семен, — а когда газ выйдет, что будет?

— Утечка газа, конечно, возможна. Тогда мы спустим наш змей на землю и наполним газом вновь. Для добывания газа мы употребим собственную электрическую энергию. Так что наш змей сам будет питать себя. Вернее, его будет питать тот же ветер как первоисточник электроэнергии нашего аппарата. Газогенератор завтра прибудет.

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ

Наконец наступил долгожданный день. Воздушный змей был готов, наполнен газом, привязан тонкой проволокой, намотанной на вал, выведен из «ангара», как дирижабль. Длинный хвост его тянулся по земле.

Был вечер. Все население колхоза, и стар и мал, собралось, чтобы посмотреть на невиданное зрелище. Несколько колхозников держали за веревки змей, который рвался подняться на воздух. Самохин, невольно волнуясь, осматривал, все ли в порядке, и отдавал последние распоряжения. Он приказал поставить вал с проволокой на трактор, привезенный из Москвы. Этот трактор должен был двигаться электрической энергией, вырабатываемой высотной ветросиловой установкой. Проволока, на которой был привязан весь аппарат, служила проводником тока.

— Мы поднимемся с Семеном Лучкиным. Когда двигатель заработает и появится ток, я засвечу электрическую лампу. Вы включите ток, соединив проволоку с механизмом трактора! — сказал Самохин, обращаясь к технику, прибывшему вместе с трактором.

Толпа гудела. Несколько комсомольцев, взявшись за руки, с трудом сдерживали натиск любопытных. Отовсюду раздавались шуточные восклицания.

В первых рядах стоял молодой крестьянин Егор Амплеев и отпускал насмешливые замечания.

— Мудреные люди стали! На небо лезут. Того гляди и трактор туда утянут. Тучи пахать будут?

Через минуту он опять кричал:

— Они там намелят муки! Подставляй, Митроха, шапку! Так с неба мука и посыплется. Дорого за помол берете?

— Да уж наверно дешевле, чем твой батька на своей мельнице брал, — отозвался сосед Амплеева. — Ты бы уж помалкивал, Егор. Как у твоего папаши паровую мельницу отняли, так ты на другие мельницы смотреть не можешь.

— Лезут! Лезут! — закричал босоногий мальчик Прошка, прыгая на одной ноге и хлопая от восторга в ладоши. Толпа затихла.

Самохин и побледневший от волнения Лучкин взобрались на площадку воздушной станции и взялись за металлический

прут барьера, которым была огорожена площадка. Механик, стоя у вала, подтянул ту же проволоку.

— Отпускайте концы! — скомандовал Самохин. Колхозники выпустили из рук веревки. Змей рванулся вверх и, удерживаемый проволокой, закачался над толпой.

— Разматывай! — отдал Самохин новый приказ. Барабан начал вращаться, змей поднимался на воздух все выше и выше. Внизу ревела толпа.

Хвост аппарата еще лежал на земле. В тот самый момент, когда конец хвоста уже приподнимался, Прошка подбежал и неожиданно ухватился за него. Один из комсомольцев едва успел оторвать его от хвоста, ухватив за голые ноги.

— Эх, не удалось полетать по поднебесью! — разочарованно сказал Прошка, падая на землю.

Лучкин смотрел вниз, и ему казалось, что он видит сон.

Огромная толпа напоминала муравейник. Тонкой ниткой вилась речка. За нею на лугах паслись коровы. Отсюда они казались не больше божьих коровок. Там и сям, среди желтых полей, виднелись темные пятна крыш. Вдали синели леса.

Самохин и Лучкин долго молчали, оба взволнованные и восхищенные. Воздушный змей поднимался медленно. Снизу еще доносился неопределенный гул толпы и ясно слышался лай собак. Становилось свежее. Появился ветер и все крепчал по мере того, как они поднимались.

— А ведь внизу ветра не было, — изменившимся голосом прервал молчание Лучкин. Самохин кивнул головой и ответил:

— Я уже давно это заметил. Смотри сюда!

Лучкин, прикованный взорами к земле, совсем забыл о «катушке». Посмотрев теперь на нее, он вскрикнул от удивления. Полуцилиндры, вложенные друг в друга, медленно вращались, причем весь механизм был так точно пригнан, что не слышалось ни скрипа, ни шума.

— Колька! Действует! — вдруг закричал Лучкин, забыв о том, что внизу, на земле, он называл своего друга Николаем Иванычем. Словно они опять стали детьми и запускали змея.

— Действует, Семка! — ответил Самохин, радостно улыбаясь. И они засмеялись. — Пойдем посмотрим, не появился ли ток.

Самохин и Лучкин вошли в кабину.

— Есть! — ответил Самохин. Он уже хотел зажечь сигнальную лампу, но динамо-машина вдруг закапризничала.

— Поспешишь — людей насмешишь, — сказал Самохин. — Говорил монтеру — выверить надо.

Самохину и Лучкину пришлось повозиться, пока наконец динамо не заработала.

Когда Лучкин вышел на площадку, была уже ночь. Из-за далекого леса поднялась луна. Внизу в деревнях в окнах хат светились огоньки, и ярко горел фонарь у ветряка ЦАГИ. Ветер усилился. Полуцилиндры высотной станции вращались с необычайной быстротой.

— Сейчас даю сигнальный свет! — крикнул Самохин из кабины. Рядом с Лучкиным ярко вспыхнула электрическая лампа. Свет ослепил его, и от неожиданности Лучкин вздрогнул и закрыл глаза.

В то же мгновение он почувствовал, что площадка дрогнула и понеслась в сторону. Не веря себе, он открыл глаза и посмотрел вниз. Сомненья не было: воздушный змей оторвался и несся неведомо куда. «Катушка» еще крутилась, но медленней, хвост обвис и сгибался зигзагами.

— Что случилось? — воскликнул Самохин, выбегая из кабины. В этот момент площадка сильно накренилась. Самохин упал и покатился. Если бы Лучкин не ухватил его, Самохин свалился бы вниз. С трудом дотащился он до барьера и уцепился за железный прут.

Положение было отчаянное. Площадку бросало, как плот по бушующим волнам. Несколько раз ее переворачивало вверх дном, и друзья висели над бездной, держась за барьер.

Змей «кулял». Наконец, улучив минутку, когда площадка выровнялась, Самохин, рискуя жизнью, перебрался на цилиндр и открыл клапан. Газ начал выходить, и воздушный змей стал опускаться.

Внизу медленно изменялся ландшафт: появлялись и исчезали реки, виднелись озера, блестевшие при лунном свете, как серебряные блюда, проплыло полотно железной дороги с двигавшимся, ярко освещенным пассажирским поездом, показались и погасли вдали огни небольшого города.

Только к утру воздушный змей опустился на поле, возле леса. Внизу ветра почти не было, и аэронавты поневоле приземлились.

Когда к упавшему аппарату сбежались крестьяне соседней деревни, Самохин узнал от них, что он находится в двухстах километрах от Буйкова. Оставив охрану возле воздушного змея, Самохин и Лучкин отправились в обратный путь.

В Буйкове они узнали, что в центр была уже отправлена телеграмма, извещавшая об аварии.

— Скверно! — сказал Самохин. — Я израсходовал все ассигнованные деньги. Неудача может подорвать доверие к моему изобретению. Едва ли мне удастся получить деньги, необходимые для перевозки воздушного змея и для устройства нового опыта. У этого змея и так немало врагов среди спецов, предсказывавших, что из этой затеи ничего не выйдет.

Но Самохин не сдавался. Он прежде всего произвел тщательное исследование причин аварии.

— Не может быть, чтобы проволока не выдержала! У меня все было точно рассчитано.

Он осмотрел конец стальной проволоки и заметил несколько насечек, которые могли быть сделаны клещами-кусачками. Самохин задумался. Это было похоже на вредительство. Но кто мог сделать это?

— Дяденька Егор накусал щипчиками, — услышал вдруг Самохин возле себя тоненький голосок. Это был Прошка, проявлявший все время к воздушному змею большой интерес. — Я полететь хотел, — продолжал Прошка, — и ночью забрался сюда. Вдруг слышу, кто-то идет. Я спрятался, гляжу из-за барабана, а это Егор. Луна была, видно хорошо. Дядя Егор вынул щипчики востренькие и накусал проволоку. «Так-то лучше будет, пусть теперь летят!» — говорит. Засмеялся и ушел.

— Почему же ты никому не сказал об этом? — спросил Самохин.

— А я думал, что так надо! — ответил Прошка и беспечно заскакал на одной ноге.

Самохин сообщил об этом в исполком. У Егора Амплеева произвели обыск и нашли щипцы, которые делали совершенно такие же насечки на проволоке, какие были обнаружены Самохиным. Егор клялся всеми святыми, что он не виноват, но никто не сомневался, что это его рук дело. Он был арестован, а Самохин отправил в Москву подробное объяснение

всего происшедшего и просил выслать денег на перевозку змея.

Прежде чем был получен ответ на это письмо, Самохин получил деньги и телеграмму от своего друга, инженера Игнатова, с которым он вместе разрабатывал проект своего изобретения:

«Узнал аварии точка верю конечный успех дела точка я выиграл десять тысяч из них высылаю три тебе точка заранее поздравляю успехом Игнатов».

— Ура! — весело крикнул Самохин, прочитав эту телеграмму. — Этих денег более чем достаточно. Мы еще полетаем с тобой, Семка!

И они полетали, и с большим успехом, чем в первый раз.

Воздушный змей был доставлен на место и вновь запущен. Самохин и Лучкин стояли на площадке. Был полдень. Солнце ярко освещало золотистые нивы. Цилиндры вращались быстро. Самохин зажег сигнальную электрическую лампу. И в ту же минуту Лучкин почувствовал, как дрогнула площадка и медленно двинулась вперед.

«Неужели опять?» — с испугом подумал он.

Но его испуг был напрасен. Воздушный змей двинулся потому, что его потянул за собой оживший вдруг трактор.

В стальную машину вливалась энергия, которая отныне будет поступать из неистощимых запасов воздушного океана!

СИЛЬНЕЕ БОГА

Свирепый северный ветер не утихал ни на минуту. Он словно решил уничтожить все на своем пути. Ледяная пустыня была гладка как стол, безжизненна. «Ни деревца, ни былинки, ни мышки. Не пробегает олень, и не гонится за ним волк», — как говорится в чукотской сказке. Только кое-где из-под снега, оледенелого до твердости камня, поднимались невысокие осколки ледяных глыб.

На небе лихорадочно трепетали призрачные бледно-зеленые огни, словно и до них добрался ветер.

Он — царь и бог этой мертвой ледяной пустыни. И горе тому, кто осмелится задержать его неистовый полет. Он напа-

дает на дерзновенного смельчака, и обжигает, и душит его, и валит с ног.

— Чтоб ты подавился! — проворчал Вайдаков, задыхаясь от ветра и усталости.

А Нуват — хоть бы что. Бежит да покрикивает на Кровоеда — вожака упряжки.

Кровоед пригнул голову, чтоб ветер в ухо не дул, и бежит так же неутомимо, как Нуват, натянув ременные постромки. У Нувата длинные нарты, большая кладь и большая упряжка. У Вайдакова — провизия, котелки, хозяйство маленькой экспедиции.

Только в этом тяжелом полярном путешествии Вайдаков по-настоящему оценил Нувата. Высокий, плечистый, с несколько тяжелой фигурой, настойчивый, неутомимый, Нуват был создан для тяжелой борьбы с природой. Чукча по происхождению, Нуват напоминал скорее североамериканских индейцев, чем азиатских монголов. Глаза его имели не косой, а горизонтальный разрез, скулы меньше, чем у тунгусов и якутов. Высокий лоб, большие глаза, прямой нос, волнистые волосы и в особенности бронзоватый оттенок кожи лица придавали ему вид типичного индейца. Недаром товарищи в вузе в шутку прозвали Нувата «Ястребиный коготь». И Вайдаков находил теперь, что это прозвище как нельзя больше подходит к Нувату.

В техническом вузе Вайдаков познакомился с Нуватом и скоро подружился с бронзолицым свободолюбивым, настойчивым человеком. Нуват увлек Вайдакова в полярное путешествие.

— Как дела, Вася? — крикнул Нуват, оборачиваясь к другу.

— Ветер проклятый, чтоб он подавился!

— Ветер — хорошо! — ответил Нуват. Наконец Вайдаков увидел на западе приземистый горный кряж, постепенно возвышающийся. Туда и направлял Нуват своих собак.

Между выступами кряжа приютились две юрты. Сизый дымок поднимался над той, которая была больше.

Собаки, почуяв жилье и близость отдыха, побежали быстрее. Но ветер словно озлился на то, что путники добрались до цели: он задул с такою силой, что собаки поджали хвосты и даже Нуват принужден был нагнуться.

Эти последние пять километров показались Вайдакову особенно тяжелыми. Он задыхался и падал от усталости. К счастью, нарты наконец въехали в зону, защищенную от ветра скалой. Стало сразу тише и как будто теплее.

Послышался разноголосый собачий лай. Домашние олени, сбившиеся в кучу возле юрт, поворачивали ветвистые головы и смотрели на неожиданных гостей.

— Приехали! — весело сказал Нуват.

Вайдаков подошел к большому кожаному шатру. Оленьи и тюленьи кожи, во многих местах заплатанные, были покрыты толстым слоем копоти и сажи. Полы шатра укреплены камнями и завалены снегом.

— Входи! — сказал Нуват, приподнимая полу у входной двери.

В то же время из-за полы показалась взлохмаченная, грязная голова старухи со скуластым лицом и подслеповатыми, гноящимися глазами.

Увидав ее, Вайдаков почти испугался: до чего человек может быть страшнее и некрасивее зверя!

— Входи, входи! — понукал Нуват, не обращая внимания на голову, которая скрылась так же внезапно, как и появилась.

Вайдаков прошел сквозь небольшие «сени» из такой же мозаичной кожаной оболочки, как и вся юрта, и с интересом осмотрел внутренность юрты. Он ожидал увидеть ее обитателей, о которых Нуват рассказывал так часто и так подробно, что Вайдаков надеялся узнать каждого из них с первого взгляда.

Но он ошибся. В большой юрте у костра, пылавшего возле столба, который поддерживал крышу, сидели только три женщины — одна старуха, которую он уже видел, и две помоложе. Сильный ветер задувал в отверстие в крыше юрты и не позволял дыму выходить наружу. Этот едкий дым, видимо, и выел глаза подслеповатой старухи. Молодых ожидала та же участь.

Здесь было теплее, чем снаружи, но все же обитатели принуждены были сидеть в теплых меховых одеждах.

У Вайдакова от едкого дыма и спертого воздуха першило в горле. Глаза слезились. Дым заслонял даже пламя костра, и Вайдаков с трудом различал предметы — большой медно-

красный чайник над костром, деревянные лотки с объедками снеди.

— Кителькут дома? — спросил Нуват по-чукотски страшную старуху. — Не узнаешь, старая?

Старуха присмотрелась сощуренными глазами и довольно равнодушно ответила:

— Нуват. Кителькут дома. Иди.

Нуват ступил в глубину юрты. Вайдаков только теперь заметил кожаный «ящик», не больше четырех метров длины и двух высоты, покрытый сверху сухими травами.

— Ползи за мной! — крикнул Нуват и, отвернув полог, прополз на животе внутрь «ящика». Это и было «жилое» помещение юрты.

Дохнув воздух «жилья», Вайдаков сделал невольное движение и едва удержался от того, чтобы не уползти обратно, — до такой степени был удушлив и зловонен воздух этой коробки. Здесь отвратительно пахло испорченным жиром, прокисшими шкурами, немытой посудой, испарениями грязного человеческого тела. Две тусклые коптилки из жира мигали от недостатка кислорода. Вайдакову показалось, что он попал на банный полок, — так здесь было парно, жарко и душно. Все ароматы перебивал острый запах мочи и гниющей печени, употребляемой при выделке кож.

По стенам висели собачья упряжь, пузыри с жиром, куски засохшей рыбы, обглоданные кости, деревянные миски.

«Как люди могут существовать в этой зловонной выгребной яме? Ведь ни одно животное не вынесло бы такого воздуха!» — подумал Вайдаков.

Но человек — очевидно, самое приспособляющееся животное. В «ящике» находилось семь человек, и все они, по-видимому, чувствовали себя неплохо. Вайдаков осмотрел их, пытаясь отгадать их имена.

Кителькута нетрудно было узнать. Высокий седой старик с побуревшей кожей и редкими бороденкой и усами сидел на шкурах около коптилки, в центре «ящика». На нем был надет пестрый «мострикотажный» джемпер прямо на голое тело.

Кителькут был чукча, богатый оленевод, купец и перекупщик.

Вдали от него в уголке скромно поместился старик, похожий лицом на Нувата. Это, конечно, его отец, «приживал»

Кителькута — Яак. Бедным в одиночку трудно бороться с ледяной пустыней, и они обычно кочуют вместе с богатыми сородичами, которые выручают их в черные дни — конечно, не безвозмездно.

Пожилая женщина с большими глазами — глазами Нувата — сшивает куски кожи нитками из оленьих сухожилий и в то же время бросает в рот, как подсолнух, сушеные маленькие рыбки, насыпанные прямо на кожу. Кто она? Мать Нувата — Рынтина?

А рядом с ней — молодая красивая девушка, которая отдирает белыми зубами сухожилия оленя и расщепляет их на части. Конечно, Анека — дочь Кителькута! О ней Нуват говорил особенно часто.

Из угла выглядывает зловещий лохматый старик — под пару ведьме, встретившей гостей. Кто он? Не шаман ли Уквун? По левую и правую сторону Кителькута сидели двое неизвестных Вайдакову чукчей или тунгусов.

Рынтина при входе Нувата вскрикнула. Она хотела броситься на грудь сыну, но считала это неприличным в присутствии Кителькута. Яак только крякнул то ли от удовольствия, то ли от испуга. Анека бросила на пришельцев быстрый лукавый взгляд. Уквун смотрел с угрюмой подозрительностью.

— Здравствуй, Кителькут! — сказал Нуват. — Вот я и приехал, не забыл своего народа и родной пустыни!

Яак опять крякнул, теперь уже с явным удовольствием. Несколько лет назад, когда приезжие из города «большевики» предлагали взять Нувата с собой, чтобы дать ему образование, Кителькут возражал: «Пойдет в город — испортится, пропадет, отца забудет!»

Кителькуту не хотелось отпускать здорового юношу, который работал за двоих. Яак не осмеливался иметь свое мнение. Вопрос решил сам Нуват. Он сказал:

— Я иду. Я научусь — тому, что знают люди, которые живут в городах, и вернусь к вам. Я не забуду старого отца и мать!

— Пропадешь! — раздраженно крикнул Кителькут в виде прощального приветствия.

Если бы этот разговор не происходил в присутствии «большевиков из города», Кителькут просто не отпустил бы Нувата, даже, быть может, применив силу.

Нуват ушел, «пропадал» несколько лет и вот сдержал свое слово. Вернулся.

— Садись! — коротко сказал Кителькут и, отвернув полу полога, крикнул: — Чаю!

За кожаной стеной послышался ответный крик. Скоро под полог продвинулся в клубах пара медный чайник, а следом за ним — деревянные лотки с изысканными блюдами: китовой кожей, белой и плотной, твердым моржовым жиром, нарезанным ломтиками, мясом диких оленей, замороженным, растолченным в порошок и смешанным с застывшим топленым салом.

Нуват и Вайдаков скоро поняли, что это обильное угощение было приготовлено не для них — ведь их и не ждали, — а для гостей, сидевших по обе стороны Кителькута, — Катыка и Каравии, приехавших продавать шкуры песцов, медведей, куниц и белок. Но чукчи гостеприимны, и Кителькут пригласил Нувата и Вайдакова принять участие в трапезе.

— Разденьтесь, как я, — сказал он, стягивая с себя джемпер и обнажаясь до пояса. — Здесь тепло.

Началось бесконечное чаепитие, во время которого хозяин возобновил деловой разговор с Катыком и Каравией.

Насколько раз он выдвигал пустой чайник за стену и кричал:

— Эй, чаю! — и запасы кипятку возобновлялись.

Самолюбие Вайдакова было несколько задето тем, что Кителькут не удостаивает их разговором. Но приходилось подчиняться обычаю. Наконец Кителькут соблаговолил повернуть голову к Нувату.

— Как звать твоего товарища, Нуват?

— Василий Семенович Вайдаков.

Кителькут кивнул головой и замолчал. Стало слышно, как гудит ураган за кожаными стенами.

— Большой ветер. Плохо было ехать? — вновь спросил Кителькут, на этот раз обращаясь к Вайдакову.

— Под конец пути. Ветер прямо ураганный.

— Да. Большой ветер. Вам не уехать и сегодня, — обратился Кителькут к Катыку и Каравии.

— Да, — согласился Катык. — Не уехать, если ветер не утихнет.

— Может быть, постучать в бубен? — предложил Катык.

— Можно постучать, — ответил Кителькут. И, не поворачивая головы, приказал шаману: — Уквун! Уйми ветер!

Шаман, лежавший на животе, подполз к светильне, как змей, поднялся и снял с деревянной грядки потолка бубен. Началось «священнодействие», шаманство, заклинание бога-ветра.

Обе жировые коптилки были погашены. И в густой темноте вдруг раздались частые, звонкие звуки бубна.

Бам — бам — бам — бам!.. — выстукивал Уквун, и звуки падали тревожным набатным призывом.

Уквун запел. Сначала тихо, медленно, а потом все громче, воодушевляясь. Он подражал в своей песне клекоту орла и рычанью медведя и завыванию бури. Потом на время утихал и прислушивался: не помогло ли шаманство. Нет, ветер свистел с тем же неустанным усердием.

И Уквун удвоил старания. Бил в звонкий бубен все сильнее и чаще и запел заклинания:

— Эге-ге-ге-гей! Я человек, я ищущий. Я зовущий. Маленькая рыбка Векан. Выросла, стала больше кита. Гей! Она лежит среди открытого моря: шея ее стала как остров, спина ее вытянулась материком. Гей-гей-гей! Если ты, пролетая, задел крылом о землю Морей, дай ответ!..

Над истоком бегущей воды, на вершине белого хребта, у гремящего ледника живет молния, мать горного эха, она летает по небу, гремя железными крыльями. Из-под ног ее брызжет алый огонь. Если ты вылетел из ее узких ущелий, дай ответ!

Долго набатным тревожным звоном надрывался бубен, долго пел Уквун свои заклинания.

Вайдаков слушал и удивлялся. Где-то шумят Днепрострои и Волховстрои, где-то тракторы бороздят поля и белый электрический свет заливает крестьянские избы — здесь все осталось так, как было тысячелетия назад! Нуват говорил: Кителькут и среди чукчей особенный. Он не хочет знать никакого начальства, никаких новшеств. Он хочет жить так, как жили его предки: свободными, независимыми кочевниками. Всеми правдами и неправдами Кительтуту до сих пор удавалось это.

— Довольно, Уквун! — прервал Кителькут завывания шамана. — Дух бури не глухой. Он слышал твой бубен и твои заклинания.

Среди наступившей тишины было слышно, как Анека высекала огонь. Вспыхнула одна, затем и другая светильня.

Утомленный Уквун лег на живот. Ветер выл, свистел и гудел над юртою.

— Не слушает тебя бог ветра! — насмешливо сказал Нуват.

Кителькут метнул на Нувата гневный взгляд, но промолчал. «Может быть, Нуват стал большим большевиком... И этот Вайдаков, кто он?»

— Бог ветра — самый сильный бог, — отозвался из своего угла Уквун. — Ему нельзя приказывать. Его можно только просить. Нет человека, который мог бы повелевать ветром!

— Ты так думаешь? — задорно спросил Нуват. — А если я скажу, что я такой человек!

— Сильнее бога? — иронически спросил Кителькут. — Этому ты научился в городе? Так прикажи, чтобы ветер перестал дуть!

— Зачем? Я сделаю лучше! — не унимался Нуват. — Я привез из города хорошую упряжку для ветра. Мы запряжем его, как собаку. Мы заставим ветер работать на нас. Мы скажем: «Северный ветер! Ты приносишь холод. Дай нам тепло!» — и ветер послушается меня и даст нам тепло. Он согреет нашу юрту и приготовит нам горячую воду. Я скажу: «У нас в юрте темно. Ветер! Дай нам свет!» — и покорный мне ветер даст свет, яркий, как маленькое солнце. Я скажу: «Голодные волки нападают на наших оленей. Ветер! Сделай нитку из звезд вокруг нашего стада, чтобы огнями отогнать волков!» — и ветер сделает по слову моему. Мы живем в грязи и темноте. Наши дети не умеют читать потому, что мы живем во мраке. Наши глаза больны от едкого дыма. Но ветер даст нам тепло и свет. Свет вылечит наши глаза и откроет нам другой свет — свет знания!

— Не было, нет и не будет такого великого шамана, который мог бы сделать все это! — убежденно сказал Уквун.

А Кителькут усмехнулся:

— Красивым сказкам вас учат в городе!

— Есть сказки, которые сбываются в жизни, — ответил Нуват. — И в этом нет никакого шаманства. Шаманство — обман, а знание — великая сила. Нас в городе учат не сказкам, а знанию!

Уквун вдруг весь затрясся от злости.

— Что? Что? Что ты сказал? — закричал он, приподнимаясь на локтях. — Шаманство — обман? А твои сказки — правда? Так пусть будет по слову твоему! Прикажи ветру, чтобы он дал нам тепло и свет! Посмотрим, кто из нас обманщик и плут! — запальчиво закончил Уквун.

— Посмотрим! — спокойно принял вызов Нуват. — Идем, Вася! Покажем им, что ветер — не бог, а рабочая сила, которую нужно только уметь обуздать, чтобы она служила нам послушнее собаки.

Нуват и Вайдаков оделись и выползли из полога.

Анека, внимательно слушавшая разговор и восхищенно смотревшая на Нувата, отбросила сухожилия и быстро начала натягивать торбасы. Зашевелились и гости Кителькута — Катык и Каравия. Ворча, поднялся Уквун. Один за другим вылезали из теплого полога его обитатели. В конце концов не устоял и Кителькут. Интересно посмотреть на посрамление Нувата!

Вайдаков и Нуват принялись за работу. Они развязали веревки, сняли с нарт брезент — Яяк нащупал плотную ткань — и начали вынимать предметы, которые не были похожи ни на что виденное чукчами: длинные изогнутые металлические трубки, тяжелый, замысловато сделанный ящик, белые шнуры, маленькие и большие стеклянные «бусы» — как решила Анека — и, наконец, совсем уже непонятную вещь цилиндрической формы, с толстыми стенками, разрезанными вдоль, и с заходящими друг за друга краями. Цилиндр утверждался на круглой металлической доске. Другая круглая доска помещалась сверху.

Ящик поставили на землю, на ящик — цилиндр. Ветер рвал и метал: его хотели запрячь в сбрую! И цилиндр несколько раз валился от ветра. Уквун хохотал.

— Ветер — злая собака! — кричал он. — Царапается и кусается. Не хочет идти в упряжку!

— А ты зубы не скаль, помоги лучше! — раздраженно ответил Нуват. — Сам должен знать, что не всякую собаку сразу в упряжку поставишь!

— Ну да, конечно. Не обучен еще ветер в упряжке ходить! Вот ты поучишь! — не унимался Уквун.

Катык смеялся вместе с ним, Кителькут улыбался, как

взрослый, наблюдающий детскую игру и заранее уверенный, что из нее ничего не выйдет.

Цилиндр вырвался из рук Нувата и покатился по ледяному полю.

— Держи, держи! Хомут сбежал! — кричал Уквун, хлопая себя по коленям. Катык заливался мелким смехом.

Анека бросилась за цилиндром и настигла его прежде, чем добежали Вайдаков и Нуват. Она ухватилась за металлический диск. Но ветер свалил ее с ног, и она, не выпуская диска, покатилась вместе с ним.

Это было уж слишком. Уквун сел на корточки и ухватился за живот — до того истерически он смеялся. Слезы выступали на глазах и тут же превращались в льдинки.

Наконец Нувату, Вайдакову и Анеке удалось остановить цилиндр. Но вернуть его на место, против ветра, было нелегко.

— Впряги собак! — кричал Уквун. — Надежней ветра будет!

Молодые люди изнемогали от усталости.

— Во всем виновато твое нетерпение, — упрекал Вайдаков Нувата. — Надо было переждать, пока ветер утихнет!

Нуват ничего не ответил: не до того было. Он был возбужден борьбой и с ветром и с Уквуном, который явно уже считал себя победителем. И Вайдаков знал: теперь Нуват не уступит, если бы все ветры севера обрушились на них.

Дюжему Каравии стало жаль молодых людей. Он пришел к ним на помощь, и скоро цилиндр был доставлен на место. Каравия, Анека и Вайдаков поддерживали цилиндр, а Нуват привинтил к его верху с трех сторон длинные металлические трубки-тяжи, похожие на оглобли, прорубил во льду три ямы, опустил в них тяжелые ящики, а к ним прикрепил концы «оглобель». Теперь цилиндр стоял неподвижно, только вздрагивая под напором ветра.

— Надо пустить его на холостой ход, — сказал Нуват. Подошел к нижнему кругу, на котором стоял цилиндр, и повернул рычажок. И цилиндр вдруг закрутился с такой бешеной быстротой, что разрезы на его боках стали незаметны.

Уквун перестал смеяться. Это было неожиданно и непонятно.

— Занятная игрушка! — сказал Кителькут.

Эти насмешливо сказанные слова вернули самообладание Уквуну, и он вновь оживился.

— Для забавы малых детей! — подхватил шаман шутку Кителькута. — Но где же свет и тепло? От твоей игрушки дует еще сильнее. Я совершенно продрог! — И он сделал вид, что дрожит всем телом.

— Да, советую тебе отойти подальше, — отозвался Нуват. — От этой игрушки тебе не поздоровится!

Вайдаков возился с белыми шнурами, заинтересовавшими Анеку, которая помогала ему, а Нуват вынул новую вещь — скрученную спиралью трубку-«змеевик».

Уквун смотрел уже с некоторой завистью. С такими странными вещами, выдав их за амулеты, можно было бы делать неплохие дела!

Работа затянулась. Вайдаков, уставший с дороги, едва стоял на ногах, но не хотел отставать от своего неутомимого друга.

И чем дальше работали молодые люди, тем непонятнее для зрителей казались их действия. Нуват, Вайдаков, Анека и Каравия наставили вокруг юрт и оленьего стада кольев, на колья Нуват прикрепил белые стаканчики и протянул проволоку. На проволоке развесил «стеклянные бусы».

— Теперь идем в юрту! — заявил он.

Там тоже появились провода и большие «стеклянные бусы». В кадушку с водой Нуват опустил спиральную трубку.

Уквун, не спуская глаз, следил за этими необычайными приготовлениями. Уверенность, с которой работали молодые люди, начала беспокоить шамана, но он все еще надеялся, что ветер не «дастся в руки мальчишкам» и Нуват будет посрамлен.

А Каравия работал с увлечением. Уж очень все это было ново и интересно. Женщины из «холодного помещения» юрты с суеверным ужасом смотрели на паутину проволок и блестящие бусы.

Наконец Нуват сказал:

— Ну, кажется, все готово. Можете идти под полог!

Все население юрты вползло в теплое «жилое» логовище, где еще тускло коптили масленки. Но теперь над головою Кителькута висела стеклянная бусина величиною в кулак.

— Сидите и ждите! — крикнул Нуват и вышел наружу.

Все сидели в напряженной тишине ожидания. Даже Уквун молчал. Он очень волновался и шептал тонкими губами: «Ветер! Ветер! Ты могуч и силен! Не выдай себя и меня, твоего слугу...»

И вдруг случилось чудо.

Среди чадного полумрака вспыхнуло ослепительно-яркое солнце. Женщины вскрикнули, словно от громового удара, и закрыли лицо руками. Даже мужчины вздрогнули. Уквун, лежавший на животе, уткнулся головой в мех. На несколько минут все ослепли от непривычной яркости света. Потом понемногу начали открывать глаза и оглядывать друг друга так, словно видали впервые.

Какие глубокие морщины на лице Уквуна, Яака и Рынтины! И какие грязные лица и тела! И какая ужасающая грязь вокруг!

Они словно проснулись в новом мире и впервые увидали себя и свое жилище в настоящем свете. Ужасное пробуждение! Логово зверя чище и опрятнее.

Анека вдруг всплеснула руками и запела:

— О, свет! О, радостный свет! О, великий Нуват! Ты не обманул. Ты сделал из ветра маленькое солнце, и оно пришло к нам в юрту и осветило наши лица.

Потом девушка засмеялась и сказала:

— Неужели и я так безобразно грязна, как все? Твои морщины, Рынтина, черны от грязи, а глаза полны гноя. Твоя голова, Уквун, как старый, грязный засаленный мех!

— Да, вам давно пора умыться! — вдруг послышался голос Нувата. — Идите сюда!

Все вылезли из-под полога в «холодное» отделение юрты и вновь вскрикнули от удивления. И здесь «маленькое солнце» ярко осветило то, что веками пряталось в тени: груды костей, объедки, грязь, немытую посуду...

— А здесь как будто стало теплее. Неужели на дворе сразу потеплело? — с удивлением спросил Каравия.

— Да, здесь гораздо теплее! — подтвердила Анека. — Отчего это?

— Идите сюда! — приказал Нуват.

Все подошли к бочке, в воду которой был погружен змеевик. Вода закипала. Закипала без огня! Пар поднимался над

бочкой. Это было похоже на колдовство. Уквун не поверил глазам, опустил палец в воду и вскрикнул от ожога.

Наступила очередь Нувата смеяться.

— А ну, попробуй еще! — сказал он. — Вот вам свет, вот и тепло. Теперь идем наружу, я покажу вам последний подарок ветра!

Чукчи вышли из юрты и в третий раз были удивлены так, как не удивлялись во всю свою жизнь.

Можно было подумать, что несколько звезд упало с неба и повисло на воздухе вокруг юрт и стада, как звездное ожерелье. Собаки выли, удивленные не менее людей.

— Эти маленькие лампочки будут охранять стадо оленей от волков, которые не осмелятся подойти к свету.

Анека снова запела, не боясь мороза:

— О, Нуват! Великий Нуват! Ты сводишь на землю солнце и звезды и ветер превращаешь в горячую воду! Ты самый великий шаман!

Уквун заскрипел зубами от злости. Это было уж слишком. А Нуват засмеялся и сказал Анеке:

— Ты ошибаешься, Анека. Я не шаман, и этот свет не солнце и не звезды. Идемте теперь в юрту, и я расскажу вам о том, что кажется вам чудом.

— А что это гудит? — спросил Каравия, подходя к вращающемуся вингротору.

— Мотор. Я объясню вам и это, идемте.

Длинна полярная ночь, а и ее, кажется, не хватит, чтобы переслушать все, что говорит Нуват.

Анека смотрела на него, не отрывая глаз. Многого она не поняла, но главное было для нее ясно, как яркий свет вот этой лампы, этого маленького домашнего солнца: Нуват принес свет. Нуват принес новую жизнь.

С интересом слушали все, но каждый по-своему. Каравия уже был увлечен, Уквун напуган, а Кителькут соображал и подсчитывал, как отразятся эти новшества на его делах. Катык, старый чукча, который еще верил в духов ветра, солнца, камней и огня, был явно против Нувата.

И когда утомленные слушатели наконец улеглись спать вместе с гостями, погасив электрическую лампу, Катык впотьмах дополз до Уквуна и спросил тихо, в самое ухо шамана:

— Что ты думаешь, Уквун?

— Я думаю, что Нуват принес мне гибель! — так же тихо ответил Уквун.

— Да! — согласился Катык. — Что же делать? Давай выползем потихоньку из юрты и сломаем чертову машину! Скажем — ветер сломал. Ветер — бог! Ветер сильнее человека!

Уквун вздохнул во тьме.

— Не поможет. Одну машину сломаем — Нуват привезет другую. Он такой. Упрям и тверд, как зимний лед. Не сломаешь!

Катык наклонился еще ближе и зашептал, дыша в ухо шамана:

— А если... Нувата и Вайдакова... Кителькут будет доволен. Никто не выдаст, не узнает. Кругом лед и ветер...

— Да. Надо сделать так! — ответил Уквун. — Ты прикончи Нувата, я — Вайдакова. Во сне нетрудно убить их. Нож есть?

— Есть.

— Слышишь, где они спят?

— Да. Ползем!

Уквун и Катык начали бесшумно приближаться к спящим молодым людям, ползя на животе, как змеи, которые хотят ужалить.

Уквун уже дополз до Яка. Старик спал, раскинув руки, и что-то бормотал во сне про солнце. За Яком лежит Нуват... Уквун ощупал ноги Яка, осторожно перебрался через них... Вот и Нуват. Уквун вынул нож, замахнулся и...

В тот же момент яркий свет ослепил его. Уквун от неожиданности выронил нож и упал на тело Нувата. Нуват оттолкнул Уквуна, отбросил нож и спокойно сказал:

— Темные дела творятся в темноте. Что ты хотел сделать, Уквун?

Яркий свет и голос Нувата разбудили спящих. Кителькут приподнялся и с удивлением смотрел на всех: он еще не привык к яркому свету, и ему казалось, что он видит странный сон.

Уквун уже пришел в себя. Он улыбнулся, показав желтые зубы, и сказал:

— Ты так хорошо и долго рассказывал, Нуват, что я забыл поужинать и хотел отрезать кусок тюленьего сала.

— А он тоже хотел поужинать тюленьим салом? — спро-

сил Нуват, указывал на Катыка, который сидел над Вайдаковым, прижимая к груди охотничий нож. — Так-то гостеприимно у вас принимают гостей, Кителькут! — сказал Нуват, обращаясь к Кителькуту.

Тот смутился. В самом деле, можно было подумать, что Уквун и Катык действовали по приказу Кителькута. И хотя Кителькут был бы очень доволен, если бы план Уквуна удался, но теперь он рассердился на шамана и его сообщника за то, что они так неудачно начали задуманное дело и подвели его.

— Уквун! — грозно сказал Кителькут шаману. — Скажи, кто приказал тебе убить Нувата, нашего гостя?

— Никто.

— Слышишь, Нуват? Я невиновен. А ты, Уквун, сознайся: почему ты хотел это сделать?

— Не спрашивай, Кителькут. Ты сам должен знать это. Если в наших юртах засветит солнце Нувата, если он обуздает ветер, то кто придет к старому Уквуну и скажет: «Постучи в бубен!»? Никто не придет, никто не накормит, и старый Уквун умрет с голода, а Уквун жить хочет.

Кителькут подумал, как бы вынося решение, и затем сказал:

— Анека! Оденься. Рынтина пусть тоже оденется. Запрягите две упряжки. Собаки накормлены. Положите в нарты пищи на два дня для собак и двух людей. — И затем, обратившись к Уквуну и Катыку, Кителькут закончил: — Вы понимаете, что вам больше нельзя оставаться в моей юрте?

Катык и Уквун молча начали надевать на себя меховые одежды. Когда они были готовы, Нуват насмешливо сказал Уквуну:

— А бубен! Что же ты не захватишь бубен?

— Ты разбил его! — ответил Уквун, хотя бубен лежал на полке и был целехонек. Нуват понял намек.

Вошла Анека и сказала, что нарты готовы.

Уквун и Катык, отвесив общий поклон, вышли. Никто не пошел провожать их.

Нуват погасил лампу. Все уснули и спали долго, слишком утомленные необычайными событиями.

— Что ты думаешь делать дальше, Нуват? — спросил Кителькут, когда они сидели за «утренним» чаем.

И Нуват рассказал Кителькуту свой план.

Ветер, этот бич полярных стран, превращенный в электрическую энергию, даст чукчам и другим народам Севера свет, тепло, новую, чистую, опрятную и культурную жизнь. Жители полярных и приполярных стран — эти пасынки природы, — грязные и невежественные, живут, как люди каменного века. Этому пора положить конец.

И Нуват размечтался о том, как его дети — их дети будут чистыми, опрятными, грамотными. Как в юрты проникнут книга, газета, радио, знания, культура.

— Но сейчас ветросиловая установка для добывания электричества стоит еще дорого, в особенности сам мотор. Одному оленеводу купить не под силу.

— А сколько? — с интересом спросил Кителькут.

— Около пяти тысяч рублей. При массовом изготовлении цена может быть снижена на треть, а то и наполовину. Сейчас дорого стоит, но это ничего. Это даже хорошо. Одному не под силу, а нескольким семьям под силу. Мы устроим оленеводческие колхозы. Свет лампочки и тепло без едкого дыма будут привлекать людей объединяться. И богатые не смогут больше пользоваться трудом бедных. Вот хоть и ты, Кителькут. Будем говорить откровенно. Мой отец Яяк и моя мать не в силах кочевать без твоей помощи. У Яяка слишком мало собак и оленей.

— А разве я не кормлю собак твоего отца в голодное время? — живо спросил Кителькут.

— Да, — ответил Нуват. — Но что стоит эта помощь Яяку? Он твой раб, твой слуга. Он у тебя на побегушках. А вот когда такие бедняки, как он, объединятся — электрическая лампочка объединит их, — то они...

— Слушай, Нуват! — перебил Кителькут. — Ты говоришь, что твоя машина стоит пять тысяч. Я заплачу тебе эту сумму. Часть деньгами. Даже золотом. У меня еще сохранились царские золотые. А часть мехами. Хорошими мехами...

— Ты чудак, Кителькут! — в свою очередь перебил Нуват. — Разве я купец? И разве я о своей выгоде хлопочу?

— Зачем отказываться и от своей выгоды? Ты и твой товарищ Вайдак — люди молодые. Вам пожить хочется. Вы в город поедете. Город деньги любит. Если вы продадите машину мне и больше никому не будете продавать, или если вы сло-

маете ее, или увезете обратно в город и обещаете мне больше не приезжать сюда никогда, то я вам дам еще пять тысяч...

— Оставь, Кителькут!

— Каждому по пяти! И много шкур. Песцов, лисиц, куниц и белок.

— Оставь этот пустой разговор, Кителькут! Мы организуем наш первый оленеводческий колхоз. К нам присоединятся многие. А ты оставайся один, Кителькут. Нам с тобой не по дороге. Я погашу этот яркий свет, возьму своего отца, мать и еще... — Нуват посмотрел на Анеку, — и мы отправимся собирать бедных чукчей. Прощай, Кителькут! Ты опять останешься со своей вонючей, сальной коптилкой!

Нуват поднялся и начал одеваться. Вайдаков снимал провода и шнуры. Свет погас. Старуха зажгла светильник, который теперь словно подчеркивал густоту мрака.

— Нуват! Я иду в ваш колхоз! — сказал Каравия.

— Отлично! Вот видишь, Кителькут? К нам уже идет народ.

— Я тоже иду с вами! — вдруг заявила Анека.

— Я не пушу тебя! — раздраженно сказал Кителькут.

— Все равно я пойду с ним! — не сдавалась девушка и начала одеваться.

— Собирайся, Рынтина, одевайся, Яак!

— Прощай, Кителькут!

Они уходили. Они ушли... Погас свет. Замолчало веселое воркотание мотора. Тысячелетняя тьма окутала Кителькута...

ЧЕРТОВО БОЛОТО

КУЛИК И БОЛОТО

Было болото. И был мальчик. Болото называлось Чертовым, мальчика звали Панасиком, а по школьному прозвищу Кулик. И в самом деле, как не Кулик: длинноносый, у болота живет и болото хвалит.

Отца у Кулика не было — пропал в Гражданскую войну. Мать умерла еще раньше. Жил Кулик с дедом Микитой, лесником. Их избушка стояла у края соснового леса, на песчаном бугре, а дальше начиналось болото. На Украине много таких

мест: сосна, лесок, сушь, и тут же рядом болото — конца-краю не видно.

До поступления в школу совсем одиноко жил Кулик. Дед, нелюдимый, угрюмый старик, целыми днями пропадал в лесах. Кроме него, Кулик только и видел людей — Панаса Утеклого. Когда-то давно, при царизме, Панас за что-то был сослан на каторгу и бежал оттуда. Так и пошло за ним: Утеклый. Он был веселый, бездомный охотник и балагур. Иногда Утеклый ночевал в избушке Микиты и на ночь пугал Панасика сказками про болотных чертей. Иногда брал с собою на охоту. Но Утеклый неожиданно появлялся, чаще всего по весне и осенью, и так же неожиданно надолго исчезал. И Кулик оставался один со своим болотом. Привык к нему и даже полюбил. Полюбил кислые болотные запахи, болотные вздохи и всхлипывания, болотные мхи и травы: трилистник, сабельник, касатник, осоку, полюбил птиц болотных.

Дед строго наказывал:

— Не шляйся по болоту. В окнище провалишься, пропадешь!

Крестьяне, жившие по соседству, жаловались на Чертово болото: дух от него тяжелый, болеют люди, комары одолевают, скотина гибнет... И столько земли даром пропадает!

— Богом проклята сия земля, — говорили старики.

— Черт плюнул на это место. Плюнул, да копытом растереть забыл. Оттого и болото, — объяснял Утеклый.

Но Панасик, с тех пор как стал ходить в школу, уже не верил ни в бога, ни в черта.

— Болото образуется оттого, что почва пропитывается стоячей водой, — возражал он Утеклому, — или от зарастания рек с медленным течением, озер, прудов. Нам учитель говорил. Растения сперва плавают в воде, образуют зыбуны, на зыбунах появляются торфяные мхи. Зыбуны опускаются, мхи нарастают. И выйдет торфяное болото. Поселяются торфяные мхи и на твердой почве, в сосновых лесах. Так образуется торф. А торф — топливо.

— Образуются, образуются... — ворчал Утеклый, заряжая старое шомпольное ружьецо. — Больно образованные все стали! Мохом топить выдумали... Глупости это все! Болото и есть болото. Чертова плевательница — и больше ничего. От него одна польза — охотнику. Птицы тут действительно сила.

— Ученый человек и от болота пользу получить может, — не сдавался Панасик.

— Получишь! Держи карман, ученый Кулик! Отец твой был лесником, дед лесник, и ты лесником будешь. Так лесником и помрешь, как болотная лягушка. Болото тебя не накормит. Видишь эту траву? Ее и коровы не едят. Болото в люди не выведет.

— Выведет! — упрямо выкрикнул Панасик. Правду сказать, в эту минуту он сам мало верил, что болото может вывести его в люди, но не мог не возразить Утеклому — уж очень за болото обиделся.

— Видал я, как болото людей в люди выводит, — не уступал и Утеклый. — Однажды, когда я из Сибири бежал, пришлось мне на торфяные разработки попасть. Затесался в рабочие, там пачпорта не спрашивали, всякого брали, потому что сезонники на эту работу шли неохотно. Ну и жизнь, действительно! В каторге лучше было, истинное слово! Стоишь по пояс в воде, в грязи, лопатой зловонную жижу выгребаешь. Мошкара, гнус, комары одолевают. Лицо, руки, спина кровью обливаются. И через день-два лихоманка треплет. А работать приходилось от зари до зари. Рабочие — в грязных бараках, почитай, все больны и как сумасшедшие: невесть что лопочут, выкрикивают, горят, как в огне, бредят, значит. Посмотрел я на этот торф, тоска взяла смертная. Хоть на каторгу назад возвращайся! Плюнул, ушел. Только тем и жив остался. Вот оно куда твое болото выводит! Прямым сообщением на погост.

— Это при царизме так было, а теперь будет иначе, — важно ответил Панасик.

— Болото болотом и останется. Что царское, что советское. Тсс!.. Не дыши! Тузик стойку делает!

Разве с Утеклым сговоришься?..

ПЕРВЫЕ ЛАСТОЧКИ

Однажды в начале июля бродил Панасик у края леса возле болота. На пригорке сухо шумят сосны, дубки лопочут своими плотными листьями, осины трепещут, словно топор дровосека увидали. Сзади лес, а впереди болото. Меж острых,

как бритва, жестких болотных трав кое-где вода поблескивает. Местами островки черной, как уголь, земли виднеются — это торф. Там, где июльское солнце подсушило, черный цвет переходит в бурый.

Прилег Панасик на травку, засмотрелся. Летит цапля через болото. Словно белый платок с черными угольками ветром подхвачен и треплется... Ястреб «стойку» делает. Увидали зоркие глаза хищника пичугу малую. Не уйти ей от острых когтей, не укрыться. Трепещет ястреб серыми крыльями, вот-вот камнем вниз кинется... Крикнет пичуга в последний раз...

— Эй, хлопчик! — слышит Панасик и оглядывается.

На дороге, возле леса, стоит экипаж, парой буланых запряженный. В экипаже сидят двое городских с портфелями. Один — толстый, в очках. Другой — худой, на целых две головы выше. А возле экипажа верховой, в серой кепке, черной рубашке, полосатых брюках, внизу сколотых, чтобы вверх не лезли, и желтых башмаках. Не то городской, не то конторщик из соседнего лесничества. Тихо подъехали, не слышно — почва песчаная, мягкая.

Поднялся Панасик, не спеша подошел к экипажу. На Панасике рубашка синяя, латаная, до белизны вылинявшая, короткие штанишки, ноги босы, голова не покрыта. Обыкновенный деревенский мальчик.

— Болото знаешь? По болоту проводить можешь? — спрашивает верховой и прутиком на городских указывает.

— А то нет? — обиженно отвечает Панасик. А у самого от радости сердце екнуло: начинается! Городские приехали, болотом интересуются!

И он важно повел горожан по болоту. Толстый, в очках, ступает с опаской, а худой, высокий, шагает, как цапля.

— Торфа тут до черта, — небрежно роняет Панасик.

— Что-о? — удивляется высокий. — Так ты знаешь, зачем мы приехали?

— Догадаться нетрудно, — отвечает Панасик. — Ружей с вами нет, а чем еще торфяное болото интересовать может.

— А ты откуда о торфе знаешь?

— Я в школе учусь. — Помолчав, Панасик продолжал: — Болот у нас в СССР десять процентов территории. Запасы торфа больше двухсот миллиардов тонн. Семьдесят восемь

процентов мировых запасов. Если разработать, для всех фабрик и заводов на тыщу лет хватит, а то и больше, потому торф растет. И для снабжения районных электростанций хватит торфа. На местное топливо, значит, их перевести.

Недаром Панасик перечитал в школьной библиотечке все книжки о торфе и расспрашивал учителя до тех пор, пока тот не признался, что больше ничего и сам о торфе сказать не может.

Тонкий поворачивается к толстому, который отстал, улыбается.

— Каково? — И тише, чтобы Панасик не услыхал, говорит: — А ведь на вид совсем дитя природы!

Панасик забрасывает тонкого вопросами и узнает, что если торф окажется хорошего качества, а слой достаточной мощности, то здесь будет приступлено к торфоразработкам.

— И машины будут?

— И машины, — отвечает тонкий.

— А торф тут первый сорт, спелый, черный, плотный, — расхваливает Кулик свое болото. Панасик наклоняется, запускает руку во влажную почву, вынимает пригоршню торфа и сжимает в кулаке. Торф легко проскальзывает меж пальцев вместе с водою. Кулик разжимает почерневшие пальцы и показывает пустую ладонь.

— Ничего не осталось! Первейший сорт! Есть места, где торф не весь выходит сквозь пальцы, но остаток темный, вязкий, как тесто. Тоже хороший сорт. А светлых, жестких остатков тут и совсем нет. И ведь это сверху! Внизу же торф всегда лучше, зрелее.

— Вы только послушайте! Не проводник, а эксперт! Хоть сейчас докладную записку пиши! — обращается худой к толстому и затем к Панасику: — Торф действительно хорош. Но какова глубина пласта?

Этого Панасик не знает. Он смущен, немного расстроен и раздосадован на себя. Надо было и глубину поисследовать!

— Ну, это мы узнаем бурением, — отвечает за него худой.

Панасик готов было водить городских гостей по болоту целый день, но толстого мучила одышка.

— Довольно... Ясно! — сказал он. — Идем!

ПАНАСИК ИССЛЕДУЕТ БОЛОТО

Городские уехали, оставив Панасика в самых взволнованных чувствах. Вот тебе и чертова плевательница! О болоте знают уже в городе, интересуются. Скоро на болоте закипит новая жизнь... Эх, если бы сейчас был Утеклый! Но он, как назло, пропал. Говорить ли школьным товарищам или подождать, пока судьба болота не будет решена окончательно? Говорить еще опасно — может быть, еще ничего не выйдет, засмеют, а молчать трудно... Такая новость! И Панасик узнал о ней первым...

В этот день Панасик, забыв о еде, сидел у болота до самого вечера, пока в небе не зажглись звезды, а болото, словно укрываясь от ночной прохлады, закуталось белым одеялом тумана. Назойливо запели комары, будто спрашивая Панасика: «Ну, что? Как? Кто это приезжал на болото?»

Панасик хлопнул по щеке, убил пару комаров и сказал:

— Будет вам всем скоро капут! — Подумав еще немного, он продолжал вслух: — Так и сделаю! Всем не скажу, да теперь ребята и в разгоне. Школа закрыта, кто на огородах, кто над жеребятами шефствует. Назару скажу, Илье скажу, Осипу.

На другой день Панасик сообщил новость нескольким своим товарищам. Они выслушали Панасика с интересом, но к «конкретным предложениям» отнеслись сдержанно. Панасику не терпелось. Он предлагал, не ожидая городских, приступить к исследовательским работам.

— Теперь, ребята, все зависит от того, какой толщины слой торфа будет. Давайте займемся этим делом и узнаем!

— А зачем? — спросил Илья.

— Без нас узнают, — сказал Назар.

Осип оказался любопытнее других.

— Как же ты узнаешь? Будешь яму копать?

— Зачем яму? — ответил Панасик. — Исследование делают буравами и зондами.

— От дождя? — спросил Осип.

— Что от дождя?

— Дождевыми зонтами?

— Не зонтами, а зондами. Зонд! Такая особенная палка.

Илья свистнул и сказал:

— Где же ты найдешь буравы да зонды?

— И искать не буду. Мы так сделаем. Возьмем простую палку, подлиннее, заострим на конце, сделаем на палке надрезы косые и загоним в землю.

Земля набьется в надрезы, палку вытащим и узнаем, на какой глубине какой торф.

Осип подумал и сказал:

— Ничего не узнаешь. Как палка в землю начнет входить, так земля и набьется во все надрезы с верхнего слоя. А что внизу, так и не узнаешь.

Панасик начал объяснять, что надрезы на палке надо сделать так, чтобы они вверх острием смотрели, как сучки, значит, вниз они пройдут свободно, а когда вверх палку потянешь, то они и подцепят землю.

— Все равно земля набьется, как только начнешь палку вниз загонять! — настаивал Осип.

Поднялся спор.

— Да зачем все это? — вмешался Назар. — Ну, узнаем. А дальше что?

— Тогда мы будем знать, что скоро у нас будут торф разрабатывать, — ответил Панасик и, обидевшись, закончил: — Впрочем, как хотите. Я и сам один могу сделать. Только уж вам не скажу, что узнаю.

Это подействовало. Ребята решили принять участие в исследовании. Появились ножи, вырезали палки, и пошла работа. Возились до темноты. Втыкали палки, вынимали, исследовали торф, застрявший в зарубках. На вид образцы внизу и вверху палки мало чем отличались. Везде был торф, черный, маслянистый.

— Я говорил, что не узнаем, — торжествовал Осип.

Панасик, щуря в сумерках глаза, внимательно осматривал последнюю пробу.

— Нет, ты посмотри, — сказал он. — В верхней зарубке торф с корешками, а в нижней чистый и потемней.

— Это тебе в глазах стало потемней. Вишь, звезды на небе. Пора и по домам, ребята, — сказал Осип и зевнул.

Товарищи разошлись, а Панасик все еще оставался на болоте. Он был расстроен.

«Ну и пусть! — думал он, опираясь на палку. — Завтра возьму лопату и начну яму рыть. Сами увидят, что находится в глубине, а тогда уж спорить не будут».

И на другой день, покончив с дневными работами на школьном огороде, он взял лопату, вскинул на плечо и отправился к болоту.

— Куда ты? Торф рыть? Эй, Кулик! — окликнул его Осип.

Панасик молча удалялся.

— Ишь, черт! — сказал Осип. — Айда вместе! Может быть, клад найдем. — И, прихватив лопату, догнал Панасика.

— Торф лучше всякого клада, — сказал Панасик. — У нас богатство под ногами, а мы не интересуемся им.

— А что мы будем делать с этим богатством?

— Что делать? Торф и в хозяйстве пригодится. Торф и на подстилку скоту идет, и на топливо. Вот лес вырубим, чем топить будем?

— Соломой.

— И так соломой топим. А торф лучше и солому сбережет. Да что солому! Торф и уголь сбережет. Ты знаешь, сколько его, угля, для заводов и фабрик надо? Донбасс и так надрывается, не успевает заводы углем снабжать. А торф Донбассу подмога. — Помолчав, Панасик продолжал: — Торфяники скорей леса растут. В один год на миллиметр нарастает. Как будто немного, а посчитай, сколько это выходит, если на одной Украине торфяников шестьсот девяносто тысяч га. Это получится два миллиона семьсот шестьдесят тысяч тонн в год. Ну, давай, что ли, копать будем!

Ребята принялись за работу. Лопаты увязали в корнях растений.

— Это только сверху трудно. Травы, верхний мох — очес называется. Его в первую голову снимут, как торф добывать начнут. Глубже легче будет.

Действительно, когда очес был снят, лопаты начали легко входить в землю.

— Ну и торф! Первый сорт! — восхищался Панасик, отбрасывая черные комья. — Мы его высушим, посмотрим, как гореть будет.

Чем глубже копали ребята, тем жиже был торф, тем больше яма наполнялась водою. Было уже трудно выбрасывать торф. Черной жижей он стекал с лопаты.

— Эх, дьявол, вода мешает! — ворчал Панасик. — А и без воды не обойдешься. Без воды и торфа не будет. Вода препят-

ствует доступу кислорода, от этого корешки растений и мох в торф обращаются.

— Тут не лопату, а ведро надо, — сказал Осип и бросил лопату. Рыть глубже было невозможно. Пришлось оставить начатую работу. Попробовали в другом месте — та же история.

— Давай, что ли, лопату, заодно отнесу в школу, — сказал Осип.

Вздохнув, Панасик отдал лопату.

— Без зонда ничего не поделаешь. Придется ждать, пока из города инженеры приедут!.. — Весело насвистывая, Осип ушел.

Панасик вновь остался один. Он снял руками верхний жирный слой отвороченного торфа и сделал из более плотного кирпичики.

— Пусть сохнут!

НАЧАЛОСЬ

Прошел август, начались занятия в школе, а о городских ни слуху.

— Ну, что же твои торфоразработки, болотный шеф? — как-то спросил Назар.

Шутка понравилась. Ребята засмеялись. И с этого времени кличка «Кулик» сменилась новой: «шеф над болотом» или «болотный шеф».

Ребята перестали интересоваться торфом.

И вот, когда уже сам Панасик терял надежду, неожиданно в конце сентября приехали долгожданные гости. Панасик, подходя к болоту, еще с пригорка увидал их.

Очевидно, приехали они еще с утра, вместе с рабочими и материалом, так как успели сделать немало. В нескольких местах над скважинами стояли копры, треноги, а в одном месте даже небольшая вышка. Бурав был прикреплен к вышке канатом, от вышки в сторону шел деревянный рычаг с несколькими веревками на конце, спускающимися к земле. Рабочие, взявшись за концы веревок, поднимали рычагом бурав и затем под строго ритмическую песню опускали. При каждом ударе бурав все глубже уходил в землю.

У Панасика даже дыхание перехватило. Вот когда начинается!.. Он подошел к вышке и увидал старого знакомого — худого инженера, который приезжал в июле. И инженер узнал Панасика.

— А, торфовед пожаловал. Ну, здравствуй, как живешь?

— Помаленьку, — важно отвечал Панасик и спросил возможно спокойнее, хотя у самого сердце колотилось от волнения: — Толст ли пласт торфа?

Панасик напряженно ожидал ответа, словно его собственная судьба решалась.

— Толще тебя! — весело ответил инженер. — Почти два метра пробили, все еще один чистый торф. Богатые залежи!

— Значит... — и у Панасика перехватило дыхание, — значит, торфоразработки здесь будут?

— Будут, будут! Непременно будут. Теперь твое болото в гору пойдет.

Панасик готов был расцеловать инженера.

— Долго вы не были! — сказал он с ласковым упреком. И неожиданно для себя добавил: — Меня и то уж ребята дразнят: «шеф болотный».

Инженер рассмеялся.

— Пусть дразнят! А ты вот возьми да и предложи, чтобы вся ваша школа шефство над болотом взяла. Вы тут рядом живете. Вам надо присматриваться к делу, изучать. Нам и рабочие нужны будут, и специалисты нужны. Институт торфа тут строить будем. Инженерами вас поделаем, а тебя первого. Ха-ха-ха!

Панасик не мог понять, шутит ли инженер или говорит серьезно о шефстве школы, торфяном институте, об инженерстве. Но что «болото пойдет в гору», в этом Кулик не сомневался.

— Вы скоро уедете? — спросил Панасик.

— Денька два-три еще поработаем, — отвечал инженер.

Панасик переступил с ноги на ногу, словно не решаясь говорить.

— Вот. А можно мне ваш адрес узнать?

— Отчего же, можно. А зачем? — спросил инженер.

— Да вот... Если шефство школы... Может быть, написать вам...

— Отлично. Милое дело! — Инженер вынул блокнот, на-

писал адрес и передал Панасику. — Вот, возьми! Павел Николаевич Горобец. Так меня зовут. Так пиши!

— Непременно напишу!

Городские уехали так же неожиданно, как и приехали. Когда Панасик на третий день утром — в школе занятий не было — пришел на болото, оно было по-прежнему пустынно. Даже копры убраны. Панасик знал, что это ненадолго, и все же ему стало грустно. Одинокая цапля широкими взмахами крыльев пересекала болото. Эскадрилья журавлей тянулась на юг. До весны теперь все останется по-старому...

Но Панасик ошибся. Осенью, когда уже пошли дожди и дорога испортилась, болото вновь оживилось на несколько дней. Назар сообщил, что колхозные волы отправлены на станцию: получена машина для болота.

— Завтра чуть свет и повезут!

Панасик впервые за все время не пошел в этот день в школу. Он должен был видеть своими глазами, как повезут машину.

Это было невиданное зрелище. Несколько десятков пар сизых волов везли большой локомобиль, поставленный на специальную колесную платформу. Колеса платформы увязали в грязи. Под них подкладывали доски, бревна, хворост, на пути настилали гати. Несколько раз казалось, что локомобиль вот-вот опрокинется. Десятки людей бросались к нему и поддерживали толстыми жердями. Шум, крик до хрипоты, тяжелое дыхание волов, потные лица людей, выпученные от натуги глаза, суета, смех и свист зевак...

От станции было недалеко, но перевозка продолжалась до позднего вечера. На место прибыли в сумерки, и выгрузку отложили до другого дня. А когда вечером назавтра Панасик пришел к локомобилю, он уже стоял на земле, укрытый тесом, так что рассмотреть его нельзя было. Под этим прикрытием машина должна была простоять до весны, чтобы ранней весной, как только оттает земля, приняться за работу.

Панасик каждый вечер навещал машину. Однажды, на заходе солнца, он услыхал выстрел и увидал человека с собакой и ружьем. Это охотился со своим Тузиком Утеклый.

— Эй! Эй! Уте-е-клый! — крикнул Панасик.

— Это что? — неодобрительно спросил Утеклый, подходя к Панасику и указывая прикладом ружья на локомобиль.

— Машина! Торф разрабатывать будут! — ответил Панасик.

— Ах, черт вас раздери! Пропала теперь охота!

ШКОЛА — БОЛОТНЫЙ ШЕФ

Пришла зима. Мороз затянул узорами стекла окон. На дворе бушевала вьюга, а в школе было тепло. Ребятам казалось, что как-то по-особенному тепло. Потому что топили торфом, заготовленным на зиму самими школьниками. Для этого топки печей были переделаны.

Панасик делал в школе доклад о значении торфа в промышленности. Ребята слушали его с большим вниманием. Всем уже было известно, что с весны начнется разработка торфа. Об этом говорили, к этому готовились.

После доклада Панасик долго отвечал на вопросы, а потом выступил с предложением:

— Товарищи! Наша школа имеет сельскохозяйственный уклон. Я думаю, что нам теперь необходимо ввести и другой уклон — торфяной. Будем изучать торф, способы его добычи, его промышленное применение.

Предложение Панасика было одобрено и принято единогласно.

Болото причинило школе немало забот. Школа не была вполне подготовлена к новому — торфяному — уклону. В маленьком школьном физическом кабинете не хватало многого. Химических опытов по-настоящему нельзя было поставить. А надо было проводить химические анализы почв, торфа. По многим вопросам учитель Глеб Алексеевич сам не был подготовлен. Затрудняясь ответить ребятам, он разводил руками и, улыбаясь, говорил:

— Ну что ж, ребята, будем вместе овладевать техникой!

И он писал в наробраз, выписывал руководства, книги, химическую посуду и вещества. Панасик вел оживленную переписку с инженером Горобцом. Получал от него книги, указания, советы. Работа кипела, как никогда.

Как ни много работали ребята, а зима тянулась долго: уж очень ждали весны.

НА ТОРФОРАЗРАБОТКАХ

Наконец наступила и весна. На болоте появились рабочие, выстроили бараки, кухню, сняли тес с локомобиля. Приехал машинист, товарищ Чашкин. Панасик быстро сдружился с ним и с его помощью начал изучать машину.

Она несколько разочаровала его. Панасик ожидал «сверхстандарта»-гидроторфа. Перед ним же был старенький локомобиль, приспособленный для добывания торфа. Маленькие колеса локомобиля стояли на двух парах рельс со шпалами под ними. От локомобиля вниз шел экскаватор, поддерживаемый краном при помощи цепей на блоке. Рабочие вручную лопатами набрасывали торф, который экскаватором поднимался вверх и сбрасывался в ящик, где торфяная масса растиралась и поступала оттуда на формовочные металлические доски: на одну доску торф падал, другая прижимала сверху, и торф формовался в плитки. Формовочные доски с торфом подавались тросами на поле, где плитки раскладывались для сушки. Машина, извлекая торф, прокладывала широкую и глубокую траншею. Выбрать торф до конца мешала вода. Приходилось часть оставлять для более совершенных машин. Выбрав торф, сколько было возможно, локомобиль передвигали назад. Для этого первая пара рельс переносилась назад вместе со шпалами, рельсы на стыках сворачивались, Панасик давал свисток, локомобиль пронзительно кричал, как настоящий паровоз, и очень медленно передвигался. Работала машина на торфяном топливе.

На локомобиле была своя небольшая динамо-машина, освещавшая по ночам место разработки и сушки: работы производились в три смены. Десяток столбов с проводами и электрическими лампочками протянулся от локомобиля по болоту.

Горобец приехал только в конце мая.

— Павел Николаевич, — сказал Панасик, поздоровавшись с ним, — а ведь я ожидал, что будет настоящий гидроторф!

— Будет, будет. Подожди маленько. Едет настоящий «классон». Тогда заработаем — только держись. За мной едет. Я приехал устанавливать.

Через несколько дней прибыли и новые машины.

— Вот это да! — мог только восхищенно сказать Панасик, когда они заработали.

Две водяные струи под давлением пятнадцати атмосфер, словно заливая невидимый пожар, размывали торфяные залежи, вымачивая массу из пней. Пни убирались гусеничными пеньевыми кранами. Густая, размытая торфяная залежь — гидромасса — высасывалась из карьера торфососом, подвешенным к береговому крану, оттуда переходила в растиратель и затем, после обработки гидромасса особыми тонкостенными трубопроводами, переправлялась на дренированные канавами поля сушки, где она разливалась ровным слоем в двести миллиметров толщиной. Когда масса подсыхала, по ней проезжал трактор и формовал высокими шпалами гусениц торф в кирпичи.

Несмотря на то что вся установка вырабатывала за сезон почти сто тысяч тонн, рабочих было немного — все работы были механизированы. В залитых водою траншеях разводили мелкую рыбу, чтобы она поедала личинки комаров. Комары истреблялись и машинным, «американским» способом; сильный прожектор привлекал по ночам мириады комаров. Вблизи лампы мощный вентилятор всасывал насекомых в особый мешок, где они и гибли. Не только торфоразработки, но и окружающая местность оздоровлялась от «лихоманок».

Однажды, уже осенью, Панасик увидал Утеклого. Он шел, опустив голову, как и его Тузик. Ягдташ был пуст. Утеклый посмотрел на Панасика, махнул безнадежно рукой и сказал:

— Прощай, хлопец! Надо утекать и отсюда!

— Аль чертова плевательница не нравится? — не мог не съязвить Панасик.

Прошло несколько лет.

Болото постепенно изменяло и местность, и людей, и их быт.

Недалеко от болота, в сосновом лесу, на холме выросло каменное двухэтажное здание — Институт торфа. За лесом появилась большая электростанция, работавшая на торфяном топливе. Еще дальше поднялись выше леса трубы заводов: огнеупорного кирпича, изоляторов из местного каолина, фос-

форитных удобрений. Заводы работают на торфяном топливе и питаются энергией торфоэлектростанции.

Колхозы все менее становятся похожими на деревни. Выстроены: первый дом-коммуна, клуб, новая школа, ясли, больница — светлые, просторные здания, освещаемые электричеством и отапливаемые торфом. Сельские работы все более электрифицируются.

Изменилась местность, изменились и люди. Не узнать Панасика Кулика — «болотного шефа» — и его товарищей. Почти все они вошли в первый выпуск окончивших Институт торфа и работают по торфу. Назар и Осип служат в Харькове, Панасик — теперь Афанасий Федорович, инженер, остался верен болоту: он руководит всеми работами.

Жив еще и его дед, хотя и сильно постарел. Он не расстается со своей лесной избушкой, но по вечерам она теперь ярко освещена электричеством, а над крышей протянулась антенна. Любит в зимний вечер старый Микита послушать радио. Куда занятней, чем завывание бури да вой волков.

Панасик навещает иногда старика и вспоминает свои детские годы. Жаль — пропал Утеклый. Уж очень хотелось бы Панасику повидать бродячего охотника и сказать ему:

— А ведь советское болото не то что царское — вывело-таки меня в люди.

РЕКОРДНЫЙ ПОЛЕТ

ПОЗДНИЙ ГОСТЬ

На широком письменном столе, заваленном книгами и рукописями, мягко зазвонил телефонный звонок. Профессор Эдвин Бусс поморщился — он не любил, когда ему мешали во время работы, — и протянул руку к телефону.

— Алло! — услышал он чей-то крикливый голос. — Профессор Бусс? Здравствуйте, профессор! Говорит с вами Файнс. Вы не знаете Файнса? Редактор «Ежедневной вечерней почты». Вы разрешите зайти к вам? Простите, что так поздно. Раньше не мог. Выпускал номер газеты. Я сижу в кафе против вашего дома. Через пять минут я буду у вас!

«Удивительный народ эти газетчики. Даже не дождался ответа, можно ли прийти. Что ему надо?» — подумал Бусс, вешая трубку телефона.

Ровно через пять минут Файнс входил в кабинет профессора. Редактор был полный, очень подвижный человек. Он извинился, удобно уселся в кресле у стола и, закурив огромную сигару, начал дымить и говорить:

— Мы читали ваше объявление вчера в утренних газетах. Это, конечно, позор для нас. Вся Европа штурмует стратосферу, Советская Россия не отстает, а у нас до сих пор ни одного полета.

«Так вот зачем он пришел», — подумал Бусс и оживился. Редактор Файнс затронул самое больное место Бусса. В последнее время Бусс много работал над изучением природы космических лучей. У него была своя теория. Для проверки этой теории ему необходимо было совершить полет в стратосферу. Но денег для этого не было. В стране был кризис. Университетская касса была пуста. Правительство отказалось дать деньги для полета. И Бусс обратился через газету за помощью к обществу, к богатым покровителям науки. Зная практичность своих соотечественников, он уверял, что изучение космических лучей имеет значение не только для чистой науки. Бусс намекал, что полет в стратосферу может дать огромные ценности, которые помогут вывести страну из кризиса.

Но, увы, на этот горячий призыв никто не откликнулся.

— Наша газета готова прийти вам на помощь — дать вам средства на осуществление полета в стратосферу... — продолжал Файнс. Бусс сделал нетерпеливое движение в кресле и впился глазами в собеседника. — Но только на известных условиях, дорогой профессор. Коммерческая сделка, вы сами понимаете. Мы с вами подпишем соглашение...

— Какого содержания? — спросил Бусс, стараясь не выдать своего волнения.

— О, условия, я полагаю, будут вполне приемлемы для вас. Первое: вы предоставляете нам исключительное право печатать в нашей газете ваши радиосообщения с аэростата. Приемлемо? — Бусс молча кивнул головой. — Второе: вы должны побить все рекорды высоты... Пикар поднимался на 16 370 метров?

— Шестнадцать тысяч сто четырнадцать.

— Так. Вы поднимитесь выше. На семнадцать. Нет, на двадцать тысяч метров. Надо брать с запасом. Ведь скоро предстоят новые полеты.

— Двадцать тысяч метров! — воскликнул Бусс, откидываясь на спинку кресла. — Это много. Это слишком много, я бы сказал — невозможно. Это ломает все мои расчеты...

— А вы пересчитайте, на то вы и ученый! — ответил Файнс. — Вы знаете, что наша публика падка на рекорды. Кто понимает в космических лучах из наших читателей? А рекорд высоты — утереть, так сказать, нос всей Европе — это понятно и клерку, и мальчику, работающему на лифте. Тираж газеты поднимется, и мы надеемся окупить расходы на вашу экспедицию.

— Ну, допустим, я приму и этот пункт. Дальше? — спросил Бусс, все более и более волнуясь.

— А дальше как во всех коммерческих договорах, — затараторил Файнс, — неустоечка. Даже не неустойка. Просто маленькое условие о том, что если вы не поднимете на двадцать тысяч метров, то половину расходов вы оплачиваете сами. Вот и все.

— Позвольте, но у меня таких средств нет! — воскликнул Бусс.

— Найдутся, — уверенно ответил Файнс. — Простите, но мы навели кое-какие справочки. На то мы и коммерсанты.

Это была правда. У профессора Бусса имелись «кое-какие средства», пожалуй, вполне достаточные для покрытия половины расходов.

— Но ведь я буду разорен!

— Зачем же разоряться? Наполните шар газом потуже, и дело сделано. Наконец, вы можете принять в компанию на тех же началах своего товарища по полету. Не один же вы полетите. А выйдете победителем — мы издадим вашу книгу на льготных для вас условиях. Получите кругленький капиталец.

— Ну, а если мы погибнем во время такого рекордного полета?

— Отлично, — вырвалось у Файнса, — ведь это была бы сенсация! То есть я хотел сказать, что вы, то есть ваша семья,

ничего не потеряете. Мы застрахуем вас на свой счет. Сто тысяч долларов! Мало? Двести! Так по рукам?

— Я... подумаю, — ответил Бусс, тяжело дыша. — Завтра утром я позвоню вам в редакцию. В одиннадцать часов.

Файнс раскланялся и исчез. Бусс нервно зашагал по своему кабинету.

Затем он позвонил своему ассистенту Кемблю и, несмотря на поздний час, просил его немедленно приехать.

Они совещались до трех часов ночи.

Наутро Бусс сообщил по телефону Файнсу о том, что он согласен.

— Отлично! — ответил Файнс. — В сегодняшнем вечернем номере газеты будет напечатана первая статья о вашем полете, она уже готова!

В ПОГОНЕ ЗА РЕКОРДОМ

Договор был подписан. Бусс и Файнс поспорили только о месте отлета. Файнс настаивал на окрестностях столицы — больше шума. Бусс, ссылаясь на свои научные задачи, предполагал подняться на далеком севере, у Полярного круга. На этот раз Файнс уступил.

Но в коммерческой части Файнс ни в чем не уступал. Он хотел, чтобы все обошлось подешевле. Бусс возмущался. Ни о безопасности полета, ни о научных работах Файнс не заботился. Однако отступать было уже поздно. Файнс успел оповестить весь мир о предстоящем необычайном полете.

Отлет состоялся с Аляски. Пять собственных корреспондентов газеты и десять собственных фотографов и кинооператоров увековечили момент этого отлета.

Стропы были выпущены из рук державших, шар быстро стал подниматься. Бусс и Кембль остались одни в герметически закрытой гондоле.

Несмотря на полярное лето и незаходящее солнце, в гондоле было холодно. Пришлось включить электрическую печь и выпустить из баллонов немного кислорода — наружный воздух был холоден уже на высоте семисот метров, и пускать его в гондолу было невозможно.

Бусс работал с аппаратами, исследуя космические лучи,

состав и электризацию атмосферы, действие солнечных лучей. Кембль был занят наблюдением за полетом.

Вылетели в двенадцать ночи. Через пятнадцать минут Кембль, глядя на барометр, сказал:

— Подъем очень медленный. Мне это не нравится, Бусс. Вы все-таки сделали ошибку. Надо было подняться с более южных широт. Там плотный и теплый воздух живо вынес бы нас на высоту.

Ни он, ни Бусс не забывали о рекорде.

Электрическая печь работала плохо. В гондоле было так холодно, что выдыхаемые пары смерзались. В гондоле пошел снег, стены покрылись инеем.

— Мы не поднялись еще и на тысячу метров, а уже превратились в сосульку, — возмутился Кембль. Руки не слушались его. Ноги закоченели.

Солнечные лучи понемногу нагревали шар, он округлялся и быстро шел вверх. Облака остались далеко внизу. Только легкие белые островки перистых облаков встречались еще на пути в стратосферу. Ученые углубились в занятия. Они быстро переходили от аппарата к аппарату — барометрам, актинометрам, хронометрам, трубкам Гейгера, картам, фотоаппаратам. Их руки играли на этих аппаратах, как пальцы пианиста на клавишах. Надо было и вести наблюдения, и записывать. Через каждые пять минут звучал рупор радиостанции. Файнс напоминал о себе. Ученые ворчали, что разговоры с Файнсом у них отнимают время.

— Высота восемь тысяч метров. Наружная температура шестьдесят градусов Цельсия ниже нуля. Внутри кабины — минус два. Со своей экономией вы заморозите нас, Файнс! — рапортовал далеко не дружелюбным тоном Кембль.

— Погреться горячим молоком, что ли?

Ученые выпили молока, съели по плитке шоколада и по пирожку с фруктовой начинкой и вновь взялись за работу. Но все усиливающийся холод мешал. А они еще не достигли и пикаровского рекорда.

14 700. И это не малая высота.

Кембль выглянул в иллюминатор. Перед ним было необычайное зрелище. Горизонт открывался почти на 500 километров. Внизу лежала дикая страна, изрезанная горами. Блестя-

щей змеей сверкал Юкон. А на севере поблескивало в тумане море Бофора. Небо было темно-синее, почти черное, а солнце совершенно белое, ослепительно-яркое. Это было небо и солнце, каких никогда не видят люди с земли.

Кембль вновь принялся за работу, но тотчас отбросил вечное перо, которым вел запись, и выбранился.

— Совершенно невозможно. Пальцы мерзнут даже в перчатках.

— К счастью, я закончил свои наблюдения! — сказал Бусс. — Интереснейшие данные. Моя теория подтверждается. Результаты нашего полета ошеломят мир, когда мы опубликуем их. В сущности говоря, мы могли бы и начать спуск. Какая высота?

— Восемнадцать семьсот тридцать пять. Нам не хватает еще 1265 метров, Бусс, мы не можем спускаться.

У Бусса посинел нос. Бусс взглянул на аппараты и сказал:

— Шар больше не поднимается. Он идет на одной высоте. Балласт израсходован весь.

— Вы хотите начать спуск? — спросил Кембль, и в его голосе послышались враждебные нотки.

— Я полагаю, что это самое разумное и неизбежное, — ответил Бусс.

— Я не позволю этого сделать! — воскликнул Кембль. И глаза их встретились.

— То есть как вы не позволите? — спросил Бусс с удивлением и некоторой тревогой.

РАСПЛАТА

Что сделалось с Кемблем? Или кислород так подействовал на него?

Сам Бусс от кислорода приходил в приятное возбуждение. Но, очевидно, кислород не на всех действует одинаково. Кембль был раздражен с самого начала полета, и это раздражение все нарастало.

— А вот так и не позволю, — ответил он Буссу уже с нескрываемым гневом. — Вы богаче меня и сможете уплатить неустойку, а меня она разорит. Вы знаете, у меня большая семья...

— Но если мы с вами погибнем, наши семьи...

— Мы не погибнем, если будем решительны. Трусам место в жарко натопленных кабинетах, а не в гондолах аэростатов. У нас найдется достаточно балласта. Мы выбросим инструменты, которые нам уже не нужны, выбросим посуду, кое-что из одежды...

— Но кабина закрыта герметически. Не собираетесь же вы вылезать на шестидесятиградусный мороз?

— Я именно это и собираюсь сделать. В Верхоянске мороз еще больше бывает, и ничего, живут люди.

— Вы с ума сошли, Кембль! На такой высоте нет атмосферы!

— У нас есть маски. Мы наденем их. — И Кембль начал поспешно надевать маску, соединенную трубой с кислородным баллоном. — Если не хотите задохнуться, поспешите надеть и вы! — сказал он и начал собирать инструменты. Бусс, как загипнотизированный, надел маску.

— Да нет, это невозможно! — вдруг сорвав маску, воскликнул Бусс. — Я не позволю вам открыть люк! Это безумие!

Не снимая маски, Кембль сделал угрожающий жест и, собрав инструменты, поднялся по лесенке к люку.

С решимостью отчаяния Бусс рванулся к Кемблю, схватил его за ногу и стянул вниз. Завязалась борьба. Кембль был моложе и сильнее Бусса и скоро справился с ним. Он отбросил Бусса в угол гондолы, снова собрал инструменты и открыл люк. Кислород с шумом вылетел из гондолы. Холод, как вода прорвавшейся плотины, мгновенно наполнил гондолу. Кембль выбросил инструменты. Шар рванулся вверх. Быстро спустившись с лесенки, Кембль проверил высоту. 19 950. Только пятидесяти метров не хватает. Кембль словно обезумел. Он собирал все, что попадало под руку К своему ужасу, Бусс заметил, что Кембль ухватил и путевой журнал с научными записями. Собирая силы в скованном холодом теле, Бусс бросился к Кемблю, но тот уже был на верхней ступеньке. Счастливая мысль озарила Бусса: пока Кембль был наверху, Бусс, накрутив кое-как на руку вожжу от спускового клапана, рванул ее. Шар начал опускаться. В ту же минуту Кембль упал с лесенки на пол гондолы...

У Берингова пролива рыбаки выловили плававшую возле полупустого шара гондолу.

В гондоле лежали в беспамятстве два окоченевших человека.

Кривая прибора для записи высоты отмечала «потолок»: 19 975.

ВСТРЕЧА НОВОГО, 1954 ГОДА

— Это было в тысяча девятьсот пятьдесят втором году, в ночь под пятьдесят третий. Я был тогда студентом, жил на Фонтанке, в новом доме-коммуне студентов-электротехников. Группа товарищей, кончавших институт, встречала Новый год у меня.

Летом пятьдесят третьего года мы должны были получить звание инженера и разлететься в разные стороны. Естественно, мы заговорили об этом. Куда занесет нас судьба?.. Увидимся ли мы в следующую ночь под Новый год?

И надо же было мне выступить с таким необдуманным предложением.

— Товарищи! — сказал я. — Давайте дадим друг другу слово, что, где бы мы ни были, ровно через год, в 24 часа каждый из нас будет сидеть за своей приемно-передающей радиостанцией, и я всех вас поздравлю с Новым годом, а потом передам это поздравление от каждого каждому.

Мое предложение было принято почти единогласно. И только один мой друг Глебов тряхнул своей черной курчавой головой, засмеялся и воскликнул:

— Я против, потому что твое предложение в той форме, как ты его сделал, совершенно невыполнимо, неосуществимо.

— То есть как это неосуществимо? — спросил я. — Разве мы не беседуем друг с другом по радио каждый день? Разве наши радиостанции...

— Он просто очень плохого мнения о всех нас, — сказал, смеясь, один из гостей. — Глебов уверен, что, разъехавшись, мы тотчас забудем друг друга.

Глебов вложил свою руку в мою и промолвил:

— Ну, вот что. Если ты еще и сейчас не понял нелепости своего предложения, то надо наказать тебя за твою недогадли-

вость. Хочешь пари на шар-прыгун? Я утверждаю, что ни одного из нас ты сам не поздравишь с Новым годом вовремя — ровно в полночь.

Это был уж вызов, а я был горяч и принял пари.

На другой день, чтобы не забыть, я достал новый — на 1953 год — перекидной календарь и на последнем листке, 31 декабря, написал красным карандашом:

РОВНО В ДВЕНАДЦАТЬ
ЧАСОВ ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА ПО РАДИО.

Все в порядке...

Пятьдесят третий год начался, и дни побежали за днями. Зиму сменила весна, весну — лето, мы получили аттестаты и действительно разбрелись в разные стороны. В Ленинграде остались только я — аспирантом института — и два товарища, которые должны были стажироваться радистами на стратопланах, — Питт и Алиев. Пока они работали в лаборатории. Первый же их полет предполагался не ранее конца года.

И вот, 30 декабря, за день до кануна нового, 1954 года, ко мне в комнату вбежали радостно возбужденные Питт и Алиев и сообщили, что сегодня в полночь они летят в первый кругосветный полет на стратопланах — один из них в восточном направлении, другой — в западном.

— Но так как весь полет продлится не более двадцати четырех часов, то мы надеемся, быть может, с небольшим опозданием встретить Новый год с тобою, — сказал Питт. — Ты помнишь, конечно, о пари?

— Разумеется, — отвечал я.

— Мы будем свидетелями. А теперь прощай, спешим. Итак, до полуночи через сутки.

И они быстро ушли.

На другой день, 31 декабря, в двадцать три часа пятьдесят минут я уже сидел в боевой готовности у радиоаппарата. Рядом с аппаратом стояли выверенные часы и лежал список товарищей, которых я должен поздравить с Новым годом. Против каждой фамилии отметка — длина волны его радиостанции.

Посмотрев на этот список, я впервые почувствовал, что могу проиграть пари. Мне нужно было поздравить человек

пятнадцать. Для каждой станции надо «перестраивать волну». Как ни быстро это делается, а «ровно в полночь» всех не поздравишь. Впрочем, ведь Глебов утверждал, что я вовремя не поздравлю ни одного. Посмотрим...

Ровно в 24 часа ноль секунд я послал первый новогодний привет московскому товарищу.

— Увы, мой друг, ты опоздал со своим поздравлением по крайней мере на полчаса, — услышал я его ответный голос, — в Москве мы уже встретили Новый год.

Быть может, у него часы неверны... Но мне некогда было раздумывать. Я уже поздравляю саратовского друга.

В ответ я услышал веселый свист и слова:

— В Саратове уже целый час Новый год.

И я сразу понял все. Каким же я был олухом, заключив столь необдуманное пари. Я упустил из виду разницу между ленинградским и местным временем. Конечно, я хорошо знал об этом. Но как в старину говорили, на всякую старуху бывает проруха. Оскандалился.

Мне больше ничего не оставалось, как из упрямства продолжать свои поздравления. А отчасти меня и самого заинтересовала эта «проверка местного времени».

Свердловск мне ответил, что у них прошло два часа с наступления нового года.

Сердитый друг из Омска спросил меня, какой это олух будит его в три часа ночи.

Иркутск — тоже не очень ласково — ответил, что в пять часов утра с Новым годом не поздравляют.

Хабаровский друг поспешно ответил:

— Благодарю. Допиваю утренний чай. Спешу на работу. Семь утра.

А зимовщик на острове Врангеля сообщил, что мое поздравление застало его во время десятичасового утреннего завтрака.

Дальше. Но дальше у меня на востоке не было друзей, и я направил свою волну на запад. Здесь меня преследовала неудача.

Берлинский друг сказал мне, что я поторопился со своим поздравлением: у них в Берлине еще 23 часа 31 декабря 1953 года.

Этот ответ вселил в меня слабую надежду, что я еще могу выиграть пари хоть наполовину, — поздравить хотя бы одного — берлинского товарища, дождавшись, когда в Берлине будет ровно полночь. Но эта надежда, конечно, тотчас лопнула: увы, берлинского друга я мог бы поздравить вовремя по-берлински, только когда мои часы показывали бы уже около часа ночи, то есть не вовремя по-ленинградски...

Мои радиоволны уже без надежды на успех летели на запад...

В комнату быстро вошли два мои друга-радиста.

— Мы, кажется, немного опоздали. Это вина уж не стратоплана, а автомобиля, который вез нас от аэродрома. Мы ползли с черепашьей, земной скоростью, — сказал Алиев, летевший в западном направлении.

— Лучше поздно, чем никогда, — сказал я. — Поздравляю с Новым годом!

— С Новым годом? — переспросил Алиев. — Прямо не знаю, что тебе ответить — принять ли это поздравление? Я бы мог побиться на какое угодно пари, что сегодня все еще 30 декабря, самое большее, — он посмотрел на часы, — десять минут 31 декабря 1953 года.

— Никогда не заключай пари, — меланхолически ответил я. — Но ты, Алиев, меня удивляешь. Ты не только готов отрицать наступление нового года, но утверждаешь, что сегодня даже не 31, а 30 декабря истекшего года.

— Суди сам, — ответил Алиев, — я вылетел на стратоплане в западном направлении ровно в полночь 30 декабря. Так? И что же? С того момента, как я полетел, я готов биться об заклад, что время стало...

— Никогда не бейся об заклад. Но объясни, как это время стало. Часы перестали идти? — спросил я его.

— Нет, положим, часы шли как всегда. И по часам как будто и прошли сутки со времени моего отлета. Часы шли, а время не шло. Я находился в пути двадцать четыре часа как будто. Но я не видал восхода солнца, словно оно куда-то провалилось, я не видал дня. Целые сутки продолжалась непрерывная ночь. Можно было подумать, что я нахожусь на Северном полюсе. Но и в полярную ночь время движется, — движется луна на небе, движутся звезды. А во время моего полета небо словно застыло, небесные часы остановились. Звезды видны были прекрасно, я делал наблюдения над ними точнейшими навигационными инструментами — и ни малейшего склонения. Вот та звезда, — он показал в окно, — как сейчас стоит, так и простояла весь путь неподвижно. Ну, разве после этого нельзя сказать, что я выиграл у жизни сутки? — смеясь, закончил он.

— Ну, а с тобой что случилось? — спросил я Питта, летавшего в восточном направлении.

— Со мной, — ответил Питт, — случилось, пожалуй, еще более необычайное. Если Алиев отказался принять твое поздравление потому, что, по его мнению, остались еще целые сутки до встречи Нового года, то я готов биться об заклад...

— Не бейся об заклад! — упрямо повторял я.

— Я все-таки готов биться об заклад, что сегодня уже... — он посмотрел на часы — было 15 минут первого, — что сейчас уже 2 января 1954-го.

Я почувствовал, что у меня голова начинает пухнуть от этих встреч Нового года.

— Вы меня с ума сведете! — воскликнул я. — Как это 2 января?

— Да вот как. За двадцать четыре часа я прожил двое суток. Слыхал ли ты о чем-нибудь подобном? Этак я вдвое быстрее состарюсь, если всегда буду летать в восточном направлении.

В продолжение одних суток я дважды видел восход и заход солнца. Каждый этот день и каждая ночь длились — по моим часам — всего по шести часов. Да, я пережил за одни сутки двое «укороченных» суток. И сейчас для меня 16 минут третьих суток — 2 января.

— Вот так история! — воскликнул я, пытаясь разобраться во всем этом. И в тот же момент я услышал голос Глебова — он, злодей, не забыл о пари.

— Алло! Что же ты не поздравил мѐня с Новым годом? Проиграл пари!.. — Глебов засмеялся. — Ты проиграл бы его, милый друг, даже в том случае, если бы поручился, что поздравишь ровно в полночь товарища, живущего на другом конце Ленинграда, потому что в таких больших городах, как Москва и Ленинград, в восточной части города новый год наступает по крайней мере на полминуты раньше, чем в западной.

— Стоит ли спорить о полминутах и даже часах, когда вот тут у меня сейчас Алиев и Питт спорят о том, какая сегодня ночь — с 30-го на 31 декабря прошлого года или с 1-го на 2-е нового года? Тут, братец ты мой, разница в несколько суток.

— На этом меня не проведешь, — отвечал Глебов. — Алиев летел на запад со скоростью вращения земли — в направлении, обратном этому вращению. Ясно, что для него звезды как бы неподвижно стояли над стратопланом и «время не двигалось». Питт же летел на восток. И его стратоплан, получив при отлете поступательную скорость самой земли при ее движении вокруг оси, прибавил такую же скорость, развиваемую самим стратопланом, в том же восточном направлении. Ясно, что для него в одни сутки должны были протечь двое, как в том случае, если бы земля начала вертеться вдвое быстрее. А пари ты все-таки проиграл. Попрыгаю я теперь на твоем шарике!

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

В чудеса мы не верим. Все, что происходит в мире, даже самые на первый взгляд загадочные вещи, можно объяснить научно.

Приходилось ли вам задумываться о судьбе земли, если бы вдруг погасло солнце или поблизости появилось бы второе? Если бы исчезла луна или увеличилась раз в двадцать? Какие изменения это внесло бы в нашу жизнь? Ведь законы, управляющие миром, не перестали бы действовать.

Происшествий, нарисованных на следующей странице, также никогда не было и не будет, но если вы знаете хоть немного физику, вы быстро догадаетесь, какие причины могли бы их вызвать, нарушением какого закона природы можно их объяснить.

1

С каждым днем люди чувствовали себя все легче и сильнее.

Мальчик мог сразу поднять и отца, и мать, и сестренку в придачу.

Прыгуны легко перепрыгивали через высокие заборы.

Даже дряхлые старички и старушки забегали, как молодые.

А дни становились все короче: солнце всходило раньше времени и все раньше заходило. Оно летело по небу как угорелое.

На море волны поднимались выше пятиэтажных домов.

Один паровоз мог с быстротою стрелы везти несколько составов поездов.

Скоро люди стали так легки, что могли перепрыгивать через большие дома и медленно, плавно опускаться.

Вода из крана текла так медленно, что можно было соскучиться, пока чайник нальется.

Весь мир облетела новость: один человек на экваторе неосторожно подпрыгнул... упал в небо, — совсем не вернулся на землю.

Испугались люди и начали привязывать к ногам разные тяжести, чтобы и им не упасть в небо: мешки с песком, дробью, гири, кирпичи.

Но и эти тяжелые вещи становились все легче. Мешки с грузом все увеличивались и скоро достигли таких размеров, что нельзя было пройти через двери. Приходилось отсиживаться дома. А кто выходил, падал в небо.

Начали падать в небо и крупные животные, большие камни, глыбы, скалы, горы с деревьями.

Океан со всеми озерами и реками вылился в небо. Там вода собралась в большой шар и улетела, как новая водяная планета, в мировое пространство.

Земля стала совсем безобразной: зияла впадинами опустевших океанских лож и пустынь, из которых весь песок просыпался в небо. Давно исчез и воздух. Небо стало черным даже днем, с немигающими звездами.

Когда светило солнце, оно обжигало землю, как расплавленный металл, а ночами стоял мороз в 273 градуса ниже нуля.

Но люди уже не чувствовали этого: они давно были трупами и лежали распластанными в лепешку на потолке, пока не сорвались со своих мест и дома. Трупы людей с мусором зданий упали в небо...

Это очень страшный конец для веселого начала.

Хорошо, что такого происшествия никогда с Землей не случится.

Но отчего бы это могло произойти?

2

Человек проснулся и, еще лежа в кровати, осмотрел комнату.

Что за беспорядок! Картины, висевшие на стене, лежат на полу. Книги, аккуратно положенные на стол, тоже на полу. Сложенная на стуле возле кровати одежда — и та на полу...

Раздумывая над тем, кто мог произвести этот беспорядок, человек поднимается, опускает ноги на пол и... падает. Пол стал скользкий, как лед.

Прыгая, оскальзываясь и падая, человек кое-как оделся. Но... все пуговицы вдруг отвалились, шнурки на ботинках развязались, брюки сползают вниз.

Скользя от стенки к стенке, человек пробирается в кухню, чтобы вскипятить чайник. Зажигает одну спичку, другую, пятую, десятую... не горят!..

Придется завтракать всухомятку. Положил булку на стол, она съехала и упала на пол. Чашка за ней... Тьфу, пропасть! И все предметы стали скользкими, так и норовят выскользнуть из рук, словно пойманная рыба.

Вышел человек из дому. По тротуару прямо ходить невозможно. Ноги разъезжаются, скользишь то вбок, то назад. Все падают... Зато трамваи, автомобили, велосипедисты, лодочники летят стрелой.

Вода в реке течет необычайно быстро. Неукрепленные берега на глазах сползают к воде. Песок, земля «текут» как вода. На многих зданиях обрушились трубы, карнизы, штукатурка...

На фабрике переполох: ременные передачи — трансмиссии — не работают, а маховое колесо вертится как сумасшедшее. Рабочие падают — не могут работать.

Пошел человек на спортивную площадку. Там футболисты пытаются играть в футбол. Но что у них получается! Падают на каждом шагу. А когда один футболист ухитрился-таки поддать ногой мяч, то футбольный мяч перелетел через пятиэтажный дом и исчез в соседнем квартале...

В театре и того хуже: рьяно рванули скрипачи смычками своих скрипок — и... ни звука. Не успели артисты выйти, как все попадали и съехали к рампе. Один артист все ж таки попытался запеть лежа. Кошмар! Эхо начало многократно повторять каждый звук. Театр наполнился нестерпимым шумом, гамом, словно запели сразу тысяча человек... Зрители в ужасе выбежали из театра...

Человек поспешил домой. Входя в свою комнату, он задел стул ногой. Стул отлетел, проехал через всю комнату; ударился о стол, отскочил, опять проехал через всю комнату, ударился о стенку, снова отскочил и так начал сновать взад-вперед, как маятник.

А за окном поднялась буря; и этой буре не суждено было утихнуть.

Человек сидел на полу — со стула он соскользнул и упал — и, приставив скользкий палец к скользкому лбу, думал: отчего бы все это могло приключиться?..

Но объясните ли вы ему?

3

Это новое необычайное происшествие случилось вечером, ровно в... впрочем, не могу сказать точно, в котором часу оно случилось, потому что с часов это и началось.

На стенных часах было 9 часов 15 минут. Я стоял на расстоянии одного метра от них. Когда же я подошел к ним вплотную, то стрелки показали 9 часов 20 минут. Отступил на старое место — снова 9 ч. 15 м. Отошел еще метра три назад, к самой двери, и часы показывали уже ровно 9. Словно время шло назад, когда я отходил от часов, и бежало вперед, когда я к ним приближался.

В комнате сгущались вечерние сумерки. Быть может, зрение обмануло меня. Надо зажечь свет.

Я повернул выключатель, но лампочка не зажглась. Перегорела. Иду к лампочке. Только сделал два шага, лампочка вспыхнула. Отступил назад — свет снова гаснет, в комнате ве-

черные сумерки. Шаг вперед — свет, шаг назад — тьма... Я проделал это несколько раз. Наконец свет зажегся, хотя я в тот момент стоял возле двери и он уже не гас. Я скрестил руки и задумался. Все-таки надо осмотреть лампу. Я подошел к столу, на котором стояла лампа.

Кто-то с шумом открыл дверь и, громко стуча ногами, вошел в комнату. Я обернулся и вскрикнул от удивления. У двери я увидал... самого себя, со скрещенными руками и задумчиво склоненной головой, — словом, в той самой позе, в которой я стоял несколько минут тому назад, размышляя над загадками часов и света.

— Не объясните ли вы мне, что за фантасмагория происходит вокруг нас? — услышал я голос моего соседа, хотя и не видел его. Ну, конечно, это он вошел в мою комнату. Его шаги.

— Или я сошел с ума, или весь дом сошел с ума! — продолжал сосед. — Вот, например, я вижу вас. Вы стоите возле двери со скрещенными руками и наклоненной головой. Но я не уверен, вы ли это или ваш призрак. Вот я пронизываю вдоль и поперек рукой ваше тело. Вас нет! Ну конечно, призрак. Быть может, вас и совсем нет в комнате и я разговариваю с пустыми стенами и вашим двойником.

— Я здесь! — ответил я, стоя у стола. В тот же момент мой призрак двинулся ко мне и... прошел сквозь меня. Когда я оглянулся назад, двойник уже стоял за мною у стола, наклонившись над лампой.

— Я больше не могу! Уйдем скорее отсюда! — сказал мой сосед.

Я пошел к нему на голос и скоро увидел его стоящим возле двери.

Чтобы не потерять друг друга из виду, мы взялись за руки и выбежали из комнаты. В коридоре мы встретили двойника соседа, направляющегося в мою комнату, и прошли сквозь него.

На улицах на нас налетали невидимые прохожие, бранились и уходили. Надо было столкнуться нос с носом, чтобы увидеть того, на кого мы налетали или кто налетал на нас. На тротуарах было много людей, которых мы хорошо видели. От них мы сторонились, но этого можно было и не делать: видимые люди энергично размахивали руками, гримасничали так,

словно они кричат или громко разговаривают, но все они были совершенно безгласны, бесшумны и бестелесны, как тени или герои немого киноэкрана.

— Иду! Иду! Иду! — иногда слышали мы предупреждающий голос невидимого прохожего, который приближался к нам. Мы тоже решили гудеть, чтобы предупреждать о себе.

— А все-таки к этому миру можно приспособиться, — сказал мой сосед. — Здесь только надо больше верить ушам, а не глазам. Вот, например, я вижу трамвай, который мчится сюда. Я не боюсь его и становлюсь прямо посредине трамвайного пути. Вот трамвай налетел на меня и... проехал дальше, не сдвинув и волоска на моей голове. А теперь приближается грохот невидимого трамвая. Скорее с дороги!

— Да, — согласился я. — Для слепого ничего не изменилось в этом мире. Однако невесело жить в мире слепым. Глухие же и совершенно не могли бы существовать в нем.

Скоро мы стали замечать, что вслед за грохочущим невидимым трамваем его видимое изображение начинает «приезжать» все скорее. И настал момент, когда «образы вещей» слились с самими вещами. Необычайный мир перестал существовать.

Что же тут случилось?

ПРОПАВШИЙ ОСТРОВ

КОРОТКИЙ РАЗГОВОР

Высокий, грузный председатель правления инженер Гейден сидел за большим письменным столом и перебирал папки. Маленькие, живые глаза и медлительные движения толстых рук придавали ему сходство с добродушным медведем. Лампа ярко освещала стол. Большой кабинет тонул в полумраке. Только под потолком, у книжных шкафов, блестела алюминием двухметровая модель последнего дирижабля, словно он парил высоко в темном небе.

Тяжелая дверь бесшумно открылась. Прозвучал голос секретаря:

— Господин Шеринг.

— Прошу! — коротко рявкнул Гейден и тяжело поднялся навстречу гостю.

Бесшумно ступая по ковру, к столу подошел подвижный, полный, короткий, гладко выбритый старик с волосами, блестящими, как покров алюминиевого дирижабля. Шеринг — банкир, заводчик, миллионер, один из столпов акционерного общества «Дирижабль» — поздоровался с Гейденом, уселся в глубокое кожаное кресло, вынул из бокового кармана сюртука газетную вырезку, небрежно бросил ее в освещенное поле стола и спросил:

— Читали?

Медведь скосил, прищурив, свои маленькие глаза, быстро пробежал заметку и так же кротко ответил:

— Разумеется.

— Этого не должно быть, — многозначительно сказал Шеринг.

— Этого не должно быть! — прорычал Гейден.

На минуту глаза их встретились — глаза заговорщиков, понимающих друг друга с полуслова. Затем Гейден сделал на газетной вырезке пометку красным карандашом, нечто вроде квадратного корня, под которым написал цифру «17». Надавил кнопку звонка. Передал заметку вошедшему секретарю:

— К немедленному исполнению, Штольц! — и подвинул к Шерингу коробку с сигарами. Деловой разговор был кончен.

Секретарь ушел. Шеринг, покуривая ароматную сигару, поболтал еще несколько минут о том, как успешно прошла последняя репетиция «газовой атаки», о парадах, о политических новостях — и ушел.

А секретарь Штольц, сидя в своем небольшом кабинете, уставленном телефонными, телеграфными и радиоаппаратами, уже начал действовать.

Смысл поручения для него был ясен. В газетной вырезке сообщалось о том, что плавучий аэродром — искусственный остров, сооруженный в Атлантическом океане на полпути между Европой и Америкой — вчерне готов и скоро должен вступить в эксплуатацию. Остров сооружался американцами. И этот искусственный остров грозил нанести непоправимый удар акционерному обществу «Дирижабль». До настоящего времени это общество было почти монополистом в постройке дирижаблей. Самый опасный конкурент — США — вышел из

игры после гибели нескольких крупных дирижаблей. Атлантический океан все еще представлял непреодолимое препятствие для установления регулярного аэропланного сообщения между Северной Америкой и Европой. И «Дирижабль» имел все шансы захватить в свои руки воздушный транспорт через океан. Искусственный остров опрокидывает все расчеты. При его помощи аэропланы смогут успешно конкурировать с дирижаблями. Акционерному обществу будет нанесен непоправимый удар. Но и этого мало. «Остров» представляет собою и военную угрозу. Если в Европе вспыхнет война и Америка примет в ней участие, то при помощи «острова» США могут быстро перебрасывать в Европу свои эскадрильи, свои военные силы. Ключ воздушных путей через океан во что бы то ни стало надо держать в своих руках. Все попытки, стоившие миллионы на подкупы нужных людей, чтобы расстроить это дело в самом начале, не удались. «Остров» построен. Его необходимо уничтожить. Уничтожить умно, ловко, не возбудив подозрений. И тогда — тогда победа почти обеспечена. При современном кризисе в США едва ли найдутся средства и охотники на новую попытку. Сама идея — смелая, грандиозная идея постройки искусственного острова среди океана — будет надолго скомпрометирована.

НАД ОКЕАНОМ

Большой сорокаместный пятимоторный пассажирский аэроплан-амфибия летел над Атлантическим океаном. Кабины были загружены ящиками. В аэроплане находились только два пассажира: инженер Дэнхем и журналист Бэйддон. Оба высокие, стройные, с типичными бритыми лицами американцев. Дэнхему было лет под сорок, Бэйлдон выглядел юношей. Они сидели возле окна в пустой кают-компании. На откидном столике перед Бэйлдоном лежала записная книжка и вечное перо. Он курил короткую трубку, и, по привычке журналистов «все видеть, все слышать», заглядывал в окно, слушал Дэнхема и время от времени заносил в записную книжку стенографические иероглифы.

Казалось, амфибия летит в центре огромного стеклянного шара: внизу — вогнутая зеленоватая поверхность океана,

вверху — голубая полусфера неба. В океане виднелись дымки проходивших пароходов. Амфибия пролетала над великим морским путем между Америкой и Европой. Старая, изъезженная дорога, не отмеченная никакими столбами, которую, однако, безошибочно находили моряки в безграничном водном пространстве. Не успевал уйти с поля зрения один пароход, как появлялся другой. Иногда виднелось их несколько. Между Старым и Новым Светом происходил непрерывный «обмен веществ», с запада на восток двигались уголь, автомобили, пшеница, масло, лес, табак, фрукты, хлопок, нефть; в обратном направлении — металлические изделия, текстиль, химические продукты...

От зоркого глаза журналиста не укрывались оттенки в цвете океанской воды. Когда зеленоватый цвет сменился глубоко-синим, Бэйлдон отметил: здесь морской путь пересекается «великой рекой», текущей в океане, — Гольфштремом. Кое-где виднелись словно рыжеватые островки — бурые водоросли, заносимые течением из Саргассова моря. Однажды Бэйлдон заметил на севере блестящую точку. Вода вокруг нее казалась темнее. Это плыл айсберг — гроза кораблей...

Все эти наблюдения не мешали Бэйлдону внимательно слушать своего спутника. Дэнхем говорил под монотонный рокот моторов:

— Да, я победил, но победа далась нелегко. На конкурс со всех частей света были представлены десятки проектов сооружения искусственного острова — аэропорта среди океана. Большинство проектов сводилось к различным комбинациям понтонов-поплавков, удерживаемых якорными цепями. Самым сильным моим соперником был бельгиец Левинь — известный специалист, строитель плавучих доков. Сам Левинь известен мне как порядочный человек. Но за его спиной стоял некто Вейс, действовавший совершенно недопустимыми средствами. Возможно, что Вейс представлял интересы сильной группы европейских капиталистов. Вейс не брезгал ничем: интриги, подкупы, инсинуации, травля в печати — все было пущено в ход. Продажные журналисты предсказывали полный крах моей технической идее. Эти издевательские статейки находили широкий отклик в человеческом консерватизме, обывательской косности.

— Ваша смелая идея являлась действительно вызовом так называемому здравому смыслу, — заметил Бэйлдон и занес в записную книжку новый иероглиф.

— Еще бы, — усмехнулся Дэнхем. — Построить искусственный остров изо льда в океане на широте сорок пятого градуса, где поверхностный слой воды имеет почти тридцать градусов тепла, под жгучими лучами солнца — это ли не безумная, фантастическая идея? А между тем всякий техник, знакомый с холодильными установками, не найдет в ней ничего необычайного. Разве мы не замораживаем грунты-плавуны при устройстве мостов, плотин, при прокладке туннелей? Весь мой «остров» состоит из системы труб и постоянно действующих холодильных установок. Понтоны у меня уравновешивают только тяжесть самих труб. На трубах нарастает слой льда. Получается искусственный айсберг, почти на девять десятых погруженный в воду. Глубокое погружение гарантирует полную устойчивость острова. Сильнейшие бури оставляют его неподвижным, незыблемым как скалу. Гигантская цепь с якорем удерживает «остров» на месте. В той части, где «остров» соприкасается с верхними, более теплыми слоями воды, его стены покрыты теплоизолирующим материалом. Самая же поверхность «острова» покрыта большим слоем земли с густою растительностью: травами, кустарниками, пальмами. Земля, растения, здания предохраняют от лучей солнца «слой вечной мерзлоты». Сам же аэродром представляет собою настоящее алюминиевое зеркало, великолепно отражающее тепловые и световые лучи.

Журналист посмотрел на висящий возле окна фотоаппарат и сказал:

— Это, должно быть, очень красиво? «Остров» уже совсем готов?

— За исключением самых небольших недоделок. Через два-три дня будет официальное открытие, — отвечал Дэнхем.

«Открытие Атлантического океана для регулярных воздушных перелетов на аэропланах... Новая эра в воздушном транспорте... Европа и Америка станут ближе друг к другу...» — Бэйлдон записывал фразы, которые казались ему наиболее удачными и эффективными, — он уже составлял статью об открытии «острова».

Футляр фотоаппарата, висевший на ремнях, вдруг отлетел от стены и ударился о плечо журналиста. Бэйлдон и Дэнхем качнулись в своих креслах.

— Какой резкий вираж! В чем дело? — с удивлением и с некоторым беспокойством сказал Дэнхем.

— Мы поворачиваем назад! — воскликнул Бэйлдон, заглядывая в окно.

Амфибия сделала большой круг, второй, третий...

— Надо спросить у пилота, — тревожно сказал Дэнхем и отправился вместе с журналистом в кабинку пилота.

— В чем дело, мистер Пьюзи?

Лицо пилота было озабочено. Возле пилота, с растерянным видом, стоял бортмеханик.

— Мы не находим «острова», — сквозь зубы ответил пилот.

— Как не находим? Мы сбились с курса? — спросил Дэнхем.

— Мы не могли сбиться с курса, — ответил бортмеханик. — Сорок пять градусов северной широты и сорок пять западной долготы. Точно. А «острова» не видать. Управление автоматизировано. Малейшее отклонение от курса было бы тотчас отмечено аппаратами.

— Но тогда почему же мы не видим «острова»? — спросил Дэнхем, в голове которого мутилось.

— Очевидно, потому, что наши глаза не способны видеть несуществующих вещей. И если мы не видим «острова», значит, он не существует! — резко крикнул бортмеханик.

Дэнхем побледнел, пошатнулся и схватился за стойку, чтобы не упасть.

— Быть может, произошла неожиданная катастрофа и «остров», как Атлантида (это сравнение надо записать), внезапно погрузился на дно океана? — высказал предположение Бэйлдон.

Дэнхем уже несколько овладел собой.

— Никакой катастрофы не могло быть, — горячо возразил он. — А если бы она даже и произошла, «остров» не мог потонуть внезапно. Удельный вес льда меньше воды. А ледяные горы не тают мгновенно. На «острове» есть радиостанция. Она разослала бы сигналы бедствия.

— Но мы вообще не получали с «острова» никаких радио со времени отлета из Нью-Йорка, — возразил Бэйлдон.

Это была правда. И как только Дэнхем не догадался в пути установить с «островом» радиосвязь? Но он просто не считал нужным делать это, так как был слишком уверен, что там все благополучно.

— А радиомаяк работал? — спросил Бэйлдон Пьюзи. Вместо пилота ответил тот же бортмеханик:

— Сигналы радиомаяка прекратились несколько часов тому назад.

— Почему же вы не сообщили мне об этом?

На этот раз ответил молчавший пилот:

— Мы не придавали таким пустякам значения.

— Почему? — с прежней горячностью допрашивал Дэнхем.

— Потому что радиомаяк обычно работает ночью и в туман. Днем и в такую погоду он просто не нужен, — ответил Пьюзи.

— Притом мы получили сообщение, что монтаж радиостанции еще не вполне закончен и поэтому в ее работе возможны перерывы, — добавил бортмеханик.

Наступило гнетущее молчание. Рокот моторов кажется зловещим. Амфибия кружится, как аист, прилетевший в старое гнездо и нашедший вместо знакомого дома голое место.

Дэнхем хрустнул пальцами и хриплым, чужим голосом спросил:

— Что же нам делать?

— Подумать о себе. В баках осталось совсем мало бензина, — недружелюбно ответил бортмеханик, и в этом тоне механика Дэнхем почувствовал упрек себе, больше чем упрек — обвинение.

Бэйлдон посмотрел в окно. На водной поверхности, как нарочно, не видно было ни одного парохода, ни одного дымка.

«Какое счастье, что мы летим на самолете-амфибии, — подумал журналист. — Когда истощится бензин, мы сможем спуститься на воду. Разошлем сигналы бедствия, и нас подберут. Мы находимся на оживленном морском пути. Наше положение не так уж плохо. А вот бедный Дэнхем — конченый человек... Ему не подняться... Но какая сенсация...»

— Мистер Дэнхем, разрешите послать радиотелеграмму об исчезновении «острова».

Дэнхем тускло посмотрел на Бэйлдона, помолчал, словно не понимая вопроса, и резко ответил:

— Нет! — и, шатаясь, пошел в кают-компанию.

«Что за упрямец! Неужто он надеется, что его «остров» вынырнет со дна моря?»

— Но почему же нет? — не унимался Бэйлдон, следуя за Дэнхемом.

Дэнхем не отвечал. Он грустно опустился за большой обеденный стол и сжал голову. Лицо его постарело.

Амфибия все кружилась. Моторы начинали захлебываться...

Вдруг Дэнхем, сильно стукнув по столу кулаком, поднялся, нервно заходил по каюте и заговорил как помешанный:

— Да, да, да, да, да. Это штучка Вейса. Проклятого Вейса. Это преступление. «Остров» погиб, остается спасать честь... Нет, «остров» не погиб. Он не может потонуть быстро. «Остров» сорвался с якоря. Его необходимо разыскать. Далеко он не мог уплыть. Лететь на розыски.

— Куда? Да у нас нет и бензина.

— Куда? Да у нас нет и бензина, — как эхо повторил Дэнхем.

— В таком случае немедленно разослать сигналы бедствия. Радировать всем. Сообщить в Америку, в Штаты. Срочно организовать поиски... Призвать на помощь ближайшие пароходы.

— Давно бы так! — радостно воскликнул Бэйлдон и побежал в радиорубку. Его газета должна прежде всех получить сенсационное сообщение.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ ИСПОРТИЛИСЬ

Утро выдалось чудесное. Правая рука Дэнхема, производитель работ по строительству «острова» инженер Брайнт, разбуженный будильником, как всегда, в шесть часов, вскочил с кровати и отправился в ванную комнату. В этот час обычно луч солнца, падавший из окна, освещал медную колонку. Брайнт вошел в ванную и остановился в недоумении:

солнце освещало половину мраморной ванны. «Мой будильник не в порядке», — подумал Брайнт и принялся плескаться, как морж. Вернувшись в свою комнату, он посмотрел на свои карманные часы. Шесть часов пятнадцать минут утра. Совершенно непонятное явление. Брайнт взглянул в окно. Солнце стояло еще довольно низко над горизонтом, как ему полагалось в это время суток, но находилось оно не за радиомачтой, а гораздо левее, среди стволов пальмовой рощи. Сюда оно забиралось не ранее десяти часов утра, но тогда оно стояло значительно выше, на высоте пальмовых крон. Брайнта охватило смутное беспокойство.

Брайнт быстро оделся, наскоро позавтракал и вышел из дома, раздумывая о странном явлении. У самой двери он встретил инженера Кина, небольшого, неподвижного молодого человека в белом костюме и пробковом шлеме. Лицо его было встревожено.

— А я к вам! — воскликнул Кин. — Вы заметили, мистер Брайнт, что тени на «острове» передвинулись, словно солнце сделало внезапный прыжок? Мы на плавучем «острове», который только цепью и якорем был прикреплен ко дну.

Это слово «был» заставило Брайнта побледнеть и приостановиться. Он был поражен и в то же время смущен. Как ему самому первому не пришла в голову такая простая мысль? Вот что значит быть слишком уверенным в «незыблемости» искусственного «острова»! Брайнт овладел собой и сказал возможно спокойней:

— Да, кто бы мог подумать! Якорь весом во много тысяч тонн. Цепь, сквозь каждое звено которой может пройти трамвайный вагон. И все эти дни — полный штиль в океане. Согласитесь, что разрыв такой цепи, многократно испытанной, при данных условиях погоды — явление почти столь же загадочное, как и чудо библейского Иисуса Навина.

Кин пожал плечами.

— Все кажется загадочным, пока мы не узнаем причины. Одно звено цепи могло быть плохо сварено... сильные подводные течения, быть может, айсберг...

— Мы почувствовали бы толчок... Надо немедленно опустить водолаза осмотреть цепь.

Они шли среди пальмовой рощи. Легкий утренний бриз колыхал широкие, жесткие листья, и они шелестели как су-

хие. Под ногами трещал золотистый песок, смешанный с мелкими раковинами. Зеленели газоны, благоухали цветы, журчали фонтаны. Еще розоватые солнечные лучи пятнами покрывали зеленый ковер.

Брайнт вздохнул, остановился и посмотрел во все стороны, чтобы окинуть весь «остров» одним взглядом. В прямоугольник, как в раму, был направлен зеркальный эллипс аэродрома. В углах расположились обслуживающие здания. В одном углу — облицованная белым мрамором, словно сотканная из кружев, с балконами, нишами, балюстрадами, площадками — гостиница для пассажиров. В этом же доме помещались конторы, квартиры для администрации, радиостанция. В другом углу — холодильные установки и дома для рабочих и служащих. В противоположной стороне «острова» — ангары, мастерские, склады горючего и запасных частей, гостиница для летного состава, и в последнем углу — электростанция, опреснительная установка и склады провианта. А в пальмовых рощах — теннисные площадки, киоски с мороженым, фруктовыми водами, журналами, газетами, открытками, беседки, бельведеры, гроты...

Все было готово к принятию гостей, избалованных, требовательных, капризных, но с туго набитыми бумажниками.

Сколько на все это было положено труда, изобретательности, усилий и даже человеческих жертв!

И все это создавалось на глазах Брайнта. Здесь месяцами стояли большие океанские суда с понтонами, подвижными кранами, трубами... Здесь работала целая армия водолазов...

Когда «остров» уже поднялся над водой, сюда начали привозить землю, деревья с корнями, строительный материал для зданий... Наконец, работы закончены. Прошлой ночью ушел последний пароход. На «острове» остались только рабочие и служащие эксплуатации.

Так среди океана родилась эта техническая сказка — новый «остров», созданный руками человека. И неужели теперь все это должно погибнуть из-за какой-то роковой ошибки?

Брайнт и Кин некоторое время шли молча. Брайнт издали наблюдал возбужденные группы рабочих. Да, в это утро работа разладилась. Всюду шли летучие митинги. Необходимо было вовремя овладеть общественным возбуждением, успокоить

умы... Рабочие проходили мимо, вопросительно заглядывая в лицо Брайнта и Кина.

— А знаете, мистер Брайнт, мне кажется, опускать водолаза уже нет смысла, — сказал Кин.

— Почему?

— Потому что «солнечные часы совсем испортились». Посмотрите на тени. Так они падают, когда солнце на закате. Значит, «остров» повернулся на девяносто градусов против своего обычного положения. А следовательно, не может уже быть никакого сомнения, что якорная цепь...

— Вы, пожалуй, правы, — ответил Брайнт.

Этот Кин сегодня рассуждает лучше, чем он. Быть может, потому, что Кин не несет такой ответственности.

— Необходимо немедленно созвать митинг. Лучше всего на аэродроме. Распорядитесь, мистер Кин.

Через несколько минут над «островом» тревожно прозвучал колокол.

— Все на аэродром! — кричал Кин.

— Все на аэродром! — повторяли за ним встревоженные люди. Они спешили к сигнальной вышке, возле которой уже стоял Брайнт.

Прежде чем взойти на свою высокую трибуну, Брайнт спросил Кина:

— Почему вы не оповестили через громкоговоритель?

— Радиостанция не работает.

— Почему?

— Радист скажет вам потом. Не будем испытывать терпения толпы, — ответил Кин.

Брайнту не понравилось, что Кин уже начинает брать инициативу в свои руки, распоряжаться событиями и даже им, Брайнтом.

Но препираться было не время. Толпа действительно волновалась, шумела. Брайнт поднялся на вышку. Морской воздух пахнул ему в лицо. Аэродром был так велик, что все рабочее население «острова» казалось небольшой кучкой, расположившейся, чтобы лучше видеть и слышать, на некотором расстоянии от вышки. Темные фигуры людей отражались, как в зеркале, на блестящей поверхности аэродрома.

С вышки был виден весь «остров». И Брайнт оглядел его тем взглядом, которым смотрят на только что умершего близ-

кого человека: черты лица еще не изменились, но жизнь уже отлетела из тела...

В своей речи Брайнт призывал к спокойствию.

— С «островом» действительно случилась большая беда: цепь, по не выясненной еще причине, порвалась, и он превратился в «плавучий остров». Но лично нам не угрожает ни малейшей опасности. Потонуть «остров» не может. Мы находимся в одном из самых оживленных участков океана. Мы обеспечены продовольствием и водой. Наша радиостанция разошлет сигналы бедствия, и через несколько часов нас смогут подобрать. А может быть, и подбирать не надо будет. Я полагаю, что один мощный океанский пароход сможет взять нас на буксир и доставить на место. Порванную цепь сварим, и все пойдет по-старому.

По-видимому, речь произвела хорошее впечатление. Рабочие разошлись, разговаривая оживленно, но уже более спокойно. Слышались даже шутки и смех.

Событие, которое казалось таким страшным вначале, превращалось в забавное происшествие, о котором весело будет рассказывать своим друзьям много лет спустя за кружкой пива.

Брайнт сошел вниз. Его уже ожидал радист с озабоченным лицом.

— Что у вас случилось? Почему не работает радиостанция? — начальственным тоном набросился на него Брайнт.

— Генераторные лампы перегорели, — ответил радист.

— Почему не заменили запасными?

— Они оказались негодными. Да, да, все до одной.

— Кто же их принимал? — продолжал Брайнт свой допрос. — Кто проверял?

— Я. И тогда они работали. Лампы кем-то испорчены, очевидно, после их приемки.

— Злой умысел?

— По всей вероятности, — ответил радист.

Брайнт вздохнул с облегчением.

— Хорошо. Составьте акт и принесите мне. О том, что радиостанция не работает, никому не говорите. Слышите? Строжайшая тайна. Можете идти. Стойте. Оживить аварийный передатчик никак невозможно? Ну, хорошо. Идите.

Да, Брайнт вздохнул с облегчением. У него будет документ, подтверждающий, что на «острове» работала рука вредителя. В три часа должен был прилететь Дэнхем. Он уже не найдет «острова», и об этом он, конечно, тотчас оповестит всех.

Оживление сменилось подавленностью. Вяло пообедали, вяло разошлись на работу. И какая нелепая работа! Расставлять мебель, которой, быть может, никто не будет пользоваться, окрашивать киоски, в которых никто не будет торговать...

С трех часов до пяти Брайнт и Кин наблюдали небо — не покажется ли где-либо амфибия Дэнхема. Но голубое небо было пусто. Кину послышался отдаленный шум моторов, который скоро умолк.

В шестом часу вечера у горизонта на северо-западе появилась темная полоса. Шел ветер. Ветер принес туман. Тени исчезли. Похоронно зазвонил колокол.

Брайнт вернулся к себе и в изнеможении опустился на кресло. Он чувствовал такую усталость, что не мог заставить себя подняться, чтобы взять сигарный ящик, хотя ему и хотелось курить. В открытое окно врывался туман. Он был так густ, что не видно было стволов пальм, стоявших в десятке метров от дома. Мерные удары колокола угнетали, но от них некуда было уйти. Туман... влажный, горячий туман...

Резко зазвонил телефон.

Брайнт встал с неожиданной быстротой, позабыв об усталости и апатии, и подошел к телефону. Кин сообщил изменившимся хриплым голосом:

— Ужасно... мистер... холодильные установки не работают... авария. Я сейчас буду у вас...

Брайнт повесил трубку телефона, захватил по пути сигаретный ящик, вновь опустился в кресло, но сигару так и не закурил.

Холодильники не работают. Это значит... это значит, что ледяной «остров» тает. Тает как айсберг. И если их не спасут в ближайшие же дни — они погибли...

Мерно падают удары колокола. Мягкий, влажный туман душит. Где-то трещит электрический звонок. Телефон? Нет, это, наверно, пришел Кин. А слуга, конечно, оставил дом и болтается на улице. Дисциплина падает. Связи налаженной

организации ослабевают, рвутся... Как отчаянно он звонит! Надо пойти открыть.

Но Брайнт сидит неподвижно. Он не может пошевелить ни одним членом. Ведь руки и ноги у него из ваты...

В ГОЛЬФШТРЕМЕ

Ночью туман унесло. Луна словно плясала на небе, заглядывая то в первое окно, то во второе, то снова в первое, — «остров» поворачивался от ветра и морских течений. Глухо шумели волны, разбиваясь о стены «острова», где-то слышались крики, треск, пьяные песни. Брайнт все еще сидел, не раздеваясь, в кресле возле окна.

Без стука вошел Кин — наружная дверь оставалась открытой, — без приглашения уселся против Брайнта, взял сигару из ящика, закурил.

— Все уже знают о том, что холодильники стали. Люди потеряли голову. Часть рабочих громит склады и винные погреба. Слышите? Надо немедленно принять меры...

— Пошлите полицию, — апатично ответил Брайнт.

— Что может сделать десяток полицейских с двумястами человек?

— Пусть делают, что хотят. Какое мне дело до этих людей?

— Но ведь от их повиновения зависит наша судьба, — возражал Кин.

Брайнт нетерпеливо повернулся в стуле.

— Послушайте, Кин, оставим этот разговор. Я не капитан корабля и не губернатор «острова»; я только инженер-строитель и умею распоряжаться людьми в нормальных условиях работы. Я знаю только одно, что эта нелепая история может скомпрометировать меня как инженера и, быть может, даже лишить крупного вознаграждения. А судьба «острова» и этих людей нисколько не интересует меня. И... оставьте, пожалуйста, меня в покое.

— Но ведь нашей собственной жизни угрожает опасность! — почти крикнул Кин. — Знаете, где мы находимся? Нас увлекает ветвь Гольфштрема, которая, отделяясь от главного русла, идущего на север, поворачивает на юго-восток, к Испании и северо-западным берегам Африки, и на случайные

встречи с проходящими судами надежды почти нет. Островов поблизости тоже нет. Аэропланы помочь нам не могут.

— В США уже должны знать об аварии, и нам придут на помощь, — сказал Брайнт уже менее спокойным голосом.

Кин привскочил с кресла.

— Кто поможет? Наше акционерное общество? Оно должно считать себя уже разоренным. Акционеры на организацию спасательной экспедиции не отпустят и доллара. Правительство? В лучшем случае оно пошлет на розыски пару миноносцев, чтобы только показать, что оно что-то делает.

— Вы слишком мрачно настроены, мистер. И акционеры и правительство сделают все возможное.

— Поздно. Слишком поздно, если бы они и сделали все возможное. Разыскать нас могли бы, пожалуй, цеппелины, но и их помощь опаздывает. Будь у нас в исправности холодильники, иное дело. А сейчас нам никто не поможет. Берега Европы и Америки далеки. Пока оттуда придет помощь, наш «остров» превратится в кисель и потонет.

— Что же вы предлагаете?

— Рассчитывать только на себя и искать пути спасения, пока «остров» не погрузился в воду. Он уже осел на два метра.

— Ищите, — безучастно ответил Брайнт.

Кин поднялся, посмотрел на Брайнта презрительно и гневно и воскликнул:

— Я вижу, вы совершенно раздавлены катастрофой, мистер.

Кин резко повернулся и выбежал из комнаты.

Брайнт печально усмехнулся и закрыл глаза...

Шум за окном разбудил его. Брайнт открыл глаза и тотчас зажмурился, ослепленный ярким лучом восходящего солнца.

— Мистер Брайнт, мистер Брайнт! Вы не спите?

— Ах, это опять вы, мистер Кин? — Брайнт повернулся в кресле и открыл глаза. — Ну, что нового?

Кин махнул рукой по направлению окна и сказал:

— Они едва не побили меня.

Брайнт усмехнулся и насмешливо сказал:

— Своего спасителя! И чем вы возбудили их гнев?

— Тем, что мы не позаботились снабдить «остров» шлюпками и спасательными поясами, что мы не оставили ни одного парохода.

— Но кто же мог этого ожидать?

— Они больше не рассчитывают на нас и взялись за дело сами. И знаете, они совсем не плохо организовались. Среди них оказались толковые головы.

— И что же сделали эти толковые головы?

— Они избрали комитет спасения. Они создали милицию. Быстро прекратили дебош, поставили стражу у складов, арестовали нескольких хулиганов...

— Власть советов. Ну, а дальше?

— Дальше они постановили: собрать все имеющееся на «острове» дерево и из него сооружать плоты.

— Какое же на «острове» может быть дерево, кроме пальмовых стволов?

— Да, к сожалению, на «острове» очень мало дерева, но все же его можно найти: киоски, плетеные кресла, двери, рамы, перегородки, мебель...

— Разрушать здания, строения? Ломать мебель? Это невозможно. Нас еще могут спасти. Я не разрешаю.

— Вы опоздали со своими разрешениями, мистер. Да и не вы ли сами говорили о том, что вы не капитан и не губернатор «острова»?

— Так зачем же вы сообщаете мне обо всем этом?

— Только в порядке информации. Притом вам также нужно позаботиться о плоте.

Брайнт ничего не ответил.

Когда он ушел, Брайнт устало поднялся, позвонил слуге, но никто не пришел. Тогда Брайнт сам прошел в кухню, вскрыл коробку консервов, позавтракал, выпил холодного кофе и отправился по лестнице — лифт не работал — на самый верх здания гостиницы, в светелку башни. Он решил запереться здесь, чтобы быть подальше от Кина и комитета спасения.

Брайнт заглянул в окно и был поражен изменившимся видом «острова».

«Остров» осел. Когда-то он поднимался на двадцать метров над уровнем моря. Теперь брызги волн падали на бетонные дорожки. На той стороне, где стояло тяжелое здание гостиницы, волны перекатывались через железные перила «набережной» и заливали цветочные куртины. Жгучие лучи солнца расплавляли сквозь слой земли не возобновляемую больше

подпочвенную «вечную мерзлоту». Она таяла, пропитывала влагой землю, которая превращалась в жидкую грязь. Зеркало аэродрома отбрасывало солнечные лучи. На «острове» получалось неравномерное нагревание почвы. Вследствие этого земля, окружающая аэродром, пучилась, поднималась буграми. Пальмы, как пьяные, шатались и падали.

Всюду слышался треск. Возбужденные люди шлепали по грязи, ломали беседки, скамейки... На аэродроме кипела работа. Веревками, тросами, проводами рабочие связывали в плоты доски, обломки мебели, плетеные кресла...

Опытный взгляд Брайнта с некоторым удивлением отметил, что работа была хорошо организована. «Островитяне» деятельно готовились спасать свою жизнь...

А он?.. Впервые Брайнт осознал всю серьезность положения. С тоскою и надеждой посмотрел он на океан. Он был пустынен до самого горизонта...

НА ПЛОТУ

— Вот нас только двое осталось, — сказал рыжий.

— Больше воды и сухарей останется, — просто ответил черноволосый.

Рыжий был человек лет сорока, геркулесовского сложения. Черноволосый — еще молодой человек, худой и костлявый.

Плот качался на волнах. Солнце неимоверно палило. Этому жаркому дню, казалось, не будет конца.

Изнемогая от зноя и жажды, два человека лежали пластом, прикрыв головы куском полосатой парусины. Другой кусок был прикреплен к палке в виде флага. Можно было подумать, что люди уже мертвы, так неподвижно они лежали.

Когда солнце склонилось наконец к горизонту, жар спал и повеяло прохладой, рыжий зашевелился.

— Можно попить и закусить, — сказал он. Черноволосый молчал. — У тебя удар?

— Нет, — глухо отозвался черноволосый, не поднимая головы.

— А я уж хотел за упокой души и твою порцию воды выпить. Вставай, дружище.

Черноволосый тяжело поднялся на локтях. Они молча съели по сухарю и выпили из бидона по несколько глотков воды.

— Да, — заговорил рыжий после скудного обеда. — Так-то. Живешь, живешь, а умирать однажды приходится. Один умирает на пуховой кровати, другой вот так-то на плоту. Ну, я, положим, заслужил такую смерть. Да, если бы не я, то и «остров», пожалуй, стоял бы на своем месте...

Черноволосый повернул голову, чтобы лучше слышать.

— Продал я всех. Продал и предал. — Он помолчал и, убедившись, что черноволосый слушает, продолжал: — Служил я на строительстве «острова» водолазом. И служил там инженер Смит или Шмидт, белокурый такой. Не встречал? И вот вечером, когда последний пароход уж под парами стоял, Смит подзывает меня и тихо говорит:

«Ты якорную цепь сваривал под водой?»

«Я сваривал».

«Хочешь хорошо заработать?»

«От заработка никогда не отказываюсь», — говорю.

«Так вот, — говорил Смит, — тысячу долларов заработаешь, если сделаешь, что прикажу. Вот тебе задаток. Половина, — и сует мне кошелек с золотыми монетами. — Остальные получишь, когда сделаешь».

«А что делать надо?»

«Опуститься, — говорит, — под воду и якорную цепь перерезать».

Я было отказываться начал и даже кошелек сую ему обратно. Я не душегуб какой. Да и своя голова дорога. Начал он меня убеждать, что никакого душегубства тут нет, а одни законы конкуренции. Ему-де доказать надо, что весь проект «острова» неправильный был, если «остров» с цепи сорвется, то это и будет доказано. И что тогда другой «остров» по его проекту строить будут — значит, рабочим новая работа. А как только «остров» с якоря сорвется, всех людей на этот пароход посадят, и ни одна душа не узнает. Скажут — расчет неправильно сделан.

Подумал я: законы о конкуренции меня не касаются. Пусть капиталисты друг другу ножку подставляют — и согласился.

К якорной цепи под водой вела железная лесенка. Путь

знакомый. Сколько раз я по ней лазал. Но риск был все-таки немалый, если ты понимаешь в водолазном деле. Водолаза одеть надо — шлем завинтить, а потом развинтить. Один человек на часах стоит, один на сигнале, один на помпе. Троечетверо одного водолаза обслуживают. А тут одному справиться. Смит обещал скафандр снять, когда вернусь. Без человека на помпе обойтись можно. Компрессор у нас был электрический. А все же риск. Вдруг зашалит компрессор. Справился я скоро — железо электричеством, как масло ножом, режется. Поднялся на «остров» — нет Смита. Оглядываюсь, пароход отходит. Обманул, значит. Стою я одураченный, и скафандр с меня снять некому. Думаю, как...

Вблизи мелькнул плавник акулы Один бок плота вдруг резко приподнялся.

— Держись...

Рыжий и черноволосый скатились в воду. Плот накрыл их. Над водой показалась рука рыжего и быстро погрузилась.

ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ

Гейден вошел в кабинет Шеринга, поздоровался, положил перед хозяином газету с отчеркнутой статьей и молча уселся в кресло. Шеринг быстро просмотрел статью.

«Гибель острова-аэропорта».

«Наконец мы получили достоверные сведения о судьбе столь загадочно исчезнувшего острова-аэропорта неудачливого инженера Дэнхема.

Океанский пароход «Стаар», совершающий рейсы между Лондоном и Рио-де-Жанейро, подобрал в океане 27 человек, плывших на плотах. Спасенные оказались рабочими с «острова-аэропорта», который, по их словам, погрузился в океан вследствие того, что холодильники оказались испорченными и «ледяной остров» растаял.

Инженер Дэнхем покончил самоубийством. В оставленном письме он обвинял в гибели «острова» своего соперника на конкурс-проектах, мистера В. Судебное следствие установило, однако, непричастность В. Причиною гибели «острова», по всей вероятности, являются технические ошибки при проектировании.

Убытки акционерной компании определяются в сорок миллионов долларов».

Шеринг прочитал, улыбнулся и многозначительно спросил Гейдена:

— Fertig? (готово?)

— Klar! — по-морскому ответил Гейден.

Его медвежьи глазки смеялись.

— Ну, а теперь обедать. Я вас таким мозельвейном угощу...

СЛЕПОЙ ПОЛЕТ

Закон причинности — это бесконечно сложный механизм из зубчатых колес и шестерен. Кто бы мог подумать хотя бы о такой связи явлений: в Свердловске молодой ученый Меценко предложил своему другу — летчику Шахову осмотреть его лабораторию. Шахов осмотрел ее, похвалил работу товарища и ушел. Только и всего. А из-за этого визита старший радист в Гонолулу едва не сошел с ума. Редактор «Нью-Йорк трибюн» разбудил по телефону среди ночи сотрудника, ведущего отдел «Новости науки и техники», заставил его писать статью, которую потом еще и не принял. Советские граждане Барташевич и Зубов целые сутки ужасно волновались, а с самим летчиком Шаховым случилось такое, чего он всю свою жизнь не забудет.

1. ЛОВЕЦ СИГНАЛОВ

Джон Кемпбелл был старшим радистом морской радиостанции США в Гонолулу. Молодые помощники называли Кемпбелла «господином эфира». Он знал позывные всех дальнодействующих радиостанций мира. Виртуозно отстраивался и настраивался. Имел эфирные знакомства во всех частях света. Для него не существовало границ и местного времени. Он жил во всех широтах и полюсах. На протяжении одной минуты он успевал излучить своим друзьям и «доброе утро», и «добрый день», и «добрый вечер», и «доброй ночи». И никогда не путал, где сейчас на земном шаре день, где ночь, где утро.

Таков был Кемпбелл до второго ноября — даты пятидесятого года его рождения. И вот что случилось с ним в этот день.

Утром морская метеорологическая обсерватория США сообщила, что в Тихом океане проходит тайфун чрезвычайной силы, пересекая три морских пути между Азией и Америкой. Приходилось быть начеку.

В два часа дня Кемпбелл уже поймал первый характерный писк SOS и быстро определил место кораблекрушения. В три часа новый сигнал о бедствии.

Кемпбелл успел сообщить в Осаку, прежде чем там узнали о крушении парохода возле японских берегов. Но с третьим SOS случилось непонятное.

Было восемь часов вечера. Небо безоблачное. Только необычайно сильный грохот прибоя напоминал о том, что где-то в океане свирепствует шторм.

«SOS!» — вновь запищало в приемнике. Призыв о помощи несся из района острова Карагинского вблизи мыса Лопатки (южной оконечности Камчатки). И Кемпбелл радировал об этом карагинской радиостанции.

Оттуда ответили: «У нас штиль. Гидропланы летят на разведку».

Через час карагинская рация сообщила, что нигде тонущего корабля не обнаружено. Что они там подумали о Кемпбелле — радисте из Гонолулу?.. Скандал!

В десять вечера Кемпбелл услышал тот же сигнал, но уже из района Берингова моря, со сто восьмидесятого градуса восточной долготы.

Сам «Моряк-Скиталец» не мог лететь с такой чудовищной скоростью! Более полутора тысяч километров в час, если учесть сдвиг местного времени.

Кемпбелл проверил расчеты. Все оказалось правильно. Но первый раз в жизни он воздержался сообщать «всем» о принятом сигнале бедствия.

В двенадцать ночи тот же сигнал, но уже на полтора градуса восточнее. Несмотря на удушающую жару тропической ночи, Кемпбелла прошиб холодный пот. Что это, мистификация? Радисты сговорились подшутить над ним? Но сигналами бедствия не шутят. Или у него в мозгу неладно?

Кемпбелл просидел без смены всю ночь. Но этих сигналов больше не было слышно. Наутро Кемпбелл подал начальству рапорт, прося отпуск по болезни.

Так до конца своих дней Кемпбелл и не разрешил задачи: кто же посылал тогда сигналы бедствия, летя с запада на восток быстрее урагана.

2. ТАИНСТВЕННЫЙ БОЛИД

«О. Кадьяк. 3.XI. Четыре часа ноль минут местному времени островом Кадьяк пролетел болид ослепительной яркости направлении запада восток тчк Полет сопровождался орудийным гулом тчк Телеграфные деньги исходе тчк Жду аванса тчк Дельтой».

Вечное перо в руке ночного редактора «Нью-Йорк трибюн» быстро запрыгало по бумаге. Золотой клюв ручки, как дятел на стволе дерева, долбил телеграфные строки, оставляя темно-синие следы. Через полминуты телеграмма была обработана.

О. Кадьяк. 3.XI. В два часа утра над островом Кадьяк пролетел огромный болид такой ослепительной яркости, что все окрестности были освещены, как прожектором. Полет болида сопровождался оглушительным гулом, напоминавшим канонаду. Гул был слышен в порту Руперта и Эдмонтоне.

Редактор подумал секунду, сделал заголовок: «Небесный гость», зачеркнул, сделал новый: «Необычайный болид», сбоку приписал: «петит, шестая полоса». Левой рукой бросил телеграмму машинистке и принялся за новую — о морских вооружениях Японии.

Редактор расправлялся с телеграммами, как с наседавшими врагами. Он разил их острием пера и бросал машинистке, а стопка не уменьшалась. Новые телеграммы падали на стол.

Через три часа редактор читал:

«Ситка. 3.XI. Четыре часа утра. Ситкой пролетел большой ослепительной яркости...»

— Еще один болид?! — удивился редактор. — Что они так разлетались сегодня! — И вспомнил, что во вчерашнем номере газеты была заметка о том, что в середине ноября ожидается большой звездный поток Леонид, появляющийся каждые

тридцать три года. В этот прилет они запоздали — имели неосторожность пролететь слишком близко возле какой-то большой планеты — кажется, Юпитера, — потеряли на нем часть своего роя и несколько изменили свою орбиту. — Это интересно!

Редактор сорвал телефонную трубку, разбудил заведующего отделом «Новости науки и техники» и заказал ему к семи часам утра новую статью о Леонидах. На телеграмме сделал заголовок: «Первые ласточки звездной стаи» и пометку: «Объединить телеграммы о болидах. Дать в отделе «Н. Н. и Т.», перед статьей».

Редактор усиленно курил. Глаза слипались после бессонной ночи. Часы пробили семь. В кабинет быстро вошел заведующий отделом «Новости науки и техники», небритый, невыспавшийся, злой, и бросил на стол готовую статью о Леонидах.

Рядом со статьей упала новая телеграмма. Редактор прочитал ее, подумал. В ней сообщалось о болиде, пролетевшем в семь утра над озером Атабаска.

— Можете взять свою статью о Леонидах. Она не пойдет! — сказал он заведующему отделом «Н. Н. и Т.».

— Как не пойдет? Почему не пойдет? Но за каким дьяволом вы разбудили меня и заставили работать ночь?

— Статья будет оплачена! — сухо ответил ночной редактор и, обратившись к секретарю, крикнул: — Подберите и дайте мне телеграммы о болидах!

— Вот, извольте судить сами, — сказал ночной редактор, протягивая телеграммы. — Прочитайте эти две — из Кадьяка и Ситки, а вот и третья, только что полученная из Ньюфаундленда. Сравните время, обратите внимание на направление полета — с запада на восток. Может ли быть такое совпадение? Имеем ли мы три болида или же один болид? А если один, то может ли вообще болид — вам это лучше знать — пересечь пол-Америки на одной и той же высоте, в пределах земной атмосферы, не сгорев и не упав на землю?

— Что же вы предполагаете? — осторожно спросил заведующий отделом «Новости науки и техники».

— Я полагаю, что это — «болид»... земного происхождения. Быть может, ракета, реактивный стратоплан, торпеда, черт его знает что...

— Но скорость! Почти космическая. Скорость вращения Земли. Положим, теоретически, для стратопланов, не говоря о звездолетах, такие скорости возможны...

— Не «положим», а так оно и есть. Не вы ли сами давали статью о тайных вооружениях Германии, о реактивных снарядах, о воздушных торпедах, управляемых по радио? Необходимо сейчас же написать новую статью на эту тему. Садитесь! Мы еще успеем к дневному выпуску.

Редактор подобрал все телеграммы о болидах и сделал новую пометку: «1-я стр., корпус. После статьи «Таинственный болид».

3. ПРОПАВШИЙ СТРАТОПЛАН

Бригада молодых изобретателей Экспериментальной мастерской готовила стране большой сюрприз: сконструировала и построила первый советский — и первый в мире — стратоплан 3-1. Директор завода Барташевич, инженер-конструктор Зубов и опытный летчик Шахов любовались своим детищем.

Крылатая рыба идеально обтекаемой формы имела винтомоторную и реактивную тягу. 3-1 мог летать в тропосфере — как аэроплан, а в стратосфере — по принципу ракеты. «Мог летать», но еще не летал. Первый пробный полет должен был совершить Шахов. Решили, что полетит он один. Хорошо механизированное управление вполне допускало это, тем более что полет Свердловск — Хабаровск, по расчетам строителей, должен продолжаться максимум пять часов. Небывалая скорость!

Герметически закрывающаяся кабина 3-1 отапливалась и освещалась электричеством и была снабжена кислородом и горючим на сутки — максимальная вместимость баков и баллонов. Больше и не нужно было, так как за сутки стратоплан мог бы облететь вокруг земного шара.

В стратоплане были установлены аппараты для определения скорости, высоты, направления полета по «слепому методу». Все до мелочей рассчитано, испытано, выверено в лабораториях. Всякая случайность исключалась.

Старт произошел второго ноября, в шесть часов утра без всякого торжества. Не было ни газетных репортеров, ни блеска юпитеров, ни суетливых кинооператоров, ни оркестра, ни

речей. Все напоминало будничный облет нового аппарата. Присутствовала только бригада, создавшая 3-1.

Летчик Шахов в кожаном костюме и шлеме, высокий, здоровый, подошел к кабине. На бритом лице спокойная улыбка. Крепко пожал руки товарищам, быстро взобрался по лесенке и захлопнул за собой дверь. Через минуту заревели моторы, метнулись и превратились в трепещущие прозрачные круги пять пропеллеров. 3-1 легко отделился от площадки аэродрома и начал круто забирать высоту. Рокот моторов затихал в звездных просторах неба.

— Долетит! — уверенно сказал Зубов, когда стратоплан скрылся.

— Долетит! — как эхо отозвался Барташевич. А через десять минут они уже разговаривали с Шаховым по радио, как будто и не расставались с ним.

— Алло, Шахов! Летишь?

— Лечу! Все отлично. Аппараты действуют безукоризненно.

— Ну-ну, Шахов, делай шах королю, — острил Барташевич. Полет продолжался. Шахов периодически сообщал:

«Высота двенадцать километров. Перехожу на дюзы». «Высота двадцать пять. Скорость — тысяча километров в час». «Миновал Омск... Красноярск... Высота тридцать километров». «Пролетел над Витимом». И вдруг радиопередачи прекратились.

Потекли минуты напряженного ожидания. Зубов начал нервно вызывать Шахова. Ответа не последовало. Тревога росла. Лица Зубова и Барташевича словно постарели в несколько минут. Они избегали смотреть друг на друга, чтобы на лице другого не прочесть своих собственных черных мыслей.

Время шло. Зубов нетерпеливо поглядел на часы.

— Он уже должен опуститься в Хабаровске...

Посидели еще несколько минут в гнетущем молчании. Позади послышался тяжелый вздох. То незаметно вошел старый мастер Бондаренко.

— Так вызывайте же Хабаровск, — сказал он раздраженно, словно простуженным голосом. Его сумрачное лицо передергивала нервная судорога.

Зубов хотел и боялся вызвать Хабаровск. Наконец вызвал.

«Не прилетел. Ждем с минуты на минуту», — был ответ.

Старый мастер снова шумно вздохнул.

— Ждут!.. Авария, не иначе. Надо сообщить на Алдан, чтобы выслали самолеты на поиски...

Да, больше ничего не оставалось.

Настал день — тяжелый день... Зубов и Барташевич перед этим уже не спали несколько суток, готовя 3-1 к полету. И теперь они шатались от усталости, но о сне не могли и думать. Ждали вестей, каковы бы они ни были. Мучила неизвестность. Через несколько часов алданские товарищи сообщили, что в месте предполагаемого пролета обыскано все по радиусу в пятьсот километров, никаких следов не найдено, что многие жители слышали в это утро глухой, громоподобный гул, прокатившийся с запада на восток.

По запросу Зубова с Камчатки сообщили, что у них слышался вечером, около шести часов, «гул и гром», и так же от запада на восток.

Зубов и Барташевич с недоумением посмотрели друг на друга.

— Это он! Значит, Шахов не погиб! — вздохнув с облегчением, сказал Зубов.

— И пролетел дальше, — задумчиво прибавил Барташевич. — Но почему? Что с ним произошло?

— Быть может, порча аппаратов... Не мог остановить работу дюз.

— Невероятно! — возразил Барташевич. — Все испытано, проверено. И потом, не могли же сразу испортиться и реактивные двигатели, и винтовая группа, и радио. — Барташевич помолчал и сказал сквозь зубы: — А может быть...

Зубов посмотрел на хмурое и вдруг ставшее злым лицо Барташевича и понял его мысль, его подозрение: измена Родине...

— Не может этого быть! — горячо воскликнул Зубов. Барташевич резко стукнул кулаком по столу.

— Но тогда что же, что?

Зубов только вздохнул.

Прибежал рыжий радист, с красными от усталости глазами.

— Морская радиостанция Гонолулу, — задыхаясь, возбужденно заговорил он, — принимала сигналы бедствия в продолжение трех или четырех часов с Берингова моря...

— А почему же ты не слыхал? — набросился на радиста Барташевич.

— Я принимал Алдан, Хабаровск, Сахалин...

— Это Шахов! — воскликнул Зубов. — Конечно, у него какая-то авария... А ты говорил! — прибавил Зубов, с упреком посмотрев на Барташевича.

— Я ничего не говорил, — смущенно ответил тот. — Я только подумал. А мысли всякие — и непрошеные в голову лезут.

«Лучше смерть с честью, чем бесчестье измены!» — подумал Зубов и сказал:

— Сигналов больше не было. Значит, Шахов погиб в Беринговом море у берегов Северной Америки или на самом континенте.

Зубов и Барташевич опустили головы. После острых волнений наступила реакция. Зубов едва сидел на стуле. Барташевич оперся руками на стол, положил русую голову и сонно сказал:

— Надо послать радио на Аляску. В Америку... США...

Кто-то хлопнул его по плечу:

— Уснул, что ли? Читай! — Бондаренко положил на стол вечерний выпуск «Уральского рабочего».

Барташевич вздохнул, словно пробуждаясь от глубокого сна, подняв голову, потер глаза, начал читать и вдруг взволнованно и громко заговорил:

— Он жив! Он еще жив! Летит! Конечно, это снова он, Шахов! — и протянул Зубову газету, в которой была напечатана телеграмма ТАСС из Нью-Йорка о «таинственном болиде».

Нервное напряжение прорвалось у Барташевича смехом:

— Шах королю! Задали мы им загадку.. Да себе тоже, — прибавил он задумчиво и сильно тряхнул головой, выбрасывая снова лезшие непрошеные мысли. — Уж не задумал ли Шахов самовольно совершить кругосветный полет?

— Шахов достаточно дисциплинирован, чтобы не делать таких мальчишеских выходок, — снова возразил Зубов. —

И потом, зачем в таком случае ему было посылать сигналы бедствия?

— А почему он замолчал?

Зубов и Барташевич снова посмотрели друг на друга. Если бы оба не были так утомлены и озабочены, они рассмеялись бы — до того комично-обалделыми были их лица.

4. СЛЕПОЙ ПОЛЕТ

Шахов, как и его друзья, снимаясь с аэродрома, не сомневался в удаче полета. Пропеллеры тянули великолепно. 3-1 быстро набирал высоту. На потолке тропосферы и даже субстратосферы моторы благодаря компрессорам работали безукоризненно, перекрывая запроектированный потолок. Только поднявшись в стратосферу, они начали «задыхаться» от недостатка кислорода и давать перебои. Но это было явлением нормальным и заранее предусмотренным. Шахов выключил моторы и пустил в ход дюзы. Он полетел быстрее звука и уже не слышал громовых раскатов взрывов. Лишь при каждом ускорении — при каждом новом броске вперед — он чувствовал, как спинка кресла толкает его в спину, при этом сжималась грудь, становилось немного трудно дышать и кружилась голова — реакция кровообращения.

Но сильный организм Шахова легко справлялся с этими недомоганиями. В общем, Шахов чувствовал себя хорошо. Сверхскоростной полет сам по себе был неощутим. В кабине тихо, тепло, светло, воздух насыщен кислородом, который пьянит и веселит, как вино. Ни малейшей качки. Можно подумать, что стоишь на месте. Только подрагивание и движение черных стрелок на белых циферблатах измерительных приборов говорили об огромной высоте и быстроте полета. На карте черный карандаш в рычажке отмечает курс. В этом слепо́м полете Шахов чувствует себя спокойнее, чем в обычных полетах.

Весело напевает. Смотрит сквозь стекло окна на аспидно-черное небо с яркими немигающими звездами и радужным полотнищем Млечного Пути. Черная линия уже приближается к Кяхте. Шахов со свойственным ему спокойствием сообщает и об этом друзьям. Радио под рукой. Можно разговаривать, не отрываясь от пульта управления.

Шахов проголодался.

Вынимает плитку шоколада и подносит ко рту.

И вдруг чувствует такую невыносимую, режущую боль в глазах, что вскрикивает и закрывает их. «Что такое? Словно сухой горчицы под веки насыпали». С трудом открывает глаза. В кабине совершенно темно. Почему лампочка внезапно погасла? Шахов шарит рукой, находит включатель, поворачивает — темно, поворачивает еще раз — темно. Достает лампу рукой и ощупывает. Горяча.

Лампа светит! Значит, он ослеп! Сильнейшие, режущие боли в глазах не прекращаются.

Шахов был летчиком уже второй десяток лет. И в первый раз почувствовал нечто похожее на страх. Нервный клубок застрял в горле, холодок пробежал по спине, задрожали руки.

Что теперь будет с ним? Положим, он сумеет сообщить по радио, но что могут сделать его друзья? Другого стратоплана нет, ни один самолет не поднимется на такую высоту и не имеет такой быстроты полета. На лету Шахова не снять. Хорошо еще, что столкновение невозможно — на такой высоте никто не летает.

Он жив, пока летит, а летит — пока хватит горючего, то есть сутки. Снизиться он не может. Никакие аппараты слепому полету не помогут, если сам летчик слеп. И при посадке он неминуемо разобьется вместе с машиной.

Если бы можно было набрать скорость километров восемь в секунду, то 3-1 стал бы вечно носиться вокруг Земли, как ее спутник, преодолев земное притяжение. Но такая космическая скорость для 3-1 недостижима. Да это и не спасло бы Шахова. Всего через сутки кончатся запасы кислорода, и Шахов задохнется.

Радио... но где же оно?.. Шахов шарит, находит аппарат, пытается давать сигналы бедствия. Задевает рукой за провода, питающие от аккумулятора лампы накала. Разрывает провода. С трудом находит, связывает, снова дает сигнал. Что-то портится в аппарате. Ощупью старается найти повреждение. Ему как будто удается еще раз оживить радиостанцию, но затем она безнадежно портится. Последняя связь с миром оборвалась. Он — пленник стратосферы.

Который час? Сколько времени прошло с тех пор, как он летит слепым полетом? Шахов бессильно откидывается на спинку кресла, опускает руки, задумывается. Глаза болят нестерпимо, словно они выжжены раскаленным железом... Встает, находит воду, промывает глаза — не легче. Снова садится в кресло. Тишина... неподвижность... слепой полет навстречу смерти!

Проходит час за часом. Шахов сидит молча, подавленный. Где он летит сейчас?

Быть может, над Америкой, а может быть, уже над Атлантическим океаном, приближаясь к берегам Европы... День или ночь?..

...Нет, это невозможно! Надо что-то делать, искать спасения... Жажда жизни берет свое. Шахов поднимается. В движении, в действии он хочет найти выход напряжению нервов. Надо узнать, работают ли еще дюзы... Шахов пробирается в машинное отделение. Щупает руками стенки дюз, несмотря на термоизоляцию, во время работы дюз стенки бывают теплыми. Но сейчас они холодны. Дюзы не работают и уже успели остынуть. 3-1, быть может, уже летит камнем с головокружительной высоты... Бензин в баках еще должен быть. Надо запустить моторы... Это он сможет сделать и вслепую...

Загудели! Работают без перебоя! Очевидно, стратоплан уже в тропосфере. Спасет идеальное автоматическое управление — машина сама выправляется. А вдруг она перейдет в штопор? Сумеет ли аппарат самостоятельно выйти из штопора? Расчеты говорят — да, но что окажется на деле? А стратоплан начинает покачивать... Что делать?

...Остается одно — «вслепую» выброситься на парашюте...

И Шахов лихорадочно начинает готовиться к смертельному прыжку. Привязывает парашют, раскрывает окно... Чувствует, как ледяной ветер жжет лицо и руки...

5. «А ЗЕМЛЯ-ТО КРУГЛАЯ!»

Вконец истомленный, Барташевич, не раздеваясь, свалился ни кушетку и тотчас уснул.

— Вставай! — будит его Зубов. — Шахов летит!

Барташевич поднялся и тупо посмотрел на Зубова.

— Говорю тебе, летит! Получено от него радио. Едем скорей на аэродром!

Радостно-взволнованные, ввалились они в автомобиль и помчались к аэродрому, глядя на восток, откуда должен был появиться стратоплан.

На аэродроме они полчаса напрягали зрение и слух. Неожиданно рокот моторов послышался с запада. Скоро появился и 3-1. Он быстро снизился и сел «по-шаховски» — без единого прыжка.

Зубов и Барташевич побежали к стратоплану.

Дверь открылась, по выкидной лесенке быстро спустился Шахов и направился к ним уверенной походкой, со своей обычной спокойной улыбкой. Крепко пожал им руки и кратко рассказал о том, что случилось с ним в пути.

— Я совсем приготовился к прыжку, как вдруг прозрел. Да, зрение вернулось ко мне так же неожиданно, как появилась слепота. Я самоопределился и, к удивлению, увидал, что нахожусь в сотне километров на запад от Свердловска.

— Почему же к удивлению? Стратоплан ведь летел без управления и мог сбиться с курса.

— В том-то и дело, что он не сбился с курса. Аппараты показали мне, что он все время летел по прямой на восток.

— А Земля-то круглая, и, вылетев из Свердловска в восточном направлении, ты вернулся в Свердловск же с запада!.. — воскликнул Зубов.

— Облетев весь земной шар, — уточнил Барташевич. — Стратоплан выдержал экзамен, хотя не выполнил задания — опуститься в Хабаровске. Но что случилось с твоими глазами? Мы уж все передумали, а о такой простой вещи, как болезнь, не подумали — уж очень ты здоров. Сейчас-то ты хорошо видишь?

— Отлично, как всегда. А что было с моими глазами — сам понять не могу. Быть может, это действие космических лучей. Ведь, в конце концов, никто еще не летал на такой высоте...

— И с такой скоростью, — прибавил Зубов. — Влияние таких скоростей также еще не изучено.

— Да, факт тот, что зрение вернулось ко мне, когда я опустился в тропосферу.

К стратоплану сбегались рабочие — его строители. Пришел и старший мастер Бондаренко, пришел и друг Шахова — молодой ученый Меценко.

Шахову пришлось еще рассказать историю своей внезапной слепоты и выздоровления.

— Ты все-таки сходи к доктору, — посоветовал Бондаренко.

— Ни к какому доктору ходить не надо! — возразил Меценко. — Каюсь, я виноват! Моя оплошность!

Все посмотрели на него с недоумением.

— Помнишь, Шахов, — продолжал Меценко, — в день отлета я пригласил тебя в свою лабораторию — показать мои работы, похвалиться своими достижениями?..

— Ну, и какое же это имеет отношение?

— Увы, самое близкое! Я показал тебе фотоэлементы и разные лампы... Между ними была одна с ультрафиолетовыми лучами. Ты заинтересовался моими работами, и я часа два тебе рассказывал. Мы стояли недалеко от этой лампы. Я увлекся и не́ обратил внимания, а ты, слушая, вероятно, все время смотрел на свет лампы. Ну и получил поражение глазных нервов. Невидимый ожог, коварный уже тем, что обнаруживается он только через несколько часов. При таких ожогах временно теряется зрение, восстанавливается же оно тоже только через несколько часов. Да, это моя оплошность!

Барташевич поднес к лицу Меценко кулак и полушутливо-полусерьезно выругался по-украински.

— И какие же теперь выводы, товарищи? — спросил он. — Первое — летчикам перед полетами не заглядываться на лампу ультрафиолетового света. — И он заложил палец. — Второе — никогда не отчаиваться, не терять надежды на спасение, как бы положение ни казалось безнадежным...

— Третье — никогда не подозревать без достаточных оснований, — вставил Зубов.

— Так ведь были же основания, и немалые, — возразил Барташевич. — А в общем, живем, Шахов? Шах королю!..

МИСТЕР СМЕХ

НА РАСПУТЬЕ

Спольдинг вспомнил счастливые, как ему казалось, минуты, когда он положил в портфель аттестат об окончании политехнического института.

Он инженер-механик, и перед ним открыт весь мир. Для него светит солнце. Для него улыбаются девушки. Для него распускают павлиньи хвосты роскоши витрины магазинов, для него играет веселая музыка в нарядных кафе, для него скользят по асфальту блестящие автомобили.

Правда, сегодня все это еще недоступно для него, но, быть может, завтра он возьмет под руку голубоглазую девушку с ярко-пунцовыми губами, сядет с ней в блестящий автомобиль, поедет в лучший ресторан города.

Ну, понятно, это все будет «завтра» не в буквальном смысле слова. Надо найти работу. Послужить инженером у хозяина. Скопить немного денег и открыть собственное дело. А дальше все пойдет как по маслу.

Найти работу... Это, конечно, нелегко. Спольдинг хорошо знает об этом. Но кризис и безработица — страшные слова не для него, Спольдинга. Разве в институте у кого-нибудь из студентов был такой рост, вес, такие мускулы, как у него? Разве во всех спортивных состязаниях он не побеждал всех своих товарищей? А голова! Разве он не кончил высшую школу одним из первых — мог бы и первым, если бы не слишком увлекался спортом.

Главное же, ни у кого нет такой стальной воли, такого упрямого стремления к власти, такой страстной жажды богатства, такого аппетита ко всем благам жизни и такой фанатичной настойчивости в достижении цели.

И Спольдинг ринулся головой в свалку, как изголодавшийся волчонок, пустив в ход и волю, и жажду, и зубы, и когти. Но вскоре оказалось, что всего этого мало. Когти ему понадобились только на то, чтобы однажды в сердцах сорвать висевшее на воротах завода объявление «Приема нет». Зубами он грыз от злости камышовую трость, получая очередной отказ. В большинстве случаев ему не удавалось проникнуть не только в кабинет директора, но и к секретарю. Ему оставалось лишь говорить по телефону из проходной конторы или из вестибюля. Однажды он попытался силой прорвать кордон, но был с позором, под руки, выведен из кабинета личного секретаря машиностроительного магната.

Он жил на случайные мелкие заработки, нередко недоедал и ожесточался; он со злорадством думал о том, как сам будет еще более беспощаден с неудачником, когда все же достигнет

вершин земного благополучия. И если обычные пути трудны, нужно находить более быстрые, новые, необычные.

Новые пути! Где они, эти новые пути? Спольдинг начал жадно прислушиваться, ловить каждое слово о быстрых или необычайных способах обогащения.

Как-то в вагоне подземной железной дороги Спольдинг услышал разговор об удаче одного писателя-юмориста, который одной книгой сделал себе огромное состояние. Спольдинг сам читал эту веселую книгу и от души хохотал. Но ведь у него, Спольдинга, нет литературного дарования. Через несколько дней он прочитал о человеке, нажившем, несмотря на кризис, миллионы на патентованном средстве для ращения волос. Секрет заключался в том, что это средство — невероятно, но факт — действительно вызывало усиленный рост волос. А изобрести такое или подобное средство — не легкий и не скорый путь. В другой газете сообщалось о колоссальных заработках знаменитого комического киноартиста Престо. Увы, у Спольдинга не было и артистических талантов.

Усталый, раздраженный, с тяжелым грузом дневных огорчений и обид, поздно вечером возвращался Спольдинг домой. Шагал он по узкой комнате с окном во двор и слушал, как за стеной кто-то заунывно играл на странном инструменте. Звуки напоминали то флейту, то скрипку, то человеческое контральто.

Эти звуки действовали ему на нервы. Непонятен был тембр, непонятна меняющаяся мелодия — то чарующая, прекрасная, то кошмарная, нелепая. Непонятны были, как и вчера вечером, неожиданные переходы музыкальных звуков в пулеметную стрельбу, впрочем, очень скоро прекратившуюся. Непонятен, наконец, был исполнитель. Ученик не мог играть столь блестяще такие технически сложные вещи, артист не мог исполнять музыкальные нелепицы, странные по содержанию и форме.

Уже несколько дней эти звуки интригуют и беспокоят Спольдинга. Надо будет спросить у хозяйки дома, кто поселился в соседней комнате. И сегодня за стеной после певучей скрипичной мелодии вдруг послышался адский железный скрежет, свист, верещанье.

Спольдинг начал стучать в стену.

Звуки умолкли.

КОРОЛЕВА СЛЕЗ

Стучат...

— Войдите.

В полуоткрытых дверях появилась высокая краснощекая сорокалетняя хозяйка пансиона. Не входя в комнату, она сказала:

— Простите, мистер Спольдинг... Вам, кажется, мешает соседка своей ужасной музыкой? Я скажу ей, чтобы она не играла позже восьми часов вечера.

— Благодарю вас, миссис Адаме, — ответил Спольдинг. — Эта музыка действительно несколько беспокоит меня. Но я не хотел бы стеснять соседку, если для нее эти звуковые феномены не забава, а работа. Я могу приходить домой позже...

— Ах, нет, нет! Я непременно скажу мисс Бульвер. Она непозволительно молода... то есть я хотела сказать: непозволительно оригиналка по своей молодости. Изобретательница! — с долей презрения закончила миссис Адаме свою аттестацию.

Спольдинг заинтересовался:

— Оригиналка? Изобретательница? И что же она изобретает? Да вы войдите в комнату, миссис Адаме!

Но миссис Адаме не так была воспитана, чтобы заходить в комнату одинокого холостяка. Она осталась у двери.

— Благодарю вас, но я тороплюсь, — ответила она. — Я не хочу сказать ничего плохого о мисс Бульвер, но все эти изобретатели немножко того. — И Адаме повертела толстым пальцем с двумя обручальными кольцами возле лба. — Она говорит, что изобретает такую песенку, от которой заплачет весь мир: и грудной младенец, и столетний старик, и счастливая невеста, и жизнерадостный юноша, даже кошки и собаки. Она так говорит: «И тогда я буду Королевой слез», — это ее собственные слова, я ничего не прибавляю.

Миссис Адаме позвали, она извинилась, одарила на прощанье Спольдинга улыбкой и ушла.

...Во втором этаже находилась широкая застекленная веранда, выходившая в садик с чахлыми деревцами и двумя клумбами.

Веранда была своего рода клубом для жильцов миссис Адаме. Здесь стояли столики, плетеная мебель, искусствен-

ные пальмы в углах, горшки с цветами на подоконниках и клетка с зеленым попугаем, любимцем хозяйки. Вечерами здесь играли в шахматы и домино, болтали, танцевали под граммофон, читали газеты, иногда пили чай и закусывали.

До сих пор Спольдинг не посещал этого клуба, где собирались мелкие служащие, кустари, продавцы вразнос, неудачливые комиссионеры и агенты по сбыту патентованных средств, начинающие писатели, студенты, — дом был большой, жильцы часто менялись. Теперь Спольдинг зачастил в клуб и здесь встретился с мисс Бульвер.

Прежде чем познакомиться, он несколько дней изучал ее. Аттестация, данная миссис Адаме, совершенно не подходила к этой девушке. Она совсем не походила на оригиналку, а тем более на «тронутого» изобретателя. Простая, спокойная. Черты лица правильные, приятные.

— Вы называете себя Королевой слез? — спросил однажды Спольдинг.

Бульвер улыбнулась.

— Я хочу стать ею. И не только Королевой слез, но и Королевой радости, Королевой человеческого настроения, если хотите.

— Заставлять людей плакать или смеяться? Разве это возможно?

— А разве это и сейчас не существует? — ответила Бульвер вопросом на вопрос. — Разве вы не встречали впечатлительных, простых людей, которые не могут удержаться от слез, когда слышат звуки похоронного марша, исполняемого духовым оркестром? И разве у этих людей не начинают ноги сами приплясывать при звуках плясовой песни? Когда мы до конца проникнем в тайну веселого и грустного, у нас заплачут и засмеются не только самые чувствительные и впечатлительные люди. Мы заставим плясать под нашу дудку само горе, а радость — проливать горючие слезы.

Спольдинг улыбнулся.

— Да, это зрелище, достойное богов, — сказал он. — И вы полагаете, что из этого можно извлекать доллары?

— Мой патрон, мистер Гоуд, полагает, что да. Иначе он не субсидировал бы, хотя и в очень скромных размерах, моих опытов.

— Мистер Гоуд? Чем же он занимается?

— Механическим производством веселья и грусти. Он фабрикант граммофонных пластинок.

И девушка рассказала Спольдингу историю своих деловых отношений с мистером Гоудом.

Лючия Бульвер окончила консерваторию по классу композиции. Уже на последних курсах консерватории она занялась теоретической работой, которая ее чрезвычайно увлекла. Она хотела постичь в музыке тайну прекрасного. Почему одна последовательность звуков оставляет нас равнодушными, другая раздражает, третья пленяет? На эти вопросы не было ответа ни в теории гармонии и контрапункта, ни в сочинениях по эстетике и психологии. Тогда Бульвер взялась за теоретические работы по акустике и физиологии.

— И какую же практическую цель вы преследовали? — спросил Спольдинг.

— В начале этой работы я не думала ни о какой практической цели. Открыть тайну прекрасного! Изучая узоры нотописи и звукозаписей, я пыталась в этих узорах найти закономерности. И кое-что мне уже удалось. Потом попробовала сама составлять узоры и переводить их в звуки, и, представьте, у меня начали получаться довольно неожиданные, оригинальные мелодии.

Однажды я принесла мистеру Гоуду сочиненную мной песенку. Случайно вместе с нотами выпал из портфеля один из таких узоров. Мистер Гоуд заинтересовался, спросил меня, что это за каббалистика. Я объяснила. Мистер Гоуд сказал: «Интересно. Пожалуй, из этого может выйти толк. Вы знаете, я скупаю у композиторов новые песни и романсы... Монопольно. Только для моих пластинок. В нотном издательстве они не появляются. Но с композиторами, не обижайтесь, трудно ладить. Как только композитору удается написать одну-две популярные песенки, он начинает зазнаваться и заламывает несуразно высокую цену. Этак и разориться недолго. И вот, если бы вам удалось изобрести аппарат, при помощи которого можно было бы механически фабриковать мелодии, ну хотя бы так, как получается итоговая цифра на арифмометре, — это было бы замечательно. Я больше не нуждался бы в композиторах, освободился бы от их капризов и чрезмерных претензий. Чудесно! Посадить за аппарат рабочего или машинистку — и пожалуйста! Одна хорошенькая мелодия за другой

падают вам в руки. Только верти ручку, и деньги сами посыплются. И мир будет наводнен новыми песнями. Сможете это сделать, мисс?»

Я ответила, что у меня не было мысли о полной замене художественного творчества машиной и едва ли это возможно.

«Математические исчисления не менее сложны, чем ваши композиционные измышления, а тем не менее счетные машины прекрасно заменяют работу мозга.

Попробуйте. Я могу субсидировать ваши опыты. Если же вы добьетесь удачи, ваше будущее вполне обеспечено».

Я приняла это предложение.

— И каковы же ваши успехи? — спросил Спольдинг.

— Мне удалось уже овладеть кое-какими эстетическими формулами для математического построения мелодий. И если эта работа пойдет с таким же успехом и дальше...

По веранде прошла миссис Адаме. Был поздний час, веранда почти опустела. Бульвер пожелала Спольдингу покойной ночи и ушла.

ЭВРИКА!

После того как Спольдинг узнал, чем занимается Бульвер, он потерял к ней всякий интерес, как к «сфинксу без тайны».

Месяц спустя после разговора с Бульвер Спольдинг однажды, возвращаясь домой в вагоне подземной железной дороги, прочитал в газете: «Концерну Бэкфорда угрожает крах».

Спольдинга интересовало все, что касалось возвышения и падения людей — от судьбы Наполеона до истории миллионов Ротшильда и Рокфеллера. И он внимательно прочитал газетную заметку. Оказалось, что Бэкфорд был одним из «гегманов» — профессионалов-шутников, нечто вроде французских конферансье. Это Спольдинг знал. Но дальше для него были новости. Оказалось, что «торговля смехом» поставлена в Америке на широкую ногу. Выдумывание острот — такой же «бизнес», как и изготовление шляп или запонок. И крупнейшим «концерном» такого рода являлось предприятие мистера Бэкфорда — «первого гегмана в Америке». Он придумывал и продавал остроты, писал скетчи, юмористические номера для музыкальной комедии, для работников эстрады, клоунов и комиков театра. Нажив на этом небольшое состояние, он на-

чал покупать и перепродавать чужие остроты, собирать и систематизировать «мировые запасы смехотворения» — юмористические книги, исторические анекдоты, граммофонные пластинки с юмористическими записями. Его каталог содержал более сорока тысяч острот, шуток, анекдотов. Весь материал систематизировался по темам, пронумеровывался, каталогизировался. Любую шутку можно было найти в течение двадцати секунд.

Каждый год каталог пополнялся на три тысячи номеров. Чтобы отобрать первые сорок тысяч, Бэкфорду пришлось просмотреть более трех миллионов шуток и острот. Заказчик требовал, чтобы в программах, составленных Бэкфордом, слушатель смеялся не менее восьмидесяти раз в час. Бэкфорд перевыполнил это требование: слушатели смеялись от девяноста до ста раз, а в самых лучших программах даже — рекордная цифра — сто двадцать раз в течение получаса. По теории Бэкфорда, зрители и слушатели не гонятся за новыми шутками, которые к тому же трудно изобретать.

Все, что требуется от профессионала, — умело подобрать старые остроты.

Теория эта как будто оправдывалась жизнью, по крайней мере, дела «концерна» шли успешно.

Бэкфорд оброс «дочерними» предприятиями: кино, мюзик-холлами и прочими — и даже обзавелся банком. И вдруг все это солидное здание начало давать трещину за трещиной. По необъяснимой причине слушатели и зрители смеялись все реже и реже: семьдесят, шестьдесят, сорок, двадцать раз в продолжение часа вместо восьмидесяти, девяноста, ста «обязательных». Сбыт сокращался...

Почему? Спольдинг задумался. Быть может, Бэкфорд не учел изменившихся обстоятельств.

Кризис. Общее тревожное настроение в стране и во всем старом мире. Чувство неустойчивости, неуверенности. Бэкфорд был грубый практик. Он не пытался ответить на вопрос теоретически. Заглянуть, вскрыть природу смешного. Изучить психологию современного зрителя, слушателя, читателя. Меняются люди, меняется их отношение и к смешному. То, что смешило вчера, вызывает сегодня недоумение. Понятие смешного подвижно и разнообразно. Но какие-то общие принципы смеха должны существовать. Быть может,

они сводятся к пяти-шести основным «формулам». И если их найти и умело применять сообразно людям и обстоятельствам, люди начнут смеяться безотказно. А почему же нет? Надеется же Бульвер найти принципы прекрасного? И если да, то... ведь это же золотые россыпи! Бэкфорд был и остался мелким кустарем. Он не понял, что смех не только валюта, но и могущественная сила. Как заманчиво обладать секретом смеха, заставлять хохотать всяких людей при всяких обстоятельствах!

У Спольдинга даже руки похолодели. Что же надо делать? Во что бы то ни стало вырвать у смеха его тайну. Изучать вопрос теоретически и практически. И затем действовать. Нет основного капитала! Для начала можно предложить свои услуги этому гегману и банкиру Бэкфорду, а потом...

Спольдинг так увлекся, что хлопнул ладонью по газете и неожиданно для себя крикнул на весь вагон:

— Эврика!

Соседка испуганно посторонилась, а Спольдинг, взглянув в окно, вновь вскрикнул, но уже от досады на себя: задумавшись, он проехал пять лишних остановок.

Под смех пассажиров он кинулся к выходу.

С того дня Спольдинг засел за работу...

ПУТЬ К СЛАВЕ

Спольдинг сделал пометку на полях толстой тетради, походил по комнате, достал с книжной полки том Марка Твена, раскрыл заложенную страницу и прочитал подчеркнутые карандашом строки:

«Есть ли у вас брат? — Да, мы звали его Билль. Бедный Билль! — Он, значит, умер? — Этого мы никогда не могли узнать. Глубокая тайна витает над этим делом. Мы были — покойный и я — близнецы, и когда нам было две недели от роду, нас купали в одной лохани. Один из нас утонул в ней, но никак нельзя было узнать который. Одни думают, что Билль, другие, что я...»

Спольдинг засмеялся, тотчас нахмурился, задумался. Бросил на стол томик Марка Твена и снова зашагал по комнате.

«В чем тут секрет смешного?»

Спольдинг открыл книгу Анри Бергсона «Смех». «Смешной является косность машины там, где должны быть подвижность, внимание, живая гибкость человека. Человек, действующий как мертвый автомат. Вот один из секретов смешного. Человек бежит по улице, спотыкается, падает. Прохожие смеются. Человек занимается своими повседневными делами с математической правильностью. Но вот какой-то злой шутник перепортил окружающие его предметы. Человек погружает перо в чернильницу и вытаскивает оттуда грязь, думает, что садится на крепкий стул, и растягивается на полу...»

«А ведь это верно! — удивляется Спольдинг. — Ведь это же стандарт всех комических трюков наших американских кинокартин! Однако мне необходимо испытать действенность этого на отдельных людях. Кстати, вот стул со сломанной ножкой, вот...»

Миссис Адаме подошла к двери и с любопытством заглянула в замочную скважину. Спольдинг стоял перед зеркалом и делал страшные гримасы. Стук в дверь отвлек его внимание.

Кто бы это мог быть? Ну конечно, это миссис Адаме идет справиться, не нужно ли мне чего. Испытаем на ней.

— Войдите!

Миссис Адаме открывает дверь. Спольдинг делает навстречу ей несколько шагов. На полпути ноги у него заплетаются, и он глупо во весь рост растягивается на полу. Но миссис Адаме не смеется. Она истерически вскрикивает и бросается к Спольдингу.

— Вы ушиблись? Что с вами? Боже, я так испугалась!..

— Ничего, ничего, легкое головокружение, миссис. Садитесь, прошу вас, в кресло. Я тоже присяду. Голова еще кружится.

Спольдинг садится на стул со сломанной ножкой и, идиотски вытаращив глаза, с грохотом падает на пол. Адаме окончательно испугалась. Растерянно заметалась.

— Вы больны, мистер, это совершенно очевидно. И лицо ваше изменилось, оно страшно искажено, неподвижно. Такое лицо бывает у... очень больных!

Увы, смешная, как казалось Спольдингу, гримаса вызвала не смех, а испуг.

Когда наконец хозяйка ушла, Спольдинг бросился к своим книгам. В чем причины неудачи?

Ему казалось, что он нашел объяснение: для смеха необходима нечувствительность к объекту смеха. Но в том-то и дело, что к нему, Спольдингу, миссис Адаме неравнодушна. А можно ли рассмешить влюбленную в тебя женщину? Конечно, можно. Надо только найти секрет...

Понемногу он одолевал тайну смешного.

Скоро Спольдинг стал «душой общества», собиравшегося на веранде (он вновь начал появляться там). Возле него неизменно раздавался смех.

— Мы не знали, что вы такой веселый, — говорили пансионеры.

Веселых любят, и Спольдинг чувствовал растущие к нему симпатии.

Постепенно он ставил себе все более трудные задачи: смешил угрюмых, больных, чем-либо огорченных и расстроенных людей. У него еще были неудачи, ошибки, но он все легче исправлял их, зато были и настоящие победы. В пансионе Адаме появился новый жилец, отставной офицер Баллонтайн, человек необычайно мрачного характера и исключительных жизненных неудач. Говорят, только за последний год он потерял половину своего состояния, левую ногу и жену, покинувшую его из-за невыносимого характера. Притом он болел печенью и отличался необычайной раздражительностью. Никто не видел его не только смеющимся, но и улыбающимся. И вот такого человека Спольдинг решил рассмешить. Об этом знали все, кроме самого Баллонтайна, заключались крупные пари. Спольдинг уже вступал на арену смехотворца-профессионала.

Как будто не обращая внимания на старого брюзгу, Спольдинг начал демонстрировать свои испытанные номера. Баллонтайн сидел на низкой софе, обняв скрещенными пальцами колено здоровой ноги, и смотрел на Спольдинга черными сердитыми глазами. Кругом все покатывались со смеху, у Баллонтайна хоть бы мускул дрогнул на лице. Ставившие на Спольдинга начали уже с беспокойством перешептываться: быть может, Баллонтайн глух, как никогда не смеявшийся дядюшка в рассказе Марка Твена?

Но тут неожиданно Баллонтайн взорвался. И взрыв его смеха был похож на пушечный выстрел, причем по законам отдачи его корпус откинулся назад, а затылком он так больно ударился о стену, что на несколько минут потерял сознание:

ему прикладывали холодные компрессы и давали нюхать спирт.

Торжество Спольдинга было полное.

Веранда становилась тесна для его экспериментов. И он решил поработать гегманом в мюзик-холле. У него уже была солидная теоретическая подготовка, какой не имеют артисты, и у него был собран большой материал острот и анекдотов всех времен и народов. Не мудрено, что успех пришел к нему сразу, а за успехом и довольно крупные заработки. Спольдинг щедро расплатился с миссис Адаме и, к ее величайшему огорчению, переехал на новую квартиру в центре города.

Получив солидную теоретическую и практическую подготовку, Спольдинг решил предложить свои услуги Бэкфорду. Спольдинг уже имел некоторую известность, и ему без особого труда удалось проникнуть к Бэкфорду, поговорить и убедить взять его к себе в качестве «научного консультанта».

Спольдинг рьяно принялся за работу. Ознакомился с каталогом «шедевров мировых острот и шуток», с граммофонными пластинками, кинотекой. Дело Бэкфорда было рассчитано на массовый сбыт, и потому Спольдинг принялся изучать среднего американца — его вкусы, его натуру. Нужно было выяснить, почему рекордные программы Бэкфорда не вызывают прежнего смеха и чем можно вновь вызвать этот смех. От изучения толпы, массового среднего американца Спольдинг перешел к изучению отдельных людей, типичных представителей отдельных классов и групп населения. Рассмешить безработного, рабочего, служащего, находящегося под страхом увольнения; домовладельца, оставшегося без жильцов, лавочника без покупателей; антрепренера пустующего театра. Рассмешить голодного калеку, арестанта, меланхолика. Рассмешить человека, придавленного заботой, охваченного беспокойством, тревогой. Рассмешить всех их — значит рассмешить среднего американца, от природы здорового, склонного к оптимизму и юмору.

После упорного труда Спольдингу удалось разрешить задачу.

— Вы даже мертвого заставите рассмеяться, Спольдинг! — говорил довольный своим консультантом Бэкфорд.

Можно было заняться расширением производства. И здесь Спольдинг проявил большую изобретательность.

Он расширил круг клиентов, заказчиков, обновил «ассортимент товара», изобрел новые сорта и виды продукции. Рекламные проспекты с приложением «образцов товара» рассылались актерам театра и кино, драматургам, писателям, журналистам, адвокатам, конферансье, цирковым клоунам, врачам, тюремщикам, педагогам, профессорам, парикмахерам, даже настоятелям церквей различных вероисповеданий.

«Смех как метод лечения!» — при этом приводились примеры и авторитетные заключения ученых. «Веселый парикмахер привлекает клиентуру!» — история мистера Гопкинса, парикмахера, разбогатевшего после того, как он стал пользоваться услугами концерна Бэкфорда. «Клиент м-ра Бэкфорда мистер Г. очаровал своими веселыми шутками мисс Н., богатую и красивую девушку, и женился на ней»; «Театр, где не перестает звучать смех, никогда не имеет пустых мест — убедительные примеры».

Рекламы производили свое действие, спрос увеличился. К некоторому удивлению самого Спольдинга, он завербовал довольно много клиентов среди церковных проповедников, которые как-то умудрились соединить земной грешный смех с небесной елейностью.

Появились в продаже новые пластинки фирмы Бэкфорд с записью неотразимых выступлений Спольдинга, пластинки — открытые письма с анекдотами и смешными песнями, коробки с вызывающими смех сюрпризами, фокусные смехотворные сигары, папиросы, конфеты, бинокли, стереоскопы, игрушки, зеркала, карлики, зверюшки, делающие неожиданно забавные движения или производящие смешные звуки. В ловких руках Спольдинга смех, подобно мифическому старику Протею, принимавшему разнообразные облики, становился то словом, то звуком, то красками, то формами, то тем и другим вместе. Неожиданный успех — большой доход — принесло последнее изобретение Спольдинга — уличные «киоски смеха», где прохожие за дешевую плату могли в пять минут насмеяться досыта. Они выходили оттуда со слезящимися от смеха глазами и веселыми восклицаниями. Это было лучшей рекламой, и возле киосков всегда толпились очереди.

Дела Бэкфорда поправились и быстро пошли в гору. Он был вполне доволен Спольдингом, но Спольдинг не был доволен своим хозяином.

В свое время между ними был заключен такой договор: Бэкфорд платит Спольдингу ежемесячную твердую плату. Сверх этого, как только доходы Бэкфорда начнут расти, Спольдинг получает два процента — всего только два процента! — с суммы новых, добавочных доходов. Но чем больше росли доходы, тем меньше желания проявлял Бэкфорд соблюдать договор. Бэкфорд не хотел платить два процента.

Между Спольдингом и Бэкфордом уже произошло несколько крупных столкновений. Бэкфорд даже сам провоцировал их: скорее можно будет отказаться от Спольдинга, который, по мнению Бэкфорда, был уже не нужен.

— Ну, так не будьте в претензии на меня, мистер Бэкфорд! — однажды во время такого спора воскликнул Спольдинг. — Я спас вас от разорения. На моем смехе вы нажили новые капиталы и, несмотря на свои обещания, теперь отказываетесь выдать мою часть. Так знайте же, что я сумею смехом отобрать у вас свою долю смеха, превращенную в деньги!

— Поистине это самая неудачная шутка из моего пятидесятитысячного каталога шуток и острот, — презрительно улыбаясь, ответил Бэкфорд.

— Посмотрим, для кого она будет неудачной! — угрожающе возразил Спольдинг.

После этого Спольдинг надолго уединился, производя какие-то новые опыты.

И вот...

ВВЕРХ ДНОМ

Грузное тело мистера Бэкфорда, судорожно сотрясаясь, перевалилось через подлокотник кресла. Лицо искажено гримасой истерического смеха. Шея покрыта крупными каплями пота. Пухлая рука с массивным перстнем на безымянном пальце беспомощно свесилась, касаясь персидского ковра. Бэкфорд пытался сесть прямо, но припадок мучительного смеха снова свалил его на сторону.

Чрезвычайным усилием воли мистеру Бэкфорду наконец удалось приподняться и сесть прямо, откинувшись на спинку кресла.

Раскаты смеха слышались все реже, как удаляющаяся гроза. Мистер Бэкфорд начал приходить в себя, но еще не смог

толком сообразить, что, собственно, произошло. Через полуоткрытую дверь из соседней комнаты, где помещался секретариат, доносились странные, нелепые, приглушенные звуки не то смеха, не то рыданий, всхлипывания, тяжелые вздохи, стоны, отрывочные фразы и снова смех.

Наваждение какое-то!

Бэкфорд машинально посмотрел на письменный стол, покрытый толстым зеркальным стеклом. На нем лежала чековая книжка с торчащим белым корешком. Бэкфорд собственной рукой вписал в чек «десять миллионов долларов», расписался, оторвал чек от корешка и отдал Спольдингу. Бледно-синее лицо Бэкфорда становится сизым, щеки лиловыми. Новый взрыв лающего смеха вдруг переходит в неистовый рев взбесившегося осла. В ответ на этот рев в соседней комнате застонали, завыли, залаяли, зафыркали, закашляли, заохали, захохотали на разные голоса, но никто не пришел на помощь. Быть может, им самим нужна была помощь. Эта мысль помогла Бэкфорду окончательно овладеть собой — ведь он был могущественным главой фирмы, владельцем небоскреба, он был могущественным господином для всех этих подневольных безденежных людей.

Бэкфорд постарался восстановить в памяти происшедшее, но это нелегко было сделать, когда по сто первому этажу билдинга Бэкфорда пронесся тайфун безумия и все перевернул вверх дном. Был знаменитый «мертвый час» Бэкфорда — от восьми до девяти утра, когда он в полном одиночестве составлял план дневной кампании — кого пускать на дно, с кем заключить временный союз, кому нанести сокрушительный удар. Если бы одновременно провалились нью-йоркская, парижская и лондонская биржи вместе с государственными банками, если бы Луна упала на Землю, никто не мог, не смел, не имел права вторгаться в его кабинет и нарушать час священнодействия.

И вот сегодня... Бэкфорд уже ориентировался в «дислокации» международных финансовых сил и принялся набрасывать краткие, но точные приказы своим директорам, агентам, биржевым маклерам, подкупленным чиновникам Министерства финансов, редакторам газет, как вдруг — он не поверил своим ушам! — в соседней комнате личного секретаря послышался непристойный шум, который мог нарушить стройное

течение его мыслей, тем самым причинив Бэкфорду огромные убытки. Вслед за шумом раздался уже совершенно неприличный смех. Это было равносильно бунту, мятежу. Глава фирмы уже протянул руку к «сигналу тревоги», как вдруг дверь резко открылась, волны безумного смеха заполнили огромный кабинет. В дверях стоял этот негодяй Спольдинг в сером костюме и соломенной шляпе. Бэкфорд немного откинул назад свою круглую голову и взглянул на незваного гостя тем испытанным ледяным, пронизывающим взглядом, от которого приходили в смущение самые закаленные пройдохи и прожженные дипломаты.

Спольдинг выдержал этот взгляд и вдруг сделал какую-то легкую, но невероятно смешную гримасу, какой-то легкий жест, придавший неотразимый комизм всей фигуре, и сказал всего одну фразу. Сейчас Бэкфорд не мог даже вспомнить ее — нечто совершенно неожиданное, абсолютно неподходящее к месту и времени, но, быть может, именно потому до такой степени забавное, что Бэкфорд вдруг расхохотался таким непосредственным, заразительным смехом, каким не смеялся со времени своей далекой молодости. Спольдинг, не снимая шляпы, быстро прошел по ковру расстояние от двери до письменного стола, встал возле стола, оперся рукой на стеклянную поверхность и в паузе бэкфордовского смеха сказал:

— Не угодно ли, хозяин, закончить наши расчеты. Потрудитесь подписать и выдать мне чек на десять миллионов долларов!

Бэкфорд на секунду перестал смеяться и с испугом посмотрел на Спольдинга — не сошел ли тот с ума: смешить первого гегмана столь же нелепо, как угощать конфетами фабриканта конфет!

Спольдинг улыбнулся и сказал:

— Надеюсь, вы будете достаточно благоразумны. Нет? — Снова мимическая игра и какая-то новая фраза, вызвавшая у Бэкфорда неудержимый смех. — Чек пишите на предъявителя. — Бэкфорд засмеялся, забился, как птица, попавшая в силки. Протянул руку к звонку, но припадок судорожного смеха парализовал движение. Все мышцы совершенно ослабели. Тело словно обмякло. С тоской глянул в открытую дверь — оттуда помощи ожидать не приходилось: машинистки и секретари корчились в пароксизмах смеха, словно в

предсмертных судорогах страшной эпидемической болезни... А Спольдинг, этот злой гений смеха, продолжал терзать тело и нервы мистера Бэкфорда. Астматического телосложения босс начал задыхаться и прохрипел:

— Миллион!

— Десять и один! — ответил Спольдинг.

— Два!

— Десять и два! — набавил Спольдинг.

Бэкфорд превращался в кисель. Он так смеялся, что глаза закатывались, губы синели, в боках кололо и не хватало дыхания. Упрямство могло кончиться плохо. Бэкфорд попросил пощады. Он готов подписать чек на десять миллионов, но не может сделать этого: у него дрожат руки. Спольдинг перестал смешить, Бэкфорд отдышался и подписал чек. В конце концов, это и не так страшно. Бэкфорд успеет сообщить в банк, чтобы деньги не выдавали. Спольдинг небрежным жестом положил чек в карман, приподнял соломенную шляпу и отпустил на прощанье такую шутку, которая сделала Бэкфорда неспособным к каким-либо действиям на время, необходимое Спольдингу, чтобы спокойно уйти.

...Глубоко вздохнув, как человек, проснувшийся после кошмарного сна, Бэкфорд посмотрел на циферблат больших часов, стоявших в углу кабинета. К удивлению банкира, оказалось, что визит Спольдинга продолжался всего восемь минут и со времени его ухода прошло не больше минуты. Спольдинг должен был находиться еще в лифте. Бэкфорд схватил телефонную трубку, позвонил в банк, помещавшийся двумя десятками этажей ниже, и приказал немедленно арестовать предъявителя чека на десять миллионов долларов.

— Денег не выдавать! Чек подложный! Ха-ха-ха! О, дьявол! Вы не обращайте внимания, что я смеюсь. Это нервное... ха-ха!

Затем на тот случай, если Спольдинг не явится в банк за получением денег лично, Бэкфорд позвонил к начальнику охраны, помещавшейся в первом этаже:

— Немедленно поставить стражу у всех дверей! Ха-ха-ха-хо! — снова расхохотался Бэкфорд, вспомнив Спольдинга. — За... за... ха-ха-хо! — «Тысячу чертей! Так он успеет убежать!..» Наконец ему удалось выговорить вторую фразу: — Арестуйте

молодого человека в сером костюме и в соломенной шляпе. Спольдинга! Знаете?! Фу, теперь можно посмеяться. Хо-хо-хо-хо! Так. Довольно. Хо-хо-хо! Довольно!

Бэкфорд позвонил личному секретарю. В кабинет вошел высокий худой человек, согнувшийся, как полураскрытый перочинный нож. Он смеялся мелким, заливчатым смехом, и тело его так дергалось, будто чья-то сильная рука трясла его, как игрушечного паяца. На полпути до стола секретарь совершенно скис от смеха и обессиленный уселся на ковер. Глядя на секретаря, Бэкфорд хмурился все больше и вдруг захохотал сам.

Секретарь поднялся. Шатаясь, как пьяный, добрался до столика с графином воды. Попытался налить воду в стакан, но руки дрожали.

Позвонил телефон. Бэкфорд снял трубку. Первое, что он услышал, был смех — буйный, неудержимый, с верещаньем. Бэкфорд побледнел. Этот серый дьявол Спольдинг, очевидно, успел заразить эпидемией смеха и первый этаж.

Басовый смех заменился теноровым — пискливым, ребячьим или женским. Видимо, разные люди пытались говорить, но смех мешал им. Бэкфорд грубо выругался и бросил телефонную трубку.

Лишь через три часа ему удалось узнать подробности происшедших событий, о которых, впрочем, он уже догадывался. И в банке и в вестибюле пытались, но неудачно, задержать Спольдинга. В банке к нему подошли три полисмена, но, словно сраженные пулей, через секунду они уже корчились на полу в судорогах смеха. Спольдинг принудил смехом кассира выдать деньги, смехом проложил себе путь в вестибюле среди многочисленных полицейских и благополучно ушел из билдинга, унося в боковом кармане серого костюма десять миллионов долларов.

— Нет, это не человек, это сатана! — прошептал Бэкфорд.

Глава фирмы был огорчен потерей крупной суммы денег, возмущен дурацкой ролью, которую ему пришлось играть, и все же он не мог не чувствовать чего-то похожего на уважение к Спольдингу. Уже то, что мистер Смех потребовал не тысячу, не миллион, а десять миллионов, поднимало его над толпой мелкотравчатых авантюристов.

Но оставить этого нельзя. Подарить ни с того ни с сего десять миллионов — не таков мистер Бэкфорд.

И Бэкфорд начал звонить в полицию, в прокуратуру, своим агентам.

КОРОЛЬ СМЕХА

В несколько часов Спольдинг — «мистер Смех», как уже прозвали его журналисты, — получил мировую известность. Вернее, мировую огласку получило необычайное происшествие в небоскребе Бэкфорда. Но о самом мистере Смехе, о его прошлом, о его личной жизни знали очень мало. Корреспонденты вспоминали, что под именем мистер Ризус (мистер Смех) подвизался на лучших эстрадах мюзик-холла некий юморист, чрезвычайно быстро делавший карьеру. При одном его выходе весь зрительный зал заливался гомерическим хохотом, и мистера Ризуса уже тогда называли Королем смеха. Однако он, пролетев ярким метеором, исчез с эстрады так же внезапно, как и появился. О нем забыли, дальнейшей судьбой его не интересовались.

И вот теперь мистер Ризус, Король смеха, так внезапно напомнил о себе.

Армия юрких корреспондентов и стая полицейских ищеек бросились по городу разыскивать следы Спольдинга. К удивлению самих следопытов, эти следы разыскались очень просто. Оказалось, Спольдинг снимает прекрасный особняк почти в центре города. Дом стоит посреди сада, окруженного красивой железной оградой, через которую хорошо видны дом и все дорожки английского сада. Сюда и устремились толпы журналистов, фотографов, кинооператоров.

Железные ворота и калитка оказались на запоре. На звонки никто не выходил.

Не прошло и пяти минут, как юркие люди с ловкостью обезьян перелезли через железную ограду и ринулись к дому. Но тут случилось необычайное. Стены дома превратились в экран дневного кино, а на экране появился Король смеха. В то же время заговорили репродукторы. И «нападающие», роняя «вечные» перья, блокноты и фотоаппараты, уже катались по земле в судорогах смеха. Некоторые, закрыв глаза и уши, смогли подойти к дверям дома, но двери были закрыты.

Да и невозможно же интервьюировать с закрытыми глазами и ушами!

Атака была отбита. Армия журналистов с позором ретировалась.

Столь же печальна была судьба и полицейской атаки. Все полисмены падали в саду, сраженные смехом.

Старый работник полиции, предводительствовавший отрядом, выкинул белый флаг — платок. К его удивлению, экраны погасли и рупоры замолчали. Наступило нечто вроде перемирия. Начальник направился к дому. Двери перед ним открылись.

Вернулся он минут через десять, взволнованный, задумчивый, с загадочной улыбкой на лице. Карман его френча сильно оттопырился. Он отдал своей разбитой армии приказ об отступлении. В тот же день он доложил по начальству и сообщил об этом журналистам, что мистер Смех непобедим. Единственно возможная война с ним — воздушная. Но не бросать же с аэроплана стокилограммовые бомбы в центре города.

...Город взволнован. А виновник всего переполоха спокойно сидел в глубоком кожаном кресле, курил сигару, вспоминая пройденный путь, и подводил итоги.

Спольдинг наконец богат. У него прекрасный отель в городе и вилла в горах. Яхта, аэроплан, автомобили... Чего не хватает ему? Жены! Ему нужна блестящая жена. Вот если бы миссис Файт! Красавица двадцати четырех лет, вдова. Владелица миллионов, фабрик и заводов. Богатейшая невеста мира. Так пишут газеты. Почему бы не завоевать смехом ее сердце и ее состояние? Это, конечно, может быть квалифицировано как принуждение, даже насилие, разбой, вымогательство. Но не все ли равно?

И Спольдинг начал разрабатывать свой новый план. Справиться с Бэкфордом было легче: Спольдинг хорошо знал Бэкфорда. О миссис Файт он знал только по газетам. Приходилось собирать дополнительные сведения через частных агентов. Файт была крупной ставкой, и надо было сделать все, чтоб не проиграть этой ставки.

Через несколько дней все было готово. Спольдингу удалось проникнуть во дворец Файт. Удалось обезоружить, повергнуть в прах и личную стражу: лакеев, камеристок. Разы-

скать в бесконечной анфиладе комнат миссис Файт. Когда Спольдинг вошел, Файт курила египетскую сигару, вставленную в золотой мундштук с сапфировым наконечником. На ней было газовое платье, розовые туфли из обезьяньей кожи с бриллиантовыми пряжками.

— Не согласитесь ли вы, миссис Файт, выйти за меня замуж? — спросил Спольдинг и снабдил это предложение легкой остротой. Файт звонко рассмеялась, но тут же быстро ответила:

— Перестаньте смешить меня, Спольдинг! Вы хотите, чтобы я вышла за вас замуж? Так в чем же дело? Какая женщина откажется стать женой Короля смеха? Я согласна. Я не привыкла откладывать своих решений.

Спольдинг был так ошеломлен этим неожиданно быстрым согласием, что забыл о продолжении своей «атаки смехом». Он стоял неподвижно с полуоткрытым ртом и, быть может, в первый раз был смешон, не желая этого. Энергичная женщина быстро взяла инициативу в свои руки. Она позвонила. На звонок вошла седая старушка, похожая на придворную статс-даму.

— Мадам Анжело, — сказала Файт по-французски, — прошу вас немедленно вызвать сюда пастора Гоббса. Распорядитесь, чтобы подали авто. Протелефонируйте Джонсу. Через час мы вылетаем в Сан-Франциско. Три пассажира. Вес... ваш вес?

— Восемьдесят пять, — автоматически ответил Спольдинг.

— У меня семьдесят, у пастора сто. Итого двести пятьдесят пять. Багаж двадцать. Всего двести семьдесят пять. Передайте эти цифры Джонсу. Предупредите, чтобы масла и бензина хватило на весь путь.

Отпустив мадам Анжело и обратившись к Спольдингу, миссис Файт сказала:

— Пастор Гоббс повенчает нас в небе. Не правда ли, это очень оригинально? Вся Америка будет говорить об этом. А в Сан-Франциско мы пересядем на нашу яхту и...

Файт нажала вторую кнопку. Вошла камеристка.

— Мадлен! Скорее пальто и шляпу! Для авто.

Когда Спольдинг немного пришел в себя от неожиданности, мысли его лихорадочно заработали. Почему Файт согласилась так скоро? Не хитрость ли это? А почему ей и не быть искренней? Разве Спольдинг не молод, не красив? И разве он не герой дня? А миссис Файт — Спольдинг хорошо знал об этом — была в высшей степени тщеславной женщиной. Ее богатство обеспечивало выполнение всех ее прихотей. И лучшим, самым любимым ее удовольствием было читать о себе в газетах. Вся Америка должна была знать, как она выглядит в новом платье, что ей подавали на обед, какие духи она заказала в Париже, какие кружева в Брюсселе, во сколько обошлась ей новая ванная комната розового мрамора. Предложение Спольдинга могло очень подойти к ее тщеславным планам. Согласившись на брак, она может вскоре покинуть его, а потом рассказать об этом интервьюерам, и вся Америка будет смеяться над ним, Королем смеха! Как ловко миссис Файт обманула его! Или она может выйти за него замуж, а потом изобразить себя жертвой насилия. Тоже сенсация! И снова Спольдинг окажется в смешной роли. Или — чем не сенсация! — Файт выходит замуж за Короля смеха в небесах. Неделю, месяц газеты будут пережевывать это событие. Потом она бросит его, разведется с ним, хотя бы на том основании, что не хочет находиться под вечной угрозой быть засмеянной до смерти.

Мысли Спольдинга начали путаться. Он готовился к страшной борьбе, собрал все свои «смехотворные возможности», все силы своих нервов. Он находился в состоянии напряженной боевой готовности... И вдруг эта неожиданная разрядка. Эта столь внезапная капитуляция врага превращала его победу в поражение. Какое потрясение! Что делать, что делать! Нет, черт возьми, он не согласен! И надо просто бежать!

Спольдинг сделал уже шаг по направлению к двери, но Файт следила за ним.

— Куда же вы? — Она ловко ухватила его за рукав и посадила в низкое кресло возле себя. Спольдинг занял это унизительное положение без звука протеста. Решительно с ним делались что-то неладное. Во всем этом есть что-то... смешное, ужасно смешное.

— Ха-ха-ха-ха-ха! — вдруг закатился Спольдинг таким заливчатым смехом, каким мало кто смеялся из его жертв.

— Что с вами? — спросила Файт, с удивлением глядя на Спольдинга.

— Как это?.. — вдруг начал он, почти на каждом слове

прерывая себя смехом. — Как это говорил старик-Бергсон? Остроумие часто состоит в том, чтобы продолжить мысль собеседника до той точки, где она становится собственной противоположностью, и собеседник сам попадает, так сказать, в ловушку, поставленную его же собственными словами. Так у нас с вами и получилось! Вы понимаете?

— Ничего не понимаю, — ответила Файт.

Спольдинг закатился смехом еще более буйным. Затем вдруг перестал смеяться, как будто в нем что-то оборвалось. Он замолчал и стал серьезным, даже мрачным.

— Я, увы, понял сразу слишком много. И поистине я попал в ловушку, которую сам поставил. Я до конца понял секрет смешного, и смешного больше не существует для меня. Для меня нет больше юмора, шуток, острот. Есть только категории, группы, формулы смешного. Я анализировал, машинизировал живой смех. И тем самым я убил его. Вот сейчас я смеялся. Но мне удалось и этот смех анализировать, анатомировать, убить. И я, фабрикант смеха, сам больше уже никогда в жизни не буду смеяться. А что такое жизнь без шутки, без смеха? Без него — зачем мне богатство, власть, семья? Я ограбил самого себя...

— О чем вы болтаете, Спольдинг? Придите наконец в себя! Или вы пьяны? — с раздражением воскликнула Файт.

Но Спольдинг, опустив голову, сидел неподвижно, как статуя, в мрачной задумчивости, не отвечая на вопросы, не обращая внимания на окружающих. Его пришлось отвезти в больницу. Главный врач нашел у Спольдинга душевное расстройство на почве крайнего истощения нервной системы. «Величайшие артисты-комики нередко кончают черной меланхолией», — говорил врач. Но его молодой ассистент, оригинал и любитель парадоксов, уверял, что Спольдинга убил дух американской машинизации.

НЕВИДИМЫЙ СВЕТ

— По всему видно, что Вироваль — знаменитый врач.

— Приходится согласиться, если это видно даже абсолютно слепым.

— Откуда вы знаете, что я абсолютно слепой?

— Меня не обманут ваши ясные голубые глаза. Они неподвижны, как у куклы. — И, тихо рассмеявшись, собеседник добавил: — Между прочим, я вертел пальцем перед самым вашим носом, а вы даже глазом не моргнули.

— Очень любезно с вашей стороны, — горько усмехнулся слепой и нервно пригладил свои и без того причесанные каштановые волосы. — Да, я слепой и сказал «по всему видно» по старой привычке. Но богатство и славу можно воспринимать не только зрением. Лучший квартал города. Собственный дом-особняк. Запах роз у входа. Широкая лестница. Швейцар. Аромат дорогих духов в вестибюле. Лакеи, камеристки, секретари. Фиксированная высокая плата за визит. Предварительный осмотр ассистентами. Мягкие ковры под ногами, обитые дорогим шелком кресла, благородный запах в этой приемной...

— Замечательная психическая подготовка, — негромко заметил собеседник, сморщив в иронической улыбке свое желтое лицо. Он бегло осмотрел роскошную приемную Вироваля, как бы проверяя ощущения слепого. Все кресла были заняты больными, многие из которых носили темные очки или повязки на глазах. На лицах пациентов — ожидание, тревога, надежда...

— Ведь вы недавно потеряли зрение. Как это произошло? — обратился он снова к слепому.

— Почему вы думаете, что недавно? — удивленно поднял брови слепой.

— У слепых от рождения иные повадки. У вас, по-видимому, поражены зрительные нервы. Быть может, некроз нерва, как последствие весьма неприятной болезни, которую не принято называть...

Щеки, лоб и даже подбородок слепого порозовели, брови нахмурились.

— Ничего подобного, — быстро, с негодованием в голосе заговорил он, не поворачивая головы к собеседнику. — Я электромонтер. Работая в одной из экспериментальных лабораторий Всеобщей компании электричества по монтажу новых ламп, излучающих ультрафиолетовые лучи...

— Остальное понятно. Я так и думал. Отлично! — Собеседник потер руки, наклонился к слепому и зашептал ему на ухо: — Бросьте вы этого шарлатана Вироваля. С таким же ус-

пехом вы могли бы обратиться за врачебной помощью к чистильщику сапог. Вироваль будет морочить вам голову, пока не вытянет из вашего кошелька последнюю монету, а потом заявит, что сделал все возможное, и по-своему будет прав, так как ни одной монеты больше из вас уже не извлечет ни один специалист. У вас много денег? На что вы живете?

— Вы, вероятно, считаете меня простаком, — сказал слепой с гримасой отвращения. — Но даже и слепой простак видит вас насквозь. Вы агент какого-нибудь другого врача.

Собеседник беззвучно рассмеялся, собрав в морщины свое лицо:

— Вы угадали. Я агент одного врача. Моя фамилия Крусс.

— А фамилия врача?

— Тоже Крусс!

— Однофамилец?

— И даже больше, — хихикнул Крусс. — Я агент самого себя. Доктор Крусс к вашим услугам. Разрешите узнать вашу фамилию?

Слепой помолчал, затем неохотно ответил:

— Доббель.

— Очень приятно познакомиться. — Крусс дружески тронул слепого за локоть. — Я знаю, что вы обо мне думаете, господин Доббель. В этом городе торгашей и спекулянтов тысячи врачей отбивают друг у друга пациентов, прибегая к самым грязным средствам, уловкам и обманам. Но кажется, еще ни один врач не унижал себя настолько, чтобы лично ходить по приемным других врачей, обливать конкурентов грязью и вербовать себе пациентов. Признавайтесь, что именно такие мысли приходят вам в голову, господин Доббель.

— Допустим, — сухо сказал слепой. — И что же дальше?

— А дальше я имею честь сообщить, что вы ошибаетесь, господин Доббель.

— Едва ли вам удастся переубедить меня, — возразил слепой.

— Посмотрим! — живо воскликнул Крусс и продолжал вполголоса: — Посмотрим. Я приведу вам аргумент, против которого вы не устоите. Слушайте. Я доктор совершенно особого рода. Я не беру денег за лечение. Больше того, я содержу пациентов на свой счет.

Веки слепого дрогнули.

— Благотворительность? — тихо спросил он.

— Не совсем, — ответил Крусс. — Я буду с вами откровенен, господин Доббель, надеясь, что и вы подарите меня своей откровенностью. Скоро ваша очередь, буду краток... Родители оставили мне приличное состояние, и я могу позволить себе роскошь заниматься научными исследованиями по своему вкусу у себя на дому, где содержу небольшую клинику и имею хорошо оборудованную лабораторию. Меня интересуют такие больные, как вы...

— Что же вы хотите мне предложить? — нетерпеливо перебил Доббель.

— Сейчас ничего, — усмехнулся Крусс. — Мое время наступит, когда вы отдадите Вировалю последнюю монету. Однако мне нужно узнать, каковы ваши сбережения. Поверьте, я не посягаю на них...

Доббель вздохнул:

— Увы, они невелики. Случай с моим ослеплением стал известен: о нем писали в газетах. Компания, чтобы скорее погасить шум вокруг этого дела, принуждена была уплатить мне сумму, которая обеспечивала меня на год. И это была большая удача. В наше время даже совершенно здоровые рабочие не могут считать себя обеспеченными на год.

— И на сколько времени у вас еще осталось средств?

— Месяца на четыре.

— А дальше?

Доббель пожал плечами.

— Я не привык заглядывать в будущее.

— Да, да, вы правы, заглядывать в будущее становится все труднее и для зрячих, — подхватил Крусс. — Четыре месяца. Гм... Доктор Вироваль, надо полагать, значительно сократит этот срок. И у вас тогда не будет денег не только для лечения, но и для жизни. Великолепно! Почему бы вам тогда не прийти ко мне?

Доббель не успел ответить.

— Номер сорок восьмой! — объявила медицинская сестра в белой накрахмаленной косынке.

Слепой поспешно поднялся. Сестра подошла к нему, взяла за руку и увела в кабинет. Крусс начал рассматривать иллюстрированные журналы, лежащие на круглом лакированном столике.

Через несколько минут Доббель с радостно-взволнованным лицом вышел из кабинета. Крусс подбежал к нему.

— Позвольте мне довезти вас на своей машине. Ну как? Вироваль, конечно, обещал вам вернуть зрение?

— Да, — ответил Доббель.

— Ну разумеется. Иначе и быть не могло, — захихикал Крусс. — С его помощью вы, конечно, прозреете... в некотором роде. Вы спрашивали, что я могу обещать вам. Это будет зависеть от вас. Возможно, впоследствии я приложу все усилия, чтобы вернуть вам зрение полностью. Но сначала вы должны будете оказать мне одну услугу... О, не пугайтесь. Небольшой научный эксперимент, в результате которого вы, во всяком случае, выйдете из мрака слепоты...

— Что это значит? Я буду отличать свет от тьмы? А Вироваль обещает вернуть мне зрение полностью.

— Ну вот! Я же знал, что сейчас говорить с вами на эту тему преждевременно. Мой час еще не пришел.

Когда они подъехали к дому, где квартировал Доббель, Крусс сказал:

— Теперь я знаю, где вы живете. Разрешите вручить вам свою визитную карточку с адресом. Месяца через три надеюсь видеть вас у себя.

— Я также надеюсь видеть вас, видеть собственными глазами, хотя бы для того, чтобы доказать, что Вироваль...

— Не обманщик, а чудотворец? — засмеялся Крусс, захлопывая дверцу автомобиля. — Посмотрим, посмотрим!

Ничего не ответив, слепой уверенно перешел тротуар и скрылся в подъезде.

* * *

И вот Доббель снова сидит на мягком сиденье автомобиля. Денег осталось ровно столько, чтобы оплатить такси. Звонки трамваев, шум толпы затихли вдали. На коже ощущение тепла и как бы легкого давления солнечных лучей. На этой тихой улице, очевидно, нет высоких домов, которые заслоняли бы солнце. Запахло молодой зеленью, землей, весной. Доббель представил себе коттеджи, виллы, окруженные садами и цветниками. Тишину изредка нарушает только шелест автомобильных шин по асфальту. Машины принадлежат,

вероятно, собственникам особняков. Крусс должен быть действительно богатым человеком, если он живет на этой улице.

Шофер затормозил, машина остановилась.

— Приехали? — спросил Доббель.

— Да, — ответил шофер. — Я провожу вас к дому.

Запахло цветами. Под ногами заскрипел песок.

— Осторожнее. Лестница, — предупредил шофер.

— Благодарю вас. Теперь я дойду сам.

Доббель расплатился с шофером, поднялся на лестницу, тронул дверь — она была не закрыта — и вошел в прохладный вестибюль.

— Вы к доктору Круссу? — послышался женский голос.

— Да. Прошу ему передать, что пришел Доббель. Он знает...

Теплая маленькая рука прикоснулась к руке Доббеля.

— Я провожу вас в гостиную.

По смене запахов и температуры — то теплой, то прохладной, — по изменению отраженных от стен звуков Доббель догадывался, что спутница ведет его из комнаты в комнату — большие и малые, освещенные солнцем и погруженные в тень, заставленные мебелью и пустые. Странный дом и странный порядок водить пациентов по всем комнатам.

Чуть скрипнула дверь, и знакомый голос Крусса произнес:

— О, кого я вижу! Господин Доббель. Можете идти, Ирен.

Маленькую теплую руку сменила холодная, сухая рука Крусса. Еще несколько шагов, и Доббель почувствовал сильный смешанный запах лекарства. Звенели стекла, фарфор, сталь. Вероятно, кто-то убирал медицинские инструменты и посуду.

— Ну, вот вы и у меня, господин Доббель, — весело говорил Крусс. — Садитесь вот сюда в кресло... Однако сколько мы с вами не виделись? Если не ошибаюсь, два месяца. Позвольте, совершенно верно. Мой почтенный коллега доктор Вироваль обчистил ваши карманы даже раньше предсказанного мною срока. Видите ли вы меня — об этом, полагаю, спрашивать не нужно.

Доббель стоял, опустив голову.

— Ну, ну, старина, не вешайте носа. — Крусс трескуче рассмеялся. — Вы не пожалеете, что пришли ко мне.

— Что же вы хотите от меня? — спросил Доббель.

— Буду говорить совершенно откровенно, — отвечал Крусс. — Я искал такого человека, как вы. Да, я возьмусь бесплатно лечить вас и даже содержать на свой счет. Я употреблю все усилия, чтобы по истечении срока нашего договора полностью вернуть вам зрение...

— Какого договора? — с недоумением воскликнул Доббель.

— Разумеется, мы заключим с вами письменный договор, — хихикнул Крусс. — Должен же я обеспечить свою выгоду... У меня есть одно изобретение, которое мне необходимо проверить. Предстоит операция, связанная с известным риском для вас. Если опыт удастся, то вы, временно оставаясь слепым, увидите вещи, которых не видел еще ни один человек на свете. А затем, зарегистрировав свое открытие, я обязуюсь сделать все от меня зависящее, чтобы вернуть вам нормальное зрение.

— Вы полагаете, что мне остается только согласиться?

— Совершенно верно, господин Доббель. Ваше положение безвыходно. Куда вам от меня идти? На улицу с протянутой рукой?

— Но объясните же мне, по крайней мере, что произойдет со мною после операции? — раздраженно воскликнул слепой.

— О, если опыт удастся, то... Я думаю, я уверен, что после операции вы сможете видеть электрический ток, магнитные поля, радиоволны — словом, всякое движение электронов. Невероятные вещи! Каким образом? Очень просто.

И, расхаживая по комнате, Крусс тоном лектора продолжал:

— Вы знаете, что каждый орган реагирует на внешние раздражения присущим ему, специфическим образом. Ударяйте легонько по ушам, и вы услышите шум. Попробуйте ударить или надавить на глазное яблоко, и вы получите уже световое ощущение. У вас, как говорят, искры из глаз посыплются. Таким образом орган зрения отвечает световыми ощущениями не только на световое раздражение, но и на механическое, термическое, электрическое.

Я сконструировал очень маленький аппаратик — электроноскоп, нечто вроде панцирного гальваноскопа высочайшей чувствительности. Провода электроноскопа — тончайшие се-

ребряные проволоки — присоединяются к зрительному нерву или зрительному центру в головном мозгу. И на ток, который появится в моем аппарате-электроноскопе, зрительный нерв или центр должен реагировать световым ощущением. Все это просто.

Трудность заключается в том, чтобы мертвый механизм электроноскопа приключить к системе живого зрительного органа и чтобы вы могли световые ощущения проецировать в пространстве. По всей вероятности, ваш зрительный нерв не поражен на всем протяжении. Нелегко будет найти наилучшую точку контакта. Впрочем, к операции мы прибегнем лишь в крайнем случае. Ведь электрический ток может добраться до зрительного нерва и по смежным нервам, мышцам, сосудам. Вот основное. Подробности я вам объясню, если вы решите...

— Я уже решил, — ответил Доббель, махнув рукой. — В жизни мне нечего терять. Экспериментируйте как хотите. Можете даже продолбить мне череп, если потребуется.

— Ну что же, отлично. У вас теперь, по крайней мере, есть цель жизни. Видеть то, чего еще не видел ни один человек в мире! Это не всякому выпадает на долю.

— А уж на вашу долю в связи с этим, наверное, тоже кое-что перепадет! — язвительно сказал Доббель.

— Выгодная реклама, не больше, которая поможет мне отбить у Вироваля всех его пациентов, — с самодовольным смехом ответил Крусс.

* * *

— Темнота. Черная как сажа и глубокая как бездна, впрочем, я лгу: полная темнота не имеет пространственного измерения. Я не представляю, простираются ли передо мною тысячи кубических километров или сантиметры темноты, нахожусь ли я в пустоте или же со всех сторон меня окружают предметы. Они для меня не существуют, пока я не дотронусь до них или не расшибу себе лба...

Доббель замолчал.

Он лежал на кровати в большой белой комнате. Голова его и глаза были забинтованы. Крусс сидел в кресле возле кровати и курил сигару.

— Скажите, доктор, почему вы так тяжело дышите? — спросил Доббель.

— Не знаю. Наверно, сердечко шалит. От волнения... Да, я волнуюсь, господин Доббель... Волнуюсь, наверно, больше вашего... Почему так долго ничего...

— Послушайте! — вдруг воскликнул Доббель и приподнялся на кровати.

— Лежите, лежите! — поспешил Крусс уложить голову Доббеля на подушку.

— Послушайте! Мне кажется... я вижу...

— Наконец-то! — свистящим шепотом произнес Крусс. — Что же вы видите?

— Я вижу... — взволнованно ответил Доббель, — мне кажется... если это только не зрительная галлюцинация... Бывают зрительные галлюцинации у слепых?

— Да ну же, ну, что вы видите? — вскричал Крусс, ерзая в кресле.

Но Доббель замолчал.

Его лицо было бледным и таким сосредоточенным, словно он к чему-то прислушивался. Крусс поднялся, осторожно ступая, дошел до двери и нажал кнопку электрического звонка. Когда появилась санитарка в белом халате, Крусс приказал тихо, как бы боясь нарушить грезы Доббеля:

— Скорее... нитроглицерин... у меня сердечный припадок.

— Доктор! Господин Крусс! Да, да, я вижу... тьма ожила! — заговорил Доббель, как в бреду. — Проходят какие-то сгущения светового тумана...

— Какого цвета? — взвизгнул Крусс, хрипло дыша.

— Свет белый... хотя на фоне мрака кажется чуть-чуть голубоватым... Световые пятна приходят и уходят ритмически, как волны...

— Волны! — хрипел Крусс. — Проклятье! Недостает только, чтобы я умер именно сейчас. Давайте! Скорее давайте! — обратился он к вошедшей санитарке, жадно выпил лекарство, опустил веки и откинулся на спинку кресла. Хрипы становились все реже и тише.

— Прохождения световой материи бывают то короче, то длиннее, — говорил Доббель о своих видениях.

— Быть может, это работает радиотелеграф? — высказал

предположение Крусс. — Ну вот, мне лучше. Мне значительно лучше. Я вас слушаю.

— Удивительно. Передо мною словно проявляется фотографическая пластинка. Я вижу больше света... Пятна, точки, дуги, кольца, волны, узкие, трепещущие лучи пересекают, пронизывают друг друга, сливаются, расходятся, переливаются... Световая сетка, узоры... Как трудно разобраться во всем этом!

— Замечательно! Бесподобно! — восхищался Крусс удачными результатами своего опыта. — Вам трудно разобраться потому, что вы еще не приспособились регулировать аппарат и не можете выделять токи различной силы. Не мудрено, что вы находитесь как бы в световом хаосе. Но вы быстро овладеете регулятором и сможете выделять токи от слабых до сильных любого напряжения. Да не жалейте же слов, дружище! Что вы видите еще?

— Нет больше темноты, — продолжал Доббель. — Пространство полно света. Свет разной силы и — да, да! — разной окраски — голубой, красноватый, зеленоватый, фиолетовый, синий... Вот с левой стороны вспыхнуло световое пятно величиною с яблоко. От него исходят голубоватые лучи, как от маленького солнца...

— Что такое? — воскликнул Крусс, вскакивая с кресла. — Вы видите? Не может быть! Ведь это луч солнца из окна упал и осветил полированный шарик на ручке двери. Но не можете же вы видеть этот шарик!

— Я не вижу шарика. Я вижу только световое пятнышко и голубоватые лучи, исходящие от него.

— Но как? Почему? Какие лучи?

— Мне кажется, я нашел разгадку, господин Крусс. Энергия солнечного луча, осветившего шарик, начала вырывать с металлической поверхности шарика электроны.

— Да, да, да, да! Вы правы. Вы совершенно правы. Как только я сразу не догадался. А ну-ка, проделаем такой опыт. Вы, конечно, не видите, где находятся провода электрической лампы? Так. Теперь я включаю свет. Электрический ток двинулся, и...

— И я увидел электрический провод. Светящаяся линия проходит по потолку, — Доббель указывал пальцем, Крусс утвердительно кивал головой, — по стене... а вон там, в углу,

происходит утечка тока. Вам придется пригласить монтера... Дальше провод проходит через ряд комнат, спускается в первый этаж, выходит на улицу... Я вижу и горящую электрическую лампу. Вот она. Только я вижу не свет, а токи электронов от накаленного волоска...

— Термионная эмиссия, или эффект Эдиссона, — кивнул головой Крусс.

— А знаете что, господин Крусс? — весело сказал Доббель. — Я вижу кое-что и более интересное, чем эффект Эдиссона в горящей лампочке. Вижу, даже не поворачивая головы. Будьте добры, подойдите к моей кровати. Так. Здесь ваша голова? А здесь ваше сердце?

— Совершенно верно... Гром и молния! Неужели вы... неужели вы видите электротоки, излучаемые моим мозгом и сердцем? Хотя что же тут удивительного? Ведь в каждой клетке нашего организма происходят сложные химические процессы, сопровождаемые электрическими явлениями. Но сердце и мозг — это настоящие генераторы.

— От вашей головы исходит мягкий лиловый свет. Он усиливается, когда вы усиленно думаете. А когда волнуетесь, разгорается пламенем ваше сердце, — сказал Доббель.

— Вы клад, Доббель! Вы золото! Вы незаменимый для науки человек! Ведь гальванометр не может рассказать всего, как вы! Я горжусь собою... и вами, Доббель. Сегодня вечером мы покатаемся с вами по городу в автомобиле, и вы расскажете мне о ваших видениях!

* * *

Перед Доббелем открылся новый мир. Тот вечер, когда Крусс катал его по городу в авто, навсегда остался в памяти Доббеля. Этот первый вечер был совершенно волшебным, фантастическим.

Доббель видел свет всюду, где только имелся электрический ток, а где нет электричества в большом городе! Доббель видел вспышки высокого напряжения, которые дает магнето автомобильного двигателя. Моторы трамваев катились по улицам, как китайские колеса фейерверков, отбрасывая от себя снопы искр — электронов. Словно расплавленные канаты, висели вдоль улиц трамвайные провода. Вокруг них были такие мощные магнитные поля, что светом наполнялась вся

улица. Доббель видел, вернее, угадывал, как свет — ток от воздушного токонесущего провода — бежал по бугелю под крышу вагона к контроллеру на передней площадке, затем — под пол — в железную раму вагона, в ось, в колеса, в рельсы, в подземный кабель. Многочисленные кабели ярко светились под землей. Кое-где они были неисправны, и Доббель отчетливо видел уходящие в землю голубые ветвистые ручейки — утечка тока. А позади себя, далеко на окраине города, он видел зарево и целые каскады огня. Там была расположена одна из многих городских электростанций с ее мощными альтернаторами. Они-то и излучали эти огненные каскады.

Любопытно было смотреть на многоэтажные дома. Доббель не видел стен. Он видел только ярко светящуюся сложную решетку проводов электрического освещения и более слабый свет телефонных проводов, как бы светящийся скелет небоскребов. По этим скелетам Доббель узнавал отдельные здания города. Там и сям в домах виднелись косматые световые пятна — моторы. Все пространство было наполнено рассеянным светом от проходящих радиолучей, а над городом, до самых звезд, как бы связывая небо с землею, текли световые потоки, ливни, реки света — то была игра космических лучей, вырвавшихся из недр солнца электронов и магнитных токов самой земли...

— Не один ученый дал бы выколоть себе глаза, чтобы видеть все это! — восторженно воскликнул Крусс, слушая описания Доббеля. — Кстати, будьте готовы, Доббель. Завтра вас интервьюируют журналисты крупнейших газет, а послезавтра я демонстрирую вас в научном обществе.

* * *

Изобретение Крусса произвело сенсацию. Несколько дней подряд все газеты наперебой трубили о нем, и Крусс купался в лучах славы.

Доббеля тоже непрерывно интервьюировали и фотографировали, а затем он начал получать письма с деловыми предложениями.

Военное ведомство предполагало использовать Доббеля для перехватывания во время войны радиотелеграмм противника. Доббель воспринимал волны радиотелеграфа как ряд

световых вспышек разной продолжительности. Преимущество Доббеля перед приемной радиостанцией заключалось в том, что ему не надо было перестраиваться на длину волн: он видел их все — и длинные и короткие.

Крупная фирма «Электроремонт» предлагала ему работу — контроль над утечкой тока в подземных кабелях и обнаружение так называемых бродячих токов, причинявших повреждения подземным кабелям и разным металлическим конструкциям. Фирма подсчитала, что живой аппарат — Доббель — обойдется дешевле монтеров и техников, вооруженных обычными аппаратами, определяющими место утечки тока.

Наконец, Всеобщая компания электричества сделала ему предложение — служить живым аппаратом при опытных работах в научной лаборатории компании. В экспериментальной лаборатории испытывались различные системы катодных трубок и ламп, осциллографов, аппаратов, излучающих ультрафиолетовые и рентгеновы лучи, искусственные гамма-лучи; здесь изучалась вся шкала электромагнитных колебаний, делались опыты бомбардировки атомного ядра, изучались свойства космических лучей. Такой живой аппарат, как Доббель, конечно, мог быть очень полезен при производстве опытов над невидимыми лучами.

Крусс разрешил Доббелю принять предложение Всеобщей компании электричества.

— Но жить вы будете по-прежнему у меня, — сказал Крусс. — Так мне будет удобнее. Ведь договор наш остается еще в силе. Я не произвел еще над вами всех интересующих меня наблюдений.

* * *

Для Доббеля вновь началась трудовая жизнь.

Ровно в восемь утра Доббель уже сидел в лаборатории, где всегда пахло озоном, каучуком и какими-то кислотами. Производились ли опыты при солнечном свете, или же вечером, при свете ламп, или, наконец, в полной темноте, Доббель всегда был окружен своим прозрачным миром светящихся шаров, колец, облаков, полос, звезд. Машины гудели, жужжали, трещали. Доббель видел, как возле них возникают сияющие магнитные поля, как срываются потоки электронов, как эти

потоки изгибаются или ломаются в пути под влиянием хитроумных электрических преград, сетей и ловушек. И Доббель объяснял, объяснял и объяснял все виденное. Две стенографистки записывали его речь.

Он видел интереснейшие световые феномены и делал ученым сообщения о вещах совершенно неожиданных. Когда начинала работать гигантская электромагнитная установка, которая была больше и тяжелее самого большого паровоза, Доббель говорил:

— Фу, ослепнуть можно! Эта машина наполняет ярким светом целый квартал города, а крайние пределы светящегося магнитного поля выходят далеко за окраину города. Ведь я вижу весь город насквозь — электрический скелет города, вижу сразу во все стороны. Я теперь вижу все вещи и вас, господа. Электроны облепили меня, как светящийся улей. Вон у господина Ларднера искры уже сыплются с носа, а голова господина Корлиса Ламотта напоминает голову горгоны Медузы в пламени. Я отчетливо вижу все металлические предметы, они горят, как раскаленные, и все связаны светящимися нитями.

При помощи Доббеля, говорящего и мыслящего аппарата, было разрешено несколько не поддававшихся разрешению обычным путем научных вопросов. Его ценили. Ему хорошо платили.

— Я могу считать себя самым счастливым среди слепых, но зрячие все же счастливее меня, — говорил он Круссу, который ежедневно выслушивал его отчеты о работе и продолжал на основании их свои изыскания по усовершенствованию изобретенного им аппарата.

И вот настал день, когда Крусс сказал:

— Господин Доббель! Сегодня истек срок нашего договора. Я должен исполнить свое обязательство — вернуть вам нормальное зрение. Но вам тогда придется потерять вашу способность видеть движение электронов. Это все-таки давало вам преимущество в жизни.

— Вот еще! Преимущество быть живым аппаратом! Не желаю. Довольно. Я хочу иметь нормальное зрение, быть нормальным человеком, а не ходящим и болтающим гальваноскопом.

— Дело ваше, — усмехнулся Крусс. — Итак, начнем курс лечения.

* * *

Настал и этот счастливый день в жизни Доббеля. Он увидел желтое, покрытое морщинами лицо Крусса, молодое, но злое лицо сестры, помогающей Круссу, увидел капли дождя на стеклах большого окна, серые тучи на осеннем небе, желтые листья на деревьях. Природа не позаботилась встретить прозрение Доббеля более веселыми красками. Но это пустяки. Были бы глаза, а веселые краски найдутся!

Крусс и Доббель некоторое время молча смотрели друг на друга. Потом Доббель крепко пожал руку Крусса.

— Не нахожу слов для благодарности...

Крусс отошел от кресла, приподняв правое плечо.

— Благодарить незачем. Для меня лучшая награда — успех в моей работе. Я же не шарлатан, не Вироваль. Вернув вам зрение, я доказал это всем — надеюсь, его приемная очень скоро опустеет... Но довольно обо мне. Вот вы и зрячий, здоровый, нормальный человек, Доббель. Можно позавидовать вашему росту, вашей физической силе и... что же вы теперь намерены делать?

— Я понял ваш намек. Я больше не ваш пациент и потому не должен обременять вас своим присутствием. Сегодня же я переезду в отель, а затем подыщу себе квартиру, работу.

— Ну что ж, желаю вам успеха, Доббель.

* * *

Прошел месяц.

Однажды Крусса попросили сойти вниз, в вестибюль. Там стоял в пальто с приподнятым воротником и со шляпой в руках Доббель. Струйки дождя стекали на паркетный пол с полей его шляпы. Доббель выглядел уставшим и похудевшим.

— Господин Крусс! — сказал Доббель. — Я пришел еще раз поблагодарить вас. Вы вернули мне зрение. Я прозрел...

— Вы лучше скажите, удалось найти вам работу?

— Работу? — Доббель желчно рассмеялся. — Я прозрел, господин Крусс. Прозрел вдвойне. И я хочу просить вас... ослепить меня. Сделайте меня слепцом, навсегда слепцом, видящим только движение электронов.

— Добровольно подвергнуть себя ослеплению?! Но ведь это чудовищно! — воскликнул Крусс.

— У меня нет другого выхода. Не умирать же мне с голоду.

— Нет, я не сделаю этого, решительно отказываюсь! — горячо возразил Крусс. — Что подумали бы обо мне! И потом, вы опоздали. Да. Занимаясь электроноскопом, я внес в него кое-какие конструктивные изменения, запатентовал и продал патент Всеобщей компании электричества. Теперь каждый человек может с помощью моего электроноскопа видеть электроток. И компания не нуждается в таких ясновидящих слепцах, каким были вы, Доббель.

Доббель молча надел мокрую шляпу и в раздумье посмотрел на свои сильные, молодые руки.

— Ладно, — сказал он, в упор взглянув на Крусса. — Они годятся, по крайней мере, на то, чтобы сломать всю эту чертову мельницу. Прощайте, господин Крусс! — И он вышел, хлопнув дверью.

Дождь прошел, и на синем осеннем небе ярко сияло солнце.

РОГАТЫЙ МАМОНТ

Это было в 1988 году. Я жил в Свердловске, руководил геологическими работами Свердловского филиала Академии наук. В конце октября на острове Врангеля был назначен слет руководителей геологическими работами на наших полярных и заполярных островах. Я должен был председательствовать на этом слете. Признаться, меня не слишком привлекало путешествие. Мне нездоровилось, да и работы на месте было очень много. Но меня заинтересовало радиописьмо, присланное одним из самых талантливых и любимых моих учеников — начальником геологоразведки на острове Врангеля — Мишей Шугалеевым.

«Не отказывайтесь от полета, дорогой Иван Иванович, — писал он. — Ведь теперь от Свердловска до о. Врангеля рукой подать: весь путь на электроплане займет не более 4 — 5 часов. Прилетайте непременно. Ваш приятель Яша готовит вам сюрприз. Он уверяет, что нашел в тундре череп детеныша мамонта совершенно необычайной формы, с рогами. Рогатый мамонт! Ведь это же мировая научная сенсация! Как ни просили мы Яшу показать нам череп рогатого мамонта, Яша и слушать

не хотел: он отвечал, что приведет к месту находки первым Ивана Ивановича, и никого больше...»

Можете себе представить, как заинтересовал меня этот рогатый мамонт. Я ломал себе голову, пытаясь угадать, какого именно представителя вымерших животных принял Яша за «рогатого мамонта». В былые времена мамонтовые бивни и кости находили в довольно большом количестве на севере острова Врангеля — в тундре Академии. Отдельные кости и черепа, конечно, могли еще сохраниться.

Да, вы еще не знаете, кто такой Яша. Яша — эскимос, уроженец острова. Там же окончил среднюю школу. Студент-геолог, заочник. И бригадир охотничьей бригады, если только можно назвать охотою современные механизированные способы электролова и электроубоя птиц и морских животных.

Ну, вот. Словом, я решил лететь.

В то время только что вступила в эксплуатацию первая воздушная линия электропланов, пользующихся электроэнергией, передаваемой по воздуху без проводов. Линия, как теперь всем известно, проходит на высоте двух тысяч метров. Первая башня-антенна такой высоты была установлена невдалеке от Свердловска, вторая — на горе Народной, имеющей высоту 1875 метров. Наверху башен-антенн укреплены друг против друга параболические зеркала из гудрона и каких-то других веществ. При помощи этих зеркал короткие радиоволны направляются прямолинейными потоками. Это и есть «невидимый провод», по которому течет ток высокого напряжения. Третья башня — на Новой Земле, четвертая — на Земле Северной, пятая — на Новосибирских островах и шестая — на острове Врангеля. Расстояние между башнями почти равное — порядка тысячи километров, — и только между двумя последними несколько больше.

Ненастным вечером я и два геолога-доцента подъехали к стартовому аэродрому. Башня почти на три четверти была покрыта облаками. Огромный электроплан с широким тупым носом, в котором был устроен тоннель, где находился мощный пропеллер, стоял на рельсах «разгоночного» круга. Диаметр круга — три-четыре километра.

Окон в летающем «вагоне-поезде» не было видно. Каменная лестница аэропорта, высотою в четыре-пять метров, подводила к открытым дверям вагона. Я насчитал восемь дверей.

И во все двери входили пассажиры с портфелями — в короткое путешествие чемоданов не берут, а долгих путешествий в наше время не существует. Крылья электроплана показались мне непомерно малыми, как рудиментарные крылышки на массивном жирном теле птицы киви. Позже я узнал, что крылья электроплана раздвижные: на земле они сложены, перед взлетом раздвигаются во весь свой гигантский размах, по мере убыстрения полета все более укорачиваются, а при посадке вновь раскрываются во всю ширину.

Войдя в электроплан, мы заняли четырехместное купе, усевшись в мягкие кресла. Четвертым спутником был угрюмого вида молодой человек, который с напряженным вниманием уставился в ручной экран телевизора, — вероятно, читал телегазету. Вскоре, однако, он осторожно, чтобы не порвать тонкого серебристого шнурочка, положил экран в боковой карман алюминизированного дорожного костюма, улыбнулся нам, заговорил и оказался очень общительным человеком.

Когда мы почувствовали, что наш летающий поезд двинулся и начал набирать скорость по разгоночному кругу, молодой человек сказал:

— Хотите посмотреть машинное отделение? Это вполне возможно. Дело в том, что я один из строителей электровоздушной трассы. Видимый путеец невидимых электровоздушных путей, так сказать. Весь экипаж мне знаком. Идемте же.

И мы вошли за ним в просторное помещение с большим овальным отверстием наверху, прикрытым толстым слоем прозрачной, как стекло, пластмассы. Сквозь это отверстие были видны электромоторы и большой вал. Меня уверяли, что этот вал, приводящий в движение воздушный винт, может вращаться со скоростью 25—30 тысяч оборотов в минуту. Шарики в подшипниках заменены здесь струей водорода, направленной так, что вал совершенно не имеет соприкосновения со стенками подшипников, фактически вращаясь почти без трения, в газовой среде.

Дежурный водитель сидел посреди комнаты, устланной ковром, за конторкой белого дуба. Перед ним находилась небольшая черная доска с десятком циферблатов и дисков, напоминающих диски телефонных аппаратов. Все механизмы тяжелой машины повиновались буквально одному прикосновению пальца.

Несмотря на то что обычно в помещении было тихо, водитель вместе со своей конторкой был покрыт прозрачным звукоизолирующим футляром кубической формы, с небольшой дверью: ни один звук не должен отвлекать внимание водителя. Этот звуковой изолятор позволял остальным людям, находящимся в помещении, громко разговаривать.

Молодой человек, который привел нас сюда, — его фамилия была, кажется, Петров — обратил наше внимание на полки, расположенные вдоль боковых стен.

— Вот самое интересное во всей этой машине, — сказал он. — Не угодно ли подойти поближе?

На массивной железной полке с толстыми металлическими подпорами, к которой мы подошли, лежало нечто похожее на большой ком теста. Ниже, под полкой, начинался ковш, хобот которого уходил куда-то под пол. В стороне от «теста» на полке стояло несколько черных кубиков величиною в кубический сантиметр.

— Попробуйте приподнять один из этих кубиков, — сказал Петров.

Я взял кубик двумя пальцами, чтобы приподнять, но пальцы сорвались. Кубик оказался тяжелее, чем можно было предполагать. Пришлось сжать пальцы изо всех сил, однако кубик словно прирос к полке.

— Привинчены они, что ли? — удивленно спросил я.

— Позвольте, я попробую, — сказал один из моих спутников — геолог Санович. Но ни он, ни другой геолог — Зорин — также не смогли приподнять кубика. Зорину удалось лишь, да и то с большим трудом, чуть-чуть сдвинуть один кубик в сторону.

— Кубик железный, а полка тоже железная и, очевидно, соединена с сильным электромагнитом, — высказал он предположение.

— Ничего подобного, — со смехом ответил Петров. — Разгадка в том, что кубики сами по себе очень тяжелые.

— Этого не может быть! — горячо возразил Санович. — На земле нет и не может существовать такой тяжелой материи!

— Оказывается, может и, как видите, есть, — улыбнулся Петров. — Кстати, эта тяжелая материя совсем уж не так тяжела. Разве вы не поднимете тело в десять килограммов веса? Только, конечно, не двумя пальцами. В этом весь секрет.

— Вы хотите сказать, что кубик весит десять килограммов? — спросил я.

— Да, — ответил Петров. — А нормальный его вес должен быть всего один грамм.

— Но ведь это... но ведь это получается увеличение веса в десять тысяч раз! — с волнением заметил я.

— Совершенно верно — в десять тысяч раз, — спокойно подтвердил Петров, кивнув головою.

— Смотрите! Смотрите! — воскликнул Зорин. — «Тесто» увеличилось в размере. Оно растет на глазах. Видите, подошло к краю полки, свесилось, вот-вот упадет вниз.

— Ну, что же, подхватите его рукой и положите обратно на полку, — предложил Петров.

Зорин подхватил тесто и попытался поднять. Это ему удалось, но все мускулы напряглись, рука дрожала, лицо покраснело.

— Никогда мне еще не приходилось иметь дело со столь чудовищно тяжелым тестом, — сказал он. — Не делаете ли вы и это тесто из тяжелой материи?

— На этот раз вы угадали, — усмехнулся Петров. — Но тесто уже не такое тяжелое, как кубики. Вот, смотрите. — Он оторвал кусочек теста величиною с вишню и с некоторым усилием взвесил на ладони.

— Значит, ваша тяжелая материя, если я не ошибаюсь, может увеличиваться в объеме, в то же время теряя в весе? — спросил Санович, видимо начиная сдаваться.

— Да, так оно и происходит, — ответил Петров. — А как и почему, я сейчас объясню вам. Прошу вас. — Он показал нам на кресла.

— Вы, конечно, знаете о звездах, которые называются «красные карлики», — начал Петров, когда мы уселись. — Объем этих небесных тел, светящихся красным светом, действительно очень мал по сравнению с другими звездами. Астрономы установили совершенно точно и неоспоримо, что материя этих красных карликов в десять тысяч раз тяжелее земной. Такая необычайная тяжесть материи долго оставалась загадкой — какие процессы космической лаборатории могли создать эту сверхтяжелую материю?

Атом, его строение — объяснили загадку. Сам атом представляет собою, если так можно выразиться, чрезвычайно

«пористое» сооружение. Электроны, вращающиеся вокруг центрального ядра, протона, находятся от него на «астрономически» огромном расстоянии, в микромасштабе, конечно. Внутри атома слишком много пустоты, точнее, внутри пространства между ядром и орбитой крайнего электрона. А ведь из таких «пористых» атомов состоит вся обычная материя. Соединяясь в молекулы, атомы ведь не могут входить друг в друга, сжиматься. Они соприкасаются друг с другом лишь «оболочками» внешних электронных орбит. Поэтому-то и обычная материя такая «пористая», не слишком плотная и не слишком тяжелая. Но что будет, если из атомов мы начнем выбивать электроны, оставляя одни протоны? Каковы будут свойства материи, составленной из этих атомов, лишенных электронов?

— Такая материя будет обладать необычайной плотностью, малым объемом и огромной тяжестью, — быстро сказал Санович. — Я понял вас, Петров! Десять литров воды, весящих десять килограммов, или десять килограммов земли можно таким образом «сбить» в один кубический сантиметр, который по-прежнему будет весить десять килограммов. Правильно?

— Совершенно верно, — ответил Петров.

— Но почему пухнет это тесто, если оно одной природы с тяжелой материей? — спросил Зорин. — Смотрите, оно заполнило уже всю полку и ковш.

— И зачем это тесто, эти кубики находятся здесь? — в свою очередь задал вопрос Санович.

— Минуту терпения, и вам все станет ясным, — сказал Петров и, помолчав, продолжал: — Советские ученые потратили несколько лет, прежде чем им удалось создать первый кубический сантиметр тяжелой материи. В то время ученые еще и сами ясно не представляли себе, к каким практическим последствиям приведут опыты с тяжелой материей. Но она сразу же сама указала путь: первый же кубический сантиметр тяжелой материи, полученный в лаборатории, разбух на глазах ученых до больших размеров. Это явление удивило тогда ученых так же, как удивило сейчас вас это растущее тесто. Вскоре, однако, объяснение было найдено.

Тяжелая материя состояла из атомов, лишенных электронов. А что такое электрон? Отрицательный заряд. Следовательно, тяжелая материя представляет собою положительный заряд огромной «концентрации». И именно в силу этого она должна была с необычайной силой притягивать к себе отрицательные заряды-электроны. А где их нет? Таким образом, с самого момента своего рождения материя, искусственно ставшая тяжелой, стремилась возвратить себе то, что у нее было отнято, — электроны, отрицательный заряд, а вместе с ними вернуть себе и прежние свои свойства. Одним словом, к кубику тяжелой материи отовсюду потек электрический ток. Ученые поняли, почему были неудачны первые опыты и почему они стоили так дорого: выборные электроны могли заменяться сторонними, а может быть, и возвращаться обратно.

Чтобы полученная тяжелая материя не разбухала преждевременно, приходилось заботиться об изоляции ее от проникновения электронов со стороны. И при новых опытах были найдены такие изоляционные футляры, которые надежно защищали изготовляемую тяжелую материю от электронов.

А это изобретение открывало уже путь к первому — практическому — применению тяжелой материи. Она становилась если не источником электроэнергии, то заменителем самых мощных аккумуляторов: вот этакий кубик тяжелой материи «ТМ» — в электроизоляционном футляре можно отправить в любое место и хранить любое время. «ТМ» заменит собою аккумулятор для авто, электрокара, походной радиостанции — всюду. Достаточно в оболочке футляра сделать прокол, и «ТМ» начнет бурно высасывать электроны отовсюду — из земли, атмосферы, металлических частей вашего автомобиля. Включайтесь и получайте ток. «ТМ», по мере насыщения электронами, разбухает — это, пожалуй, единственный ее практический недостаток — и становится все легче, пока не дойдет до нормального объема и весомости. Но разбухшую, «нормализированную» материю можно выбрасывать, как выбрасывают шлак...

— И как выбрасываете вот это тесто? — указал на полку Зорин.

— Совершенно верно. А на смену предельно разбухшему тесту мы берем новый кубик и прокалываем его.

— Таким образом, при помощи теста — тяжелой материи — вы высасываете электроны из невидимых проводов высоковольтной передачи? — спросил Санович.

— Правильно. В данном случае «ТМ» заменяет нам землю, заземление. Настоящая земля далеко под нами, и отработанный ток поглощается тяжелой материей. Понятно?

— Вполне, — ответил Санович. — У меня есть еще только один вопрос...

Но он не успел задать его.

Нас качнуло. Порядочно-таки качнуло. Мы увидели, как водитель, всплеснув руками, начал лихорадочно вертеть диски на пульте управления. Я чувствовал, как наш летучий поезд то поднимается, то опускается, как его, словно на железнодорожных стрелках, бросает из стороны в сторону.

Впоследствии оказалось, что от невыясненной причины — быть может, от неосторожного движения пальцем неопытного водителя — наш электроплан вышел из луча, питающего энергией его моторы. Мгновенно были включены аккумуляторы, и мы могли продолжать полет, но куда? Ведь невидимый провод не только питал током моторы, но и служил указателем пути. Правда, оставались радиомаяки. Но вы знаете, что радиоволны в Арктике нередко пошаливают.

На аккумуляторах мы могли пролететь около часа. Оледенение нам не грозило: электронагреватели поверхностного слоя вагона и его крыльев непрерывно растопляли образующуюся корку льда. И все же положение было невеселое. Вокруг — мрак, внизу — Карское море, — мы летели уже на участке гора Народная — Новая Земля. Говорят, радиомаяк города Кармакулым на Новой Земле давал сигналы, но они скоро угасли. Во что бы то ни стало надо было найти наш радиоэлектровоздушный провод. Надо вам сказать, что в то время еще не были установлены аппараты, автоматически удерживающие электроплан на «рельсах» и находящие их, если порыв бури или какая иная причина собьет машину с электропути.

Электроплан продолжал слепо тыкаться из стороны в сторону. И вдруг новый сильнейший толчок потряс всю машину. У меня было такое впечатление, что наш поезд на всем ходу налетел на стену. Не было ли это результатом беспорядочного верчения дисков нашим растерявшимся водителем? Быть может, он внезапно дал задний ход запасным реактивным двига-

телям? Я слышал потом, что водителя сняли с работы после этого злополучного рейса.

Мы все попадали на пол. Вещи сдвинулись с места. Переборки трещали. Двери раскрылись. Из пассажирского отделения послышались крики женщин и плач детей. Электроплан, однако, продолжал лететь, удары не повторялись, и все понемногу успокоились.

— Смотрите, что делается с кубиками тяжелой материи! — воскликнул Зорин.

Мы посмотрели на полки. На месте маленьких, как игральные кости, кубиков лежали большие куски теста, которое набухало с необычайной быстротой.

— От сильного удара изоляционные футляры кубиков лопнули, и тяжелая материя начала всасывать электроны, — взволнованно объяснил Петров. — Хотя мы и «сошли с рельсов», но находимся в магнитном поле линии высоковольтной передачи и электронов здесь более чем достаточно...

— И чем это нам угрожает? — спросил Зорин.

— Тесто задушит нас, если мы не примем мер! Надевайте теплые костюмы и рукавицы, открывайте наружные двери и выбрасывайте тесто за борт, — распорядился Петров, предварительно плотно прикрыв дверь в пассажирскую каюту, чтобы там никто не догадался о критическом положении, в котором мы находились.

Петров показал нам, где хранились теплые электрифицированные костюмы, мы быстро оделись и открыли дверь. Снаружи ворвался ледяной ветер со снегом.

— Если трудно будет дышать, наденьте кислородные маски, — посоветовал Петров.

Мы — я, Зорин и Санович — принялись за работу. Нельзя сказать, чтобы она была приятна. Электроплан все еще швыряло, и мы рисковали вылететь вон. Несмотря на небольшую высоту — около двух километров, — дышать было трудно: в Арктике потолок тропосферы низок, а мы притом еще сильно работали. Пришлось надеть кислородные маски, хотя они и мешали работать.

Но главную неприятность нам доставляло тесто тяжелой материи. Мы отрывали куски величиною с арбуз, с трудом доносили до двери и выбрасывали. А тесто словно потешалось над нами. Не успевали мы вернуться обратно, как его оказы-

валось больше, чем раньше. И хотя каждый новый «арбуз» был легче предыдущего, работа не облегчалась, так как ее темпы приходилось все увеличивать. Тесто расползлось уже по всему полу, наши ноги увязали, и это еще больше затрудняло работу...

Мы изнемогали от усталости, выбрасывая куски теста, едва вытаскивали ноги, увязавшие в нем по колено, а что делал в это время Петров? Он взял микроскопический кусочек теста, вошел под звукоизоляционный колпак к водителю и, что-то объяснив ему, положил кусочек перед ним на стол. Затем они оба начали внимательно наблюдать за растущим кусочком теста — нам все это хорошо было видно сквозь прозрачные стенки «кабины» водителя. Петров от времени до времени что-то говорил, водитель — на этот раз очень осторожно — поворачивал диски. Когда тесто слишком разрасталось, Петров снова отщипывал от него маленький кусочек и, оставив его на столе, остальное выбрасывал за дверь, к нам под ноги.

Выбросив очередной ком теста, Петров крикнул нам:

— Вы понимаете? Я нашел способ при помощи «ТМ» определить, где находится невидимый провод высокого напряжения: чем ближе к проводу, тем сильнее пахнет тесто, чем дальше — тем слабее. Мы можем хоть сейчас войти в луч-проводник, но «ТМ» вобрала бы такое огромное количество электронов, что мы мгновенно с головой завязли бы в тесте. Надо объявить команде аврал, призвать на помощь десяток пассажиров и выбросить все тесто, оставив лишь небольшой кусок, достаточный для того, чтобы долететь до станции!

Так «ТМ» неожиданно нашла себе еще одно применение: как индикатор направления и мощности электронного потока. Используя это свойство «ТМ», наши изобретатели впоследствии построили новые регистрационные аппараты, вплоть до таких, которые определяли интенсивность потока космических лучей...

Ну, вот, собственно, и все. Происшествие на этом и кончилось. Тесто общими усилиями было выброшено, электроплан «стал на рельсы», и дальнейший путь до острова Врангеля прошел вполне благополучно.

Да, совсем забыл: вы ведь ждете еще рассказа о рогатом

мамонте... Ну, знаете ли, я и сам не ожидал, какой из этого дела получится конфуз.

Мой приятель, охотник-эскимос Яша, таскал меня по тундре часа четыре, чтобы незаметно подвести почти к тому же самому месту, откуда мы вышли. Где-то на задворках складских помещений он разрыл кучу мха и показал мне... что бы вы думали? Череп коровы! Да-с, самой настоящей коровы черкасской породы. Можете себе представить, как я посмотрел на него, как рявкнул затем на Яшу?

А он сделал невинное лицо и заявил искренним тоном:

— Так это корова? Самая обыкновенная корова? Домашнее животное? Простите, дорогой Иван Иванович. Ошибся. Ведь я никогда не видел живых коров. Я родился и вырос на этом острове, а здесь не водится домашнего скота.

— Да вам ежегодно доставляют на остров сотни мороженых коровьих туш! — вопил я.

— Без голов, Иван Иванович, без голов! — невозмутимо ответил он. — А я ведь не Кювье, который мог по одной косточке... — И осекся. Понял, что сболтнул лишнее.

Ну, стоило ли разговаривать с таким молодчиком? Человек, знакомый с трудами Кювье, не знаком с коровой? Молодой человек, окончивший среднюю школу? Студент? И это в наше время, время кинофицированных школ, телевидения? Совершенно невероятно!.. И на материке он был. И в Крым и на Дон летал. Да кто же в наше время к двадцати годам не облетал весь СССР?

Я уже хотел объявить, что больше не знаком с таким лгунишкой и обманщиком, как вдруг откуда-то, как из-под земли, вынырнул Миша Шугалеев, руководитель геолого-разведывательных работ на острове Врангеля, мой бывший ученик, и один из самых любимых.

— Простите, — говорит, — простите, дорогой Иван Иванович, нас великодушно. Виноваты. Обманули вас. Однако признайтесь, что без этого рогатого мамонта мне не удалось бы затащить вас сюда. Мы так хотели вас видеть, а ваше участие в слете, как всегда, принесло нам так много пользы. Череп этот я в местный краеведческий музей помещу, с подписью по-латыни, как полагается:

«Мамонт рогатый И.И. Глаголева».

И я засмеялся. Ну, что мне еще оставалось делать?

АНАТОМИЧЕСКИЙ ЖЕНИХ

С Джоном Сиддонсом случилось большое несчастье: он влюбился в Мери Дельтон.

У Мери были такие глаза, волосы, нос, руки, ноги, фигура, какие могли быть только у нее и ни у кого больше. Достаточное основание, чтобы влюбиться без ума.

Вот как это произошло.

Джон был в парикмахерской. Угрюмый парикмахер, переставив щелкать ножницами и сопеть в темя, снял с Джона простыню.

Сиддонс направился к выходу. И тут на его пути возникло белое видение, и скоро, в состоянии невменяемости влюбленных, он сделал ей предложение, которое было принято благосклонно.

Джон стал женихом и несчастнейшим человеком в мире.

Любовь поссорила сердце Джона с его рассудком. Нетерпеливое сердце требовало, чтобы брак был заключен немедленно. Холодный рассудок не одобрял этого: семья, говорил рассудок, коммерческое предприятие, которое имеет одну только расходную часть и всегда пассивное сальдо. Мери едва сводит концы с концами. Сам Сиддонс служит счетоводом в фирме «Кин и К°» — пуговицы «Идеал». Его заработка едва хватает на скромную жизнь. Свадьбу можно справить самую скромную. Но ведь надо же обзавестись хоть маленькой семейной квартиркой, купить в рассрочку мебель, посуду, белье... А дети? Если пойдут дети, Мери, наверно, потеряет место, расходы же увеличатся.

Выходило так, что счастье Сиддонсу не по карману. Чтобы владеть Мери, надо во что бы то ни стало увеличить свой заработок. Но как?.. Эти мысли не покидали Джона и на работе.

Сиддонс занимался в большой узкой комнате с тремя десятками других служащих. Столы были поставлены так, что главный бухгалтер, сидевший в конце комнаты за стеклянной перегородкой, мог видеть всех, и горе было тому, кто прекращал работу хоть на минуту.

В канцелярии стоял невероятный шум: скрежетали арифмометры, трещали контометры и пишущие машинки. Было непонятно, как люди могли заниматься в таком звуковом

кошмаре. К концу долгого рабочего дня Джон совершенно обалдевал. Нечего было и думать о сверхурочном заработке или какой-нибудь работе на дому: треск и скрежет стояли у него в голове до утра. Переменить профессию? Невозможно. Положение казалось безвыходным.

По вечерам слипающимися от усталости глазами он просматривал газетные объявления и находил только бесконечные предложения труда. Но бывают же случаи, когда кинопредприятие приглашает желающих за приличное вознаграждение броситься в Ниагарский водопад или прыгнуть с поезда на ходу! Джон был готов и на это.

Однако кинотрюкачи, очевидно, находились и без объявлений. Джон уже терял надежду на счастливый случай, но продолжал читать газеты и однажды нашел несколько загадочное объявление:

Требуется здоровый молодой человек для научного опыта.

Профессор Аббингтон.
2-е авеню. 36/127. От 21 до 23 ч.

У Джона сразу пропала сонная одурь. Он посмотрел на часы и, наскоро одевшись, побежал к ближайшей станции подземки.

Профессор Аббингтон критически осмотрел Джона и кратко сообщил свои условия. В вознаграждение за риск обещал значительную сумму. Джон должен дать расписку о добровольном согласии подвергнуть себя опыту и о неимении никаких претензий в дальнейшем.

— Не можете ли вы мне сказать, как велик риск и в чем он состоит? — спросил Джон.

— Опыт для того и производится, чтобы ответить на этот вопрос, — возразил ученый. — Могу только сказать, что эксперименты над животными прошли удачно. Кролики и морские свинки остались живы и здоровы. Но нельзя предусмотреть всех побочных явлений, которые может произвести опыт в человеческом организме.

— А в чем состоит опыт?

— Едва ли вы поймете мои объяснения.

— Но должен же я, по крайней мере, знать, будете ли вы меня жечь огнем, натирать мазями или пичкать порошками!

— Для поднятия производительности физического и умственного труда, для борьбы с болезнями, старостью, дегенерацией, для борьбы с вечным гнетом усталости, влекущей за собой потребность сна, а следовательно, и для уничтожения самой потребности сна, для расцвета всех жизненных функций я разрабатываю режимы и дозировки потенционирования — укрепления организма радиометаллами. Зарядка организма радиоэлементами превращает его как бы в мощный генератор лучистой энергии.

— И я смогу гораздо больше работать без утомления и сна? — с интересом спросил Джон.

— Надеюсь, что так. Но мне необходимо уточнить метод, установить дозировку, сделать потенционирование организма совершенно безопасной процедурой.

— Что же со мной может случиться в худшем случае?

— Жизни опыт не угрожает, остальное неизвестно мне самому.

Джон задумался. Рискнуть или не рискнуть?

Из передней послышался звонок. Джон вздрогнул и произнес:

— Согласен!

Аббингтон молча кивнул головой и провел Джона в кабинет. Весь опыт отнял всего несколько минут. Ученый осмотрел Джона и предложил ему взять в руки электроды, обернутые мокрыми салфетками. Зажужжал аппарат, по телу Джона прошли мурашки легкого электрического тока.

— Вот и все, — сказал Аббингтон и выключил ток. — Приходите ко мне через три дня, я должен проверить результаты. Подпишитесь под договором и получите деньги.

Когда Джон уходил, в передней уже толпился народ.

«Опоздали!» — подумал Джон и выбежал на улицу.

* * *

Сиддонс чувствовал необычайную легкость во всем теле и ясность мыслей. От усталости не осталось и следа. Даже утром он никогда не приходил на работу таким свежим. И ни

малейшей сонливости! Великолепно! Если так пойдет дальше, он сможет поступить на ночную работу. Днем — у Кина, ночью — в другом месте. Теперь Мери скоро будет его женой... Но только когда же наслаждаться семейным счастьем, если работать круглые сутки? Джон вздохнул. Ничего, останутся воскресенья. Тем с большим нетерпением он будет ждать их.

Вернувшись в свою комнату, Джон быстро разделся, погасил свет и лег в кровать. Но ему не спалось. В полной темноте он мечтал о том, как завтра вечером встретится с Мери и обрадует ее неожиданной удачей. Теперь они могут пожениться! В первый воскресный день они пойдут подыскивать квартиру и покупать мебель. Джон даже не пересчитал денег, полученных от Аббингтона. Профессор не обманет, а все-таки...

И ему захотелось еще раз убедиться в своем неожиданном обогащении, подержать в руках, пересчитать хрустящие новенькие банковые билеты.

Вскочил с кровати и впотьмах начал искать пиджак, в кармане которого лежали деньги.

Ему показалось, что слева от него мелькнул неясный свет, словно бледно-зеленое облачко.

Джон всмотрелся и вскрикнул от удивления. Перед ним на туалетном столике стояло овальное зеркало, а в нем слабо светящееся отражение его самого.

Не веря своим глазам, он протянул руку и увидел, что рука светится, как светлячок. Светились руки, голова, грудь — все тело. И этот свет усиливался по мере того, как глаза привыкали к темноте.

Джон снова посмотрел в зеркало, и от того, что он увидел, волосы зашевелились на голове. Сквозь ночную рубашку проникал фосфорический свет тела, которое стало как бы прозрачным. Отчетливо вырисовывались ребра, позвонки, было видно, как бьется сердце, сокращается желудок, расширяются и сжимаются легкие. Почки, селезенка, кровеносные сосуды просвечивали лучше, чем на экране рентгена. Он видел, как колотилось его взволнованное сердце.

— Что же это такое? — просипел перепуганный Джон. Зажег электрическую лампу. При ее свете фосфорическое мерцание тела исчезло и внутренние органы не просвечивали,

но, всмотревшись попристальней, он заметил отчетливые контуры.

Трясущимися руками Джон надел пиджак, пальто, набросил на себя одеяло. Напрасно. Свет проникал через все преграды, вырисовывая скелет, сердце, легкие.

— Как же мне теперь жить?..

Джон опустился на стул возле зеркала. Ему хотелось плакать. Потом его охватила злоба на Аббингтона. Пойти сейчас же и избить его, вытряхнуть из него душу, если он не вернет телу прежнего вида! Но разве Джон не выдал расписку в том, что не будет предъявлять к Аббингтону никаких претензий? Не за риск ли платил ему деньги Аббингтон? И как пойти, да еще ночью, когда тело светится, словно фонарь?

— Несчастный я, несчастный! — бормотал Джон. — Лучше бы ногу сломать, прыгая с автомобиля!

Джон ходил по комнате, то гасил, то зажигал свет, смотрелся в зеркало. Пробовал подкладывать под рубашку газеты, клеенку со стола, закрывался, как щитом, тазом, подносом — светится! Проклятие! Что скажет Мери, когда увидит его? А он только хотел обрадовать ее! Ужасно, ужасно...

Занялась заря. Наступал день. Надо было собираться на работу. Джон умылся, причесал перед зеркалом волосы — брр! Приготовил завтрак. Доедая бутерброд, не мог удержаться, чтобы не заглянуть в зеркало. Он сам себе казался противным, как живой мертвец.

На работу, однако, идти надо. Надел теплое пальто, хотя было лето, надвинул шляпу на лоб и вышел.

Джон готов был ко всему — и все же не мог себе представить, что в своем новом виде вызовет такую сенсацию.

Уже в вестибюле дома его увидела жена портье, истерически взвизгнула и убежала в свою каморку под лестницей, с шумом захлопнув за собою дверь.

На улице вокруг Джона тотчас образовалась толпа.

— Привидение! Скелет в шубе! Живой труп! Стеклянный человек! — слышались голоса.

Мальчишки смеялись, свистели, более храбрые дергали за полы. Сбегались полисмены, привлеченные уличным беспорядком. И Джон сам бросился бежать, спеша скрыться в подземке.

Там было темнее, чем на улице, и он имел еще более эффектный вид. Кондукторша застучала зубами; публика взволновалась; с женщинами начались истерики; пассажиры кричали и требовали «высадить это безобразие». Джон чувствовал себя отверженным, прокаженным.

Истерзанный и совершенно упавший духом, кое-как добрался он до конторы, насмерть напугал старика швейцара, который, приняв пальто, так и сел на пол, и вошел в бухгалтерию.

Он пробирался к своему столу и словно гасил на пути все звуки. Умолкло стрекотание машинок, перестали скрежетать арифмометры. Наступила необычайная тишина. Только одна машинистка, сидевшая рядом со столом Джона, продолжала трещать клавишами, с головой уйдя в работу. Но необычайная тишина дошла и до ее сознания. Она подняла голову, взглянула на Джона, завизжала, как сирена, хроматической гаммой в две октавы и упала в глубокий обморок.

В конторе вновь стало шумно, но это уже был шум бури, катастрофы, стихийного бедствия. Все служащие повскакали со своих мест, кричали, размахивали руками. Женщины убежали, мужчины несмело обступили Джона.

— Мистер Сиддонс, — послышался громовой голос бухгалтера.

Джон с таким чувством, будто он был раздет донага, прошел за стеклянную перегородку.

Бухгалтер долго и внимательно рассматривал легкие и сердце Джона, потом сказал:

— Извольте объяснить, что значит этот... этот... я не подберу слова... этот необычайный маскарад?

— Простите, мистер... это не маскарад, а скорее несчастный случай, — лепетал Джон. — Последствия одного неудачного опыта... лечения...

Роковое слово было произнесено.

— Лечился? — воскликнул бухгалтер. — Значит, вы больны? И притом такой... неприличной болезнью? Зачем же вы пришли? Здесь не клиника и не анатомический музей.

— Но, уверяю вас, я здоров... я совершенно здоров... Я хотел только сказать, что опыт производился для того, чтобы лечить больных...

— Разве здоровые люди просвечивают, как графин, и бесстыдно выставляют напоказ свои селезенки? Вы сами видите, что работать в вашем присутствии немыслимо. Извольте идти к кассиру и получить расчет. Вы больше не служите у нас, мистер Сиддонс.

— Но, может быть, за ширмой... — начал Джон и махнул безнадежно рукой. От этих проклятых лучей не защитит никакая ширма.

Опустив голову, поплелся он к кассиру, который завыл, увидев скелет в светящемся теле, долго не мог прийти в себя и, наконец, трясущимися руками отсчитал деньги.

С торговым домом было покончено. И со всем на свете покончено. Другой работы ему не найти, о Мери нечего и думать...

Джон собирался побить Аббингтона, но свалившееся несчастье так подавило его, что даже злость испарилась, осталось только чувство безнадежного уныния. И когда Сиддонс явился к ученому, то мог лишь с горестью воскликнуть:

— Что вы со мной сделали, мистер Аббингтон?

Профессор внимательно осмотрел Джона и пришел в восторг.

— Прекрасно! Великолепно! — восхищался он, поворачивая Джона. — Дышите. Не дышите. Изумительно! Этого я не ожидал.

— Если бы я этого ожидал, то отказался бы и от миллиона, — возразил Джон.

— Ваши легкие в совершенном порядке, — продолжал в восторге Аббингтон, не слушая Джона. — Ни малейших затемнений. И сердце не увеличено. Почки на месте. Вы совершенно здоровый человек, мистер...

— Здоровый! — вздохнул Сиддонс. — Что мне в этаком здоровье? Я предпочел бы полное затемнение, чем такое просвечивание. Я лишился работы и не могу показаться на улицу.

— Зато какое удобство для врачей — и для вас самого! Если вы заболеете, то даже самый неопытный врач поставит безошибочный диагноз.

— Очень мне поможет ваш диагноз! — рассердился Джон. — Вместо того чтобы смотреть, на месте ли у меня печень, вы бы поглядели на желудок!

— Да? Посмотрим. Совершенно нормальный. Никаких намеков на язвы...

— И никаких намеков на пищу!

— Действительно. Желудок совершенно пустой. Ну, эта беда поправима. С голоду не умрете, не беспокойтесь. Вы представляете теперь для науки исключительный интерес. Я устрою вам место при медицинском институте. Вы будете показывать себя ученым и студентам. Только и вся работа. Плата небольшая, но, пожалуй, столько, сколько вы получали счетоводом, вы получите. Все в порядке? А как вы себя чувствуете?

— Отвратительно!

— Я говорю не о вашем настроении. Чувствуете ли вы усталость? Спите ли?

— Усталости не чувствую ни малейшей. Мог бы работать за троих, но кто возьмет меня?

— Я уже говорил, что у вас будет служба. А сон?

— Совершенно не сплю. Но, думаю, на моем месте и вы не спали бы.

— Отлично! Сон побежден! Это великолепное открытие! С вашим свечением вышел маленький недосмотр. Но ведь это только опыт. Вы видите, я забочусь о вас больше, чем обещал. К своему необычайному виду вы привыкнете, безработица вам не грозит. Чего же еще вам надо? Поверьте, многие и многие еще позавидовали бы вашему положению.

— Чего мне еще надо? Мистер Аббингтон! — воскликнул Джон. — Неужели вы не понимаете? Ведь я живой человек, молодой, здоровый. И... не одним хлебом жив человек...

— Кажется, я начинаю догадываться.

— Догадаться не трудно. Я люблю девушку. Она моя невеста.

— Это действительно некоторое осложнение, — улыбнулся Аббингтон. — Но если невеста вас любит, она не откажется от вас. Разве не у каждого из нас есть сердце, легкие, почки? Вы ей так и скажите. А привыкнуть можно ко всему.

— Привыкнуть! Я сам не могу к себе привыкнуть.

— Она видела вас? — спросил Аббингтон.

— Нет. Я не решился. Написал письмо, что уехал по делам. Мистер Аббингтон, верните мне прежний вид! Умоляю вас!

— Этого я сделать не могу. Вы останетесь прозрачным, пока радиоактивный элемент, введенный в ваше тело, не распадется.

— Сколько же мне ждать этого распада?

— Продолжительность жизни радия две тысячи двести восемьдесят лет...

У Джона подкосились колени.

— Тысячи! — воскликнул он.

— Да, но, к вашему утешению, могу сказать, что мною введены в ваш организм искусственные радиометаллы. А они живут от долей секунды до десяти лет. В частности, радиокобальт...

— Мистер Аббингтон! Но неужели же нет никакого средства скрыть от людей свечение моего тела?

— Только свинцовые экраны.

— Тогда, может быть, свинцовый плащ...

— Свинцовые штаны, свинцовый капюшон? Едва ли такой костюм был бы для вас удобен. Да и зачем? Не горюйте же, мистер Сиддонс. Я вас устрою в институте, это дело решенное. Мы оградим вас от праздного любопытства. Там вы будете и жить. Приходите ко мне завтра утром.

Вернувшись к себе, Джон застал возле двери толстенького коротенького человека, солидного и вместе с тем юркого.

— Мистер Сиддонс?

— К вашим услугам.

— Вы не знаете меня, я никогда не видел вас, но нельзя ошибиться в том, что вы мистер Сиддонс. Я к вам по делу, если позволите...

— Пожалуйста. — Джон открыл дверь комнаты и впустил посетителя.

— Моя фамилия Наайт. Джером Наайт. Разрешите с вами познакомиться поближе. — И Наайт начал бесцеремонно разглядывать Джона, обходя со всех сторон и приговаривая: — Эффектно! Сенсационно! Оригинальнее, чем я ожидал. Это, наверно, сердце? Ишь, как екает! Я не знал, что оно такое большое. И совсем не похоже на те сердца, которые изображают с пронзенной стрелой или на картах червонной масти. А это что? Печенка или селезенка? А где же почки? — Он так увлекся, что стал вертеть Джона. — Доктора говорят, что у

меня почки не в порядке. Интересно посмотреть, как они выглядят. А почему у вас мозги такие сморщенные? У телячьих мозгов...

— Что вам угодно? — спросил Джон, теряя терпение.

Мистер Наайт предложил Джону сигару, закурил сам и объяснил цель своего визита.

О мистере Сиддонсе уже говорит весь город, пишут газеты. Тысячи людей жаждут видеть феноменального прозрачного человека. И мистер Наайт, по своей доброте, решил взять на себя труд удовлетворить это желание публики, если на то будет согласие мистера Сиддонса. Расходы по организации публичных сеансов велики, и поэтому Наайт не может предложить мистеру Сиддонсу крупную сумму за выступления, но надеется, что о размере вознаграждения они сговорятся.

Джон отказался наотрез. Этого еще не хватало! Его будут выставлять напоказ, как крокодила или сиамских близнецов!

Наайт полагал, что Сиддонс просто хочет набить цену, и стал быстро прибавлять. Джон не соглашался. Наайт все прибавлял, и Джон начал колебаться. Он вспомнил о Мери. Аббингтон подал надежду, что прозрачность тела сможет исчезнуть. Он перестанет быть живым анатомическим объектом и сможет жениться на Мери. Неплохо заработать на первое обзаведение. Днем — в институте, вечером — у Наайта. Спать ему не надо, усталости он никогда не чувствует. Почему бы и не согласиться?

Теперь уже Джон умышленно набивал цену и, когда убедился, что больше из Наайта не выжать, дал свое согласие.

* * *

Для Джона началась новая жизнь. Он был почти доволен ею. Хорошо зарабатывал без всякого труда, физически чувствовал себя отлично. Ему даже начала нравиться роль феномена, возбуждающего сенсацию. Одно беспокоило Джона — его отношения с Мери. Под всякими предлогами он откладывал свидание с нею, писал ей письма, говорил по телефону. Мери отвечала. В ее письмах звучали упреки и жалобы. Почему он избегает ее? Не разлюбил ли? Из газет она уже зна-

ет, что с ним произошло. Но ее любовь неизменна, и он напрасно скрывается, если дело только в этом. «Гора не идет к Магомету, а Магомет придет к горе», — закончила она свое последнее письмо.

Джон содрогался, представляя себе встречу с невестой. И эта роковая встреча произошла скорее, чем он ожидал.

Когда вечером «Стеклянный человек» — мировое чудо — мистер Сиддонс выступил перед публикой при погашенных огнях, испуская фосфорический свет и просвечивая всеми внутренними органами, в зале послышался истерический женский крик. На сеансах это случалось нередко. Но Джон вздрогнул: голос показался ему знакомым.

— Женщина в обмороке! Зажгите свет! — прозвучал чей-то голос.

Вспыхнули лампы. Джон заглянул в зрительный зал и вскрикнул. Это была она, его Мери! Джон приказал перенести девушку в свою уборную и вместе с врачом начал приводить ее в чувство.

Мери открыла глаза, посмотрела с ужасом на Джона и закричала:

— Уйди! Уйди! Это ужасно! Я не могу тебя видеть!

— Мери, дорогая, успокойся! Неужели я так страшен? Ведь у каждого человека есть скелет, и сердце, и селезенка, — вспомнил он слова Аббингтона. — Только у других не видно, а у меня видно. Ты же сама писала, что твоя любовь так велика...

— Да, но я не ожидала... я не могла вообразить... Нет, нет! Не прикасайся ко мне! Я не могу, не хочу быть твоею женой. Оставь! Ай! — И она вдруг вырвалась из рук Джона и убежала. Сиддонс погнался за нею, но споткнулся. Мистер Наайт схватил его за руку и крикнул в ухо:

— Опомнитесь! Публика волнуется, требует деньги назад. Извольте продолжать сеанс!

И он вывел Джона на сцену. Свет был вновь погашен.

Тело Джона засветилось — и вдруг померкло.

Послышались негодующие крики публики. А Джон стоял растерянный среди темной сцены, еще не понимая, что с ним случилось. Недолговечный искусственный радиоэлемент распался. Джон вдруг почувствовал необычайную усталость и

сонливость. Его пришлось отвести в уборную, где он повалился на кушетку и захрапел.

Проснулся он уже в своей комнате. Посмотрел на руки. Кости не просвечивали. Взглянул в зеркало. Ни ребер, ни сердца не было видно. Его тело имело обычный вид.

Побежал в коридор, где был телефон, вызвал Мери. Задыхаясь от волнения, сообщил ей о происшедшей перемене.

— Нет, нет и нет! — послышался в телефоне голос Мери. — Я не в силах забыть вида вашего сердца!

— Тогда поищите себе жениха совсем без сердца! — раздраженно крикнул Джон и повесил трубку.

КОММЕНТАРИИ

Содержание раздела составили научно-фантастические рассказы А.Р. Беляева. Некоторые из них хорошо известны читателю, но многие печатаются впервые с момента их первой публикации в 1920—1930-х гг.

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ

Первое научно-фантастическое произведение А.Р. Беляева. Впервые рассказ был опубликован в газете «Гудок» в 1924 году, а в 1925 году перепечатан в журнале «Всемирный следопыт» и в «Рабочей газете». В 1937 году писатель переработал рассказ в одноименный роман, изменив не только имена некоторых героев, но и сюжетную линию. Нынешняя публикация рассказа — первая с 1925 года.

БЕЛЫЙ ДИКАРЬ

Впервые рассказ был напечатан в седьмом номере за 1926 год журнала «Всемирный следопыт». В послевоенные годы регулярно включался в сборники и собрания сочинений писателя.

ИДЕОФОН

Первая публикация этого малоизвестного рассказа состоялась в журнале «Всемирный следопыт» (1926, № 6) за подписью А. Ром (один из псевдонимов А.Р. Беляева). «Идеофон» — не первый опыт писателя в детективном жанре, чуть

ранее он уже опубликовал чисто детективные истории, основанные на реальных событиях, — «В киргизских степях» и «Страх». Однако «Идеофон», выстроенный по законам психологического «полицейского романа», впустил детектив в советскую научную фантастику, положив начало целому субжанру в нашей литературе — «фантастическому детективу». После 1926 года замечательный рассказ всего лишь единожды был перепечатан — в сборнике пермского книжного издательства «Вечный хлеб» (1990).

НИ ЖИЗНЬ, НИ СМЕРТЬ

Рассказ впервые опубликован в журнале «Всемирный следопыт», 1926 — №№ 5 и 6.

Впоследствии неоднократно переиздавался.

ОХОТА НА БОЛЬШУЮ МЕДВЕДИЦУ

Впервые опубликован в московском журнале «Вокруг света», 1927 — № 4. На долгие годы этот замечательный образец юмористической НФ был забыт. Лишь в 1966 году он был перепечатан в альманахе «Искатель» (№ 6) и снова оказался забыт. Новое возвращение рассказа к читателю произошло уже 1987 году — в сборнике «Звезда Кэц» пермского книжного издательства, в 1991 году перепечатан в хабаровском журнале «Мир чудес» (№ 5), с тех пор не переиздавался.

МЕРТВАЯ ГОЛОВА

Первая публикация — в пяти номерах с продолжением московского журнала «Вокруг света» за 1928 год (№№ 17—22).

СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ!!!

Впервые — в журнале «Всемирный следопыт», 1928 — № 4. Впоследствии неоднократно переиздавался. В начале 1980-х рассказ был экранизирован — короткометражный телефильм из телецикла «Этот фантастический мир».

ДЕРЖИ НА ЗАПАД!

Первая публикация — в журнале «Знание — сила», 1929 — № 11.

ИНСТИНКТ ПРЕДКОВ

Впервые — в журнале «На суше и на море», 1929 — №№ 1 и 2.

МЕРТВАЯ ЗОНА

Малоизвестный фантастико-приключенческий рассказ А.Р. Беляева впервые был напечатан в ленинградском журнале «Вокруг света», 1929 — № 12. С тех пор никогда не переиздавался. Нынешняя публикация — первая с 1929 года.

В ТРУБЕ

Первая публикация — в ленинградском журнале «Вокруг света», 1929 — № 33. Впервые был переиздан лишь в 1984 году в журнале «Уральский следопыт» (№ 3). С тех пор не переиздавался.

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ РАКОМ?

Рассказ впервые был опубликован под псевдонимом А. Ром и с подзаголовком «Биологический рассказ-фантазия» в московским журнале «Вокруг света» (1929 — № 19). Первое книжное издание — в 8-томном собрании сочинений А. Беляева издательства «Молодая гвардия» (1963 — 1964).

ОТВОРОТНОЕ СРЕДСТВО

Практически неизвестный фантастико-юмористический рассказ был единожды опубликован — в ленинградском журнале «Вокруг света», 1929 — № 27. С тех пор никогда не переиздавался.

СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ

Впервые рассказ напечатан в №№ 1—7 ленинградского «Вокруг света» за 1929 год. Неоднократно переиздавался.

НЕТЛЕННЫЙ МИР

Малоизвестный рассказ А.Р. Беляева впервые напечатан в журнале «Знание — сила», 1930 — № 2. Первая и единственная до настоящего момента книжная публикация — в сборнике «Замок ведьм» (Пермь, 1992).

ВЦВИД

Еще один малоизвестный рассказ писателя. Впервые опубликован был в шестом и седьмом номерах журнала «Знание — сила» за 1930 год. Единственное переиздание — в сборнике «Замок ведьм» (Пермь, 1992).

ЗЕЛЕНАЯ СИМФОНИЯ

Александр Беляев одним из первых ввел в отечественную литературу жанр беллетризованного научно-фантастического очерка, получившего большое распространение в 1950—1960-х годах. Очерки-фантазии о Зеленом Городе (авторский подзаголовок) «Зеленая симфония» единственный раз были опубликованы (под псевдонимом А. Ром) в №№ 22 — 24 московского «Вокруг света» за 1930 год. С тех пор никогда не переиздавались.

ГОРОД ПОБЕДИТЕЛЯ

Еще одно неизвестное произведение фантаста, созданное на стыке художественной фантастики и очеркистики — «Город победителя», — впервые было напечатано в четвертом номере журнала «Всемирный следопыт» за 1930 год. Нынешняя публикация — первая с 1930 года.

ЗАОЧНЫЙ ИНЖЕНЕР

Малоизвестный рассказ А. Беляева. Публиковался всего лишь дважды — в журнале «Революция и природа» (1931 — № 2) и затем перепечатан в третьем номере журнала «Уральский следопыт» за 1984 год. В книге публикуется впервые.

ШТОРМ

Впервые этот малоизвестный рассказ был напечатан в журнале «Революция и природа», 1931 — №№ 4—5. Переиздавался лишь единожды — в сборнике «Замок ведьм» (Пермь, 1992).

НА ВОЗДУШНЫХ СТОЛБАХ

Единственная публикация рассказа — в журнале «Борьба миров», 1931 — № 1. В книге печатается впервые.

ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ

Впервые — в журнале «Знание — сила», 1931 — № 2. С тех пор никогда не переиздавался.

СИЛЬНЕЕ ВОГА

Впервые рассказ был опубликован в журнале «Природа и люди» (1931 — № 10) под псевдонимом Арбель. Никогда больше не переиздавался.

ЧЕРТОВО ВОЛОТО

Рассказ был опубликован единожды — в журнале «Знание — сила», 1931 — № 15.

РЕКОРДНЫЙ ПОЛЕТ

Единственная публикация этого полуфантастического памфлета состоялась в 10-м номере детского журнала «Еж» за 1933 год.

ВСТРЕЧА НОВОГО, 1954 ГОДА

Неизвестный рассказ-фантазия А.Р. Беляева был опубликован только один раз — в журнале «Еж», 1933 — № 12.

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Фантастические новеллы-загадки под общим названием «Необычайные происшествия» публиковались с продолжением в трех номерах детского журнала «Еж» (1933 — №№ 9 — 11) и никогда больше не переиздавались.

ПРОПАВШИЙ ОСТРОВ

Впервые рассказ напечатан в 12-м номере журнала «Юный пролетарий» за 1935 год. После этого публиковался еще трижды в периодике — в «Книжном обозрении» (1987 — № 2), «Твоя профессия» (1990 — № 3) и «Мир чудес» (1991 — № 5). В книжном издании печатается впервые.

СЛЕПОЙ ПОЛЕТ

Первая публикация рассказа состоялась в журнале «Уральский следопыт», 1935 — № 1. С тех пор часто включался в сборники и собрания сочинений писателя.

МИСТЕР СМЕХ

Впервые был напечатан в журнале «Вокруг света», 1937 — № 5. Первое книжное издание — в сборнике ранней советской НФ «Невидимый свет» (М.: Молодая гвардия, 1959).

НЕВИДИМЫЙ СВЕТ

Первая публикация — в январском номере журнала «Вокруг света» за 1938 год. В том же году рассказ был перепечатан журналом «Огонек» (№ 13). В книге впервые был напечатан в 1959 году в сборнике «Невидимый свет».

РОГАТЫЙ МАМОНТ

Практически неизвестный рассказ писателя, блестящий пример юмористической НФ, был опубликован всего один раз — в третьем номере журнала «Вокруг света» за 1938 год.

АНАТОМИЧЕСКИЙ ЖЕНИХ

Последний рассказ великого фантаста почти одновременно был опубликован в 1940 году в газетах «Ленинград» (№ 6) и «Большевистское слово» (г. Пушкин, 12 февраля). После смерти писателя рассказ лишь дважды был переиздан — в альманахе «Искатель» (1961 — № 1) и в сборнике «Избранное» (Свердловск, 1984).

Евгений ХАРИТОНОВ

СОДЕРЖАНИЕ

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ 5
БЕЛЫЙ ДИКАРЬ 39
ИДЕОФОН 68
НИ ЖИЗНЬ, НИ СМЕРТЬ 76
ОХОТА НА БОЛЬШУЮ МЕДВЕДИЦУ 112
МЕРТВАЯ ГОЛОВА 115
СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ!!!. 165
ДЕРЖИ НА ЗАПАД! 184
ИНСТИНКТ ПРЕДКОВ 195
МЕРТВАЯ ЗОНА 210
В ТРУБЕ 223
ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ РАКОМ? 231
ОТВОРОТНОЕ СРЕДСТВО 235
СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ 245
НЕТЛЕННЫЙ МИР 305
ВЦБИД. 315
ЗЕЛЕНАЯ СИМФОНИЯ. 338
ГОРОД ПОБЕДИТЕЛЯ 353
ЗАОЧНЫЙ ИНЖЕНЕР 378
ШТОРМ 389
НА ВОЗДУШНЫХ СТОЛБАХ. 404
ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ 417
СИЛЬНЕЕ БОГА 428
ЧЕРТОВО БОЛОТО 444

РЕКОРДНЫЙ ПОЛЕТ 458
ВСТРЕЧА НОВОГО, 1954 ГОДА 465
НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ. 470
ПРОПАВШИЙ ОСТРОВ 475
СЛЕПОЙ ПОЛЕТ. 494
МИСТЕР СМЕХ 506
НЕВИДИМЫЙ СВЕТ 528
РОГАТЫЙ МАМОНТ 543
АНАТОМИЧЕСКИЙ ЖЕНИХ 554
Е. Харитонов. КОММЕНТАРИИ 566

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Беляев Александр Романович

НЕВИДИМЫЙ СВЕТ

Ответственный редактор *Д. Байкалов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *А. Щербакова*
Корректор *И. Гончарова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 18.03.2010.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 30,24.
Тираж 4000 экз. Заказ №2586

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-41035-4

